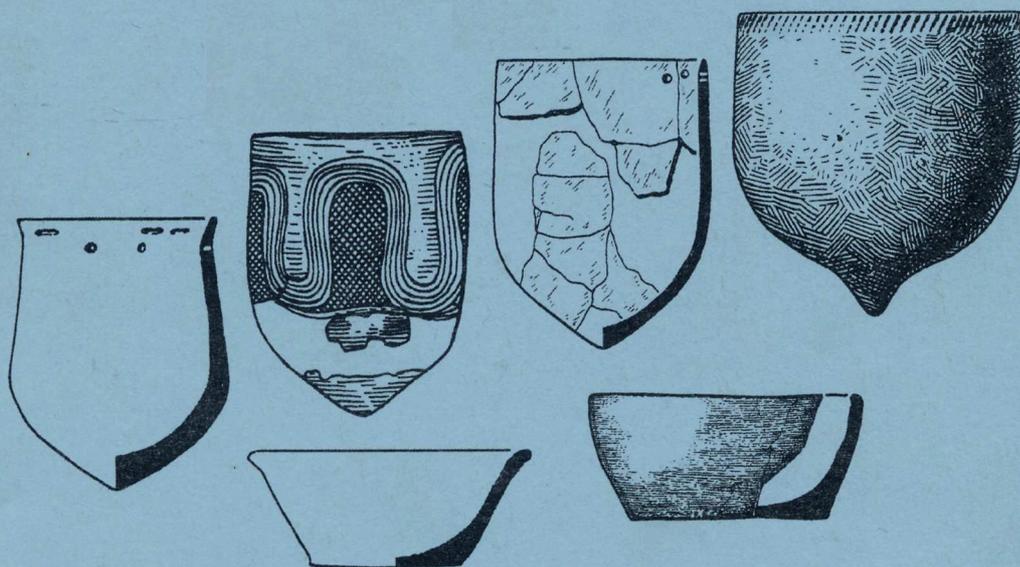

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В НЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ

Санкт-Петербург
2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В НЕОЛИТЕ ЕВРАЗИИ

(хронология неолита, особенности культур и неолитизация
регионов, взаимодействия неолитических культур
в Восточной и Средней Европе)

Санкт-Петербург
2004

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (№ 23).

Ответственные редакторы: В. И. Тимофеев и Г. И. Зайцева.

Утверждено к печати Ученым Советом ИИМК РАН.

Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). — СПб: ИИМК РАН, 2004. — 320 с.

В издании рассматриваются вопросы времени начала неолита и неолитизации в различных регионах — на Кавказе и в Передней Азии, в Восточной Европе и Южной Сибири. Значительная часть статей посвящена разработкам общей хронологии неолита и особенностям неолитических культур в основных регионах Восточной Европы. Рассматриваются также отдельные проблемы хронологии, в частности, датировка рубежа неолит/период раннего металла по материалам Финляндии, роль радиоуглеродного датирования в разработке хронологии западносибирского неолита. Специально рассмотрены вопросы корректности представления радиоуглеродных и калиброванных дат в литературе. Анализируются актуальные проблемы взаимодействий неолитических культур, в том числе некоторых культур неолита Средней Европы с миром лесного неолита Восточной Европы.

Сборник посвящен 95-летию со дня рождения выдающегося исследователя каменного века и периода раннего металла лесной и арктической зон Восточной Европы, д. и. н. Нины Николаевны Гуриной (1909—1990). Работы ее актуальны по сей день. В сборник включены также статьи, подготовленные их авторами на основе докладов на конференции по хронологии неолита Восточной Европы, посвященной памяти Н. Н. Гуриной.

На обложке: сосуды раннего неолита.

По Х. А. Амирханову, Р. Брейдвуду, Н. Н. Гуриной, Д. Я. Телегину, Е. К. Черныш.

Оригинал-макет: Л. Б. Кирчо.

ISBN 5-201-01230-2 (2)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2004.

Нина Николаевна Гурина

(17.06.1909 — 09.09.1990)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
<i>Г. И. Зайцева (Санкт-Петербург)</i> Корректное представление радиоуглеродных и калиброванных дат в литературе	11
ДАТИРОВКА НАЧАЛА НЕОЛИТА И ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ	
<i>К. Х. Кушнарёва, М. Б. Рысин (Санкт-Петербург)</i> К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии	14
<i>В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева (Санкт-Петербург)</i> К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе.....	38
<i>Е. Л. Костылева (Иваново), Н. Е. Зарецкая (Москва)</i> Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья.....	52
<i>К. Э. Герман (Петрозаводск)</i> Проблемы хронологии начального этапа раннего неолита Северо-Восточной Фенноскандии.....	56
<i>М. В. Иванничева, А. М. Иванничев (Вологда)</i> Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья.....	60
<i>Вл. А. Семенов (Санкт-Петербург)</i> К проблеме неолитизации Минусинской котловины и Тувы (верхнеенисейская неолитическая культура).....	70
<i>Г. М. Левковская, В. И. Тимофеев (Санкт-Петербург)</i> К хронологии и экологии начала земледелия в Восточной Прибалтике (о признаках неолитического земледелия в районе Цедмарских торфяниковых стоянок в Калининградской области).....	88
ХРОНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ	
<i>Д. Я. Телегин (Киев, Украина)</i> О хронологии и периодизации культур неолита и медного века Юго-Запада Восточной Европы. Понятие о нео-энеолитическом времени региона.....	106
<i>М. С. Lillie (Hull, England)</i> Rethinking the Neolithic in the Dnieper rapids region of Ukraine: implications for chronology, material culture and socio-economic developments.....	122
<i>Г. В. Охрименко (Луцк, Украина)</i> Волинская неолитическая культура. Хронология и периодизация.....	131
<i>S. Kukawka (Toruń, Poland)</i> The elements of Sub-Neolithic cultures in the Funnel-Beaker culture in North-Eastern Poland. The cultural and chronological aspect.....	138
<i>М. М. Чернявский (Минск, Беларусь).</i> К проблеме хронологии неолита Беларуси.....	149
<i>Р. К. Римантене (Вильнюс, Литва)</i> Хронология неолита Западной Литвы.....	155
<i>I. A. Loze (Riga, Latvia), A. A. Liiva (Tartu, Estonia)</i> Radiocarbon chronology and environment of the Stone Age multilayered settlement Zvidze in the Lake Lubans wetlands (Latvia).....	163
<i>J. Czebreczuk, M. Szymt (Poznań, Poland)</i> Chronology of Central-European Influences within the Western Part of the Forest Zone during the 3-d Millennium BC.....	168
<i>S. Rzepecki (Łódź, Poland)</i> Chronology of the Middle Neolithic Funnel Beaker culture in Kujavia in Poland in the light of the latest research.....	182

<i>А. Т. Синюк (Воронеж)</i>	
Проблемы хронологии неолита лесостепного Подонья.....	195
<i>Ю. Б. Цетлин (Москва)</i>	
Орнаментальные традиции в гончарстве носителей культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье.....	207
<i>Н. Л. Моргунова (Оренбург)</i>	
К проблеме определения культурной принадлежности и хронологии неолитических памятников Самарского Поволжья и Южного Приуралья.....	214
<i>В. В. Ставицкий (Пенза)</i>	
Хронология Сурско-Мокшанского неолита.....	227
<i>В. В. Никитин (Йошкар-Ола)</i>	
Культура носителей ямочно-гребенчатой посуды Средней Волги в системе Волго-Окского неолита.....	241
<i>Ю. В. Панченко (Киев, Украина)</i>	
К вопросу о хронологии распространения неолитических челноков.....	247
ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СЕВЕРНЫХ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ И МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Н. В. Лобанова (Петрозаводск)</i>	
Хронология и периодизация памятников с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Карелии.....	253
<i>Н. Г. Недомолкина (Вологда)</i>	
Неолитические комплексы поселений Вёкса и Вёкса III бассейна Верхней Сухоны и их хронология.....	265
<i>Л. С. Андрианова (Вологда)</i>	
Неолитические стоянки бассейна реки Кубены	280
<i>Т. М. Гусенцова (Санкт-Петербург)</i>	
Периодизация и хронология неолитических памятников бассейна р. Вятка.....	291
<i>А. В. Волокитин, В. Н. Карманов. (Сыктывкар)</i>	
Проблемы хронологии неолита Европейского Северо-Востока.....	296
<i>Л. Л. Косинская (Екатеринбург)</i>	
Проблемы хронологии Западносибирского неолита (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования).....	301
<i>М. Lavento (Helsinki, Finland)</i>	
Transition from the Neolithic to the Bronze Age. Dating of the Beginning of the Bronze Age and the Early Metal Period in Finland.....	308
Список сокращений.....	320

Предисловие

В публикуемом издании рассмотрен широкий круг проблем, связанных с изучением неолита, его хронологии, периодизации, проявлениям взаимодействия неолитических культур, важным, в частности, для разработки хронологии и синхронизации хронологических схем регионов.

Ряд статей сборника посвящен проблематике хронологии начала неолита и особенностям раннего неолита в различных регионах Евразии.

Проблема неолитизации Кавказского региона К. Х. Кушнаревой и М. Б. Рысиным рассматривается на широком фоне данных по памятникам Передней Азии — нуклеарной для Евразийского континента зоне «неолитической революции», территории, для которой этот термин сохраняет в полной мере свое первоначальное значение. Дан важный обзор основных источников, сформулированы особенности процесса неолитизации в различных частях рассматриваемых регионов. В статье В. И. Тимофеева и Г. И. Зайцевой рассмотрены материалы по проблеме хронологии и датировки начала неолита в основных регионах Восточной Европы. Важные данные, уточняющие продолжительность раннего этапа верхневолжской культуры раннего неолита Волго-Окского междуречья, приведены в статье Е. Л. Костылевой и Н. Е. Зарецкой. Этапы распространения керамического производства на территории Северо-Восточной Фенноскандии прослежены К. Э. Германом. В статье М. В. и А. М. Иванищевых рассматривается хронология раннеолитических комплексов Южного Прионежья типа Тудозеро V, судя по ряду данных, прежде всего стратиграфии эпонимного памятника, предшествующих распространению здесь стоянок культуры сперрингс. Предложена дробная периодизация раннеолитических комплексов рассматриваемой территории, анализируются вопросы их генезиса и связей. В статье Вл. А. Семенова впервые сведены полученные исследованиями автора материалы, выделяемой им верхнеенисейской неолитической культуры, предшествующей распространению на этой территории афанасьевской культуры эпохи энеолита.

Проблемам, связанным с началом земледелия в Восточной Прибалтике и методике его выявления, посвящена статья Г. М. Левковской и В. И. Тимофеева. Приведенные данные свидетельствуют о возможности существования примитивного, пойменного земледелия у носителей цедмарской культуры в Юго-Восточной Прибалтике ранее 5 тыс. л. н., в конце атлантического периода.

Большая группа статей посвящена проблемам хронологии неолита регионов и этнокультурных взаимодействий в неолите Восточной и Средней Европы.

Ряд фундаментальных для изучения неолита — энеолита южных регионов Восточной Европы проблем рассмотрен в статье Д. Я. Телегина, где приведен также обширный список радиоуглеродных дат памятников нео- и энеолитических культур Юга, с учетом калиброванных данных. Подробно анализируя данные по хронологии двух основных, различных по происхождению, общностей культур рассматриваемого диапазона (местных, восточноевропейских и пришлых из регионов Балкан и Центральной Европы), автор аргументирует разделение времени от конца мезолита до начала эпохи бронзы на две эпохи — собственно раннеолитическую и эпоху сосуществования неолитических и раннеэнеолитических культур (нео-энеолитическую), подразделяя последнюю также на три периода. В статье британского антрополога и археолога М. Лилли приведены оригинальные данные проведенных им исследований, в частности, по содержанию стабильных изотопов и различных характеристик коллагена из скелетных остатков могильников Мариупольского типа Днепровских порогов, (в частности, Марьевского, относимого им к мезолитическому времени, и более поздних неолитических). М. Лилли аргументирует положение об отсутствии в признаках, характеризующих состав пищи, употреблявшейся древним населением, существенных различий между мезолитом и неолитом Днепровских порогов. Эти данные показывают, что существенных изменений в экономике при переходе от мезолита к неолиту на данной территории не произошло. В статье М. М. Чернявского проблемы хронологии и данные о датированных по ^{14}C памятниках неолита Беларуси рассмотрены в тесной связи с вопросами взаимодействия с неолитическими общностями смежных регионов. Подобный подход характерен и для статьи Р. К. Римантене, где приведены, в частности, многочисленные даты ^{14}C для эталонных для рассматриваемой территории Западной Литвы группы неолитических поселений в Швянтойи. Во второй половине среднего неолита здесь отмечены признаки появления производящего хозяйства, объясняемые автором контактами с носителями культуры шаровидных амфор. Сформулированы взгляды автора на проблемы генезиса и взаимодействия неолитических культур данной и смежных территорий. В статье И. А. Лозе и А. А. Лийва сведены дополненные и уточненные, по сравнению с опубликованными ранее, данные по хронологии многослойной стоянки Звидзе (Лубанская низменность в Юго-Восточной Латвии), результа-

ты изучения природной обстановки, существовавшей в периоды обитания стоянки. При приведении данных палинологии определен акцент сделан на материалы, указывающие на возможность начала земледелия в развитом неолите, наиболее вероятно, во второй его половине, во время существования поселения с керамикой типа Пиестиня (или типа Звидзе-Пиестиня, как его называют авторы статьи, связывая его с особой Восточно-Балтийской неолитической культурой). Статья Г. В. Охрименко посвящена характеристике наиболее существенных черт выделенной им волинской неолитической культуры, наиболее западной из входящих в днепро-донецкую культурно-историческую общность и сопоставлению ее материалов с материалами соседних культур, прежде всего неманской. В статье С. Ржепецкого представлен опыт периодизации культуры воронковидных кубков классического для Польши Куявского региона. Следует сказать, что, именно здесь исследованы наиболее ранние, по данным ^{14}C , в рамках культуры, материалы типа Сарново. С культурой воронковидных кубков (КВК) связана неолитизация Скандинавии, связи с КВК прослеживаются в неолите Восточной Прибалтики (см. статью С. Кукавки в данном сборнике). Можно отметить, что относимый к среднему неолиту на рассматриваемой автором территории и в смежных регионах, ранний этап этой культуры в Скандинавии относится к раннему неолиту. Публикуемые данные весьма важны и в связи с проблематикой западных связей неолита лесной зоны. В статье Я. Чебречук и М. Шмит рассматриваются материалы, прямо связанные с проблемой распространения элементов производящего хозяйства, т. е. одного из традиционных составляющих процесса неолитизации, в лесной зоне Восточной Европы. Авторы конкретизируют признаки влияний культуры шаровидных амфор (КША) и центральноевропейских групп культуры шнуровой керамики на местные культуры второй половины неолита. Ими систематизированы имеющиеся данные о комплексах КША в лесной зоне Восточной Европы, детально рассмотрены вопросы радиоуглеродной хронологии (с приведением подробного списка дат ^{14}C памятников, имеющих отношение к проблеме). Иной аспект проблемы связей Востока и Средней Европы в неолитическое время анализируется в статье С. Кукавки. Автором убедительно показано наличие элементов, связанных происхождением с неолитом Восточно-Балтийского региона, в комплексах КВК Северо-Восточной Польши. С. Кукавка детально систематизировал имеющиеся данные, элементы лесных культур, особенно отчетливо прослеживаемые в материалах регионального северо-восточного центра КВК, в памятниках Земли Хелминской. В их комплексах устойчиво повторяется наличие, наряду с типичной керамикой КВК, групп сосудов с элементами в орнаментике, профилировке, технологии изготовления, не характерными для КВК, но находящими аналогии к востоку и северо-востоку. С. Кукавка связывает их наличие с «обменом женщинами», т. е. с экзогамными браками. В принципе, «северо-восточные» элементы в орнаментике сосудов данной группы можно рассматривать как подражания орнаментике гребенчато-ямочной и нарвской керамики. С. Кукавка подчеркивает типичность и длительное переживание этих элементов в комплексах КВК Земли Хелминской. Близкие им аналогии С. Кукавка видит в керамических материалах типа Пиестиня Восточной Прибалтики, наиболее представленных на стоянках среднего неолита Восточной Латвии. Среди объяснений предлагается возможное наличие пока неизвестных стоянок с керамикой типа Пиестиня на промежуточной территории. Возможно, на наш взгляд, и иное объяснение. Как керамика типа Пиестиня возникла в результате взаимодействия традиций нарвской культуры раннего неолита и пришлой культуры гребенчато-ямочной керамики, так и в рассматриваемой С. Кукавкой группе керамики элементы северо-восточного происхождения видоизменены в результате взаимодействия с традициями КВК. Речь может идти о варианте проявлений в керамическом материале определенных типологических закономерностей, отражающих сосуществование носителей разных традиций, приводящее к появлению керамики «гибридных» типов. В обоих случаях, среди взаимодействующих выступают компоненты нарвского и гребенчато-ямочного происхождения. Этим можно объяснить определенное сходство керамики типа Пиестиня и группы керамики Северо-Восточной Польши. Статья С. Кукавки является очень важной в плане разработки проблематики связей неолитических культур Средней Европы и лесной зоны Восточной Европы.

В обобщающей статье А. Т. Синюка на основе анализа большого количества материала дан обзор неолита лесостепного Подонья, представлены схемы относительной хронологии и периодизации, построенные, прежде всего, на стратиграфических и типологических данных. Рассматриваются вопросы генезиса, связей, взаимодействия неолитических культур. В связи с проблематикой начала неолита в лесостепи, следует отметить заключение автора о том, что «редко встречаемые на донских стоянках сосуды, находящие аналогии в материалах елшанского типа, по своему размещению в культурных слоях ... не демонстрируют хронологического приоритета» над накольчатой керами-

кой среднедонской раннеолитической культуры. Неолитические материалы другого лесостепного региона рассмотрены в статье Н. Л. Моргуновой. Автором обосновывается, с привлечением дополнительной аргументации по сравнению с уже приведенной ранее, положение о существовании на севере южной части региона лесостепи Волго-Уральского междуречья в эпоху неолита особой культуры (ранее названной автором Волго-Уральской). Материалы рассматриваются на широком фоне неолитических культур смежных регионов. Представлена периодизация этой культуры, включающей, по мнению автора, материалы елшанского типа, в качестве наиболее раннего ее этапа. Рассмотрена проблема генезиса Волго-Уральской культуры, представляющей собой одну из трех (наряду с более южными каиршакско-тентексорской и орловской) неолитических культур региона. Самостоятельные линии развития, в определенной мере соответствующие особенностям природной среды различных частей региона, прослеживаются и в энеолитическое время. В статье В. В. Ставицкого подробно рассмотрены данные по периодизации и хронологии неолитических памятников бассейна рек Суры и Мокши, проведено их сопоставление с неолитическими комплексами смежных регионов, позволившее наметить линии синхронизации. Для керамики наиболее раннего памятника (Имерка 7) наиболее близкие аналогии отмечены в материалах елшанского типа.

Оригинальное исследование Ю. Б. Цетлина посвящено орнаментике ямочно-гребенчатой (ляльковской) керамики Верхнего Поволжья, по материалам эталонных стоянок трех основных географических районов этого региона. Разработанная автором методика позволила установить общую значительную культурную однородность, зафиксировать, на основе конкретных данных, наличие контактов между населением разных районов. В то же время прослежены признаки «смешения» населения с ямочно-гребенчатой керамикой с носителями верхневолжской раннеолитической культуры на позднем этапе ее развития, а также, для Центрального района междуречья, проявление в керамических комплексах и иных традиций, не характерных для Верхнего Поволжья в целом.

В. В. Никитин обобщены данные памятников с ямочно-гребенчатой (гребенчато-ямочной) керамикой Среднего Поволжья. Автор детализирует периодизацию, подробно обосновывая выделение трех периодов в их развитии. Отмечая близость материалов раннего периода с ляльковскими, В. В. Никитин относит рассматриваемые комплексы в целом к балахнинской неолитической культуре. Имеются данные о возможности сосуществования памятников ранних этапов с комплексами с накольчатой керамикой.

В статье Ю. В. Панченко рассматривается один из оригинальных типов изделий, встречающийся в комплексах мезолита-неолита Ближнего Востока и в неолите степной и лесостепной зон восточной части Евразии — челноки («човники», выпрямители древков стрел). Высказаны определенные гипотезы, связанные с характером их распространения и назначением.

Отдельный раздел составляют статьи, посвященные хронологии неолита северных и северо-восточных регионов и вводящие в научный оборот материалы новых исследований.

Н. В. Лобанова, на основе как типологического анализа материалов, так и на данных естественно-научных дисциплин, в том числе палеогеографии, серии дат ^{14}C , подробно рассматривает хронологию и периодизацию карельской неолитической культуры ямочно-гребенчатой керамики. Ранний этап культуры относится к раннеолитическому времени. В то же время отмечено, что другая раннеолитическая культура региона — сперрингс — возникает, в целом, в более раннее время.

Статья Н. Г. Недомолкиной посвящена результатам масштабных исследований автора и ее предшественников, проведенных на крупных стратифицированных поселениях Вёкса и Вёкса III, близ г. Вологда. Значительная мощность культурных отложений (на некоторых участках — до трех метров), очень широкие площади, вскрытые многолетними стационарными раскопками, полученный ими огромный и разнообразный вещественный материал, делает эти памятники уникальными источниками. Выделенные планиграфически и стратиграфически комплексы разных периодов существования этих поселений, дополняющих друг друга, охватывают в целом время от раннего неолита до средневековья. Здесь, как отмечает автор статьи, «фиксируется практически вся культурно-хронологическая шкала древностей бассейна Сухоны». В статье приведены подробные характеристики неолитических материалов, в их хронологической последовательности, данные о связанных с ними объектах, в том числе следов жилищных и иного характера конструкций. Наиболее ранние слои поселений относятся к раннеолитическому времени. Автор отмечает их своеобразие, и, в то же время, определенные параллели керамическим материалам, в частности, в комплексах позднего этапа верхневолжской культуры и, преимущественно для каменного инвентаря, в материалах типа Энты I на Средней Вычегде. Для ранних комплексов представлена недавно полученная серия дат ^{14}C , в интервале значений 6950—6200 ВР. Более поздние материалы представлены комплексами

с ямочно-гребенчатой керамикой развитого неолита. Отмечены особенности и определенные отличия материалов, происходящих из соответствующих слоев Вёкса и Вёкса III. Более поздние комплексы с ямочной керамикой связываются автором со средним этапом каргопольской культуры. Выявлена серия погребений развитого и позднего неолита. Для комплексов с ямочно-гребенчатой и ямочной керамикой также приводятся даты ^{14}C .

В статье Л. С. Андриановой обобщены данные, имеющиеся по неолиту бассейна р. Кубены в Восточном Прионежье, полученные проведенными в последнее время исследованиями автора. Подробно охарактеризованы основные материалы, происходящие из неолитического слоя стратифицированной стоянки Боровиково. В неолитическом слое выделены керамические группы, среди них сходная, по ряду признаков, с ранними группами льяловской и более поздняя, находящая аналогии в материалах каргопольской культуры (с последней связываются остатки конструкции из очага которой получена дата ^{14}C). В нижней части слоя найден фрагмент типичного сосуда керамики сперрингс раннего неолита. В кремневом инвентаре стоянки выражен пластинчатый компонент. Приведены данные о новых стоянках каргопольской культуры, расширяющие ее ареал. Публикуемые материалы дают первое представление о характере неолита восточного пограничья региона Прионежья. В статье Т. М. Гусенцовой рассмотрены данные по периодизации и хронологии неолита бассейна р. Вятки, основные черты комплексов с гребенчатой и накольчато-прочерченной керамикой. Приведена серия дат ^{14}C мезолитических и неолитических памятников, большинство их получено в последние годы. Имеющиеся данные, позволяют, в частности, удревнение времени бытования комплексов гребенчатой керамики. А. В. Волокитиным и Н. В. Кармановым рассмотрены этапы сложного процесса формирования представлений о характере неолита Европейского Северо-Востока, его генезиса и хронологии, в значительной степени зависящих от результатов исследований неолитических культур на более южных территориях. Соответственно новым открытиям и изменениям хронологических схем неолита этих территорий, менялись, иногда значительно, представления, в частности, о хронологии неолита рассматриваемого региона. Л. Л. Косинская анализирует проблемы хронологии неолита Западной Сибири и место дат ^{14}C в ее установлении, привлекая обширные новые материалы радиоуглеродного датирования. Корректный подход автора к разработке хронологии, учитывающий особенности памятников региона, связь образцов с различными элементами жилищных конструкций, с которыми связываются датированные образцы, в определенной мере перекликается с классической методической работой Х. Ватерболка (Waterbolk H. Working with Radiocarbon Dates // Actes du VIII-ème Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques. Beograd, 1971), предложившего классифицировать радиоуглеродные датировки по степени их связи с датируемыми комплексами

В статье М. Лавенто представлен анализ ряда аспектов проблемы перехода от неолита к бронзовому веку-периоду раннего металла и датировки его в Финляндии. Начало периода, определяемого как бронзовый век на территориях, примыкающих к Балтийскому побережью и как период раннего металла в Восточной и Северной Финляндии, определяется появлением здесь комплексов с текстильной керамикой. Именно с носителями этого типа керамики связывают первые находки бронзовых изделий (кельтов ранних типов) и литейных форм. Автором приводятся сведения об их распространении. Приведены также данные об известных в более раннее время находках предметов из меди, объяснимых, скорее всего, связями с Онежским регионом Карелии. В статье рассмотрены вопросы, связанные с бытованием типов керамики, имеющих отношение к проблематике переходного периода, особенности поселений текстильной керамики, с которыми связывают также признаки наличия раннего земледелия, анализируется соотношение хронологии периода раннего металла в Финляндии и в лесной полосе России. Приведенные радиоуглеродные даты (по нагару с внутренней поверхности сосудов текстильной керамики), с учетом калибровки, охватывают, в целом, интервал 1800—600 гг. до н. э.

Статьи сборника дают, в частности, представление о современном состоянии хронологии неолита на обширных территориях, преимущественно Севера Евразии.

Необходимо отметить существующие проблемы методического характера, связанные, в частности, с использованием и приведением в публикациях результатов, полученных радиоуглеродным методом. Этому посвящена приводимая ниже статья Г. И. Зайцевой.

В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева

КОРРЕКТНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ И КАЛИБРОВАННЫХ ДАТ В ЛИТЕРАТУРЕ

В настоящее время, в отечественных исследованиях по хронологии, особенно по хронологии неолита, продолжается процесс внедрения и увеличения значимости данных радиоуглеродного датирования. Это в полной мере отражают статьи данного сборника. Учитывая все возрастающее внимание со стороны исследователей к проблемам радиоуглеродной хронологии, следует обратить внимание на ряд вопросов чисто методического характера, касающихся использования радиоуглеродных дат, их цитирования и др.

С момента внедрения радиоуглеродного метода в практику хронологических исследований прошло уже более 50 лет и сейчас невозможно представить хронологические исследования археологических культур и памятников без использования радиоуглеродных дат. Однако, несмотря на довольно длительный период освоения этого метода археологами, остаются отдельные моменты, которые требуют пояснений. Это, в первую очередь, относится к цитированию радиоуглеродных дат. Радиоуглеродная дата дается со статистической ошибкой измерения: \pm , которая зависит во многом от типа измерительной аппаратуры и других технических характеристик. Обычно ошибка дается для вероятности 65 % (1σ). Каждая приведенная радиоуглеродная дата дается в виде величины, измеренной лабораторией со статистической ошибкой и выражается как «BP»¹, в русской транскрипции выражается как «лет тому назад» (л. т. н.). Отсчет идет не от действительного настоящего времени, а от 1950 года — это начало радиоуглеродной шкалы, или радиоуглеродный стандарт — «ноль» (Mook, van der Plicht, 1999). Поскольку радиоуглеродная дата измерена определенной лабораторией, то она должна цитироваться с индексом лаборатории, в которой эта дата получена. Без этого дата считается «анонимной», на которую в дальнейшем невозможно сослаться. Особо следует отметить употребление в отечественной литературе такого термина, как конвенционный возраст. Этот термин пришел из англоязычной литературы и означает то, что дата получена традиционным методом. Как известно, со середины 70-х годов в практику датирования все активнее внедряется ускорительная масс-спектрометрия. Термин “conventional” был использован в начале внедрения дат, полученных с помощью ускорителей. Сейчас он потерял свой смысл, т. к. лаборатории, где есть как традиционные методы датирования (газовый, или пропорциональный, и сцинтилляционный), так и ускорительный, обычно указывают это в лабораторном индексе. Например, лаборатория Гронингена, когда приводит даты, полученные традиционным методом, дает индекс GrN, а для ускорительной масс-спектрометрии — индекс GrA. Как в традиционных методах, так и в ускорительных, используют те же самые принципы радиоуглеродного датирования. Разница заключается в способах измерения концентрации радиоуглерода: в традиционных методах концентрации радиоуглерода определяются через подсчет β -распадов, а в ускорительной масс-спектрометрии измеряется непосредственно количество ионов ¹⁴C. Что касается точности датирования, то здесь предпочтения отдаются традиционному пропорциональному (газовому) методу, при котором может быть получена особо высокая точность измерения. Именно газовый метод был использован для построения калибровочных кривых. По мере совершенствования радиоуглеродного метода и уточнения отдельных его аспектов, для пользователей — археологов возникают проблемы, которые затрудняют для них применение радиоуглеродных дат. В первую очередь, это касается перевода радиоуглеродного времени в календарную временную шкалу. Причина этого заключается в том, радиоуглеродный метод дает возраст, измеренный через концентрацию радиоуглерода. Прежде всего необходимо помнить, что радиоуглерод имеет космическое происхождение (получается в верхних слоях атмосферы действием космических лучей на атомы азота), т. е. его концентрация зависит от интенсивности космических лучей, и, конечно, от солнечной активности. Эти величины постоянны лишь в некоторых пределах. Имеются как короткие, так и длительные вариации космической и солнечной активностей, которые влияют

¹ Before Present in English.

на концентрацию радиоуглерода в атмосфере Земли. Поэтому нельзя применять простое уравнение: радиоуглеродное время – 1950 = историческое время ($^{14}\text{C} \neq$ историческое время). Простое вычитание «радиоуглеродного нуля (1950)» не приводит к получению календарного времени, поскольку нет прямой зависимости между радиоуглеродным временем и календарным. Радиоуглеродные часы бегут по-разному в отдельных временных отрезках, где имеются флуктуации активностей космических и солнечных лучей, а также напряженности магнитного поля Земли. Сейчас концентрация радиоуглерода в атмосфере прошлого измерена для всего голоцена и захватила часть плейстоцена. Для голоцена использованы измерения концентрации радиоуглерода в годичных кольцах деревьев. Древесные кольца — идеальные образцы для такого рода исследований, поскольку с помощью дендрохронологических исследований может быть определен календарный возраст. Связь между концентрацией радиоуглерода и календарным временем отражают калибровочные кривые, которые разрабатывались не один десяток лет сообществом радиоуглеродных и дендрохронологических лабораторий мира. Последняя рекомендованная калибровочная кривая INTCAL98 (Stuiver et al., 1998), обновленная недавно Х. Реймером с сотрудниками как INTCAL04 (Reimer et al., 2002), простирается почти до 26 тыс. лет. Здесь нет необходимости останавливаться на деталях построения протяженных калибровочных кривых. Это можно найти в специальной литературе, особенно в журналах Radiocarbon.

Для упрощения перевода радиоуглеродного возраста в календарную временную шкалу разработаны специальные калибровочные компьютерные программы, среди которых можно назвать наиболее часто употребляемые Cal20 (Гронинген) и OxCal (Оксфорд). Поскольку в их основе лежат одни и те же калибровочные кривые, но применены лишь разные математические приемы их обработки, разница между ними незначительна. Программа OxCal сделана под Windows, а Гронингенские программы Cal20, Cal3 и др. — под DOS (Bronk Ramsey, 1995; 2001; van der Plicht, 1993). Программа OxCal представляет больше графических возможностей, а также позволяет получать комбинированные значения дат из их совокупностей, изображать графическую последовательность калиброванных дат и др. Все компьютерные программы распространяются бесплатно и их легко можно найти в Internet.

Калиброванный возраст цитируется как calBC, или calAD (но не BC cal, или AD cal).

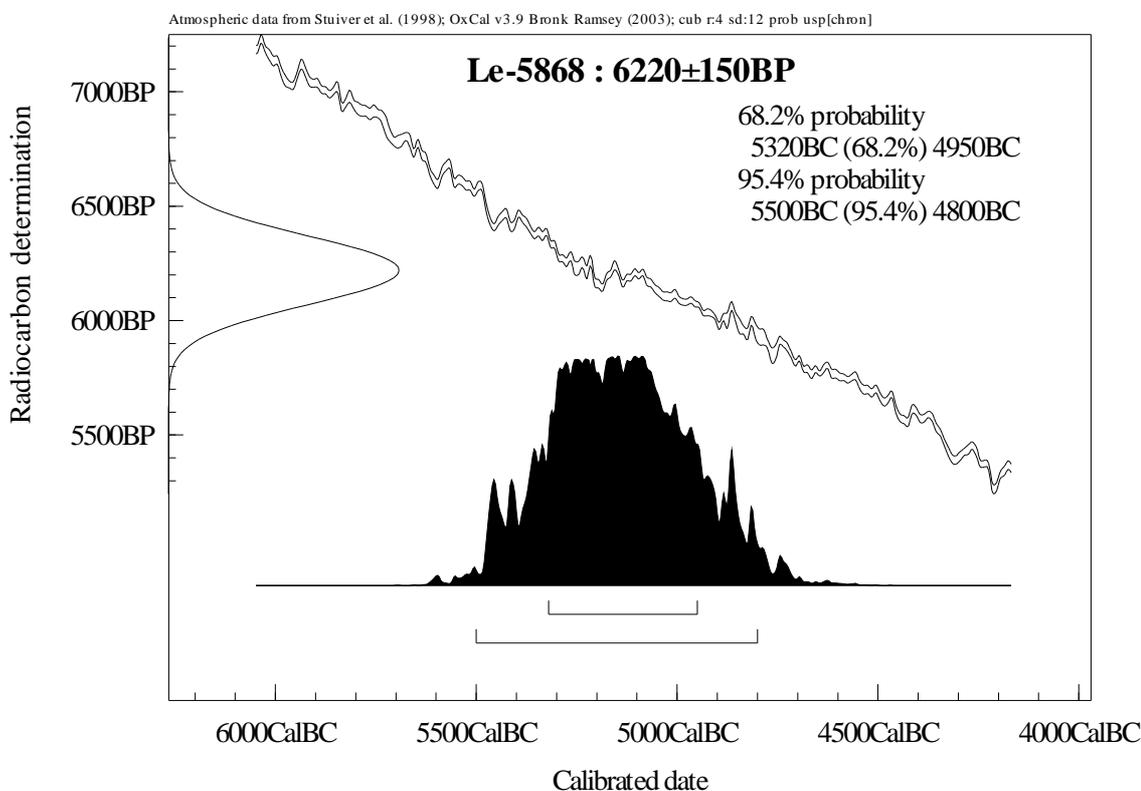

Рис. 1. Отрезок калибровочной кривой и интервалы календарного возраста, полученные по программе OxCAL.

Таким образом, здесь лишь вкратце рассмотрены основные положения радиоуглеродных представлений дат, которые можно суммировать следующим образом: дата представляется в виде измеренной величины со статистической ошибкой и цитируется как ВР (л. т. н.) с неизменным указанием индекса лаборатории. Калиброванный возраст цитируется как calBC (calAD), или cal л. до н. э., или cal л. н. э. Все эти положения приняты сообществом радиоуглеродных лабораторий, пользователями радиоуглеродных дат, опубликованы в журналах Radiocarbon и используются в мировой практике.

Типичный пример получения калиброванных календарных интервалов для радиоуглеродных дат, полученных с помощью компьютерной калибровочной программы OxCal, приведен на рис. 1. Так, одна из радиоуглеродных дат, полученных для поселения Вёкса III составляет 6220 ± 150 ВР (Je-5868).

Как видно из приведенного рисунка, на калибровочной кривой заметно множество «колебаний», так называемых “wiggles”, хотя в общем виде кривая кажется монотонной. Эти “wiggles” свидетельствуют о колебаниях концентрации радиоуглерода в определенных пределах. На оси “Y” показано значение радиоуглеродной даты в виде кривой с «нормальным» распределением для 6220 ± 150 ВР. Значения калиброванных календарных можно видеть на оси “X”, для 68 % и 95 % вероятностей. Для радиоуглеродной даты 6220 ± 150 ВР они составляют: 5320—4950 calBC (cal л. до н. э.) для 68 % вероятности (1σ) и 5500—4800 calBC (cal л. до н. э.) для 95% вероятности (2σ). Из-за флуктуаций (колебаний) концентрации радиоуглерода, интервал календарного возраста получается несколько шире, чем статистическая ошибка измерения: ± 150 (т. е. 300 лет), и составляет 370 лет (1σ) и 700 лет (2σ).

Надеемся, что приведенные здесь данные будут способствовать корректному использованию результатов радиоуглеродного датирования в хронологических исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bronk Ramsey C.* Radiocarbon Calibration and Analysis of Stratigraphy: The OxCal Program // Radiocarbon. No. 37 (2). 1995.
- Bronk Ramsey C.* Development of the Radiocarbon Program OxCal // Radiocarbon. No. 43 (2A) 2001.
- Mook W. G., van der Plicht J.* Reporting ^{14}C activities and concentrations // Radiocarbon. No. 41. 1999.
- van der Plicht J.* The Groningen Radiocarbon calibration program // Radiocarbon. No. 35. 1993.
- Reimer R. W., Remmele S., Southon J. R., Stuiver M., van der Plicht J.* Report of the first workshop of the IntCal04 Radiocarbon Calibration/Comparison working group // Radiocarbon. No. 44. 2002.
- Stuiver M., Reimer P. J., Bard E., Beck J. W. Burr G. S. Hughen K. A., Kromer B., McCormac G., van der Plicht J., Spurk M.* INTCAL98 Radiocarbon Age Calibration, 24,000—0 cal BP // Radiocarbon. No. 40. 1998.

ДАТИРОВКА НАЧАЛА НЕОЛИТА И ПРОБЛЕМЫ НЕОЛИТИЗАЦИИ

К. Х. Кушнарёва, М. Б. Рысин (Санкт-Петербург)

К ПРОБЛЕМЕ НЕОЛИТИЗАЦИИ КАВКАЗА И ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ ¹

С победой аграрной или «неолитической революции» — этого важнейшего рубежа в развитии истории человечества, характеризующегося коренной перестройкой всей хозяйственной деятельности древних обществ, в разное время, в разных регионах земного шара развивались новые культуры. Их многообразии находилось в неразрывном единстве с конкретными формами производства, существовавшими в этих обществах. В свою очередь характер и уровень производственной деятельности древних обществ предопределяли формы и специфику развития их структур. Эта триада — культура, экономика, общественный строй — является основополагающей при изучении различных этапов развития любого общества. Кавказ и Передняя Азия с их древнейшим историческим прошлым не составляют в этом отношении исключения (Кушнарёва, 1993. С. 18) или являются яркими примерами сказанного.

Переход к производящему хозяйству в любом древнем обществе является длительным периодом и обусловлен двумя главными причинами: во-первых, благоприятными эколого-климатическими условиями, во-вторых, необходимыми предпосылками общеисторического порядка, базирующимися на археологическом материале. К ним относится высокий уровень техники, высокоразвитая экономика присваивающего типа, зачатки положительных знаний, значительная плотность населения, затруднявшая расширение освоенной территории, на которой природные ресурсы эксплуатировались прежними методами (Массон, 1971. С. 133).

Проблема неолитизации Кавказа ещё очень молодая, а посему проследить ход её развития пока удаётся восстановить с трудом. Кроме того, в силу названной причины исследователи сталкиваются с отсутствием чётких признаков раннего и позднего неолита, а также не всегда можно отделить неолит от энеолита. И всё же в последние десятилетия появились новые памятники и «пунктиром» наметились вехи постепенного развития этих древнейших и важнейших этапов истории Кавказа.

В отличие от большинства наших предшественников — кавказоведов, работавших в республиках (ныне государствах), которые иногда целые эпохи рассматривают в рамках современных административных границ, авторы настоящей статьи Кавказ воспринимают не как средоточие разрозненных памятников и отдельных культур, а как множественное целое, единый и неделимый регион, один из очагов зарождения и дальнейшего развития производящего хозяйства, прошедший сложный и своеобразный путь в тесном взаимодействии с окружающим его миром (Кушнарёва, 1993. С. 7; 1997).

Закавказье, простирающееся к югу от Большого Кавказского хребта, представляет собой территорию, большая часть (72 %) которой покрыта горными системами. Географическое и орографическое строение этой части Кавказа (так же как территория горного Дагестана) имеет наибольшую близость с областями Передней Азии — Армянским, Анатолийским и Иранским

¹ Разумеется, столь глобальную тему изложить в небольшой статье невозможно. Мы попытались лишь очертить главные вехи этого исторического периода.

нагорьями, составляющими с ним в природном отношении единое целое. Горные поднятия Кавказа играли определяющую роль в формообразовании его климатических и ландшафтных районов. Для Южного Кавказа характерна высотная зональность и пестрота ландшафтов. В формировании последних, помимо гор, огромную роль играли низменные и равнинные пространства, издревле выполнявшие ведущую роль в хозяйственной жизни края. В свою очередь межгорные и предгорные впадины были тесно связаны с горной и высокогорной зонами, где находились истоки больших и малых рек Кавказа.

Южный Кавказ относится к субтропической зоне; при этом внутренняя часть Закавказского и всего Армянского нагорий, а также Куринская впадина характеризуются сухим континентальным климатом. В западном же Закавказье с его Колхидской низменностью, где осадки выпадают с избытком, господствует субтропический средиземноморский климат. Отсюда и различный характер развивающихся неолитических культур. Особая роль в формировании климатических зон принадлежит горному барьеру Большого Кавказа, который предохраняет южные районы от резких влияний соседних природных массивов. Иными словами, на Южном Кавказе чётко просматривается прямая зависимость гидрографии, растительности и почв от климата и рельефа местности. В целом тесная взаимосвязь ландшафтных зон Южного Кавказа, несмотря на их мозаичность, предопределяет восприятие его как целостного природного явления.

Южный Кавказ с его исключительно богатой флорой является самостоятельным очагом эволюции растений; здесь родина ряда диких сортов пшеницы, ячменя, ржи, бобовых, льна, винограда и многих плодовых, что вместе с другими факторами послужило импульсом к зарождению и развитию здесь древнейшего земледелия. Наконец, в этой части Кавказа концентрируются важнейшие сырьевые ресурсы (обсидиан, кремь, медь, сурьма и др.), тысячелетиями определяющие характер производственной деятельности древнего человека.

Природное единство Кавказа и особенно Закавказья с Армянским, Анатолийским и Иранскими нагорьями отчётливо отразилось в «географии культурной флоры» (Вавилов, 1960а; 1965б; Жуковский, 1964; Синская, 1966). Богатейшая по составу видов флора является феноменом Кавказа. Кавказ — один из центров формообразования главнейших растительных культур в пределах Переднеазиатского очага происхождения культурных растений (Вавилов, 1965б). На Кавказе произрастает более 6 тыс. видов растений (Гроссгейм, 1948). Закавказье является уникальным районом сортового разнообразия и центром доместикации и формообразования многих культурных растений (Вавилов, 1960а; 1960б; Жуковский, 1971. С. 31).

Именно, учитывая это разнообразие, к интерпретации базового материала авторы подходят комплексно, широко используя новейшие методы исследования археологических источников и данные смежных естественных и гуманитарных наук — палеогеографии, палеоботаники, палинологии, антропологии, метода экспериментального моделирования, физических методов датирования. Комплексный подход к основополагающему материалу сделал последний максимально информативным.

Обобщая предпринятые ранее исследования в области мезолита Кавказа (Кушнарёва, 1984; 1993. С. 8), мы их сводим к следующим достижениям: за последние 20—5 лет открыта серия мезолитических стоянок в разных областях Южного Кавказа; в результате анализа добытых материалов проявляются особенности отдельных стоянок, намечаются группы близких по облику комплексов и культурные ареалы в пределах кавказского региона; выявлена тенденция к нарастанию к концу мезолита количества прогрессивных форм орудий; поставлен вопрос взаимоотношений кавказского мезолита с синхронными комплексами Юга и Севера, а также с предшествующими и последующими культурами; данные многослойных непо потревоженных стоянок Дарквети и Чох указывают на преемственную связь мест обитания и ведущих типов индустрий от мезолита к неолиту; установлено, что инструментарий мезолитических стоянок Кавказа типологически близок набору орудий из мезолитических памятников Переднего Востока (Garrod, 1953; Mellaart, 1965. P. 16; Формозов, 1963. С. 51; Бадер, 1964. С. 6; 1966. С. 142; Любин, 1975. С. 35). Наконец, получена возможность приблизительной реконструкции разнообразной (в различных экологических нишах) хозяйственной деятельности общин, обитавших здесь в IX—VII тыс. до н. э., т. е. в период, в недрах которого подготавливался переход к производящему хозяйству.

Итак, переходу к земледелию предшествовал длительный период накопления опыта, связанный со специализированным собирательством ещё на последней стадии мезолита. Такое архаичное хозяйство фиксируется находками на ближневосточных поселениях X—VIII тыс. до н. э. (Лисицына, 1970; 1984а; Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 23) и спецификой хозяйства некоторых современных отсталых народов (Семёнов, 1974; Решетов, 1980 и др.). Люди накапливали эмпирические знания по уходу за растениями, способами их уборки и дальнейшей обработки. Подобная практика знаменовала собой первый этап сознательного земледелия. Технические возможности сезонных сборов диких злаков с помощью архаичных вкладышевых серпов с микропластинками, использовавшимися древними жнецами, были смоделированы опытами Дж. Харлана, проведёнными на склоне горы Караджадаг, в Юго-Восточной Турции. Собранный таким способом за один час урожай равнялся 2,5 кг и содержал 46 % чистого зерна. Дж. Харлан при этом утверждает, что древний человек, собиравший здесь пшеницу 12 тыс. лет назад, должен был быть значительно опытнее современного сборщика урожая. Работы на таких естественных полях могли производиться в течение трёх недель, в зависимости от вызревания колосьев в разных вертикальных зонах (такая же картина должна была быть в вертикальных зонах Кавказа! — К. К.). За это время одна семья имела возможность собрать больше зерна, чем его было необходимо для одного года жизни охотникам-собираателям (Harlan, 1967. P. 197).

Возвращаясь к позднему мезолиту Кавказа, следует подчеркнуть, что основной производственной моделью населения являлось комплексное хозяйство присваивающего типа, в недрах которого зарождались зачатки производящей экономики (Небиеридзе, 1986. С. 178).

В виду некоторого давления демографического фактора шло постепенное расселение по региону, где мезолитические и раннеолитические сообщества занимали удобные для обитания ниши. Однако, как мы увидим ниже, основное население спускалось с горных районов, где впервые произошел переход к производящей экономике.

В историческом процессе демографический фактор также играл большое значение. Южное население постепенно увеличиваясь начало расселяться в более северные районы, где заполнялись свободные к тому времени ниши (Дьяконов, 1983).

Проблема «неолитической революции», поставленная в своё время Г. Чайлдом (Child, 1952; 1957) на материалах осёдлоземледельческих поселений Ближнего Востока и Египта, является кардинальной в исследованиях древнейшего прошлого человечества. С тех пор 75 лет, ведутся разработки различных аспектов этой проблемы (Амирханов, 1987; Бадер, 1989; Башилов, 1984; Гуляев, 1984; Коробкова, 1987; Кушнарёва, 1993; 1997; Лисицына, 1970; 1978; 1984а; Массон, 1971; 1982а; Небиеридзе, 1986; Титов, 1962; 1984; Шнирельман, 1978; 1980; 1989; Мунчаев, Мерперт, 1981; Braidwood, 1952; Braidwood et al., 1957; 1960; Flannery, 1965; 1969; 1972; Harlan, 1967; Kenyon, 1960; Lisitsina, 1984; и др.). Проблема чрезвычайно многоплановая, в её исследование включился широкий круг специалистов гуманитарных и естественных наук. Прошедший период дискуссий, интенсивных полевых и интерпретационных работ ознаменовался значительным накоплением базового материала, пополнением чисто археологических источников палеоботаническими и палеозоологическими данными, корректировкой и расширением территориальных и хронологических рамок самого процесса «неолитической революции», вычленением её этапов и формопроявлений, созданием различных теорий её происхождения и, наконец, осмыслением огромной значимости сущности проблемы, с возникновением и углублёнными разработками которой внесён крупнейший вклад в историческую науку.

Ещё сравнительно недавно проблема зарождения производящего хозяйства, решавшаяся на базе изучения мирового ботанического потенциала, в отношении Кавказа ждала своего прояснения, ибо все экологические и климатические особенности также учитывались. Нужны были новые археологические открытия. Речь идёт о теории двух петербургских учёных с мировыми именами — Н. И. Вавилове (1957. С. 26; 1960б; 1965а) и П. М. Жуковском (1964), которые во-первых, придерживались идеи полицентрического характера процесса зарождения производящего хозяйства, во-вторых, обосновали тезис о том, что этот процесс зарождался в горных субтропиках. Как известно, кавказские горы археологами изучены слабо.

Археологическое изучение горных районов Кавказа при решении проблемы путей становления производящего хозяйства является задачей первостепенной важности; земледелие зарождалось в горных районах. Одновременно Кавказ Н. И. Вавилов рассматривал как огромную экологическую лабораторию, где в течение тысячелетий формировались основные экотипы (1957. С. 126; 1960б). В этом процессе особо подчёркивается роль Закавказья, являющегося «очагом эволюции культурных растений крупного самостоятельного значения» (Жуковский, 1964. С. 31).

Новейшие открытия древнейших земледельческих стоянок в горном Дагестане (Чох, Гинчи), экологически близком Закавказью, блестяще подтвердили неоспоримость положений, высказанных ботаниками. Возможность реконструкции образа жизни горцев-земледельцев сегодня базируется исключительно на памятниках этого локального района Кавказа. Но, в отличие от остальных стоянок, Чох имеет непотревоженный слой, начиная с верхнего палеолита.

Возобновление раскопок Чоха Х. А. Амирхановым скорректировало стратиграфию памятника, что поставило это поселение в ряду ранненеолитических стоянок (Амирханов, 1982а; 1982б; 1983; 1985; 1987). Комплексным методом неолитический слой, лежащий непосредственно на непотревоженном слое мезолита, был датирован до первой половины VI тыс. до н. э. В Дагестане уже выявлено около 20 ранних стоянок, однако Чох остаётся ключевым памятником (рис. 1). Создание подобных стоянок находилось в прямой связи с процессом оседания на землю охотников и собирателей.

Основатели чохской стоянки учитывали наличие оптимальных условий для проживания — защищённость от ветров, наличие солнца, воды, охотничьих угодий и пр. В конце неолита был использован длительный опыт по уходу за растениями и, возможно, засеивалась первыми посадками соседняя терраса. Здесь были открыты два каменных стационарных жилища. Площадь одного из них — 60 м². В центре каждого дома находился стационарный очаг. Оба жилища с межжилищным пространством занимали площадь около 800 м². Таким образом, в Чохе впервые открыт неизвестный для этого времени тип маленького горского поселения, который остался традиционным для горной зоны Кавказа (в частности Дагестана) и впоследствии.

Наряду с традиционными, мезолитическими, типами орудий появляются прогрессивные новые типы (трассологические определения Г. Ф. Коробковой). Культурный слой свидетельствовал об интенсивной жизни населения стоянки: помимо архитектурных остатков, слой был насыщен находками из камня, кости, примитивной керамикой, изготовленной ленточным способом, жатвенными ножами, зернотёрками, пестами и пр. и, главное, флористическими и фаунистическими остатками. В Чохе обнаружены самые ранние для Кавказа остатки зёрен хлебных злаков: пшеницы — однозернянка, двузернянка и мягкая карликовая, три вида ячменя, овёс, просо, а также бобовые и виноград (?). На базе пшеницы и ячменя практиковались смешанные посевы (Lisitsina, 1984). Среди костей диких животных, документирующих охотничий промысел, обнаружены также кости домашней коровы, овцы и козы (?).

Всё сказанное позволяет рассматривать чохское поселение как ключевое при разработке вопросов как культурологического, так и социально-экономического порядка. В последнем аспекте эпохальное значение памятника заключается в том, что здесь впервые для Кавказа зафиксирован момент завершения перехода к производящему хозяйству. Таким образом, Кавказ предстаёт как самостоятельный очаг зарождения и дальнейшего развития земледелия и скотоводства.

Ещё несколько ранних стоянок известны в Дагестане (Гарнаирская и Буйнакская), в Грузии (Лебикв, Джиджоета, Зурахо) (Григолия и др., 1971. С. 59; Чартолани, 1989. С. 34) и Армении (Артик, Зуга, Бараджа) (Сардарян, 1967. С. 277). Однако их неолитическая принадлежность базируется лишь на орудиях труда; ни жилищ, ни палеоботанических, ни палеозоологических остатков здесь не обнаружено. Поэтому в столь короткой статье мы их не вводим в наш текст.

Группа стоянок в Западном Закавказье отражает более поздний этап неолитического периода, нежели Чохское поселение. Их обоснование связано с процессом дальнейшего расселения местного населения. Первоначальный приток мезолитических общин в эту область был обусловлен наличием тёплого средиземноморского климата, обилием животных и рыбы, запасами производственного сырья. Эти же причины притягивали и неолитические общины, которые заняли обширные речные долины, низкие равнины, а также прилегающие к морскому берегу районы.

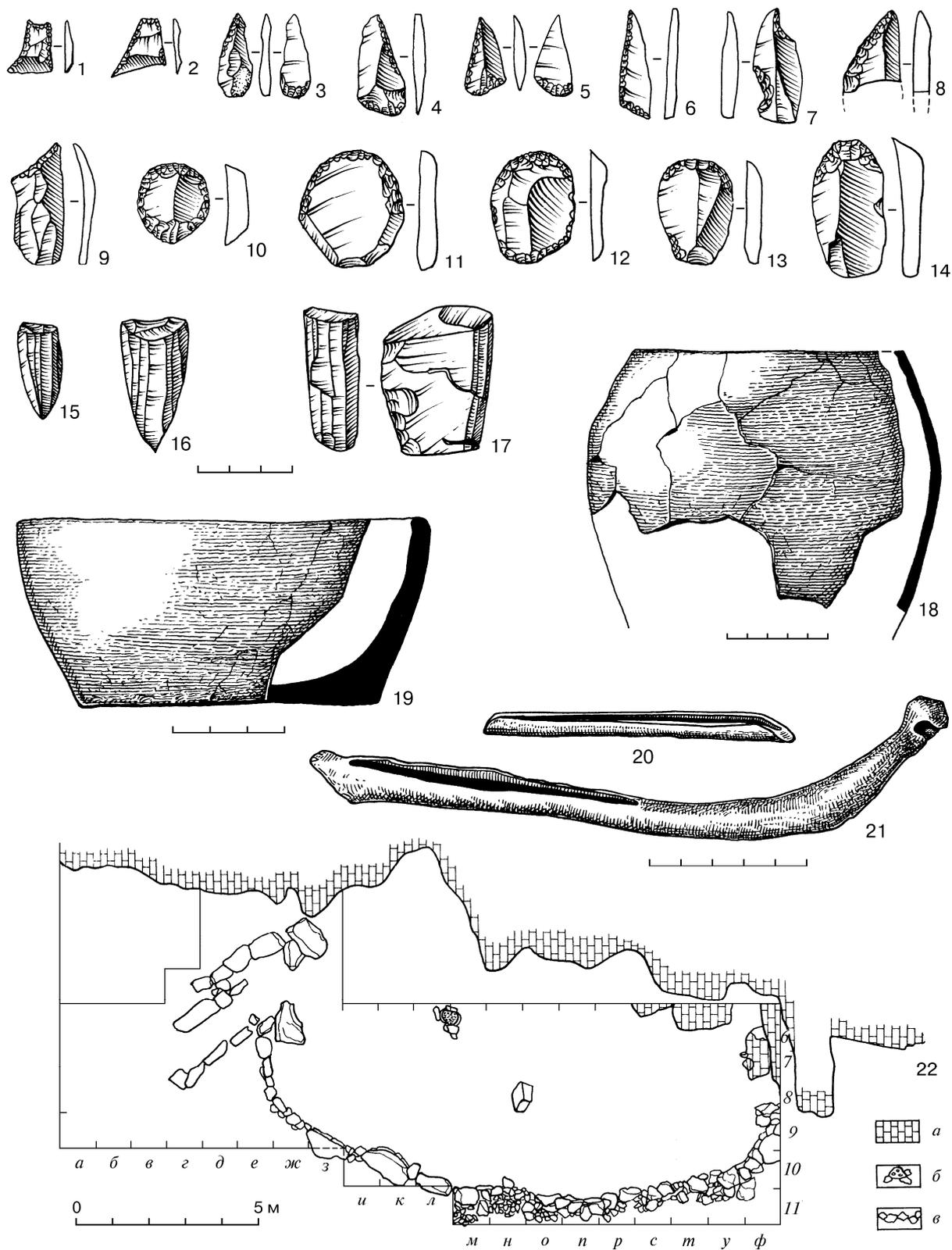

Рис. 1. Чохское поселение, неолитический слой (по Х. А. Амирханову).

Неолит Причерноморья, открытие которого началось с таких хрестоматийных памятников как Одиши (Каландадзе, 1969. С. 53) и Кистрик (Лукин, 1950; Соловьёв, 1967) в Абхазии и Шиловки близ Адлера (Формозов, 1963. С. 97), в последние десятилетия получил известность

по серии новых стоянок. Это Анасеули I—II, Чхортоли, Мамати, Нагомари, Ахалшени, Анасеули в Гурии; Урта, Палоури, Агубедия, Хорши в Мегрелии; Тетрамица, Сагварджиле в Имеретии; Сакво в Раче; Апианча, Мелури около Цхалтубо (Каландадзе, 1969; Григолия, Мирцхулава, 1976; Бердзенишвили, Небиеридзе, 1979; Каландадзе и др., 1982; Пхакадзе, 1988 и др.). В Юго-Восточном Причерноморье стали известны ещё несколько стоянок — Хуцубани, Квирико, Чолоки, Бешуме. По площади, облику, мощности культурного слоя и составу находок стоянки далеко не однозначны. Анасеули, Одиши, Кистрик, Гали например простираются на несколько км, другие же (Ахалшени, Урта и др.) известны лишь как местонахождения.

Особо следует выделить многослойную стоянку Дарквети (Небиеридзе, 1961; 1964; 1972; 1986) с неповрежденными культурными слоями. В ней прекрасно просматривается преемственность орудий труда от слоя к слою. Кроме того в ранненеолитическом слое обнаружены кости домашних животных — крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, собака (Небиеридзе, 1978. Табл. II). Столь ранние следы скотоводства ставят эту стоянку в ключевое положение по отношению к другим памятникам Западного Закавказья.

Стоянки этой части Кавказа изучены крайне неравномерно, поэтому часто трудно определить их принадлежность к тому или иному времени. Анализ каменных индустрий устанавливает две последовательные группы стоянок: первая из них — переходный период от мезолита к неолиту — ранний неолит, — имеет сходство с орудиями мезолитического комплекса. Это указывает на преемственную связь разновременных культур и на близость их хозяйственного уклада, что подкрепляется смыканием мезолитических и неолитических культур на стоянках прибрежной полосы (Холодный грот, Апианча) и более глубинных районов (Дарквети, Самеле-кльде).

На стоянках найдено множество часто явно прогрессивных каменных орудий, предметы из рога и кости (землекопалки, ложила, иглы, шилья, проколки). Керамика пока отсутствует, но в качестве новшеств появляются шлифованные и полированные орудия, жатвенные ножи, зернотёрки, тёрочки, долота, топоры, тёсла. Последние явно могли служить для разрыхления почвы, расчистки земельных участков под пашни в условиях подсеčno-огневого земледелия, характерного для этих районов (Петров, 1968; Киквидзе, 1975. С. 21).

Ввиду ограниченных рамок статьи мы воздерживаемся от характеристики своеобразных черт каждой из них, а также хозяйственной деятельности населения разных стоянок. Это зависело от их местоположения. Наряду с первыми шагами аграрного хозяйства, на берегах рек и морском побережье занимались рыболовством, в лесистых горных районах преобладала охота, на открытых террасах занимались земледелием.

Из сказанного видны большие отличия стоянок Западного Закавказья от Чохской стоянки. Разные эколого-климатические условия порождали различные формы жизни и быта проживавшего там населения.

Следует заметить, что кавказские неолитические стоянки по времени отстают от стоянок, располагавшихся на Переднем Востоке. Хронологически этот процесс на Переднем Востоке завершился несколько раньше, что находит своё объяснение в давлении климатических изменений, которые на Переднем Востоке и на Кавказе были асинхронными (Амирханов, 1987. С. 176); здесь решающую роль, по-видимому, играло влияние средиземноморских климатических процессов, которые на юге были более ощутимыми (Zeist, Woldring, 1978. P. 272). Таким образом, новейшими открытиями на Кавказе обосновывается положение о том, что по своей культурно-исторической ситуации этот регион, развивавшийся на основе местных социально-экономических достижений, в VII—VI тыс. до н. э. находился примерно на том же уровне, что и области Ближнего Востока в более раннее время. Этим снимается являвшийся в кавказоведении долгое время традиционным тезис о периферийном характере культур Кавказа по сравнению с переднеазиатскими культурами и о вторичном характере кавказского очага в процессе становления производящей экономики в огромной ближневосточно-кавказской ойкумене. После открытия неолитического Чоха Дагестан и Кавказский регион в целом следует рассматривать как самостоятельный очаг зарождения и развития прежде всего земледелия, что в своё время прогнозировалось крупнейшими советскими ботаниками Н. И. Вавиловым и П. М. Жуковским. В этом — историческое значение Чохского неолитического поселения.

Ранние поселения Центрального и Восточного Закавказья, расположенные в долинах, на низких равнинах и в степных районах носят совершенно иной характер. Их возникновение следует связывать с разросшимся в горах населением, которое послужило стимулом к дальнейшему расселению земледельческих общин. В результате в VI—IV тыс. до н. э. активно заселяются Квемо-Картлийская и Алазанская долины, Куро-аракская низменность и Муганская степь (Иессен, 1963; Нариманов, 1966; 1982а; 1987; Чубинишвили, Кушнарёва, 1967; Кушнарёва, Чубинишвили, 1970; Джапаридзе, Джавахишвили, 1971; Торосян, 1971; 1976; Чубинишвили, 1971; Джавахишвили, 1973; Чубинишвили, Челидзе, 1978; Абибуллаев, 1982; Мунчаев, 1982; Джавахишвили, Нариманов, Кигурадзе, 1987; и др.).

Расположенные компактными группами поселения представляли собой оплывшие многослойные холмы площадью 0,5—5 га. Основной строительный материал — глина; жилища округлые или овальные с различными пристройками. Количество напластований варьирует, — нижние слои, как правило, образовались в эпоху неолита — VII — VI тыс. до н. э.

Изменилась и топография посёлков. Они, как правило, располагались у мелких речек. Тяготение к воде свидетельствует о необходимости в ней — посеvy «под дождь» здесь высыхали. Укажем на первые попытки использования в этот период воды для полива первых полей. На поселении Арухло, например, обнаружены остатки двух рвов, один из которых наполняли водой «про запас» (Кушнарёва, 1993. Рис. 8). На поселении Шулаверис-гора для хранения воды использовались овальные глиняные ёмкости.

Мощные культурные напластования на поселениях и учёт примерной скорости нарастания культурных слоёв в условиях сырцово-архитектуры подтвердили большую временную растянутость представленного поселениями периода. Для определения историко-хронологического места различных поселений требовалось их тщательное сопоставление с хорошо датированными памятниками Передней Азии. Именно такую кропотливую работу в своё время взял на себя Т. В. Кигурадзе. В основе периодизации лежит стратиграфия поселений Восточной Грузии (квемо-картлийская группа) и Западного Азербайджана. Автор вычленил пять последовательных ступеней, в каждой из которых наметил конкретные линии сопоставлений и связей с памятниками соседних и более южных территорий (Кигурадзе, 1975а; 1975б; 1976). Предложенная периодизация уводит наиболее ранние поселения в VI тыс. до н. э., что подкрепляется датой Шому-тепе — $7510 \pm 70 \text{ BP}$ (Je-631)². Это соответствует концу неолитической стадии в широком ареале расселения раннеземледельческих общин Юга. Отсюда верхние горизонты теллей, а также синхронные им однослойные поселения отражают следующий, энеолитический период. Периодизация Т. В. Кигурадзе нам представляется в целом обоснованной, так как исследования велись на высоком полевом и интерпретационном уровнях; ряд высказанных замечаний (Мунчаев, 1982. С. 103) не мешает именно такому её восприятию. Сопоставительный анализ кавказских поселений с памятниками соседних областей вводит Закавказье в широкий ареал раннеземледельческих культур Юга. Это главный итог исследования Т. В. Кигурадзе.

В последние годы появился ряд новых данных, уточнявших пять ступеней Т. В. Кигурадзе. Эти данные получены благодаря технико-морфологическому изучению больших серий орудий и трасологическому анализу с целью выяснения функций последних. У нас нет возможности останавливаться на них, поэтому мы отсылаем читателя к соответствующим страницам авторов, излагающих свои точки зрения (Кушнарёва, 1997. С. 35). Укажем лишь, что более 5 тыс. единиц орудий были просмотрены Г. Ф. Коробковой (Коробкова, Кигурадзе, 1972; Коробкова, Эсакия, 1979; Коробкова, Гаджиев, 1983; Кушнарёва, 1993. С. 34). Если некоторые статьи внесли ясность в трактовку отдельных памятников, то обобщающий труд Г. Ф. Коробковой, посвящённый раннеземледельческим обществам Юга, значительно продвинул решение кавказской проблемы в целом. Ею намечены хронологические этапы, представленные группами памятников, выявлены их культурные ареалы и охарактеризованы хозяйственные модели, существовавшие на Кавказе. Она обосновала трёхэтапное развитие раннеземледельческих комплексов и конкретизировала памятники, наполнявшие эти этапы. Таким образом, культурная после-

² Предложенная хронология базируется на некалиброванных радиоуглеродных датах.

довательность поселений, построенная с учётом экономики, в целом совпадает с археологической периодизацией Т. В. Кигурадзе.

Разбираемая группа неолитических равнинных поселений Центрального и Восточного Закавказья самая многочисленная и хорошо изученная (Глonti, Джавахишвили, Кигурадзе, 1975а; 1975б; Менабде, Кигурадзе, Гогодзе, 1980). Маленькие речки, около которых обосновались ранние поселения Квемо-Картлийской долины, делят её на территории, замыкающиеся с юга предгорьями Армянских гор. В каждой из замкнутых территорий образовалась группа древнейших селищ: группа Арухло — пять теллей, группа Шулавери — четыре, группа Цители-Сопели — пять, группа Качагани. Самой изученной является группа Шулавери (Джавахишвили, 1973. С. 10). Очень существенно, что сопоставление открытых напластований на этих холмах указало на последовательность их функционирования.

Помещения на поселениях были круглыми, стены из плано-конвексных (плосковыпуклых) булкообразных сырцовых кирпичей. Размеры самых крупных жилых помещений — 7—15 м². Вокруг жилищ располагались маленькие складские помещения. Внутри жилищ у стен находились печи и очаги. Иногда помещения группируются вокруг небольших дворицков³. Культурные слои насыщены различными орудиями из обсидиана, рога, костями животных, керамикой. Каменные орудия, по сравнению с мезолитическими, стали значительно прогрессивнее (серпы, полированные топоры, тёсла, ядра пращи, навершия булавы). Судя по количеству отщепов, орудия изготовлялись в каждом доме. Грубая лепная нелощёная посуда орнаментирована шишкообразными, волнообразными и изредка антропоморфными налепами. На поселениях представлена мелкая антропоморфная пластика (Глonti и др., 1975б).

Таков был тип неолитического поселения, сформировавшийся в среднем течении р. Куры (Южная и Восточная Грузия, Западный Азербайджан). Характер находок на поселениях позволяет их считать однокультурными, несмотря на некоторые локальные особенности.

В южных районах Закавказья, тяготеющих к р. Аракс (Арагатская равнина, Нахичеванский край, Мильско-Карабахская и Муганская степи, районы озёр Ван и Урмия) в силу иных климатических условий (сухой континентальный климат, малое количество осадков) ведение земледельческого хозяйства «под дождь», без искусственного полива было невозможно. Здесь поселения располагаются также группами. Самую раннюю «шулаверскую» группу в Арагатской долине представляют поселения Цахкунк и Хатунарх. Большинство же южных поселений относятся к энеолиту и датируются V — серединой IV тыс. до н. э. Десятиметровая толща слоёв поселения Кюль-тепе, перекрытая отложениями куро-аракской культуры, в самой нижней части должна относиться к неолиту (Абибулаев, 1982). Очень интересный материал дали ванские и урмийские поселения — Яник-тепе, Геой-тепе, Тильки-тепе, Пиджели-тепе (Reilly, 1940; Burton-Brown, 1955; Dyson, Yong, 1960; Burney, 1964. P. 57, 137), которые явно тяготеют к поселениям южного облика. Однако, судя по анализу инвентаря, комплексы эти не однокультурны (Коробкова, 1987. С. 120). Если к этим памятникам прибавить селища Мильской и Муганской степей, то общий облик южных поселений прослеживается чётко.

Здесь наблюдается то же гнездовое расселение, преобладает обсидиан, в большом количестве встречены зернотёрки, ступки, тёрочки, полированные топоры. В отличие от северной группы на каждом поселении встречена расписная керамическая посуда, что очень характерно для южных широт. Среди неё есть привозные сосуды, а также местные их подражания. На некоторых поселениях встречено несколько мелких изделий из меди.

Таким образом, в горах и на равнинах Кавказа сейчас известны десятки раннеземледельческих поселений, характеризующих неолитическую и энеолитическую стадии развития. Учитывая неоднократно отмечавшуюся условность такого членения, в основе которого лежат чисто археологические критерии, а также имеющиеся в литературе «разночтения» по этому вопросу (Массон, 1982б. С. 5), поселения эти следует рассматривать как материальное выражение трёхтысячелетнего бытования раннеземледельческих общин на территории Южного Кавказа.

³ Аналогичные группы из 2—6 жилищ в анатолийском Чатал-Хююке и в Джейтуне В. М. Массон интерпретирует как предназначенные для проживания парных семей, составляющих коллектив, предшествующий появлению большесемейной общины (см. ниже).

В пределах этого длительного периода здесь прослеживаются два этапа культурно-хозяйственного развития: период неолита — переход к хозяйству нового типа при сохранении некоторых черт присваивающей экономики, что в материальном комплексе обусловило бытование старых традиционных форм орудий труда, появление новых наборов, связанных с земледелием и скотоводством; период энеолита — время первого знакомства человека с металлом, характеризующий интенсивным развитием производящей экономики и рядом культурных инноваций, нашедших материальное выражение в появлении новых стабильных археологических типов.

На Переднем Востоке подготовка к «неолитической революции» происходила уже в эпоху верхнего палеолита. Местные общины перешли к пластинчатой технике раскалывания камня, в том числе в виде геометрических микролитов (треугольники, сегменты, трапеции), вставлявшихся в костяную или деревянную рукоятку. Такие вкладышевые инструменты были совершеннее прежних орудий труда. Для обработки кости и рога стали использовать различные каменные резцы. На основе этих технических достижений совершенствуется охотничье оружие. Усилилась специализация общин, а стремление максимально использовать ресурсы (при сокращении продуктов питания, добываемых на охоте) привело некоторые из них к сбору зерен дикорастущих растений и растиранию их на зернотёрках уже в XIV—XI тыс. до н. э. (стоянки Тушка, Баллана в долине Нила и Ком-Омбо в Нубии). Жители этих стоянок охотились на эквидов, быков и газелей, ловили рыбу, собирали моллюсков и дикорастущие растения. В Палестине насчитывается шесть фаз последовательного развития верхнепалеолитической культуры, на протяжении которых шло совершенствование кремнёвых орудий и освоение ресурсов, предоставляемых местными ландшафтами, подготовившее переход к производству пищи. В Леванте в конце верхнего палеолита — начале мезолита для создателей кебаранских культур было характерно сезонное охотничье-собираческое хозяйство с передвижением общин на чётко очерченных территориях. При этом охота и рыболовство преобладали в северных лесных районах, а собирательство играло ведущую роль в южных, более засушливых районах (История первобытного общества, 1986. С. 154). В Ливане носители кебарской культуры специализировались в охоте на ланей и безоаровых коз (до 83 % костей на стоянке Кзар-Акил).

Для мезолита Центральной и Северной Палестины характерным занятием населения была специализированная охота на газелей, а южнее Мертвого моря — на горных коз. Позднемезолитические обитатели Северной Сирии охотились в основном на ослон, газелей, ланей, туров. В горах Загроса носители культуры зарзи сочетали охоту на безоаровых козлов, оленей, диких свиней с собирательством диких хлебных злаков. Люди вели подвижное сезонное хозяйство. Для долговременного обитания использовали пещеры (базовые лагеря), а при кратковременных остановках во время сезонных перемещений устраивали открытые стоянки (Шнирельман, 1980. С. 55). С переходом к мезолиту в XI—X тыс. до н. э. сезонные передвижения становятся более регулярными. На открытых поселениях вместо временных укрытий появляются полуземлянки, вблизи них устраивают хозяйственные ямы, что свидетельствует о более продолжительных периодах обитания на открытых поселениях. Возрастание степени сезонной оседлости стало возможным благодаря более интенсивному, чем раньше, использованию природных ресурсов — развитию усложнённого собирательства хлебных злаков и бобовых и специализированной охоты на коз и муфлонов.

В первобытную эпоху истории для определения темпа и характера развития человеческого общества огромное значение сохраняла внешняя среда, поэтому естественно, что с конца верхнего палеолита нагорья и предгорная зона Переднего Востока как родина целого ряда полезных злаков и легко одомашниваемых животных становятся главным центром культурогенеза Старого Света. Здесь исподволь подготавливался переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. В начальном периоде голоцена (X—VII тыс. до н. э.) потепление климата вызвало таяние ледников и повышение уровня мирового океана. Климат был теплее, а количество осадков выше современного. Особенно благоприятные условия для первых опытов культивации растений и одомашнивания животных сложились у подножья холмистых предгорий Плодородного полумесяца, где земледелие не требовало искусственного орошения и было достаточно пищи для содержания одомашненных животных (рис. 2).

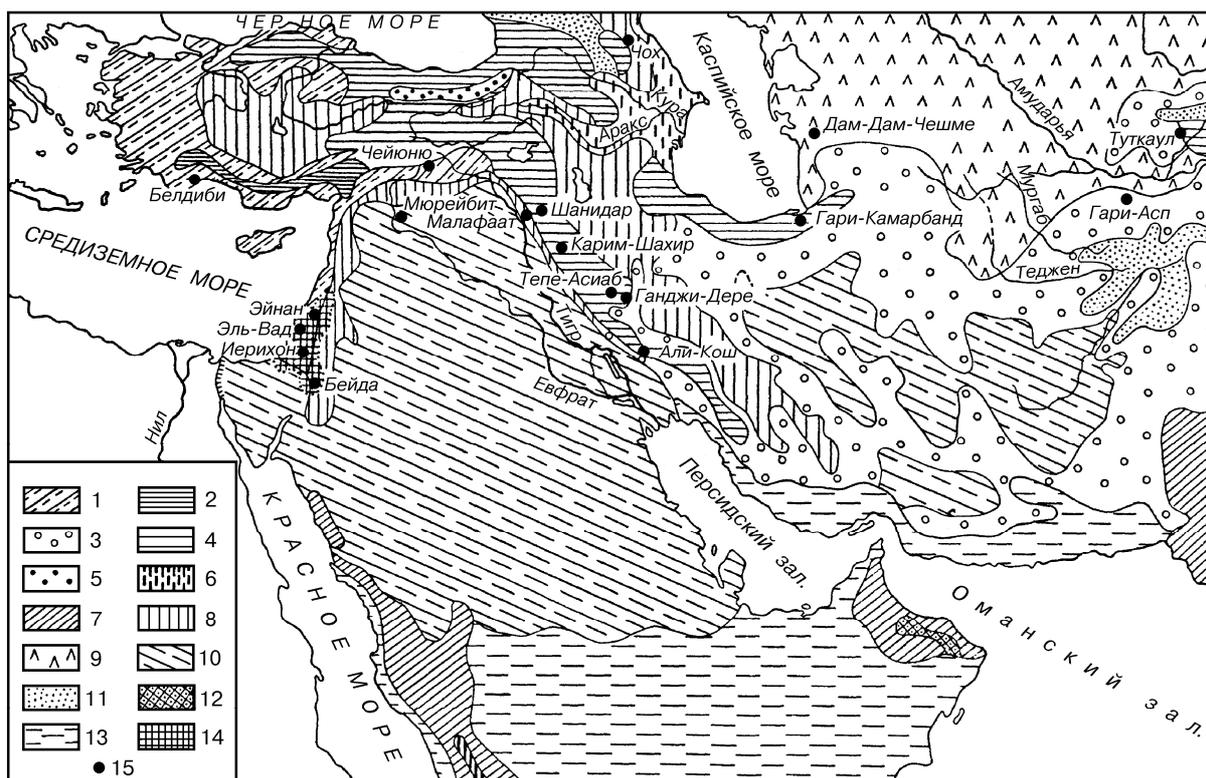

Рис. 2. Растительные зоны Ближнего Востока и мезолитические памятники с элементами экономики нового типа X—VIII тыс. до н. э. (по В. М. Массону): 1 — субтропические вечнозеленые леса и кустарники; 2 — темнохвойные широколиственные горные субтропические леса; 3 — сухие редколесья, кустарники; 4 — широколиственные (дубовые, буковые) леса; 5 — темнохвойные и темнохвойные широколиственные горные леса; 6 — тропические сухие леса, редколесья, кустарники; 7 — тропические саванны; 8 — горные степи; 9 — пустыни умеренные; 10 — субтропические пустыни; 11 — альпийские и субальпийские луга и кустарники; 12 — переменновлажные тропические леса; 13 — тропические пустыни; 14 — основной район распространения натуфийской культуры; 15 — мезолитические памятники.

Так, в Загросе на высотах 600—1350 м располагается пояс дубово-фисташковых лесов. Здесь росли дуб, тополь, различные хвойные породы; водились безоаровые козлы, бараны, кабань и дикие быки. В этом лесном поясе произрастали дикие злаки и бобовые растения. Количество осадков колеблется от 250 до 1000 мм, что достаточно для земледелия в горных долинах. Например в долине, где расположено раннеземледельческое поселение Джармо, количество осадков достигает 650 мм. В подгорной полосе, в ассирийских степях располагались пастбища, где паслись стада диких газелей, ослов и диких быков. Здесь также произрастали дикорастущие злаки. Количество осадков — от 250 до 380 мм было не достаточно для устойчивого земледелия (без применения орошения), что привело первоначально к развитию скотоводства и к сбору зёрен дикорастущих растений, а позднее — к ранним формам искусственного орошения. Более сухой и аридный ландшафт обнаруживается в палестино-иорданском регионе, хотя в начале голоцена зона лесов здесь была шире, чем сегодня. Количество осадков колеблется от 200 до 680 мм. Наиболее сильно увлажнена широкая приморская полоса. Здесь также представлены дикорастущие злаки и исходные формы домашних животных — прежде всего безоаровый козёл и дикий кабан.

Переход от охоты и собирательства к производству пищи был одним из важнейших этапов в развитии человечества. Этот сложный и длительный процесс был назван Г. Чайлдом «неолитическая революция», с тем чтобы подчеркнуть драматический характер произошедших трансформаций и качественное отличие сформировавшихся в результате этого процесса обществ с производящей экономикой. Исследование К. Флэннери, построенное на системных мо-

делях (1976), выделяет несколько факторов перехода к производящему хозяйству: климатические колебания конца плейстоцена; многоресурсное присваивающее хозяйство у мезолитических общин, осваивающих различные сезонные экологические ниши; первые опыты перенесения животных и растений в новые биотопы; вызванное демографическим давлением переселение в «маргинальные» пограничные зоны с культивацией перенесённых туда растений.

Дополнительные данные для реконструкции процесса «неолитической революции» для региона Переднего Востока получены Дж. Брейвудом, Л. Р. Бинфордом и Ж. Ковэном. По мнению Ж. Ковэна, рост населения при присваивающем хозяйстве приводил к социальному напряжению и вызывал необходимость адаптации хозяйственной системы. Новое земледельческое хозяйство требовало большего коллективизма, чем собирательство, — «земледелие в большей степени является формой адаптации человеческого общества к самому себе, нежели к его внешней среде» (Cauvin, 1972. P. 76).

Важнейший вывод К. Флэннери о полицентризме «неолитической революции» совпадает с положениями теории очагового становления производящего хозяйства, разработанной Н. И. Вавиловым. Среди первичных очагов производящего хозяйства на Переднем Востоке К. Ламберг-Карловски и Дж. Саблов выделяют два основных района — Левант и Загрос. В. А. Шнирельман называет в пределах Переднего Востока шесть таких очагов: восточносредиземноморский, северосирийский, юго-восточноанатолийский, загросский, южноанатолийский и закавказский. Р. М. Мунчаев и Н. Я. Мерперт добавляют еще один очаг на краю предгорий Синджара (1981. С. 326). В каждом очаге были domesticiрованы специфические, характерные только для него, виды растений и животных. Так, для закавказского центра были характерны несколько видов пшениц и два вида проса, а из животных — коза и овца. Для синджарского центра характерны пшеница-однозернянка, ячмень и карликовая пшеница (Бадер, 1989). В восточносредиземноморском центре domesticiрованы пшеница «эммер», двурядный ячмень и бобовые — чечевица и горох. В северосирийском центре — пшеница однозернянка, ячмень, бобовые; в загросском — пшеница однозернянка и «эммер», двурядный ячмень; в юго-восточноанатолийском — пшеница «эммер» и однозернянка, бобовые; в южноанатолийском — пшеница-однозернянка и «эммер», ячмень, чечевица, горох, чина, тут, рожь.

Процессы domestикации животных начались в горных районах Загроса раньше, чем на лесистых приречных равнинах и в прибрежных районах Сирии и Палестины. На юге преобладала domestикация коз, а на севере — овец. Формы скотоводства различались в зависимости от условий увлажнения. Так, в районах с увлажнением достаточным для ведения земледельческого хозяйства без искусственного орошения скотоводство было придомным, а хозяйство — комплексным земледельческо-скотоводческим. В аридных районах складывалось преимущественно скотоводческое хозяйство с придомным либо кочевым овцеводством. Уже на самом раннем этапе «неолитической революции» спецификой и характерной особенностью складывающегося на Переднем Востоке производящего хозяйства являлось сосуществование и взаимовлияние общин оседлых земледельцев и кочевых скотоводов (Ламберг-Карловский, Саблов, 1992. С. 67).

Немногочисленные свидетельства, относящиеся к периоду возникновения зачатков земледелия, относятся главным образом к двум протонеолитическим культурам: натуфийской в Палестине и карим-шахирской в горах Загрос в Ираке. Третий центр — Мюррейбит — располагался на реке Евфрат. Датировки натуфийской культуры находятся в пределах X—VIII тыс. до н. э. Носители натуфийской культуры обитали в пещерах (самое известное поселение обнаружено на горе Кармел) и на открытых стоянках (Маллаха). На поселениях Маллаха и Вади Фаллах обнаружены каменные фундаменты жилищ круглой формы с очагами. Дома были врезаны в склон и располагались один над другим (рис. 3а), некоторые использовались вторично для погребений (рис. 3б). Каменная индустрия натуфийской культуры представлена ножевидными пластинами геометрической формы из кремня; микролитическими сегментами и треугольниками; скребками, свёрлами и проколками. Обнаружены заполированные лезвия серпов и костяные (прямые) жатвенные ножи с кремнёвыми вкладышевыми лезвиями. На поселениях натуфийской культуры найдены также каменные ступки и песты для размола зерна (рис. 4б). Среди фаунистических остатков — кости газели, оленя, дикого кабана, гиены, леопарда и собаки.

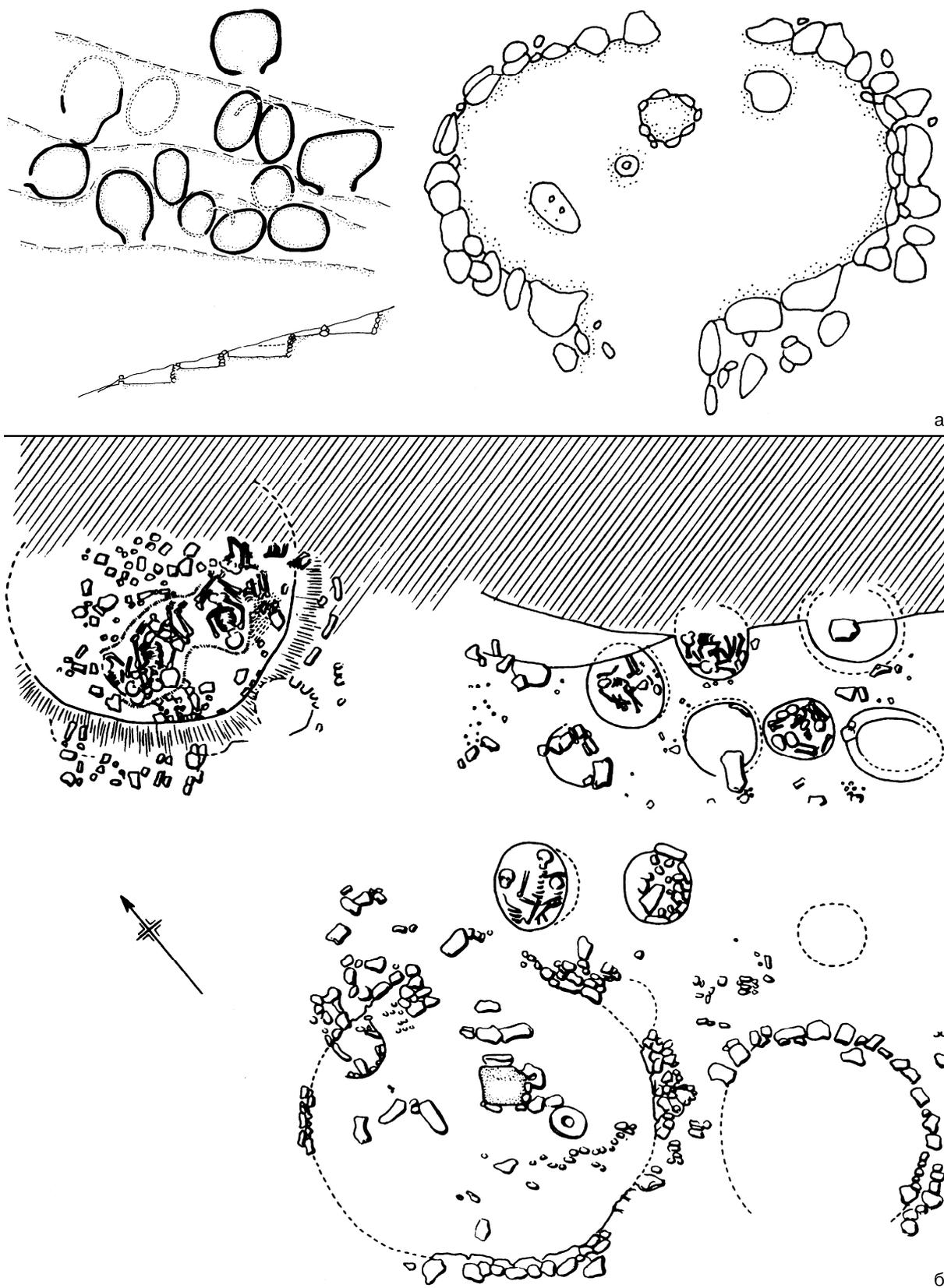

Рис. 3. Планы поселений натуфийской культуры в Леванте: а — Вади Фаллах; б — Маллаха
(а — по М. Stekelis; б — по J. Perrot).

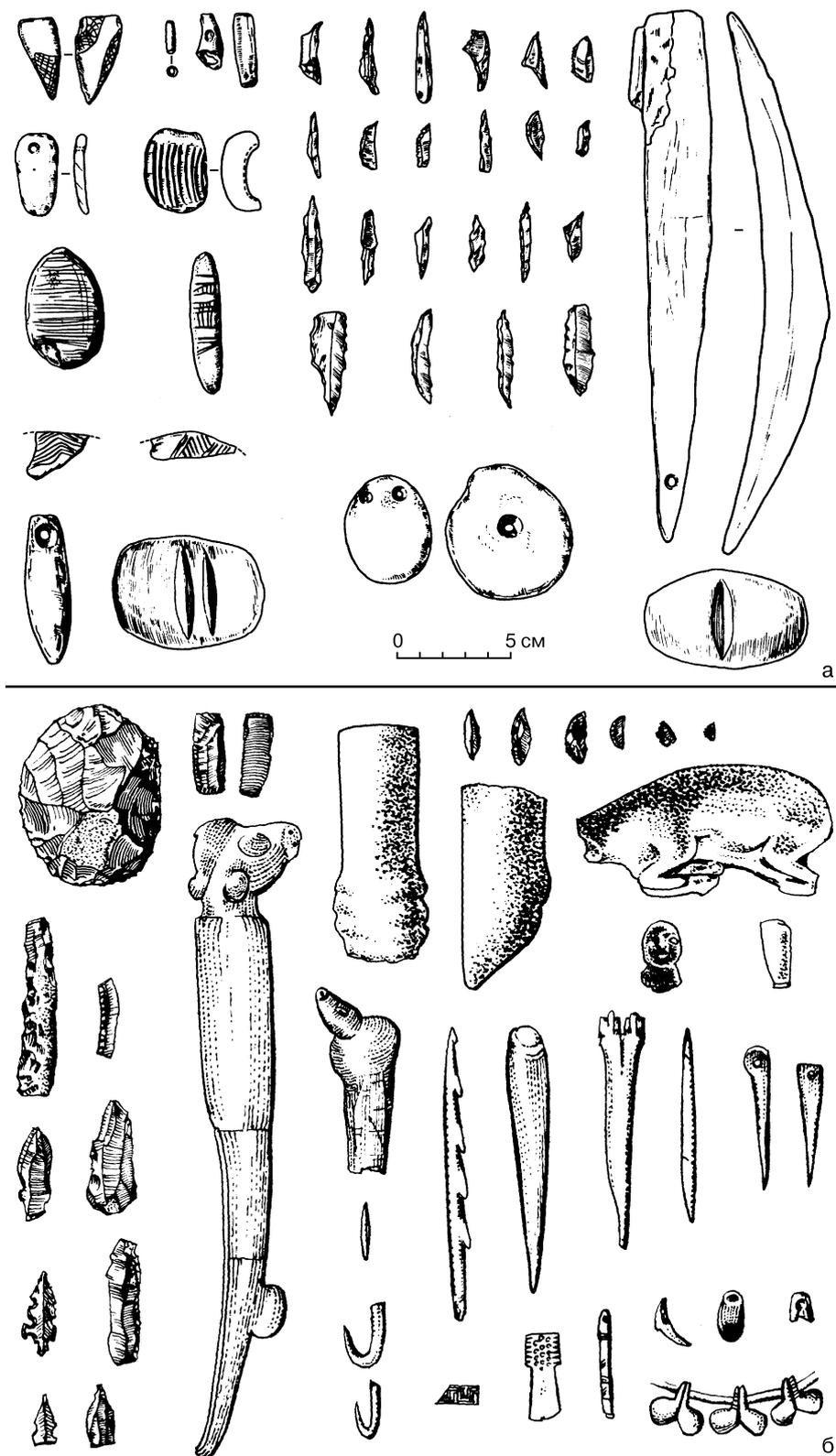

Рис. 4. а — инвентарь поселения Зеви-Чеми Шанидар в Загросе (по R. S. Solecki);
 б — инвентарь натуфийской культуры в Палестине (по R. J. Braidwood).

Животные еще не были одомашнены, но все они использовались как источники пищи. Предпочтение отдавалось газели, что подготовило условия для её одомашнивания в будущем. На горе Кармел и в Маллаха исследованы захоронения черепов людей, в головных уборах расширенных бусинами из раковин. Поселения натуфийцев носили постоянный характер.

Карим-шахирская культура в Загросе представлена как открытыми, так и пещерными стоянками. Для открытого поселения Зави-Чеми-Шанидар получена дата 10800 ± 300 BP (W-681), а для пещерного поселения Шанидар 10600 ± 300 BP (W-667). Основу каменной индустрии шанидарских поселений составляют кремнёвые микролиты геометрической формы и проколки. Здесь, в отличие от натуфийских стоянок, не обнаружены кремневые серпы, но есть зернотёрки и песты-куранты, а также шлифованные каменные топоры (рис. 4а). Население охотилось на оленя, безоарового козла, барана и собирало улиток и речных моллюсков. Зернотёрки служили для растирания зёрен диких злаков. В Карим-Шахире найдены многочисленные костные останки овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей и волков. Возможно, часть животных была одомашнена. Среди кремнёвых орудий обнаружены вкладыши серпов.

В Мюрейбите обнаружены остатки круглых и овальных турлучных построек на каменном фундаменте и с выложенными галькой полами. Диаметр жилищ колеблется от 2,7 до 4 метров. За стенами домов были проложены мощёные дорожки, что могло быть связано с дождливыми сирийскими зимами. Обожжённые ямы, заполненные камнями и глиной, служили очагами и печами для обжаривания зерна. Каменная индустрия представлена кремнёвыми орудиями, в основном из кремня местного происхождения (из речных наносов), изредка встречается обсидиан (из неустановленного пока источника). От 7 до 17 находок составляют микролитические отщепы — сегменты, треугольники и трапеции. До половины орудий составляют микропроколки и крупные шилья. Скобели и резцы, как и вкладыши для жатвенных ножей, встречаются редко. Большинство сравнительно многочисленных наконечников стрел имели выемчатое основание, но есть и черенковые; на всех стрелах нанесена крутая краевая ретушь. Из массивных каменных орудий для Мюрейбита были характерны кремнёвые мотыги и скобели. Из камня изготовляли зернотёрки, ступки и песты, а также кубки и блюда. Найден фрагмент глиняной антропоморфной фигурки (рис. 5). Из фаунистических остатков упомянем кости осла, зубра и газели (по 33 % костей каждого вида). Всего один процент костей приходится на лань, дикого кабана, зайца и волка. Остатков domesticированных животных не найдено. Остатки птиц, рыб и раковин речных моллюсков свидетельствуют о комплексной эксплуатации прибрежного ландшафта населением Мюрейбита. Растительные остатки включали дикий ячмень и ямы заполненные галькой и золой, возможно используемые для обжаривания зерна, также как для мяса и рыбы. Радиоуглеродная дата по углю из жилища во втором слое — 10092 ± 118 BP (P-1216). На Мюрейбите найдены остатки урожая наиболее древних зёрен и семян со всего Переднего Востока. Представлены зёрна однозерняной и крупной двузерняной разновидности *thaoudar*, дикого ячменя, чечевицы и гороха, дополняемые фисташками, семенами молочного горошка и камышом.

В Леванте, на берегу Евфрата и горах Загроса в IX тыс. до н. э. люди делали первые шаги в освоении ресурсов животного и растительного мира. Таким образом, производство пищи началось в различных районах с различными условиями, пищевыми ресурсами и разнообразными типами поселений. В этот период население практиковало сезонные перекочёвки из базовых лагерей во временные стоянки. Традицию совершения вторичных погребений (в Маллахе, Иерихоне и др.) некоторые специалисты связывают именно с сезонными перемещениями общин: останки людей, умерших вне базового лагеря на сезонной стоянке, переносили и вновь захоронивали в базовом лагере; при этом для вторичного погребения, в соответствии с обычаями, отбирались череп и длинные кости, либо только череп умершего (Mellaart, 1975. P. 37—38).

Важнейшим наблюдением, сделанным на Мюрейбите, является обнаружение свидетельств первых опытов культивации растений. Если бобовые и сорняки произрастали в окружающей поселение травянистой степи, а фисташки располагались на соседних холмах, то дикая однозернянка и дикий ячмень не росли в таком низко расположенном ландшафте (менее 300 м над уровнем моря). Ближайший ареал их естественного произрастания — расположенное в 100—150 км базальтовое скальное плато региона Газиантепе. Размеры поселения, состоящего из более двух сотен круглых домов, свидетельствуют о постоянном характере обитания. Ханс Хельбек (1964) предположил, что здесь мы имеем первый подтверждённый пример культивации диких растений, перенесённых человеком из их естественной среды в антропогенный ландшафт.

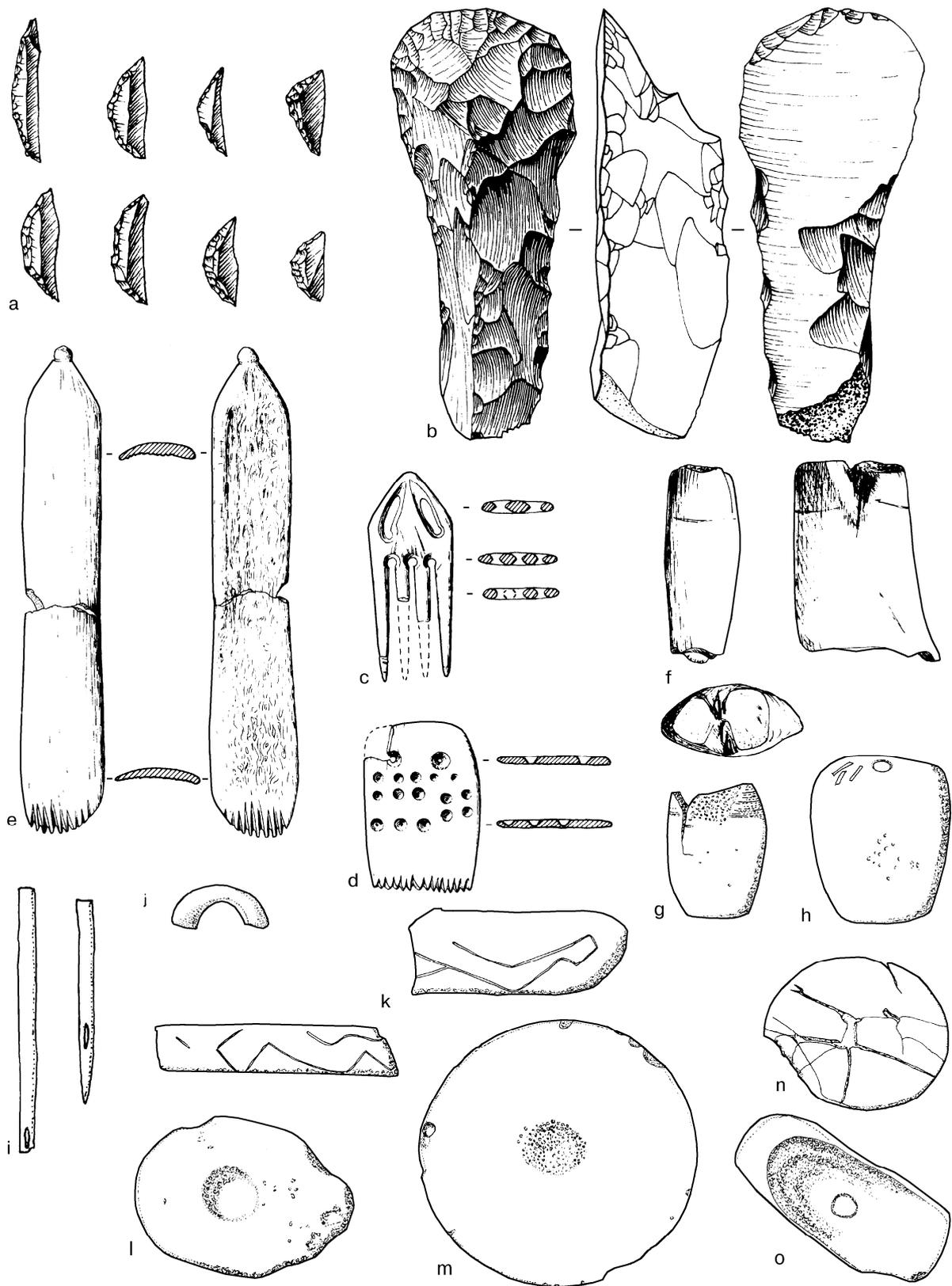

Рис. 5. Инвентарь поселения Мюрейбит в Леванте (по J. Cauvin, M. van Loon).

Чрезвычайная важность находок из Мюрейбита обусловлена тем, что они демонстрируют не только жатву диких зёрен в их естественном ареале, — ставшую обычной практикой для

натуфийского периода, — но следующий шаг в культивации растений, когда люди начали высаживать отдельные виды вне их природного ареала (Mellaart, 1975. Р. 46—47). Размер поселения также свидетельствует, что Мюрейбит функционировал в качестве архаичной деревни, жители которой освоили первые навыки культивации растений.

Примечательно, что начиная с третьей фазы развития поселения Мюрейбит (слои X — XVII) здесь появляются прямоугольные постройки. Однако круглые жилища продолжали существовать бок о бок с прямоугольными. Дома строили из «булкообразных» кусков песчаника, уложенных горизонтальными рядами на глиняном растворе, смешанном с дроблёной галькой. Полы, как и прежде, выстилались камнями или галькой и обмазывались глиной, смешанной с соломой. В верхнем слое XVII обнаружены многокомнатные строения, разрушенные при пожаре. Их стены были турлучные — деревянный каркас обмазанный глиной. Под полами домов найдены человеческие кости — вторичное погребение, а под очагом в круглой постройке — захоронение человеческого черепа и длинных костей скелета. На стене обнаружена геометрическая роспись. По коричневому фону чёрной краской были нанесены горизонтальные зигзаги. Здесь также найден обсидиановый кинжал и вырезанная из песчаника стилизованная человеческая голова. Возможно, это помещение выполняло культовые функции (Cauvin, 1972. Р. 105—115).

Каменная индустрия Мюрейбита III продолжила местные традиции, хотя есть и изменения: микропроколки и ретушированные вкладышевые лезвия были микролитическими.росло количество остроконечников (наконечников стрел), скобелей и резцов, появилась плоская ретушь. Больше распространение получили изделия из обсидиана. Из кости изготавливали орудия подобные «ножам для разрезания бумаги», шилья и бусы. Судя по радиоуглеродным датировкам из слоя XVI третья фаза Мюрейбита синхронна периоду докерамический неолит А в Иерихоне (вторая половина VIII тыс. до н. э.).

В горах Загроса найдены остатки постоянных поселений середины VIII тыс. до н. э. Это Гандж-Даре с домами из кирпича-сырца и свидетельствами одомашнивания коз и овец. Другой памятник — поселение Али-Кош, располагался в засушливых предгорьях Загроса. Здесь тоже найдены свидетельства начала производства пищи — зёрна одомашненной пшеницы «эммер» и двухрядного ячменя. Эти культуры не растут в подгорной зоне и явно были перенесены сюда с гор первыми земледельцами. В очагах были также обнаружены обуглившиеся остатки диких бобовых. Жители стоянки охотились на газель, онагра и быка, а также занимались рыболовством. Большое количество костей молодых особей козла предполагает начало доместикации этого животного.

В другом регионе — в предгорьях Тавра — на поселении Чайёню-Тепеси найдены одомашненные злаки и бобовые (горох, бобы, чечевица), а также кости одомашненных собак и диких животных.

Все эти поселения: Гандж-Даре, Али-Кош и Чайёню-Тепеси были постоянными и круглогодичными. Находки на этих памятниках свидетельствуют о начальном этапе производства пищи при использовании разнообразных местных ресурсов.

Показательно, что даже внедрение элементов производящей экономики в архаичное при-сваивающее хозяйство привело к устойчивому балансу и, как следствие, к усилению черт осёдлости. Последнее отразилось в накоплении значительной толщи культурных отложений на поселениях⁴ и к зарождению архитектуры.

Таким образом можно сделать вывод, что не существовало ни единой модели перехода от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, ни одного «первичного» региона с благоприятными для такого процесса условиями. «Неолитическая революция» происходила в различных регионах, с разнообразными ландшафтами и биотопами. Процесс этот был постепенным и растянулся на тысячелетия. Можно отметить, что на протяжении VIII тыс. до н. э. происходил рост населения, а в VIII—VI тыс. до н. э. на Переднем Востоке формируются крупные деревни и «городки», что было обусловлено укоренением оседлоземледельческого уклада жизни и эффективного производства пищи (Ламберг-Карловски, Саблов, 1992. С. 67).

⁴ Площадь поселения Зави-Чеми-Шанидар — около 4 га, а мощность культурных слоёв — 2 м.

Первым исследованным оседлоземледельческим поселением на Переднем Востоке было Джармо в горах Загроста. Поселение существовало в VII—VI тыс. до н. э. Дома на поселении были прямоугольными и возводились из кирпича-сырца на каменном фундаменте. Полы обмазаны глиной. Половина каменных орудий в Джармо изготовлена из обсидиана, привезённого из месторождений вблизи озера Ван (табл. 1).

Таблица 1.

Обсидиан на памятниках Переднего Востока⁵

Памятник археологии	Источник обсидиана	Период
Чайёню-Тепеси, Северная Сирия (докерамический неолит В)	Восточная Анатолия, Бингёл, Суфан (серый, тип 1г); Немрут-Даг на оз. Ван (зелёный, тип 4с)	7500—6800 до н. э.
Телль-Рамад I—II, Левант (докерамический неолит В)	19 % из Чифтлика; 10 % зелёный из Немрут-Дага на оз. Ван	
Бейда II—III Бейда V	Чифтлик (возможно, в Бейду через Рамад) Немрут-Даг	
Карим-Шахир, Загрост	1 % (196 кусков) Немрут-Даг	8000—6500 до н. э.
Джармо, Загрост	Немрут-Даг, зелёный; Суфан, серый	
Теле-Гуран, Загрост	5—10 % ванский зелёный и серый, тип 4с	6500—5500 до н. э.
Чатал-Хююк, Анатолия	90 % Ачигёл	
Умм-Дабагия, Месопотамия	Зелёный и серый с оз. Ван	
Телль ес-Савван, Месопотамия (культура хассуна)	Догубаязит, тип 4а, у горы Арарат	5600 до н. э.

Население посёлка умело изготавливать керамические сосуды. Из Джармо получены как прямые, так и косвенные свидетельства производства пищи. К косвенным относятся многочисленные находки кремнёвых вкладышей серпов, а также топоров, мотыг, пестов и ступок (рис. 6). Прямые свидетельства — семена окультуренных злаков: два вида пшениц, ячмень, горох и чечевица. Найдены кости одомашненных козы, овцы и свиньи (Braidwood, Howe, 1960. P. 26, 38, 63). Охотились на диких свиней, овец и газелей, собирали фисташки и желуди. Хозяйство жителей Джармо было комплексным и базировалось на охоте, собирательстве и ограниченной domestikации растений и животных. Поселения Загроста отличаются небольшими размерами (в Джармо одновременно проживало не более 500 человек) и техникой каменной индустрии от раннеземледельческих памятников долины Мертвого моря в Иордании. Так, численность населения Иерихона в середине VII тыс. до н. э. была в пять раз выше чем в Джармо.

На холме Иерихона выше слоев натuffийского периода обнаружены слои с круглыми домами площадью 10 акров (8350 — 7350 до н. э.). К. М. Кеньон назвала этот период докерамический неолит А (Kenyon, 1960). Около 7200 до н. э. поселение впервые было окружено стеной (высотой 4 м) с башней высотой 8,5 м и диаметром 10 м. Сооружение обводной стены требовало организованных усилий населения и свидетельствует о существовании некоей социальной организации, обеспеченной экономическими ресурсами. Возможно, оборонительные сооружения служили для защиты поселения от соседних групп охотников и собирателей, собиравшихся в Иерихонский оазис в условиях усилившейся аридизации климата. Рост поселения вероятно был связан с развитием земледельческого хозяйства и переходом к возделыванию злаковых растений.

⁵ Месторождения обсидиана концентрируются у двух групп вулканов: центральная Анатолия (Чифтлик и Ачигёл) и восточная Анатолия (Немрут-Даг, Суфан-Даг у озера Ван и гора Арарат). Обсидиан по путям через перевалы гор Тавра поступал на поселения, начиная с верхнего палеолита (эпипалеолит), но более-менее регулярная торговля датируется временем основания раннеземледельческих поселений раннего голоцена как в Палестине, так и в Загросте. Такая торговля продолжалась на протяжении всего неолита. Только в энеолите обсидиан начал вытесняться металлом и использоваться не как сырьё для орудий, а для дорогих сосудов. Обсидиан был не единственным и не главным товаром. Вероятно торговали и не сохраняющимися материалами, такими как пища, шкуры, ткани, одежда и т. п. Важнейшим «товаром» была также информация (Melaart, 1975. P. 91).

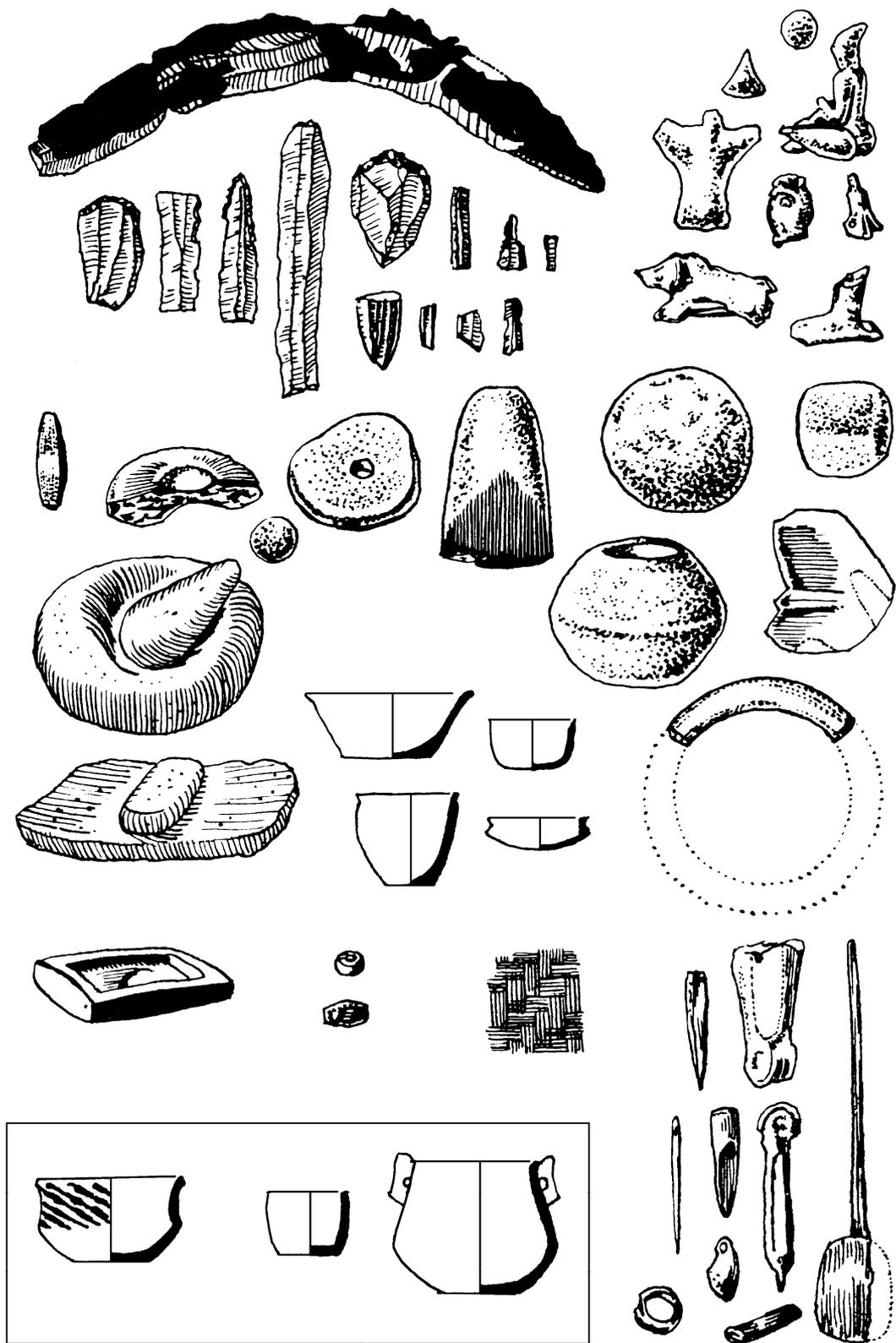

Рис. 6. Инвентарь культуры джармо в Загросе (по R. J. Braidwood).
Внизу слева — образцы наиболее ранней керамики верхних слоев поселения Джармо.

Среди найденных материалов — остатки зерен одомашненного очищенного ячменя, пшениц двузернянки и «эммер», а также обугленные семена чечевицы, фисташки и фиги (Кенуон, 1960). Хранилища для запасов зерна располагались у обводной стены и в жилых сооружениях.

Следов domestikации животных не обнаружено. Охотились главным образом на дикуую газель (37 %), крупный рогатый скот, овцу, козу и кабана. Каменная индустрия продолжала традиции мезолита, в том числе, в изготовлении микролитических орудий и в использовании обсидиана из центральноанатолийского месторождения Чифтлик. Среди орудий выделяются типы, связанные в основном с обработкой дерева: топоры, тёсла, мотыги и долота (Hours, Copeland, Aurenche, 1973. P. 229; 437). В Северной Сирии в синхронных слоях поселения Мюрейбит также были найдены свидетельства складывания земледельческого хозяйства. Связи между первыми раннеземледельческими центрами Сирии и Иордании подтверждаются находками обсидиана из Анатолийских источников.

Поселение на холме Чайёню-Тепеси расположено в долине р. Тигр южнее гор Тавра и к северо-западу от Диярбакира. Пять слоёв поселения датированы периодом от 7500 до 6800 лет до н. э. (период докерамического неолита В). Раскопки этого памятника дали возможность получить сведения о локальных процессах domestikации растений и животных. В нижних слоях Чайёню (I и II) была domestikцирована только собака, другие костные остатки принадлежали добытым на охоте диким животным (зубр, дикий кабан, олень, лань, овца, коза). Из растительных остатков наиболее часто встречаются зёрна дикой разновидности пшеницы «эммер», но пшеница однозернянка, представленная несколькими дикими формами, уже культивировалась. Жители посёлка собирали фисташки, миндаль и дикий горох. В верхних слоях (IV и V) заметно возросло число костей одомашненных животных (овец, коз и свиней?), хотя сохраняется значительное количество добываемых на охоте диких быков и оленей (Reed, 1969). Выросло количество зёрен одомашненных пшениц «эммер» и однозернянки, наряду с продолжавшимся сбором бобовых, миндаля, фисташек и желудей. На поселении Чайёню-тепеси впервые обнаружены прямоугольные каменные сооружения. Здесь найдены многочисленные глиняные поделки, в том числе, антропоморфные женские статуэтки и фигурки животных. Каменная индустрия представлена кремнёвыми неретушированными ножевидными пластинами, вкладышами серпов, ретушированными скребками, ножами, проколками и тщательно обработанными наконечниками стрел. В слое IV найдены несколько кладов, содержащих многочисленные обсидиановые изделия: ножи, острия и специфические орудия более 20 см в длину. Если в нижних слоях доминировал кремь, то в верхних — обсидиан. Анализы показывают, что обсидиан получен из восточноанатолийских месторождений Бингёл, Суфан и Немрут Даг на озере Ван. Среди макролитических орудий упомянем топоры, зернотёрки, песты, молоты, а также подвески и браслеты. Из камня изготавливали также кубки. Чайёню расположен в 20 км от месторождения медной и малахитовой руд Ергани Маден. Уже в нижних слоях поселения появляются изделия, изготовленные холодной ковкой из самородной меди (бусы булавки и стержни квадратного сечения). Это первые образцы кованных изделий из самородной меди на Ближнем Востоке, на тысячу лет опередившее артефакты кованные и выплавленные из самородной меди из поселения Чатал-Хююк.

Анатолийский центр «неолитической революции», — поселение Чатал-Хююк, — расположено на аллювиальной Конийской равнине в Центральной Турции. Холм площадью 32 акра, размерами 600 x 350 м. Это наиболее крупное из известных неолитических поселений на Переднем Востоке. Датированные по ¹⁴C неолитические слои памятника перекрывают период от 6500 до 5400 лет до н. э.. Керамика впервые появляется здесь в слое XII. Экономика Чатал-Хююка базировалась на земледелии (с применением примитивной ирригации) и скотоводстве, торговле и специализированных промыслах.

Обнаружены остатки 14 видов domestikцированных растений, среди них — пшеницы «эммер» и однозернянка, шестирядный голозёрный ячмень. Последний вид был получен в результате гибридизации при применении искусственного орошения (Helbaek, 1964). Эти злаки поставляли протеин и крахмал получаемый из бобовых: гороха и вики. Растительные жиры добывались из семян крестоцветных, желудей, фисташковых и миндаля. Другие фрукты включали дикие яблоки, можжевеловые ягоды, черёмуху и каперсы. Уже с XII слоя Чатал-Хююка встречаются костные останки domestikцированной собаки и крупного рогатого скота, однако кости крупных зуброподобных быков XII слоя сменяются в VI слое остатками менее крупных быков. Костей домашних овец много, а остатки коз встречаются редко. Одомашненный круп-

ный рогатый скот поставлял жителям Чатал-Хююка 90 % мясной пищи, а также служил транспортным средством. Приручение быков нашло отражение в изображениях «игры с быком» на стене святилища и в бычьих черепахах из алтарей Чатал-Хююка. На охоте добывались онагры, олени, лани, кабаны, медведи, волки и львы (или леопарды). Найдены также кости рыб и птиц и яичная скорлупа. В отличие от других культурных центров Чатал-Хююкский центр специализировался на выращивании пшеницы, а не ячменя (как Левант) и на разведении крупного рогатого скота, а не овец и коз (как Северная Месопотамия) или коз (как Загрос и Левант). Здесь в Анатолии (как и в Месопотамии) культивируемые растения достигли особого расцвета вне зоны их естественного произрастания. По мнению Г. Хельбека, исследовавшего растительные остатки из Чатал-Хююка, этим видам должен был предшествовать длительный период их доместикации вне пределов Конийской равнины (Helbaek, 1964. P. 113). Начавшись в горных районах, «неолитическая революция» достигает расцвета в первую очередь на равнинных пространствах.

Всё это, а также явный хронологический приоритет здешнего орошаемого земледелия перед месопотамским, указывает на местные анатолийские традиции, независимые от соседних регионов. Действительно, только использование для ирригации реки, на которой располагался Чатал-Хююк, сделало возможным земледелие в этой широкой открытой долине; дикие предки злаков здесь не произрастали. Поэтому, резонно предположить, что первые поселенцы пришли сюда из предгорных регионов, возможно с востока или юго-востока, ареала обсидиановых месторождений и смежных горных районов Тавра и Антитавра.

Антропологически смешанная популяция Чатал-Хююка представлена евроафриканским (59 %), протосредиземноморским долихоцефальным (17 %) и альпийским брахицефальным (24 %) типами. Поселение состояло из тысячи домов и 5000—6000 жителей. Поселение не только контролировало ресурсы долины Конья, но также торговлю обсидианом и другим сырьём в соседнем ареале. Существование такого крупного населённого пункта несомненно вызывало избыток населения и приводило к его распространению по округе с основанием новых деревень и городков. Так происходило распространение навыков производящего хозяйства, культов и традиций, а также языка чатал-хююкцев по всему региону южной Анатолии.

Дома в Чатал-Хююке были прямоугольной формы, стандартного размера площадью около 25 м². Дома состояли из жилого помещения и маленькой «кладовки» для хранения припасов. Попасть в дом можно было через отверстие в потолке по деревянной лестнице. Дома располагались вплотную друг к другу так, что потолок одного жилища образовывал «веранду» для стоящего выше по склону холма здания. Интерьер состоял из печи, открытого очага, скамей из глины и глиняных платформ, использовавшихся для работы, сна и погребения умерших родственников. В сплошной застройке можно заметить выделение более толстыми обводными стенами нескольких (2—6) домов, группирующихся вокруг помещения-святилища с алтарём, настенными росписями и погребениями. В. М. Массон полагает, что, как и на Джейтуне, такие группы жилищ предназначались для проживания групп парных семей, «предшественника большесемейных общин» (Массон, 1971. С. 107).

Каменная индустрия представлена выполненными на отщепках орудиями, изготовленными из ачигёлского обсидиана (90 %) и сирийского кремня. Орудия покрыты тонкой струйчатой ретушью. Среди 50 выделенных типов изделий преобладает оружие (кинжалы, ножи, наконечники копий, стрел и др.); изготавливали также различные ножевидные лезвия, боковые скребки, полированные обсидиановые зеркала. Из камня делали песты, зернотёрки, молоты, топоры и тёсла. Часть оружия была явно престижными объектами, например полированные каменные наконечники булавы и тщательно отретушированные кремнёвые и обсидиановые кинжалы. В качестве метательного оружия использовались обожжённые глиняные шары и «ядра» для пращи. На Чатал-Хююке нет микролитических орудий, серпы, в основном деревянные, либо из оленьего рога, были дуговидной формы. В качестве контейнеров население использовало плетёные корзины, кожаные, деревянные, глиняные и каменные сосуды. Зафиксировано использование металлов (свинца и меди) для изготовления украшений — бус, подвесок, перстней и т. п. (Neuninger, Pittioni, Siegl, 1964). Найдены на поселении остатки тканей из шерстяных и льняных нитей (Helbaek, 1963; Ryder, 1965).

О развитых идеологических представлениях и культах жителей Чатал-Хююка свидетельствуют находки антропоморфных и зооморфных фигурок из камня и глины, рельефные изображения (бычьи головы, леопарды, богиня-повелительница зверей) и настенные фрески в святилищах.

На севере Иракской равнины в Ассирийской степи расположено поселение середины VII тыс. до н. э. Умм-Дабагия (к этой культуре относятся также поселения Телль-Сотто и Теллул ел-Таллатат). Памятник представляет собой холм размерами 100 x 85 м, высотой 4 м и состоит из четырех строительных горизонтов. Дома поселения были прямоугольной формы многокомнатные с глиняными крашенными полами. Центральная часть холма оставалась не застроенной. Здесь образовался замощенный внутренний двор или площадь. Цветные росписи на стенах (изображающие охоту на онагров) сближают жилища Умм-Дабагии и Чатал-Хююка. В домах построены хранилища для шкур онагров. По мнению автора раскопок Д. Киркбрайд, община Умм-Дабагии специализировалась на охоте на диких онагров и выделке их шкур на продажу (Kirkbride, 1966. P. 1—8; 1973. P. 205—209). Действительно, среди костных остатков онагр составляет более 68 %. Охотились из-за мяса также на газель, дикого кабана, зубра и барсука. Найдены также кости морфологически уже вполне одомашненных овец, коз (овца и коза преобладают среди одомашненных видов), крупного рогатого скота, свиней и собак. Следует учесть, что поселение расположено на границе зоны неполивного земледелия. Близкое расположение гипсового подпочвенного слоя делает невозможной ирригацию этого региона. Поэтому свидетельства земледелия здесь крайне скудны: пшеницы «эммер» и однозернянка, ячмень, чечевица, белый горох и хлебная пшеница, видимо были перенесены из северных предгорных районов, так как они не растут в окружающей поселение сухой степи (Helbaek, 1972. P. 17—19).

Жители Умм-Дабагии изготавливали специфическую посуду из глины, смешанной с соломой. Среди каменных орудий много изделий из обсидиана, привезённого из района озера Ван, и из кремня местного происхождения. Среди орудий — ножевидные лезвия, концевые и боковые скребки, вкладыши серпов. Выделяются также кремнёвые наконечники стрел сирийского типа. Найдены каменные полированные топоры и булавы. В качестве «пуль» для пращи использовались глиняные шары.

Изучение специализированной культуры Умм-Дабагия свидетельствует, что к середине VII тыс. до н. э. как внутри, так и между общинами Иерихона, Чатал-Хююка, Чайёню, Умм-Дабагии и Джармо существовала известная степень специализации. Каждая из этих общин полностью приспособилась к условиям окружающей её природной среды и производила для своих личных потребностей весьма своеобразные орудия.

«Неолитическую революцию» следует рассматривать как процесс адаптации, протекавший длительное время (с X до начала V тыс. до н. э.). Десятки поселений, исследованных в Анатолии, Палестине, предгорьях Загроста в Иране и в других районах, выявили значительное разнообразие неолитических общин. Эти различия относятся к размеру поселений и численности населения; условиям природного окружения и системе ведения хозяйства; технике и технологии; участию в системе торгового обмена; социальной организации. Не удаётся выделить какой-либо фактор, игравший доминирующую роль в переходе к производству пищи, — все они играли основополагающую роль для каждой общины при сохранении своеобразия региональных путей «неолитической революции». По мнению В. М. Массона, переход к производящей экономике на Переднем Востоке характеризуется в первую очередь сложением здесь земледельческо-скотоводческого хозяйства на базе высокоразвитой экономики охотников-собираателей — «первая модель» или «переднеазиатский тип развития» (1971. С. 111).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку, 1982.
Амирханов Х. А. Становление производящего хозяйства на Северном Кавказе (по раскопкам в Чохе) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюзного совещания. Ереван, 1982а.
Амирханов Х. А. Чохское поселение — памятник становления производящего хозяйства в Дагестане // Природа. № 5. 1982б.
Амирханов Х. А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. № 2. 1983.

- Амирханов Х. А.* Чохская археологическая культура и проблема культурных ареалов раннего голоцена кругокаспийской области // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Амирханов Х. А.* Чохское поселение. М., 1987.
- Бадер Н. О.* О соотношении верхнепалеолитических и мезолитических культур Крыма, Кавказа и Ближнего Востока // Труды VII МКАЭН. М., 1964.
- Бадер Н. О.* Различия между верхнепалеолитическими культурами Закавказья и Ближнего Востока // Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
- Бадер Н. О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии: Исследования Советской археологической экспедиции в Ираке на поселениях тель Магзалия, тель Сотто, Кюльтепе. М., 1989.
- Башилов В. А.* «Неолитическая революция» в древнем Перу // КСИА. Вып. 180. 1984.
- Бердзенишвили Н. З., Небиеридзе Л. Д.* Полевые работы Причерноморской археологической экспедиции // ПАИ 1976 г. 1979.
- Вавилов Н. И.* Опыт агроэкологического обозрения важнейших полевых культур. М.; Л., 1957.
- Вавилов Н. И.* Ботанико-географические основы селекции / Избранные труды. Т. 2, М.; Л., 1960а.
- Вавилов Н. И.* Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев / Избранные труды. Т. 2. М.; Л., 1960б.
- Вавилов Н. И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий / Избранные труды. Т. 5. М.; Л., 1965а.
- Вавилов Н. И.* Центры происхождения культурных растений высокогорий / Избранные труды. Т. 5. М.; Л., 1965б.
- Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Кизурадзе Т. В.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1972—1973 гг.) // АЭГМГ. Вып. 4. 1975а.
- Глonti Л. И., Джавахишвили А. И., Кизурадзе Т. В.* Антропоморфные фигурки Храмис-Диди-Гора // ВГМГ. Вып. 31-В. 1975б.
- Григолия Г., Мирцхулава Г.* Итоги работ по изучению каменного века в Мигрелии // ПАИ 1974 г. 1976.
- Григолия Г. К., Окроперидзе Н. И., Барамидзе М. В., Джапаридзе Д. В., Джагамая Д. К.* Итоги работы Ингурской археологической экспедиции в 1969—1970 гг. // ТД СПИПАИ 1970 г. 1971.
- Гуляев В. И.* Становление производящего хозяйства в доколумбовой Мезоамерике // КСИА. Вып. 180. 1984.
- Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.
- Джавахишвили А. И., Нариманов И. Г., Кизурадзе Т. В.* Южный Кавказ в VI—IV тыс. до н. э. // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии. Тбилиси, 1987.
- Джапаридзе О. М., Джавахишвили А. И.* Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси, 1971.
- Дьяконов И. М.* Типы этнических передвижений в ранней древности // Древний Восток. № 4. Ереван, 1983.
- Жуковский П. М.* Культурные растения и их сородичи. М., 1964.
- Иессен А. А.* Кавказ и Древний Восток в IV и III тыс. до н. э. // КСИА. Вып. 93. 1963.
- История первобытного общества.* М., 1986.
- Каландадзе К. С., Небиеридзе Л. Д., Каландаршвили Ш. И., Кинцураквиле О. В.* Итоги работ Цхалтубской археологической экспедиции // ПАИ 1979 г. 1982.
- Каландадзе К. С.* Неолитическая культура Западной Грузии в свете новых археологических открытий / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1969.
- Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1975а.
- Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья // Отчёт Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1971 гг.). Тбилиси, 1975б.
- Кизурадзе Т. В.* Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси, 1976.
- Киквидзе Я. А.* Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1975.
- Коробкова Г. Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л., 1987.
- Коробкова Г. Ф., Гаджиев М. Г.* О культурных и хозяйственных особенностях поселения Гинчи (Дагестан) // СА. № 1. 1983.
- Коробкова Г. Ф., Кизурадзе Т. В.* К вопросу о функциональной классификации каменных орудий на Шулаверис-гора // КСИА. Вып. 132. 1972.
- Коробкова Г. Ф., Эсакия К. М.* Обсидиановая индустрия Цопи // МАГК. № 7. 1979.
- Кушнарёва К. Х.* К проблеме кавказского мезолита // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван, 1984.
- Кушнарёва К. Х.* Южный Кавказ в IX—II тыс. до н. э. СПб, 1993.
- Кушнарёва К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа Л., 1970.

- Ламберг-Карловски К., Саблов Дж.* Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М., 1992
- Лисицына Г. Н.* Культурные растения ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э. // СА. № 3. 1970.
- Лисицына Г. Н.* Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 1972.
- Лисицына Г. Н.* Проблема становления производящих форм хозяйства в свете новейших палеоэтноботанических исследований в Передней Азии // КСИА. Вып. 180. 1984а.
- Лисицына Г. Н.* К вопросу о раннем земледелии в Южной Грузии // Человек и окружающая его среда. Тбилиси, 1984б.
- Лисицына Г. Н., Прищепенко Л. В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Лукин А. Л.* Неолитическое селище Кистрик близ Гудаут // СА. № 12. 1950.
- Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Л., 1975.
- Массон В. М.* Поселение Джейтун. Л., 1971.
- Массон В. М.* Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. М., 1982а.
- Массон В. М.* Введение // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982б.
- Менабде М. В., Кизурадзе Т. В., Гогодзе К. М.* Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1978—1979 гг.) // АЭГМГ. Вып. 7. 1980.
- Мунчаев Р. М.* Энеолит Кавказа // Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.
- Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии: Исследования Советской экспедиции в Ираке. М., 1981.
- Нариманов И. Г.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья // VII МКДП. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана: эпоха энеолита VI — IV тыс. до н. э. / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1982а.
- Нариманов И. Г.* Культура равнин Восточного Закавказья в ранней бронзе // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюзного совещания. Ереван, 1982б.
- Нариманов И. Г.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана. Баку, 1987.
- Небиеридзе Л. Д.* Итоги полевых работ неолитического отряда Причерноморской археологической экспедиции по изучению памятников каменного века в 1960 г. // Итоги полевых археологических исследований на территории ГССР в 1960 г. Тбилиси, 1961.
- Небиеридзе Л. Д.* Раннеолитический памятник в Анасеули // Труды Института истории АН Грузинской ССР. Т. 7. 1964.
- Небиеридзе Л. Д.* Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972.
- Небиеридзе Л. Д.* Даркветский многослойный навес // АО 1971 г. 1978.
- Небиеридзе Л. Д.* Ранние ступени развития западнокавказской раннеземледельческой культуры. Тбилиси, 1986.
- Петров В. П.* Подсечное земледелие. Киев, 1968.
- Пхакадзе Г. Г.* Некоторые вопросы энеолита Западного Закавказья // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. 130. № 1. Тбилиси, 1988.
- Решетов А. М.* Основные хозяйственно-культурные типы ранних земледельцев // Ранние земледельцы. Л., 1980.
- Сардарян С. А.* Первобытное общество в Армении. Ереван, 1967.
- Семёнов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1974.
- Синская Е. Н.* Учение Н. И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры // Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилов. М.; Л., 1966.
- Соловьёв Л. Н.* Неолитические поселения Черноморского побережья Кавказа: Нижне-Шиловское и Кистрик // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
- Титов В. С.* Первое общественное разделение труда: древнейшие земледельческие и скотоводческие племена // КСИА. Вып. 88. 1962.
- Титов В. С.* Некоторые проблемы возникновения и распространения производящего хозяйства в Юго-Восточной Европе и на юге Средней Азии // КСИА. Вып. 180. 1984.
- Торосян Р. М.* Раннеземледельческая культура Армении: (По материалам поселения Техут) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ереван, 1971.
- Торосян Р. М.* Раннеземледельческое поселение Техут. Ереван, 1976.
- Формозов А. А.* Обзор исследований мезолитических стоянок на Кавказе // СА. № 4. 1963.
- Чартолани Ш. Г.* К истории нагорья Западной Грузии доклассовой эпохи. Тбилиси, 1989.
- Чубинишвили Т. Н.* К древней истории Южного Кавказа. Тбилиси, 1971.

- Чубинишвили Т. Н.* Новые данные к истории раннеземледельческой культуры Квемо-Картли // ДПК. № 33. 1973.
- Чубинишвили Т. Н., Кушнарёва К. Х.* Новые материалы по энеолиту Южного Кавказа // Вестник общественных наук АН Грузинской ССР. № 6. 1967.
- Чубинишвили Т. Н., Челидзе Л. М.* Итоги работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции // ПАИ 1972 г. 1973.
- Шнирельман В. А.* Современные концепции происхождения производящего хозяйства // СА. № 3. 1978.
- Шнирельман В. А.* Происхождение скотоводства. М., 1980.
- Шнирельман В. А.* Возникновение производящего хозяйства / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1989.
- Braidwood R. J.* The Near East and foundations for civilization. Oregon, 1952.
- Braidwood R. J., Reed Ch.* The achievement and early consequences of food-production // Gold Spring Handor Symposia on Quantitative Biol. Vol. 22. New York, 1957.
- Braidwood R. J., Howe B.* Prehistoric investigations in Iraqi Kurdistan. Chicago, 1960.
- Burney C.* Excavations at Yanik-tepe, Azerbaijan, 1962 // Iraq. Vol. XXVI. Part 1. 1964.
- Burton-Brown T.* Excavations in Azerbaijan, 1948. London, 1955.
- Cauvin J.* Nouvelles fouilles a Tell Mureybet (Syria): 1971—1972. Rapport preliminaire // Annales archeologiques arabes de Syrie. Vol. XXII. 1972.
- Dyson R., Yong T.* The Soldus Valley, Iran: Pisdelitepe // Antiquity. No. 133. Cambridge, 1960.
- Flannery K.* The ecology of early food production in Mesopotamia // Science. Vol. 147, No. 3663. Chicago, 1965.
- Flannery K.* Origins and ecological effects of early domestications in Iran and the Near East // Domestications of Plants and Animals. London, 1969.
- Flannery K.* The Origins of the village as a settlement type in Mesoamerica and the Near East // Man, Settlement and Urbanism. Hartfordshire, 1972.
- Garrod D.* The relations between Southwest Asia and Europe in the Later Paleolithic Age // Journal of World History. 1953.
- Harlan J. R.* A wheat harvest in Turkey // Archaeology. Vol. 20. No. 3 1967.
- Helbaek H.* Textiles from Catal Huyuk // Archaeology. Vol. 16. 1963.
- Helbaek H.* First impressions of the Catal Huyuk plant husbandry // Anatolian Studies. Vol. XIV. 1964.
- Helbaek H.* Traces of plants in the early ceramic site of Umm Dabaghiyah // Iraq. Vol. XXXIV 1972.
- Hours F., Copeland L., Aurenche O.* Les industries paleolithiques du Proche-Orient, essai de correlation // L'Anthropologie. No. 77, 1973.
- Kenyon K. M.* Excavations at Jericho, 1957—1958 // Palestine Exploration Quarterly. 1960.
- Kirkbride D. A.* Five seasons at the Pre-Pottery Neolithic village of Beidha in Jordan // Palestine Exploration Quarterly. 1966.
- Kirkbride D. A.* Umm Dabaghiyan, 1972 // Iraq. Vol. XXXV. 1973.
- Lisitsina G.* The Caucasus — a center of ancient farming in Eurasia // Plants and Ancient Man. Rotterdam, Boston, 1984.
- Mellaart J.* Earliest civilizations of the Near East. London, 1965.
- Mellaart J.* The Neolithic of the Near East. London, 1975.
- Neuninger H., Pittioni R., Siegl W.* Frühkeramikzeitliche Kupfergewinnung in Anatolien // Archaeologia Austriaca. No. 35. 1964.
- Reed C. A.* The pattern of animal domestication in the Prehistoric Near East // Domestication and exploitation of plants and animals. London, 1969.
- Reilly E.* Tilkitepedeki ilk kazilar // TTAED. Vol. 4. 1940.
- Ryder M.* Report of textiles from Catal Huyuk // Anatolian Studies. Vol. XV. 1965.
- Zeist van W., Woldring H.* Postglacial pollen diagram from Lake Van in East Anatolia // Review of Paleobotany and Palinology. No. 26. Amsterdam, 1978.

К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ НАЧАЛА НЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Широкое внедрение в практику хронологических исследований неолита в археологии Восточной Европы данных радиоуглеродного датирования началось значительно позже, чем на Ближнем Востоке, в Южной, Центральной, Западной Европе и Скандинавии. Значительное увеличение количества данных по абсолютной хронологии восточноевропейского неолита происшедшее в последние годы (см. Неолит Северной Евразии, 1996, список радиоуглеродных дат; статьи в сборниках «Радиоуглерод и археология» 1996, 1997, «Radiocarbon and Archaeology», 2000, под ред. Г. И. Зайцевой и др.) существенно изменило хронологическое положение неолита рассматриваемой территории в общей системе неолитических культур континента. До недавнего времени неолит Восточной Европы, особенно лесной зоны, рассматривался как явление более позднее и, в определенной мере вторичное по отношению к пласту ранних земледельческих культур Юга Европы — Греции, Балкан, Средней Европы (напр. Zvelebil, Dolukhanov, 1991), а также Средней Азии — культур, связанных в конечном итоге своим происхождением с древним ближневосточным центром неолитизации. Исследования последних десятилетий, накопление данных абсолютного датирования по многим регионам рассматриваемой территории, значительно скорректировали, в особенности, представления о нижней границе восточноевропейского неолита. Наиболее ранние радиоуглеродные даты получены для памятников неолита Юга, степной и лесостепной зон. Основные данные, имеющие отношение к проблеме времени начала неолита этой обширной территории, сгруппированы на табл. 1. Вертикальные линии на таблицах — графиках радиоуглеродных дат, приведенных в статье (табл. 1, 4, 5), соответствуют отдельным датировкам в значении «лет тому назад» (BP), взятым с удвоенной величиной статистической ошибки, что обеспечивает вероятность 95 %.

Важные хронологические данные получены в последние годы, для неолитических памятников Нижнего Подонья и Восточного Приазовья. В целом для уже многочисленных неолитических памятников этого региона ряд вопросов, связанных с их культурной атрибуцией и относительной хронологией остается пока дискуссионным, а мезолитические комплексы, которые фиксировали бы четко нижнюю границу неолита, пока не выявлены (см. обзор: А. Цыбрий, В. Цыбрий, 2003). В то же время, определенные ориентиры дают имеющиеся данные радиоуглеродной хронологии, полученные в основном, лабораториями Санкт-Петербурга (ИИМК РАН) и Киева.

На ранний возраст неолита Нижнего Подонья указывает серия датировок многослойного поселения Ракушечный Яр с четкой стратиграфией, исследованного широкой площадью раскопками Т. Д. Белановской (1995; см. также: Белановская, Тимофеев, 2003). Для материалов памятника, представляющего особую ракушечноярскую культуру региона, наиболее характерна плоскодонная керамика, орнаментированная раздельно поставленными треугольными наколками. Наиболее ранние даты, в интервале порядка 7500—8000 л. т. н., происходящие из слоя XX (ниже которого залегают еще три тонких слоя с неолитическими находками), получены по фрагментам керамики с пищевым нагаром на внутренней поверхности сосудов, т. е. непосредственно связаны с комплексом слоя и датированными сосудами, фиксируя момент их использования (Белановская, Тимофеев, Зайцева, Ковалюх, Скрипкин, 2003). Датировки слоя XX находятся в хорошем соответствии с датами вышележащих неолитических и энеолитических слоев этого памятника. Временем около 7500 л. т. н. датированы также поселения Приазовья — Матвеев Курган 1, исследованное Л. Я. Крижевской (1992) и 6500—7600 л. т. н. (серийными датами) Кременная II (А. Цыбрий, 2003. С. 53). Временем около 7500 л. т. н. датировано также раннеолитическое погребение на стоянке Клешня 3 на Северском Донце (Манько, Телиженко, 2002. С. 6—7). Материалы этих памятников не идентичны, кремневый инвентарь Матвеева Кургана и Кременной II имеет более архаичный облик, а фрагменты керамики очень немногочисленны, по сравнению с богатой и разнообразной керамической коллекцией неолитических слоев Ракушечного Яра. В целом, материалы неолитических нижних слоев этого уникального

памятника имеют довольно развитый облик, однако, например, и ранние могильники Надпорожья (Марьевский, Васильевский 2-й, см. ниже) первоначально были отнесены исследователями к поздненеолитическому времени. Введение в практику исследования независимого метода установления абсолютной хронологии уже неоднократно корректировало эволюционные схемы развития материала. Различия материалов, на наш взгляд, могут скорее объясняться не хронологическими, а культурными, этнографическими факторами. Так, в неолите Средней Азии, параллельно с раннеземледельческой джейтунской культурой, для которой характерен развитый и разнообразный ассортимент керамических сосудов, существовала гиссарская культура, вопрос о керамическом комплексе которой до сих пор неясен. Какими-то конкретными обстоятельствами, связанными с хозяйственным укладом, образом жизни населения, условиями расположения и характером памятников может объясняться сосуществование в регионе неолитических поселений с многочисленными находками керамики (слои Ракушечного Яра) и памятников с очень небольшим количеством фрагментов глиняных сосудов (Матвеев Курган). Можно отметить, что в последние годы в рассматриваемом регионе исследованы памятники, в кремневом инвентаре которых представлены серийно разнообразные типы геометрических микролитов, в том числе раннего облика (А. Цыбрий, 2003. С. 47, рис. 3), с керамикой и при преобладании в фаунистических комплексах костей крупного рогатого скота и минимальном количестве диких видов (А. Цыбрий, В. Цыбрий, 2003. С. 27). Имеются данные о наличии костей домашних животных в раннем памятнике с материалами иного облика — стоянке Раздорская 2, расположенной в 5 км ниже по течению Дона от Ракушечного Яра, на противоположном берегу реки (В. Цыбрий, Кияшко, 2003. С. 30).

В фаунистических коллекциях опорных сейчас неолитических памятников Нижнего Подонья и Приазовья — Ракушечном Яре, в том числе в нижних слоях и в комплексах Матвеево-курганских поселений, наряду с охотничьей фауной, ихтиофауной, остатками раковин, свидетельствующими, очевидно, об определенной роли собирательства, имеется ограниченное количество костей домашних животных, прежде всего крупного и мелкого рогатого скота. Отмечены также кости лошади и свиньи, степень доместикации которых, как известно, всегда представляет определенные трудности для палеозологов. В одном случае кости лошади Матвеева Кургана 1 были определены как принадлежащие без сомнения доместигированной особи (Крижевская, 1992. С. 103). Типологическое разнообразие неолитических материалов Приазовья требует детальной разработки хронологии микрорайонов и отдельных типов неолитических памятников. В то же время, наличие в обширном регионе Нижнего Подонья и Восточного Приазовья керамического производства и безусловных элементов производящего хозяйства в период 7500—8000 лет т. н. (табл. 1, раздел IV) не вызывает сомнений и первое появление их, очевидно, следует относить к более раннему времени.

Хронологические данные по неолиту Нижнего Подонья существенны и в сравнении с имеющимися для соседней степной неолитической культуры — сурской, памятники которой известны в Днепровском Надпорожье (основная группа), Северо-Западном Приазовьи, а также в нижнем течении Северского Донца (Телегин, 1996. С. 40—44). Определенная близость керамических материалов сурской культуры и неолита Ракушечного Яра была отмечена Д. Я. Телегиным (1984. С. 364) и Т. Д. Белановской (1995. С. 178—179). В последние годы получены датировки для нескольких памятников этой культуры, в том числе эпонимного памятника — о-ва Сурской (Telegin, Kovalyukh, Potekhina, Lillie, 2000, P. 64; см. статью Д. Я. Телегина в настоящем сборнике). Имеются данные о присутствии в фаунистических коллекциях сурской культуры широкого спектра домашних видов, в том числе крупный и мелкий рогатый скот, свинья, лошадь, при многочисленности также охотничьей фауны, составляющей в коллекциях половину и более костных остатков (Котова, 2002. С. 116, табл. 4). Наиболее ранние радиоуглеродные датировки памятников сурской культуры находятся в интервале 7300—6800 л. т. н. (табл. 1, раздел II).

Кроме памятников, даты которых включены в табл. 1, древний (7500—8000 л. т. н.) возраст показывает также ранняя группа могильников Мариупольского типа Надпорожья (Марьевский, Васильевский 2-й) (Telegin, Kovalyukh, Potekhina, Lillie, 2000). По заключению Д. Я. Телегина, эти памятники относятся к концу мезолита — началу неолитического периода, существует мнение о их мезолитической атрибуции (см. статьи Д. Я. Телегина и М. Lillie в настоящем сборнике).

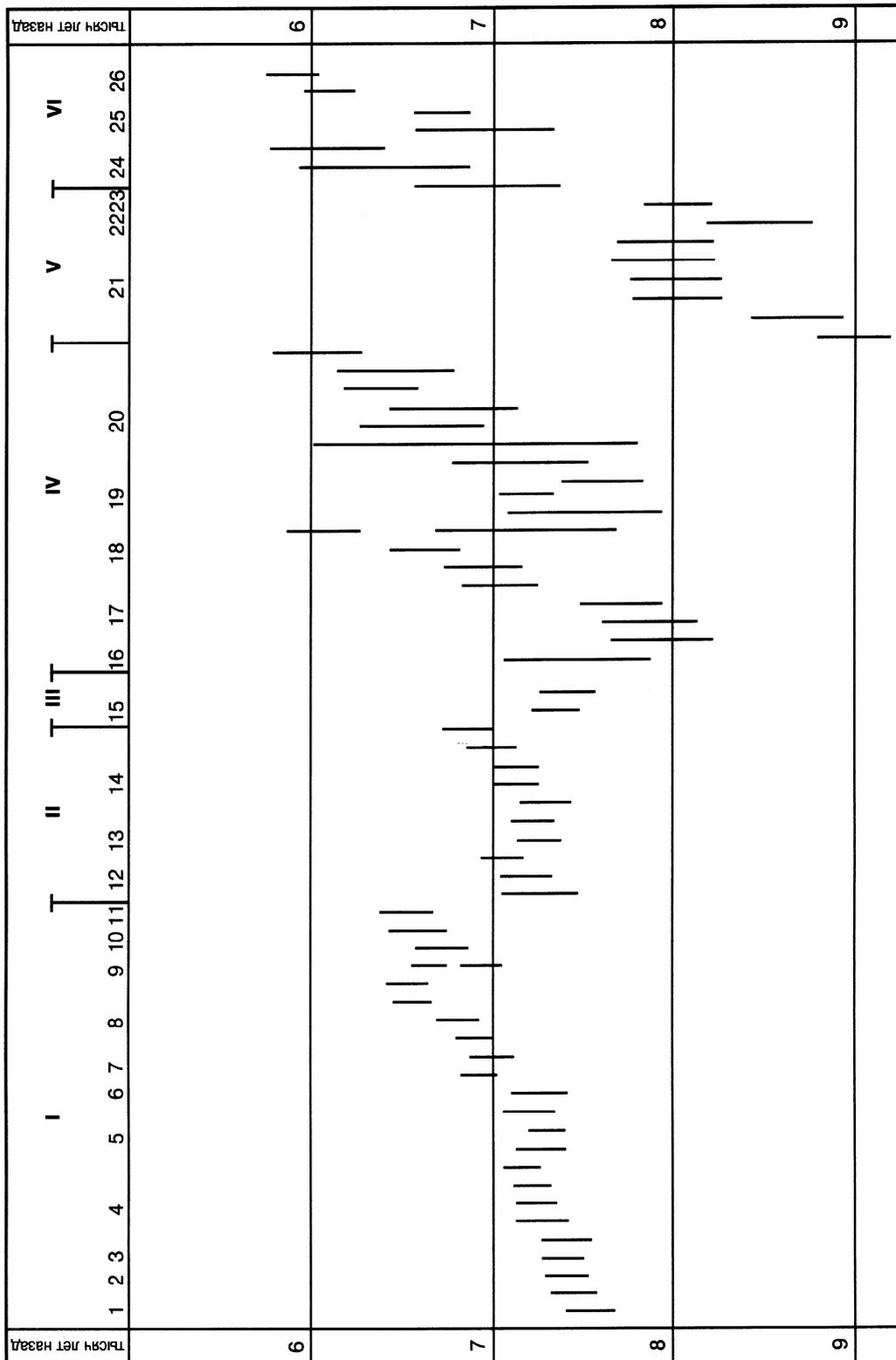

Таблица 1.

К табл. 1. Радиоуглеродные датировки памятников раннего неолита Юга Восточной Европы (ВР).

I. Буго-днестровская культура (южно-бугский вариант): 1 — Заньковцы (нижний слой); 2 — Сокольцы 2 (нижний слой); 3 — Митьков о-в (нижний слой); 4 — Базьков о-в (нижний слой); 5 — Печера — (нижний слой); 6 — Сокольцы 1 (нижний слой); 7 — Саврань; 8 — Пугач 2; 9 — Гард 3; 10 — Базьков о-в (верхний слой); 11 — Миколина Брояка.

II. Сурская культура: 12 — Каменная Могила; 13 — Сурской о-в (нижний слой); 14 — Семеновка (нижний слой).

III. 15 — Погребение 1 в Клешня 3 на Сев. Донце.

IV. Неолит Нижнего Подонья и Приазовья: 16 — Самсоновское (нижний слой); 17 — Ракушечный Яр (слой XX); 18 — Ракушечный Яр (слои XV—VIII); 19 — Матвеев Курган 1; 20 — Кременная 2.

V. Елшанская культура: 21 — Чекалино 4; 22 — Лебяжинка 4; 23 — Ивановская.

VI. Неолит Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия: 24 — Варфоломеевская стоянка (нижний слой); 25 — Каиршак III; 26 — Джангар.

Одним из наиболее важных событий последних лет для проблематики неолитизации Восточной Европы явилось выделение елшанской раннеолитической культуры и установление ее хронологического положения. Памятники елшанского типа расположены преимущественно в лесостепи междуречья Волги и Урала, отдельные стоянки известны на правом берегу Волги и западнее, сходные материалы происходят из бассейна р. Мокши (Мамонов, 2000а. С. 147—148). Первые материалы этого типа были открыты в 1970-е гг., когда были исследованы Первая и Вторая Старо-елшанские стоянки в бассейне р. Самары (Васильев, Пенин, 1977). Группы стоянок этого типа известны в бассейне р. Самара и на ее притоках (Васильев, Пенин, 1977; Выборнов, Пенин, 1979; Моргунова, 1980; 1995; 2000; Васильев, Выборнов, Габышев, Моргунова, Пенин, 1980 и др.). Ряд памятников елшанской культуры исследован в бассейне р. Сок (Мамонов, 1988; Кузьмина, Ластовский, 1995; Колев, Мамонов, Ластовский, 1995 и др.), в том числе один из опорных для хронологии культуры стратифицированных памятников — Чекалино 4 (Мамонов, 1995). Важные исследования по проблематике елшанской культуры принадлежат А. Е. Мамонову (1995; 1999; 2000а; 2000б), обосновавшему выделение этой своеобразной раннеолитической культуры, разработавшему вопросы периодизации и хронологии ее памятников. Несколько раньше И. Б. Васильев и А. А. Выборнов (1988) определили елшанские находки как новый раннеолитический тип материалов. Н. Л. Моргунова (1995; 2000 и др., а также статья Н. Л. Моргуновой в настоящем сборнике) включает елшанские материалы в состав особой Волго-Уральской неолитической культуры в качестве ее раннего этапа. Н. Л. Моргуновой были проведены масштабные стационарные раскопки на Ивановской стоянке на р. Ток (2204 м²), где были выделены культурные слои неолита, энеолита и бронзового века. Керамика елшанского типа связана с наиболее глубокими горизонтами культурных отложений. Очевидно, именно с елшанскими материалами связывается радиоуглеродная дата 8020 ± 90 ВР (Ле-2343), полученная по кости из нижнего слоя памятника (Тимофеев, Зайцева, 1997. С. 100). Значение этой даты существенно, поскольку полученные позднее датировки других памятников выполнены по раковинам, материалу более сложному для определения возраста. Значительная серия радиоуглеродных дат, выполненных в лабораториях ИИМК РАН и ГИН РАН, получена по одному из опорных памятников — Чекалино 4 на р. Сок (Мамонов, 1995. С. 3—25; см. также: Тимофеев, Зайцева, 1997. С. 100). В целом, несмотря на некоторый разброс значений, датировки указывают на существование елшанской культуры, раннего ее этапа, с которым связываются, по А. Е. Мамонову (2000б) все имеющиеся датировки, наиболее вероятно, в период 8000—8500 л. т. н. (табл. 1, раздел V). Ранние датировки елшанской культуры хорошо соответствуют результатам палинологических исследований, проведенных Е. А. Спиридоновой и Ю. А. Лаврушиным, относящим формирование слоев, в которых залегают елшанские материалы в датированных стоянках Чекалино 4 и Лебяжинка IV, к бореальному климатическому периоду. Раннему хронологическому положению данных комплексов соответствует облик керамики, в которой представлены, в частности, архаичные «шиподонные» сосуды, и кремневого инвентаря, включающего наконечники позднемезолитических типов на пластинах (что, вместе с тем, дает некоторые основания для сомнений в «чистоте» комплексов, см. Костылева, 2003. С. 216). Имеющиеся данные показывают сложный, комплексный характер присваивающего хозяйства (рыболовство, охота, причем представлены виды как лесной фауны, так и характерные для степи и даже полупустынной зоны, собирательство, документированное скоплениями раковин, обнаруженными

на ряде памятников). По данным палеозоологических определений П. А. Козинцева для опорных памятников Чекалино 4 и Лебяжинка 4 domesticiрованные виды отсутствуют (Мамонов, 2000а. С. 159). Иные данные приведены А. Г. Петренко (1995, С. 211) для нижнего слоя Ивановской стоянки (преобладание костей одомашненной лошади, наличие крупного рогатого скота и овцы). Все же, видимо, следует учитывать отмеченную Н. Л. Моргуновой неоднородность состава находок нижнего слоя, присутствие в нем разновременных материалов (Моргунова, 1995. С. 105, рис. 3). Обобщая имеющиеся материалы, Н. М. Моргунова (статья в настоящем сборнике) приходит к выводу о преобладании в хозяйственном укладе неолита Волго-Уральского междуречья охоты, с возможным переходом к скотоводству в среднем неолите, на юге региона. В целом, ряд данных, дополняющих результаты радиоуглеродного датирования, позволяет считать памятники раннего этапа елшанской культуры древнейшими из известных сейчас неолитических памятников Восточной Европы. Наиболее ранние из имеющихся радиоуглеродные даты неолитических памятников Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия (табл. 1, раздел VI), в том числе нижнего слоя Варфоломеевской стоянки и стоянки Каиршак III, относятся ко времени около 7000 л. т. н., что соответствует, в принципе, датировке позднемезолитического комплекса в Каиршак Va, 7255 ± 95 л. т. н., Ки-7663 (Козин, 2000. С. 31). В тоже время собственно раннеолитические памятники этого региона, в частности стоянки кугатского типа Северного Прикаспия (Козин, 2000, С. 31—32) пока не имеют радиоуглеродных дат.

Древнейшей неолитической культурой Юго-Запада Восточной Европы является буго-днестровская, известная прежде всего по исследованиям В. Н. Даниленко (1969) на Южном Буге и В. И. Маркевича (1974) в Приднестровье. Подробный обзор данных был сделан Е. К. Черныш (1996. С. 19—26). Серийные радиоуглеродные датировки имеются прежде всего для южнобугского варианта культуры (Telegin, Kovaliukh, Potekhina, Lillie, 2000. P. 63—64; статья Д. Я. Телегина в настоящем сборнике). Определенная ревизия материалов буго-днестровской культуры была предпринята недавно Н. С. Котовой (2002), пересмотревшей, в частности, периодизацию культуры и предложившей, прежде всего на основе материалов южно-бугской группы памятников, вместо дробной схемы, разработанной В. Н. Даниленко, деление на два периода (Котова, 2002. С. 22—24). В фаунистических коллекциях фиксируются кости домашних животных, прежде всего крупного рогатого скота, количество их значительно варьирует, что, возможно, связано с сезонным характером поселений (Котова, 2002. С. 52, 118, табл. 8, 9) на некоторых памятниках, особенно второго периода развития культуры количество костей домашних видов превышает количество остатков охотничьей фауны. На отдельных фрагментах керамики из нескольких памятников (Котова, Пашкевич, 2002. С. 109, табл. 2) отмечены отпечатки культурных злаков (ячмень, просо, три вида пшеницы.). Материалы памятников, в частности наличие серий роговых мотыг, каменных пестов, зернотерок дают основания для предположения о наличии мотыжного земледелия, в форме характерной для условий лесостепи (Котова, 2002. С. 44; Левковская и др., 2003. С. 312). Впервые эта мысль была высказана В. Н. Даниленко (1969). Все же, судя по относительной немногочисленности отпечатков злаков, по сравнению, например, с керамическими коллекциями развитой земледельческой культуры линейно-ленточной керамики, земледелие для населения буго-днестровской культуры имело ограниченное значение. Для раннеолитических памятников Юго-Запада несомненно впервые отмеченные В. Н. Даниленко (1969) признаки влияний ранних Балканских культур круга Криш-Кёреш-Старчево, элементы уходящие корнями в более ранний неолит Греции, связанный происхождением с древними земледельческими культурами Передней Азии. Наиболее ранние датировки памятников южно-бугского варианта буго-днестровской культуры (табл. 1, раздел I) относятся ко времени около 7500—7200 л. т. н., т. е. комплексы этой культуры, признанно имеющие в своем составе элементы балканского происхождения и представляющие собой в определенной мере периферию круга ранних балканских культур, относятся ко времени несколько более позднему, чем наиболее ранние неолитические памятники лесостепного Заволжья и Подонья. В целом, можно прийти к выводу, что начало неолита (появление керамического производства и элементов производящего хозяйства) на юге и юго-востоке степи-лесостепи Восточной Европы относится ко времени не позднее 8000 л. т. н. Уже многочисленные данные радиоуглеродной хронологии показывают, что памятники неолита Юго-Востока и Юга по крайней мере не уступают возрастом раннеолитическим комплексам материковой Греции (ср. табл. 2, 3).

Возможно, происхождение плоскодонной керамики южнорусских степей и первых элементов производящей экономики следует связывать с Кавказским регионом, с ранними комплексами типа Чохского поселения (Амирханов, 1987). Происхождение первой остродонной керамики, елшанского типа, видимо было иным. По-видимому, следует признать наличие к востоку от области распространения влияний традиционнo ранних центров неолитизации особого, собственно восточноевропейского древнего центра керамического производства, появление которого не связано с влияниями, по крайней мере, более западных ранне-неолитических культур, а также ранне-неолитических культур среднеазиатского круга и в целом с миром древних общностей носителей экономики производящего типа. На ранних памятниках елшанской культуры появление первой керамики не сопровождалось появлением первых элементов производящей экономики. Можно отметить, что в Нижнем Поволжье, судя по данным стратифицированной Варфоломеевской стоянки, данные, свидетельствующие о формировании производящего хозяйства, появляются лишь во второй половине позднего неолита (Юдин, 2003. С. 90—96). Судя по данным радиоуглеродной хронологии, с учетом отчетливых типологических различий древнейших типов керамики, можно говорить по крайней мере (Тимофеев, 1997; 2000) о двух независимых древних центрах керамического производства в Восточной Европе, локализующихся на юго-востоке и на юго-западе этой обширной части континента, а также и о более раннем хронологическом положении юго-восточного центра, связанного с ареалом елшанской культуры.

Таблица 2.

Наиболее ранние радиоуглеродные датировки неолитических памятников регионов Юга Восточной Европы (лет тому назад, некалиброванные даты)

РЕГИОНЫ		
Юго-Запад	Юго-Восток	Южнорусские степи
КУЛЬТУРЫ		
Буго-днестровская культура	Елшанская культура	Неолит Нижнего Подонья
Соколыцы II	Чекалино 4	Ракушечный Яр
7470 ± 60 ВР, Ki-6697	8990 ± 100 ВР, Ле-4781	Слой 20
7405 ± 55 ВР, Ki-6698	8000 ± 120 ВР, Ле-4782	7930 ± 140 ВР, Ki-6476
Пещера	8050 ± 120 ВР, Ле-4783	7860 ± 130 ВР, Ki-6477
7305 ± 50 ВР, Ki-6693	7940 ± 140 ВР, Ле-4784	7690 ± 110 ВР, Ki-6475
7260 ± 65 ВР, Ki-6692	8680 ± 120 ВР, ГИН-7085	Слой 15
Безьков остров	7950 ± 130 ВР, ГИН-7088	7040 ± 100 ВР, Ki-6480
7410 ± 65 ВР, Ki-8166	Лебяжинка-4	6930 ± 100 ВР, Ki-6478
7270 ± 70 ВР, Ki-8167	8470 ± 140 ВР, ГИН-7088	Матвеев Курган I
7235 ± 60 ВР, Ki-6651	Ивановская	7505 ± 210 ВР, GrN-7193
7215 ± 55 ВР, Ki-6696	8020 ± 90 ВР, Ле-2343	7180 ± 70 ВР, Ле-1217
7160 ± 55 ВР, Ki-6652		

Таблица 3.

Некоторые наиболее ранние радиоуглеродные датировки памятников раннего керамического неолита Греции (лет тому назад, некалиброванные даты)

Памятник	Радиоуглеродный возраст, ВР	Лабораторный индекс
Франчти	7704 ± 81	P-1525
Франчти	7278 ± 100	P-1667
Сескло	7611 ± 100	P-1679
Сескло	7427 ± 78	P-1678
Элатейя	7480 ± 70	GrN-2973
Элатейя	7360 ± 90	GrN-3037

Хронологическое положение ранне-неолитических культур степи и лесостепи важно для хронологии неолита более северных территорий, лесной зоны. Следует в этой связи вспомнить гипотезы, высказанные в свое время выдающимся исследователем каменного века степной зоны В. Н. Даниленко (1969), считавшим степной неолит очень древним и связывавшим именно с ним импульс, который привел к возникновению первого керамического производства в культурах, которые были расположены к северу и западу от рассматриваемой территории.

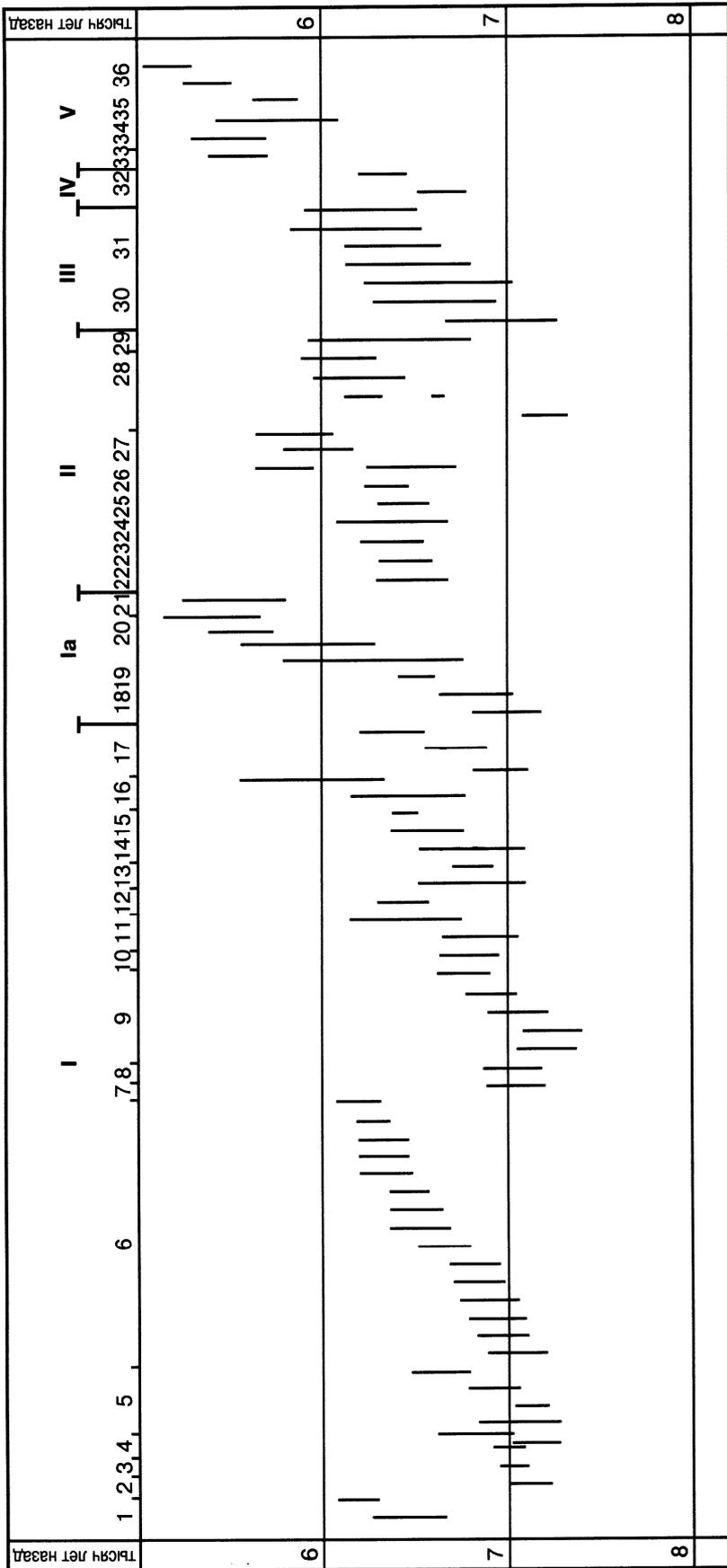

Таблица 4. Радиоуглеродные датировки памятников раннего неолита Центральной, Северной и Северо-восточной частей лесной зоны и арктической зоны Европейской части России (ВР).

I. Верхневолжская культура: 1 — Сахтыш 2а; 2 — Беливо II; 3 — Становое 4; 4 — Замостье 2; 5 — Ивановское VII; 6 — Ивановское III; 7 — Ивановское II; 8 — Берендеево I; 9 — Берендеево II; 10 — Васьковская; 11 — Васьковская-правая; 12 — Никольская-правая; 13 — Окамово 18; 14 — Окамово 5; 15 — Воймежное I; 16 — Озерки 5; 17 — Языково.

Ia. Валдайская культура, ранне-неолитический этап: 18 — Баранова Гора, Нижние Котлици; 19 — Залесье 1; 20 — Ланино 2; 21 — Черная Речка I.

II. Культура сперрингс: 22 — Петрема IX; 23 — Шелтозеро XI; 24 — Шелтозеро X; 25 — Шелтозеро V; 26 — Хелоярви; 27 — Ерлин Пудас; 28 — Тудозеро V; 29 — Усть-Рыбежна I.

III. Ранний неолит типа Вёкса: 30 — Вёкса; 31 — Вёкса III.

IV. Ранний неолит типа Чернороборская III: 32 — Прилукская.

V. Ранний неолит Кольского п-ва: 33 — Чаванья; 34 — Устье Дроздовки; 35 — Маяк 2 (нижний слой).

В последние десятилетия для памятников раннего неолита лесной зоны Восточной Европы и Севера Европейской России были получены серии радиоуглеродных датировок. Большинство дат опорных памятников сведено в табл.4. Наиболее обеспечена данными хронология древнейшей в регионе верхневолжской культуры, для которой детально разработаны периодизация и типология материалов, что в данном случае наиболее важно — керамики, особенности и схема развития которой выявлены на материалах эталонных коллекций торфяниковых памятников (Костылева, 1986; 1994; 2003). Для самых ранних керамических комплексов характерны сосуды с плоским дном, неорнаментированные или украшенные наколами овальной или подтреугольной формы. Наиболее близкие аналогии ранней верхневолжской керамике, как отмечает в недавнем исследовании Е. Л. Костылева, имеются в более южных неолитических комплексах — в нижневолжской культурной области, в ракушечной культуре Нижнего Подонья, а также в памятниках позднего этапа елшанской культуры (Костылева, 2003. С. 215). Важные данные получены исследованиями стоянки Замостье 2 с четкой стратиграфией, отражающей переходный период от мезолита к раннему неолиту. Детальный анализ этих материалов (Лозовский, 2003. С. 219—240) позволил убедительно проследить преемственность верхневолжских раннеолитических материалов от финального мезолита по данным кремневой и костяной индустрий, представительной серии объектов, связанных с искусством раннего неолита и позднего — финального мезолита. В то же время, сделаны существенные наблюдения о появлении вместе с первой керамикой некоторых инноваций в инвентаре (Лозовский, 2003. С. 239) свидетельствующих, очевидно, о появлении среди населения стоянки носителей несколько иных культурных традиций. В целом, появление некоторых новых черт в инвентаре (так сказать, инноваций второго порядка), сопутствующее распространению керамического производства, можно считать достаточно характерным для перехода от мезолита к неолиту в лесной зоне Восточной Европы (Тимофеев, 2002. С. 210). Наиболее ранние датировки верхневолжских комплексов относятся ко времени около 7300—7000 л. т. н. (табл. 4, раздел I). Отмеченные случаи более поздних датировок (около 6500 л. т. н. и несколько позже) типологически ранних комплексов (статья Е. Л. Костылевой и Н. Е. Зарецкой в настоящем сборнике), возможно, указывают на более длительное переживание типологически ранней керамики в некоторых микрорайонах. Примерно синхронно верхневолжской (Синицына, Зарецкая, 2002. С. 196—208) происходит формирование родственной ей валдайской культуры (Гурина, 1958; 1973), граничащей с верхневолжской на западе и имеющей много типологически сходных черт в материальной культуре. В отличие от верхневолжской культуры, сменившейся в конце раннего неолита льяловской культурой ямочно-гребенчатой керамики, валдайская культура существовала не только в раннем неолите, время ее существования более продолжительно (радиоуглеродные данные — табл. 4, раздел Ia). Верхневолжская и валдайская (раннеолитического этапа) культуры внесли, видимо, важный вклад в распространение керамического производства на Север, Северо-Запад и Северо-Восток. Верхневолжские элементы прослеживаются, особенно в орнаментике, в том числе в мотивах орнаментации, в раннеолитической керамике типа сперрингс Карелии, Финляндии и смежных регионов, что было отмечено рядом авторов (статья К. Э. Германа в настоящем сборнике), в выделенных в последние годы ранних керамических комплексах Севера, представленных на раскопанных широкой площадью стратифицированных стоянках Вологодской обл. — Тудозеро V, Вёкса, Вёкса III (статьи М. В. и А. М. Иванищевых, Н. Г. Недомолкиной в настоящем сборнике). Ранневалдайские элементы давно отмечены в керамических комплексах типа Черноборская III на Крайнем Европейском Северо-Востоке (Лузгин, 1973. С. 97—98). Важные новые данные по этой проблеме приведены С. В. Ошибкиной (2003. С. 241—254).

Радиоуглеродные даты (табл. 4, разделы II—IV) указывают, в целом, на более поздний возраст раннеолитических памятников северных территорий по сравнению с ранним неолитом Центральной России. В то же время, некоторые данные могут указывать на случаи быстрого распространения навыков керамического производства в северном направлении (Тудозеро V, 7240 ± 60 л. т. н. (ГА-2354); Вёкса III, нижний культурный слой, 6950 ± 150 л. т. н. (Ле-5866)). Датировки раннего неолита Крайнего Севера, памятников Кольского полуострова, относятся ко времени уже после 6000 л. т. н. (табл. 4, раздел V).

Радиоуглеродные датировки опорных памятников раннеолитических культур Восточно-Балтийского региона и смежных территорий приведены в табл. 5. Наиболее обеспечена ими

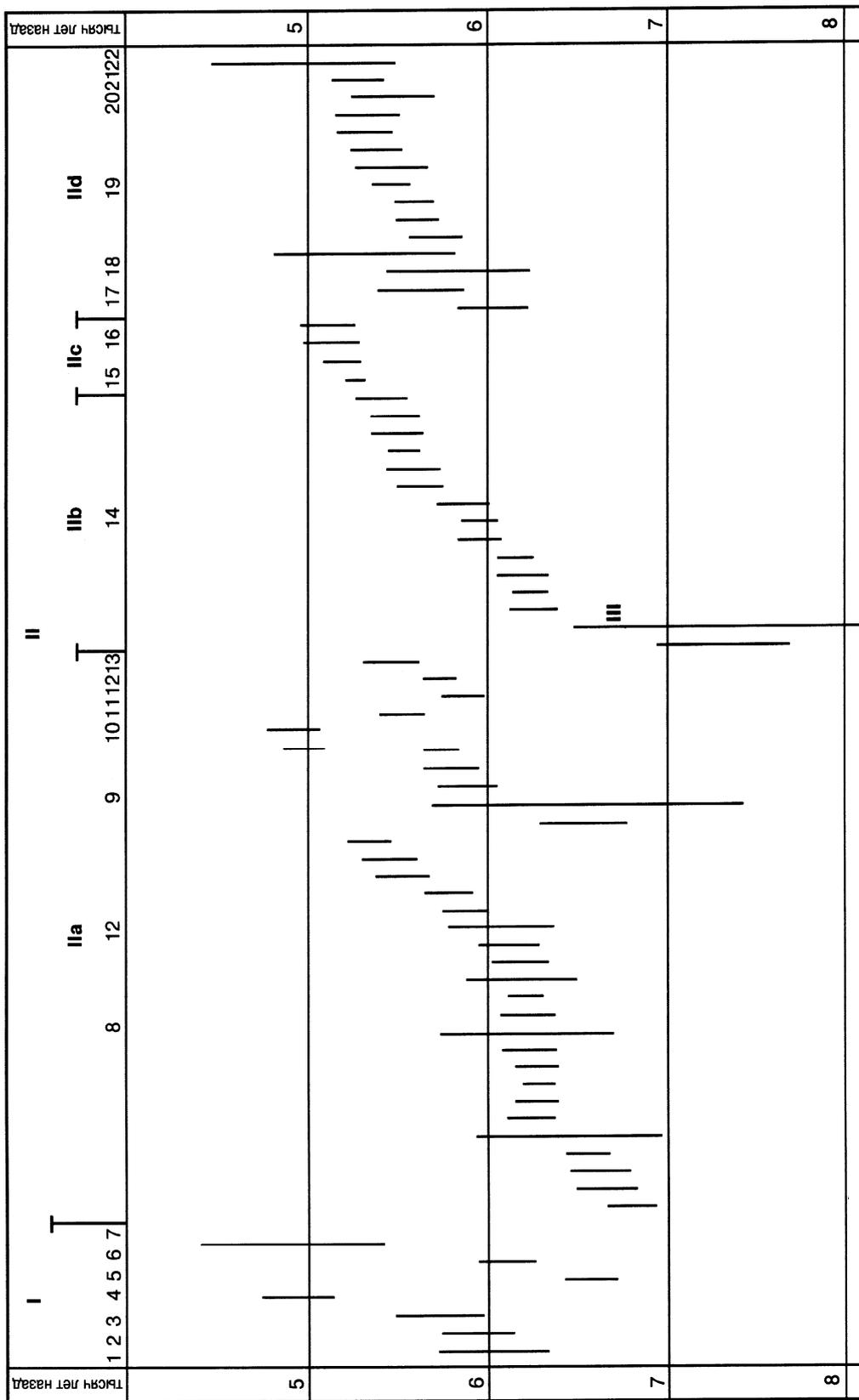

Таблица 5.

К таблице 5. Радиоуглеродные датировки памятников раннего неолита Восточно-Балтийского региона и смежных территорий (ВР).

I. Неманская культура: 1 — Новодворце (Польша); 2 — Вожна-Весь (Польша); 3 — Сосьня (Польша); 4 — Коржечник 6/7 (Польша); 5 — Катра 1 (Литва); 6 — Катра 2 (Литва); 7 — Запсе 5 (Литва).

II. Нарвская культура.

IIa. Южный вариант нарвской культуры: 8 — Звидзе (Латвия); 9 — Оса (Латвия); 10 — Звейсалас (Латвия); 11 — Жемайтишке 3 (нижний слой; Литва); 12 — Асавец 4 (Белоруссия); 13 — Заценье (Белоруссия).

IIb. Руднянская культура (по А. М. Микляеву и А. Н. Мазуркевичу): 14 — Рудня Сертейская.

IIc. Памятники типа слоя В Сертеи VIII/X (по А. Н. Мазуркевичу): 15 — Сертея X; 16 — Сертея VIII.

IIд. Северный вариант нарвской культуры: 17 — Нарва-Рийгикюля IV; 18 — Нарва, слой I; 19 — Кёпу I; 20 — Нарва-Рийгикюля IX; 21 — Нарва-Рийгикюля XI; 22 — Сяберская III.

III. Сертейская культура. Сертея X.

нарвская раннеолитическая культура. В этой культуре, занимающей значительную часть Восточно-Балтийского региона, выделенной Н. Н. Гуриной (1967), можно отметить не менее трех локальных вариантов, различающихся и своим хронологическим положением (Тимофеев, 1975). Западный вариант, включающий памятники литоральной зоны Латвии и Литвы, на наш взгляд относится уже к развитому неолиту. Мы коснемся здесь лишь раннеолитических групп нарвской культуры. Южный локальный вариант, наиболее ранний в этой культуре, включает эталонные, стратифицированные торфяниковые поселения Оса и Звидзе и некоторые другие в Юго-Восточной Латвии (Загорскис, 1967; Загорскис и др, 1984; Zagorskis, 1973; Лозе, 1988; Лозе, Лийва, 1986; статья И. А. Лозе и А. А. Лийва в настоящем сборнике), стоянки на севере Белоруссии (Чернявский, 1978), в Восточной Литве ранненарвские материалы наиболее представлены в Жемайтишке 3, нижний слой (Girininkas, 1985; Brazaitis, 2002). В Оса и Звидзе слои с раннеолитическими материалами нарвской культуры перекрывают культурные слои позднего мезолита. Хронология наиболее разработана для южного варианта, серийными датами многослойных поселений Звидзе и Оса (табл. 5, раздел IIa). Судя по этим данным, нижняя временная граница нарвской культуры относится ко времени около 6700—6600 л. т. н. К несколько более позднему времени относятся комплексы выделенной А. М. Микляевым (1995) родственной нарвской руднянской культуры междуречья Западной Двины и Ловати. Наиболее ранние из значительной серии датировок, полученных для эталонного памятника Рудня Сертейская относятся ко времени около 6300—6200 л. т. н. (табл. 5, раздел IIb). По А. Н. Мазуркевичу (2000. С. 49) на финальном этапе этой культуры появляется новое население, родственное носителям верхневолжской и валдайской культур — комплексы типа слоя В Сертеи VIII/X, датированные временем около 5300—5100 л. т. н. (табл. 5, раздел IIc). Северный локальный вариант нарвской культуры, по материалам памятников которого эта культура была впервые выделена (Гурина, 1967) занимал в раннем неолите территорию Эстонии (Янитс, 1984) и современной Ленинградской обл. (Тимофеев, 1993). В последние годы важные новые исследования памятников нарвской культуры в Эстонии были проведены А. Крийска (Kriiska, 2003. S. 84—93). Наиболее ранние датировки памятников северного варианта относятся ко времени около 6000 л. т. н. (табл. 5, раздел IIд).

Самой западной из раннеолитических культур восточно-балтийского круга является неманская. Памятники ее известны в Белоруссии, в бассейнах Немана и Припяти, в Юго-Восточной Литве, на северо-востоке Польши (Римантене, 1966; Исаенко, 1976; Чарняўскі, 1979; 2000; Kempisty, Sulgostowska, 1991; Piliciauskas, 2002 и др.). Значительная часть орнаментации и форма остродонных сосудов, а также состав глиняного теста сближает раннюю (типа Дубичай) керамику неманской культуры с древнейшими сосудами южного варианта нарвской культуры, что объясняется, скорее всего, заимствованием керамического производства из одного источника. Для наиболее ранних керамических комплексов, типа Дубичай, выделяемых сейчас М. М. Чернявским (Чарняўскі, 2000. С. 32; статья М. М. Чернявского в настоящем сборнике) как особую раннеолитическую культуру, имеются отдельные радиоуглеродные даты, приходящиеся на интервал 6500—6000 л. т. н. (табл. 5, раздел I). По-видимому, именно к интервалу 6600—6500 л. т. н. относится широкое распространение керамического производства в Восточно-Балтийском регионе. Следует отметить, что на западе Балтики, в Скандинавии, первая керамика, представленная архаичными, часто «шиподонными» сосудами, наиболее близкими ранней керамике лесной — лесо-

степной зоны Восточной Европы появляется не ранее 5800 л. т. н., что устанавливается многочисленными радиоуглеродными датами (датировки эталонных памятников приведены на табл. 6).

Таблица 6.

Радиоуглеродные датировки
эталонных памятников первой керамической культуры Скандинавии — Эртебёлле

Памятник	Радиоуглеродный возраст, ВР	Лабораторный индекс
Эртебёлле	5760 ± 100	К-1529
Эртебёлле	5660 ± 120	К-1530
Эртебёлле	5600 ± 120	К-1531
Эртебёлле	5550 ± 110	К-1532
Эртебёлле	5570 ± 110	К-1533
Эртебёлле	5580 ± 110	К-1534
Бровст	5610 ± 100	К-1613
Бровст	5500 ± 100	К-1856
Бровст	5490 ± 110	К-1857
Бровст	5420 ± 100	К-1864

Эти данные находятся в хорошем соответствии с датами финальномезолитических комплексов, подстилающих слои с материалами керамического Эртебелле (табл. 7).

Таблица 7.

Радиоуглеродные датировки позднемезолитических комплексов,
предшествующих распространению керамики типа Эртебёлле в Скандинавии

Памятник	Радиоуглеродный возраст, ВР	Лабораторный индекс
Хенриксхольм	6050 ± 120	К-1829
Хенриксхольм	6170 ± 120	К-1828
Бровст, н.слой	6160 ± 110	К-1858
Бровст, н.слой	6450 ± 120	К-1862

Скорее всего, можно говорить о восточных корнях керамического производства Эртебёлле (Даниленко, 1969. С. 182—183; Тимофеев, 1994. С. 73). На других территориях Европейского континента более ранние прототипы керамики типа Эртебёлле неизвестны. Так же как и в лесной зоне Восточной Европы первая керамика Скандинавии появляется как бы «внезапно» (Andersen, Johansen, 1986. Р. 52), вместе с несколькими новыми (как роговые Т-образные формы) типами орудий, не сопровождаясь значительными изменениями в других составляющих материальной культуры. Видимо, имело место постепенное распространение первой керамики, которое можно связать, прежде всего, с диффузией навыков керамического производства, опередившего и здесь, в отличие от более южных регионов Европы, приход производящей экономики. Прослеживаются определенные рубежи этого процесса (Timofeev, Zaitseva, 2000). В то же время, как и для северных территорий (см. выше), имело место и значительно более раннее появление керамики в отдельных микрорайонах. В Балтийском регионе самая ранняя керамика происходит из комплексов сертейской культуры, открытой А. М. Микляевым и А. Н. Мазуркевичем в верховьях Западной Двины, где материалы этой культуры залегают стратиграфически ниже слоев руднянской культуры раннего неолита (Мазуркевич, Микляев, 1998; Мазуркевич 2000. С. 49) и датированы 7300 ± 180, 7300 ± 400 л. т. н. (Ле-5260, 5261; табл. 5, раздел III) и палинологически концом периода Атлантикум I. В лесной зоне впервые кости домашних животных появляются в небольшом количестве как результат, очевидно, контактов с земледельческими культурами Запада (так, в цедмарской культуре Юго-Восточной Прибалтики — около 5 %; см. Тимофеев 1998) и Юга.

Появление комплексов с экономикой производящего типа в западных районах лесной зоны связано с культурой шаровидных амфор и ранними проявлениями культуры шнуровой керамики (см. статьи Р. К. Римантене, Я. Чебречук и М. Шмит в настоящем сборнике), а в Центральной России — с широким распространением фатьяновской культуры около 4000 ВР. В известной мере, этот процесс может быть сопоставлен с происшедшей в более раннее время (около 6600 ВР) экспансией носителей культуры линейно-ленточной керамики, принесших производящее

хозяйство в обширный регион Средней Европы. Необходимо отметить, что в последние годы накапливаются также данные, свидетельствующие о возможности наличия элементов примитивного земледелия в более раннее время, у лесных культур развитого неолита. Ряд подобных фактов, прежде всего, находки пыльцы культурных злаков по данным спорово-пыльцевого анализа в датированных отложениях торфяников и культурных слоев отдельных стоянок, имеется для территории Восточной Прибалтики и некоторых регионов Белоруссии (см. статьи Г. М. Левковской и В. И. Тимофеева, М. М. Чернявского, И. А. Лозе и А. А. Лийва в настоящем сборнике). Для памятников Эстонии подобные данные обобщены в статье А. Крийска (Kriiska, 2003). Возможно, накопление материалов внесет определенные коррективы в традиционные представления об экономическом укладе населения лесного неолита.

В настоящее время, на наш взгляд, базируясь на данных радиоуглеродной хронологии, можно говорить о следующих основных хронологических рубежах неолитизации Восточной Европы:

1). Юг и Юго-Восток степной и лесостепной зоны — не позднее 8000 л. т. н., т. е. не позднее времени, соответствующему, примерно, интервалу 7000—6800 гг. до н. э. (calBC).

2). Лесная зона, появление керамического производства — около 7300 л. т. н., что соответствует примерно интервалу 6200—6080 гг. до н. э. (calBC).

3). Широкое распространение керамического производства на Северо-Западе и в Восточно-Балтийском регионе — около 6600—6500 л. т. н., что, примерно, соответствует интервалу 5600—5470 гг. до н. э. (calBC).

Последующие исследования и накопление новых данных, несомненно, могут выявить детально более сложную картину неолитизации этой обширной части европейского континента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амирханов Х. А.* Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987.
- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. Поселение времени неолита и энеолита Ракушечный Яр. СПб, 1995.
- Белановская Т. Д., Тимофеев В. И.* Многослойное поселение Ракушечный Яр (Нижнее Подонье) и проблемы неолитизации Восточной Европы // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Белановская Т. Д., Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* Новые радиоуглеродные даты неолитических слоев многослойного поселения Ракушечный Яр // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб, 2003.
- Васильев И. Б., Пенин Г. Г.* Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Выборнов А. А., Пенин Г. Г.* Неолитические стоянки на р. Самаре // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г.* Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья (Степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
- Гурина Н. Н.* Валдайская неолитическая культура // СА. № 3. 1958.
- Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. № 144. 1967.
- Гурина Н. Н.* Неолитические племена Валдайской возвышенности // МИА. № 172. 1973.
- Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969.
- Загорскис Ф. А.* Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.
- Загорскис Ф. А., Эберхардс Г. Я., Стелле В. Я., Якубовская И. И.* Оса — многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.
- Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
- Козин Е. В.* Хронология памятников неолита Северного Прикаспия // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Колев Ю. Ю., Ластовский А. А., Мамонов А. Е.* Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (Предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Костылева Е. Л.* Ранненеолитический верхневожжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. 1986.

- Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Костылева Е. Л.* Основные вопросы неолитизации Центра Русской равнины (особенности неолитизации лесной зоны) // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Котова Н. С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Котова Н. С., Пашкевич Г. А.* Каталог отпечатков культурных растений на керамике неолитических культур Украины // Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях Северного Причерноморья. СПб, 1992.
- Крийска А.* Новые результаты исследований нарвской культуры в Эстонии // Древности Подвинья: исторический аспект. СПб, 2003.
- Кузьмина О. В., Ластовский А. А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Левковская Г. М., Тимофеев В. И., Степанов Ю. В., Боголюбова А. Н., Котова Н. С., Ларина О. В., Волонтир Н. Н., Климанов А. Е.* О неолитическом земледелии на западе Евразийской степной зоны (по результатам новых исследований на Украине и в Молдове и материалам археолого-палеоботанико-палинологического банка данных) // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
- Лозе И. А., Лийва А. А.* Радиоуглеродное датирование поселения эпохи камня Звидзе (Латвийская ССР) в Прибалтике и Белоруссии // Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Таллинн, 1986.
- Лозовский В. М.* Переход от лесного мезолита к лесному неолиту в Волго-Окском междуречье (по материалам стоянки Замостье 2) // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Лузгин В. Е.* Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (бассейн Средней Печоры) // МИА. № 172. 1973.
- Мазуркевич А. Н.* Памятники раннего и среднего неолита Двинско-Ловатского междуречья и их хронология // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Мазуркевич А. Н., Микляев А. М.* О раннем неолите междуречья Ловати и Западной Двины // АСГЭ. Вып. 33. 1998.
- Мамонов А. Е.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Мамонов А. Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино IV // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Мамонов А. Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Мамонов А. Е.* Ранний неолит. Елшанская культура // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000а.
- Мамонов А. Е.* Хронологический аспект изучения елшанской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000б.
- Манько В. А., Телиженко С. А.* Мезолит, неолит и энеолит Подонечья. Каталог радиоуглеродных дат. Луганск, 2002.
- Маркевич В. И.* Бугоднестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
- Моргунова Н. Л.* Ивановская стоянка эпохи неолита — энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Микляев А. М.* Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. Вып. 9. 1995.
- Моргунова Н. Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова Н. Л.* К проблеме хронологии Волго-Уральской культуры // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Неолит Северной Евразии.* Под ред. С. В. Ошибкиной. М., 1996.
- Ошибкина С. В.* К вопросу о раннем неолите на Севере Восточной Европы // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Петренко А. Г.* Результаты определения археозоологических материалов из раскопок Ивановской стоянки // Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Радиоуглерод и археология.* Под ред. Г. И. Зайцевой. Вып. 1. СПб, 1996.
- Радиоуглерод и археология.* Под ред. Г. И. Зайцевой. Вып. 2. СПб, 1997.
- Римантене Р. К.* Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве // Древности Белоруссии. Минск, 1966.
- Синицына Г. В., Зарецкая Н. Е.* О новой дате валдайской культуры // ТАС. Вып. 5, 2002.

- Телегин Д. Я.* К вопросу о территории распространения памятников сурской культуры // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984.
- Телегин Д. Я.* Юг Восточной Европы. Сурская культура (Нижний Днепр и степное левобережье) // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Тимофеев В. И.* К вопросу о временных различиях некоторых памятников раннего неолита Восточной Прибалтики // КСИА, Вып. 141. 1975.
- Тимофеев В. И.* Памятники мезолита и неолита региона Петербурга и их место в системе культур каменного века Балтийского региона // Древности Северо-Запада. СПб, 1993.
- Тимофеев В. И.* Проблемы генезиса неолитических культур в Балтийском регионе // ПАВ. Вып. 9. 1995.
- Тимофеев В. И.* К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб, 1997.
- Тимофеев В. И.* Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // ТАС. Вып. 3. 1998.
- Тимофеев В. И.* Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // ТАС. Вып. 5. 2002.
- Тимофеев В. И.* Радиоуглеродные даты и проблема неолитизации Восточной Европы // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесостепной зоны Европейской части России и Сибири (обзор источников) // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб, 1997.
- Цыбрий А. В.* Неолитические памятники Восточного Приазовья // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Цыбрий А. В., Цыбрий В. В.* Изучение неолита Нижнего Дона, Северо-Восточного и Восточного Приазовья (историографический обзор) // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Цыбрий В. В., Кияшко В. Я.* Изделия из кости стоянки Раздорская 2 на Нижнем Дону // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Черныш Е. К.* Юго-Запад Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Чернявский М. М.* Хронологические рамки неолита Северо-Западной Белоруссии // КСИА. Вып. 153. 1978.
- Чарняўскі М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.
- Чарняўскі М. М.* Неаліт Заходняй Беларусі — асаблівасці эвалюцыі // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены у міжрэччэ Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Roznań, Мінск, Brzesc, 2000.
- Чернявский М. М.* Хронология неолита Беларуси // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Янитс Л. Ю.* Ранненеолитические культурные группы в Эстонии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984.
- Юдин А. И.* Хозяйство населения Орловской неолитической культуры // Археологические записки. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2003.
- Andersen S. H., Johansen E.* Ertebolle revisited // Journal of Danish Archaeology. Vol. 5. Odense, 1986.
- Brazaitis D.* Narviskos keramikos stiliai rytu Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. T. 23. Vilnius, 2002.
- Girininkas A. A.* Narvos kultura raida // Lietuvos Archeologija. T. 4. Vilnius, 1985.
- Kempisty E., Sulgostowska Z.* Osadnictwo paleolityczne, mezolityczne i paraneolityczne w rejonie Woznej Wsi, woj. Lomzynskie. Warszawa, 1991.
- Kriiska A.* From hunter-fisher-gatherer to farmer — changes in the Neolithic economy and settlement on Estonian territory // Archaeologia Lituana. No. 4. Vilnius, 2003.
- Piliciauskas G.* Dubiciu tipo gyvenvietes ir Nemuno kultura pietu Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. T. 23. Vilnius, 2002.
- Radiocarbon and Archaeology.* Ed. G. I. Zaitseva. Vol. 1. No. 1. Saint Petersburg, 2000.
- Telegin D. Ya., Kovalyukh N. N., Potekhina I. D., Lillie M.* Chronology of Mariupol type cemeteries and subdivision of the Neolithic — Copper Age cultures into periods for Ukraine // Radiocarbon and Archaeology. Vol. 1. No. 1. Saint Petersburg, 2000.
- Timofeev V. I., Zaitseva G. I.* The Chronology of the Neolithisation of Eastern Europe and the position of the South Russian area in this process // Radiocarbon and Archaeology. Vol. 1, No. 1. Saint Petersburg, 2000.
- Zagorskis F.* Agrais neolita laimets Latvijas austrumdals // Известия АН Латвийской ССР. 4/309. 1973.
- Zvelebil M., Dolukhanov P.* The Transition to farming in Eastern and Northern Europe // Journal of World Prehistory. Vol. 5. 1991.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО НАЧАЛЬНОМУ ЭТАПУ НЕОЛИТА ВОЛГО-ОКСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Ныне общепризнанно, что начальный этап неолита в Волго-Окском междуречье связан с появлением комплексов с накольчатой и неорнаментированной керамикой, соотносимой большинством исследователей с первым этапом развития верхневолжской культуры. В соответствии с радиоуглеродными и палинологическими данными их относят ко времени 7000—6500 л. н. (Энговатова, 1998. С. 245). Однако, в хорошо стратифицированных условиях — в несмешанном виде с другими типами ранненеолитической керамики, они встречаются крайне редко (Становое-4, Окаемово-3 и 18).

В связи с этим чрезвычайно важными нам представляются новые данные по хронологии начального этапа неолита, полученные по стоянке Сахтыш-2А. Памятник находится в Тейковском р-не Ивановской обл. и входит в комплекс из 14-ти стоянок, расположенных по берегам оз. Сахтыш и вытекающей из него речки Койки (старое название — Кийка). Раскопками 1987—1994 гг. здесь, на суходольной части была вскрыта площадь более 700 м², на которой располагались остатки древних поселений, льяловский и волосовские могильники IV—III тыс. до н. э., насчитывающие в общей сложности более 70 погребений (Крайнов, Костылева, Уткин, 1994. С. 118—130). Культурный слой мощностью около 50 см вмещал находки от мезолита до эпохи поздней бронзы включительно. Стратиграфически расчленить материалы в данной части памятника было достаточно сложно.

В 1999 г. исследование стоянки было продолжено небольшим раскопом (16 м²) в прибрежной части озеровидного расширения реки (раскопки Е. Л. Костылевой и М. Г. Жилина). Здесь в толще торфяных отложений была прослежена достаточно четкая культурно-литологическая стратиграфия (рис. 1). Два верхних слоя — дерн с поддерном и черный оторфованный суглинок — находок не содержали. Лишь в нижерасположенном сером вязком суглинке были встречены редкие обломки (15 экз.) фатьяновской, волосовской и редко-ямочной глиняной посуды — в верхней части — и «классическая» льяловская керамика (73 экз.) — в нижней.

На уровне пожара, хорошо выделявшегося в виде углисто-зольной прослойки, находилась льяловская керамика «классического» и раннего облика (25 экз.) и поздневерхневолжская с длинно-зубчатым орнаментом (30 экз.).

Ниже, в темно-коричневом торфе мощностью в 60 см, насыщенном лесным мусором, залегала керамика второго этапа развития верхневолжской культуры: с ложношнуровым, коротко-зубчатым и прочерченным орнаментами. Причем, в верхней части торфа обломки плотные с примесью шамота и достаточно густым заполнением орнаментальных зон, а ниже — керамика с разреженным ложношнуровым, коротко-зубчатым (нанесенным в технике наколов) и тычковым орнаментами. Здесь же встречались и неорнаментированные фрагменты от тех же сосудов с разреженной орнаментацией.

И, наконец, на глубине 130—160 см от современной поверхности в верхней и средней части зеленовато-коричневого торфа, насыщенного мелкими остатками светлой по цвету древесины, располагался хорошо выраженный слой с ранней верхневолжской керамикой. В верхнем горизонте этого слоя было найдено несколько обломков от пяти — семи сосудов с накольчатым рисунком, а также череп молодой лосихи, датированный временем 6230 ± 50 л. н. (ГИН-10923) Основная же масса керамики (около сотни фрагментов примерно от 20-ти сосудов), в том числе самые крупные черепки, залегала на глубине 142—150 см от современной поверхности. На отметке —142 см обнаружен и неполный развал сосуда. Вся керамика этого горизонта без орнамента, с прямыми венчиками и плоскими днищами (4 экз.). Преобладающая примесь к глине — мелкая обильная раковина, в значительной степени выщелоченная, иногда — крупный шамот. У нескольких обломков с раковиной обнаружены включения охристой крошки. Некоторые фрагменты (рис. 2) имели достаточно мощный нагар с внутренней стороны, в том

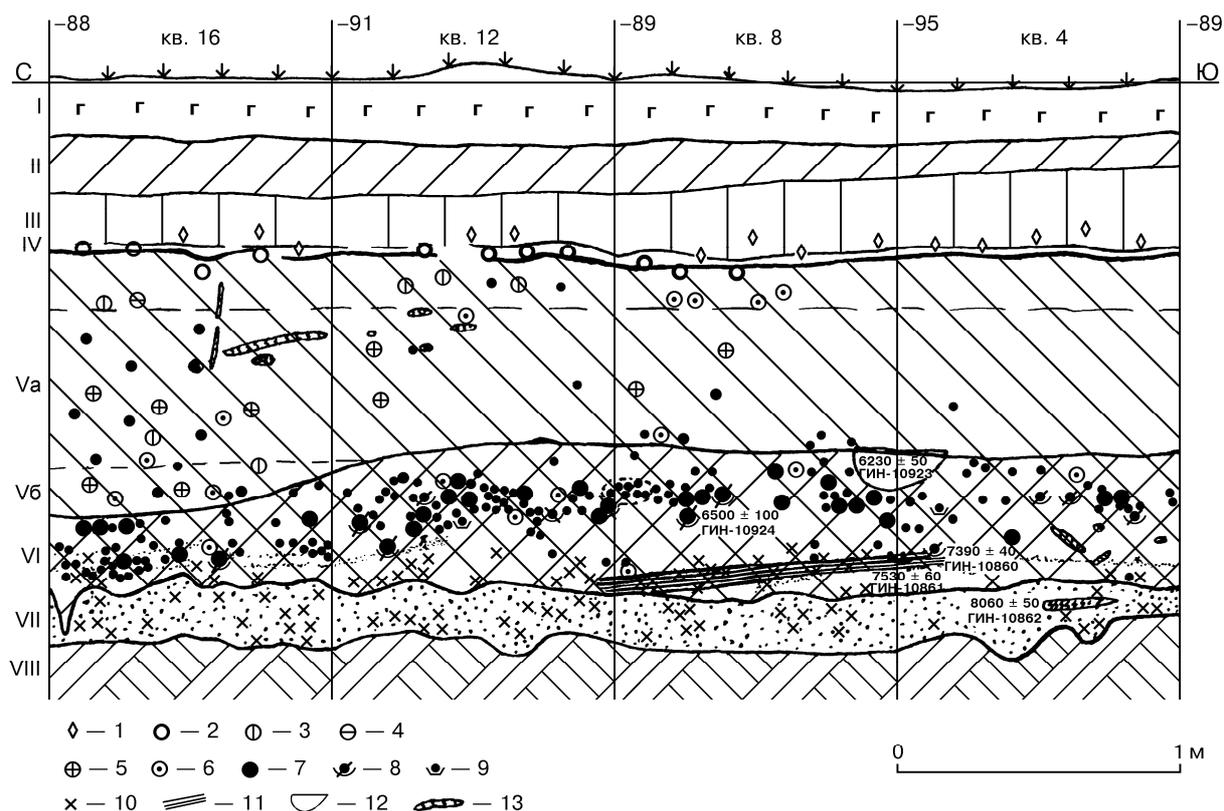

Рис. 1. Культурно-литологическая стратиграфия стоянки Сахтыш ПА (по восточной стенке раскопа 1999 г.): I — дерн с поддерновым слоем; II — черный оторфованный суглинок; III — серый вязкий суглинок; IV — углисто-золистый слой пожара; Va — темно-коричневый торф; Vб — темно-коричневый торф с древесиной коричневого цвета; VI — зеленовато-коричневый торф со светлой древесиной; VII — серый оторфованный песок; VIII — материковый сизый песок.

Расположение продатированных объектов:

- 1 — льяловская керамика; 2—6 — верхневолжская керамика с орнаментом (2 — длинно-зубчатым, 3 — короткозубчатым, 4 — прочерченным, 5 — ложно-шнуровым, 6 — тычковым); 7—9 — верхневолжская керамика без орнамента (в том числе, 8 — с нагаром, 9 — плоские донца); 10 — мезолитические предметы; 11 — верша; 12 — череп лося; 13 — древесина.

числе с «впечатанными» в него зернами калины, который был использован для радиоуглеродного датирования.

Черепки вместе с нагаром (14 экз.) были последовательно обработаны слабыми растворами соляной кислоты, едкого натра и затем опять кислотой, промыты дистиллированной водой и высушены. После этого нагар был удален с черепков и обуглен. В результате было получено 3,5 мл бензола. Дата по нагару — 6500 ± 100 л. н. (ГИН-10924) — представляется нам валидной для определения возраста слоя с неорнаментированной керамикой, т. к. получена по материалу, заведомо синхронному времени использования этой керамической посуды. Также, сам нагар, по-видимому, удалось хорошо очистить во время предварительной обработки, и возможные загрязнения были из процесса практически исключены. Можно говорить о том, что полученная дата представляет собой средневзвешенный возраст культурного слоя первого этапа развития ранне-неолитической верхневолжской культуры.

Ранее, с других памятников Волго-Очья для культурных слоев, вмещающих подобную керамику, были получены по различным материалам (уголь, древесина, сапрпель, кость) более древние датировки: Беливо-2 — 7180 ± 60 л. н., Жабки-3 — 6870 ± 100 л. н., Становое-4 — 7030 ± 100 л. н., Окаево-5 — 6800 ± 140 л. н., Окаево-18 — 6800 ± 60 л. н. (Кравцов, 1987; Жилин, 1994. С. 21; Энговатова, 1998. С. 238—241.)

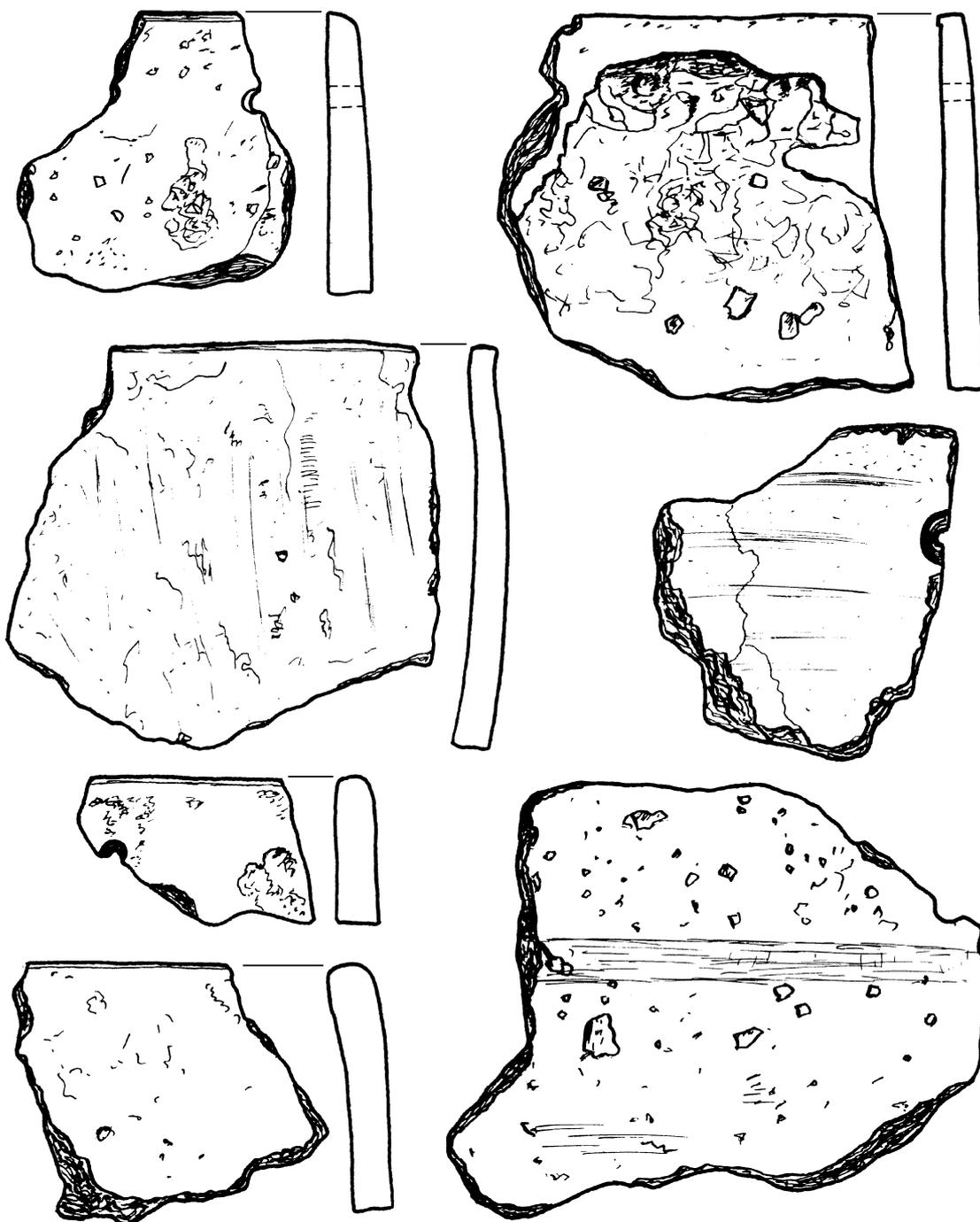

Рис. 2. Образцы ранней верхневолжской керамики, нагар с которой подвергся радиоуглеродному датированию.

Дата по нагару с керамики Сахтыша-2А, видимо, должна являться самой надежной из всех полученных пока дат для первого этапа верхневолжской культуры.

Разницу в датировках можно объяснить, с одной стороны, удревнением некоторых из них за счет проседания раннеолитических материалов на более древний хронологический уровень, учитывая, что на всех вышеуказанных стоянках есть слои мезолита¹. И, с другой стороны, — длительностью процесса «неолитизации» и отражением в более древних датах на-

¹ Видимо, не составляет исключение и стоянка Окаево-18, где раннеолитический слой, скорее всего, непосредственно налегает на невыделенный финально-мезолитический.

чальных его этапов, а в date с Сахтыша-2А — завершающих (чем, кстати, можно объяснить и относительно большое количество здесь ранней керамики).

Ранненеолитический слой на рассматриваемом участке стоянки Сахтыш-2А подстилался финальномезолитическим, расположенным в нижней части зеленовато-коричневого торфа. В условиях непосредственного соприкосновения двух слоев и «проседания» отдельных обломков керамики на мезолитический уровень, лишь тщательный анализ глубин залегания находок с вынесением их в профиль раскопа, а также радиоуглеродное датирование обнаруженных в этом слое остатков деревянных верш и вмещающего их торфа, позволили выявить финальномезолитический горизонт. Датировки его: по вершам — 7390 ± 40 л. н. (ГИН-10860) и по торфу — 7530 ± 60 л. н. (ГИН-10861), — хорошо укладываются в серию дат финальномезолитических слоев торфяниковых стоянок Волго-Окского междуречья (Окаемово-4 и 18А, Нушполы-11, Озерки-5, Ивановское-3 и 7) (Жилин, 1994; 1995. С. 30; 1996; 1997. С. 167; Крайнов, Зайцева, Уткин, 1990. С. 30; Сулержицкий, Зарецкая, Жилин, 1998. С. 27).

Под финальномезолитическим слоем в сером оторфованном песке залегал слой с находками позднебутовской мезолитической культуры. Радиоуглеродная дата обработанной древесины из слоя — 8060 ± 50 л. н. (ГИН-10862), что также не противоречит общепринятым датировкам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилин М. Г.* Археологические исследования на Озеречком торфянике в 1990—1992 гг. // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Жилин М. Г.* Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990—1994 гг. // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Жилин М. Г.* Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края: Материалы к международной конференции «Каменный век Европейских равнин». Сергиев Посад, 1997.
- Жилин М. Г.* Стоянка Окаемово 4 на средней Дубне // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново, 1995.
- Кравцов А. Е.* О хронологии мезолитических и неолитических памятников Мещерской низменности // Вопросы археологии и истории Верхнего Поочья: ТД. Калуга, 1987.
- Крайнов Д. А., Зайцева Г. И., Уткин А. В.* Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановское III // СА. № 3. 1990.
- Крайнов Д. А., Костылева Е. Л., Уткин А. В.* Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // РА. № 2. 1992.
- Сулержицкий Л. Д., Зарецкая Н. Е., Жилин М. Г.* Радиоуглеродная хронология поселения Ивановское VII // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998.
- Энговатова А. В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. 1998.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАННЕГО НЕОЛИТА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ФЕННОСКАНДИИ

В раннем неолите на территории Северо-Восточной Фенноскандии исследователи выделяют культуру сперрингс, которая занимала Южную и Центральную Карелию, культуру гребенчатой керамики группы Ка I:1 в Южной и Центральной Финляндии, кольскую культуру на территории Кольского полуострова и памятники с керамикой Сярайсьнеми I (далее Сяр I) в Северной и Центральной Финляндии и Северной Норвегии (область Варангер-фьорда и р. Пасвик). До последнего времени вопрос об их хронологии оставался неясным. Также оставался открытым вопрос о происхождении ранненеолитической посуды и путях ее распространения.

Для культуры сперрингс на территории Карелии в настоящее время получен ряд радиоуглеродных определений, которые маркируют нижнюю границу раннего неолита. Это датировки с поселений Пегрема IX — 6510 ± 90 л. н. (ТА-1161) и Ерпин Пудас I — 6510 ± 120 л. н. (ТА-344). С определенными оговорками можно принять радиоуглеродные датировки, полученные с поселений Уя III — 6770 ± 80 л. н. (ТА-2352) и Шелтозеро XI — 6480 ± 70 л. н. (ТА-1312), которые происходят с пепловых горизонтов, не содержащих керамики сперрингс. Со смешанного комплекса поселения Шеттима I получена дата из очага — 6400 ± 150 л. н. (ТА-1552), которую, учитывая наличие керамики сперрингс, можно отнести ко времени ее бытования. Исходя из результатов палеоэкологических исследований и высотных данных поселений с керамикой сперрингс у залива Вожмариха Онежского озера, можно принять радиоуглеродное определение болота Замошье — 6580 ± 80 л. н. (ЛУ-3422) (Демидов и др., 2001. С. 233), которое получено с базальных слоев торфа, располагающихся на высоте 36 м над уровнем Балтики.

Таким образом, мы можем, с определенной долей уверенности, говорить о появлении первой керамики на территории Карелии 6400—6500 л. н. Еще П. Э. Песонен отмечала «ряд радиоуглеродных определений, которые удревяняют керамику сперрингс до середины V тыс. до н. э. ... нельзя сбрасывать со счетов» (1991. С. 69).

За пределами Карелии в последние годы получены радиоуглеродных определения с поселения Тудозеро V, расположенного на южном побережье Онежского озера: 6110 ± 100 л. н. (ГИН-7662), 6230 ± 120 л. н. (ГИН-7663) и 6250 ± 50 л. н. (ГИН-8050), которые происходят из ранненеолитического слоя, содержащего керамику с гребенчатой и позвонковой орнаментацией (Иванищев, Иванищева, 2000. С. 284). Однако есть и более раннее определение — 7240 ± 60 л. н. (ТА-2354), которое резко выбивается из серии датировок. Оно было получено из очага, в котором найдены фрагменты, украшенные гребенчатой орнаментацией, что позволило С. В. Ошибкиной предположить наличие «ранненеолитического пласта стоянок, предшествующего культуре сперрингс» (1996. С. 214). В. В. Сидоров в своей статье, посвященной проблемам каменного века Карелии, высказал мнение, что появление керамики сперрингс соотносится со вторым этапом верхневолжской культуры, который датируется 6600—6500 л. н. Он также связывает появление первой глиняной посуды на территории Карелии с заимствованием ее у ранненеолитического населения верхневолжской культуры (Сидоров, 1997. С. 101). А. М. и М. В. Иванищевы относят появление керамики сперрингс ко второй фазе развития глиняной посуды поселения Тудозеро V (2000. С. 292). Нижняя хронологическая граница второй фазы — 6100—6200 л. н. Именно в это в время в орнаментации тудозерской керамики появляются оттиски позвонков рыб.

Нижняя граница ранненеолитической культуры ранней гребенчатой керамики группы Ка I:1 для территории Юго-Восточной Финляндии исследователями определяется 6300—6400 л. н., для Южной Финляндии — 6100—6200 л. н. (Salomaa, Matiskainen, 1985. S. 153). К сожалению, эти хронологические рубежи определены по данным высотного расположения древних поселений относительно современного уровня Балтийского моря. Два радиоуглеродных определения, связанные с культурой сперрингс, получены с территории Карельского перешейка с поселения Хепо-Ярви — 6480 ± 80 л. н. (Ле-1412) и 6380 ± 60 л. н. (Ле-1411) (Верещагина, 2003. С. 149), а также одно с поселения Усть-Рыбежна I — 6380 ± 220 л. н. (Ле-405) (Герасимов, 2003. С. 20). На основании геохимических данных комплексов многослойных памятников

Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке нижняя граница культуры сперрингс была отнесена исследователями к 6200—6300 л. н. (Герасимов, Кулькова, 2003. С. 191). На основании последних исследований на Карельском перешейке Д. В. Герасимов предположил, что «именно здесь происходило формирование ядра раннеолитической культуры на местной мезолитической основе и при участии внешнего культурного импульса, вероятно, из Верхневолжского региона» (2003. С. 20).

С памятников с керамикой Сяр I в Центральной и Северной Финляндии в настоящее время имеется целая серия датировок, часть с «чистых комплексов». С поселения Ylikiminki 46, Vepsänkangas получены следующие определения: 6170 ± 90 л. н. (Hel-4127), 6120 ± 75 л. н. (Hela-236), 6065 ± 75 л. н. (Hela-235), 6020 ± 80 л. н. (Hela-129), с поселения Rovaniemi 340, Jokkavaara — 6200 ± 110 л. н. (Hel-3026). Таким образом, нижняя граница появления керамики в Центральной и Северной Финляндии датируется 6000—6100 л. н. (Torvinen, 2000. S. 29). Финский исследователь М. Торвинен обосновывает и выделение памятников с керамикой Сяр I в археологическую культуру, сложившуюся на местной мезолитической основе (Torvinen, 2000. S. 24—26). М. Торвинен считает, что керамика Сяр I фиксируется на поселениях в районе оз. Оулуярви и р. Кииминйоки 6000—6100 л. н., на берегах оз. Инари и Варангер-фьорде — 5800 л. н. и на территории Кольского полуострова — 5500—5700 л. н. (Торвинен, 2000. С. 218).

Поселения с керамикой Сяр I на территории Северной Карелии не имеют радиоуглеродных определений и могут сравниваться с аналогичными памятниками в Финляндии только на основании типологического анализа орнаментации керамики. Можно, все же предположить, что нижней границей появления керамики Сяр I в Северной Карелии является 6000—6100 л. н.

Нижняя граница появления поселений с керамикой Сяр I в районе Варангер-фьорда в Северной Норвегии определена К. Хельскогом в 5600 л. н. в статье 1980 года и после этого не менялась (Helskog, 1980. P. 52). С территории Кольского полуострова с раннеолитических комплексов также получен ряд радиоуглеродных определений: Цага I — 5760 ± 160 л. н. (Je-1087), Чаваньга I — 5560 ± 80 л. н. (Je-1222), Усть-Дроздовка — 5510 ± 100 л. н. (Je-1332), Маяк II (низ) — 5760 ± 60 л. н. (Je-1994), 5190 ± 60 л. н. (Je-1995) (Шумкин, 1996. С. 72). Таким образом, нижнюю границу появления раннеолитической керамики на Кольском полуострове и Варангер-фьорде можно определить 5600—5700 л. н.

В. Я. Шумкин не считает первую керамику Кольского полуострова собственным изобретением древнего населения. По его мнению «многие элементы ... посуды имеют аналогии среди комплексов керамики сперрингс и, особенно, сяр 1» (2003. С. 281).

Вопрос о наличии керамики Сяр I на территории Олонецкого перешейка был поставлен Т. М. Гусенцовой по итогам ее многолетних исследований памятников каменного века. В комплексах керамики сперрингс ряда поселений она выделяет и керамику, орнаментированную оттисками 4—8-зубчатого узкого гребенчатого штампа и горизонтальными линиями из ямочных вдавлений, иногда расставленных в шахматном порядке (2003. С. 272—273, рис. 4, 5; 5, 2, 6, 8). В этой связи интерес представляет статья А. М. и М. В. Иванищевых о раскопках на Кемском озере. Посуда с гребенчатой орнаментацией поселения Кемское III, которую исследователи относят к позднему этапу керамики тудозерского типа, имеет ряд сходных черт с гребенчатой керамикой поселения Падань I (2000. С. 300, 304, рис. 2, 3—6, 7—9). Т. М. Гусенцова также относит посуду с гребенчатым орнаментом к развитому этапу культуры сперрингс (2003. С. 275).

На территории Финляндии ранняя гребенчатая керамика стиля Ка I:2 появляется в раннеолитических комплексах посуды Ка I:1. Время существования стиля Ка I:2 датируется финскими исследователями 5550—5350 л. н. (Герман, 2001. С. 249). На наш взгляд, именно к гребенчатой керамике стиля Ка I:2, а не к Сяр I можно отнести фрагменты горшков с поселения Падань I. Небольшое их количество и отсутствие «чистых» комплексов с данным типом посуды, в отличие от Финляндии, объясняется приходом на территорию Прионежья населения культуры ямочно-гребенчатой керамики. Более многочисленные пришельцы, прерывают развитие раннеолитической культурной традиции на данной территории.

Сложнее ситуация во взаимоотношениях керамики сперрингс и посуды тудозерского типа. Посуда, орнаментированная оттисками гребенчатого штампа, появляется в Юго-Восточном Прионежье раньше сперрингс, но радиоуглеродную датировку 7240 ± 60 л. н. (ТА-2354), на данном этапе исследований, надо признать не бесспорной. Во-первых, памятники Обонежской

культуры, имеющие сходные радиоуглеродные датировки (Пиндуши XIVa, Муромское VII, Бесов Нос VI), В. Ф. Филатова относит ко второму этапу мезолита Обонежья (1996. С. 53). Во-вторых, необходимо отметить достаточно сложную стратиграфию поселения Тудозеро V, культурные слои которого залегают в песчаной почве и находки, в силу этого, легко перемешиваются. Кроме того, по наблюдению А. М. Иванищева, за один сильный шторм на Онежском озере волнами на раскопе было намыто около 30 см песка (1997. С. 11—42). В-третьих, тудозерская гребенчатая керамика первой фазы не находит аналогий с посудой раннего этапа верхневолжской культуры, нижняя граница которой определена исследователями 7200 л. н. (Костылева, 2003. С. 214) Зато она хорошо укладывается во второй этап развития верхневолжской керамики, так же как и керамика сперрингс (Костылева, 1994. С. 55).

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что процесс неолитизации на территории Северо-Восточной Фенноскандии проходил стадийно, захватывая все новые территории. По всей видимости, имело место, как диффузионное распространение навыков гончарства, так и проникновение небольших групп населения, уже умевшего изготавливать глиняную посуду (Долуханов, 2003. С. 194). Наиболее вероятным центром, откуда на территорию Северо-Восточной Фенноскандии в виде культурного импульса пришел навык изготовления керамики, была территория верхневолжской раннеолитической культуры. Это предположение, в настоящее время, поддерживается большинством исследователей (Витенкова, 1996. С. 76; Тимофеев, 1997. С. 20; Сидоров, 1997. С. 101). С другой стороны, по мнению А. М. и М. В. Иванищевых: «Более ранняя датировка тудозерского комплекса (7240 ± 60 л. н. (ТА-2354) не позволяет говорить о прямом заимствовании гончарной технологии населением Обонежья от носителей верхневолжской культуры, а скорее вписывает его в круг культур Балтийского мира» (2000. С. 295).

Никем из исследователей не оспаривается факт прихода навыков гончарства в среду местного мезолитического населения, хотя, без сомнения, небольшие группы населения разных археологических культур могли контактировать между собой, например сперрингс и Сяр I (Шумкин, 2003. С. 281).

На примере культуры сперрингс видно, что появление керамики происходит почти одновременно на всей территории Карелии от южного побережья Онежского озера (Шелтозеро) и Карельского перешейка (Хепо-Ярви) до Беломорья (Ерпин Пудас I) — 6400—6500 л. н. В Южной Финляндии керамика стиля Ка I:1 появляется на 200—300 лет позже — 6100—6200 л. н. В Северной Финляндии и Северной Карелии керамика сяр I фиксируется 6000—6100 л. н., а на территории Варангер-фьорда и Кольского полуострова 5700—5800 л. н.

Таким образом, процесс неолитизации территории Северо-Восточной Фенноскандии, на основании радиоуглеродных определений, занял около 500—700 лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верецагина И. В.* Поселение Хепо-Ярви в южной части Карельского перешейка // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Витенкова И. Ф.* Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Герасимов Д. В.* История изучения, хронология и периодизация памятников эпохи неолита юга Карельского перешейка // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. I. СПб, 2003.
- Герасимов Д. В., Кулькова М. А.* Хронологическая атрибуция археологических комплексов многослойных памятников Силино и Большое Заветное 4 на Карельском перешейке по геохимическим данным // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Герман К. Э.* История изучения археологической культуры сперрингс в Финляндии // Кижский вестник. № 6. 2001.
- Гусенцова Т. М.* Керамика раннего неолита северо-востока Ленинградской области // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.

- Демидов И. Н., Лаврова Н. Б., Колжанен А. М., Мельников И. В., Герман К. Э.* Палеоэкологические условия голоцена и освоение древним человеком побережья залива Вожмариха на юге Заонежского полуострова // Кижский вестник. № 6. 2001.
- Долуханов П. М.* Неолитизация Европы: хронология и модели // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Иванищев А. М.* Древности Вытегории // Вытегра. Краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997.
- Иванищев А. М., Иванищева М. В.* Поселение раннего неолита на Кемском озере // ТАС. Т. I. Вып. 4. 2000.
- Иванищев А. М., Иванищева М. В.* Тудозеро V — поселение позднего мезолита — раннего неолита в Южном Прионежье // ТАС. Т. I. Вып. 4. 2000.
- Костылева Е. Л.* Основные вопросы неолитизации центра Русской равнины // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Ошибкина С. В.* Север Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Песонен П. Э.* Хронология и периодизация культуры сперрингс // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Сидоров В. В.* Взгляд на мезолит и неолит Карелии с Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Вып. 1. 1997.
- Тимофеев В. И.* К проблеме неолитизации лесной зоны Восточной Европы // Славяне и финно-угры. Археология, история, культура. СПб, 1997.
- Торвинен М.* Керамика Сярйясниemi I в ранненеолитическом контексте Северной и Северо-Восточной Фенноскандии // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: Доклады междунар. симпозиума по вопросам археологии и истории 11—14 мая 1999 г. СПб, 2000.
- Филатова В. Ф.* Мезолит // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Шумкин В. Я.* Керамика древнего населения Кольского полуострова (к вопросу о неолитизации в Северной Европе) // Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Шумкин В. Я.* Неолит Кольского полуострова // Древности русского Севера. Вып. 1. 1996.
- Helskog K.* The chronology of the younger stone age in Varanger, North Norway. Revisited. // Norwegian archaeological review. Vol. 13. No. 1. 1980.
- Salomaa R., Matiskainen H.* New date on shoreline displacement and archaeological chronology in southern Ostrobothnia and northern Satakunta // Iskos. No. 5. 1985.
- Torvinen M.* Säräisniemi I Ware // Fennoscandia archaeologica. Vol. XVI. 2000.

ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО НЕОЛИТА ЮЖНОГО ПРИОНЕЖЬЯ

В Южном Прионежье — территории в рамках современных административных границ Вытегорского р-на Вологодской обл. — памятники неолита были известны по работам И. С. Полякова (1870-е гг.), А. Я. Брюсова (1930—40-е гг.), Г. А. Панкрушева и Ю. А. Савватеева (1970-е гг.). В последние два десятилетия, в результате разведочных и раскопочных работ Вытегорского отряда Северорусской археологической экспедиции, выявлены десятки новых памятников, в том числе, и раннего неолита. В настоящее время здесь известно 170 памятников и отдельных местонахождений. К эпохе мезолита отнесены 17, из них раскопками и шурфами исследовано три. К эпохе неолита отнесены 68, раскопками и шурфами исследовано 20 памятников.

Впервые материалы раннеолитического времени получены при раскопках многослойного поселения Тудозеро-V, расположенного на дюнном берегу шириной не более 40 м, между озерами Онежским и Тудозеро. За 10 лет раскопок на поселении вскрыто 1276 м², получен многочисленный материал по различным эпохам древности. Поселение Тудозеро-V отличается наличием четкой стратиграфии, многочисленных объектов, среди которых изучена древняя западина, активно использовавшаяся населением раннеолитического времени. В западине выявлены очаги, хозяйственные ямы, ритуальная ямка с костями лося и бобра, помещенными в сосуд и засыпанными охрой.

Верхний уровень напластований поселения вмещает культурные слои от эпохи средневековья до развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой (ЯГК). Он отделен мощной стерильной прослойкой толщиной до 1,5 м от нижнего уровня напластований, вмещающего культурные слои раннего неолита и позднего мезолита. Нижние культурные напластования четко разделяются между собой стерильными прослойками светло-желтого озерного намывного песка. Слой черного песка без керамики (позднемезолитический) лежит ниже современного уровня воды в Онежском озере. Два раннеолитических слоя с керамикой содержат остатки сохранившихся конструкций и четко разделяются в наиболее пониженной части древней западины, где зафиксированы следы деревянного настила в виде линз древесного тлена в прослойке намывного песка между нижним серым-1 и нижним серым-2 (рис. 1). На основе радиоуглеродных определений раннеолитические материалы нижнего уровня отложений датированы в рамках V тыс. до н. э. Керамика раннего неолита найдена также в рыже-желтом песке верхнего уровня напластований, где залегала совместно с ямочно-гребенчатой и выделена типологически. Всего на поселении Тудозеро-V обнаружено 260 раннеолитических сосудов, 20 из них восстановлено, остальные графически реконструированы.

Другим памятником, с достаточно информативными материалами раннего неолита, является поселение Кемское-III, расположенное на левом берегу протоки между озерами Кукозеро и Кемское. Памятник открыт в 1973 г. Г. А. Панкрушевым. В 1989, 1996 гг. раскопом площадью 48 м² исследована центральная часть поселения. На основании планиграфии и стратиграфии выделены два раннеолитических комплекса. Наиболее ранним является комплекс находок, связанный с выявленным на материке наземным жилищем, сохранившимся в виде небольшого котлована подпрямоугольной формы, размерами 2,3 x 3,4 м, заглубленного в материк на 0,2 м. В центре котлована прослежены ямы от столбов и колообразные ямки по внешнему периметру котлована — следы внешней опалубки стен. В непосредственной близости от постройки располагалась хозяйственная яма овальной формы размерами 1,4 x 0,8 м и остатки разбросанного очага. По конструктивным особенностям жилище наиболее близко позднемезолитическим жилищам Карелии и, по-видимому, представляет развитие домостроительной традиции, сложившейся у населения Обонежья еще в мезолитическую эпоху. Материалы раннего комплекса немногочисленны, представлены кремневым отщепово-пластинчатым инвентарем и фрагментами керамики от 7—11 сосудов с гребенчатым и накольчатым орнаментом. Типологически комплекс

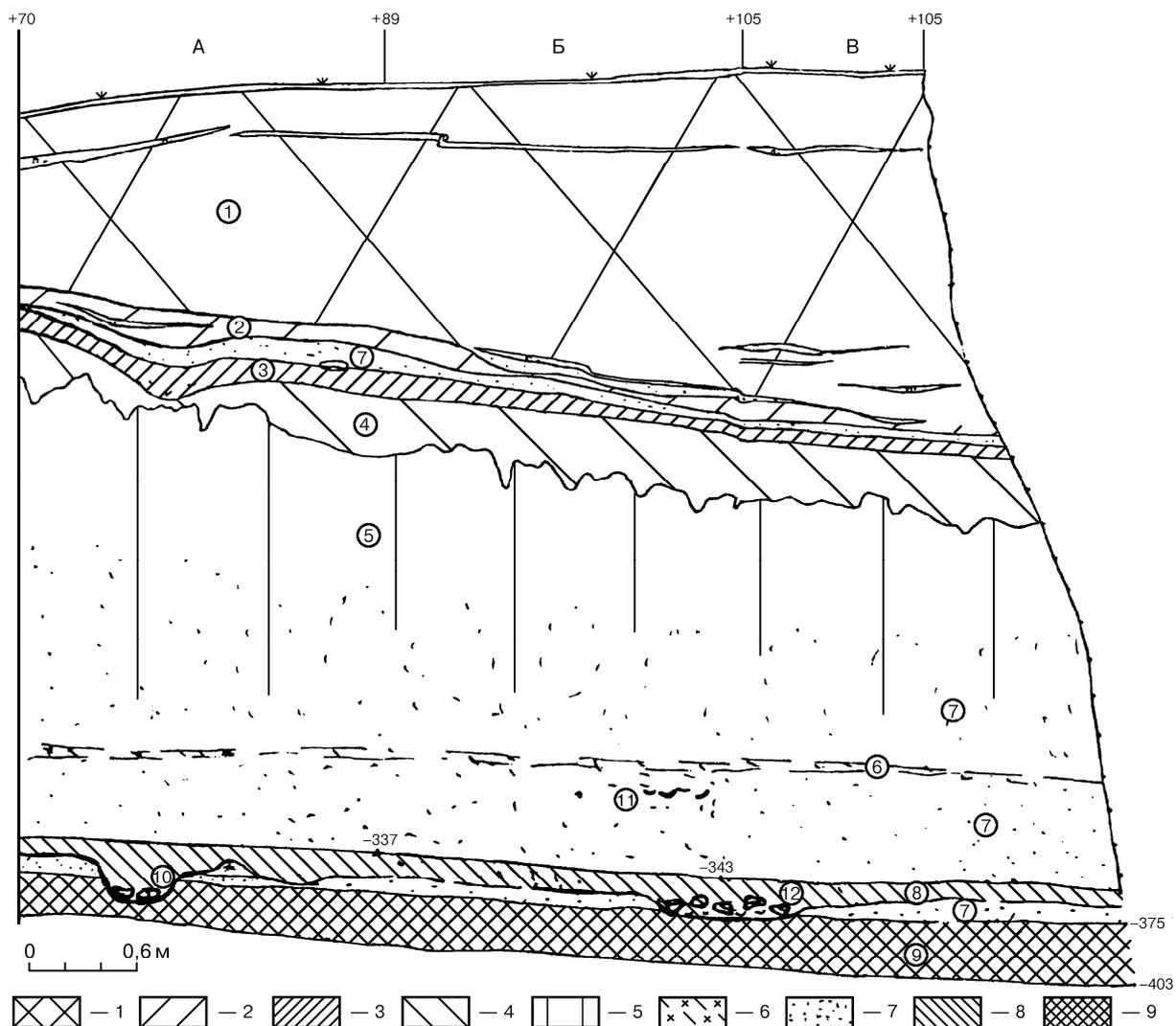

Рис. 1. Поселение Тудозеро-V. Стратиграфия. Верхний уровень отложений: 1 — желтый песок (передув дюны); 2 — светло-серый песок (слой развитого средневековья); 3 — черный песок (слой раннего железного века); 4 — розовый песок (с находками эпохи энеолита, бронзы); 5 — рыже-желтый песок (слой с находками ЯГК и развитой сперрингс). Нижний уровень отложений: 6 — светло-серый песок с углем и охрой (слой нижний серый-1 раннего неолита); 7 — светло-желтый песок (стерильная прослойка); 8 — однородный темно-серый песок (слой нижний серый-2 раннего неолита); 9 — интенсивно-темный песок (слой без керамики позднемезолитический); 10, 12 — очаги; 11 — остатки деревянного настила; -375 — уровень воды в Онежском озере на июль 2000 г.; -403 — максимальная глубина залегания слоя.

датируется концом V тыс. до н. э.¹ Комплекс находок, связанный с вышележащим рыже-желтым песком, представлен фрагментами от 34 ранне-неолитических сосудов, орнаментированных, в основном, в технике отступления и прочерчивания, и каменным инвентарем развитого облика. Данный комплекс, предварительно, отнесен к рубежу V — началу IV тыс. до н. э.

Таким образом, в настоящее время имеется пять относительно независимых комплексов ранне-неолитического времени, позволяющих наметить основные хронологические рамки существования памятников типа Тудозеро-V в Южном Прионежье и рассмотреть развитие тудозерской керамики.

Ранее нами была дана развернутая характеристика памятников типа Тудозеро-V, выделены их основные отличия от памятников культуры сперрингс. Это наличие жилищ на поселениях, каменный инвентарь мезолитического облика, своеобразие погребального обряда, большее разнообразие форм и специфика орнамента керамики.

¹ Хронология построена на некалиброванных радиоуглеродных датах.

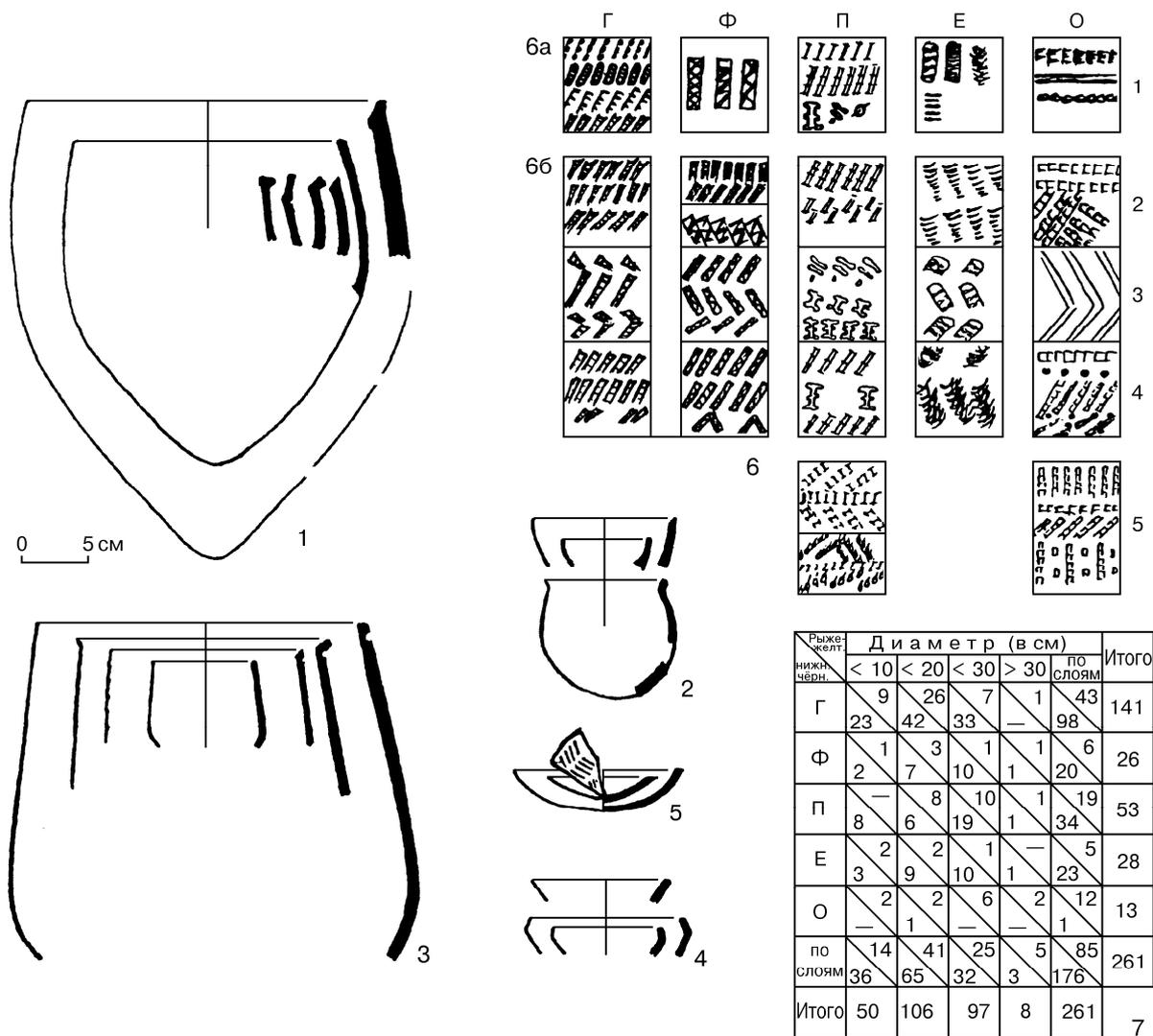

Рис. 2. Формы и орнаментация тудозерской керамики раннего неолита. 1—5 — типы сосудов; 6 — орнаментация: 6а — элементы орнамента; 6б — орнаментальные узоры в группах керамики (Г — с гребенчатым, Ф — с фигурным, П — с позвоночковым, Е — с «естественным», О — с отступающим и прочерченным орнаментом); 7 — таблица соотношения количества сосудов, по размерам и орнаментации, в нижнем и верхнем уровне отложений (первого и второго этапа) на поселении Тудозеро-V.

Посуда памятников типа Тудозеро-V представлена как мелкими, так и крупными формами. Многие сосуды имеют нагар с внешней и внутренней сторон; около трети окрашены охрой. Основным отощителем глины являлась дресва. Есть сосуды с примесью песка и органики. Выделено пять типов сосудов (рис. 2). Тип 1 представлен сосудами средних и крупных размеров полуяйцевидной формы с коническим или приостренным дном. Разновидностью этого типа являются сосуды с оттянутым или выделенным дном (рис. 2, 1). Тип 2 представлен мелкими и средних размеров сосудами чашевидной формы, с округлым дном с С- и S-образным профилем (рис. 2, 2). К типу 3 отнесены сосуды котловидной формы, с цилиндрической прямой или слегка прикрытой верхней частью и резким перегибом ко дну в нижней части сосуда (рис. 2, 3). О форме днищ судить трудно, возможно, этому типу соответствуют имеющиеся в коллекции мелкие шиповидные донца. Как правило, это наиболее тонкостенные мелких и средних размеров сосуды, крупный представлен одним экземпляром. Сосуды типа 4 немногочисленны и представлены двумя вариантами (рис. 2, 4). Это мелкие и средних размеров сосуды с широкой верхней частью и, скорее всего, конусообразным дном. Вариант 1 — открытые, близкие кубковидным; вариант 2 — прикрытые, с резким перегибом в верхней части тулова сосуда. В от-

дельную группу выделены низкие блюдцеобразные изделия округлой и продолговатой формы — «мисочки» (рис. 2, 5). Сосуды всех форм и размеров имеют сплошную орнаментацию от верха ко дну, за исключением двух неорнаментированных мисочек.

Для орнаментации тудозерской керамики использовались как искусственные, так и естественные орнаменты для нанесения пяти основных элементов орнамента (рис. 2, 6а). Для сравнения выделенных по элементам орнамента групп керамики, нами было проведено сравнение по технике нанесения отпечатков, по взятой за основу схеме, разработанной И. В. Калининой (Калинина, Устинова, 1990. С. 7—19). Абсолютное большинство сосудов орнаментировано разнообразными гребенчатыми отпечатками, широкими и узкими, частыми и редкими, с прямыми и косыми нарезками (рис. 2, 6а-Г). Зафиксированы разнообразные приемы работы этими орнаментами. Штампование — получение четких прямых, овальных с перегородками или зубчатых оттисков. Наиболее распространено накальвание — получение своеобразных оттисков, когда более четко пропечатывается один край орнамента, верхний или боковой. Плотные отпечатки поставленного под углом орнамента дают, в ряде случаев, рельефный профиль сосуда. В решении орнаментальных композиций зафиксировано сочетание штампования и накальвания в случае, когда поверх штампованного узора нанесены разреженные отпечатки того же штампа, поставленного под углом, или ряды штампованных оттисков разделены зоной сдвоенных наколов (рис. 2, 6б-Г). К фигурным отнесены четкие отпечатки в виде крестов в рамках, ломаных линий в рамках, накладывающихся друг на друга ломаных линий (рис. 2, 6а-Ф). Для нанесения подобных отпечатков существовали специальные резные штампы. В слое найден орнамент в виде сланцевой плитки с выпуклой рабочей частью, на которую нанесены вертикальные и наклонные нарезки. Наиболее близкие имеющимся на керамике поселения отпечатки получаются при работе данным орнаментом способом прокатывания. В целом, для фигурных штампов характерны те же приемы работы, что и для гребенчатых.

Три последующие группы керамики выделены по элементам орнамента по классификации, предложенной Ю. В. Титовым для керамики сперрингс (1972. С. 34—51). Группа с позвонковым орнаментом хотя и немногочисленна, занимает второе место после гребенчатой (рис. 2, 7). Способы работы многочастным позвонком близки группам с искусственными орнаментами Г и Ф. Прямая постановка орнамента к поверхности дает глубокий отпечаток позвонка в прямом положении. При изменении угла наклона орнамента к поверхности изменяется характер отпечатков. Разворот орнамента торцевой стороной, дающий «накольчатый» отпечаток, часто используется для оформления верхней части сосуда в виде углубления «с усиками» (рис. 2, 6а-П). Отметим, что при орнаментации многочастным позвонком часто получается рельефный профиль сосуда. В группу с отпечатками, нанесенными естественными орнаментами, отнесены своеобразные «зернистые» оттиски, не имеющие четкого рамчатого обрамления, как в случае со штамповыми орнаментами (рис. 2, 6а-Е). Для керамики сперрингс аналогичная группа выделена под названием «с веревочным орнаментом». Наш опыт моделирования показал, что подобные отпечатки можно получить используя естественные орнаменты. Например, жаберные хрящи лососевых, кости окологоловного плавника судака дают четкие «гребенчатые» отпечатки без обрамления, близкие имеющимся на керамике. Способы работы данными орнаментами аналогичны вышеописанному. В пятую группу выделены сосуды, орнаментированные в технике линейного отступания или протаскивания (по классификации Ю. В. Титова прочерченные или уступчатые линии). Оговоримся, что нами выделена эта группа, также как и позвонковая, лишь для сравнения с карельскими древностями, так как орнамент в данном случае мог быть как искусственного происхождения, так и естественным. Мы относим к этой группе как сосуды, на которых отступание выполнено гладким штампом (удлиненным стержнем с заточкой или галькой?), дающим ровные по дну борозды, так и предметом с зубчатым краем (рис. 2, 6а-О). Для этой группы керамики нехарактерно штампование или накальвание. Лишь в одном случае зафиксировано сочетание отступающих линий с накальванием гладким инструментом (рис. 2, 6, О-5).

Основные узоры в орнаментации сосудов немногочисленны. Наиболее употребимы горизонтальные или слегка наклонные ряды оттисков плотно поставленного орнамента. Этот

узор характерен для групп керамики Г, Ф, Е и П (многочастного) и составляет орнаментальные композиции более чем половины сосудов (рис. 2, 6Г-2, 4). Вторым по частоте употребления является вертикальный зигзаг. Представлен в двух вариантах — чередование поясов разнонаклонных оттисков орнамента (рис. 2, 6Ф-3), верхняя часть зигзага могла выполняться при большем угле наклона по отношению к поверхности с более коротким верхним и длинным нижним отпечатками (рис. 2, Г-3). Этот узор характерен для групп керамики Г и Ф. Вертикальный зигзаг зафиксирован и в группе О, но только в сочетании с другими узорами. Для группы О характерны вертикальные и наклонные линии и более сложные геометризованные узоры — корзиночная плетенка, косая решетка (рис. 2, 6, О).

При наличии общих признаков, позволяющих проследить преемственность между выделенными на поселениях Тудозеро-V и Кемское-III комплексами раннеолитической керамики, наблюдается и ряд особенностей каждого. На основе стратиграфического положения, статистического анализа и типологического сравнения выделенных комплексов, можно наметить два этапа в раннем неолите южного Прионежья. Три фазы развития раннеолитической керамики памятников типа Тудозеро-V на первом этапе характеризуют комплексы нижнего серого-2, нижнего серого-1 слоев Тудозеро-V и нижнего слоя Кемское-III, последовательно сменявшие друг друга. Ко второму этапу отнесены комплексы из рыже-желтого слоя Тудозеро-V и Кемское-III.

Для нижнего уровня напластований на поселении Тудозеро-V получены радиоуглеродные определения. Мезолитический слой датирован по углю из ямы в материке раскопа XII 2000 г. 8250 ± 35 л. н. (Ле-6701). Слои с керамикой датированы по углю из очагов: 6250 ± 50 л. н. (ГИН-8050) раскопа VIII 1993 г., 6230 ± 120 л. н. (ГИН-7663) раскопа V 1992 г., 6110 ± 100 л. н. (ГИН-7662) раскопа VI 1992 г., 6075 ± 20 л. н. (Ле-6699) раскопа XI 1998 г. (для нижнего серого-1), 6600 ± 20 л. н. (Ле-6700) раскопа XII 2000 г. (для нижнего серого-2) и 7240 ± 60 л. н. (ТА-2354) по углю со дна жилищной западины раскопа 1989 г. Радиоуглеродные определения демонстрируют различие в возрасте двух слоев с керамикой — нижнего серого-2 и нижнего серого-1, что подтверждается стратиграфическими данными и типологическим анализом керамики.

Керамика ранней фазы первого этапа (нижнего серого-2) характеризуется большим разнообразием форм сосудов. Здесь представлены все выделенные для тудозерской керамики типы сосудов, при преобладании посуды мелких и средних размеров. С этой фазой связано наибольшее количество сосудов типа 3, котлообразной формы и немногочисленные сосуды типа 4. Орнаментирована посуда гребенчатыми и фигурными оттисками, наносимыми как искусственными, так и естественными орнаментами, имитирующими гребенку. Немногочисленные узоры — пояса рядов плотно поставленного орнамента, вертикальный зигзаг, наклонные линии — образуют единообразные композиции. На относительно крупных сосудах наблюдается членение орнаментального поля на зоны, с участием тех же элементов, что и в основном орнаменте (рис. 2, Г, Ф-4). Использование дополнительного элемента орнамента не характерно, за исключением пояса глубоких, иногда сквозных наколов под венчиком, которые более присущи сосудам типа 3. Посуда относительно тонкостенна. При средней толщине стенок 0,7—0,8 см есть экземпляры средних размеров с толщиной стенок 0,5—0,6 см. Венчики прямые, равной со стенками толщины или утоньшенные. Наряду с сосудами с примесью дресвы, есть сосуды с достаточно плотным тестом с примесью песка (возможно, естественной примеси) и органики. По определению Е. Волковой (лаборатория А. А. Бобринского), рецепт формовочной массы таких сосудов представлен как Г + О + кр. Д. Разнообразие форм сосудов, сложный рецепт формовочной массы характеризует, на наш взгляд, фазу первоначального освоения гончарства населением Обонежья. Котлообразные сосуды типа 3, близкие шиподонным, находят аналогии в раннем этапе днепродонецкой культуры, в памятниках типа Струмель-Гастятин, бугоднестровской культуре и являются древнейшей формой в раннеолитических культурах Балтийского региона (Тимофеев, 1994. С. 73—74). Сосуды типа 4 близки сосудам второго этапа верхневолжской культуры (Энговатова, Жилин, 1998. Рис. 1). Наличие ранних радиоуглеродных дат и типология керамики позволяют отнести рассматриваемый комплекс ко времени не позднее конца VI — начала V тыс. до н. э.

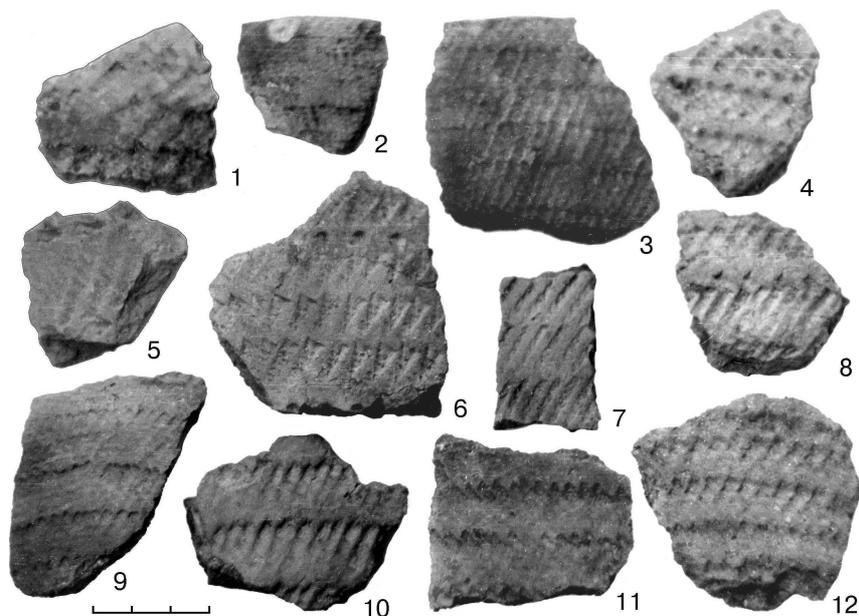

Рис. 3. Гребенчатая керамика поселения Тудозеро-V, первого этапа.

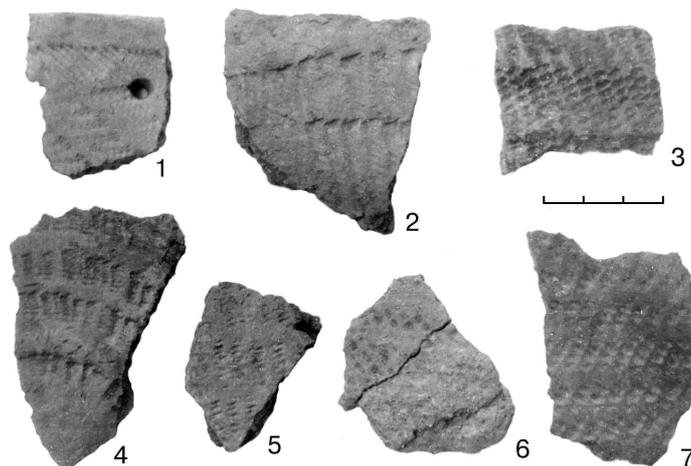

Рис. 4. Керамика с оттисками естественных орнаментов поселения Тудозеро-V, первого этапа.

Вторая фаза развития тудозерской керамики характеризуется материалами из нижнего серого-1. При сохранении основных форм сосудов, больше становится сосудов типа 1. Появляются крупные сосуды с диаметром до и более 30 см, толстостенные (до 1,2 см) с характерным для посуды культуры сперрингс прямосрезанным скошенным внутрь, слегка утолщенным венчиком. Появляется «классический» позвонок, представляющий вторую, по количеству, группу керамики после гребенчатой. Единичны случаи орнаментации в технике линейного отступания. Орнаментальные композиции столь же малоразнообразны, как и в первой фазе. На сосудах появляются дополнительные элементы орнамента. В качестве разделителя зон используются тычковые вдавления, заменяющие сквозные наколы по венчику. Этому комплексу соответствует находка неорнаментированного блюдцеобразного изделия — «мисочки» овальной формы, прямые аналогии которой известны в нарвской, Эртебелле и других культурах Балтийского региона. По типологическим признакам, керамика этой фазы синхронна ранней стадии культуры сперрингс, и, с опорой на современные исследования, может быть датирована второй половиной V тыс. до н. э., чему не противоречат и полученные радиоуглеродные датировки.

Третью фазу первого этапа характеризует комплекс нижнего слоя поселения Кемское-III. Так как комплекс малочислен, отметим лишь некоторые его особенности. Здесь впервые

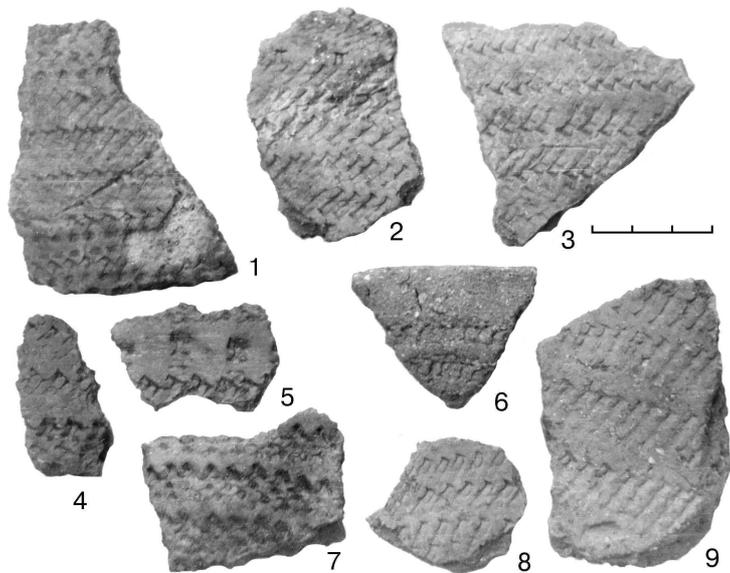

Рис. 5. Позвонковая керамика поселения Тудозеро-V, первого этапа.

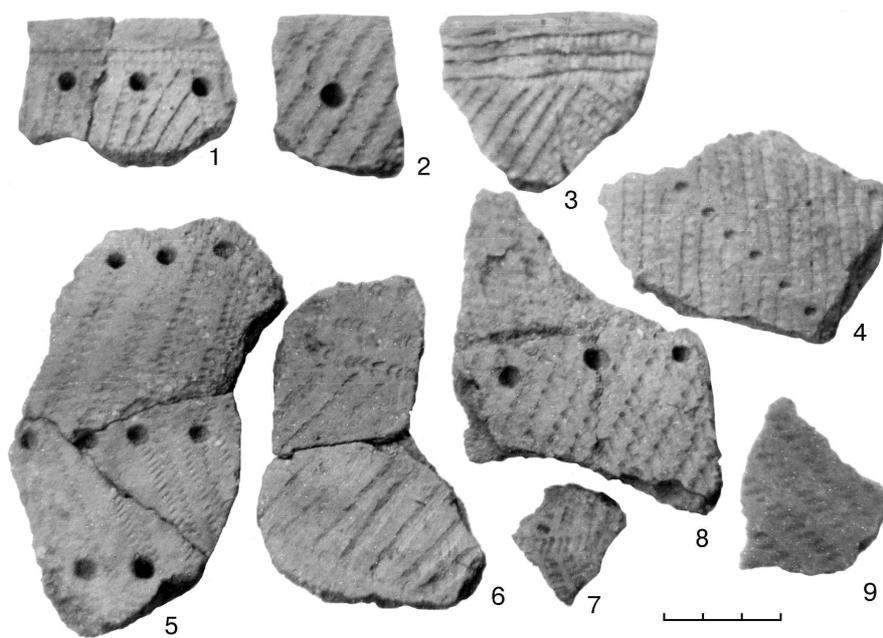

Рис. 6. Керамика с отступанием и прочерчиванием поселения Тудозеро-V, второго этапа.

встречается, как элемент орнамента, длинный, прямой, штампованный оттиск гребенки. В числе естественных орнаментов, имитирующих гребенку, при моделировании выявлены такие инструменты как иглы морского ежа и раковины брахиопод. Новым является линейный орнамент в виде «резинки», полученный также естественными орнаментирами. Важной является находка в жилище фрагмента сосуда, по технико-типологическим признакам близкого тудозерской керамике (тесто, способ нанесения орнамента), с воспроизведением ямочно-гребенчатого узора. «Гребенчатая» зона выполнена естественным орнаментиром, ямочная — поверхностными округлыми наколами. Данный феномен, безусловно, фиксирует первые контакты местного населения с носителями ЯГК, которые могли состояться в последней четверти V тыс. до н. э., когда на восточном побережье Онежского озера появляются ранние памятники с ЯГК (Лобанова, 1996. С. 209). Отметим, что керамика нижнего уровня отложений на Тудозере подобного влияния не несет.

Второй этап раннего неолита в Южном Прионежье характеризуется комплексами из рыже-желтого слоя на Тудозере-V и Кемское-III, перекрывающими нижний уровень отложений на обоих поселениях. Керамика представлена 85 сосудами с поселения Тудозеро-V и 34 сосудами поселения Кемское-III. На втором этапе ведущей формой становятся сосуды типа 1, при сохранении незначительного числа чашевидных, округлодонных сосудов малых размеров. Посуда более толстостенна. При преобладании сосудов с толщиной стенок 0,7—0,9 см, встречаются очень массивные, с толщиной стенок до 1,5 см. В орнаментации сосудов уменьшается доля гребенчатой и значительно возрастает число сосудов с орнаментацией естественными орнаментами, в том числе и позвонком. На этом этапе развивается техника отступания и прочерчивания, в связи с чем усложняются орнаментальные композиции. Ведущими в узорах становятся наклонные и горизонтальные линии, появляется горизонтальный зигзаг, косая решетка и узор «корзиночная плетенка». В целом, керамика сближается по технико-типологическим признакам с керамикой сперрингс развитого этапа, где достаточно хорошо прослеживается влияние ЯГК. На большинстве сосудов наблюдается горизонтальное членение орнаментальной композиции поясками конических ямок, часть сосудов имеет вертикальное членение зон теми же ямками. Каменный инвентарь комплексов имеет достаточно развитый облик, включая двустороннеобработанные наконечники стрел и кремневые ножи, комбинированные орудия. В сланцевом инвентаре появляются топоры типа «рованиеми», тесла русско-карельского типа. При сравнении комплексов рыже-желтого слоя Тудозеро-V и Кемское-III прослеживаются некоторые различия. В Тудозере значительно большую роль играет позвонок, в комплексе Кемского больше сосудов орнаментированных в технике отступания и прочерчивания естественными орнаментами. Данные различия могут быть связаны с разницей во времени существования поселений. Комплекс Тудозеро-V представляется более ранним в рамках второго этапа. В то же время, различия могут объясняться и существованием локальных вариантов. Кемское является одним из внутренних озер Вытегории. По мнению исследователей, сперрингс (позвонковая) керамика более характерна для памятников непосредственно побережья Онежского озера, что связано с массовым рыбным промыслом (Герман, 1996. С. 190—191). В целом второй этап раннего неолита Прионежья мы склонны датировать рубежом V—IV — началом IV тыс. до н. э. Таким образом, на основе типологии керамики и радиоуглеродных датировок, время существования раннеолитических памятников в Южном Прионежье может быть отнесено к концу VI — началу IV тыс. до н. э. Первый этап — это время освоения гончарной технологии населением Обонежья и период относительно самостоятельного его развития, время первых контактов с носителями культур ЯГК. Второй этап — это время сосуществования двух разнокультурных групп населения, что проявилось в формировании гибридного облика керамики и обогащении каменного инвентаря.

В настоящее время вопрос о сложении раннеолитических культур, по крайней мере, в лесной зоне, решается, на наш взгляд, большинством исследователей достаточно определенно и представляется как процесс полилинейный. С одной стороны, все единодушно отмечают близость раннеолитических индустрий памятникам мезолита соответствующих территорий, выделяя отдельные новые элементы, отражающие, скорее всего, процесс адаптации позднеолитического населения к изменяющимся природно-климатическим условиям, повлекшим изменения в экономическом укладе и обеспечившим относительную оседлость коллективов лесных рыбаков и охотников. Не случайно ряд исследователей выделяет стадию бескерамического неолита. С другой стороны, распространение гончарной технологии связывается с взаимодействием последней с более южных территорий. Предполагается диффузионный характер распространения идеи гончарства, не исключая возможности инфильтрации части южного населения, знакомого с гончарством в местную среду. Подобная схема обоснованно предложена для верхневолжской культуры (Энговатова, Жилин, 1998. С. 20), для культур лесного Прикамья (Выборнов, 1992), и Балтийского региона (Тимофеев, 1994. С. 75). Материалы, полученные при раскопках памятников мезолита — раннего неолита позволяют предполагать подобный вариант сложения раннеолитических памятников типа Тудозеро-V в Южном Прионежье. Сравнительный анализ материалов из слоя без керамики (позднеолитического) и раннеолитического (нижнего серого-2) Тудозера-V позволяет говорить о сохранении облика каменной

индустрии в позднемезолитическое — раннеолитическое время. В общих чертах, сходство демонстрируется единой сырьевой базой, преимуществом в технике расщепления и обработке различных пород камня, близостью групп и типов орудий. Различия касаются соотношения (удельного веса) различных групп инвентаря. В раннем неолите увеличивается доля орудий рыболовства, деревообрабатывающих и абразивных инструментов, что отражает изменения в хозяйственном укладе жизни населения. Кроме того, связь каменной индустрии переходного периода улавливается и с материалами среднего мезолита региона.

Если вопрос о сложении памятников типа Тудозеро-V на местной мезолитической основе не вызывает у авторов сомнений, то направление и механизм заимствования гончарной технологии на сегодня однозначно решен быть не может. Отметим, что ранее на вероятность заимствования гончарной технологии населением Обонежья указывали и Н. Н. Гурина, и Г. А. Панкрушев, исследовавшие памятники культуры сперрингс. Отмечая сходство керамики сперрингс с материалами днепро-донецкой культуры, Г. А. Панкрушев предполагал юго-западное направление заимствования (1978. С. 40). Н. Н. Гурина, основываясь на типологии керамики и картографических данных, предполагала ее урало-сибирское происхождение (1961. С. 62—63), то есть восточное. В последнее время высказана точка зрения о заимствовании гончарной технологии населением Обонежья от населения верхневолжской культуры В. В. Сидоровым, синхронизировавшим ранний этап сперрингс с ее вторым этапом (Сидоров, 1997. С. 101). Сегодня решить вопрос о механизме и направлении заимствования гончарной технологии на севере лесной полосы Восточной Европы препятствуют причины как объективного характера — слишком много белых пятен, так и субъективного. Четкая схема развития верхневолжской культуры в центре Русской равнины, основанная на типологическом анализе многочисленного материала, подкрепленная многочисленными радиоуглеродными определениями и палинологическими данными, является для многих археологов своеобразным ориентиром. В силу отсутствия независимых датировок для районов Северо-Востока лесной полосы, малочисленность последних в лесном Прикамье, да и в лесостепных и степных культурах этого времени на прилегающих территориях порой влечет не совсем обоснованные выводы. В то же время, отметим, что вопрос о времени и характере появления гребенчатого орнамента в верхневолжской культуре не решается однозначно, как впрочем и для культур прилегающих территорий. Многолетняя дискуссия, развернутая в 80-е гг. по поводу соотношения гребенчатой и накольчатой орнаментации керамики, оставляет за населением лесной полосы изобретение орнаментации гребенчатым штампом, а накольчато-отступающую технику связывают происхождением с миром степных культур, признавая сосуществование на пограничной зоне лесостепи той и другой орнаментации в раннем неолите (Смирнов, 1988. С. 32—37). Собственным изобретением гребенчатая орнаментация предполагается и для населения Балтийского региона, по крайней мере, Двино-Ловатского междуречья на стадии С сертейской культуры (Мазуркевич, 1994. С. 82), что хронологически раньше второго этапа верхневолжской культуры. Появление гребенчатой орнаментации в лесном Прикамье предполагается при участии зауральского населения, а именно Сумпаньинской группы памятников (Выборнов, 1992. С. 41), имеющих достаточно глубокую радиоуглеродную датировку для комплексов раннего неолита по ту и эту сторону Уральского хребта, в рамках V тыс. до н. э. Интересно отметить, что для памятников этой группы характерна близкая по форме тудозерской посуда (имеются тарелковидные изделия), с зубчатой орнаментацией, выполненной естественными орнаментирами. Присутствует окрас охрой (Косарев, 1996. С. 261).

В орнаментации тудозерской керамики есть ряд черт, связывающих ее и с юго-западным регионом. Это орнаментация гребенчатым штампом в технике «накальвания», что соответствует «в положении на боку» — особенности в орнаментации выделенной для деснинской керамики раннего неолита (Смирнов, 1989. С. 19). Встречающиеся на тудозерской керамике орнаментальные композиции с чередованием зон сплошной и разреженной орнаментации, заполненной диагонально-наклонными линиями, восходят, по-видимому, также к кругу культур днепро-донецкой общности. А если взглянуть на один из сосудов ранней фазы тудозерской керамики, орнаментированный естественным инструментом в технике накальвания при значительном угле наклона орнаментира к поверхности, создается впечатление накольчато-отступающей орнаментации по

типу «скорописного накола», характерного для орнаментики раннеолитической посуды среднего Дона, Среднего Поволжья и Прикаспия. Наличие в комплексе тудозерской керамики своеобразных изделий — «мисочек» сближает ее с кругом культур Балтийского региона.

Оставляя открытым вопрос о направлении заимствования, отметим, что время освоения гончарной технологии населением Прионежья следует, по нашему мнению, синхронизировать с появлением керамики в культурах Балтийского региона и центра Русской равнины, о чем свидетельствует и глубокая радиоуглеродная дата. Присутствие, на ранней фазе тудозерской керамики, сосудов со смешанным рецептом формовочной массы, не исключает возможности непосредственного участия инородного населения в сложении памятников типа Тудозеро-V. Находясь в окружении раннеолитических культур население Прионежья испытывало определенное влияние, в том числе и со стороны верхневолжской культуры, однако, своеобразие керамической традиции региона определяли связи с культурами Балтийского мира, что особенно четко проявляется в формах сосудов. Традиция орнаментации искусственными и естественными орнаментами является отличительной особенностью памятников типа Тудозеро-V существующей относительно самостоятельно на протяжении V тыс. до н. э. на первом этапе развития памятников типа Тудозеро-V.

Начальная стадия освоения гончарства в Прионежье представлена первой фазой первого этапа памятников типа Тудозеро-V. Вторая фаза развития тудозерской керамики синхронна ранней стадии культуры сперрингс и отражает время активных контактов населения двух родственных (?) культур, что фиксируется появлением толстостенной, характерной формы и профилировки «классической» позвонковой керамики. Третья фаза фиксирует первые контакты с населением ЯГК. Второй этап развития памятников типа Тудозеро-V фиксирует большую близость керамики сперрингс и тудозерской, что отражает либо прекращение существования памятников типа Тудозера-V, либо некую консолидацию населения Обонежья. Однако, на территории к югу от Онежского озера в районе озерного края, а также и в бассейне Сухоны существует в развитый период неолита керамика по типу гребенчато-ямочной, но с преимущественным использованием естественных орнаментов для получения гребенчатых отпечатков (см. также статьи Л. С. Андриановой и Н. Г. Недомолкиной в настоящем сборнике). По-видимому, основой для формирования данной гибридной керамики могли послужить памятники раннего периода неолита, близкие памятникам типа Тудозеро-V. Вопрос о территории распространения памятников типа Тудозеро-V непосредственно связан с вопросом о соотношении ранней гребенчатой керамики и керамики типа сперрингс, не раз дискутировавшимся нами с карельскими коллегами и в настоящей статье обсуждаться нами не будет. Отметим лишь, что, по данным Н. В. Лобановой и К. Э. Германа, на восточном побережье Онежского озера в комплексах памятников культуры сперрингс значителен процент керамики с гребенчатой орнаментацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выборнов А. А.* Неолит Прикамья. Самара, 1992.
- Герман К. Э.* Культура сперрингс на территории Карелии // ТАС. № 2. 1996.
- Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР // МИА. № 87. 1961.
- Калинина И. В., Устинова Е. А.* Технологическая классификация орнаментов неолитической-энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. Вып. 30. 1990.
- Косарев М. Ф.* Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Лобанова Н. В.* Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита // ТАС. № 2. 1996.
- Мазуркевич А. Н.* О раннем неолите Ловатско-Двинского междуречья // ПАВ. № 9. 1994.
- Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2. Л., 1978.
- Сидоров В. В.* Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Петрозаводск, 1997.
- Смирнов А. С.* Памятники с накольчатой и гребенчатой орнаментацией керамики в неолите Подесенья // Проблемы изучения неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Смирнов А. С.* Памятники раннего неолита Десны // СА. № 3. 1989.
- Тимофеев В. И.* Проблемы генезиса раннеолитических культур в Балтийском регионе // ПАВ. № 9. 1994.
- Титов Ю. В.* О культуре сперрингс // Археологические исследования в Карелии. Л., 1972.
- Энговатова А. В., Жилин М. Г.* Хронология верхневолжской неолитической культуры // РА. № 2. 1998.

К ПРОБЛЕМЕ НЕОЛИТИЗАЦИИ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ И ТУВЫ (ВЕРХНЕЕНИСЕЙСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА)

Культура керамического неолита в горно-степных районах Тувы и Южной Сибири до недавнего прошлого была совсем не известна. На степных разветвленных стоянках можно было собрать коллекции каменных орудий неолитического облика. Как правило, это были микролитические изделия, условно датируемые эпохой голоцена. Немногочисленные мелкие фрагменты керамики на таких местонахождениях встречались редко, и нет никаких оснований соотносить их с каменным инвентарем.

В 1967 г. А. П. Зяблин открыл двухслойное поселение на правом берегу Енисея у села Унюк вблизи устья р. Сыда. Нижний слой этого памятника содержал, по свидетельству автора, фрагменты орнаментированной округлодонной керамики и значительное число орудий из кремня, нефрита и, видимо, шифера (Зяблин, 1968. С. 146—147; 1969. С. 238—239; 1973. С. 69—73). К сожалению, к моменту открытия памятник был уже сильно разрушен водами Красноярского «моря». По мнению некоторых исследователей, этот неолитический слой мог также содержать материалы эпохи энеолита и ранней бронзы (Вадецкая, 1986. С. 11). Керамика так называемого «унюкского» типа сопоставима с неолитической керамикой стоянок Няша, Казачка, Усть-Белая и некоторых других (Виноградов, 1982. С. 3—16).

Другой неолитический памятник Минусинской котловины был также открыт А. П. Зяблиным на оз. Карасевом (1974. С. 204), а затем исследовался А. В. Виноградовым (1979. С. 196; 1980. С. 171—172), который установил здесь в слоях смешанный характер материалов. В пункте под названием Вьюжное им была выделена плоскодонная керамика «карасева» типа, отличная от унюкской, но, как будто бы, предшествующая афанасьевской. Подробнее по этому поводу уже было сказано ранее (Семенов, 1997. С. 153).

В Туве выделение керамического неолита также связано с открытием памятников с сохранившимся культурным слоем. Первая стоянка, где орнаментированная керамика и каменные орудия залегали под слоем почвы, а не на дневной поверхности, была найдена С. И. Вайнштейном на оз. Тоджа (Восточная Тува), которое в настоящее время переименовано в оз. Азас (Вайнштейн, 1957. С. 36—58). Позднее здесь производила раскопки М. А. Дэвлет, открывшая стоянку Азас II и две стоянки в низовьях реки Тора-Хем под названием «Первая» и «Вторая» поляны (Дэвлет, 1973а. С. 74—84; 1973б. С. 104—106). Позднее здесь работала Тувинская экспедиция ЛОИА (Семенов, 1992. С. 69—76). В процессе этих работ был изучен характер отложений на памятниках Тоджинской котловины, получен разнообразный археологический материал, включая неолитический по облику инвентарь, разнообразные типы керамических изделий, включая и округлодонную посуду, погребения разных эпох и даже материалы палеолитического облика. Часть этих материалов идентична с комплексами, происходящими из многослойных стоянок Верхнего Енисея — Тоора-Даш и Хадынских I (в основном это касается эпохи ранней бронзы), но выделить бесспорно неолитическую керамику без дополнительных исследований было практически невозможно.

Верхнеенисейский неолит выделен на материалах многослойной стоянки Тоора-Даш, исследованной в течение семи полевых сезонов с 1978 по 1984 годы. Стоянка расположена на правом берегу Енисея (Улуг-Хема) в 5 км ниже устья реки Хемчик. В настоящее время памятник находится на дне Саяно-Шушенского водохранилища (рис. 1). Значение стоянки Тоора-Даш заключается в том, что здесь, в течение длительного времени селились неолитические охотники и рыболовы, позднее первые скотоводы и ранние кочевники. Периодически пойма и низкая терраса Енисея затапливались в результате весенних и дождевых паводков, и культурные слои перекрывали аллювиальные наносы, представленные различными супесями и суглинками. Благодаря этому сформировался уникальный памятник с четкой вертикальной стратиграфией,

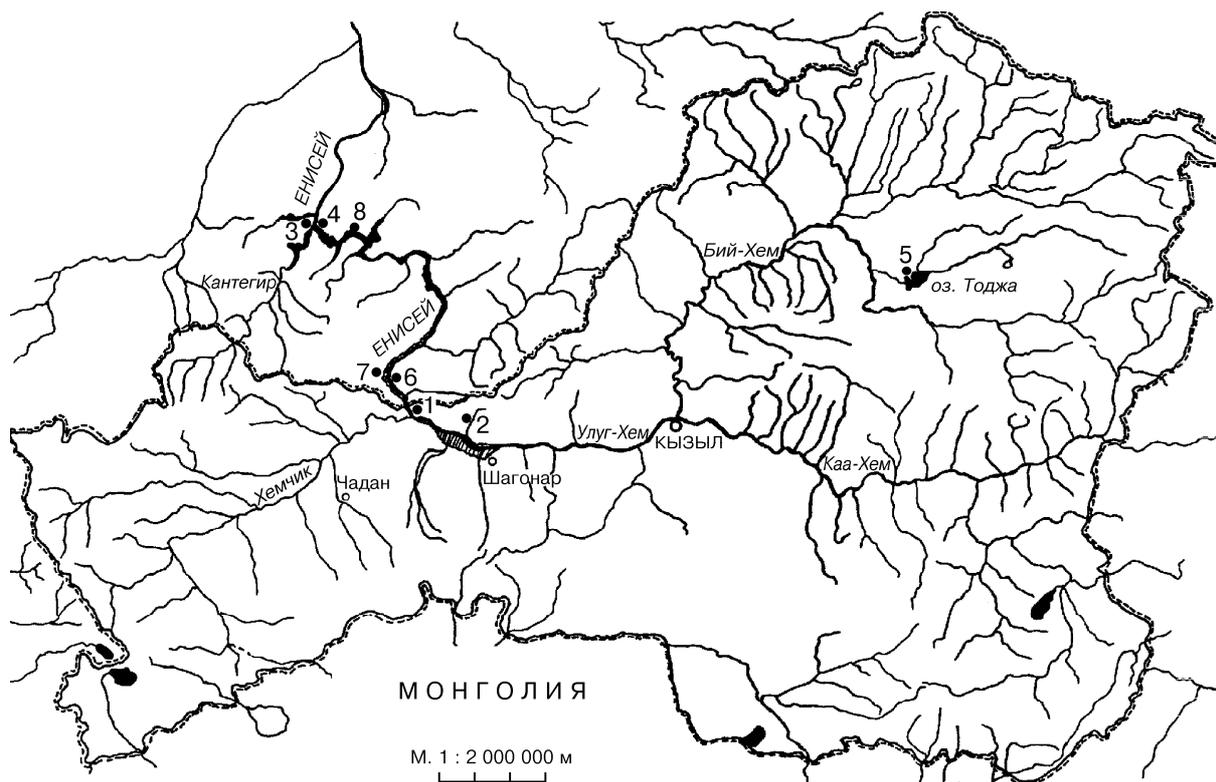

Рис. 1. Памятники эпохи неолита в бассейне Верхнего Енисея:
 1 — Тоора-Даш; 2 — пещера на р. Куйлуг-Хем; 3 — Усть-Кантегир; 4 — Сосновка-Джойская;
 5 — стоянки Азас I и II; 6 — Хадынных I; 7 — Малые Уры; 8 — Сосновка Голованьская.

где каждый культурный слой отделен от выше и ниже лежащего стерильными прослойками. Общая мощность напластований превышает 3,0 м, площадь раскопов составляет 670 м². К неолиту относятся слои с первого по четвертый (отсчет слоев ведется снизу вверх). Кроме того, слой 2 четко расчленяется на три культурных горизонта, перекрытых наносами сезонных паводков толщиной 1—2 см (рис. 2). Керамика вышележащего пятого культурного слоя оставлена носителями афанасьевской культуры. Это является основным хронологическим репером, позволившим отнести материалы нижележащих пластов к эпохе неолита (Семенов, 1983. С. 15—18; 1992. С. 11—28; 2001. С. 21—32; Vasil'ev, Semenov, 1993. P. 213—242).

Морфологические особенности археологического материала не противоречат данному заключению. Каменный инвентарь представлен (суммарно по всем слоям): 30 ядрищами, примерно 3000 единиц продуктов раскалывания камня (отщепы, чешуйки, аморфные куски породы), 160 орудий, из которых 69 скребков, 24 скребла, 28 наконечников стрел, 14 двусторонне ретушированных вкладышей, 12 долотовидных орудий, 6 зубчатых орудий, 4 бифаса, 2 ножа, 1 выемчатое орудие. Сырьем для изготовления орудий служил черный желвачный кремль низкого качества, яшма, микрозернистый кварцит и халцедон. Изготавливались орудия также из плитняка и речных галек.

На стоянке встречены в основном одноплощадочные нуклеусы (рис. 3, 13—14) из обломков породы, но есть и двуплощадочные, дисковидные, а также сильно-сработанные микронуклеусы. Скрепки представлены: высокими формами, на отщепах с округлым рабочим краем, боковыми, с боковой выемкой, зубчатыми, сегментовидными на отщепах, поперечными и некоторыми другими (рис. 3, 1—7). Скребла сделаны, как правило, на удлинённых или пластинчатых отщепах черного и красного кремня или кварцита. Среди них преобладают продольные (рис. 3, 10—12), но есть продольно-выпуклые, поперечно-выпуклые. Встречено одно крупнозубчатое, поперечное скребло. Вкладыши изготавливались на пластинчатых отщепах длиной от 4—3,5 до 2,5 см, шириной 1—1,3 см. Исключение составляет один микровкладыш размерами

1,8 x 0,4 см. Все вкладыши обработаны с двух сторон мелкой отжимной ретушью (рис. 4, 10—12). Наконечники стрел изготовлены из мелких кремневых и кварцитовых отщепов. Их высота варьирует от 2,3 до 2,5 см, а ширина — от 1,3—1,4 см до 1,3—1,7 см. Все наконечники имеют в основании выемку глубиной от 0,1—0,2 см до 0,5 см (рис. 4, 1—9). Формы наконечников: треугольная симметричная, треугольная асимметричная, вытянутых пропорций, приближающаяся к миндалевидной. Помимо мелких наконечников стрел с выемчатой базой имеются обломки более крупных сломанных изделий с округлым основанием и верхняя часть острия большого размера.

Изделий из кости и рога сравнительно мало. Из первого культурного слоя происходит костяной гарпун и роговое орудие с выделенной головкой и насечками на противоположном конце (рис. 5, 9). Гарпун является, пока что, уникальной находкой для территории Тувы и не имеет прямых аналогий на сопредельных территориях Саяно-Алтая, включая и Приангарье. Во втором культурном слое обнаружено роговое тесло с залощенной поверхностью (рис. 5, 6). Третий культурный слой представлен тремя изделиями из кости: одно острие длиной 15,2 см, шириной в основании 1,5 см (рис. 5, 8) и две костяные иглы. Одна из них овальная в сечении длиной 4,9 см и диаметром 2 мм. Эта игла заполирована до блеска. В ее основании сохранилось миниатюрное ушко для продевания в него нитки (рис. 5, 1—2). Из украшений обнаружены только три перфорированных подвески из клыков марала (рис. 5, 3—5) и обломок пластинки из окаменевшего дерева с геометрическим узором и следами красной краски (рис. 5, 7).

Керамические изделия Тоора-Даша представлены фрагментами примерно 30 сосудов, орнаментированными исключительно гребенчатым штампом. Некоторые из этих сосудов удалось восстановить практически целиком (рис. 6, 7). От не полностью реставрированных горшков имеются крупные фрагменты венчиков, стенок и дниц. Хорошо изучены все приемы и мотивы орнаментации.

В первом культурном слое выявлены фрагменты от шести керамических сосудов. Вся керамика, за исключением одного сосуда, была приурочена к каменным кольцеобразным выкладкам. В развале сооружения № 2 был найден фрагмент керамики с гребенчатым орнаментом. Горизонтальные оттиски длинного (2,5 см) и узкого (1—1,5 мм) штампа покрывают всю поверхность черепка. Абрис оттиска зубчика прямоугольный, оттиски неглубокие. Толщина фрагмента 0,5—0,7 см. Черепок пористый, примеси к глиняному тесту визуально не просматриваются.

Развалы трех сосудов находились в сооружении № 11. Один из сосудов реставрирован полностью. Его диаметр по венчику — 20,5 см, диаметр шейки — 20 см, наибольший диаметр тулова — 23 см, высота сосуда — 28 см. Дно округлое. Венчик округлый, гладкий, без орнамента. Орнамент — оттиски близко поставленной шагающей гребенки, которые сплошь покрывают тулово сосуда. Придонная часть покрыта оттисками горизонтального гребенчатого штампа. Оттиски штампа неглубокие, слегка заглаженные. Толщина стенок 0,7—0,8 см. Цвет черепков в изломе красно-коричневый (рис. 6, 5).

Венчики двух других сосудов имели одинаковую орнаментацию, но один из них приострен, а край у другого ровно срезан и декорирован оттисками штампа. Верхняя часть этих сосудов украшалась диагональным орнаментом длиной 2 см, тулово покрывали оттиски горизонтально идущих строчек. В придонной части орнамент менялся. Здесь снова проходил ряд диагональных оттисков штампа длиной 4 см, и ниже все дно было покрыто спиральным узором, завиток спирали завершался на дне сосуда (рис. 6, 2—4). Не ясно, которому из сосудов с острым или ровно-срезанным венчиком принадлежит это днище, так как они идентично орнаментированы, а подобрать полный профиль в данном случае не удалось. Фрагменты от пятого горшка находились между сооружениями 11 и 12 и были приурочены к слабому очажному пятну. Это — сосуд 9 см в диаметре по венчику, высота сохранившейся части 13,5 см. Край венчика утолщен налепом, орнаментирован. Обломки стенок сосуда декорированы горизонтально поставленным штампом. Фрагмент от шестого сосуда найден в развале сооружения № 13. Этот сосуд так же, как и вся остальная керамика первого слоя имеет гребенчатый декор (рис. 6, 1).

Во всех трех горизонтах второго культурного слоя была обнаружена керамика. В третьем горизонте найдены фрагменты от пяти сосудов, один из которых восстановлен почти полностью,

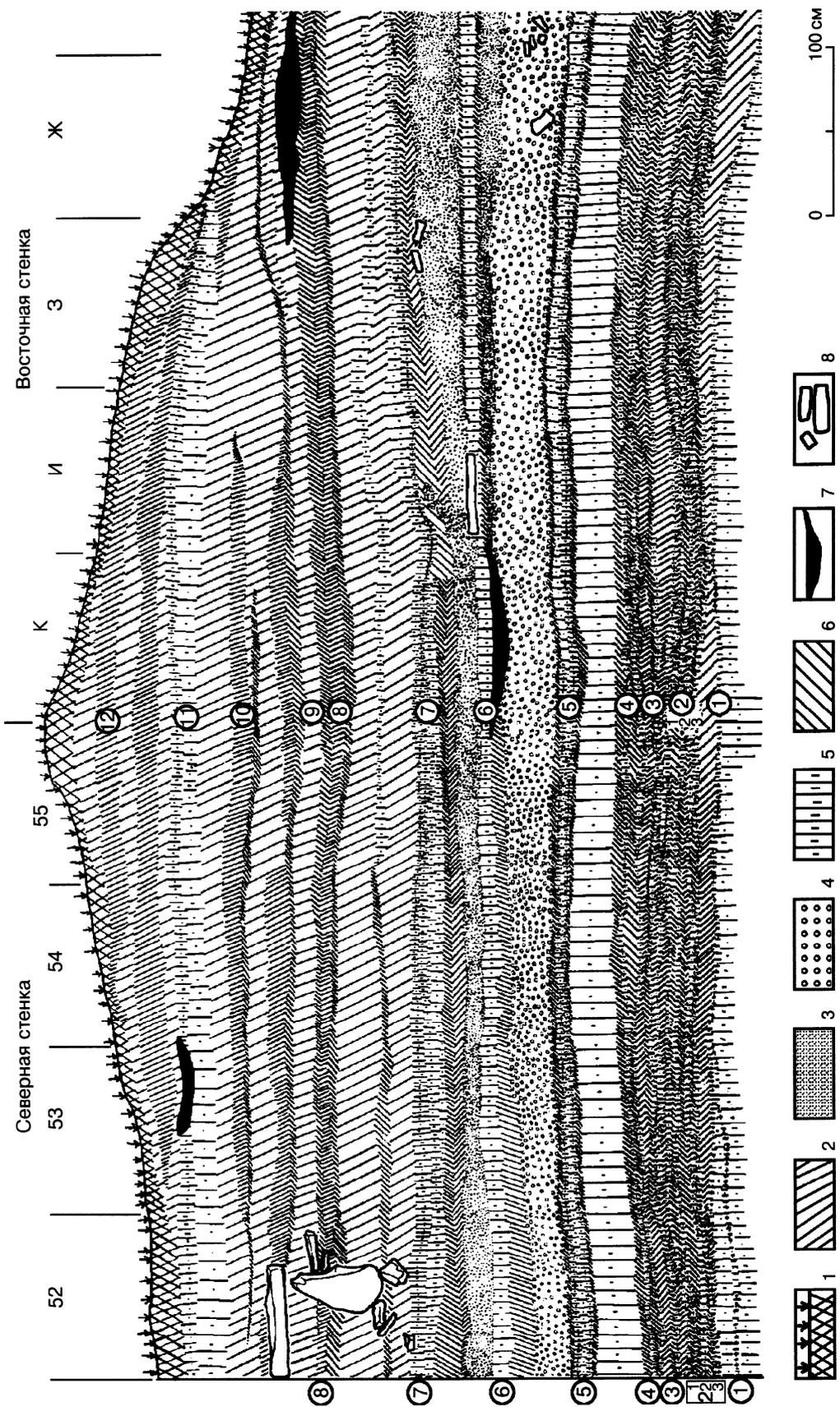

Рис. 2. Стратиграфия стоянки Гоора-Даш (1 — 12 — номера культурных слоев):

1 — гумус; 2 — сугил; 3 — песок; 4 — щебень; 5 — глина; 6 — сугил; 7 — очаги; 8 — камни.

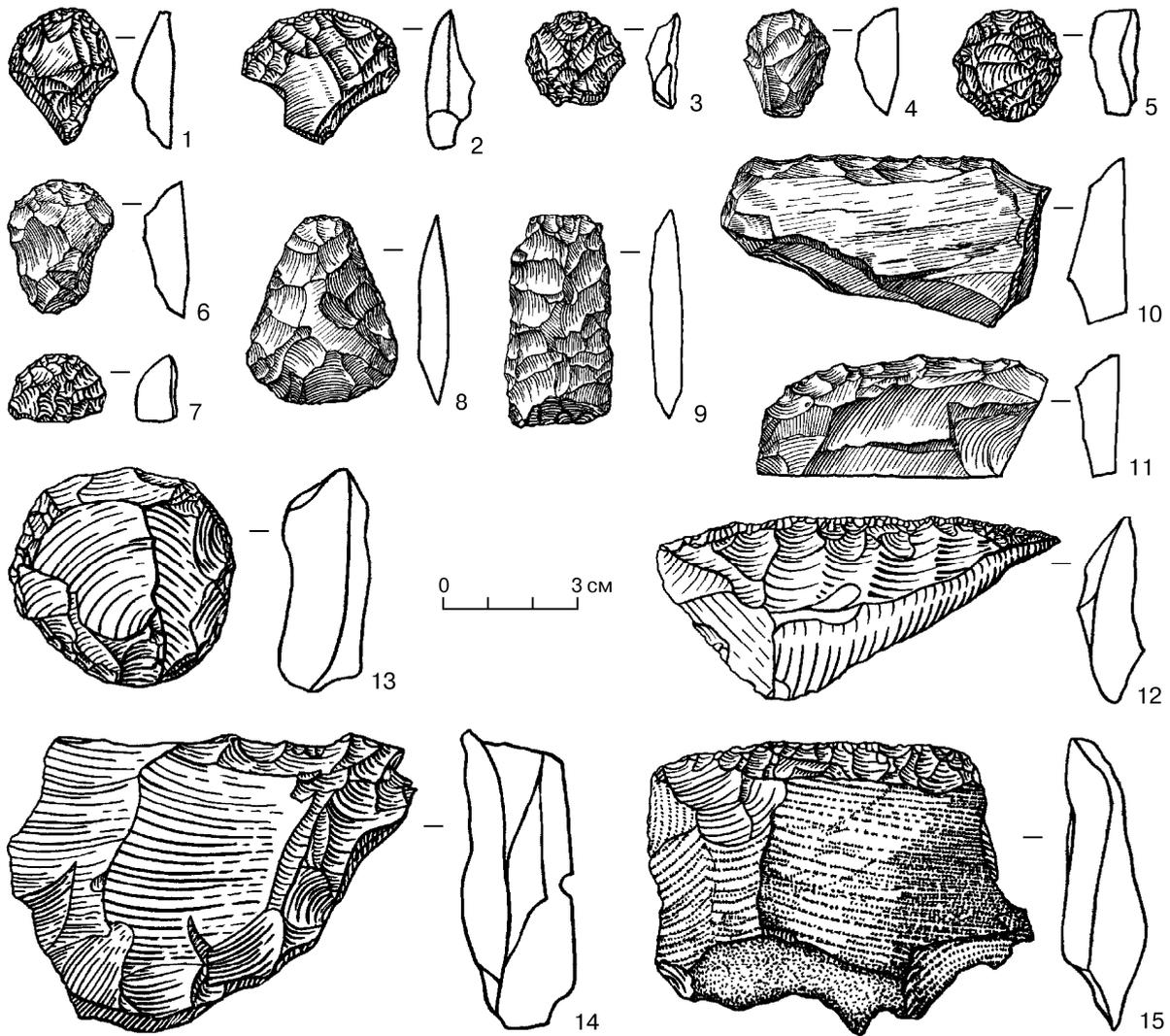

Рис. 3. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь:
1—7 — скребки; 8, 9 — бифасы; 10—12, 15 — скребла; 13, 14 — нуклеусы.

отсутствует только дно (рис. 7, 6). Диаметр этого сосуда — 20 см, высота сохранившейся части — 22 см, толщина стенок — 0,8 см. Край венчика ровно срезан и орнаментирован. Верхняя часть венчика выделена с помощью небольшого утолщения и орнаментации пересекающимися оттисками штампа. Шейка, слегка намеченная в профилировке, покрыта елочным узором, затем плавно переходит в тулово. Условное плечико сосуда подчеркнуто пересекающимися оттисками штампа точно так же, как и венчик. Тулово тоже украшено гребенчатым орнаментом, образующим горизонтальные строчки. Придонная часть имеет вертикальный елочный узор. Таким образом, с помощью одного орнаментального приема создается сложный и богатый декор и одновременно подчеркивается зональность орнаментации, выделяются венчик, шейка, плечико, тулово и придонная часть сосуда. Такое разделение орнаментального поля на самостоятельные зоны получило более широкое развитие в последующей энеолитической культуре. На Тоора-Даше же такая зональность появилась еще в первом культурном слое.

Другие два сосуда из третьего горизонта орнаментированы более скромно. Один из них, диаметром 20 см, покрыт елочным узором, край венчика орнаментирован тем же штампом (рис. 7, 5). Другой сосуд меньших размеров (его диаметр всего 10,5 см) украшен оттисками длинного гребенчатого штампа, поставленного по диагонали относительно орнаментального поля сосуда. Край венчика этого сосуда также декорирован (рис. 7, 3). Здесь же найдено довольно много фрагментов с елочным орнаментом.

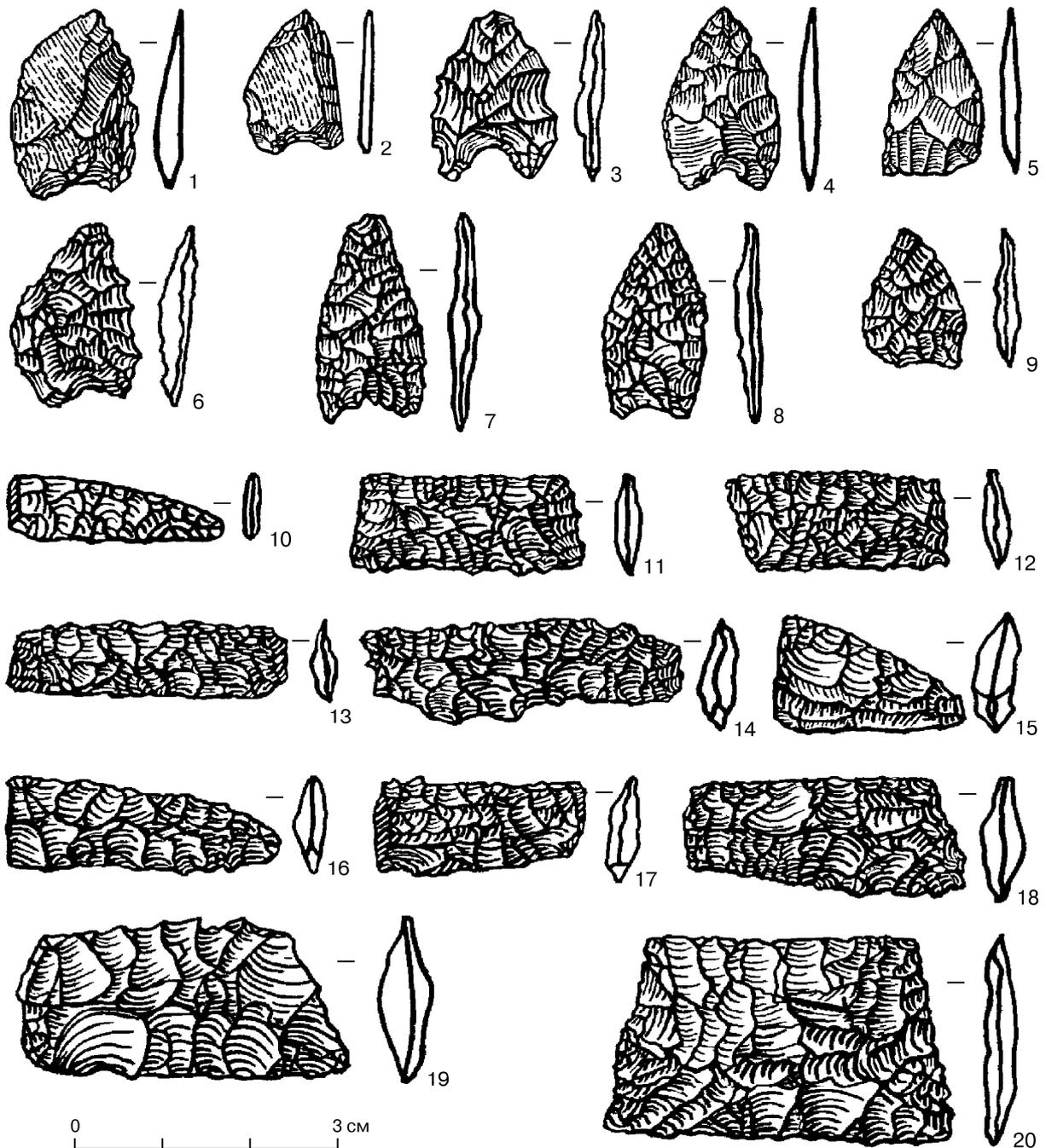

Рис. 4. Стоянка Тоора-Даш. Каменный инвентарь: 1—9 — наконечники стрел; 10—20 — вкладыши.

Керамика второго горизонта представлена фрагментами нескольких сосудов. Наиболее целый из них имеет диаметр по венчику 18 см. Толщина стенок 0,8 см, венчик слегка отогнут наружу. Отогнутый край специально наклеплен на первоначально приостренную глиняную ленту, что хорошо видно по спаю этого налепа с краем венчика. Однообразный орнамент из горизонтально поставленной шагающей гребенки сплошь покрывает все тулово сосуда, при этом достигается эффект текстильного орнамента (рис. 7, 7). В этом же горизонте было еще несколько фрагментов от такого же сосуда, декорированного шагающей гребенкой. Около 100 обломков найдено от сосуда диаметром 22,5 см. Сохранность черепков плохая и подобрать полный профиль этого сосуда не удалось. Он весь покрыт бессистемными оттисками крупнозубчатого штампа, край венчика отогнут и орнаментирован, по шейке проходит два ряда наколов острым

концом орнамента (рис. 7, 2). Из этого же слоя происходит значительное число фрагментов от различных сосудов. Среди них обломки стенок с «елочным» гребенчатым декором. Фрагмент венчика с близко поставленным штампом образующим «елочный» орнамент, напоминает аналогичный сосуд из третьего горизонта (рис. 7, 1). Один сосуд с сильно отогнутым краем венчика и редкой гребенчатой орнаментацией наиболее сильно профилирован из всей керамики второго слоя. Он представляет собой некий переходный вариант к керамике третьего культурного слоя, о которой будет сказано ниже.

Из первого культурного горизонта второго слоя происходит около 100 обломков от 10 разных сосудов. Наиболее интересен из них сосуд с орнаментом из близкоставленной шагающей гребенки, имитирующей сетку-плетенку. Этот орнамент аналогичен узору на сосуде из второго горизонта (рис. 7, 4).

Особо следует отметить наличие венчика от тонкостенного сосуда (толщина стенки не более 3 мм, тогда как обычно керамика из неолитических слоев имеет толщину 0,7—1 см) с уплощенным грибовидным венчиком и редкими оттисками гребенки. Здесь же найдено много разрозненных фрагментов стенок с гребенчатой орнаментацией и часть днища округлодонного сосуда.

Керамика третьего культурного слоя, в силу неблагоприятных условий залегания, сохранилась очень плохо. Однако же, удалось собрать коллекцию, превышающую 100 фрагментов не менее чем от 4 сосудов. На этой керамике сохраняется чисто гребенчатая орнаментация, как и в предыдущих культурных слоях. Обнаружены венчики двух типов. Один — сильно отогнутый наружу с приостренным налепом и орнаментированным краем. По шейке сосуда проходит ряд наколов концом орнамента. Стенки покрыты «елочным» декором. Зубчики штампа имеют нечеткие, аморфные очертания. Орнамент образован не оттисками, а прокатыванием штампа, что могло иметь место и ранее на керамике второго слоя (рис. 8, 4—7). Вместе с тем существует керамика со слабыми оттисками шагающей гребенки, имеющая аналогии на посуде первого слоя. Венчик подобного прямостенного сосуда слегка отогнут наружу и под ним проходит ряд наколов (рис. 8, 2). Вся керамика рыхлая, расслаивается, вероятно, из-за плохого обжига. Полную противоположность являет обнаруженное в третьем слое округлое дно сосуда (довольно тонкое — 0,4 см, очень плотное с примесью мела или талька), орнаментированное сплошными оттисками шагающей гребенки (рис. 8, 3).

В заключении о всей неолитической посуде можно сказать следующее: она имеет только гребенчатую орнаментацию. Диаметр сосудов, когда это удавалось установить, варьировал от 18 до 22 см. Два сосуда имели диаметр 9 и 10,5 см. Высота единственного целого сосуда — 28 см. Часть керамики покрывалась сплошной шагающей гребенкой или «елочным» орнаментом — в обоих случаях оттиски штампа ставились вплотную друг к другу, что создавало имитацию сетчатого или текстильного орнамента. В других случаях керамика украшалась более разреженным узором, и тогда на посуде выделялись особые орнаментальные зоны, которые подчеркивали функционально важные части изделия — шейку, тулово и дно. Характерно, что именно по границам этих частей проходил спай лент сосудов, по которым главным образом они и ломались. Наряду с сосудами с ровносрезанным или приостренным венчиком найдены и профилированные сосуды, на которых появляется налепной отогнутый край венчика. Этот налеп постепенно эволюционирует и, утрачивая связь с оформлением края венчика, переходит несколько ниже, превращаясь в налепной валик в верхней части сосуда.

Стенки всех сосудов ровные, прямые. Днища округлые, орнаментируются тем же приемом, что и сами сосуды. В одном случае на дне зафиксирован спиральный завиток. В целом керамика первого и второго слоев представляется как единое целое, в то время как в третьем слое намечаются некоторые изменения, впрочем, в рамках единого комплекса они весьма незначительны.

Анализ каменного инвентаря и керамики из трех нижних слоев стоянки Тоора-Даш демонстрирует их однородность и следовательно однокультурность с одной стороны и определенное своеобразие с другой, что выделяет данный культурный комплекс из всего ранее известного на территории Тувы.

Наиболее близкие комплексы верхнеенисейской неолитической культуре выявлены на стоянке Усть-Кантегир, о чем уже говорилось ранее (Семенов, 1986. С. 127—131), а также в только что открытой пещере в верховьях реки Куйлуг-Хем.

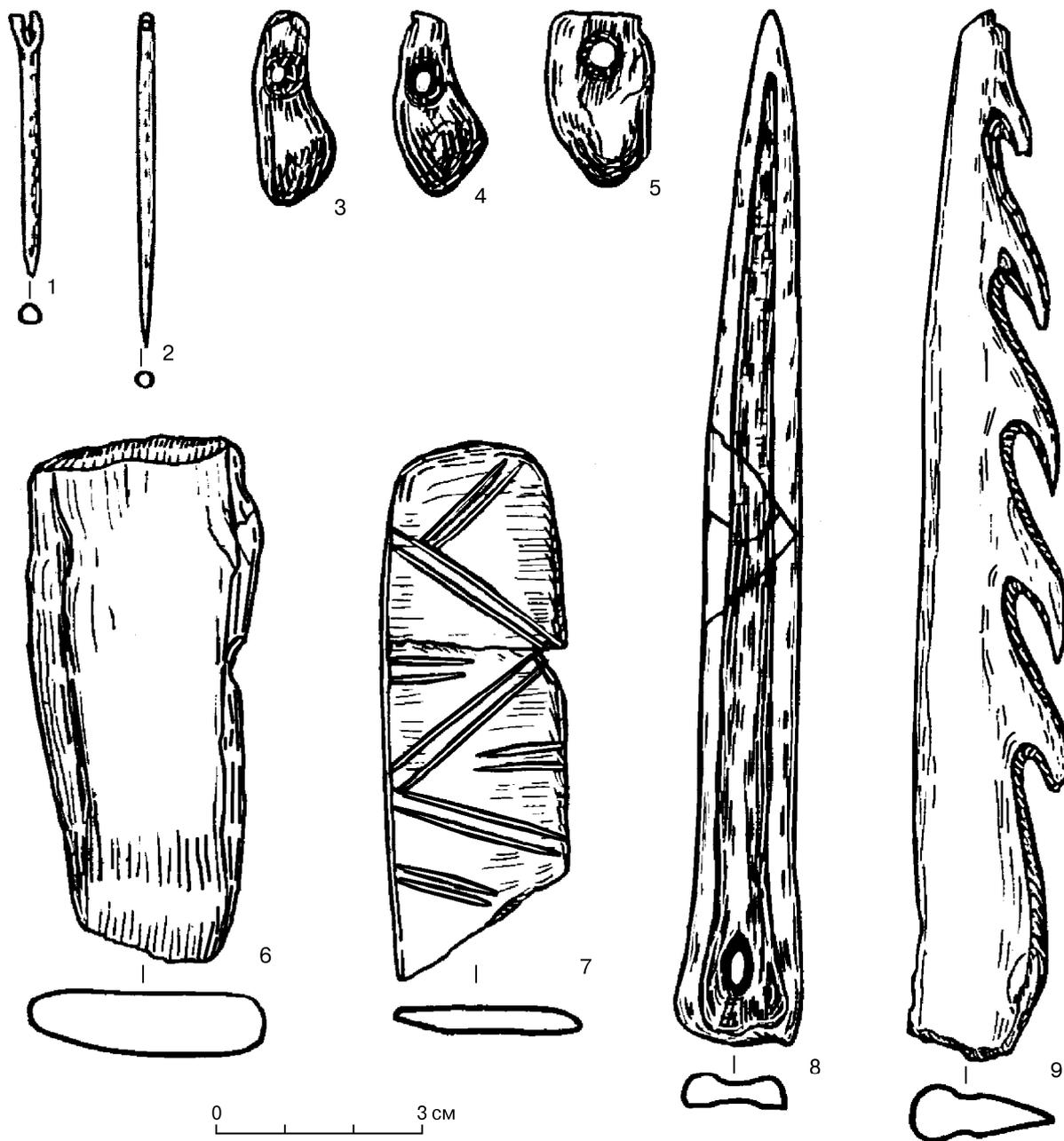

Рис. 5. Стоянка Тоора-Даш.

1, 2, 6, 8, 9 — кость; 3—5 — атрофированные клыки марала; 7 — окаменевшее дерево.

Стоянка Усть-Кантегир исследована в 1976 и 1977 гг. на площади 96 м². Она располагалась на мысу древней террасы Кантегира. Вероятно, в то время, когда здесь существовало неолитическое поселение, рядом протекал один из рукавов реки, впоследствии обмелевший. В неолите эта протока оставалась еще водной и во время паводков затапливала стоянку.

Культурные остатки распределялись следующим образом: в дерновом слое найден киргизский наконечник стрелы, под дерном в верхней части второго литологического слоя — два бронзовых ножа и небольшое количество фрагментов керамики. Оба ножа датируются V—VI вв. до н. э., т. е. сарагашенским этапом тагарской культуры; в нижней части этого же слоя обнаружен тагарский сосуд баночной формы с елочным орнаментом по венчику. На том же уровне залегал кремневый наконечник копья или кинжала длиной 18,5, шириной 6 см. Подобные наконечники копий широко распространены в Прибайкалье в серовское время (рис. 9, 15).

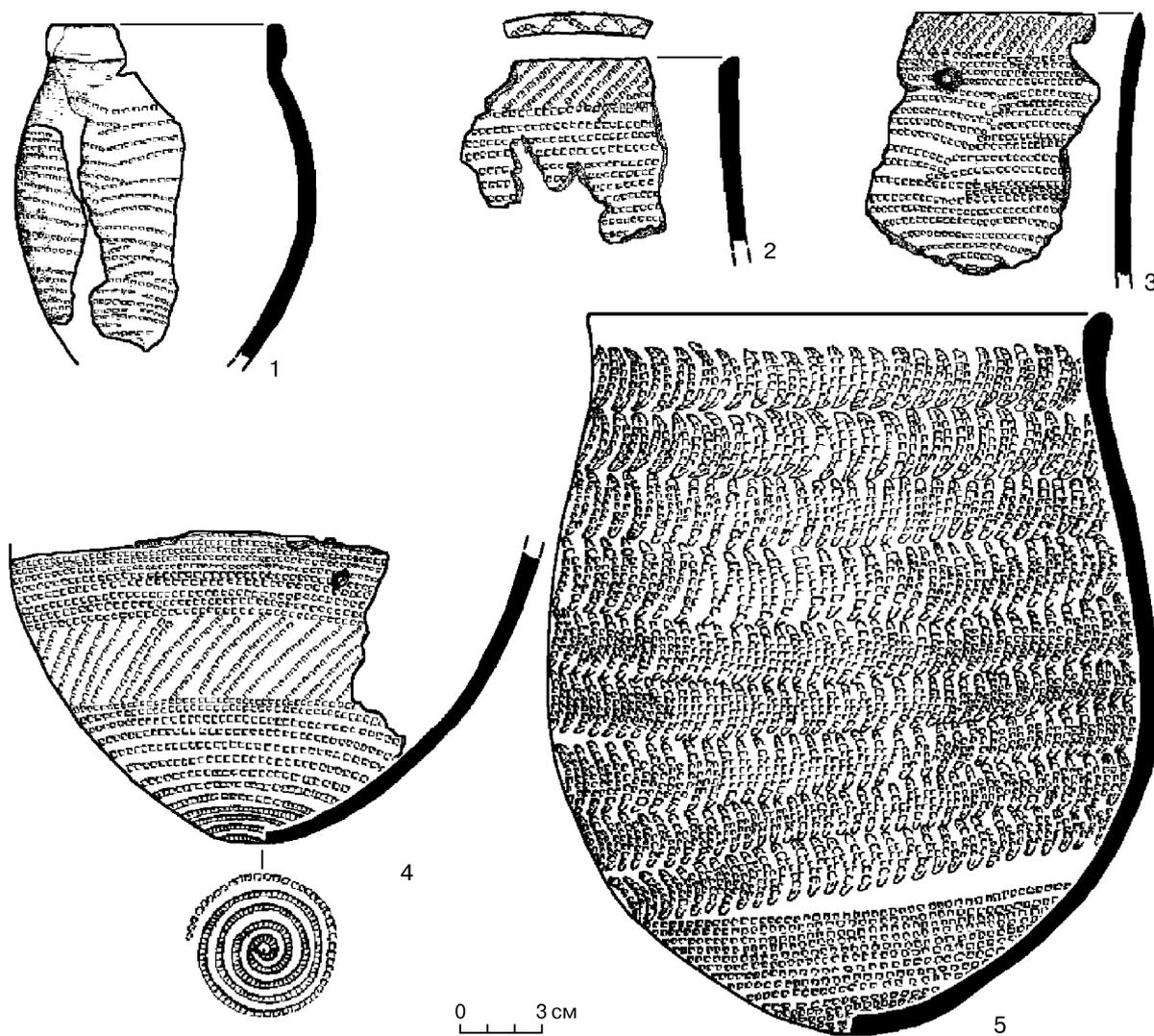

Рис. 6. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из первого культурного слоя.

В четвертом литологическом слое (в супеях черного цвета) залежали остатки неолитического времени. Слой, вероятно, затапливался во время паводков, в результате чего керамика сохранилась очень плохо, а кострища размыты. Этот слой подстилает черный оторфованный песок, что также свидетельствует об увлажненности почвы. Аллювиальные отложения здесь накапливались вплоть до тагарского периода, когда ландшафт в приустьевой части Кантегира принял современный характер. В настоящее время стоянка Усть-Кантегир затоплена водами Саянского водохранилища.

В основном раскопе (72 м²) открыты две выкладки из речных галек, очевидно очаги, так как между гальками остались угли и многие из них потрескались от пребывания в огне. Найдено четыре фрагмента керамики, орнаментированной шагающей гребенкой. На двух фрагментах отриски гребенки нечеткие, два других орнаментированы отчетливее (Семенов, 1986. С. 130, рис. 2).

Предметы из камня немногочисленны — около 130 отщепов и чешуек и менее десяти орудий. Сырьем здесь служили кварцитовые гальки. Из орудий можно отметить крупные скребла на массивных отщепах, скребки на отщепах высоких форм, обломок двусторонне ретушированного вкладыша, фрагмент наконечника копья длиной 5 см, шириной 3 см, наконечник стрелы с прямым основанием и обломанным жалом (рис. 9).

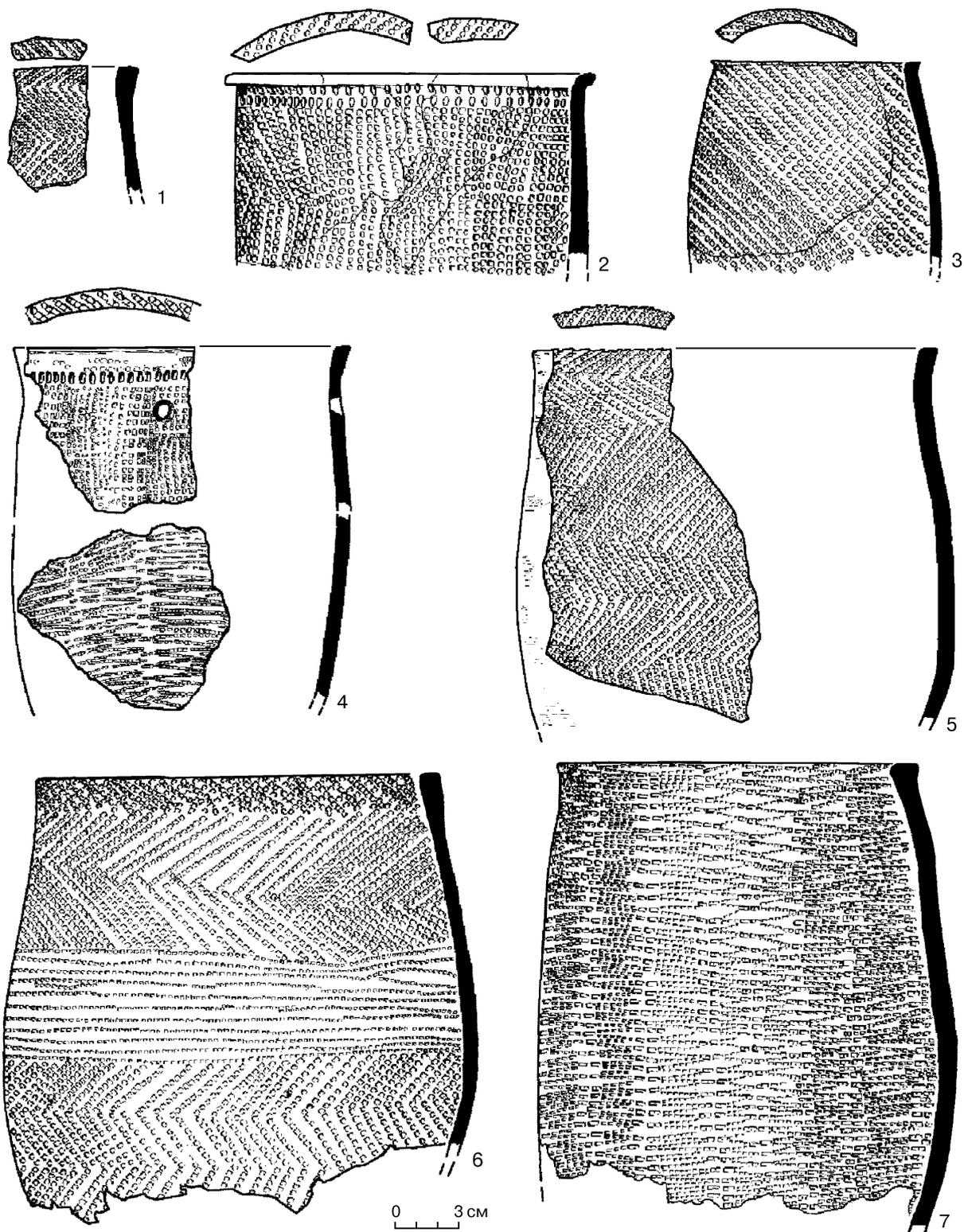

Рис. 7. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из второго культурного слоя.

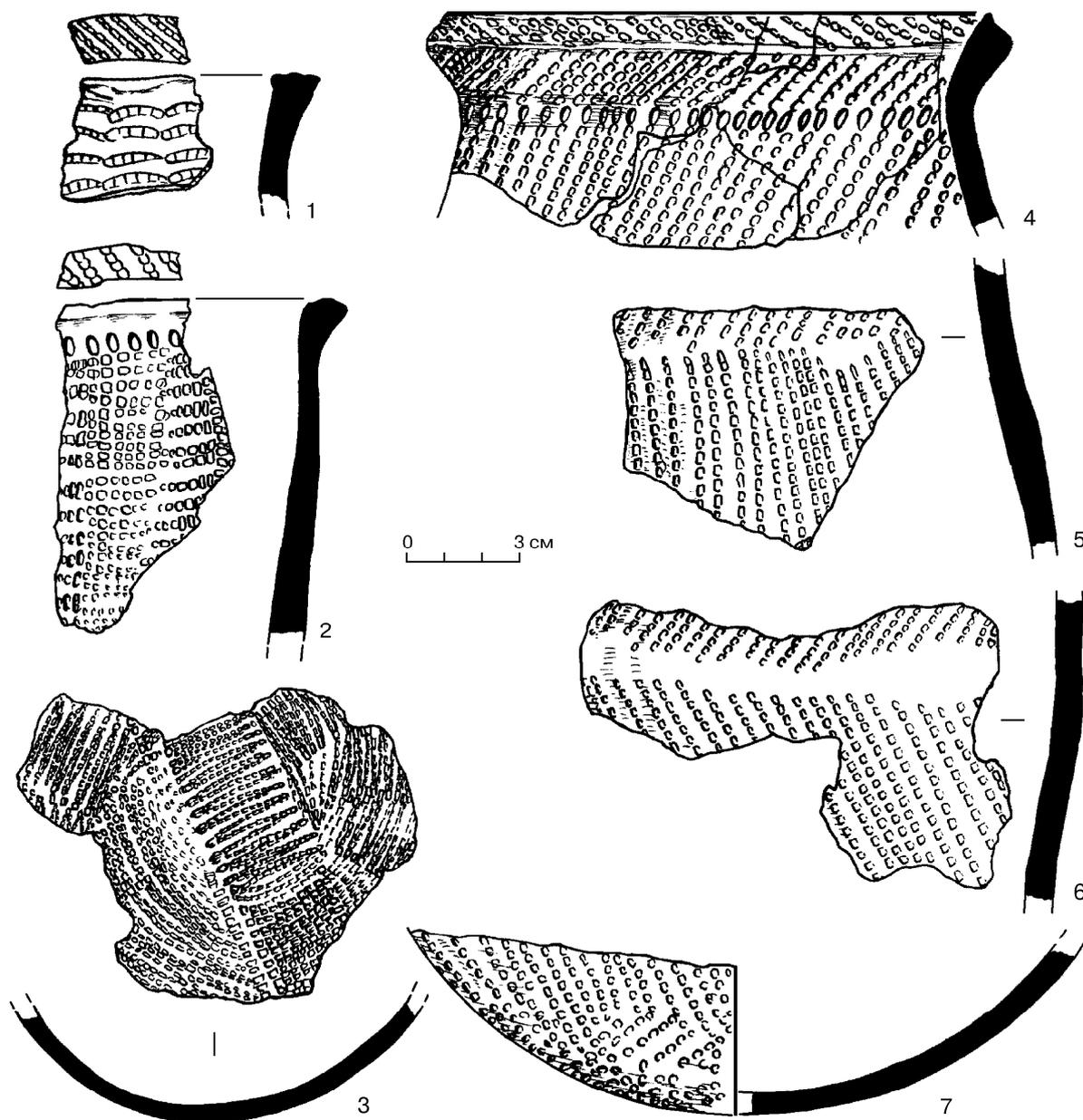

Рис. 8. Стоянка Тоора-Даш. Керамика из третьего культурного слоя.

Поблизости от основного раскопа были заложены две траншеи: первая площадью 12 м² (6 x 2 м) и вторая — также 12 м², расположенная в 8 м к востоку от края раскопа. К западу терраса повышалась и стратиграфия оказалась несколько иной. Здесь культурный слой с каменным инвентарем перекрыт маломощным слоем глины. Полученный инвентарь довольно беден, в основном бесформенные отщепы, один одноплощадочный и два торцевых нуклеуса (рис. 9, 17, 18), из орудий — всего один скребок из хорошего кремня (рис. 9, б).

Вторая траншея, заложённая на самом мысу древней террасы, дала гораздо больше материала, в ней обнаружена выкладка из речных галек, подобная выкладкам основного раскопа. К ней было приурочено значительное количество продуктов расщепления камня: 230 чешуек, 330 мелких и средних отщепов, три сильно сработанных нуклеуса со следами беспорядочных снятий, 9 осколков крупных кварцитовых галек, одна из которых сохранила корку. Здесь же обнаружено шесть наконечников стрел, из них два целых и один фрагмент с выемчатым основанием.

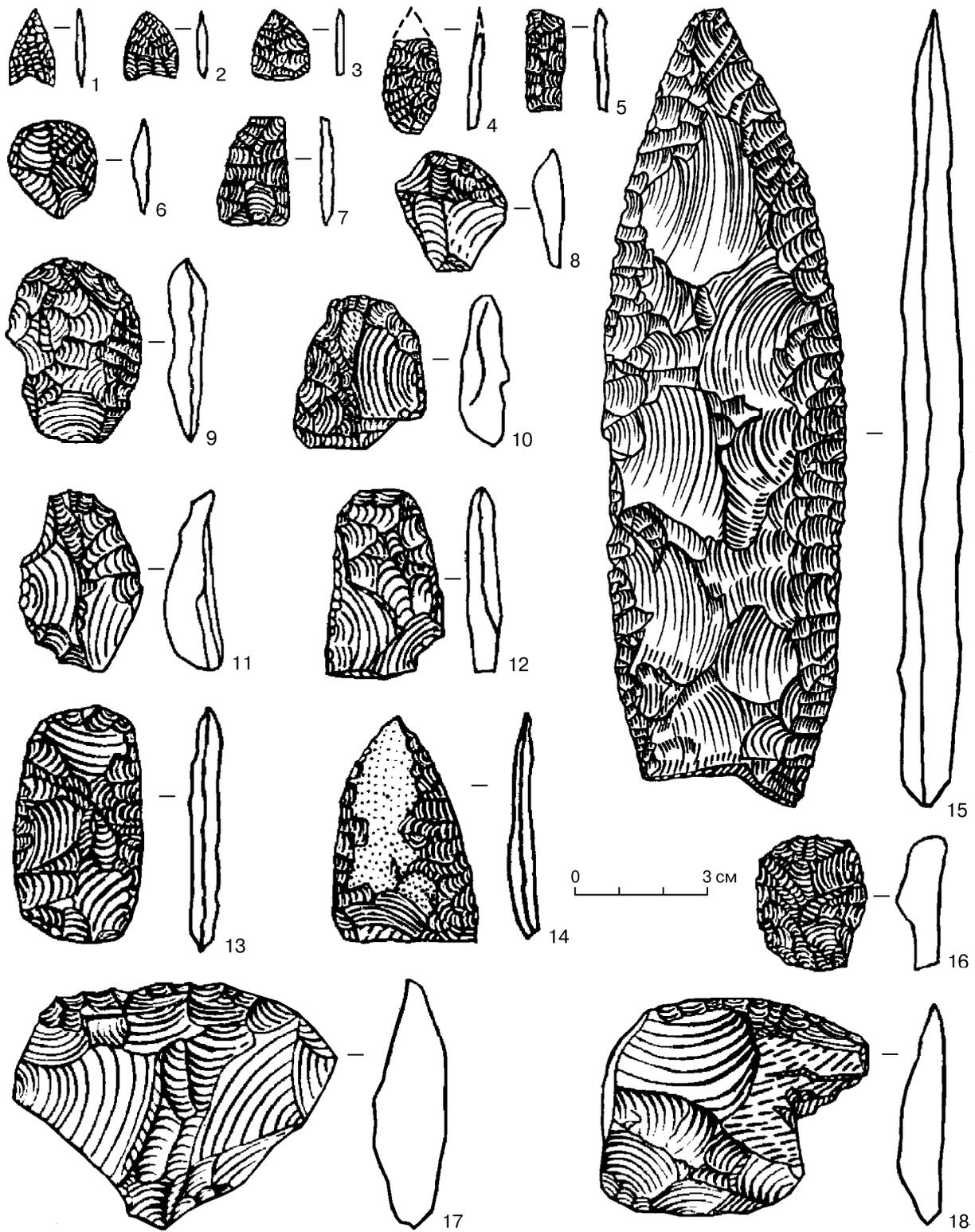

Рис. 9. Стоянка Усть-Кантегир. Каменный инвентарь

Целые экземпляры имели длину 1,5 см. Четвертый наконечник (со сломанным жалом) имел, вероятно, листовидную форму с округлым основанием. Два последних наконечника лишены нижней части (рис. 9, 1—3).

Из других орудий отметим скребок с округлым рабочим краем и два бифациально обработанных орудия, очень близких к подобному изделию со стоянки Сосновка-Джойской, расположенной на правом берегу Енисея чуть ниже устья р. Кантегир. Одно из них сделано из такого же прозрачного кварцита, но меньше по размерам и более тщательно обработано; от другого, из черного кварцита, сохранилась одна половина.

Культурные слои с материалами верхнеенисейской культуры были выявлены в пещере на правом берегу р. Куйлуг-Хем (в 12 км от современного устья) — правобережного притока Улуг-Хема (рис. 1). Пещера была обнаружена нами в 2001 году при обследовании долины Куйлуг-Хема, которая представляет собой узкую теснину с отвесными бортами. Пещера образовалась в известняковых выходах и расположена на высоте 50 м над современной поймой реки. Выше пещеры долина имеет значительное расширение, где находятся тувинские летники. Здесь же имеются курганы скифского времени. Пещера всегда привлекала внимание людей и служила убежищем от непогоды, а иногда использовалась для временного проживания.

Перед пещерой, которую правильнее было бы называть гротом, находится площадка размером примерно 7 x 14 м. Далее к югу эта площадка сужается от 5 до 2 м и имеет протяженность 13 м. Общая площадь площадки и грота составляет 182 м². Пространство пещеры состоит из двух частей — внешней открытой, расположенной под арочным карнизом высотой до 3 м, площадью 10,3 x 2,5 м; и внутренней — собственно сам грот, вход в который имеет высоту 1,5 м. Ширина входа 5 м. Высота грота достигает 3 м. Низкий вход во внутреннее помещение развернут на СВ. В юго-западном углу пещеры находится карстовый вертикальный поном диаметром около 1 м. Второй, меньший по диаметру поном расположен в северо-западном углу пещеры, и через него довольно интенсивно просачивается вода во время дождей. В северо-западной стенке находится длинная ниша. Площадь внутренней части грота — 6 x 4 м (24 м²). Уступ или площадка перед пещерой сложена крупнообломочной породой. Ее склон круто опускается к реке. На этом склоне и на самой площадке перед пещерой встречается подъемный материал — гладкостенная керамика и мелкие кварцитовые отщепы и чешуйки. Выходы кварцитовых пород были нами осмотрены приблизительно в 1 км ниже пещеры на правом берегу Куйлуг-Хема.

Раскоп площадью 8 м² был разбит на площадке под карнизом. В пещере была выявлена следующая стратиграфия (рис. 10):

Слой 1 — гумусированный, темный слой пылеватой супеси с многочисленными органическими включениями. В квадрате 48 на нем лежат саманные кирпичи	до 0,1 м
Слой 2 — темнокоричневая супесь, сильно гумусированная с прослоями очагов (угли, зола) (первый культурный горизонт)	от 0,05 до 0,25 м
Слой 3 — желтая супесь с обломками скалы и угловатым щебнем. В средней части — сусловины с заполнением из верхних слоев. В квадратах 47—48 выклинивание прослойки желтого щебня (второй культурный горизонт) ..	0,2—0,4 м
Слой 4 — слой скальных обломков наиболее плотно лежащих в квадратах 45—46. Под них уходит желтый мелкий щебень	до 0,2 — 0,3 м
Слой 5 — светлокорицевая супесь, в квадрате 48 этот слой упирается в сползший слой мелкообломочного десквамационного щебня.....	от 0,1 до 0,2 м
Слой 6 — белый меловой слой без органических включений	от 0,05 до 0,1 м
Слой 7 — желтая супесь с мелкообломочными включениями, насыщенная костями (костеносный слой) (третий культурный горизонт). В квадрате 47 через него проходит нора грызуна, заполненная вышележащими отложениями	до 0,2 м
Слой 8 — супесь серая, прорезанная ходами грызунов	до 0,25 м
Слой 9 — крупнообломочная порода вперемежку с серой супесью, в которой встречаются кости (четвертый культурный горизонт)	от 0,3 до 0,4 м
Слой 10 — супесь желтая с включениями мелких фрагментов щебня, лежит на белом меловом грунте (пятый культурный горизонт)	от 0,25 до 0,5 м

Под этим слоем лежит скальное дно.

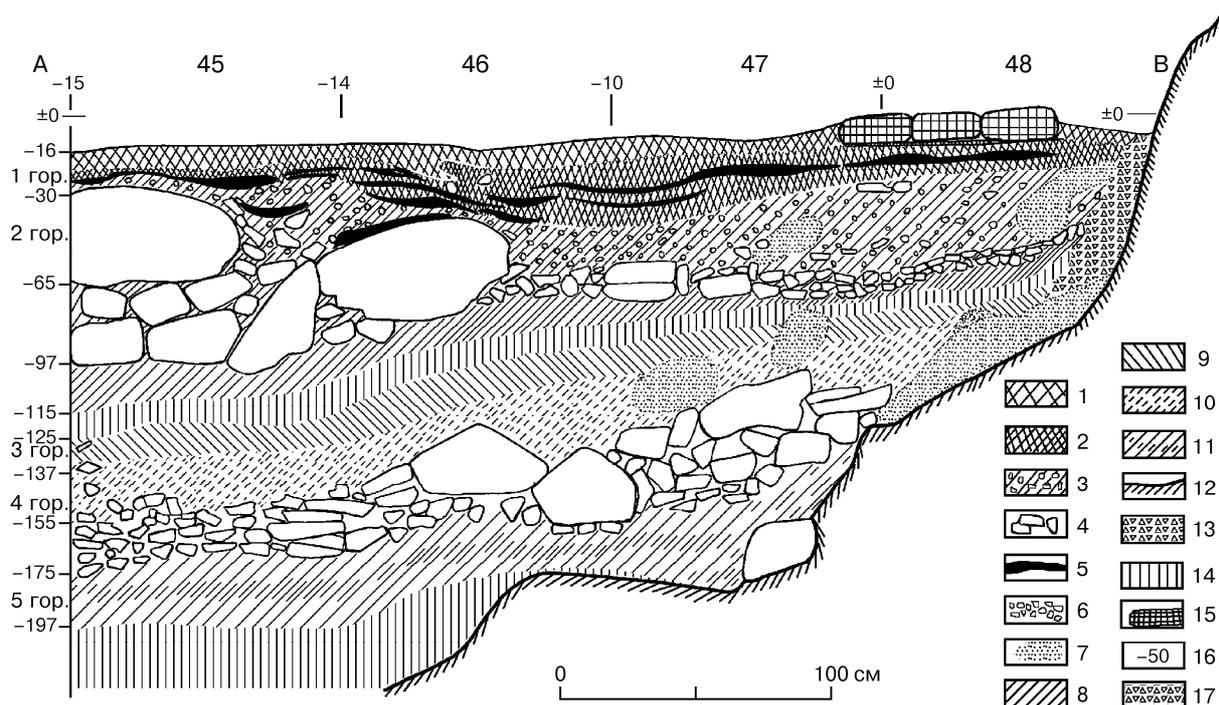

Рис. 10. Пещера Куйлуг-Хем I. Стратиграфический разрез раскопа в пещере (южная стенка):
 1 — гумусированный слой; 2 — черная пылеватая супесь; 3 — светло-желтая супесь с щебнем;
 4 — камни; 5 — прослойки угля; 6 — щебень; 7 — норы грызунов; 8 — желтая супесь;
 9 — ярко-желтая супесь с костями; 10 — серая супесь; 11 — желтая супесь с мелким щебнем;
 12 — скальное дно; 13 — мелкий щебень; 14 — белый меловой натек; 15 — сырцовый кирпич;
 16 — глубины; 17 — мелкий угловатый плотный щебень.

Верхний мешаный слой состоит из корней растений — в основном крапивы и полыни, овечьего помета, эловых наносов, фрагментов скал, упавших с карниза перед пещерой и т. п. В нем встречается как «гладкая» керамика скифского или более позднего времени, так и орнаментированная.

Первый культурный горизонт расчищен по всей площади раскопа, частично он перекрыт крупнообломочной породой, но ближе к южной стенке раскопа этот слой камня отсутствует, и здесь первый горизонт фактически лежит сразу под рыхлыми наносами различных периодов вплоть до нашего времени. Первый культурный горизонт состоит из пылеватых темного цвета отложений с включениями мелких и средних осколков известняка.

Под этим слоем «легких» отложений был расчищен более или менее не потревоженный горизонт с гребенчатой керамикой. Здесь было много очажных пятен, вкраплений золы, углей, жженных костей.

Среди очагов выделяется сильный прокол белого цвета, мощностью 0,08—0,1 м, насыщенный жжеными костями. В основном это фрагменты трубчатых костей, что дает основание считать, что их использовали как топливо для костров. Скопление полусгоревших костей, среди которых были лопатка, ребра, длинные кости быка (?), выявлено в небольшом углублении, впущенном в нижележащий слой. По периметру очажных пятен концентрировались продукты расщепления камня — мелкие чешуйки и отщепы, а также фрагменты керамики, декорированной гребенчатым орнаментом (рис. 11, 13, 14). Определимые кости животных принадлежали дикому козлу или барану, косуле, маралу, птицам и мышевидным грызунам.

Второй горизонт, содержащий гребенчатую керамику, залегал в желтых супесях. Здесь также сохранились следы очажных пятен, кальцинированные кости животных, отходы камнеобрабатывающего производства. Среди орудий встречены скребки на отщепе, небольшие скребла, две микропластинки (рис. 11, 1, 3, 4). Наиболее важными находками из данного гори-

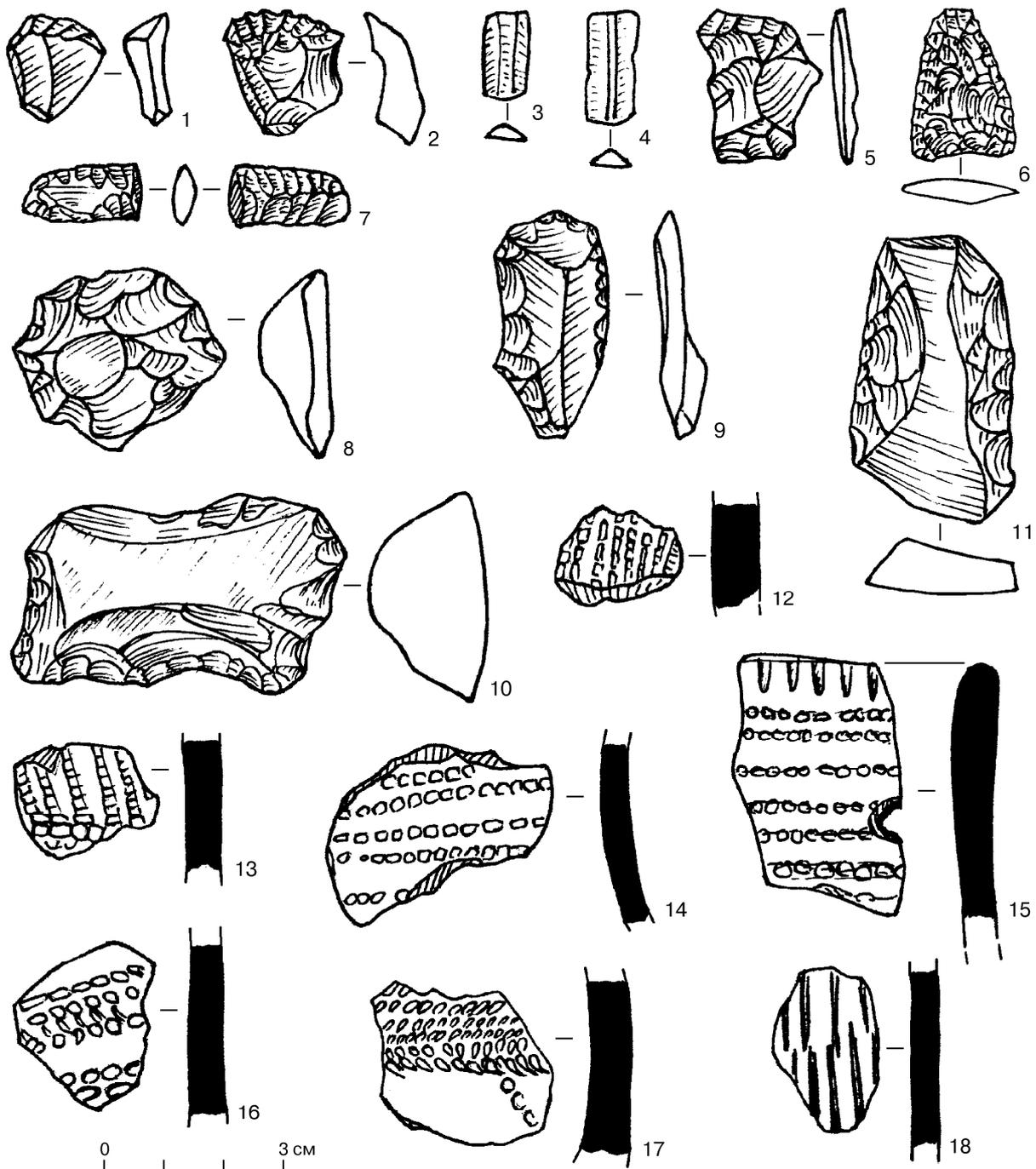

Рис. 11 Пещера Куйлуг-Хем.

Каменный инвентарь (1—11) и керамика (12—18) из первого и второго культурных горизонтов.

зонта можно считать фрагмент венчика сосуда с гребенчатым декором (рис. 11, 15), наконечник стрелы с выемчатым основанием и двусторонне ретушированный вкладыш (рис. 11, 6, 7).

Кости животных, происходящие из этого горизонта, принадлежали козлу или барану и крупному быку¹. Многие из фрагментов костей имеют следы порезов, а также погрызов, что может косвенно свидетельствовать о наличии у проживающего здесь социума домашней собаки.

¹ Определения сделаны сотрудником ИИМК РАН, к. и. н. А. К. Каспаровым.

Слои с гребенчатой керамикой подстилались стерильным меловым натеком. Под мелом залегает горизонт светло-коричневого цвета, который довольно резко падает вниз по направлению к склону площадки. Этот слой насыщен обломками трубчатых костей и костяной трухой, встречаются угольки, эпифизы и фаланги костей животных, некоторые фрагменты имеют просверленные отверстия. В нижней части светло-коричневой толщи найдены две микропластинки.

Среди костей животных определяются: кости мышевидных грызунов; обломок черепа и диафиз правой берцовой кости собаки; обломок шейного позвонка птицы размером с крупную ворону; обломок пяточной кости молодой пищухи; слуховая кость мелкого копытного животного; обломок нижней части плечевой кости зайца; обломок дистальной части большой берцовой кости зайца (более молодой особи); три вторые фаланги (одна со следами сильных погрызов), крупная первая фаланга, обломок зуба, запястная кость дикого козла или барана; бедренная кость крупного грызуна; обломок лопатки вероятнее всего лисы (некрупный хищник), два обломка правой пяточной кости и позвонки пищухи (две особи как минимум); обломок второй фаланги, возможно, медведя.

Четвертый культурный горизонт смешан с обломками скалы и щебнем. Верхняя серая пылеватая толща практически не содержит культурных остатков. В ней встречаются отдельные фрагменты трубчатых костей. В щебеночном слое и под ним слой приобретает светло-коричневый или желтый цвет. Костей и костяной трухи здесь значительно больше.

Лежащие в слое плоские плиты могли служить для раскалывания костей, обломки которых концентрируются вокруг них. Рядом с одной из плит лежала речная галька, которая могла использоваться в этих целях. Здесь же найдены верхний левый изолированный зуб кулана (взрослого, нестарого животного) и обломки нижнего зуба дикого быка (зубра или бизона?), а также фрагмент рога быка. Среди расколотых и погрызенных костей определены кости дикого козла или барана, зайца и пищухи. Каменных орудий здесь не найдено, но встречаются мелкие осколки кремня или кварцита и маленькие речные гальки. Глубина залегания слоя — от 117 до 130 см.

Пятый культурный слой (горизонт) распространяется на ту же площадь, что и вышележащий четвертый. Он залегает в желтоватых супесях. Его подстилает белый известняк — собственно склон горы. Мощность этой толщи варьирует от 0,1 до 0,3 м. В этом слое расчищено небольшое очажное пятно с небольшим числом обломков костей. Здесь помимо костей животных найдены крупные отщепы из халцедона или мелкозернистого высококачественного кварцита, скребок из черного кремня, мелкие отщепы, обломки породы, из которой могли изготавливаться орудия. Находки приурочены собственно к нижней части толщи и залегают в наносном слое на 5—10 см выше материка (абсолютные глубины — 172—175 см). Любопытен факт обнаружения крупного отщепа, морфологически близкого тем, что найдены на нижнем уровне на уступе скалы, на глубине — 70 см. Вероятно, он был оставлен древнейшими обитателями пещеры, еще до начала формирования толщи более поздних отложений. Остеологические определения с известной долей вероятности позволяют отнести данный горизонт к плейстоцену, о чем свидетельствует большой фрагмент дентина, отколотый от зуба очень крупного зверя. В слое также обнаружены кости следующих животных: козерога или архара (старая особь) — челюсть, фрагмент рога, коленная чашечка, три фаланги, копыто, зуб; козел или баран — шесть обломов первых и вторых фаланг со следами погрызов хищников, обломок зуба; кулана — резец, сильно стертый зуб; зуб (второй резец) молодого хищника типа медведя; таранная косточка молодого козла или барана; остатки костей крупной птицы (размером с утку) — метоподия, позвонок и четыре длинные кости; задняя метаподия пищухи; некоторое количество обломков костей грызунов — крупных грызунов типа суслика и мелких типа полевки или мышовки. Часть костей носит следы погрызов хищников.

Результаты раскопок пещеры на реке Куйлуг-Хем чрезвычайно важны для построения периодизации древних культур Тувы и бассейна Верхнего Енисея. Материалы, выявленные в пяти культурных горизонтах — 1—2, 3—4 и 5, относятся к каменному веку. На поверхности площадки перед пещерой и в рыхлом мешаном слое встречаются фрагменты более поздней скифской или средневековой керамики. Эта керамика в процессе диффузии, вызванной главным образом деятельностью грызунов, попадает иногда на очень большую глубину. Помимо

керамики в третьем культурном горизонте в норе грызуна были найдены голубые пастовые бу-сы тюркского времени.

Материалы первого и второго горизонтов содержат некоторое число фрагментов керамики с гребенчатой орнаментацией, каменные орудия, среди которых особо следует выделить треугольный наконечник стрелы с выемчатой базой и двусторонне ретушированный вкладыш, а также скребла и небольшие зубчатые орудия (рис. 11). В комплексе эти материалы сопоставимы с керамикой и каменным инвентарем из нижних слоев стоянки Тоора-Даш, на основании которых была выделена верхнеенисейская неолитическая культура, ориентировочно отнесенная к III тыс. до н. э. Отобранные для радиоуглеродного анализа образцы костей из первого и второго горизонта Куйлуг-Хема позволят уточнить дату «гребенчатого» неолита в Туве.

В третьем культурном горизонте помимо остеологических материалов были найдены две микропластинки. Несмотря на столь малое число этих изделий, все же можно соотнести этот слой со временем существования «микролитической» стоянки Усть-Хемчик 3, датированной V—IV тыс. до н. э. Меловой натечный слой между вторым и третьим культурными горизонтами свидетельствует о сравнительно большом перерыве, во время которого пещера оставалась необитаемой.

Выделенная на материалах стратифицированных памятников верхнеенисейская неолитическая культура занимала, очевидно, Саянский каньон Енисея и прилегающие горные районы к северу от Центрально-Тувинской котловины. Надо отметить, что расстояние между пещерой на Куйлуг-Хеме и стоянкой Тоора-Даш едва ли превышает 30 км. Оба памятника расположены в долинах Куртушебинского хребта. Третьим однокультурным с первыми двумя памятниками является стоянка Усть-Кантегир, лежащая ниже по Енисею, приблизительно на 200 км. Определенное сходство наблюдается с кремневым инвентарем со стоянки Малые Уры и «верхнеенисейских» стоянок. На Малых Урах встречаются и фрагменты гребенчатой керамики (Васильев, 1986. С. 113—117), но в целом этот памятник относится к более раннему периоду.

Время существования «верхнеенисейской» культуры находится в прямой зависимости от датировок афанасьевских памятников, традиционно относящихся ко второй половине III тыс. до н. э. (Грязнов, 1999. С. 54). Исходя из этого, верхнеенисейский неолит может быть отнесен к концу IV — началу III тыс. до н. э. В настоящий момент более древних керамических культур в пределах Верхнего Енисея не выделено, и следовательно с появлением носителей культуры гребенчатой керамики можно связать неолитизацию этой части Саяно-Алтайского нагорья. Наличие трех культурных слоев с гребенчатой керамикой на стоянке Тоора-Даш свидетельствует о длительном периоде существования верхнеенисейского неолита. Более того, слои с гребенчатой керамикой в пещере на Куйлуг-Хеме подстилают горизонты не содержащие керамических изделий. Можно думать, что более древней, нежели верхнеенисейская, керамика здесь не существовало, хотя это утверждение требует дополнительной проверки.

Значительные материалы, полученные со стоянок Азас I и II в Тоджинской котловине (Восточная Тува) не дают пока основания связывать их с «верхнеенисейской» традицией. Причина, вероятно, коренится в труднодоступности Восточной Тувы, усугубленной наличием обширного голоценового озера в среднем течении Бий-Хема, просуществовавшего до рубежа н.э. (Аржанников и др., 2003. С. 18—29). До сих пор остаются неопределенными истоки «верхнеенисейской» неолитической традиции. В Минусинской котловине подобные комплексы еще не выявлены, неясно и положение на Горном Алтае. Дальнейшая судьба «верхнеенисейцев» представляется в следующем свете: на каком-то этапе своего существования они вступили в соприкосновение с носителями афанасьевской культуры, в процессе которого формируется тувинский вариант окуневской культуры, к которому относятся 6 и 7 слои Тоора-Даша, стоянка Хадынных I в каньоне Енисея и значительная часть материалов со стоянок на оз. Азас (Семенов, 1982).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аржанников С. Г., Алексеев С. В., Глызин А. В., Размахина Т. Б., Орлова Л. А. Природная обстановка в голоцене в западной части Тоджинской впадины (на примере разреза Мерзлый Яр) // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 2000.

- Валдецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Вайнштейн С. И.* Археологические исследования в Туве в 1955 г. // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Вып. 4. Кызыл, 1957.
- Васильев С. А.* Неолитическая стоянка Малые Уры // Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Виноградов А. В.* Разведка неолитических памятников Верхнего Енисея и раскопки в Туве // АО 1979 г. 1980.
- Виноградов А. В.* Исследование неолитических памятников Минусинской котловины // АО 1980 г. 1981.
- Виноградов А. В.* Неолит и ранний бронзовый век в Минусинской котловине / Автореф. дисс. ... канд.ист.наук. Л., 1982.
- Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб, 1999.
- Дэвлет М. А.* Раскопки стоянок с каменным инвентарем в Годже (Восточные Саяны) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973а.
- Дэвлет М. А.* Стоянка Тоора-Хем «Вторая поляна» в северо-восточной Туве // КСИА. Вып. 137. 1973б.
- Зяблин Л. П.* Работы копенского отряда // АО 1968 г. 1969.
- Зяблин Л. П.* Неолитическое поселение Унюк на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Зяблин Л. П.* Поиски неолита в районе Минусинска // АО 1973 г. 1974.
- Зяблин Л. П., Кривонос А. А.* Копенский отряд // АО 1967 г. 1968.
- Семенов Вл.* Западная Тува в предафанасьевское время // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып. 4. М., 1983.
- Семенов В. А.* Неолитические памятники Верхнего Енисея (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции) // Палеолит и неолит. Л., 1986.
- Семенов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб, 1992.
- Семенов Вл. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины (сравнительная характеристика, хронология) // Окуневский сборник. СПб, 1997.
- Семенов Вл. А.* Неолит и бронзовый век // История Тувы. Том 1. Новосибирск, 2001.
- Vasil'ev S. A., Semenov V. A.* Prehistory of the upper Yenisei area (Southern Siberia) // Journal of World prehistory. Vol. 7. No. 2. New York; London, 1993.

К ХРОНОЛОГИИ И ЭКОЛОГИИ НАЧАЛА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКЕ (о признаках неолитического земледелия в районе Цедмарских торфяниковых стоянок в Калининградской области)¹

Цедмарский (Серовский) геоархеологический район расположен в Калининградской области России, вблизи г. Озерск (рис. 1). Здесь комплексно исследованы неолитические торфяниковые стоянки Цедмарской культуры второй половины раннего неолита, а также слои позднего неолита и раннего железного века. В 1905—1914 гг. стоянки раскапывались не систематично любителем К. Штади (Stadie, 1921). Полученные в эти годы находки не имеют точной привязки. Позже были проведены археологические раскопки на значительной площади экспедициями Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН), руководимыми П. М. Долухановым с участием В. И. Тимофеева (1969 г.) и В. И. Тимофеевым (1974—1988 гг.). В результате этих раскопок получены и систематизированы большие археологические коллекции. Для образцов угля, древесных остатков из культурных слоев, нагаров на неолитической керамике, а также для органических отложений получено более сорока радиоуглеродных дат (Зайцева, Посснерт, Тимофеев, 1993; Тимофеев, 1980; 1996; 1998; 2003; Тимофеев, Зайцева, Посснерт, 1998; Timofeev, 1991; Timofeev, Zaitseva, Possnert, 1994).

Для разрезов скважин, пробуренных на Цедмарском торфяном массиве, Х. Гроссом опубликовано 17 спорово-пыльцевых диаграмм (Groß, 1938. S. 130, 131, 133; Gross, 1939. S. 105, 116, 117, 142, 145, 146, 148, 149, 154, 156, 158, 160, 162, 163). Эти диаграммы не утратили своего значения и в настоящее время².

К сожалению, все эти диаграммы не датированы радиоуглеродным методом и большинство из них не имеют прямой связи с археологическими слоями. Но спорово-пыльцевые диаграммы Х. Гросса характеризуют разрезы скважин, в которых зафиксированы (см., например, рис. 2, 3) уровни со следами антропогенной активности (обогащены углистыми частицами), а также озерные отложения (гиттии без углистых частиц). Гиттии прослеживаются и в раскопах, поэтому на основе литологических данных по разрезам стоянок возможна корреляция некоторых культурных слоев, вскрытых в раскопах (рис. 4), с геологическими отложениями буровых профилей Х. Гросса (рис. 2). Корреляция возможна также и на основе спорово-пыльцевых данных (рис. 3, левая часть).

Разрезы с культурными слоями, вскрытыми в раскопах, палинологически охарактеризованы Г. М. Левковской. Диаграмма разреза Цедмар Д была опубликована в середине 1970-х гг. (Долуханов, Левковская, Тимофеев, 1975. С. 79, рис. 1), однако, данные по антропогенным индикаторам этого разреза ранее не приводились. Спорово-пыльцевая диаграмма разреза раскопа на стоянке Цедмар А (рис. 4) публикуется впервые.

¹ Статья посвящается светлой памяти крупнейшего исследователя голоцена М. И. Нейштадта. Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурные взаимодействия в Евразии» и РГНФ (проект № 01-01-00-269а).

² Материалы Х. Гросса (Groß, 1938; Gross, 1939) размещены в Интернете в археолого-палеоботанико-палинологическом банке данных — <http://www.gml.spb.ru/BARPP-C> — (руководитель BARPP-C — Г. М. Левковская), со следующими индексами: ZEDA-B—ZEDA-H и ZEDA-K (восемь диаграмм для окрестностей стоянки Цедмар А), ZEDG-A—ZEDG-E (пять диаграмм для района Цедмар Г), ZEDD-A—ZEDD-C (три диаграммы для окрестностей стоянки Цедмар Д), ZEDAD-A — диаграмма разреза из района Цедмар А—Д, а также ZED-W1, ZED-W2 и ZED-W3 — диаграммы разрезов двух озер с прилегающих территорий и первая рекогносцировочная диаграмма Х. Гросса для Цедмарского района.

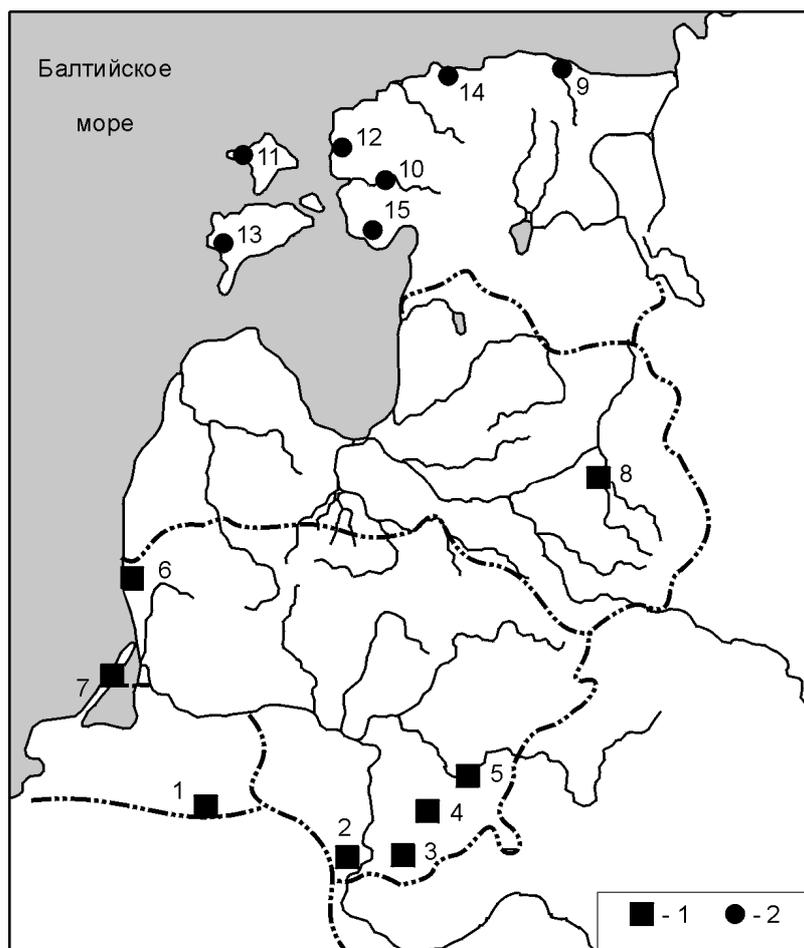

Рис. 1. Схематическая карта расположения в Восточной Прибалтике ключевых геоархеологических районов и разрезов, где зафиксировано присутствие археологических свидетельств земледелия или пыльцы культурных злаков (*Cerealia*) в отложениях, хронологически соответствующих эпохе неолита: 1 — ключевые геоархеологические районы (1 — Цедмарский, 2 — западный южнолитовский, 3 — восточный южнолитовский, 4 — район реки Меркис, 5 — Вильнюсский, 6 — Швянтойский, 7 — район Ниды, 8 — Лубанский); 2 — разрезы, фиксирующие находки пыльцы *Cerealia* на территории Эстонии в озерных и болотных отложениях, сформировавшихся в среднем неолите (время бытования культуры гребенчато-ямочной керамики), до появления в регионе племен шнуровой керамики (по Kriiska, 2003).

Некоторые вопросы методики

Следует отметить специфику источников информации для разработки проблемы неолитического земледелия лесной зоны.

Калининградская область — это район распространения широколиственно-еловых (подтаежных) лесов. Подтаежные леса представляют собой своеобразного рода переход от таежных североевропейских лесов к широколиственным лесам западноевропейского типа.

В атлантическом периоде голоцена исследуемая территория находилась в пределах одной зоны — широколиственных лесов западноевропейского типа. В суббореале и, особенно, в субатлантике, происходила постепенная волнообразная смена условий подзоны широколиственных лесов условиями подзоны подтайги.

Характер палеоботанической информации о наиболее ранних неолитических фазах земледелия различен в степной — лесостепной и лесной зонах восточной Европы, и выявление неолитического земледелия в лесной зоне значительно сложнее, чем в степной.

Если в южных регионах Восточной Европы основными источниками информации о ранних фазах земледелия являются отпечатки остатков культурных растений на сырцовых кирпичи-

чах, обмазках сооружений и керамике, реже — обуглившиеся и карбонатизированные остатки зерновок культурных растений, то основными источниками информации о наиболее ранних, неолитических фазах земледелия в лесной зоне Восточной Европы являются находки пыльцы культурных злаков и сеgetальных сорняков, фиксируемые в культурных слоях, но чаще в отложениях без археологических находок — в осадках палеоводоемов, болот и т. д. В них пыльца могла попасть с поселений, существующих непосредственно на берегах, или появиться в результате воздушной и водной транспортировки с поселений удаленных, но синхронных времени существования палеоводоема или голоценового болота. Находки зерновок культурных растений или их отпечатков в лесной зоне в неолите сугубо единичны.

Указанные различия лесной зоны от степной, по-видимому, могут быть объяснены следующими причинами: 1) различиями в типах домостроительства (в лесной зоне дома строились из древесины, без глиняных обмазок); 2) слабой карбонатностью большинства почв лесной зоны, в отличие от сильно карбонатных почв лесостепной и степной зон (карбонатный коллоид, покрывающий поверхности зерновок, способствует их сохранению); 3) различиями в масштабах пашен: в южных регионах всегда существовали обширные безлесные пространства для пашен (Левковская и др., 2003), а в лесной зоне под пашни можно было использовать лишь локальные, свободные от леса участки. В прошлом степень облесенности лесной зоны была значительно больше, чем сейчас, так как, по данным палеоботаников и геоботаников, лесная зона была практически лишена лугов за исключением пойменных, а большинство современных лугов лесной зоны вторичны — имеют позднее антропогенное происхождение. В лесной зоне неолитическое земледелие было преимущественно пойменным (Левковская, 1983; 1987; 2002; Levkovskaya, 1990), так как наиболее благоприятные условия для пашен существовали на берегах водоемов с плоским дном, где в начальные фазы регрессии (до зарастания пойм лесом) открывались обширные незалесенные участки с великолепной почвой (в Лубанской низине восточной Латвии до мелиорации при понижении уровня оз. Лубанас на 2 м площадь зеркала водоема сокращалась в четыре раза и открывалась пойма размером 750 га; Bielis, 1974). На легких супесчаных-песчаных почвах эти участки были готовы для посевов почти без вспашки. В результате трансгрессий водоемов и заболачивания территорий следы пашен, связанные с низкими геоморфологическими уровнями, так же как и среднеголоценовые палеотеррасы, погребены под озерно-болотными отложениями. В сильно обводненной Лубанской низине в толще озерно-болотных отложений, погребенной под субатлантическим торфяником, были открыты десятки мезолитических и неолитических поселений Ф. А. Загорским (1967) и И. А. Лозе (1979; 1988) только после двух мелиораций, проведенных в 1935 г. и крупномасштабно в 1955—1980 гг. Погребенные террасы, были зафиксированы бурением (Лозе и др., 1984). Некоторые из них охарактеризованы различными типами среднеголоценовых диаграмм (Levkovskaya et al, 1990). Выяснилось, что ряд поселений существовал на поверхности разных террас одновременно. Район исследуемых Цедмарских стоянок — также заболоченная низина палеоозера, осадки которого погребены под болотными отложениями в субатлантическом периоде. Эта низина также стала доступной для исследований после мелиоративных работ по понижению уровня грунтовых вод, которые были проведены еще в XIX — начале XX в.

Неблагоприятным фактором для выявления в лесной зоне земледелия являются также различия в пылевой продуктивности посевов эпох неолита — бронзы и средневековья. В разрезе отложений под Вильнюсским замком (Gaigalas, 1998; Kondratiene, 1992) в слоях IX—XX веков содержание пыльцы культурных злаков примерно в 400 раз больше, чем в отложениях этого же разреза эпохи неолита, которые формировались ранее 4,8 тыс. л. н. Некоторые исследователи объясняют это появлением железного плуга (Гуман, 1978; Долуханов, Хотинский, 1974; Краснов, 1971; и др.). Появление железного плуга действительно создало условия для резкого увеличения размеров пашен. Но существовали и значительные ботанические различия в характере неолитических и средневековых посевов. В неолите высевались разные пшеницы и ячмень, а рожь могла присутствовать в посевах в качестве сорняка (Вавилов, 1987. С. 87). Она была введена в культуру лишь в железном веке. Пылевая же продуктивность пшеницы, овса

и ячменя на несколько порядков ниже пыльцевой продуктивности ржи, причем, в отличие от ржи, основная часть этой продукции не переносится, а остается на месте, на локальных пашнях (Федорова, 1956; Behre, 1986; Vuorela, 1975). На современных полях Финляндии суммарное количество пыльцы культурных злаков и сорняков полей не превышает 3 % и уже на небольшом расстоянии от поля эта пыльца встречается не во всех пробах (Vuorela, 1975. P. 35). Пашни же доплужного этапа земледелия не имеют индикационных признаков.

Приведенные данные определяют следующие особенности методических подходов к исследованию проблемы неолитического земледелия лесной зоны:

1. В неолите лесной зоны в качестве корректных археологических источников следует рассматривать не только появление пыльцы культурных злаков (*Cerealia*, *Triticum*, *Hordeum*) и других культурных растений непосредственно в культурных слоях стоянок, но и в отложениях палеоозер, болот и т. д., лишенных археологических находок. Для реконструкций древнего земледелия и антропогенных изменений фитоценозов эта информация уже в течение десятилетий используется палинологами мира (Савукинене, 1976; Behre, 1986; Berglund, 1986; Ralska-Jasiewiczova, 1992; Vuorela, 1975; и многие другие.).

2. В лесной зоне даже единичные находки пыльцы культурных растений или зерновок приобретают значение серьезных археологических источников, в следующих случаях:

- а) зафиксированы в синхронных отложениях в нескольких разрезах;
- б) встречаются в археологических или геологических слоях, синхронных времени появления в регионе культур, которые в других регионах считаются земледельческими;
- в) находки остатков культурных растений сопровождаются находками макроостатков или пыльцы сеgetальных (пашенных) сорняков, к которым относятся: василек синий (*Centaurea cyanus* L.), гречиха (*Fagopyrum* L.), горец вьющийся (*Polygonum convolvulus* L.), горец почечуйный (*P. persicaria*), дивала (*Scleranthus* L.), капустные (*Brassicaceae*), горошек (*Vicia* L.), то-рица (*Spergula* L.), звездчатка средняя, мокрица (*Stellaria* L.), некоторые маревые и другие; а также вошедшие значительно позже в культуру, но засорявшие иногда древние посе-вы рожь (*Secale*) и овес (*Avena*);
- г) палеоботанические индикаторы земледелия присутствуют в слоях с археологическими свидетельствами земледелия (находками мотыг и т. д.).

Необходима, однако, документация палинологических и палеоботанических индикаторов земледелия в виде микрофотографий и особенно СЭМ-микрографий. Последние позволяют и исследовать, и документировать находки не только с традиционно используемыми палинологами увеличениями (до 400—900 раз), но с увеличениями до $\times 10000$.

Отсутствие в отложениях находок пыльцы культурных растений не исключает земледелия. Его палиноиндикаторы могут появиться в результате планиграфических палинологических исследований (в районе Цедмарских стоянок в разрезах 14 скважин, пробуренных Х. Гроссом, пыльца культурных злаков в отложениях эпохи неолита отсутствовала, но она обнаружена им в трех скважинах в сходных палеоэкологических условиях), а также последующего доисследования неопределимых палеоботанических находок из хранящихся осадков, препаратов или их изображений в виде СЭМ-микрографий и т. п. Так, для Лубанской низины была опубликована Г. М. Левковской (1987. С. 71, рис. 25, 8) СЭМ-микрография скульптуры неопределенной палеоботанической находки из культурного слоя стоянки Звидзе. Она была названа «фрагмент культурного слоя». После появления публикаций В. В. Григорьевой (1988 и др.) по морфологии современной пыльцы рода лен СЭМ-микрография позволила зафиксировать присутствие на стоянке льна. Дополнительное исследование материалов из хранящейся коллекции мацератов осадков позволило обнаружить пыльцу культурных злаков и в нижней части опубликованного ранее разреза шурфа 1980 г. на стоянке Звидзе (Левковская, 1987. С. 16, 17, рис. 5, подзона 10, средненеолитический культурный слой с пористой керамикой).

Ценную информацию дает также пересмотр некоторых опубликованных ранее пыльцевых диаграмм, если их исследователи фиксировали на них присутствие пыльцы культурных растений.

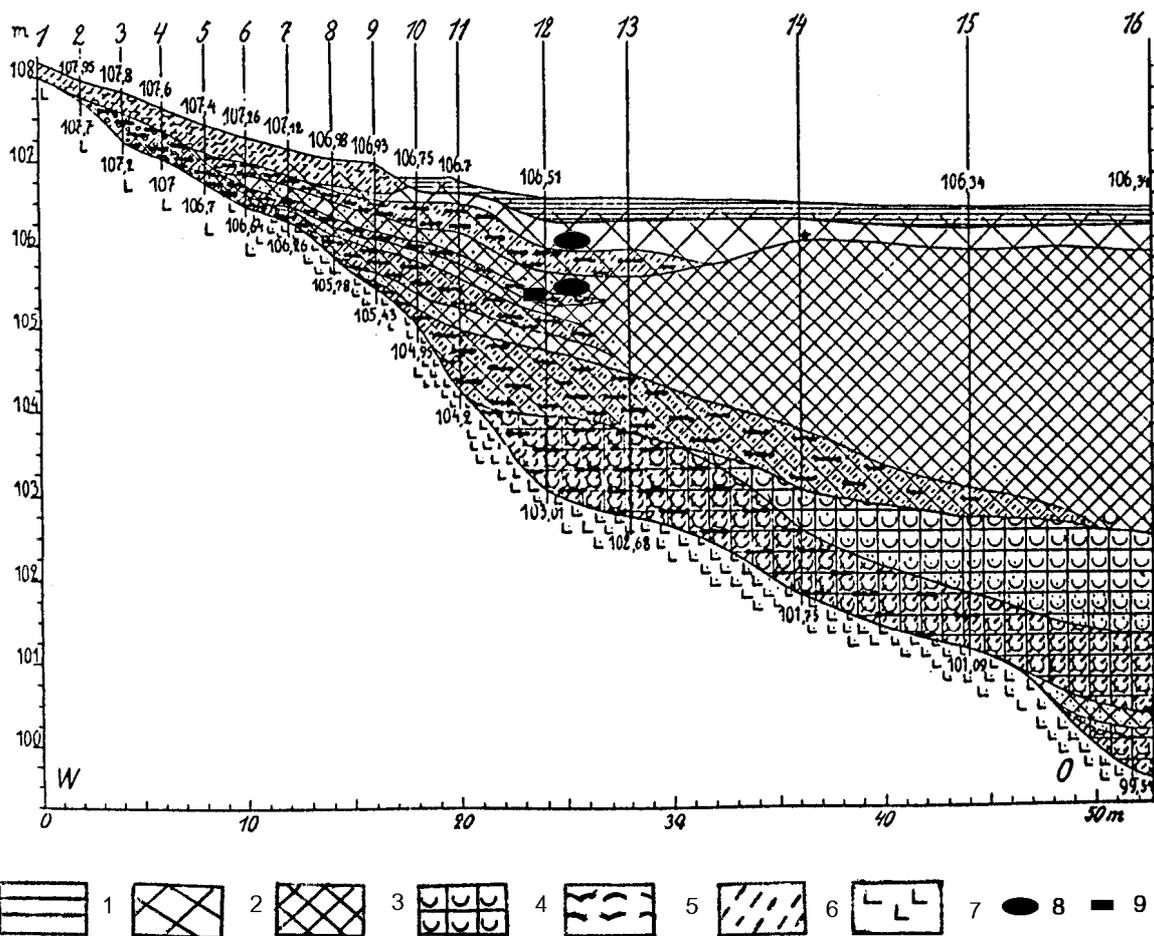

Рис. 2. Геологический профиль разрезов отложений, вскрытых скважинами на стоянке Цедмар А (по Gross, 1939. S. 141, с дополнениями): 1 — осоковый торф; 2 — грубая торфянистая гиттия; 3 — тонкая торфянистая гиттия; 4 — известковая гиттия; 5 — древесный уголь; 6 — опесчаненные отложения (от глинистых песков до песчанистых глин); 7 — алевроит; 8 — уровни осадков двух озерных трансгрессий, которые погребли отложения с ранними находками пыльцы культурных злаков в разрезе скважины 12, а также (рис. 4) в раскопе стоянки Цедмар А; 9 — уровень осадков неолитической регрессии (опесчаненные отложения с остатками углей, вскрытые в скважине 12 на абсолютных отметках 105,2—105,3 м) и первых находок пыльцы культурных злаков.

Характеристика материалов района

Новый анализ 17 спорово-пыльцевых диаграмм разрезов скважин, которые были опубликованы в 40-е годы Х. Гроссом (Groß, 1938; Gross, 1939) с указанием распределения на них отдельно пыльцы злаковых (Gräser) и отдельно пыльцы Cerealia — хлебных злаков (Getreide, по Х. Гроссу) показал наличие пыльцы культурных злаков в трех скважинах в геологических слоях времени неолита (табл. 1), синхронных времени существования неолитических поселений, систематически раскопанных лишь два десятилетия назад, а также в более поздних слоях. Сведения о находках пыльцы сорных растений в публикациях Х. Гросса не приведены, хотя им показаны на диаграммах кривые распределения пыльцы различных травянистых растений (см. рис. 3).

Пыльца культурных злаков обнаружена в отложениях скважин с недифференцированными культурными слоями а также в результате палинологических исследований отложений с четко фиксированными неолитическими культурными слоями на многослойных стоянках Цедмар Д (см. Долуханов, Левковская, Тимофеев, 1975) и Цедмар А (табл. 1, рис. 3, 4).

Таблица 1.

Неолитические находки пылцы культурных злаков (*Secalia*) в разрезах Цедмарского георхеологического района и их распределение по отношению к трансгрессиям-регрессиям палеозера и палинологическим маркерам³

№	Хронозона	Зона (по Х. Гроссу)	Георхеологический участок	Разрез	Абсолютная отметка находки	Геологическая позиция находки						Контакт осадков трансгрессии и регрессии (3,7 т. л. н.)
						Неолитические культурные слои разного возраста	Слой геологический с углями	Слой геологический без углей	Осадки раннегеологической регрессии	Осадки трансгрессии начало 5,1 т. л. н.	Осадки второй половины трансгрессии	
A						Находки, совпадающие с голоценовым максимумом дуба (кульминация 5,1 т. л. н.)						
1	AT3	VIII/VII	Цедмар А	Скв. 12	105,3	—	+	—	+	—	—	—
2			Цедмар А	Раскоп	—	5,3—5,1	+	—	+	—	—	—
3		Основание VIII	Цедмар Д	Скв. 1	106,3	—	+	—	+	—	—	—
4		VIII/VII	Цедмар Д	Скв. 4	104,5	—	—	+	+	—	—	—
B						Находки между максимумом дуба и первым максимумом ели. Время завершения кульминации широколиственных древесных пород и орешника						
5	SB1	VIII	Цедмар А	Скв. 12	105,5	—	—	+	—	—	+	+
6		середины	Цедмар Д	Раскоп	—	4,3—3,9	+	—	—	—	+	—
C						Находки, отвечающие началу первого (SB) максимума ели						
7	SB2	VIII	Цедмар А	Скв. 12	105,7	—	+	—	—	—	+	+

³ Находки *Secalia* 2, 6 идентифицированы Г. М. Левковской, находки 1, 3, 4, 5, 7 — Х. Гроссом (Gross, 1939. S. 148, 157, 160). Радиоуглеродный возраст культурных слоев приводится на основании 12 радиоуглеродных датировок (ВР), полученных для атлантического этапа заселения стоянки Цедмар А (см. табл. 2) и 11 радиоуглеродных датировок (ВР) позднего (суббореального) этапа заселения стоянки Цедмар Д (см. табл. 5).

Рис. 3. Спорво-пыльцевая диаграмма огложений, вскрытых скважиной 12 в окрестностях стоянки Цедмар А (по Gross, 1939, S. 131, с дополнениями). Корреляция с диаграммой: хронозон голоцена; осадков озерных трансгрессий, которые погребли ранний уровень с находками пыльцы культурных растений в разрезах стоянки Цедмар А и скважины 12; культурных слоев атлантического этапа заселения стоянок Цедмар А и Цедмар Д (около 5,3—5,1 т. л. н.); культурного слоя суббореального этапа заселения (около 4,3—3,9 т. л. н.) стоянки Цедмар Д с находками пыльцы культурных злаков; уровня верхов осадков трансгрессии (с находками пыльцы культурных злаков в разрезе Цедмар А), к которому в некоторых разрезах тяготеют находки шнуровой керамики.

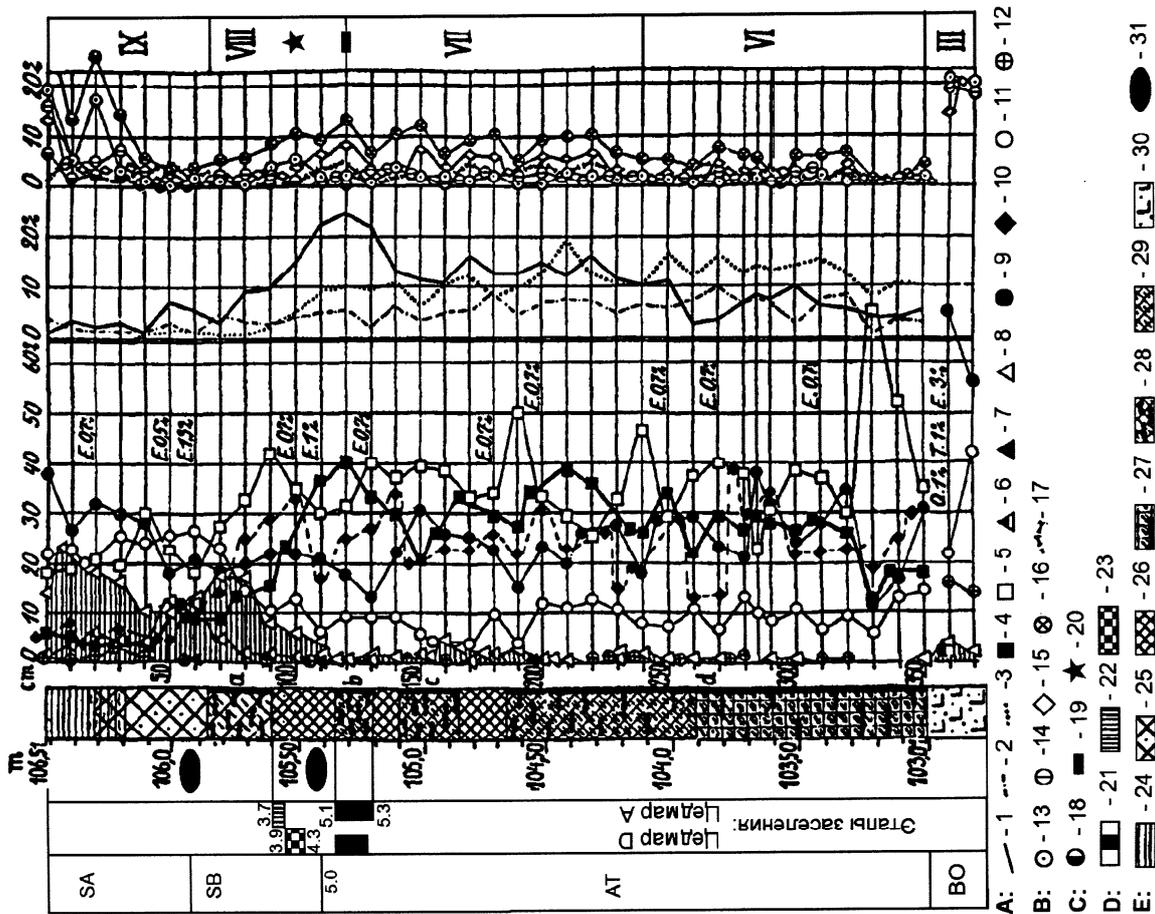
Условные обозначения.
 А. Пыльца древесных пород и кустарников: 1 — дуба (*Quercus*); 2 — липы (*Tilia*); 3 — вяза (*Ulmus*); 4 — сумма пыльцы широколиственных древесных пород (дуба + липы + вяза); 5 — ольхи (*Alnus*); 6 — граба (*Carpinus*); 7 — бука (*Fagus*); 8 — ели (*Picea*); 9 — сосны (*Pinus*); 10 — орешника (*Corylus*); 11 — березы (*Betula*); 12 — ивы (*Salix*).

В. Пыльца травяно-кустарничковых растений и споры: 13 — пыльца полукустарничков; 14 — злаковых; 15 — разногравья; 16 — разных недревесных растений; 17 — споры папоротников.

С. Пыльца индикаторов земледелия: 18 — пыльца культурных злаков (*Setaria*); 19 — первое появление пыльцы культурных злаков; 20 — начало постоянного присутствия пыльцы культурных злаков.

Д. Этапы заселения стоянок Цедмар А и Цедмар Д (корреляция): 21 — уровень атлантического этапа заселения стоянок Цедмар А (с находками пыльцы культурных злаков) и Цедмар Д; 22 — уровень находок в некоторых разрезах шнуровой керамики; 23 — уровень суббореального этапа заселения стоянки Цедмар Д.

Е. Литология: 24 — осоковый торф; 25 — грубая торфянистая гиттия; 26 — тонкая гиттия; 27 — известковая гиттия; 28 — опесчаненные отложения с находками углей; 29 — гиттия с примесью песка; 30 — алевроиты; 31 — уровни отложений озерных трансгрессий, «запечатавших» осадки с наиболее ранними неолитическими находками пыльцы культурных злаков.

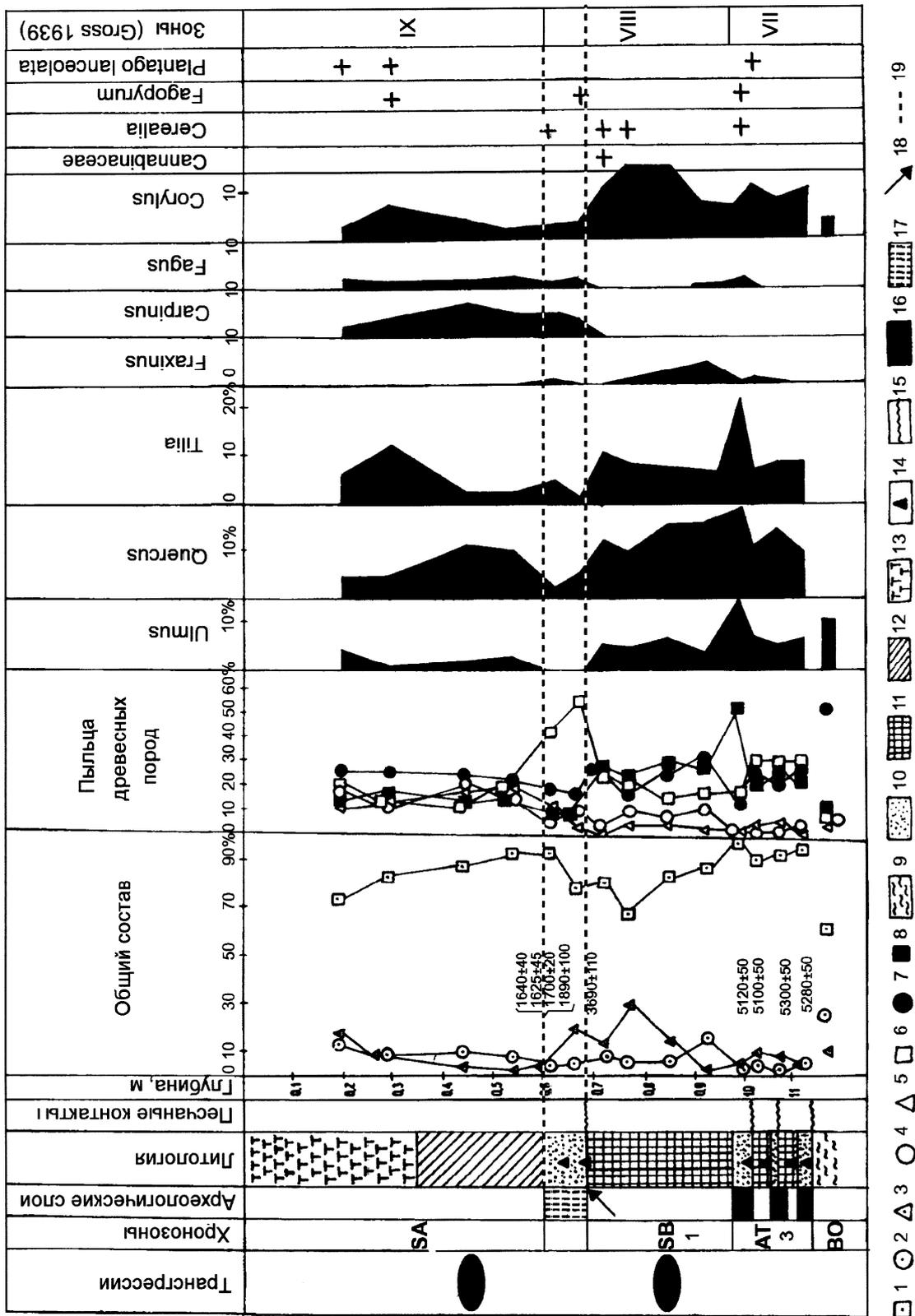

Рис. 4.

К рис. 4. Спорново-пыльцевая диаграмма отложений многослойной стоянки Цедмар А с культурным слоем атлантического этапа заселения (около 5,3—5,1 л. т. н.) и связанными с его верхом наиболее ранними находками пыльцы культурных злаков. Раскопки В. И. Тимофеева. Палинолог Г. М. Левковская.

Условные обозначения: 1 — сумма пыльцы древесных пород; 2 — сумма пыльцы травяно-кустарничковых растений; 3 — споры; 4—7 — пыльца: 4 — березы; 5 — ели; 6 — ольхи; 7 — сосны; 8 — сумма пыльцы широколиственных древесных пород; 9 — алевриты; 10 — пески; 11, 12 — различные по окраске гиттии (сапропели); 13 — торф; 14 — места отбора образцов для радиоуглеродного датирования палинологических горизонтов (подробнее см. табл. 2); 15 — уровни песчаных контактов; 16 — культурный слой с археологическими находками раннего (атлантического) этапа заселения и первыми находками пыльцы культурных злаков в кровле его (на уровне максимума пыльцы дуба); 17 — культурный слой раннего железного века (с находками пыльцы культурных злаков); 18 — уровень кровли гиттии с находками пыльцы культурных злаков, к верхам которой в других разрезах приурочены находки шнуровой керамики; 19 — уровни перерывов в осадконакоплении, соответствующие времени SB и SA кульминаций пыльцы ели (см. рис. 3 и 4).

Корреляция отложений с находками пыльцы культурных злаков в культурных слоях и в отложениях геологических разрезов Х. Гросса с неидентифицированными культурными слоями, вскрытыми скважинами, возможна на основе следующих типов маркеров — литологических и палинологических, хотя она сложна, так как археологические разрезы отличаются неполнотой геологической летописи — перерывами в осадконакоплении, отвечающими времени обитания человека (рис. 4). Анализ материалов, позволяющих выявить эти маркеры, приводится ниже. На участке Цедмар А неолитические находки пыльцы культурных злаков зафиксированы в геологическом разрезе скважины 12 Х. Гроссом и в разрезе раскопа стоянки Цедмар А Г. М. Левковской.

Полная последовательность геологических и палинологических маркеров зафиксирована в Цедмарском районе лишь на опорной диаграмме разреза скважины 12 (рис. 3), в которой не дифференцированы культурные слои, но наблюдается чередование четырех углесодержащих опесчаненных горизонтов и пяти горизонтов различных гиттий — осадков озерных трансгрессий. На этой диаграмме палинологически охарактеризованы отложения от бореального максимума сосны (по Х. Гроссу — зона III) до субатлантического максимума ели (по Х. Гроссу — верхняя часть зоны IX), представленные полными циклами осадков. Скважина 12 вскрыла строение участка из геоархеологического района Цедмар А (рис. 2), вблизи которого выклиниваются углесодержащие опесчаненные слои с абсолютными отметками их кровли 105,1 и 105,35 м, переслаивающиеся с озерными гиттиями. Далее начинается формирование чисто озерных отложений (гиттий), вблизи участка, где во время двух неолитических регрессий голоценового озера существовала граница водоема и суши с палеопоймами, пригодными для посевов.

На данной опорной спорново-пыльцевой диаграмме пыльца культурных злаков фиксируется с уровня голоценового максимума пыльцы дуба и начала выклинивания пыльцы широколиственных древесных пород, то есть конца AT (по Х. Гроссу — граница зон VII/VIII). На ней дифференцируется два уровня появления пыльцы *Cerealia*. Уровень первого появления пыльцы культурных злаков (в углесодержащих отложениях с абсолютной отметкой 105,3 м и голоценовым максимумом пыльцы дуба) и уровень, начиная с которого небольшое количество пыльцы культурных злаков непрерывно присутствует в разрезе вплоть до настоящего времени. Постоянное присутствие пыльцы культурных злаков начинается с верхов гиттии (с отметки 105,5 м), которая погребла отложения с первыми находками пыльцы культурных злаков. В нижней части этой озерной гиттии пыльца культурных злаков Х. Гроссом не зафиксирована. Максимум пыльцы *Cerealia* на опорной диаграмме выявлен на уровне современных отложений (абсолютная отметка 106,5 м, верхняя часть зоны IX). Но даже в современных отложениях максимальное количество пыльцы *Cerealia* не превышает 10 %.

На многослойном поселении Цедмар А, расположенном на острове, вскрыто современными раскопами около 400 м². Находки цедмарской культуры второй половины раннего неолита залегают в слое песка, перекрытом гиттией, на закономерно понижающейся поверхности

алеврита. В северо-восточной части вскрытой площади, на небольшом участке (около 24 м²) слой разделялся на три горизонта двумя последовательно залегающими стерильными прослойками гиттии. Геологический профиль разрезов стоянки Цедмар А с указанием на нем мест отбора проб на радиоуглеродное датирование опубликован (Тимофеев, 2003. С. 120). Даты, связанные с ранним периодом заселения памятника приведены в таблице 2.

Таблица 2.

Радиоуглеродные даты образцов из слоя цедмарской неолитической культуры многослойной стоянки Цедмар А. Ранний (АТ) этап заселения стоянки ⁴

Лаб. индекс	Датируемый материал	Радиоуглеродный возраст, л. т. н. (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста, calBC, cal л. до н. э.	
			1σ (68 % вероятности)	2σ (95 % вероятности)
Ле-1269	Уголь из основания слоя	5440 ± 90	4430—4050	4460—4040
Ле-1268	Уголь из основания слоя	4955 ± 110	3940—3640	3980—3510
Bln-2162	уголь из нижнего горизонта	5280 ± 50	4230—3990	4250—3970
Ле-3923	уголь из нижнего горизонта	5130 ± 100	4040—3790	4250—3700
Ле-1387	уголь из нижнего горизонта	4900 ± 80	3790—3540	3940—3520
Ле-1386	уголь из нижнего горизонта	4870 ± 80	3770—3530	3950—3350
Bln-2163	гиттия над нижним горизонтом	5300 ± 60	4230—4000	4320—3980
Bln-2164	гиттия, вторая прослойка	5100 ± 50	3970—3800	3990—3770
Ле-1319	гиттия, вторая прослойка	4730 ± 140	3660—3350	3800—3000
Bln-2165	уголь из верхнего горизонта	5120 ± 50	3980—3800	4040—3790
Ле-1389	уголь из верхнего горизонта	5100 ± 60	3970—3800	4040—3760
Ле-1388	уголь из верхнего горизонта	4920 ± 80	3800—3640	3950—3520

В повышенной, южной части поселения встречены неолитические находки более позднего облика, на поверхности тонкого и нерасчленяющегося на горизонты слоя песка. Дата, по углю, очевидно, связывающемуся с этими находками — 4260 ± 80 BP: 3020—2670 cal BC и 3100—2550 cal BC, для 1σ и 2σ соответственно (Ле-1343). Можно рассматривать эти находки как остатки еще одного посещения места стоянки в неолите, его второй половине.

Выше слоя песка на поселении залегаёт мощный слой гиттии, в средней — верхней частях которой отмечены линзы песка, ограниченного простираения, с находками шнуровой керамики. Дат для этих находок нет. Шнуровая керамика довольно раннего облика (возможная датировка — около 4000 л. т. н.). С вышележащего уровня (контакт слоя гиттии и лежащего на нем слое песка с остатками поселения первых веков нашей эры, раннего железного века) происходит образец угля, датированный 3690 ± 110 BP: 2280—1910 calBC и 2500—1750 calBC для 1σ и 2σ соответственно (Ле-1320). Он даёт верхнюю дату находкам шнуровой керамики и, возможно, связывается с размытым слоем эпохи бронзы, невыразительные фрагменты керамики которого встречены в самом верхнем культурном слое, относящемся к раннему железному веку и датированному, по древесине, в том числе по обломкам свай: 1890 ± 100 BP: 1—25 calAD и 110 calBC — 39 calAD для 1σ и 2σ соответственно (Ле-2171); 1700 ± 20 BP: 20—400 calAD и 250—420 calAD для 1σ и 2σ соответственно (Ле-1322); 1625 ± 45 BP: 380—540 calAD и 260—550 calAD для 1σ и 2σ соответственно (Bln-2166); 1640 ± 40 BP: 340—530 calAD и 260—540 calAD для 1σ и 2σ соответственно (Bln-2200).

На спорово-пыльцевой диаграмме разреза слоев, вскрытых раскопом на стоянке Цедмар А (рис. 4), зафиксировано три уровня единичных находок пыльцы культурных злаков (*Cerealia*). Ранний из них соответствует кровле слоя атлантического этапа заселения стоянки, второй — верх-

⁴ Калибровка дат, здесь и далее, по Reimer et al., 2002. См. также статью Г. И. Зайцевой в настоящем сборнике.

ней части гиттии, к которым в других разрезах (Тимофеев, 2003) приурочены находки шнуровой керамики, и третий — к пескам с находками эпохи раннего железа. Уровню ранних находок пыльцы *Cerealia* соответствует палинологический маркер — уровень кульминации пыльцы дуба, а также литологический маркер — контакт осадков неолитической регрессии и трансгрессии. Второй уровень находок пыльцы культурных злаков соответствует верхам осадков этой трансгрессии. Лишь в результате просмотра большого количества препаратов с резким доминированием пыльцы древесных пород в верхней части разреза зафиксировано присутствие единичных пыльцевых зерен сеgetального (пашенного) сорняка — гречихи (*Fagopyrum* sp.), а также ма-ри (*Chenopodium*), рудерального сорняка — подорожника ланцетолистного (*Plantago lanceolata* L.). На уровне культурного слоя раннего железного века найдено два зерна гречихи. В верхней части гиттии, с которой связаны находки шнуровой керамики, найдена пыльца конопли (*Cannabis* sp.). Дикие культурные формы ее обнаруживают «захождение признаков» и являются типичными рудеральными растениями Вавилов, 1987. С. 110). К группе сорных растений можно отнести пыльцу *Cichoriaceae*. В неолитическом культурном слое из сорных растений встречены единичные пыльцевых зерна подорожника (*Plantago lanceolata* L.) и гречихи (*Fagopyrum* sp.)

Сравнение спорово-пыльцевых диаграмм разреза раскопа стоянки Цедмар А и опорной диаграммы скважины 12 (рис. 3, 4) показывает, что эти разрезы хорошо сопоставляются по максимумам пыльцы дуба, с наиболее ранним уровнем находок пыльцы культурных злаков, прерывающимся в начале трансгрессии, новому появлению пыльцы культурных злаков в верхах осадков трансгрессии, а также по осадкам двух озерных трансгрессий, «запечатавших» уровни с наиболее ранними находками пыльцы культурных злаков. Однако сравнение показывает неполноту геологической летописи разреза стоянки: отсутствуют осадки некоторых палиногоризонтов, которые представлены в верхней части полного разреза скважины 12 — двух голоценовых максимумов пыльцы ели (SB и SA) и других. Перерывы в осадконакоплении зафиксированы на уровне кровли отложений гиттии, к верхней части которой в других разрезах приурочены находки шнуровой керамики, а также к кровле песков с находками раннего железного века. Пески залегают между осадками двух трансгрессий. Нижняя гиттия сформировалась в SB1 (до раннего SB максимума ели), о чем говорит еще значительное количество в спектрах пыльцы орешника и широколиственных древесных пород.

Двенадцать радиоуглеродных датировок нижнего культурного слоя стоянки Цедмар А, датируют, одновременно: 1) культурный слой раннего, атлантического этапа, заселения стоянки; 2) максимум пыльцы дуба, соответствующий кровле этого слоя (рис. 4), то есть конец АТ хронозоны и границу зон VIII/VII X. Гросса на его эталонной диаграмме (см. рис. 3); 3) осадки конца неолитической регрессии, зафиксированные на уровне пыльцы кульминации дуба в данном раскопе и в разрезе скважины 12; 4) появление первых находок пыльцы культурных злаков в районе раскопа Цедмар А и скважине 12, совпадающее с регрессией и максимумом пыльцы дуба в обоих разрезах. Уровню первого появления пыльцы культурных злаков наиболее соответствуют радиоуглеродные датировки углей из верхов ранне-неолитического слоя стоянки Цедмар А: 5120 ± 50 BP: 3980—3800 calBC и 4040—3790 calBC, для 1σ и 2σ соответственно (Bln-2165); 5100 ± 60 BP: 3970—3800 calBC и 4040—3760 calBC для 1σ и 2σ соответственно (Je-1389); 4920 ± 80 BP: 3800—3640 calBC и 3950—3520 calBC для 1σ и 2σ соответственно (Je-1388).

На участке Цедмар Д (см. табл. 1) неолитические находки пыльцы культурных злаков зафиксированы X. Гроссом в геологических разрезах скважин 1 и 4 и в разрезе раскопа стоянки Цедмар Д Г. М. Левковской.

На диаграммах скважин 1 и 4 (по Gross, 1939. S. 157, 160) четко прослеживаются палинологические маркеры — максимумы пыльцы дуба. В обоих разрезах (скв. 1 — абсолютная отметка 106,3 м и скв. 4 — абсолютная отметка 104,5 м) находки пыльцы культурных злаков точно соответствуют максимуму пыльцы дуба. В разрезе скважины 4 они приурочены к границе опесчаненных отложений регрессии (в данном разрезе без углистых частиц) и отложений трансгрессии — гиттии. Во втором разрезе (скв. 1) находки *Cerealia* встречены в опесчаненных углесодержащих отложениях регрессии, перекрытых гиттией с песком.

Поселение Цедмар Д расположено на северном берегу торфяника, на обширном мысу, вдающемся в котловину древнего озера, культурный слой тянется вдоль береговой линии. Раскопами 1974, 1975, 1977, 1978, 1988, а также 1969 г. вскрыто около 800 м².

Наиболее четкая стратиграфия представлена в центральной и восточной частях вскрытой площади. Стратиграфические разрезы здесь в целом показывают следующую картину: под дерном залегает коричневато-серый суглинистый почвенный слой, достигающий мощности до 0,5—0,6 м. Он подстигается темным, черного цвета слоем высохшего опесчаненного торфа, участками насыщенным древесными остатками. Мощность торфа составляет от 0,1 до 0,25—0,3 м, на некоторых участках он залегает прерывисто, линзами. На участках расположенных выше по склону берега непосредственно под торфом залегал слой песка. Верхняя часть толщи песка имела сероватый цвет, в ней изредка встречались угольки. В нижней части толщи залегал песок светло-желтого цвета, иногда с красноватым, охристым оттенком, возможно, от включения железистых частиц. В этом слое часто встречались угольки, как правило, мелкие. Насыщенные, концентрированные линзы угля отсутствовали, что, видимо, связано с особенностями отложения культурного слоя. Слой насыщен мелкими остатками органического происхождения, включая многочисленные плоды и обломки скорлупы водяного ореха (*Trapa natans* L.). В этой части толщи песка и залегали неолитические находки, т. е. она и представляла собой собственно культурный слой. Общая мощность толщи песка составляла от 0,2 до 0,5—0,55 м. Песок подстилался плотным, зеленоватого цвета алевритом. В южном и юго-восточном направлениях уровень залегания поверхности алеврита понижался, а в толщу песка вклинивались прослои органогенных отложений — гиттии. Вначале гиттия залегала тонкими прослойками, расчленявшими толщу песка, далее к югу и востоку мощность прослоев гиттии возрастала, и они сливались в единый слой, постепенно замещавший среднюю — верхнюю части толщи песка. В южной части раскопа гиттия залегала уже непосредственно под торфом и достигала мощности 0,6 м. Мощность светло-желтого, средне- и крупнозернистого песка, залегающего здесь под гиттией, на алеврите, не превышала 0,1—0,15 м. В песке прослеживались тонкие полоски гиттии. Неолитические находки атлантического этапа заселения обнаружены в самой нижней части толщи песка, на алеврите. Этот культурный слой на ряде участков был «запечатан» сверху прослоем гиттии.

Для керамики цедмарской культуры по пищевому нагару на внутренней поверхности сосудов получена серия дат (по «акселерированной» методике) в лаборатории Уппсала, Швеция (Тимофеев, Зайцева, Посснерт, 1998). Датировалась керамика двух основных технологических (по составу примесей) групп (табл. 3).

Таблица 3.

Результаты датирования керамики цедмарской культуры стоянки Цедмар Д

№	Фракция	Лаб. индекс	¹⁴ C дата, ВР	Интервалы калиброванного календарного возраста, cal BC	
				1σ	2σ
I группа (керамика с примесью в тесте мелкотолченой раковины и растительной примесью)					
I:1	нерастворимая	Ua-2375	5180 ± 100	4220—3800	4250—3700
I:1	растворимая	Ua-2376	5120 ± 100	4040—3790	4250—3650
I:5	нерастворимая	Ua-2377	5030 ± 100	3950—3710	4040—3640
I:5	растворимая	Ua-2378	4950 ± 90	3910—3640	3970—3530
I:7	нерастворимая	Ua-2379	4840 ± 100	3760—3380	3950—3350
I:7	растворимая	Ua-2380	5100 ± 100	4040—3770	4250—3650
II группа (керамика с минеральной примесью в тесте)					
II:15	нерастворимая	Ua-2381	4810 ± 100	3700—3380	3800—3360
II:15	растворимая	Ua-2382	5230 ± 100	4230—3950	4350—3750
II:20	нерастворимая	Ua-2383	5360 ± 130	4340—4040	4500—3900
II:20	растворимая	Ua-2384	5280 ± 80	4230—3990	4260—3950

Серия дат получена также по традиционной методике (табл. 4).

Таблица 4.

Радиоуглеродные даты образцов из слоя цедмарской неолитической культуры стоянки Цедмар Д. Ранний (АТ) этап заселения стоянки

Лаб. индекс	Датируемый материал	Радиоуглеродный возраст, л. т. н. (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста, calBC, cal л. до н. э.	
			1σ (68 % вероятности)	2σ (95 % вероятности)
Ле-3174	древесина	5090 ± 50	3960—3800	3990—3760
Ле-3176	древесный уголь	5170 ± 70	4220—3800	4230—3790
Ле-3181	древесный уголь	5150 ± 100	4220—3790	4250—3700
Ле-3173	древесный уголь	4990 ± 45	3910—3700	3940—3650
Ле-3179	древесина	4880 ± 50	3710—3635	3780—3530
Ле-3921	рог (роговое орудие)	5640 ± 300	4700—3950	5000—3600
Ле-3924	гиттия	5070 ± 150	4040—3660	4250—3500
Ле-3926	гиттия	4890 ± 100	3800—3530	3950—3350

Особое значение имеют датировки очень тонких горизонтов гиттии, на некоторых участках перекрывающие непосредственно слой с находками цедмарской культуры, т. е. устанавливающие верхний временной предел комплекса на данных участках и, возможно, начало трансгрессии: 5070 ± 150 BP (Ле-3924); 4890 ± 100 BP (Ле-3926).

В западной части поселения, где уровень залегания поверхности материка несколько повышался, слой гиттии соответственно утоньшается и замещается песком, мощность которого пропорционально возрастает. Эта часть поселения сильно пострадала от старых мелиоративных работ и недокументированных раскопок К. Штади. На непо потревоженных участках большинство неолитических находок залегает также в нижней части слоя светло-желтого, средне- и крупнозернистого песка, однако находки встречаются и в верхней части толщи песка, что указывает на более длительное обитание на этом участке. Имеются находки относящиеся ко второй половине неолита. Особенностью западного участка поселения является также наличие на материке скоплений камней, в которых залегали немногочисленные находки и фрагменты древесины. Даты 4020 ± 80 BP (Ле-1181) и 4350 ± 80 BP (ТА-1173) получены по такому фрагменту — заостренному колу, впущенному в материк. Западный участок поселения был заселен в поздне-неолитическое время и более ранний слой цедмарской культуры здесь нарушен. Опубликованная спорово-пыльцевая диаграмма разреза (Долуханов, Левковская, Тимофеев, 1975. С. 79, рис. 1) еще более фрагментарна, чем диаграмма разреза Цедмар А, так как в месте отбора проб культурный слой залегал непосредственно на поверхности материка (на алевритах, формировавшихся в ВО). Данный этап заселения отмечался позднее кульминации в районе дуба, а также других широколиственных древесных пород и орешника, то есть уже в SB, по-видимому до первого максимума ели (см. рис. 3, табл. 1). Но SB максимум пыльцы ели не представлен в исследованных осадках. Корреляция по отношению к SB максимуму ели нуждается в уточнении. Этот поздний неолитический этап заселения стоянки связан со временем трансгрессии озера. Поселение существовало на повышенной части материка. В этом слое на стоянке Цедмар Д встречена пыльца конопли (*Cannabaceae*), а также единичные зерна пыльцы *Cerealia*, из сорных растений — пыльца крестоцветных (*Brassicaceae*), мари (*Chenopodium* sp.) и сложноцветных (*Asteraceae*).

Даты полученные с западного участка см. табл. 5.

Таблица 5.

Радиоуглеродные даты,
связывающиеся с поздненеолитическим (суббореальным) этапом заселения стоянки Цедмар Д:
западная часть поселения (А), остатки платформы в восточной части поселения (В)

Лаб. индекс	Датируемый материал	Радиоуглеродный возраст, л. т. н. (ВР)	Интервалы калиброванного календарного возраста, calBC, cal л. до н. э.	
			1σ (68 % вероятности)	2σ (95 % вероятности)
Ле-848	(А) древесный уголь	4180 ± 50	2880—2670	2890—2590
Ле-1176	(А) древесный уголь	4240 ± 90	2920—2630	3100—2500
Ле-3925	(А) древесный уголь	3870 ± 290	2900—1900	3100—1500
Ле-1181	(А) древесина	4020 ± 80	2850—2400	2900—2300
ТА-1173	(А) древесина	4350 ± 80	3100—2880	3350—2700
Ле-3168	(В) древесина	3890 ± 60	2470—2290	2560—2190
Ле-3169	(В) древесина	4300 ± 40	3010—2870	3030—2870
Ле-3171	(В) древесина	4250 ± 40	2910—2710	2930—2680
Л-3177	(В) древесина	4170 ± 45	2880—2670	2890—2590
Ле-3170	(В) древесина	4210 ± 45	2890—2690	2910—2620
Ле-3992	(В) древесина	4120 ± 100	2880—2570	2950—2400

Стратиграфически два этапа заселения прослежены в восточной части поселения, где были обнаружены остатки деревянной конструкции (платформы), перекрывающей слой с находками цедмарской культуры. Конструкция залегала в верхней части отложений песка, перекрытого гиттией и торфом. Трудно говорить о культурной принадлежности населения позднего этапа или эпизода заселения. Судя по находке обломка лезвия, видимо, боевого топора, связанного с платформой, возможно, речь может идти о раннешнуровом или предшнуровом времени, мало известном на рассматриваемой территории. Даты позднего этапа заселения, полученные по остаткам деревянной платформы приведены в табл. 5 (В).

Осадки раннего и позднего этапов заселения стоянки Цедмар Д в некоторых разрезах разделены отложениями озерной трансгрессии. Ранний этап заселения стоянки связан с той же регрессией, что и ранний слой с неолитическими находками на стоянке Цедмар А, формирование которого завершилось около 5100 ВР и коррелирует с максимумом пыльцы дуба. Оба культурных слоя, исходя из радиоуглеродных данных, близки хронологически (в пределах стандартных статистических ошибок радиоуглеродного метода). Некоторые различия в материалах могут указывать на несколько более позднее начало формирования культурного слоя на стоянке Цедмар Д.

В целом, правомерна корреляция раннего культурного слоя стоянки Цедмар Д с уровнями максимума дуба и осадками неолитической регрессии, выявленными в разрезах скважины 12 на участке Цедмар А и скважин 1 и 4 на участке Цедмар Д (см. левую часть рис. 3 и табл. 1).

Некоторые итоги исследования. Для Цедмарского геoarхеологического района выявлены три типа маркеров, важных для корреляции наиболее ранних находок пыльцы культурных злаков в неолитических слоях с археологическими находками и в геологических отложениях: археологические, геологические и палинологические. Итоги корреляции наиболее ранних находок пыльцы культурных злаков в районе с перечисленными выше маркерами (слоями с неолитическими археологическими находками, трансгрессиями-регрессиями палеозера и характерными палинологическими уровнями на спорово-пыльцевых диаграммах, отражающими глобальные изменения климата) иллюстрирует таблица 1. Пыльца культурных злаков (*Cerealia*) в отложениях эпохи неолита зафиксирована в пяти пунктах Цедмарского геoarхеологического района, причем в некоторых из них на нескольких палиностратиграфических уровнях (табл. 1, рис. 3, 4).

Пыльцы сорных растений во всех исследованных пробах из раскопов Цедмар А и Цедмар Д практически нет даже в верхних горизонтах отложений, что является местной спецификой района, возможно, — результат кратковременности существования пойменных пашен на одних и тех же местах в условиях быстро меняющегося гидрологического режима водоема, что для неолитического этапа заселения подтверждают и литологические данные, фиксирующие неоднократное чередование гиттий и песков (рис. 4).

Некоторые итоги корреляции материалов сведены на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 3) эталонного геологического разреза (скважина 12 профиля Цедмар А), где показаны соотношение неолитических этапов обитания на поселениях Цедмар А и Цедмар Д, а также уровень находок шнуровой керамики с выделенными (в настоящее время) хронозонами голоцена, палинозонами Х. Гросса (Gross, 1939. S. 105). Корреляция выполнена по отношению к главному палинологическому маркеру — максимуму пыльцы дуба (с учетом других показателей). Она выполнена и по отношению к осадкам регрессии, а также трансгрессии, которая «запечатала» осадки регрессии с наиболее ранними неолитическими находками и с первыми в районе находками пыльцы культурных злаков.

Анализ некоторых археологических и палинологических материалов о свидетельствах неолитического земледелия на смежных с районом исследования территориях (Левковская, 1987; Лозе, 1988; Gaigalas, 1998; Jakubovska, 1997; Kondratiene, 1993; 1998; Kriiska, 2003; Poska, Saarse, Veski, Kihno, 1999; Rimantiene, 1989; 1994; 1996; 1999; Seibutis, Savukyniene, 1998; Veski, 1998; а также материалов, обобщенных в коллективном труде по южной Литве «Stone Age in South Lithuania», 2001 и др.) показывает, что свидетельства неолитического земледелия имеются в ряде геархеологических районов Восточной Прибалтики.

Ключевые геархеологические районы или разрезы со свидетельствами неолитического земледелия в Восточной Прибалтике следующие (рис. 1): 1 — Цедмарский; 2 — западный южнолитовский (озеро Veisejo); 3 — восточный южнолитовский (озера Düba, Pelesos, и Grūda); 4 — район р. Меркис (озера Glebo, а также Varenio, Glūko); 5 — Вильнюсский (разрез под Вильнюсским замком); 6 — Швянтойский (приморские стоянки Швянтойи 6, 23 и другие); 7 — район Ниды (приморская стоянка Нида); 8 — Лубанский (стоянки Звидзе, Абора, Эйни); 9 — эстонский (с находками пыльцы Cerealia на территории Эстонии в геологических слоях озер и болот: Kunda Arusoo, Velise, Kõivasoo, Mustjärv, Vedruka, Maardu, Tõhela).

Для Восточной Прибалтики особенно важны выявленные в результате исследований данные о связи самых первых находок пыльцы культурных злаков с голоценовым максимумом дуба (конца АТ 2 — 6,7—5,0 тыс. л. н. по: Kabailiene, 1998 и АТ 3 — 6,0—5,0 тыс. л. н. по: Еловичева, 2001; Палеогеография кайнозоя..., 2002) и осадками конца атлантической регрессии. Увеличение пыльцы дуба в период существования цедмарской культуры зафиксировано и в СВ Польше на стоянке Дудка (Guminski, 1995. Tab. 3; Nalepka, 1995. Fig. 3). В районе исследований на основе большой серии радиоуглеродных датировок на стоянках Цедмар А и Цедмар Д эти события датированы около 5,1 тыс. л. н. Регрессия палеоозера, выявленная в Цедмарском районе, создала благоприятные эдафические условия для примитивного пойменного земледелия. Она может быть маркером для межрегиональных корреляций, так как она обусловлена глобальным иссушением климата в конце атлантического периода голоцена.

В настоящее время во многих регионах наблюдается тенденция к удревнению начальных фаз земледелия. В степной-лесостепной зонах Украины оно удревнено до 7,6 л. т. н. на основе определений зерновок культурных растений или их отпечатков на керамике и обмазках, а также радиоуглеродного датирования вмещающих их отложений (Котова, 2002; Котова, Ковалюх, 2002; Котова, Пашкевич, 2002; Левковская и др., 2003). В лесной зоне на основе находок пыльцы культурных растений, преимущественно в геологических разрезах без археологических находок, начальная фаза земледелия удревнена на юге Беларуси (в Полесье) до 7,0 т. л. н. (Зерницкая и др., 2001; Калечыц, 2003; Палеогеография кайнозоя Беларуси, 2002), в Южной Литве — ранее 5,0 т. л. н. (Stone Age in South Lithuania, 2001), в Латвии и Эстонии — ранее появления культуры шнуровой керамики (Kriiska, 2003; см. также статью И. А. Лозе и А. А. Лийва в на-

стоящем сборнике и методический раздел данной статьи). В районах лесной зоны для свидетельств неолитического земледелия имеются лишь единичные радиоуглеродные датировки.

В Цедмарском районе находки пыльцы культурных злаков имеют четкую двойную стратификацию (по отношению к осадкам трансгрессий-регрессий палеоозера и по отношению к палинологическим маркерам) и в геологических разрезах, и в раскопах стоянок Цедмар А и Цедмар Д. Культурные слои, в которых они обнаружены, датированы большой серией радиоуглеродных датировок. Полученные данные говорят о том, что наиболее ранние свидетельства земледелия в исследуемом районе зафиксированы в конце АТ, около 5,1 тыс. лет ВР. Но постоянное присутствие пыльцы культурных злаков фиксируется в районе лишь с конца трансгрессии (ее примерный возраст — около 4,9—3,7 тыс. л. н.) и начала следующей регрессии. Возможно, это связано с бытованием в районе культуры шнуrowой керамики.

И на Цедмаре А, и на Цедмаре Д представлены, очевидно, остатки временных стоянок, располагавшихся на пляжных участках побережья озера и оставленных группами охотников-рыболовов. В то же время, в материальной культуре цедмарских памятников хорошо заметны элементы, не свойственные лесному неолиту: плоскодонность керамики, воротничковое оформление венчиков отдельных сосудов, нередкое в культуре воронковидных кубков, некоторые мотивы орнаментики. Среди роговых орудий сериями представлены «кирковидные» и Т-образные формы (Тимофеев, 1981), также не характерные для неолита лесной зоны. Данные орудия могли использоваться, в частности, по данным трасологического анализа, для рыхления земли. Ряд особенностей материалов цедмарских памятников, так же как и наличие элементов производящего хозяйства в ранние периоды заселения стоянок (в частности, небольшое, до 5%, количество костей домашних животных и, как показало данное исследование, появление культурных злаков), скорее всего, объясняются контактами с земледельческим населением обитавшим к западу — синхронными культурой воронковидных кубков или группами лендельской культуры.

Приведенные выше данные, с учетом нахождения пыльцы *Cerealia* и за пределами стоянок, в отложениях, коррелируемых с культурными слоями, скорее всего, указывают на наличие в хозяйственном укладе населения цедмарской культуры, ранее 5 тыс. л. н. (т. е. с калибровкой радиоуглеродных дат, около 4 тыс. лет до н. э.), в конце атлантического периода, примитивного пойменного земледелия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилов Н. И.* Происхождение и география культурных растений // Сборник трудов Н. В. Вавилова разных лет. Л., 1987.
- Григорьева В. В.* Морфология пыльцевых зерен рода *Linum* (Linaceae) флоры СССР // Ботанический журнал. Т. 73. № 10. 1988.
- Гуман М. А.* Антропогенные изменения растительности юга Псковской области в голоцене: по палинологическим данным // Ботанический журнал. Т. 63. № 10. 1978.
- Долуханов П. М., Хотинский Н. А.* Палеогеографические рубежи голоцена и мезолитическая история Европы // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- Долуханов П. М., Левковская Г. М., Тимофеев В. И.* Стоянка Цедмар Д в Калининградской области // КСИА. Вып. 141. 1975.
- Загорскис Ф.А.* Ранний и развитой неолит в восточной части Латвии / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.
- Зайцева Г. И., Поснерт Г., Тимофеев В. И.* Первые «акселерированные» радиоуглеродные даты для неолитической керамики Восточной Прибалтики // Памятники древних культур лесной полосы Евразии. Петрозаводск, 1993.
- Зерницкая В. П., Симакова Г. И., Павлова И. Д.* Признаки хозяйственной деятельности человека в голоцене Беларуси // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 16. Мінск, 2001.
- Еловичева Я.К.* Эволюция природной среды антропогена Беларуси. Минск, 2001.
- Калечыц А. Г.* Пераход да вытворчай гаспадаркі на тэрыторыі Беларусі.. Минск, 2003.

- Котова Н. С.* Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Котова Н. С., Ковалюх Н. Н.* Каталог радиоуглеродных дат неолитических памятников Украины // Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Котова Н. С., Пашкевич Г. А.* Каталог отпечатков культурных растений на керамике неолитических поселений Украины // Котова Н. С. Неолитизация Украины. Луганск, 2002.
- Краснов Ю. Л.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э. М., 1971.
- Левковская Г. М.* Специфика применения палинологического и радиоуглеродного методов при изучении озерных стоянок каменного века // История озер СССР: ТД VII Всесоюзного совещания. Т. 2. Таллин, 1983.
- Левковская Г. М.* Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины (Восточная Латвия). Рига, 1987.
- Левковская Г. М.* Хронология и палеогеография озерных трансгрессий и регрессий эпох мезолита, неолита и ранней бронзы в Восточной Прибалтике (Лубанская и Цедмарская низины) // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Левковская Г. М., Тимофеев В. И., Степанов Ю. В., Боголюбова А. Н., Котова Н. С., Ларина О. В., Волонтир Н. Н., Климанов В. А.* О неолитическом земледелии на западе Евразийской степной зоны: (По результатам новых исследований на Украине и в Молдове и материалам археолого-палеоботанико-палинологического банка данных) Неолит — энеолит Юга и неолит Севера Восточной Европы (новые материалы, исследования, проблемы неолитизации регионов). СПб, 2003.
- Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
- Лозе И. А., Лийва А. А., Стелле В. Я., Эберхардс Г. Я., Якубовская И. И.* Звидзе — многослойное поселение эпох мезолита и неолита на Лубанской низине (Латвийская ССР) // Археология палеогеография Русской равнины. М., 1984.
- Палеогеография кайнозоя Беларуси* / Под ред. А. В. Матвеева Минск, 2002.
- Савукинене М.* К вопросу об индикации синантропической растительности // *Geographie Lithuanica*. Vilnius, 1976.
- Тимофеев В. И.* Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики / Автореф. дисс.... канд. ист. наук. Л., 1980.
- Тимофеев В. И.* Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово) Д // КСИА. Вып. 165. 1981.
- Тимофеев В. И.* Памятники типа Цедмар // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Тимофеев В. И.* Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // ТАС. Вып. 3. 1998.
- Тимофеев В. И.* Памятники культуры шнуrowой керамики восточной части Калининградской области: (По материалам исследований 1970—1980-х гг.) // Древности Подвинья: Исторический аспект. СПб, 2003.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Поснерт Г.* Радиоуглеродная хронология цедмарской неолитической культуры в Юго-Восточной Прибалтике // АВ. Вып. 5. СПб, 1998.
- Федорова Р. В.* Распространение воздушным путем пыльцы культурных злаков // Доклады АН СССР. Т. 107. № 6, М., 1956.
- Behre K. E.* (ed.). *Anthropogenic Indicators in Pollen Diagrams*. A. A. Balkema. Rotterdam; Boston, 1986.
- Berglund B.* *Handbook of Holocene Palaeoecology and Palaeohydrology*. Chichester; New York; Brisbane, 1986.
- Bielis V.* *Zemienes reljefs un hidrogrāfija* // Lubanas zemienes problēma un tās risinājums. Riga, 1974.
- Gaigalas A.* The Evolution of the Geological Environment of the Castles of Vilnius // *Environmental History and Quaternary Stratigraphy of Lithuania*. PACT. No. 54. 1998.
- Groß H.* Ergebnisse der moorgeologischen Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // *Nachrichtenblatt für Deutsche Forzeit*. No. 14 (5). 1938.
- Gross H.* Moorgeologische Untersuchung der vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch // *Prussia*. Bd. 33. Königsberg, 1939.
- Guminski W.* Environment, Economy and Habitation during the Mesolithic at Dudka, Great Mazurian Lakeland, NE Poland // *Przełąd Archeologiczny*. Vol. 43. 1995.
- Jakubovska I.* Early Anthropogenic Activities in Eastern Latvian Lowlands — New Pollen Analyses from Zvidze, Lake Lubana region // *ISKOS*. No. 11. Helsinki, 1997.
- Kabailienė M.* Vegetation History and Climate Changes in Lithuania during the Late Glacial and Holocene, according to Pollen and Diatom Data // *Environmental History and Quaternary Stratigraphy of Lithuania*. PACT. No. 54. 1998.

- Kondratiene O.* Palynological Investigations of Cultural Layers in Gediminas Hill and its Foot // Natural and Human Interference on Environment during Late Glacial and Holocene. Vilnius, 1993.
- Kondratiene O.* Palynologische Angaben über die Entarcklung des Ackerbaus in Litauen // Environmental History and Quaternary Stratigraphy of Lithuania. PACT. No. 54. 1998.
- Kriiska A.* From Hunter-Fisher-Gatherer to Farmer. Changes in the Neolithic Economy and Settlement on Eustonian territory // Archaeologia Lithuania. No. 4. Vilnius, 2003.
- Levkovskaya G. M.* The Beginning of Agriculture in the Eastern Baltic // Acta Interdisciplinaria Archaeologica. VIII. Palaeobotany and Palynology: International Work-Group for Palaeobotany. 8th Symposium (1989). Nitra; Nové Vozokany, 1990.
- Levkovskaya G. M., Dzinoridze R. A., Lijva A. A., Zaitseva G. I., Svezentzev J. S., Popov S. G., Krylov A. P.* Palynological and Radiocarbon Dating of the Middle Holocene Buried Terraces of the Lubana Lowland (Eastern Latvia) // Application of Scientific Methods in Archaeology. Stockholm, 1990.
- Nalepka D.* Palynological Investigation of an Archaeological site at Dudka (profile D1-26) // Przegląd Archeologiczny. Vol.43, 1995.
- Poska A., Saarse L., Veski S., Kihno K.* Farming from the Neolithic to the Pre-Roman Iron Age in Estonia, as Reflected in Pollen Diagrams // Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region. PACT. No. 57. 1999.
- Rimantienė R.* Nida. Senųjų baltų gyvenvietė. Vilnius, 1989.
- Rimantienė R.* Substantial Remains of Incipient Neolithic Agriculture at Sventoji 6, Narva culture Settlement in Lithuania // Tools and Tillage. Vol. VII (2—3). 1994.
- Rimantienė R.* Settlement Šventoji 6 // Archaeology of Lithuania. No. 14. 1996.
- Rimantienė R.* Traces of Agricultural Activity in the Stone Age Settlements of Lithuania // Environmental and Cultural History of the Eastern Baltic Region. PACT. No. 57. 1999.
- Ralska-Jasiewiczowa M.* Prehistoric Man Natural Vegetation: the Usefulness of Pollen Evidence in Interpretation of Man-made Changes // Memorabilia Zoology. No. 31. 1992.
- Reimer R.W., Remmele S., Souyhton J.R., Stuiver M., van der Plicht J.* Report of the first workshop of the Int-Cal04 Radiocarbon Calibration / Comparison working group // Radiocarbon. No. 44. 2002.
- Seibutis A., Savukyniene N.* A Review of Major Turning Points in the Agricultural History of the Area, Inhabited by Baltic Peoples Based on Palynological, Historical and Linguistic Data // Environmental History and Quaternary Stratigraphy of Lithuania. PACT. No. 54. 1998.
- Stadie R.* Die Steinzeitdörfer der Zedmar // Festschrift für A Bezzenerberger. Göttingen, 1921.
- Stone Age in South Lithuania (according to Geological, Palaeogeographical and Archaeological Data).* Akmens amžius pietu Lietuvoje (geologijos, paleografijos ir archeologijos duomenimis). Vilnius, 2002.
- Timofeev V. I.* Neolithic sites of the Zedmar type in the Southeast Baltic area // Regions and Reflections. In Honour of Marta Strömberg. Lund, 1991.
- Timofeev V., Zaitseva G., Possnert G.* The Radiocarbon Chronology of Zedmar Neolithic Culture in SE Baltic Area // Swiatowit. T. XXXIX. Warszawa, 1994.
- Veski S.* Vegetational History, Human Impact and Palaeogeography of West Estonia. Pollen Analytical Studies of Lake and Bog Sediments // Striae. No. 38. Uppsala, 1998.
- Vuorela I.* Pollen Analyses as a Means of Tracing Settlement History in SW Finland // Acta Botanica Fennica. No. 104. 1975.

ХРОНОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В НЕОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ И СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ

Д. Я. Телегин (Киев, Украина)

О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР НЕОЛИТА И МЕДНОГО ВЕКА ЮГО-ЗАПАДА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ПОНЯТИЕ О НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ ВРЕМЕНИ РЕГИОНА

Ниже пойдет речь о первобытных памятниках Украины, Молдовы и некоторых сопредельных территорий Нижнего Дона России и южной части Беларуси. В этом довольно обширном регионе, охватывающем степные, лесостепные и, отчасти, полесские пространства, выделено более 20 культур, традиционно относимых исследователями к эпохе неолита и медного века. Они развивались либо синхронно, занимая разные области, или сменяли друг друга в одном и том же районе. Эти культуры, безусловно, отражают обитание на этих землях разных этнических групп населения — племен или их групп. Основным источником изучения таких групп есть остатки их материальной культуры и, прежде всего керамики, которая по своим особенностям — формам сосудов и технологии их изготовления, элементам и мотивам орнамента, является своеобразной этнографической «одеждой» каждой палеоэтнографической группы первобытности. Ценность этого источника повышается еще и в связи с тем, что керамические находки на поселениях неолита-меди всегда бывают многочисленными.

О весьма важной роли керамики в изучении культур первобытности говорит хотя бы тот факт, что многие древние культуры носят названия по типу керамических материалов, например, линейно-ленточной, шнуровой, ямочно-гребенчатой керамики, шаровидных амфор, воронковидных сосудов и др. Кроме керамики, важной этнографической чертой первобытного населения является также обряд погребения, который для этого времени лучше всего фиксируется по положению погребенных в могилах, характеру погребальных сооружений и др.

О материальной и духовной культуре, хозяйстве и хронологии большинства культур неолита и медного века мы знаем уже много. Более-менее известно нам и их происхождение. Одни из них, в частности, были местными восточноевропейскими, а другие — несомненно пришлыми с Запада. Носители первых занимали более восточные территории региона, а вторые — западные и юго-западные. Условная граница размежевания между западными и восточными культурами проходила на юге в целом по бассейну Днепра. На более северных территориях у верховьев этой реки, в Понеманье и Прибалтике она, однако, сдвигается заметно к западу (Telegin, 1999).

Среди пришлых этнокультурных общностей эпохи неолита — меди, проникших в пределы Восточной Европы из Балкан и Центральной Европы, были носители культур — линейно-ленточной керамики, Криш-Старчево, Триполье, Гумельница, Лендель, а также культуры воронковидных сосудов и шаровидных амфор и др.

Местную восточноевропейскую группу составляли в регионе многие неолитические культуры: буго-днестровская, сурская, ракушечная или нижнедонская, а также ряд культур гребенчато-накольчатой керамики днепро-донецкой этнокультурной общности (ДДО) — верхнеднепровская, восточнополесская, волинская, киево-черкасская, донецкая, надпорожская (мариупольская) или азово-днепровская и др. Памятники трех первых из них и отчасти киево-черкасской культур ДДО, а также неманская культура Южной Беларуси и так называемая культура дольково-гжебыковой керамики Польши на более поздних этапах их развития составляют своеобразный висло-днепровский блок (ВДБ) культур гребенчато-накольчатой керамики (Телегин, 2001). Несомненно восточноевропейским образованием были и многочисленные культуры ямочно-гребенчатой керамики огромных территорий России, Беларуси и юго-восточ-

ной части Украины. В медном веке среди местных восточноевропейских культур региона довольно хорошо изучены среднестоговская, константиновская, нижнемихайловская, постмариупольская и др.¹

Необходимо особо подчеркнуть, что названные выше две группы культур представляют собой две совершенно разные социально-экономические общности, различные группы этносов, по существу две разные культурно-исторические зоны древней Европы (Gimbutas, 1997).

а). Зона земледельческо-скотоводческого населения с высокоразвитой культурой, совершенной, часто расписной керамикой, обычно с криволинейным узором. Культуры этой зоны характеризуются развитым наземным домостроительством, богатой пластикой, особой системой верований, включающей, в частности, скорченное положение покойников в позе адорации, обычно без применения охры в погребальном ритуале.

б). Зона местных восточноевропейских племен в своей основе была охотничье-рыболовческой, а затем скотоводческой с относительно примитивной материальной культурой. В отличие от пришлых племен, здесь в быту использовались чаще всего один, реже — два вида сосудов очень простых форм, часто еще с острым дном; их украшение состояло из оттисков разного рода штампов, образующих прямолинейные композиции узора. Домостроительство, пластика здесь имели зачаточный характер. В принципе у автохтонного населения был иной и погребальный обряд, где покойников укладывали в вытянутом на спине положении, а затем — тоже на спине, но с подогнутыми в коленях вверх ногами. Здесь появились первые подкурганые захоронения.

Были и другие признаки, отличающие местные автохтонные культуры, в том числе, большая их вооруженность (наличие булав, стрел, боевых молотов и др.); в степях Восточной Европы была впервые domestцирована лошадь, сложился обычай создавать монументальные антропоморфные стелы из камня и др.

Местные восточноевропейские племена и носители пришлых культур заметно различались и по антропологическим данным, особенно в эпоху неолита (Потехина, 1990).

Развиваясь на протяжении веков на смежных территориях отмеченные выше культуры западного и восточного, автохтонного происхождения нередко вступали в контакт, что не могло не отразиться на их характере. В отдельных случаях, в результате этого возникали своеобразные этнокультурные явления со смешанным синкретическим составом материалов.

В ранненеолитическое время к числу таких культур может быть отнесена буго-днестровская культура, сложившаяся на местной восточноевропейской мезолитической основе, но под сильным криш-старчевским влиянием балканского происхождения. Видимо, такой же синкретический характер имеют и памятники медного века типа Новоданиловки и Животиловки, в сложении которых, кроме местных факторов, приняли участие носители трипольской культуры, культур Свободное и Майкоп (Т. Г. Мовша, А. Л. Нечитайло, И. Ф. Ковалева).

Для более глубокого понимания процесса исторического развития первобытного населения юго-запада Восточной Европы важное значение имеет рассмотрение вопросов хронологии и периодизации этого времени, что и является основной темой данной работы.

Надо сказать, что в этом плане уже проделана большая работа, в частности, по накоплению радиоуглеродных определений возраста памятников. Только за последнее десятилетие в Киевской, Оксфордской, Берлинской и других лабораториях получено более 300 дат по ¹⁴C, которые в основном опубликованы в различных изданиях. Обобщенные данные об этом недавно подведены коллективным трудом авторов — Д. Я. Телегина, И. Д. Потехиной, Н. Н. Ковалюх, М. Лилли (Telegin, Potekhina, Kovaliukh, Lillie, 2000). В самое последнее время опубликовано еще около 40 новых дат памятников региона (Videiko, 1999; Szmyt, Chernyakov, 1999).

В области хронологии и периодизации неолитических и энеолитических культур региона большой материал, кроме того, получен также чисто археологическими методами, в том числе, при изучении стратиграфических данных на поселениях.

¹ В работе мы придерживаемся в основном структуры культурно-территориального членения и хронологии неолитических и энеолитических памятников, согласно положений, изложенных в трудах ученых Украины, Белоруссии и России, что вошло в мировую археологическую науку. Нам, однако, трудно согласиться с попыткой пересмотром этой структуры, недавно предпринятой Ю. Я. Рассмакиным (Rassamakin, 1999), о чем уже шла речь в печати (Ковалева, 1999; Нечитайло, 1999; Телегин, 2000; Яровой, 2000; Мовша, 2000).

Так например, на многослойном поселении Стрильча Скеля в Надпорожье установлена такая стратиграфия слоев: позднесурской, надпорожский, среднестоговский и ямный. Залегание надпорожского слоя под среднестоговским установлено А. В. Добровольским (1929) и на стоянке Средний Стог, там же, в порожистой части Днестра. Важные стратиграфические данные получены и при исследовании известного Михайловского поселения на Нижнем Днестре, где ранний нижнемихайловский слой перекрывался раннеямным, а последний — позднеямным (Лагодовская, Шапошникова, Макаревич, 1962). Ряд важных наблюдений по стратиграфии сделан на поселениях бассейна Дона — в Ракушечном Яре (Белановская, 1972; Неолит Северной Евразии, 1986. С. 58—65), Самсоновском поселении (Гей, 1979), Александрии (Телегин, 1973), станица Раздорская (Кияшко, 1994) и др.

Стратиграфическое положение памятников новоданиловского типа раннего энеолита установлено в Мариупольском могильнике, где данные погребения перекрывали основную погребальную яму, относящуюся к надпорожской (мариупольской) позднеэнеолитической культуре (Макаренко, 1933). Во многих случаях доказано перекрывание усатовских, нижнемихайловских и новоданиловских погребений могилами ямной культуры.

При решении вопросов периодизации культур немаловажное значение приобретают так называемые «импорты», главным образом керамические. Так, например, в Поднепровье мы имеем много случаев нахождения трипольских сосудов в погребениях и на поселениях днепродонецкой общности (Никольское, Вишенки, Пустынка), среднестоговской культуры (Игрень, Деревка), нижнемихайловских памятников (Телегин, 1973) и др. В слоях самчинского этапа буго-днестровской культуры обнаружены черепки культуры линейно-ленточной керамики (Даниленко, 1969). В слое Константиновского поселения на Нижнем Дону (раскопки В. Я. Кияшко, 1994) встречаются материалы майкопской культуры. Майкопский импорт в виде сосудов известен и при погребениях в иных местах Северного Причерноморья.

Все это вместе взятое дает в руки исследователей мощную базу для заметного пересмотра хронологии и периодизации многих существующих положений в области изучения рассматриваемых здесь памятников. Более широкие возможности в этом плане открываются перед нами сейчас и в связи с переходом к рассмотрению этого вопроса исходя не из самих радиоуглеродных дат (лет BC), что применялось до сих пор обычно (см. Археология УССР, 1985; Энеолит СССР, 1982; Неолит северной Евразии, 1996 и др.), а с использованием калибровочных интервалов по общепринятой программе с обозначением — лет calBC. И еще одно замечание в этой связи: определение возраста каждого памятника мы будем подавать не в виде двух или нескольких крайних значений сигм, как это обычно теперь приводится в публикациях, а средней величиной \pm отклонения по программе, разработанной Б. Венингером (Weninger, 1986)².

Учитывая сказанное выше и опираясь, главным образом, на новые радиоуглеродные датировки, мы можем прийти к ряду выводов: во-первых, о том, что на исследуемой территории юго-запада Восточной Европы переход от мезолитического времени к неолиту произошел еще во второй половине — конце VII тыс. calBC, когда здесь начали складываться первые неолитические культуры; во-вторых, появление в регионе древнейших культур медного века относится к началу второй половины VI тыс. calBC, когда они затем весьма продолжительное время развивались одновременно с позднеэнеолитическими культурами и в-третьих, сложение древнейших культур эпохи бронзы (ямной, шнуровой керамики), которые сменили собой культуры нео-энеолитического времени, произошло около рубежа IV и III тыс. calBC.

Таким образом, время от конца мезолита около 6300 лет calBC и до эпохи бронзы около 3000 лет calBC включает две эпохи — неолитическую или раннеэнеолитическую (около 6300—5400 calBC) и эпоху продолжительного сосуществования позднеэнеолитических и энеолитических культур, которую условно можно назвать нео-энеолитической. Продолжалась эта эпоха или, другими словами, нео-энеолитическое время (далее НЭВ) более двух тысяч лет (около 5400—3000 calBC; рис. 1).

Своеобразие рассматриваемого региона связано с распространением здесь культурных массивов различного происхождения — западных пришельцев и местных восточноевропейских культур, о чем шла речь выше.

Ниже кратко остановимся на обосновании предложенной периодизации, привлекая во всех случаях в основном новые радиоуглеродные датировки (табл. 1).

² Перерасчет всех дат в этой работе по программе Б. Венингера проведен в киевской лаборатории под руководством Н. Н. Ковалюх, за что выражаем ему искреннюю признательность.

Таблица 1.

Радиоуглеродный возраст памятников раннего неолита и нео-энеолитического времени юго-запада Восточной Европы

Привязка Лабораторный №	Возраст ¹⁴ C		Привязка Лабораторный №	Возраст ¹⁴ C	
	BP	calBC Weninger, 1993		BP	calBC Weninger, 1993
<i>I. Могильники маршупольского типа</i>					
1. Марьевский					
Ск.10. Ки-6779	7550 ± 80	6338 ± 85	Ск. 36. ОхА-5057	6260 ± 80	5171 ± 103
Ск.10. Ки-6781	7585 ± 80	6385 ± 84	Ск. 21. Ки-6789	6295 ± 70	5302 ± 104
Ск.14. Ки-6780	7600 ± 100	6365 ± 105	Ск. 45. Ки-6791	6305 ± 80	5307 ± 104
Ск.10. ОхА-6200	7620 ± 100	6444 ± 104	Ск. 19. Ки-6788	6310 ± 85	5312 ± 104
Ск.14. ОхА-6269	7630 ± 110	6441 ± 114	Ск. 64. ОхА-5030	6330 ± 90	5317 ± 95
Ск.4. Ки-6782	7680 ± 90	6479 ± 77	Ск. 17. ОхА-6166	6360 ± 75	5335 ± 72
Ск.4. ОхА-6199	7955 ± 50	6843 ± 121	Ск. 45. ОхА-6164	6360 ± 75	5335 ± 72
Ск.10. Ки-6779	7550 ± 80	6338 ± 85	Ск. 19. ОхА-6165	6370 ± 60	5338 ± 62
2. Васильевский 2					
ОхА-3805	7620 ± 80	6430 ± 76	Ск. 5. ОхА-6163	6465 ± 60	5380 ± 61
ОхА-3804	6005 ± 35	4889 ± 51	7. Деревка 1		
ОхА-3806	8020 ± 90	6886 ± 144	Ск. 109. ОхА-5031	6110 ± 120	5023 ± 49
3. Васильевский 5					
Ск. 29. Ки-6776	6220 ± 60	5151 ± 82	Ск. 11. Ки-6728	6145 ± 55	5098 ± 86
Ск. 29. ОхА-6198	6280 ± 70	5189 ± 103	Ск. 49. ОхА-6160	6165 ± 55	5113 ± 79
Ск. 26. Ки-6775	6325 ± 65	5299 ± 80	Ск. 73. ОхА-6162	6175 ± 60	5112 ± 81
Ск. 8. Ки-6777	6430 ± 50	5369 ± 50	Ск. 42. ОхА-6159	6220 ± 60	5151 ± 82
Ск. 8. ОхА-6171	6470 ± 70	5384 ± 70	Ск. 84. ОхА-6161	6270 ± 110	5183 ± 132
Ск. 23. Ки-6771	6530 ± 70	5481 ± 68	<i>II. Культуры, поселения, погребения</i>		
Ск. 10. Ки-6772	6620 ± 80	5513 ± 56	8. Буго-днестровская культура		
Ск. 80. Ки-6773	6675 ± 65	5547 ± 49	Пугач 2. Ки-3030	5920 ± 61	4790 ± 80
Ск. 20. ОхА-6268	6810 ± 90	5656 ± 75	Сороки 5. Влн-589	6495 ± 100	5409 ± 89
Ск. 10. ОхА-6172	6835 ± 60	5658 ± 54	Пугач 2. Ки-6648	6740 ± 65	5609 ± 54
4. Осиповский					
Ск. 53. Ки-519	5940 ± 20	4816 ± 35	Пугач 2. Ки-6649	6780 ± 60	5627 ± 44
Ск. 93. Ки-517	6075 ± 125	5027 ± 162	Сороки 2. Ки-6657	6810 ± 60	5644 ± 47
Ск. 20. ОхА-6168	7675 ± 70	6470 ± 60	Сороки 2. Влн-586	6825 ± 150	5693 ± 134
5. Никольский					
Ск. 1. Ки-3575	5560 ± 30	4390 ± 38	Гард 3. Ки-6650	6865 ± 50	5690 ± 53
Яма 3. Ки-3125	5560 ± 30	4390 ± 38	Пугач 2. Ки-6656	6895 ± 50	5728 ± 57
Ск. Ки-523	5640 ± 400	4492 ± 446	Саврань. Ки-6653	6920 ± 70	5755 ± 80
Ск.137. ОхА-5052	6145 ± 70	5099 ± 96	Гард 3. Ки-6655	6930 ± 55	5761 ± 68
Ск. 125. Ки-6603	6160 ± 70	5104 ± 92	Саврань. Ки-6654	6985 ± 60	5806 ± 77
Ск. 94. ОхА-6226	6220 ± 75	5153 ± 92	О. Базков. Ки-6652	7160 ± 55	5986 ± 47
Ск.125. ОхА-5029	6300 ± 80	5308 ± 109	О. Базков. Ки-6651	7235 ± 60	6050 ± 64
6. Ясиноватка					
Ск. 63,64. Ки-2810	5100 ± 40	3876 ± 63	Сороки 2. Влн-587	7420 ± 80	6262 ± 92
Ск. 65. Ки-3580	5390 ± 55	4257 ± 71	Пугач 2. Ки-6678	6520 ± 60	5465 ± 62
Ск. 36. Ки-1171	5650 ± 70	4461 ± 83	Пугач 2. Ки-6679	6560 ± 50	5473 ± 41
Ск.160. Ки-3160	5730 ± 40	4591 ± 71	Гард 3. Ки-6687	6640 ± 50	5531 ± 41
Ск. 35. Ки-3162	5810 ± 60	4652 ± 84	Печера. Ки-6692	7260 ± 65	6078 ± 64
Ск. 39. Ки-6790	5860 ± 75	4714 ± 101	Печера. Ки-6693	7305 ± 50	6108 ± 53
Ск. 18. Ки-3032	5900 ± 90	4799 ± 116	Заньковци. Ки-6694	7540 ± 65	6336 ± 76
Ск. 34. Ки-6786	6195 ± 80	5134 ± 96	О. Базков. Ки-6696	7215 ± 55	6033 ± 61
Ск. 41. Ки-6785	6240 ± 95	5162 ± 111	Сокольци II. Ки-6697	7470 ± 60	6287 ± 68
Ск.47, 65. Ки-3033	6240 ± 100	5161 ± 116	Сокольци II. Ки-6698	7405 ± 55	6242 ± 81
Ск. 90. Ки-6786	6245 ± 70	5166 ± 91	9. Сурская культура		
Ск. 18. ОхА-6167	6255 ± 65	5175 ± 90	Стрильча ск. Ки-2973	5160 ± 70	3961 ± 111
			Стрильча ск. Ки-2948	5365 ± 70	4224 ± 94
			О. Сурской. Ки-6688	6980 ± 65	5802 ± 80
			О. Сурской. Ки-6989	7125 ± 60	5946 ± 60
			О. Сурской. Ки-6690	7195 ± 55	6005 ± 54
			О. Сурской. Ки-6691	7245 ± 60	6061 ± 64
			Семеновка. Ки-6688	6980 ± 65	5802 ± 80
			Семеновка. Ки-6689	7125 ± 60	5946 ± 60

Привязка Лабораторный №	Возраст ¹⁴ C		Привязка Лабораторный №	Возраст ¹⁴ C	
	BP	calBC Weninger, 1993		BP	calBC Weninger, 1993
10. Ракушечный яр			Чапаевка, В2. Ki-880	4810 ± 140	3540 ± 164
Слой 2. Ле-5327	5290 ± 260	4070 ± 246	Шкаровка, В1-В2. Ki-875	4840 ± 95	3620 ± 113
Слой 3. Вln-1177	4360 ± 100	3024 ± 161	Чапаевка, В2. Вln-631	4870 ± 100	3642 ± 119
Слой 4. Ле-5340	5060 ± 230	3891 ± 257	Евминка 1, С1. UCLA-1671В	4890 ± 60	3687 ± 55
Слой 4. Ki-3545	5150 ± 70	3946 ± 110	Майданецкое, С1. Вln-2087	4890 ± 50	3679 ± 43
Слой 5. Ki-955	5890 ± 105	4764 ± 138	Нова-Розановка 2, С1. UCLA-1642F	4904 ± 300	3702 ± 363
Слой 8. Вln-704	6070 ± 100	4959 ± 143	Сороки-Озеро, С1. ВМ-495	4940 ± 105	3756 ± 120
Слой 9. Ле-5344	7180 ± 250	5974 ± 232	Шкаровка, В1-В2. Ki-2088	4940 ± 95	3741 ± 108
Слой 14—15. Ki-6479	6925 ± 110	5762 ± 110	Варваровка15, С1. Вln-2480	4990 ± 60	3776 ± 89
Слой 15. Ki-6478	6930 ± 100	5767 ± 103	Бринзени 4. Вln-2430	5020 ± 60	3838 ± 83
Слой 15. Ki-6480	7040 ± 100	5861 ± 98	Шкаровка, В1. Ki-520	5015 ± 105	3815 ± 111
Слой 20. Ki-6475	7690 ± 110	6489 ± 102	Путинешты, В1. Ki-613	5060 ± 120	3836 ± 128
Слой 20. Ki-6477	7860 ± 130	6688 ± 191	Клищев, В1-В2. Ле-1060	5100 ± 50	3876 ± 67
Слой 20. Ki-6476	7933 ± 140	6801 ± 188	Циплешти, В2.Вln-2431	5165 ± 50	4006 ± 71
11. Елшанская культура			Красноставка, В1. Ki-882	5310 ± 160	4144 ± 167
Ивановская. Ле-2343	8020 ± 90	6850 ± 50	Бринзени 8, В2. Вln-2429	5360 ± 65	4224 ± 93
Чекалино 4. ГИН-7085	8680 ± 120	7712 ± 139	Стари Куконешти, В1. Вln-2428	5390 ± 60	4247 ± 75
Чекалино 4 ГИН-7086	7950 ± 130	6815 ± 179	Поливанов Яр, В1. GrN-5134	5440 ± 70	4287 ± 74
Чекалино 4. Ле-4883	7940 ± 140	6804 ± 176	Путинешты, В1. Вln-2447	5595 ± 80	4419 ± 75
Чекалино 4. Ле-4781	8990 ± 100	8006 ± 73	Н. Русешти 1. Вln-590	5565 ± 100	4415 ± 95
Чекалино 4. Ле-4782	8000 ± 120	6854+176	Рогожани. Вln-2426	5700 ± 55	4526 ± 73
Чекалино 4. Ле-4783	8050 ± 120	6886 ± 73	Тимково. Вln-3191	5700 ± 70	4541 ± 89
Чекалино 4. Ле-4784	7940 ± 140	6804+188	Греновка. Ki-6682	5800 ± 50	4636 ± 74
Лебяжинка 4. ГИН-7088	8470 ± 140	7490 ± 89	Лука Врублевская. Ki-6685	5845 ± 50	4711 ± 73
12. Кукутени-Триполье			Греновка. Ki-6683	5860 ± 45	4739 ± 56
Х. Красный, С2. Ki-5016	4140+110	2720 ± 144	Лука Врублевская. Ki-6684	5905 ± 60	4774 ± 76
Х. Красный, С2. Ki-5039	4160 ± 90	2742 ± 123	Сабатиновка 2. Ki-6680	6075 ± 60	4962 ± 99
Заваловка. Ki-5014	4230 ± 80	2790 ± 110	Сабатиновка 2. Ki-6737	6100 ± 55	5035 ± 106
Софиевка, С2. Ki-5013	4270 ± 90	2830 ± 144	Вороновицы. Ki-6677	6180 ± 60	5119 ± 80
Х. Красный, С2. Ki-5038	4280 ± 110	2859 ± 170	Кормань. Ki-6225	6225 ± 60	5156 ± 83
Заваловка, С2. Ki-5015	4290 ± 90	2877 ± 146	Окопы. Ki-6671	6330 ± 65	5309 ± 78
Софиевка. Ki-5029	4300 ± 45	2928 ± 59	Бернашовка. Ki-6670	6440 ± 60	5367 ± 56
Софиевка, С2. Ki-5012	4320 ± 70	2954 ± 87	Бернашовка. Ki-6681	6510 ± 55	5450 ± 65
Шкаровка, В1-В2. Ki-201	4320 ± 170	2889 ± 268	Бабшин. Ki-6656	6200 ± 55	5126 ± 76
Усатово, С2. UCLA-1642А	4330 ± 60	2952 ± 68	Гребенюков яр. Ki-6672	6040 ± 65	4925 ± 89
Маяки, С2. Ле-645	4340 ± 60	2957 ± 67	Гребенюков яр. Ki-6673	6120 ± 50	5086 ± 95
Варваровка, С1. Ki-601	4370 ± 180	3091 ± 262	Гребенюков яр. Ki-6674	6165 ± 55	5113 ± 79
Маяки, С2. UCLA-1642G	4375 ± 60	2977 ± 76	13. Культура воронковидных сосудов		
Маяки, С2. UCLA-1642В	4376 ± 60	2977 ± 76	Гр. Надбуж. Gd-2163	5030 ± 50	3831 ± 99
Маяки, С2. Вln-629	4400 ± 100	3049 ± 159	Гр. Надбуж. Gd-2160	5010 ± 110	3815 ± 15
Маяки, С2. КИГН-281	4475 ± 130	3154 ± 180	Гр. Надбуж. Gd-2441	4330 ± 90	3591 ± 56
Городск, С2. GrN-5099	4551 ± 35	3195 ± 96	Гр. Надбуж. KN-2243	2820 ± 40	3591 ±
Маяки, С2. КИГН-282	4580 ± 120	3292 ± 189	Гр. Надбуж. GrN-16123	4815 ± 40	3590 ± 54
Майданецкое, С2. Ki-1212	4600 ± 80	3326 ± 163	Гр. Надбуж. Gd-1918	4750 ± 50	3558 ± 88
Данку 2, С2. Ле-1054	4600 ± 60	3341 ± 152	Гр. Надбуж. GrN-16124	4665 ± 40	3439 ± 61
Городница-Городище, С2. GrN-5088	4615 ± 35	3420 ± 73	Гр. Надбуж. GrN-16125	4565 ± 40	3439 ± 61
Шкаровка, В1-В2. Ki-881	4620 ± 100	3327 ± 177			
Маяки, С2. Ki-870	4670 ± 100	3484 ± 135			
Шкаровка, В1-В2. Ki-877	4690 ± 80	3469 ± 106			
Шкаровка, В1-В2. Ki-879	4710 ± 30	3450 ± 77			
Шкаровка, В1. Ki-1204	4700 ± 90	3485 ± 112			
Евминка 1, С1. UCLA-1466В	4790 ± 100	3525 ± 121			
Сороки-Озеро, С1. ВМ-494	4792 ± 105	3525 ± 126			

Привязка Лабораторный №	Возраст ¹⁴ C		Привязка Лабораторный №	Возраст ¹⁴ C	
	BP	calBC Weninger, 1993		BP	calBC Weninger, 1993
14. Культура шаровидных амфор			21. Каиршак		
Кучково 1. Ki-6920	4525 ± 45	3200 ± 95	Каиршак III.	6950 ± 190	5722 ± 161
Кучково 1. Ki-6496	4520 ± 45	3203 ± 95	Каиршак III.	6720 ± 80	5579 ± 69
Кучково 1. Ki-6919	4490 ± 40	3226 ± 98	22. Варфоломеевка		
Кучково 1. Ki-6921	4480 ± 40	3209 ± 106	Ниж. слой. ГИН-6546	6980 ± 200	5801 ± 172
Кучково 1. Ki-6927	4420 ± 55	3010 ± 105	Слой 2Б. ЛУ-2642	6400 ± 230	5020 ± 180
Кучково 1. Ki-6917	4415 ± 45	3003 ± 81	Слой 2Б. ЛУ-2620	6090 ± 160	5285 ± 223
Кучково 1. Ki-6929	4400 ± 50	2994 ± 76	Слой 2А. Ki-3589	5430 ± 60	4228 ± 59
Кучково 1. Ki-6928	4385 ± 45	2977 ± 62	Слой 2А. Ki-3590	5270 ± 50	4076 ± 85
Кучково 1. Ki-6926	4370 ± 50	2974 ± 62	Слой 2А. Ki-3595	5390 ± 60	4247 ± 75
Божеевице 22. Ki-6913	4335 ± 40	2946 ± 53	Слой 2А. Ki-3596	5220 ± 50	4027 ± 64
Божеевице 22. Ki-6914	4305 ± 45	2929 ± 57	? Ki-3613	5390 ± 50	4260 ± 50
Божеевице 22. Ki-6912	4275 ± 45	2843 ± 78	? Ki-3612	5350 ± 50	4240 ± 50
Печки 8. Ki-5681	4270 ± 30	2891 ± 37	23. Хвалынская		
Печки 8. Ki-5680	4230 ± 25	2819 ± 65	Хвалынк-1. УПИ-119	5903 ± 72	4785 ± 93
Печки 8. Ki-6513	4105 ± 40	2594 ± 108	Хвалынк-1. УПИ-132	6085 ± 193	5009 ± 217
Жеготки 2. Ki-6220	4150 ± 45	2740 ± 101	Хвалынк-1. УПИ-120	5808 ± 79	4653 ± 99
Жеготки 2. Ki-6221	4030 ± 60	2539 ± 81	Хвалынк-1. УПИ-122	4026 ± 57	2535 ± 74
15. Среднестоговская культура			Хвалынк-1. Ki-2180	7140 ± 150	5969 ± 152
Петровская бал. Ki-2979	4410 ± 50	3003 ± 83	Хвалынк-2. ОхА-4310	6040 ± 80	4927 ± 107
Петровская бал. Ki-2931	4530 ± 40	3194 ± 93	Хвалынк-2. ОхА-4311	5790 ± 85	4637 ± 103
Петровская бал. Ki-2930	4670 ± 50	3433 ± 70	Хвалынк-2. ОхА-4312	5830 ± 85	4670 ± 107
Петровская бал. Ki-2981	4670 ± 80	3455 ± 113	Хвалынк-2. ОхА-4313	5920 ± 80	4806 ± 100
Деревка пос. Ucla-1671	4900 ± 100	3665 ± 122	Хвалынк-2. ОхА-4314	6015 ± 85	4908 ± 107
Деревка пос. Ki-2197	5230 ± 95	4070 ± 116	Комбак-тэ. ГИН-6226	6000 ± 150	4880 ± 192
Деревка пос. Ki-6965	5210 ± 70	4046 ± 92	Кара-Худук. УПИ-431	5110 ± 45	3884 ± 67
Деревка пос. Ki-6964	5260 ± 75	4071 ± 98	Лебяжинка-III. ГИН-7248	6660 ± 80	5533 ± 59
Деревка пос. Ki-6960	5330 ± 60	4164 ± 88	Лебяжинка-III. ГИН-7087	5960 ± 80	4856 ± 97
Деревка пос. Ki-6966	5370 ± 70	4229 ± 92	Варф. вод. ГИН-6554	5790 ± 80	4631 ± 98
Деревка мог. 2. ОхА-5030	6330 ± 90	4216 ± 106	Царица. GrN-7197	4430 ± 60	3778 ± 129
Деревка пос. Ki-2193	5400 ± 100	4221 ± 114	24. Тентек-сор		
Деревка пос. Ucla-1466	5515 ± 90	4357 ± 88	Тентек-сор. НИИ-6177	5500 ± 150	4326 ± 165
Деревка пос. Ki-2195	6240 ± 100	5161 ± 116	25. Варна культура		
Александрия, п. 4. Ki-104	5470 ± 350	4223 ± 300	Дуранкулак, сл. 4. Bln-2121	5475 ± 50	4303 ± 54
16. Новоданиловская культура			Дуранкулак, ж. 7. Bln-2111	5495 ± 60	4328 ± 74
Джурджулешти. Ki-7037	4398 ± 69	3090 ± 100	Дуранкулак, сл. 5. Bln-2122	5700 ± 50	4524 ± 67
17. Животиловка			Павелианово 1. Bln-1141	5591 ± 100	4354 ± 95
Волчанск 1/24. Ki-1440	4330+150	2928 ± 50	26. Гумельница		
18. Майкоп			Вулканешти II (A1). MO-417	5110 ± 150	4646 ± 171
Галугай II. ОхА-3779	4930 ± 120	3766 ± 138	Вулканешти II (A1). Le-640	5300 ± 60	41239 ± 90
Галугай I. ОхА-3778	4600 ± 80	3326 ± 163	Гумельница (A2). CrN-3025	5715 ± 70	4557 ± 90
Клады 1/43. ОхА-5058	4675 ± 70	3447 ± 96	Гумельница (A2). CrN-3028	5400 ± 90	4236 ± 104
Клады 1/50. ОхА-5059	4835 ± 60	3605 ± 75	Варашти(A2).CrN-1987	5360 ± 70	4224 ± 96
Клады 1/48. ОхА-5060	4665 ± 60	3434 ± 81	Маргинени-Цетатя (A2) Bln-1536	5625 ± 50	4441 ± 63
Клады 1/55. ОхА-5061	4765 ± 65	3562 ± 92	Маргинени-Цитатя (A2) Bln-1534	5610 ± 55	4416 ± 61
Клады 1/3. Ле-4536	5310+160	4151 ± 88	Маргинени-Цитатя (A2) Bln-1535	5485 ± 60	4314 ± 72
Курган 30/1. Ле-4528	4620 ± 40	3421 ± 73	Градищи-Ульмилор B1	5110 ± 70	3880 ± 85
Курган 29/1. Ле-4529	4960 ± 120	3778 ± 129	Список сокращений: Гр.Набуж. — Гродек Набужный; Варф. вод. — Варфоломеевское водохранилище		
19. Свободное					
Свободное. Ле-4531	5400 ± 250	4200 ± 250			
Свободное. Ле-4532	5475 ± 100	4336 ± 130			
20. Джангар					
Джангар. Ле-2564	6100 ± 70	5065 ± 126			
Джангар. Ле-2901	5890 ± 70	4770 ± 92			

Раннеолитическая эпоха

Сменившая поздний мезолит около 6300 лет calBC эта эпоха продолжалась около 900 лет. Это было время появления и развития древнейших неолитических керамических культур как местных восточноевропейских — буго-днестровской (Даниленко, 1969), сурской (Археология УССР, 1985), так и пришлых — Криш-Старчево.

Раннеолитический возраст этих культур определяется по данным радиоуглеродных датировок. Так например, для буго-днестровской культуры юго-западного Причерноморья имеется более 20 таких дат, которые кучно ложатся в пределах 63—56 веков calBC. Лишь одна дата поселения Пугач 2 показала очень позднюю отметку — 4790 ± 80 calBC; возможно она ошибочна (табл. 1, 8; рис. 1).

Для определения абсолютного возраста сурской и ракушечноярской культур получено соответственно 8 и 13 дат, характер распределения которых во времени несколько иной, чем для буго-днестровской (табл. 1, 9, 10). Из восьми дат для сурской культуры шесть довольно кучно легли в пределах 60 и 58 calBC веков. Две остальные даты сурского слоя из Стрильчей Скелы показали более поздний возраст — 42 и 39 века calBC, что нуждается в объяснении. Возможно, пробы, взятые для этих анализов, относятся не к сурскому слою этой четырехслойной стоянки, а к одному из более поздних. Или же, что тоже не исключено, памятники сурской культуры бытовали и после раннеолитического времени.

Многослойное поселение Ракушечный Яр включает семь отдельных слоев — 1, 2, 3а, 3б, 4—6 из которых первый и второй членятся на два и три горизонта, а в шестом таких горизонтов выделено около 20, которые в печати часто также называют слоями (Белановская, 1985). Судя по материалам, верхние три слоя поселения (1—3а) относятся к эпохе меди-бронзы, а нижние (3б—23) составляют мощное скопление материалов ракушечноярской культуры неолитического времени, раннего, среднего и позднего этапа ее развития (Телегин, 1984).

Для датировки слоев этого поселения в Киевской, Берлинской и Ленинградской лабораториях, главным образом по раковинам, получено 13 радиоуглеродных определений, которые, к сожалению, очень сильно разбросаны во времени — от 63 до 30 веков calBC (табл. 1, рис. 1). Отмечено только одно более-менее компактное скопление этих дат для 9 и 14, 15 слоев, которые относятся по этим определениям к 59—57 вв. calBC. Следовательно, ранний этап ракушечноярской культуры относится к раннеолитическому времени, первой половине VI тыс. calBC. Три даты (64, 66, 68 вв. calBC), полученные для 20 горизонта, указывают, кроме того, на то, что начало сложения этой культуры уходит еще в позднемезолитическое время, т. е. в VII тыс. calBC.

Что же касается радиоуглеродных определений верхних слоев Ракушечного Яра, то они либо дают очень большой разброс во времени и по ним ориентироваться трудно, либо часть из них очевидно надо считать ошибочными, так как в ряде случаев определения, полученные для слоя, лежащего ниже, оказались более поздними, чем для слоя, лежащего выше (табл. 1, 10).

Среди результатов радиоуглеродного датирования неолитических материалов Украины до некоторой степени неожиданными оказались определения возраста могильников мариупольского типа (ММТ) днепро-донецкой общности, которые обычно относились к эпохе позднего неолита (Телегин, 1968; Телегин, Титова, 1998). Но, как показали результаты определений Киевской и Оксфордской лабораторий, где получено более 70 дат, по возрасту эти памятники явно распадаются на две группы — раннюю и позднюю, между которыми отмечается перерыв около шести веков (рис. 1).

К рис. 1. Синхронистическая таблица культур раннего неолита и нео-энеолитического времени юго-запада Восточной Европы: КША — культура шаровидных амфор; КВС — культура воронковидных сосудов; КЛЛК — культура линейно-ленточной керамики; ДДО — днепро-донецкая общность; ММТ — могильники мариупольского типа; ПМК — постмариупольская культура; НМ, КО — нижнемихайловская, кеми-обинская культуры; КЯГК — культуры ямочно-гребенчатой керамики; ВДБ — Висло-Днепровский блок культур гребенчато-накольчатой керамики. Точками обозначены радиоуглеродные датировки памятников calBC (Weninger, 1986), каждая из них отвечает одному анализу.

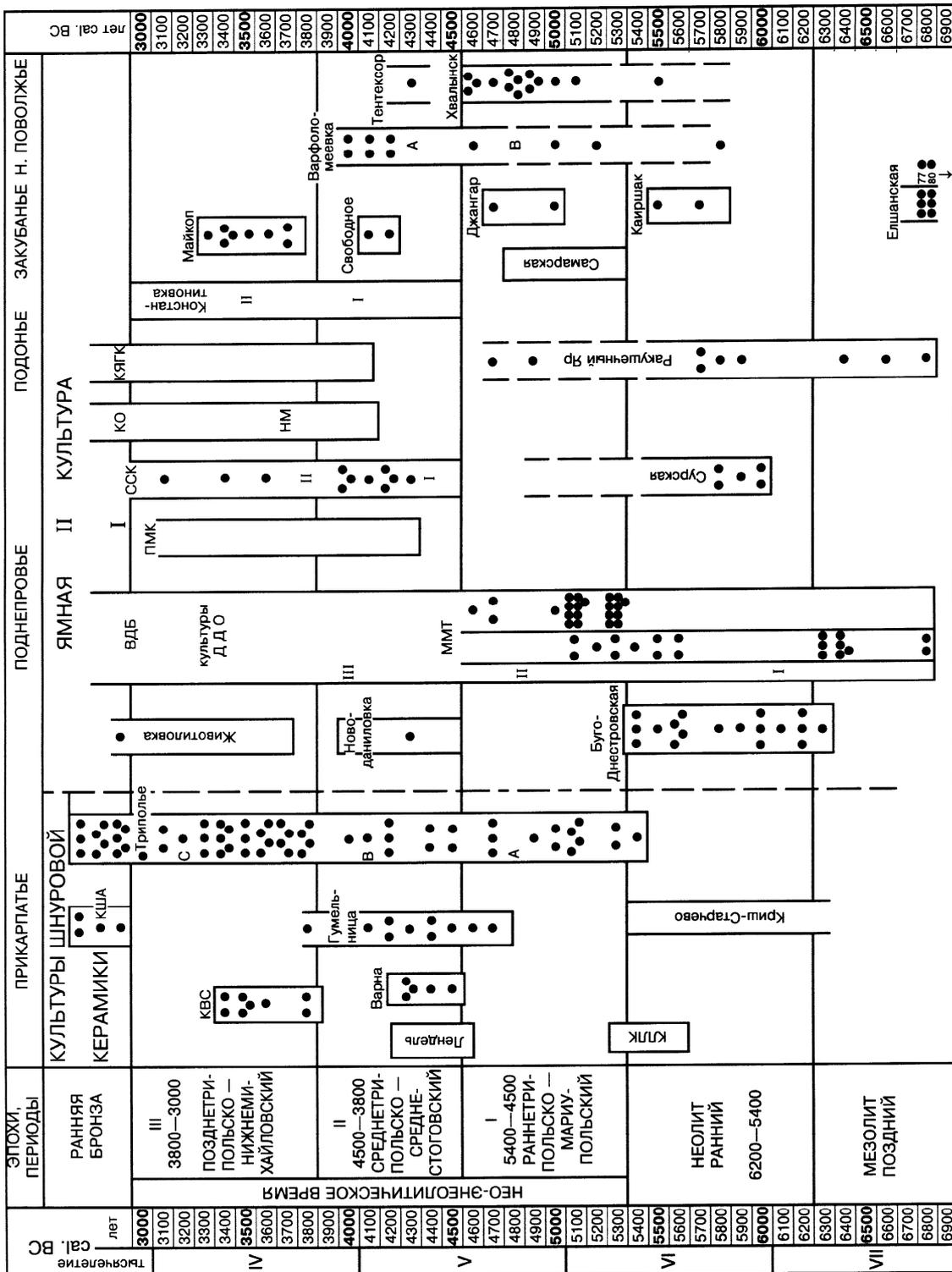

Рис. 1.

Ранняя группа этих могильников (Марьевка, Васильевка 2) относятся к 64 и 63 вв. calBC. Всего таких дат семь (табл. 1, 1, 2). А по одной дате этих могильников, кроме того, опускается в 68 век calBC. Таким образом названные два могильника в целом относятся к финальному мезолитическому периоду — началу раннего неолита рассматриваемого региона.

Для поздней группы ММТ — Никольский, Ясиноватский, Деревский 1, Осиповский, Васильевка 5 — имеется более 50 определений, которые весьма кучно ложатся в пределах 56—50 вв. calBC³. Судя по составу материалов к этой же группе поздних памятников относятся и могильники — Мариупольский, Лысогорский, Вовнигские и многие другие, для которых радиоуглеродных определений пока не проводилось. Таким образом вся поздняя группа ММТ относится уже к первому периоду нео-энеолитической эпохи, о чем будет речь ниже.

Заканчивая рассмотрение вопроса об абсолютном возрасте раннеэнеолитических культур юго-западного региона Восточной Европы, кратко остановимся еще на хронологии пришлых раннеэнеолитических культур — Криш-Старчево и линейно-ленточной керамики. Из-за отсутствия у нас для памятников этих культур радиоуглеродных анализов, в определении их возраста мы обращаемся к исследованиям западных ученых. Так, по заключениям А. Гордсдорфа и Я. Бояджиева, время развития культуры Криш-Старчево определяется периодом около 6000—5500 лет calBC (Gorsdorf, Wojadziev, 1996). А памятники культуры линейно-ленточной керамики, по мнению польских исследователей, помещаются в пределах середины V тыс. до н. э. (Prahistoria ..., 1979).

Таким образом, в свете новых материалов по хронологии исследуемого региона становится обоснованным понятие о раннеэнеолитическом времени, которое датируется в пределах около 6300—5400 лет calBC. Примитивные раннеэнеолитические культуры этого времени сравнительно узкой полосой тянутся от Балкан и нижнего Подунавья, вдоль юга Восточной Европы и до Прикаспия включительно. Это такие культуры как Криш-Старчево, буго-днестровская, сурская, крымская, видимо, ранние памятники ракушечной культуры в устье Дона. По данным нового датирования теперь становится очевидным, что в эту зону раннеэнеолитических культур Восточной Европы включаются и памятники типа Елшанка Нижней Волги и Прикаспия, что ранее только предполагалось на основании типологического анализа их материалов (Телегин, 1988).

Нео-энеолитическая эпоха — 5400—3000 лет calBC

Датирование памятников неолитических и энеолитических культур радиоуглеродным методом с последующей их калибрацией по единой программе позволяет не только определять их возраст, но и говорить о продолжительности развития каждой из них. Так например, носители культур ДДО расселялись на территории Украины и Белоруссии около 2500 лет, трипольцы и среднестоговцы — по 1500 лет.

Как отмечалось уже выше, неолитические и энеолитические культуры юго-запада Восточной Европы развивались в один и тот же период довольно продолжительное время, которое мы называем нео-энеолитическим (НЭВ).

Исходя из новых датировок и учитывая существующие разработки хронологии и периодизации неолитических и энеолитических культур региона, прежде всего, Триполья, ССК и др. (Пассек, 1948; Черныш, 1982; Телегин, 1973), мы приходим к выводу о членении нео-энеолитической эпохи на три периода: I) ранний, который условно можно назвать раннетрипольско-мариупольским (5400—4500 лет calBC); II) средний или среднетрипольско-среднестоговский период (4500—3800 лет calBC) и III) поздний позднетрипольско-нижнемихайловский период (3800—3000 лет calBC). Основным источником для установления таких хронологических рамок трех периодов нео-энеолитической эпохи являются радиоуглеродные датировки, прежде всего для трипольской культуры, которая развивалась в течение всего нео-энеолитического времени от середины VI до начала III тыс. до н. э.

Ниже кратко остановимся на рассмотрении вопроса о составе неолитических и энеолитических культур по каждому из трех периодов НЭВ в регионе наших исследований.

³ Следует заметить, что среди дат для Никольского и Ясиноватского могильников нами ранее были опубликованы и некоторые определения, полученные в Киевской лаборатории давно, которые сейчас нуждаются в уточнении.

I. Раннетрипольско-мариупольский период НЭВ (5400—4500 лет calBC) был временем синхронного развития на смежных территориях памятников Триполья этапа А и ранних культур ДДО, в том числе ММТ позднего этапа развития (Мариуполь, Никольский, Ясиноватка, Деревка и др.) Принадлежность этих культур к данному периоду твердо устанавливается по радиоуглеродным датам, полученным в различных лабораториях Европы и Америки — Киевской, Оксфордской, Берлинской, Калифорнийской и др.

Для раннетрипольского времени имеется около 15 таких определений, которые относятся к 54—45 вв. calBC (табл. 1, 12; рис. 1).

К этому же времени первого периода НЭВ, т. е. раннетрипольско-мариупольскому периоду относятся и указанные выше поздние могильники мариупольского типа. Все они в целом датируются в пределах 56—50 вв. calBC, о чем мы уже говорили выше. И лишь часть погребений Васильевского пятого могильника датируется самым концом раннеэнеолитического периода (рис. 1). Для Никольского, Ясиноватского могильников получено и несколько более поздних дат, относящихся к 47 и 46 вв. calBC. Если они не ошибочны, то возможно сооружение ММТ началось и в это время.

О синхронном развитии Триполья и поздних ММТ свидетельствует и наличие культурных контактов между ними. Речь идет о так называемых керамических импортах, которые проникали от Триполья к племенам ДДО, о чем мы говорили выше.

Заканчивая рассмотрение вопроса хронологии материалов первого раннетрипольско-мариупольского периода НЭВ, следует особо подчеркнуть важное значение полученных дат для ММТ позднего этапа (Никольский, Ясиноватский, Дериевский, Марьевка 5 и др.), которые датируются серединой — второй половиной VI тыс. calBC, что важно не только для определения абсолютного возраста этих памятников, но и при рассмотрении хронологии ряда иных культур. Дело в том, что для могильников этого типа являются характерным, кроме иных признаков, также своеобразный тип так называемой воротничковой керамики с гребенчато-накольчатой орнаментацией, которая присутствует в комплексах многих культур неолита степной зоны от Днепра и до Волги. Среди них можно назвать поселения надпорожской культуры ДДО, позднего этапа ракушечной культуры, среднего (черкасского) этапа среднедонской культуры, самарской культуры в Поволжье и др., которые, исходя из датировок ММТ, также должны теперь относиться к середине — второй половине VI тыс. calBC, а не к IV тыс. до н. э., как это предполагалось до настоящего времени.

Исходя из сказанного выше, теперь, видимо, должен быть углублен и возраст культур так называемой нижневоложской культурной области (Джангар, Тентек-сор, Варфоломеевка, слой Б) (Васильев, Выборнов, 1998), по крайней мере до VI тыс. BC. Такой вывод в известной мере находит подтверждение в наличии одиночных радиоуглеродных определений для этих памятников (Тимофеев, Зайцева, 1997) (табл. 1, 18—22, 24; рис. 1).

II. Среднетрипольско-среднестоговский период НЭВ (4500—3800 лет calBC) характеризуется усложнением этнокультурной обстановки в изучаемом регионе, когда наряду с памятниками Триполья и ДДО, появляются новые энеолитические культуры, в том числе, пришлые из Балкано-Дунайского региона — Лендель, Гумельница и местные, восточноевропейские — среднестоговская, константиновская и постмариупольская. В этом периоде распространялись и погребения колоритной новоданиловской культуры. Примерно в середине этого же периода складывается и нижнемихайловская культура, а на северо-востоке Украины берет свое начало мощный пласт неолитических культур лесных охотников и рыболовов ямочно-гребенчатой керамики.

К сожалению, для решения вопросов хронологии, периодизации и синхронизации культур второго периода НЭВ датировок памятников по ^{14}C получено сравнительно мало. В этом отношении в лучшем положении находятся лишь памятники Триполья этапа В1—В2, среднестоговской и гумельницкой культур, для которых имеется соответственно — 10, 16 и 9 определений. Три даты по ^{14}C недавно получено и Киевской лабораторией для памятников новоданиловского типа.

Трипольские памятники этапа В1—В2 датируются временем 45—38 вв. calBC. Даты для Гумельницы охватывают отрезок времени более узкий, чем для Триполья и сосредотачиваются в рамках 47—41 вв. calBC (табл. 1, 26; рис. 1). Таким образом, трипольские и гумельницкие

племена в самом конце первого и втором периоде НЭВ обитали одновременно на смежных территориях почти полтысячи лет. О синхронности памятников этих культур свидетельствуют не только приведенные датировки по ^{14}C , но и наличие среди их материалов керамических импортов, например, трипольских на гумельницких поселениях, о чем уже обстоятельно писали Л. Субботин (1983. С. 129), Е. Цвек и др.

Картина этнокультурного состава населения на правобережье Украины во втором периоде НЭВ была бы не полной, если бы мы ничего не сказали о еще одной из энеолитических культур этого периода, которая здесь также была пришлой. Речь идет о лендельской культуре, занимавшей значительные территории на Волини рядом с трипольскими памятниками этапа В. Из-за отсутствия для лендельских памятников Украины радиоуглеродных определений, мы привлекаем данные польских исследователей, где эта культура относится ко времени 4600—4100 лет calBC. Такая датировка этой культуры на Украине подтверждается стратиграфическими данными, а также наличием на трипольских поселениях лендельских керамических импортов, как например, на поселении у с. Городница, где был найден лендельский сосуд с белой росписью. Кроме того, известны также случаи перекрытия местонахождений с лендельской керамикой поселениями культуры воронковидных сосудов, которые относятся к третьему периоду НЭВ.

Выше шла речь о хронологии и синхронизации пришлых с запада и юго-запада земледельческо-скотоводческих культурах правобережной части Украины и Молдавии второго периода НЭВ. Далее остановимся на рассмотрении тех же вопросов по отношению к культурам более восточных территорий изучаемого региона — бассейна Днепра, Левобережья Украины и Степного Подонья, носителями которых были автохтонные восточноевропейские племена.

Напомним, что в первом раннетрипольско-мариупольском периоде НЭВ все Поднепровье и Левобережье Украины занимали неолитические культуры ДДО, а степное Подонье — ракушечная культура. Теперь же, с начала второго среднетрипольского-среднестоговского периода, здесь на более южной территории начали расселяться носители энеолитических скотоводческих культур — среднестоговской (ССК), новоданиловской, константиновской, а несколько позже — и нижнемихайловской.

Памятники культур ДДО теперь продолжают развиваться только на более северных территориях лесостепи и полесья — на Киевщине, Волини, Верхнем Поднепровье. Что же касается юга, то здесь в среде надпорожской и отчасти черкасской группы ДДО складываются две новые культуры — постмариупольская и памятники типа Засухи. Первая из них, по мнению исследователей, является прямым перерастанием памятников типа мариупольского могильника (Ковалева, 1964), а вторые сложились в лесостепном левобережье на основе памятников черкасской и донецкой культур ДДО (Телегин, 1985).

Хронология этих культурных явлений изучена слабо. Можно только сказать, что памятники типа Засухи были синхронными со среднестоговскими, что, например, вытекает из совместного залегания керамики засухского и среднестоговского типов в одном (третьем) слое Александровского поселения.

Ориентируясь в культурно-исторической обстановке, можно предполагать, что первые погребения постмариупольской культуры появились в Поднепровье после прекращения развития ММТ, из которых, как мы говорили, они вырастают. По радиоуглеродным определениям возраст позднейших ММТ (Никольский, Лысая Гора) относится к первому периоду нео-энеолитического времени, то есть, по периодизации Триполья — к этапу А — началу В1. Эту же дату можно принимать как начало памятников постмариупольской культуры (ПМК), которые затем бытовали весь второй и третий периоды нео-энеолитической эпохи, то есть до времени С1—С2 Триполья. Об этом свидетельствует наличие в составе инвентаря некоторых погребений ПМК боевых молотов, которые находят аналогию в позднетрипольских погребениях софиевского типа. Примерно на такой же возраст этих памятников указывают и находки при двух погребениях ПМК форм для отливки медных топоров, которые И. Ф. Ковалева (1984. С. 37) сравнивает с такими же изделиями майкопской культуры, датируемой по В. А. Трифонову (1996) около 3700—3200 лет BC. Датированным материалом для погребений ПМК на Правобережье Украины служат и находки при них статуэток так называемого серезлиевского типа позднего Триполья. Зафиксировано много

случаев, где в курганах погребения ПМК были основными, а среди впускных были ямные захоронения. Таким образом, на основании сказанного выше, памятники ПМК могут быть датированы приблизительно 4300—3000 лет BC, то есть до распространения памятников ямной культуры.

Для определения абсолютного возраста ССК в нашем распоряжении имеется около 20 датировок, полученных в Киевской, Оксфордской и Калифорнийской лабораториях; восемь из них относятся к Дереевскому поселению и могильнику-2, которые кучно ложатся в пределах 43—40 вв. calBC. Лишь две даты для Дереевки выпадают из этого ряда: одна из них более ранняя, а вторая — поздняя (табл. 1, 15; рис. 1). В целом Дереевское поселение и могильник при нем существовало около 400 лет и относятся к средней поре второго периода НЭВ. По радиоуглеродным датам оно развивалось одновременно с памятниками этапа В Триполья, что подтверждается также находками в Дереевском и Игреном могильниках трипольских мисочек этапа В—С1 Триполья.

По периодизации ССК Дереевка датируется началом второго периода культуры и занимает промежуточное положение между более ранними поселениями — Стрильча Скеля, Средний Стог 2 и позднеэнеолитическими памятниками — Молухов Бугор и Петровская Балка. Иными словами, памятники типа Стрильча Скеля — Средний Стог 2 соответствуют периоду Триполья В1, а Молухов Бугор, Дереевка должны соответствовать Триполью В2—С. Такое заключение находит подтверждение и в анализе керамических импортов этого времени. Так например, исследователи неоднократно отмечали на трипольских поселениях (Сабатиновка 1, Солончены 2, Друци и др.) находки керамических материалов раннего дошнурового периода ССК (Мовша, 1961; 1998).

Синхронность поселения Молухов Бугор с памятниками позднего Триполья хорошо подтверждается наличием на поселении Ольховец молуховской керамики (Videiko, 1994). О доживании памятников ССК до третьего периода нео-энеолитической эпохи свидетельствуют и полученные в Киевской лаборатории четыре радиоуглеродные даты по костям животных из поселения Петровская Балка в Крыму. Они относятся к периоду от 3400 до 3000 лет BC (табл. 1, 15).

Для определения возраста памятников новоданиловского типа, в составе которых мы рассматриваем идентичную по материалам суворовскую группу, имеется ряд надежных фактов. Это, прежде всего, наличие при новоданиловских погребениях керамики культур, возраст которых хорошо определяется. Это, например, сосуд среднего периода Триполья в Кайнарах (Мовша, Чеботаренко, 1962), гумельницкого сосуда в Джурджулешти, амфоры при Новоданиловском погребении. Последняя находит прямую аналогию в материалах поселения Свободное в Закубань, которое по радиоуглероду датируется в пределах 43—42 вв. calBC (Кореневский, 2000) (табл. 1, 18; рис. 1).

Примерно таким же временем или немного раньше датируются и верхние новоданиловские погребения Мариупольского могильника. В основном же возраст погребений новоданиловского типа определяется по находкам при них конеголовых скипетров, которые обнаружены также и на поселениях Кукутени А, АВ, Салькуца 4 и др., которые датируются по радиоуглероду примерно в пределах 4500—3700 лет BC (Телегин, 1999).

Изучение вопроса абсолютного возраста константиновской культуры в значительной мере увязывается с анализом этой проблематики для ССК, поскольку эти две культуры по существу составляют среднестоговско-константиновскую общность. Автор раскопок Константиновского поселения В. Я. Кияшко (1994) по типологическим особенностям его материалов синхронизирует этот памятник с Дереевкой, что видимо, не лишено оснований. Для определения возраста Константиновки имеет также значение наличие здесь около 10 % красноглиняной керамики майкопской технологии, что позволяет датировать его по майкопской хронологии в пределах 3700—3200 лет BC (Трифонов, 1996).

Материалы константиновской культуры сравнительно хорошо представлены на многослойном поселении Раздорское 1 (Кияшко, 1994), где они залегали в V-а и VI слоях и перекрывали, по определению автора раскопок, новоданиловский слой. А сверху вся эта свита горизонтов перекрывалась слоем репинской культуры.

Выше мы говорили о том, что в середине второго периода НЭВ в исследуемом регионе появляются памятники еще двух культур — нижнемихайловской медного века и неолитических культур ямочно-гребенчатой керамики. Об их хронологии мы скажем в разделе, посвященном третьему периоду НЭВ, в течение которого они продолжают развиваться.

В заключение рассмотрения вопросов хронологии культур второго периода необходимо еще кратко остановиться на проблеме определения возраста известной в науке хвалынской культуры медного века. Дело в том, что по устоявшимся среди специалистов представлениям, она датировалась IV тыс. до н. э. (Васильев, 1981). Это, однако, сейчас совершенно не согласуется с радиоуглеродными данными, которые получены в шести различных лабораториях. Всего для хвалынской культуры таких определений сделано более двадцати. Причем около десяти из них весьма кучно ложатся в пределах 51—46 вв. calBC, т. е. относятся к первой половине V тыс. calBC, что, очевидно, следует считать абсолютным возрастом хвалынской культуры (табл. 1, 24; рис. 1). С таким удревнением хвалынской культуры возникает по крайней мере два трудно разрешимых обстоятельства. Это, во-первых, решение проблемы ее участия в сложении ямной культуры, что признается многими исследователями (Н. Я. Мерперт, И. Б. Васильев, Д. Я. Телегин) и, во-вторых, правомочность понятия «среднестоговско-хвалынская общность», что встречается в специальной литературе. Как в первом, так и во втором случаях такой постановке вопроса противоречит факт значительного хронологического отрыва хвалынской культуры не только ямных, но и от среднестоговских памятников (рис. 1). Видимо, проблему абсолютного возраста хвалынской культуры пока надо считать открытой.

III. Позднетрипольско-нижнемихайловский период НЭВ (3800—3000 лет calBC) по этнокультурному составу населения мало чем отличается от предыдущего второго периода. Теперь, как и ранее, здесь продолжали развиваться памятники трипольской и нижнемихайловской культур, а также — среднестоговской, константиновской и постмариупольской. На более северных территориях региона по-прежнему бытовали памятники неолитических культур ДДО и ямочно-гребенчатой керамики. Новым для третьего периода было лишь появление в северо-западных районах Украины двух культур медного века — воронковидных сосудов и шаровидных амфор, а также возникновение на Нижнем Днепре и степном левобережье синкретических памятников так называемого животиловского типа.

Рассмотрение данных по датировке материалов культур, как и в предыдущих разделах этой работы, начнем с трипольских памятников позднего периода их развития. Всего для них получено около 40 радиоуглеродных определений, которые полностью ложатся в пределах 37 и 27 вв. calBC (табл. 1, 12; рис. 1). Таким образом, позднейшие памятники трипольской культуры бытовали около десяти веков и некоторые из них — Красный хутор, Софиевка и др., формально уже относятся к началу ранней бронзы.

В последнее время опубликовано значительное количество радиоуглеродных определений возраста памятников культур воронковидных сосудов и шаровидных амфор. Такие даты, в первом случае, получены по материалам поселений Грудек Надбужный, Чмелев, Броновичице и др. — всего более 50 определений (Щибор, 1994). Для первых двух из названных пунктов они довольно кучно размещаются в пределах 38—34 вв. calBC (табл. 1, 13; рис. 1).

Для памятников культуры шаровидных амфор Подолии и Вольни имеется 8 радиоуглеродных дат (Szymyt, 1998), полученных в Киевской лаборатории по материалам из пунктов Товпизин, Иванье, Довгое и др. В целом они располагаются в пределах 29—25 вв. calBC (табл. 1, 14; рис. 1).

Абсолютный возраст нижнемихайловской культуры, для которой радиоуглеродные дат пока нет, определяется путем изучения керамических импортов, в частности, наличием в нижнем слое Михайловки определенного процента черепков типа Деревки (Лагодовская, Шапошникова, Макаревич, 1962. С. 8), которые датируются средним периодом нео-энеолитического времени или, по трипольской хронологической шкале, это примерно время конца этапа В1 — начала В2. Вторым шнуровым периодом ССК датируются и находки нижнемихайловской керамики в раннем слое поселения Ливенцовка 1 на Нижнем Дону, где обнаружены среднестоговские черепки со шнуровым орнаментом (Братченко, 1969). Исходя из этих фактов, нижнемихайловская керамика раннего периода может быть датирована серединой второго периода нео-энеолитического времени. Но в целом ее развитие продолжалось в третьем периоде, о чем свидетельствуют находки на некоторых нижнемихайловских поселениях (Баратовка) позднетрипольских статуэток серезлиевского типа (Дергачев, Манзура, 1991. С. 14, 214). Таким образом, нижнемихайловская культура в целом может быть датирована второй половиной второго и

третьим периодом нео-энеолитического времени или где-то в пределах 4200—2700 лет BC. На рубеже IV—III тыс. до н. э. она перерастает в кеми-обинскую культуру ранней бронзы.

К третьему периоду нео-энеолитического времени Азово-Черноморского региона относятся и группа погребений с синкретическими материалами, которую называют по-разному — животиловская, серезлиевская, днепро-бугская и др. Происхождение этих памятников связывают с проникновением в среду степных культур трипольских и майкопских влияний. Здесь же в доямное время появляются и подкурганные захоронения в катакомбах, скорченные на боку, с сосудами особой формы и др. Системное рассмотрение этих материалов требует, однако, новых источников, в том числе, и радиоуглеродных датировок.

Вопрос о хронологии неолитических культур ДДО и ямочно-гребенчатой керамики, для которых, как и для нижнемихайловской культуры, дат по ^{14}C нет, решается, в основном, исходя из данных о контактах между их носителями и соседними племенами.

Для культур более северной территории ДДО такие контакты устанавливаются по наличию на днепро-донецких поселениях трипольских керамических импортов, в том числе этапа Триполье С1. Они отмечены, например, на поселении киевской группы Пустневка 5 (Телегин, 1968. С. 194), Лукомье на Суле и др. О сосуществовании поздних памятников свидетельствуют и раскопки В. А. Круца (1977. С. 64) Чапаевского могильника под Киевом, где обнаружено более 30 вытянутых на спине погребений, подобных мариупольским, но в сопровождении сосудов и статуэтки этапа С1 Триполья. Сосуд чапаевского типа найден также у с. Солошино Кобеляцкого р-на на Полтавщине, где имеется и поселение ДДО.

Позднейшие памятники культур ДДО, которые В. Ф. Исаенко (1976) относит к четвертому периоду развития, вместе с родственными культурами — неманской и так называемой гжебыковой керамики Польши, как отмечалось выше, образуют один висло-днепровский блок памятников гребенчато-накольчатой керамики (ВДБ). Они продолжали развиваться и далее одновременно со шнуровиками, а затем приняли участие в сложении тшинецкой культуры средней бронзы (Telegin, 1999).

Некоторые достоверные данные имеются и для определения абсолютного возраста культуры ямочно-гребенчатой керамики северо-запада Украины. Об этом свидетельствуют, например, находки в Деревивке типичной ямочно-гребенчатой керамики, которая, однако, изготовлена с примесью в тесте толченых раковин, то есть, по среднестоговской технологии (Телегин, 1973. С. 56). Этот факт безусловно проливает определенный свет на хронологию культур ямочно-гребенчатой керамики, ранние звенья которой следует датировать серединой второго периода НЭВ, т. е. около 4000 лет calBC. Известны и другие данные для датировки культур ямочно-гребенчатой керамики, например, находки в комплексах этих культур трипольских керамических импортов. На поселении Лизогубовка найден развал трипольской керамической крышки, которая датируется этапом В2 (Неприна, Беляев, 1974. С. 142). находка трипольского красноглиняного сосуда этапа В2 была сделана в культурном слое поселения Гришевка на Черниговщине.

Развивались затем памятники с ямочно-гребенчатой керамикой до конца НЭВ, когда они, по мнению ученых, в начале эпохи бронзы перерастают в ранние памятники так называемой марьяновской культуры (см. Археология УССР, 1985. С. 186).

Сходные процессы смены поздних энеолитических памятников культурами бронзы в это же время происходят и на более южных территориях Поднепровья, левобережья и Подонья, где распространяются памятники ямной культуры. Древнейшие из них в регионе, типа Кременевки-Волонтеровки датируются самым концом IV тыс. calBC. Сложившаяся в результате дальнейшего развития ССК и других культур (Телегин, 1998) ямная культура теперь перекрывает район распространения памятников константиновской, постмариупольской культур и животиловского типа. Нижнемихайловская культура где-то в это же время перерастает, как отмечалось выше, в кеми-обинскую культуру эпохи ранней бронзы.

Подводя общий итог сказанному выше по изучению хронологии неолитических и энеолитических культур юго-запада Восточной Европы, можно прийти к выводу, что переход от мезолита к неолиту произошел здесь по радиоуглеродным калиброванным датам еще в второй половине VII тыс. BC, когда в регионе складываются первые неолитические культуры — буго-

днепровская, сурская, ракушечноярская и др. В середине VI—V тыс. ВС здесь появляются энеолитические культуры, первая среди них — трипольская, а затем — среднестоговская, нижнемихайловская, новоданиловская и др., которые продолжительное время развивались одновременно с поздними неолитическими культурами днепро-донецкой общности, ямочно-гребенчатой керамики и др., а на рубеже IV—III тыс. ВС их всех сменяют культуры ранней бронзы — ямная, шнуровой керамики и др.

Таким образом, время от конца мезолита (около 6300 лет ВС) до начала бронзы (3000 лет ВС) может быть разделено на две неравновеликие эпохи — более раннюю, неолитическую или точнее раннеолитическую (6300—5400 лет ВС) и эпоху сосуществования позднеолитических и энеолитических культур (5400—3000 лет ВС), которую мы условно назвали нео-энеолитической. Нео-энеолитическая эпоха или время (НЭВ) в свою очередь делится на три периода (рис. 1): I) ранний раннетрипольско-мариупольский (5400—4500 лет ВС); II) средний среднетрипольско-среднестоговский (4500—3800 лет ВС); III) позднеотрипольско-нижнемихайловский (3800—3000 лет calBC).

Рассмотрение вопросов хронологии и периодизации неолитических и энеолитических культур юго-запада Восточной Европы, проведенное на довольно солидной базе радиоуглеродных датировок, позволяет более обосновано проводить хронологические сопоставления культур этого региона и смежных территорий как более западных областей Европы — Гумельница, Варна и др., так и юго-восточных — Свободное, Майкоп. Эти данные, как нам кажется, в известной мере проливают свет и на проблему хронологии культур неолита и энеолита и на смежных территориях междуречья Дона и Волги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археология УССР*. Т. 1. Киев, 1985.
- Белановская Т. Д.* Из древнейшего прошлого Нижнего Подонья. СПб, 1995.
- Братченко С. Н.* Багатошарове поселення Лівенцівка 1 на Дону // *Археологія*. № 22. 1969.
- Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев, 1981.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А.* Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.
- Гей А. Н.* Самсоновское многослойное поселение на Дону // *СА*. № 3. 1979.
- Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969.
- Дергачев В. А., Манзура И. В.* Погребальные комплексы Триполья. Кишинев, 1991.
- Добровольський А. В.* Звіт про археологічні дослідження на території Дніпростану року 1929 // *Збірник Дніпровського музею*. 1. Дніпропетровськ, 1929.
- Исаенко В. Ф.* Неолит припятского Полесья. Минск, 1976.
- Кияшко В. Я.* Между камнем и бронзой: Нижнее Подонье в V—III тыс. до н. э. Азов, 1994.
- Ковалева И. Ф.* Север степного Поднепровья в энеолите и бронзовом веке. Днепропетровск, 1984.
- Ковалева И. Ф.* Этнокультурная ситуация в северном Приднепровье IV — первой половины III тыс. до н. э. // *Етнічна історія та культура населення степу та лісостепу Євразії (від кам'яного віку по ранні середньовіччя): Матеріали міжнародної археологічної конференції*. Дніпропетровськ, 1999.
- Корневский С. Н.* Проблемы изучения памятников эпохи раннего бронзового века северного Кавказа на современном этапе // *XXI Крупновские чтения*. Кисловодск, 2000.
- Круц В. А.* Позднеотрипольские памятники Среднего Поднепровья. Киев, 1977.
- Лагодовська О. Ф., Шапошнікова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Київ, 1962.
- Макаренко М.* Маріупільський могильник. Київ, 1933.
- Мовша Т. Г.* Взаємовідношення трипільського населення середнього Подніпров'я пам'ятками степових культур. Переяслав Хмельницький, 1998.
- Мовша Т. Г.* К проблеме взаимодействия древних земледельцев трипольско-кукутенской общности с поселениями культур Понтийской степи. *Zabores pariunt honores*. Днепропетровск, 2000.
- Мовша Т. Г.* О связях трипольской культуры со степными племенами медного века // *СА*, № 2. 1961.
- Мовша Т. Г., Чеботаренко Г. Ф.* Энеолитическое курганное погребение у ст. Кайнары в Молдове // *КСИА*. Вып. 115. 1969.
- Неолит Северной Евразии*. Под ред. С. В. Ошибкиной. М., 1996.
- Неприна В. И., Беляев А. С.* Поселение и могильник новой неолитической культуры на Севере Украины // *СА*. № 2. 1974.

- Нечитайло А. Л.* Новоданиловские памятники в системе энеолитических культур юга Восточной Европы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1998.
- Пассек Т. С.* Периодизация трипольских поселений / МИА. № 10. 1949.
- Потехина И. Д.* Население Украины в эпоху неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев, 1999.
- Субботин Л. В.* Памятники культуры Гумельница юго-западной Украины. Киев, 1983.
- Телегин Д. Я.* Области культур эпохи неолита юга Европейской части СССР, их хронология и периодизация // Археологические памятники Поднепровья в системе древних культур. Днепропетровск, 1988.
- Телегин Д. Я.* О сложении ямной культуры по данным анализа керамики // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1998.
- Телегин Д. Я.* К вопросу о скелянской, квитянской, стоговской и других культурах медного века Азово-Черноморского региона Украины // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения И. В. Сеницына. Саратов-Энгельс, 2000а.
- Телегин Д. Я.* К вопросу о типологии, хронологии и культурной принадлежности скипетров медного века Юго-Восточной и Восточной Европы // РА № 3. 2000.
- Телегин Д. Я.* Праสлавяне и их этнокультурное окружение в нео-энеолитическое время IV—III тыс. до н. э. // Od neolityzacji doroczątków epoki brązu. Poznań, 2001.
- Телегин Д. Я., Титова Е. Н.* Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита. Киев, 1998.
- Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин Д. Я.* Средньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973.
- Телегин Д. Я.* Про енеолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжжя // Археологія. № 36. 1981.
- Телегин Д. Я.* Кераміка типу Засухи неоліту — раннього енеоліту у лісостеповому Лівобережжі України // Археологія. № 64. 1985.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* К проблеме радиоуглеродной хронологии неолита степной и юга лесной зоны Европейской части России и Сибири // Радиоуглерод и археология. Вып. 2. СПб, 1997.
- Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой: Кавказ в IV—III тыс. до н. э. 1996.
- Черныш Е. К.* Энеолит Правобережной Украины и Молдавии // Энеолит СССР. М., 1982.
- Щибор І.* Культурні пізнього трипілья і лійчастого посуду на Волині // Археологія. № 4. 1994.
- Энеолит СССР.* Под ред. В. М. Массона, Н. Я. Мерперта. Археология СССР. М., 1982.
- Яровой Е. В.* Скотоводческое население северо-западного Причерноморья раннего металла / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2000.
- Dergachev V. A.* Cultural-historical dialogue between the Balkans and Eastern Europe (Neolithic — Eneolithic) // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge, 1999.
- Gimbutas M.* The first wave of Eurasian steppe pastoralists into Copper Age Europe // Journal of Indo-European Studies. No. 5. 1997.
- Görsdorf J., Bojadziev J.* Zum absoluten Chronologie der bulgarischen Urgeschichte. // Eurasia Antiqua. No. 2. Berlin, 1996.
- Prahistoria ziem polskich.* Tom II. 1979.
- Rassamakin Y. Y.* The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500—2300 BC // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. Cambridge, 1999.
- Szmit M.* Radiocarbon Chronology of «akkiembetsky kurgan» // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3130—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7. Poznań, 1999.
- Szmyt M.* Die Kugelamphorenkultur und die Gemeinschaften der Steppenwald-und Steppenzone Osteuropas. Der Forschungsstand und die Forschungsperspektiven im Grundriß // Das Karpatenbecken und die Osteuropäische steppe. München, 1998.
- Telegin D. Y.* Dniepru jako pogranicze zachodnioeuropejskich (balkansko-centralnoeuropejskich) i wschodnioeuropejskich wspólnot etniczno-kulturowych w neolicie i eneolicie (V—III tysiąclecie p. n. e.) // Folia praistorica posnaniensia. Poznań, 1999.
- Telegin D. Y., Potekhina I. D., Kovaliukh M. M., Lillie M.* Chronology of Mariupol Type Cemeteries and Division of Neolithic Cultures into Periods in Ukraine // Radiocarbon and Archaeology. No. 1. Saint Petersburg, 2000.
- Videiko M. Y.* Tripole — pastorals contacts. Facts and character of the interactions 4800—3200 BC // Baltic-Pontic Studies. Vol. 5. Poznań, 1994.
- Weninger B.* High-precision calibration of archaeological radiocarbon dates // Acta Interdisciplinaria Archaeologica. IV. Nitra, 1986.

RETHINKING THE NEOLITHIC IN THE DNEIPER RAPIDS REGION OF UKRAINE: IMPLICATIONS FOR CHRONOLOGY, MATERIAL CULTURE AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENTS

Recent research by Lillie (1996; 1998a; 1998b; Lillie, Zvelebil, 1999; Lillie, Richards, 2000; Telegin et al., 2000) has highlighted considerable inconsistencies in the traditional Ukrainian Neolithic chronology as developed by Telegin (1987). This earlier work, developed on the basis of limited radiocarbon determinations and a reliance upon typological seriation with adjacent “farming” culture groups such as Tripolie, has been shown to be fundamental “flawed” (e. g. Lillie, 1998a; 1998b). Initially, the work of Jacobs (1993; 1994) indicated the existence of inconsistencies not only in the dating of cemeteries such as Vasilyevka III & II, but also in the criteria by which a cemetery was afforded either Mesolithic or Neolithic periodisation.

The key question that this work raised was the applicability of Telegin’s (Телегин, 1968) and Telegin and Potekhina’s (1987) use of extended burials to characterise “Neolithic” burials. In effect, the new dating indicated that extended burials existed from what is essentially an Epipalaeolithic context at Vasilyevka III, flourishing into the later Mesolithic at Vasilyevka II. The latter site has been dated to 7300—6220 calBC. This dating clearly contradicts that of Telegin (1987) who had placed this cemetery in stage A of his chronological scheme for the development of the Mariupol-type cemeteries.

Significantly, new radiocarbon determinations obtained from the site of Marievka, which placed this cemetery at 7036—6060 calBC, appear to confirm an earlier, i.e., later Mesolithic age for the onset of the Mariupol-type cemeteries. The significance of these observations is that the earlier typological analyses had failed to produce a realistic chronological outline for the earliest stage of cemetery development (Lillie, 1998a). The more accurate typological seriations relate to those sites that are later in the sequence.

It should be noted that the new chronological development extends the chronological span of the Mariupol-type cemetery sequence from *c.* 7300 calBC through to *c.* 3500 calBC. This new periodisation encompasses a number of socio-economic transformations in the development of the Ukrainian populations. Amongst these developments are population migrations (Potekhina, 1992; 1995; 1998), the integration of domesticated animal species to the resource spectrum, and the adoption of pottery (Telegin, Potekhina, 1987), and later in their evolution, the integration of stone axes and “status-related” objects (*cf.* Anthony, 1994).

In terms of diet, new stable isotope analyses (Lillie, Richards, 2000) alongside more traditional palaeopathological dietary indicators (Lillie, 1996; 1998b) have reinforced the fact that these populations consumed protein-dominated diets. As noted by Telegin (1987) and Telegin and Potekhina (1987), fish was an important component of this economy. The work of Lillie and Richards (2000) has shown that while fish were clearly an important element of the foods consumed by these populations, there is sufficient evidence to suggest that individual access to resources varied considerably. This new (and on-going) research has indicated that males and females are clearly exhibiting variability in the levels of plant, fish and animal proteins that they consumed.

Introduction

The Dnieper Rapids region of Ukraine (fig. 1) contains a significant number of cemeteries from both the Mesolithic and Neolithic periods (Гохман, 1966; Konduktorova, 1974; Telegin, Potekhina, 1987). The large number of interments that are often found in these cemeteries coupled with evidence for prolonged usage makes these monuments fundamental to our understanding of culture developments across both periods.

In scope, the current research continues the process of revision of the geographical prejudice that has occurred in the study of hunter-gatherer adaptations in the temperate zone of Europe (*cf.* Zvelebil, 1986). This process of revision arose as a result of a growing awareness of an East-West dichotomy between the type of pathological markers recorded on archaeological human skeletons, and also due to the limited availability of eastern European research material that is published in western

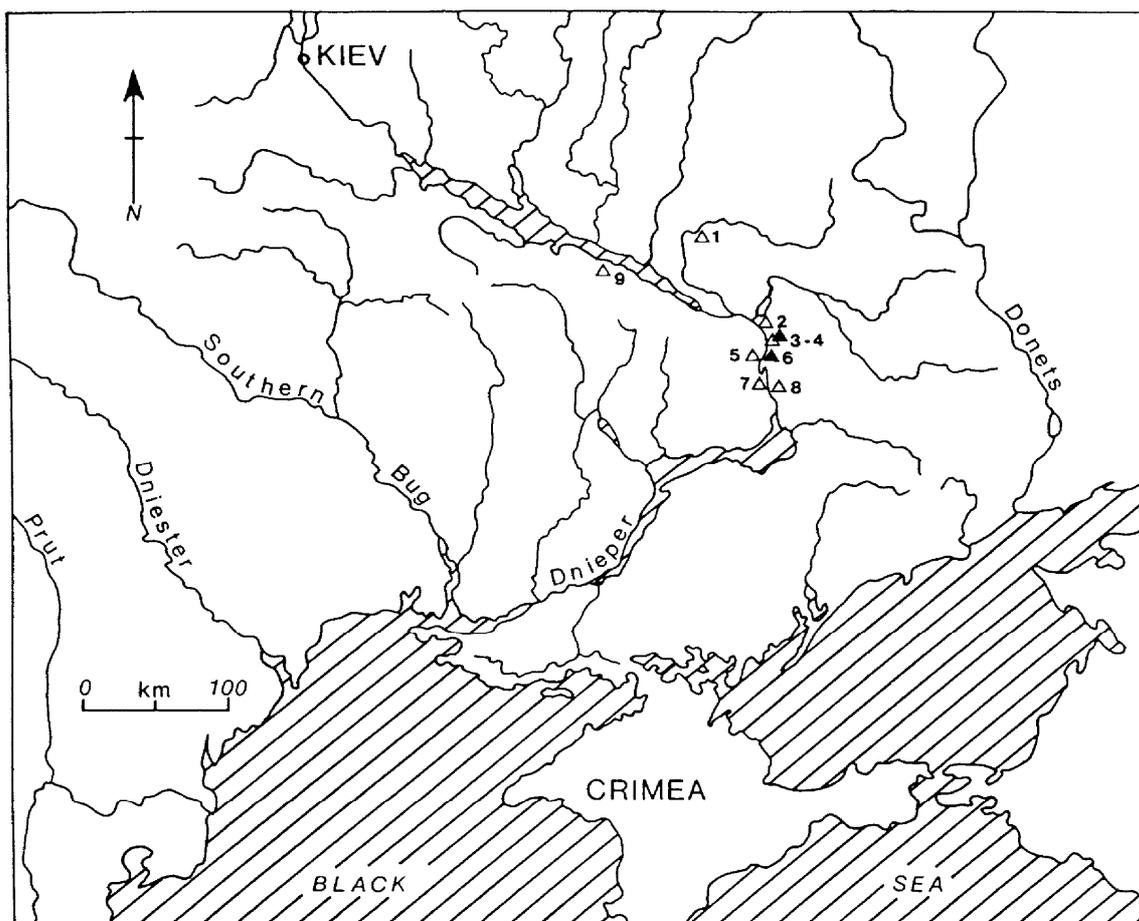

Fig. 1. The Dnieper Rapids region, showing location of key cemeteries discussed in text: 1 — Osipovka; 2 — Igren VIII; 3 — Vasilyevka V; 4 — Vasilyevka III and II; 5 — Nikolskoye; 6 — Marievka; 7 — Vovnigi II; 8 — Yasinovatka; 9 — Dereivka I and II. ▲ — Mesolithic; △ — Neolithic.

languages (Meiklejohn, Zvelebil, 1991). The latter situation was essentially created by the post-war historical context of eastern Europe and is gradually being redressed in the post-Soviet academic system (Tishkov, 1993).

In Ukraine, various Mesolithic hunter-gatherer groups are believed to represent the continuation of the Epipalaeolithic groups that occupied the region as reindeer hunters, moving across from the south and west in order to exploit the area (Zvelebil, Dolukhanov, 1991; Kozłowski, 1989). The paucity of absolute dates and homogenous assemblages available for study has limited research into both the Mesolithic and Neolithic periods (Kozłowski, 1989. P. 425). Indeed, Dolukhanov (1984. P. 319) estimates that around 90 % of the recognised Mesolithic sites of the region have not been radiocarbon dated, with the majority of age estimates being based purely on typological considerations. In 1982 Telegin reported that around three hundred Mesolithic sites were known from Ukraine, including settlements with the remains of dwellings (e. g. layer 3B at Igren VIII), the cave sites of Crimea, cemeteries such as Vasilyevka I and III and Voloshkoe, and numerous superficial camps (Телегин, 1982. С. 236).

It has recently been realised that the seriation of the Ukrainian Mesolithic and Neolithic as developed by Telegin (Телегин, 1966; Telegin, 1987) and Telegin and Potekhina (1987) was fundamentally flawed due to a reliance upon artefact typology in chronology building. This has subsequently led to the identification of certain cemeteries being of Mesolithic as opposed to Neolithic age (Jacobs 1993; 1994; Lillie, 1998a; 1998b). The resolving of this chronological problem was clearly fundamental to any research which sought to investigate the nature of dental and cranial pathology across the Mesolithic-Neolithic periods in this region (Lillie, 1996; 1998a; 1998b; Lillie, Zvelebil, 1999).

In fact, the lacuna in terms of absolute dating clearly had further implications for the artefactual as well as anthropological data relating to both the Mesolithic and Neolithic periods (Lillie, 1998b). It was moreover apparent, upon a cursory examination of the available evidence, that Ukrainian researchers had apparently failed to meet one of their own diagnostic criterion for designating sites as Neolithic, this being that there was pottery in a site assemblage. A number of the key “Neolithic” cemeteries, such as Vasilyevka II and Marievka, and the primary stages of interment at Yasinovatka, had no pottery in association, and other cemeteries such as Osipovka and Vovnigi II only had a couple of pottery sherds within the cemetery area. In addition, the excavators were in fact unsure of their actual relationship to the burials. Also, artefactual associations that were originally considered problematic in a Neolithic context (Telegin, Potekhina, 1987. P. 117—132), e. g. at Vasilyevka V and stage-A at Yasinovatka, have now been shown to conform to the traditional seriation as a result of the new radiocarbon chronology and their periodisation to an earlier (broadly Neolithic) chronological position (Lillie, 1998a. P. 187; 1998b. P. 304).

Traditionally Telegin (Телегін, 1982) viewed crouched inhumations as representing a Mesolithic burial rite, with extended inhumation representing Neolithic burial practices. As such, a number of the earlier “Mesolithic” cemeteries, with supposedly later interments, such as Vasilyevka III (fig. 2), were used to define the development from earlier Holocene hunter-gatherers through to later Neolithic pastoralists in this region. The combination of the appearance of pottery and the shift from crouched to extended inhumation burial was used to designate the appearance of fully “Neolithic” culture groups. However, at sites such as Vasilyevka II and Marievka, where the lithic industries retained a Mesolithic character, but burial was in the extended position, a proto-Neolithic designation was applied (Telegin, 1987). In general then, the sequence of burial rituals was interpreted as developing from crouched inhumations in the Mesolithic through to Neolithic extended burials, a shift which provided one of the key defining characteristics of the “so-called” Neolithic period.

The preliminary radiocarbon dating of these cemeteries indicated that the crouched and extended inhumations were in fact wholly a Mesolithic, and even an Epipalaeolithic phenomenon (Jacobs, 1993). Radiocarbon dating of extended and crouched inhumations at the cemetery of Vasilyevka III has shown that these burials all date to the period *c.* 10,000—9000 calBC (Jacobs, 1993). Similarly, the dates obtained on the earliest “Neolithic” cemeteries in Telegin’s (1987) sequence indicated that these extended burials were in fact of later Mesolithic date at 7000—6000 calBC, at sites such as Vasilyevka II and Marievka (Jacobs, 1993; Lillie, 1998a; Telegin et al., 2000). In addition, some of the burials in the cemetery of Osipovka, all of which were in the extended position, occur at 6500 BC and subsequently at 5500 BC in a cemetery that was traditionally placed at 4300 calBC in the Neolithic chronology (*cf.* Telegin, 1987; Telegin, Potekhina, 1987; Telegin et al., 2000). The radiocarbon determinations used in this discussion are in certain cases supplemented by recently published dates from the Kiev conventional radiocarbon facility (*cf.* Telegin et al., 2000).

Interestingly, this late Mesolithic chronological position for Vasilyevka II and Marievka now indicates that the population migrations suggested by Potekhina (1998; Telegin, Potekhina, 1987), as having occurred in the earlier Neolithic, are in effect also a late Mesolithic phenomenon. Therefore, on the basis of the revised chronology, Potekhina’s later Mesolithic “robust individuals” termed northern Europoid-type, are interacting with more gracile Mediterranean-types at a date that significantly precedes the “traditional” Mesolithic-Neolithic transition. Further support for these initial changes in the anthropological composition of the Dnieper populations is perhaps provided by the identification of “unique” artefact types such as the bone arm rings from Vasilyevka II which are now dated to the period 7000—6000 BC.

The fact that extended inhumation remains the dominant burial mode throughout the Neolithic period, occurring until after 4800 BC at the cemetery of Yasinovatka, and after 4000 BC at Nikol'skoye, reinforces the suggestion that the later Mesolithic population changes are significant in the historical trajectory of these populations, continuing across the period 7000—3500 BC.

On the basis of the new radiocarbon evidence it is apparent that the key shifts in burial ritual occur between the Epipalaeolithic and later Mesolithic periods, as opposed to being at the Neolithic transition, and that extended burials were dominating the burial ritual by 7000—6000 BC. As such, this

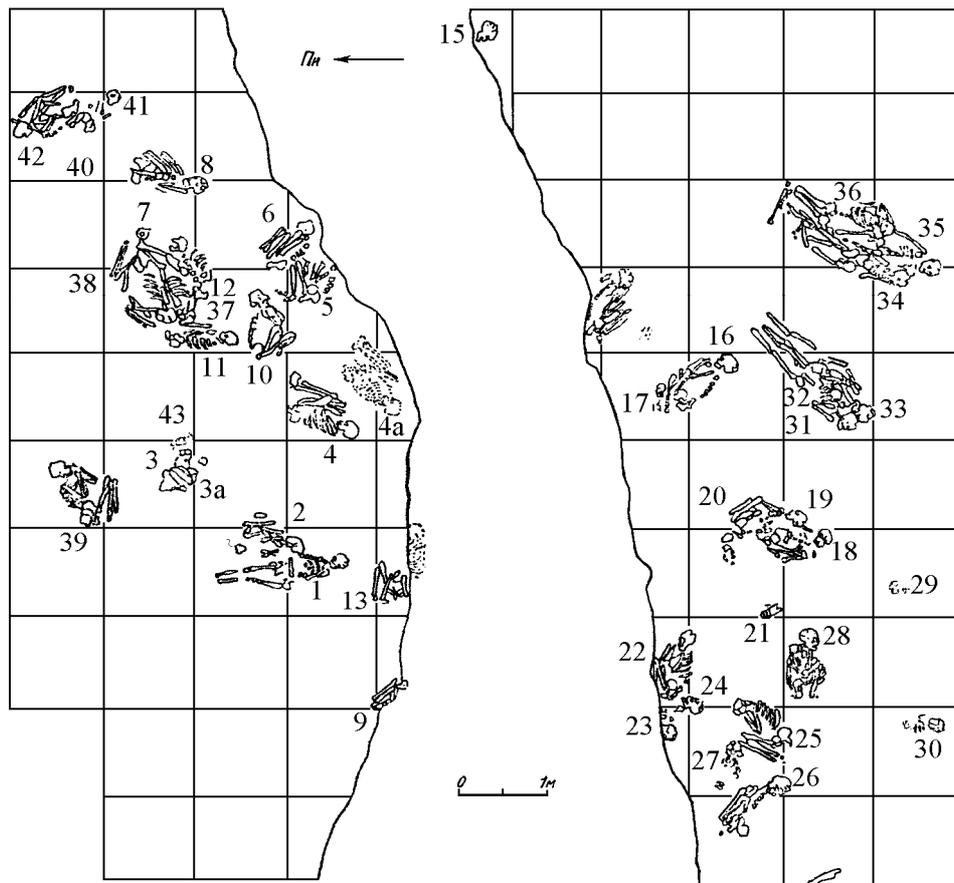

Fig. 2. Vasilyevka III (Redrawn from Телегін, 1982).

particular characteristic can no longer be used to define the shift from the Mesolithic to Neolithic periods. In order to further refine the transition from Mesolithic to Neolithic societies, and attempt to identify significant dietary shifts, stable isotope studies were undertaken on a number of individuals from the cemeteries of this region (*cf.* Lillie, Richards, 2000).

Stable Isotope analyses of diet

Recent research into the nature of diet across the traditional Mesolithic-Neolithic transition in Ukraine (Lillie, 1998a; Lillie, Richards, 2000) has suggested that proteins, and fish in particular, formed a significant part of the subsistence economy. This hypothesis is supported by the location of numerous, large, early to mid-Holocene cemeteries on the high loess terraces of the major rivers such as the Pripyat and Dnieper. In addition, the inclusion of fish tooth pendants in the burial inventories, and other artefactual evidence, such as finds of bone used as harpoons, fish-hooks and net sinkers (Telegin, Potekhina, 1987), all attest the role of fishing in the economy of the populations that exploited the Nadporozhe region. Telegin (1987) has often emphasised the role of fishing in this region, and reports that the Dnieper, prior to the construction of six major reservoirs along its course, was resource-rich in terms of such freshwater species as carp and pearl roach.

At present there is a lack of associated isotopic values for faunal remains from the Dnieper cemeteries, but the analyses carried out by O'Connell et al. (2000) have produced signatures from remains recovered at Neolithic to early Bronze Age deposits in the territory of Ukraine. O'Connell et al. (2000, P. 303) note that on the basis of artefactual and faunal data "it is almost universally assumed that on the central Eurasian steppe large mammals were the most important food resource". However, areas such as the Djerdap Iron Gates (Bonsall et al., 1997) have been shown, from the isotopic evidence, to have Mesolithic resource procurement strategies that are based on the exploitation of aquatic/riverine resources.

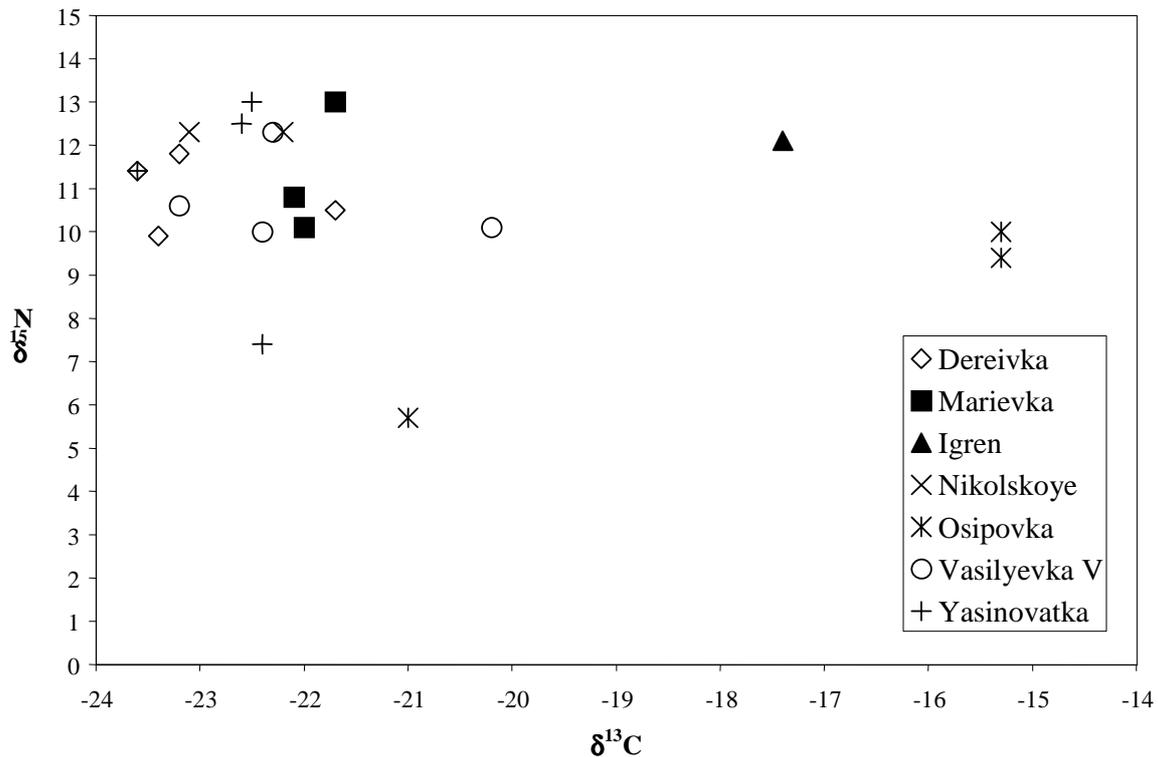

Fig. 3. Human collagen $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values from the Dnieper Rapids cemeteries.

In the Iron Gates region there is a significant shift towards a more broadly-based economy, supplemented by a much greater degree of terrestrial resources at *c.* 7600—7300 uncal BP. It is now apparent that an emphasis on fish resources clearly characterised the exploitation strategies of these populations, but by no means should we conclude that this is the dietary spectrum in its entirety in the same way that large animals were considered previously. While fish is an important food resource in central Eurasia across the Neolithic to Iron Age periods, a broad range of aquatic resources in addition to fish was being exploited (O’Connell et al., 2000. P. 307).

The paucity of reliable information relating to past dietary regimes in the Dnieper region of Ukraine has necessitated a reliance on stable isotope and dental pathology, in order to provide a realistic assessment of the foods consumed across the *Mesolithic* to *Neolithic* periods (*cf.* Bonsall et al., 1997; Iacumin et al., 1998; Keegan, 1989; Lillie, Richards, 2000; Lubell et al., 1994; McGovern-Wilson, Quinn, 1996; Pate, 1997; Richards, 1998; Richards et al., 1998). Previously, Jacobs (1993; 1994) has argued that differences in $\delta^{13}\text{C}$ values between Vasilyevka III and II reflect a dietary shift in the later *Mesolithic*, towards the exploitation of either C_3 plants such as wheat, or the consumption of grazing domesticates such as cattle, or both. Variations in the barium levels between both sites are also used to support this argument. Some insights into the validity of Jacobs (1993; 1994) observations are presented below.

In the present analysis, 21 individuals, from six cemeteries dating to the Mesolithic and Neolithic periods and a single interment (Igren VIII) in the vicinity of the Dnieper Rapids region of Ukraine, have been assessed for their $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ ratios (table 1). The stable isotope analysis of the human bone collagen was carried out at the Research Laboratory for Archaeology and the History of Art, University of Oxford. During preparation, collagen was extracted from the human bone samples following the protocol outlined in Richards (1998).

Table 1.

Stable isotope values and various attributes of collagen extracted from Ukrainian *Mesolithic* and *Neolithic* human samples ¹.

Site	Sample No.	Sex	Age	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$	C:N	%Coll.	%C	%N	OxA	¹⁴ C Date
Dereivka I	Der 42	F	18—20	-23.2	11.8	3.5	9.8	22.7	7.8	6159	6200 ± 60
Dereivka I	Der 49	M	20—30	-23.4	9.9	3.4	4.2	30.8	10.5	6160	6165 ± 55
Dereivka I	Der 84	F	35—55	-23.6	11.4	3.3	17.6	33.1	11.7	6161	7270 ± 110
Dereivka I	Der 33	M	18—25	-21.7	10.5	3.6	3.7	34.4	11.2	6162	6175 ± 60
Igren VIII	Igr 4	F	18—25	-17.4	12.1	3.3	20.0	40.3	14.2	6270	630 ± 60
Marievka	Mar 4	?M	50—60	-22.0	10.1	3.3	3.4	15.7	5.6	6199	7955 ± 55
Marievka	Mar 10	M	35—45	-21.7	13.0	3.3	5.4	36.2	12.7	6200	7620 ± 160
Marievka	Mar 14	I	35—45	-22.1	10.8	3.2	2.6	30.3	11.1	6269	7630 ± 110
Nikolskoye	Nik 94	F	50—60	-23.1	12.3	3.3	7.4	36.5	13.0	6155	6225 ± 75
Nikolskoye	Nik 58	M?	35—55	-22.2	12.3	3.4	6.4	33.5	11.7	6156	2305 ± 45
Osipovka	Osip 20b	M?	20—35	-21.0	5.7	3.3	2.3	31.0	11.0	6168	7675 ± 70
Osipovka	Osip 31a	F	35—45	-15.3	9.4	3.3	3.8	32.4	11.4	6169	2895 ± 50
Osipovka	Osip 34b	I	adult	-15.3	10.0	3.4	9.3	37.3	13.0	6170	2780 ± 55
Vasilyevka V	Vas 8	M	50—60	-22.4	10.0	3.3	2.3	24.4	8.6	6171	6470 ± 60
Vasilyevka V	Vas 10	F	40—50	-23.2	10.6	3.4	6.4	15.1	5.2	6172	6805 ± 60
Vasilyevka V	Vas 29	M?	25—35	-20.2	10.1	3.3	5.4	35.0	12.4	6198	6280 ± 70
Vasilyevka V	Vas 20	I	20—30	-22.3	12.3	3.3	9.3	37.8	13.5	6268	6710 ± 90
Yasinovatka	Yas 45	M	20—25	-23.6	11.4	3.3	4.8	35.8	12.8	6164	6360 ± 60
Yasinovatka	Yas 19	F	20—25	-22.4	7.4	3.4	2.1	36.7	12.4	6165	6370 ± 60
Yasinovatka	Yas 17	F	20—30	-22.5	13.0	3.4	9.9	27.5	9.5	6166	6360 ± 75
Yasinovatka	Yas 18	M	20—35	-22.6	12.5	3.4	9.2	38.0	13.1	6167	6255 ± 65

Isotope Results

The stable isotope ratios obtained from the Ukrainian human skeletal material are presented in table 1 and fig. 3. As can be seen in table 1 all of the collagen was fairly well preserved (as defined in the criteria given in DeNiro, 1985; and Ambrose, 1990; 1993) with C : N ratios between 3.3 and 3.6.

A number of samples have $\delta^{13}\text{C}$ values that are between -22 ‰ and -24 ‰, which is more negative than one would expect for a purely terrestrial C₃ diet (c. -20 ‰ to -21 ‰). These values are indicative of the addition of aquatic resources, most likely river fish, to the diets. This interpretation is supported by the associated higher $\delta^{15}\text{N}$ values for these individuals. Mesolithic humans from the Djerdap Iron Gates region have lower $\delta^{15}\text{N}$ values of c. 14 or 15 ‰, and associated $\delta^{13}\text{C}$ values of c. -23 ‰ which Bonsall et al. (1997) interpret as being indicative of a diet in which almost all of the protein was from river fish. The values for the Dnieper Rapids region, are thus more indicative of diets in which the majority of protein came from C₃ terrestrial-based resources, with the addition of a significant amount of river fish.

Two of the samples studied, Der 33 (Dereivka cemetery) and Vas 29 (Vasilyevka V), have collagen $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$ values that probably do not indicate any significant amounts of river fish in the diets. Again, further interpretation is difficult without associated faunal isotope values, but the high $\delta^{15}\text{N}$ values are indicative of diets with significant amounts of animal, rather than plant, protein in them.

¹ The errors on the $\delta^{13}\text{C}$ values are ± 0.3 ‰, and the errors on the $\delta^{15}\text{N}$ values are ± 0.4 ‰.

At present, there are no clear chronological differences in isotope values between the Mesolithic and Neolithic periods in the current analysis. The earliest samples used in this study, obtained from the Marievka Mesolithic cemetery, have isotope values that are similar to those of later Neolithic individuals. In fact, if there is any chronological trend occurring, it is within the earlier Neolithic period itself. It appears, on the available evidence, that there may be an increased input of river fish in the diets of the subsequent Neolithic period. The individuals dating to this period have a tendency to have $\delta^{13}\text{C}$ values that are between -23% and -24% , while earlier individuals tend to have $\delta^{13}\text{C}$ values $> -23\%$. This, however, is not the case for all samples considered, and clearly indicates that diets were, unsurprisingly, somewhat varied in this region throughout the Mesolithic and Neolithic periods.

Within the entire dataset there are no fundamental age or sex differences in diets that can be securely related to socio-economic factors *per se*. However, in the case of the Dereivka samples, the largest dataset available for study, there does seem to be a difference in isotope values between males and females, with females having higher $\delta^{15}\text{N}$ values, perhaps indicating more river fish in their diets. This observation remains to be tested on a larger sample of this cemetery population, but clear differences are occurring at this time.

Conclusions

Continuity with some degree of flexibility is attested across the Mesolithic to Neolithic periods in the Dnieper Rapids region of Ukraine. No “Mesolithic-Neolithic” transition appears to have occurred in economic terms, and in fact a number of the shifts that are apparent occur in what would traditionally be considered to be a later Mesolithic context. There does appear to be an increase in the consumption of fish at the earliest Neolithic, but alongside this we are clearly seeing variability in the dominant protein types being consumed both between males and females at discrete cemeteries, and between cemeteries in this region. Jacobs (1993; 1994) argument that differences in $\delta^{13}\text{C}$ values between Vasilyevka III and II reflect a dietary shift in the later *Mesolithic* is not currently upheld by the available isotope values. The evidence does suggest that variability in the consumption of dietary proteins occurs, though no shift towards the exploitation of either C_3 plants such as wheat, or the consumption of grazing domesticates such as cattle, can be discerned on the current evidence.

However, in order to generate more meaningful conclusions relating to the Neolithic period, we now need to further refine the dating of the more complex burial monuments such as Nikolskoye and the settlement site of Dereivka, and expand upon the stable isotope studies of diet. Furthermore, our understanding of how these particular monuments relate to the expansion of the so-called Dereivka culture groups of nomadic pastoralists, who until recently were thought to have developed horse riding, is in need of additional study. The current research has produced considerable insights into the Mesolithic and earlier Neolithic periods of cultural development in the Dnieper Rapids region. However there are also many more questions that need to be considered in greater detail if we are to attempt to identify the shift towards food producing as opposed to food extracting resource procurement strategies in this region.

The combined evidence from the dating, stable isotope and pathological analyses carried out since 1993, supports the notion that the economy of the Dnieper Rapids communities remained relatively constant across the Mesolithic-Neolithic transition (Lillie, 1998b). In effect we are looking at (Mesolithic) pre-pottery using fisher-hunter-gatherers to (Neolithic) pottery-using fisher-hunter-gatherers in the Dnieper region between *c.* 10,000 to 5–4000 calBC. The latter groups clearly integrated domesticates into their dietary spectrum, but the precise timing and nature of this integration remains elusive on the present evidence.

It is anticipated that future collaborative research will facilitate more robust insights into the precise mechanisms involved in the transformation of these societies into the Neolithic period. Cultural continuity has been inferred on the basis of lithic inventories (Telegin, 1987), but the new dating and analysis of the skeletal remains has provided a much greater definition in terms of the timing of many of the socio-economic developments occurring in this region.

Acknowledgements

Colleagues in St. Petersburg and Kiev allowed me access to the Ukrainian skeletal series in 1992 and 1994. In Kiev Prof. Dmitri Telegin and Inna Potekhina not only looked after me but im-

parted much of their knowledge of the Ukrainian material culture and chronology. Their help proved fundamental to my understanding of this region, and these particular chronological periods. In St. Petersburg Prof. I. I. Gokhman and Alexander Kozintsev allowed me unimpeded access to the collections and Dr. Vladimir Timofeev, Lena and Ksenia cared for me and educated me in the ways of Russia culture. Similarly, Inna and family in Kiev gave me their knowledge of Ukrainian traditions in a way that ensured that my research visits proved rewarding on numerous levels. The stable isotopes considered above were analysed and interpreted by Mike Richards at ORAU. I would like to extend my gratitude to all colleagues in St. Petersburg for inviting me to participate in the conference in honour of Professor N. Gurina, and for making this visit a rewarding experience.

LIST OF REFERENCES

- Гохман И. И.* Население Украины в эпоху мезолита и неолита: Антропологический очерк. М., 1966.
- Потехина И. Д.* Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1992.
- Потехина И. Д.* Население Украины в эпохи неолита и раннего энеолита по антропологическим данным. Киев, 1995.
- Телегин Д. Я.* Могильники днепро-донецкой неолитической культуры и их историческое место // СА. № 1. 1966.
- Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин Д. Я.* Мезолітичні пам'ятки України (9—6 тыс. до н. э.). Київ, 1982.
- Ambrose S. H.* Isotopic Analysis of Palaeodiets: Methodological and Interpretive Considerations // Sandford M. K. (ed.). Investigations of Ancient Human Tissue. Langhorne, 1993.
- Angel J. L.* Porotic Hyperostosis, Anemias, Malaras, and Marshes in the Prehistoric Eastern Mediterranean // Science. No. 153. 1966.
- Anthony D. W.* On Subsistence Change at the Mesolithic-Neolithic Transition // Current Anthropology. No. 35. 1994.
- Bonsall C., Lennon R., McSweeney K., Stewart C., Harkness D., Boroneant V., Bartosiewicz L., Payton R., Chapman J.* Mesolithic and Early Neolithic in the Iron Gates: a palaeodietary perspective // Journal of European Archaeology. No. 5 (1). 1997.
- DeNiro M. J.* Post-mortem preservation and alteration of in vivo bone collagen isotope ratios in relation to paleodietary reconstruction // Nature. No. 317. 1985.
- Dolukhanov P. M.* Upper Pleistocene and Holocene Cultures of the Russian Plain and Caucasus: Ecology, economy and settlement pattern // Wendorf F., Close A. E. (eds.). Advances in World Archaeology: Vol. 1. New York, 1984.
- Iacumin P., Bocherens H., Chaix L., Mariato A.* Stable carbon isotopes as dietary of Ancient Nubian populations (Northern Sudan) // Journal of Archaeological Science. No. 25. 1998.
- Jacobs K.* Human Postcranial Variation in the Ukrainian Mesolithic-Neolithic // Current Anthropology. No. 34. 1993.
- Jacobs K.* Reply to Anthony "On Subsistence Change at the Mesolithic-Neolithic Transition" // Current Anthropology. No. 35. 1994.
- Keegan W. F.* Stable Isotope Analysis of Prehistoric Diet // Iscan M. Y., K. A. R. Kennedy (eds.). Reconstruction of Life from the Skeleton. New York, 1989.
- Konduktorova T. S.* The Ancient populations of the Ukraine: from the Mesolithic age to the first centuries of our era // Anthropologie BRNO. XII (1& 2). 1974.
- Kozłowski S. K.* A Survey of Early Holocene Cultures of the Western Part of the Russian Plain // Bonsall C. (ed.). The Mesolithic in Europe. Edinburgh, 1989.
- Lillie M. C.* Mesolithic and Neolithic Populations of Ukraine: Indications of Diet from Dental Pathology // Current Anthropology. No. 37. 1996.
- Lillie M. C.* The Mesolithic-Neolithic transition in Ukraine: new radiocarbon determinations for the cemeteries of the Dnieper Rapids region // Antiquity. No. 72. 1998a.
- Lillie M. C.* The Dnieper Rapids Region of Ukraine: A Consideration of chronology, Dental Pathology and Diet at the Mesolithic-Neolithic Transition / Sheffield University: Unpublished PhD Thesis. 1998b.
- Lillie M. C., Richards M. P.* Stable Isotope Analysis and Dental Evidence of Diet at the Mesolithic-Neolithic Transition in Ukraine // Journal of Archaeological Science. No. 27. 2000.
- Lillie M. C., Zvebil M.* L'Adoption de L'Agriculture en Europe de L'East: Le cas d'étude de la région des cascades du Dniepr en Ukraine (The transition to farming in eastern Europe: a case study from the Dnieper Rapids region of Ukraine) // A. Thévenin (ed.). L'Europe des Derniers Chasseurs: Épipaéolithique et Mésolithique. Paris, 1999.

- Lubell D., Jackes M., Schwarcz H., Knyf M., Meiklejohn C.* The Mesolithic-Neolithic Transition in Portugal: isotopic and dental evidence of diet // *Journal of Archaeological Science*. No. 21. 1994.
- McGovern-Wilson R., Quinn C.* Stable isotope analysis of ten individuals from Afetna, Saipan, Northern Mariana Islands // *Journal of Archaeological Science*. No. 23. 1996.
- Meiklejohn C., Zvelebil M.* Health Status of European Populations at the Agricultural Transition and the Implications for the Adoption of Farming // Bush H., Zvelebil M. (eds.). *Health in Past Societies: Biocultural Interpretations of Human Skeletal Remains in Archaeological Contexts*. B.A.R. (Int. Ser.) 567. Oxford. 1991.
- O'Connell T. C., Levine M. A., Hedges R. E. M.* The Importance of Fish in the Diet of Central Eurasian Peoples from the Mesolithic to the early Iron Age // In *Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe: Vol. II. Symposium held at The McDonald Institute for Archaeological Research, Cambridge 12—16 January 2000*. Cambridge, 2000.
- Pate F. D.* Bone chemistry and palaeodiet: reconstructing prehistoric subsistence- settlement systems in Australia // *Journal of Anthropological Archaeology*. No. 16. 1997.
- Potekhina I. D.* Ancient North Europeans in the Mesolithic-Neolithic transition of Southeast Europe // Zvelebil M., Domanska L., R. Dennell (eds.). *Harvesting the Sea, Farming the Forest: The emergence of Neolithic Societies in the Baltic Region*. Sheffield, 1998.
- Richards M. P.* Palaeodietary Studies of European Human Populations Using Bone Stable Isotopes / Unpublished D. Phil. Thesis, University of Oxford. 1998.
- Richards M. P., Hedges R. E. M., Molleson T. I., Vogel J. C.* Stable Isotope Analysis Reveals Variations in Human Diet at the Poundbury Camp Cemetery Site // *Journal of Archaeological Science*. No. 25. 1998.
- Telegin D. Ya.* Neolithic cultures of the Ukraine and adjacent areas and their chronology // *Journal of World Prehistory*. No. 1 (3). 1987.
- Telegin D. Ya., Potekhina I. D.* Neolithic cemeteries and populations in the Dnieper Basin. B.A.R. Intern. Ser., 383. 1987.
- Telegin D. Ya., Potekhina I. D., Kovaliukh M. M., Lillie M. C.* The chronology of the Mariupol-Type Cemeteries of Ukraine re-visited: implications for the age and chronological periodisation of Mesolithic to Copper Age Cultures // *Radiocarbon and Archaeology*. No. 1 (1). Saint Petersburg, 2000.
- Tishkov V. A.* On the Crisis in Soviet ethnography: Reply to comments // *Current Anthropology*. No. 34 (3). 1993.
- Zvelebil M.* *Hunters in Transition: Mesolithic societies of temperate Eurasia and their transition to farming*. Cambridge, 1986.
- Zvelebil M., Dolukhanov P.* The Transition to Farming in Eastern and Northern Europe // *Journal of World Prehistory*. No. 5. 1991.

ВОЛЫНСКАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

Поскольку нет единого мнения о существовании Волынской неолитической культуры (ВНК), сначала попробуем дать краткое описание ее проявлений и на основе этого частично сравнить с неманской культурой (НК), как близкой территориально и с которой отождествляют ее некоторые исследователи (Л. Зализняк, Д. Гаскевич).

Ареал распространения ВНК — верховья и Правобережье Припяти, а также Малое Полесье в Ровенской и Львовской обл. Последнее обстоятельство важно для нас тем, что высказываются мнения о возможных влияниях буго-днестровской культуры (БДК) не только вдоль Днепра, по берегам Припяти и ее верховьям и далее на Понеманье, а напрямую. Такую точку зрения высказывали Н. Котова, Д. Гаскевич, автор. Правда конкретных материалов БДК на этом пути пока не найдено.

Поселений и местонахождений ВНК обнаружено более 100. Но распределяются они в пределах Волынского Полесья неравномерно. Мало их обнаружено в зоне стыка с лессовой зоной Волынской возвышенности (Луцк — Луг, Луцк — Пристань, Липлянские берега, Цумань), где керамика имеет необычную технологию, возможно, вследствие влияния культуры линейно-ленточной керамики, в районе Шацких озер, в местах с карбонатными почвами (Киверцовский, Турийский р-ны Волынской обл.).

Памятники названной культуры в основном расположены по берегам рек: Припяти, Стыри, Стохода, Случи, на берегах оз. Тросное, Перемут, Шини, а также в междуречьях среди болот на песчаных дюнах (Майдан-Вовче, Осова-Осывка, Осова-Крынычка и др.). Некоторые из них расположены в низких луговых местах (Малая Глуша). Подавляющее большинство памятников — это небольшие скопления керамики и кремня, остатки отдельных жилищ. Поселений, состоящих, как правило, из 3—4 жилищных объектов, найдено более 10: Новосилки, Оболонь, Конык (р. Стырь), Заслучье (р. Случь) и др. На поселениях находится сравнительно мало материалов — десятки кремневых орудий, сотня-полторы фрагментов керамики. Жилища имели площадь около 30 м² (Крушники, Оболонь, Хабарище) или 40 м² (Выжевка, Новосилки). Внутри их расположено несколько небольших очажных ям (Выжевка, Новосилки), одна большая (для обогрева помещения в зимнее время и, возможно, приготовления мясной пищи) и маленькая (Вовчэ, Крушники), на угли в которой ставился горшок и готовилась пища. Вокруг таких углублений (глубина и диаметр их приблизительно 15—20 см) концентрируются развалы сосудов (1—2). Обычая обкладывать очаг камнями, как видим на поселениях неманской культуры (например Любязь II), не наблюдается. О хозяйственной деятельности носителей ВНК свидетельствуют микролиты к охотничьим орудиям (трапеции, косые яниславицкие острия со сломанной или ретушированной основой, треугольники, сегменты), а также расположение поселений в местах для рыбной ловли. То есть рыбная ловля и охота составляли основу их присваивающего хозяйства, а собирательство, чему содействовало обилие на Полесье грибов, ягод, орехов, желудей, съедобных растений, было существенным дополнением к их рациону. Доминирование рыболовства или охоты зависело от местных природных условий, традиций и т. д. И современное обилие здесь лесной фауны, и наличие во всех раскапываемых жилищах десятков мелких фрагментов костей животных и птиц указывает на значение охоты.

Очень важным вопросом является выяснение особенностей кремневого инвентаря ВНК и сравнение его с орудиями неманской культуры разных памятников. В ходе раскопок таких поселений как Выжевка (докерамический неолит), Новосилки, Оболонь, Конык, Балаховичи установлено, что происхождение традиции кремнеобработки на разных поселениях этой культуры было разным: на некоторых из них он (кремень) явно яниславицкого типа (пластинчатая техника расщепления кремня, своеобразные подокруглые скребки на отщепках, трапеции, микролезцовые сколы, как отходы изготовления яниславицких острий) — памятники Новосилки,

Коньк, Любязь II и др. Иная техника прослеживается в изделиях поселений Выжевка, Оболонь, Балаховичи. Микролиты здесь представлены исключительно трапециями. Много орудий изготовлено на отщепах (в Выжевке даже трапеции): скребки, резцы. Для всех поселений ВНК свойственно слабое развитие деревообрабатывающих орудий (топоров, тесел и др.) а также малое их количество — 4—6. Только на поселении Выжва в одном жилище их найдено десятки. Не углубляясь особо в эту тему заметим, что мнения белорусских археологов по поводу кремневых изделий неманской культуры разные: называются орудия постсвидерской традиции, пещерные яниславицкие, и яниславицкие. Здесь необходимо тщательное изучение чистых комплексов (не смешанных с финальнопалеолитическими — свидерскими материалами) на неманских памятниках.

Осмотренные нами поселения неманской культуры на правобережье Припяти имеют много рубящих орудий, резцы и скребки на отщепах, мало микролитов — возможно, здесь жились, в основном, рыболовы.

Волынская неолитическая культура на востоке граничила с киево-черкасской культурой, вместе с которой и с восточнополесской они включаются в днепро-донецкую культурно-историческую общность (ДДО). На юге с культурой линейно-ленточной керамики (КЛЛК) (Охрименко, 1994. С. 30—35), вследствие контактов между ними на ранней керамике видим отпечатки зерновок культурных растений (пшениц, ячменя, гороха, вики). Эти поселения расположены в среднем и верхнем течении Стыри (Рознич, Оболонь, Коньк, а также Крушинки на р. Уж).

И последний важный вопрос — проблема контактной зоны ВНК и неманской культуры. По нашим наблюдениям рр. Припять и Пина были полосой взаимных проникновений носителей двух культур. В разные периоды инфильтрации групп одной культуры в ареал другой были более или менее интенсивными. Скорее всего, южнее чем за 40 км от течения Припяти население неманской культуры не проникало. Также и севернее Припяти на том же расстоянии памятников ВНК не обнаружено.

На правом берегу Пины обнаружено поселение ВНК Гневчицы II, возможно, имеется поселение ВНК и на берегу р. Джидинье в Пинском р-не Брестской обл. (материалы Е. Г. Калечиц). На Правобережном Поприпяти неманские поселения найдены на берегах оз. Тур, оз. Любязь, на берегу р. Стырь возле с. Большие Телковичи Заречненского р-на Ровенской обл. Их предварительно датируем средним (лысогорским) и поздним (доброборским) периодами НК, хотя встречаются ранние материалы в виде керамики с обильной растительной примесью, но темного цвета (вследствие плохого обжига), в противоположность фрагментам сосудов ВНК, которые во все периоды отличаются светло-коричневым цветом. Эта граница очень верно зафиксирована и А. Кемписты (Kempisty A., 1989. S. 302, карта 15). Возможно, на керамику ВНК среднего этапа имели влияние изделия неманской культуры (Мидск, Оболонь).

Как было сказано выше, общности лесного неолита Волынского Полесья возникли под влиянием БДК в конце V тыс. до н. э. (Kempisty A., 1989. S. 306), а возможно и восточных влияний (Тимофеев, 2000) и, вероятно, на основании местного поздне-мезолитического субстрата, представленного, в частности, яниславицкими памятниками (Залізняк, 2000. С. 7; Чарняўскі, 2000, С. 37) («кремень пещерно яниславицкого вида»).

По единодушному мнению исследователей, в ранний период неолита в Белорусском Понеманье и бассейне Верхней Припяти доминировала керамика в виде остродонных горшков с обильной растительной примесью, следами гребенчатых расчесов, отступающих наколов, прочерченных линий, иногда в косых сетчатых композициях, ямок под срезом венчика. Д. Я. Телегиным и М. М. Чернявским она названа керамикой типа Дубичай (Чарняўскі, 2000. С. 31). Наиболее же ранним памятником в этом большом регионе считаются Сенчицы, которые А. Кемписты датировала началом IV тыс. до н. э. (мы бы отнесли ко второй половине V тыс. до н. э.). Недалеко расположенный Камень, на основании анализа керамики, считается более поздним, как и сходное с Дубичаем, Русаково, Бокинич (Kempisty A., 1989. S. 308—309; Kempisty E., Wieckowska, 1983. S. 84).

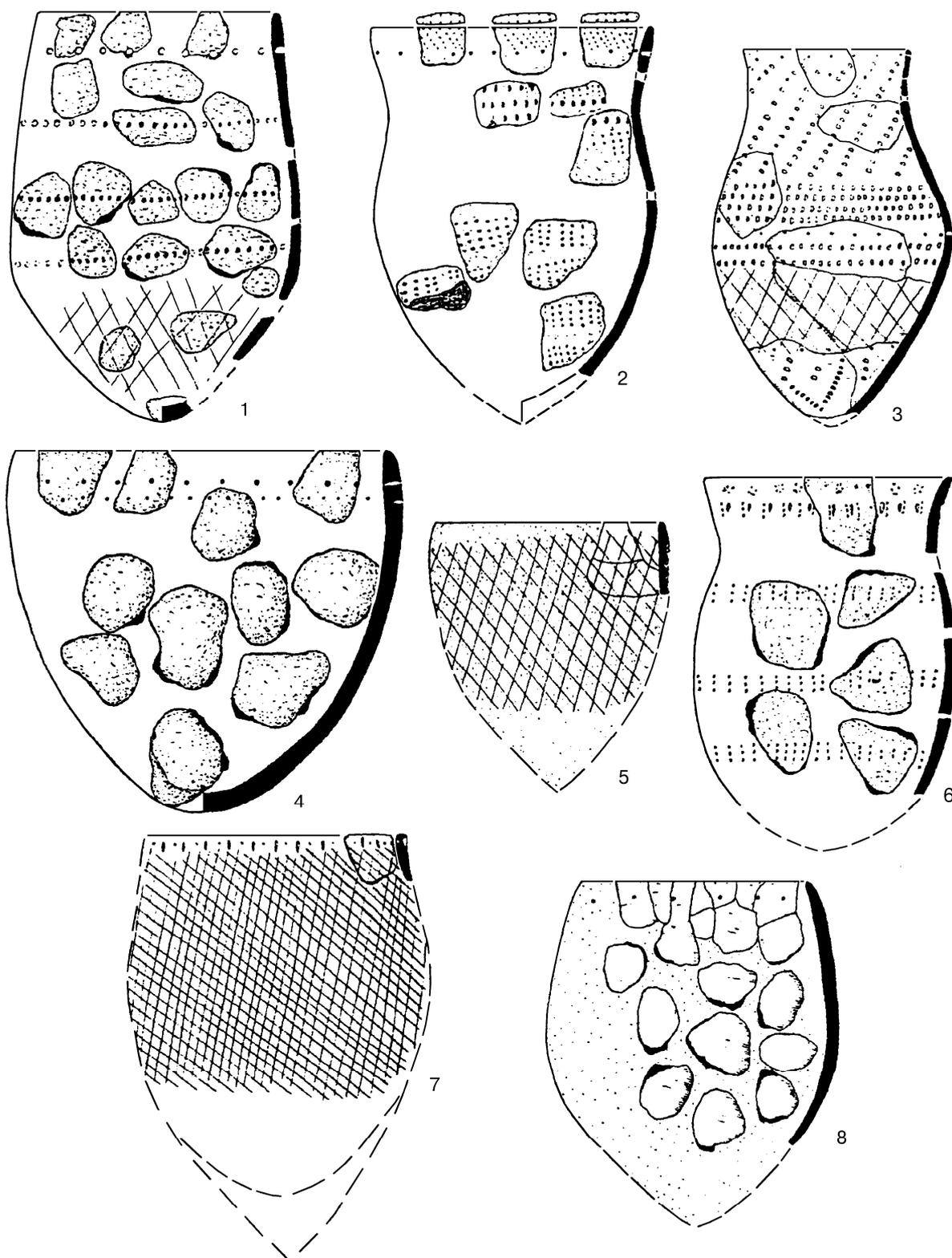

Рис. 1. Попытка реставрации (графической) сосудов волынской неолитической культуры:
 1 — Шепель; 2, 5, 7 — Новосилки; 3 — Нобель; 4 — Витковичи; 6 — Мидск; 8 — Вовчэ.

Особенностями сосудов из Сенчиц является большая органическая примесь в тесте (и даже истолченные «мушлы»), толстостенность (0,9—1,2 см), острое дно, прямой венчик.

Высокую степень сходства ранней волынской и неманской посуды отмечала и Е. Г. Калечиц (2000. С. 15). Появление этой керамики она относит к V тыс. до н. э. Но здесь следует подчеркнуть, что именно на Пинщине выявлена самая древняя керамика неманской культуры (обильная растительная примесь и скудная орнаментация) (Исаенко, 2000. С. 41), то есть несомненно неолитизация шла с Поприпятыя на Понеманье. Раннюю керамику Понеманья и Поприпятыя различить по культурам трудно и все же прав М. М. Чернявский, предложивший в этой ранне-неолитической культуре (на раннем этапе как бы единой! — Г. О.) выделить две локальные области — неманскую и верхнеприпятскую. В ранний период, который мог продолжаться несколько столетий, и на отдаленных территориях, в несколько иных природных условиях, эти группы не могли не выработать своеобразные черты быта и культуры. В каждой из них должна была бы быть и несколько своеобразная мезолитическая основа (даже если она была, в основном, яниславицкой). Здесь анализ кремневого инвентаря может дать неоценимую информацию. Наличие на увиденных нами памятниках Любязь, Хотут, Б. Телковичи (Майдан) (правобережье Припяти) большого количества топоров, тесел и др. для деревообработки, а также резцов на крупных отщепах наталкивает на мысль о доминировании в их хозяйстве рыбного промысла (в среднем периоде), с изготовлением плавсредств и снастей. А у носителей ВНК, где топовидные изделия не развиты — охоты.

На данном этапе исследований вероятно необходимо остановиться на таком выводе: верхнее Поприпятые, в частности, Пинщина и близлежащие пространства были общей зоной формирования и неманской, и волынской культуры. В дальнейшем Правобережное Поприпятые становится зоной, где проживали носители ВНК, а Левобережье Припяти и бассейн Немана — неманской культуры. Второй вывод: судя по архаичности наиболее ранней керамики — дубичайский этап неолитизации Поприпятыя мы относим ко второй половине V тыс. до н. э. (на Немане как неоднократно предполагал М. М. Чернявский — в начале IV тыс. до н. э.). Для более точных выводов по вопросам культур и хронологии необходимы точные датировки хорошо сохранившихся памятников, желательны в низких местах (оставленных в сухие периоды), с наличием остеологических материалов и т. д. Третий вывод: лесные культуры Поприпятыя имели на раннем этапе лишь некоторые черты неолитичности: керамику, попытки занятия земледелием — ассортимент посевных злаков (пшеницы, ячменя) к песчаным почвам Полесья не подошел (Пашкевич, Охрименко, 2000. С. 43, 44).

Вопросы хронологии и периодизации неолита Волынского Полесья очень важны. Основой для их решения является типологический метод сопоставления с датированными комплексами синхронных и смежных культур, а также стратиграфические наблюдения.

За последнее десятилетие источниковая база днепро-донецкой общности (ДДО), киево-черкасской культуры (КЧК), ВНК значительно возросла (Телегин, Титова, 1998. С. 46—50, 60—70, 95—98; Охрименко, 1993. С. 54—66). Кроме того разработаны периодизационно-хронологические схемы Д. Я. Телегина для памятников ДДК (Телегин, 1968. С. 199), В. Ф. Исаенко для неолита Припятского Левобережья (1976. С. 109—115; 1978. С. 37—42), М. М. Чернявским для неманской культуры Беларуси (Черняўскі, 1979. С. 75—79), Е. Н. Титовой для КЧК (1985. С. 15—16).

Как известно, Д. Я. Телегиным развитие ДДК разделено на три периода (1968. С. 190—204; Телегин, Титова, 1998. С. 15—21). По данным этого исследователя ДДК первого и начала второго периода была синхронна поселениям среднего и позднего этапов БДК (Самчинцы, Саврань), ранний же этап заключительных фаз трипольской культуры отвечал позднему второго периода ДДК в Надпорожье (Телегин, 1968. С. 192). В первый период ДДК носителями БДК с Поднепровья на Южный Буг заимствован гребенчатый орнамент (Телегин, 1968. С. 191). Ранний период трипольской культуры соответствовал этапу II ДДК (Телегин, 1968. С. 196; Збенович, 1989. С. 200). В Киевском и Житомирском Полесье контакты между неолитическими лесными жителями и трипольцами прослеживаются дольше (Телегин, Титова, 1998. С. 18, 19).

Не исключено, что ранние памятники ВНК были одновременны самым ранним памятникам Поднепровья, а также восточно-полесской культуре (ВПК), рамки которой В. Ф. Исаенко

очерчивает 4500—4200 — 3500—3300 гг. до н. э. Возможно в это же время появляются поселения западно-полесского варианта неманской культуры (Исаенко, 1976. С. 113—114).

Разделяя мнение Д. Я. Телегина, что существование ДДК очерчивается рамками: середина V тыс. до н. э. — конец III тыс. до н. э. (Телегин, 1968. С. 190 — 203), можно поддержать вывод В. Ф. Исаенко о продолжительном времени существования ДДК на юге Беларуси до 1700 г. до н. э. (восточно-полесской культуры) (ДДО). То же самое можно сказать, рассматривая керамику стжижовской культуры бронзового века, где находим орнаменты ВНК (Свешников, 1990. С. 68—74).

Е. Н. Титова делит неолит Киевщины на три периода, а каждый из них на два подпериода. По ее мнению КЧК могла существовать с середины V тыс. до н. э. до середины III тыс. до н. э. (1985. С. 15).

Второй период неолита Припятского Левобережья по В. Ф. Исаенко продолжался с 3500—3300 до 2500—2300 гг. до н. э. В этот период неманская культура данного региона накапливает элементы прибалтийских культур, увеличивая количество нарезного декора, свойственного нарвской культуре, присутствует влияние культуры воронковидных сосудов (КВС) (Исаенко, 1976. С. 115). Третий период — 2500—2300 — 1800—1700 гг. до н. э., знаменуется появлением плоскодонных сосудов, штрихованности изделий, шнурового орнамента (Исаенко, 1976. С. 115).

Таблица 1.

Общая характеристика керамики неолитических культур Припятского Полесья

№	Волынская неолитическая культура	Неманская культура	Восточно-полесская культура
I.	ТЕХНОЛОГИЯ		
1.	оформления среза венчика		
	Ровный	Волнистый, ровный	Ровный, волнистый
2.	Толщина стенок		
	4—9 мм	9—12 мм	7—11 мм
3.	Размеры, вместимость		
	2—3 л, Д — 20—25 см	12—15 л, Д — 30—40 см	5—6 л, Д — 40 см
4.	Примеси в глиняную массу		
	Растительность, шамот, песок, дресва (поздний период)	Растительность, ракушка, известняк, дресва (поздний период)	Растительность, песок, дресва, ракушка (поздний период),
5.	Поверхность сосудов		
	Неровная/ровная Расчесы с середины	Выровненная извне Расчесы с середины	Выровненная извне Расчесы с середины
6.	Цвет керамики		
	Коричневый, желтый	Серо-коричневый, красноватый, зеленоватый, темный извне, редко ангоб	Коричневый, желтый
II.	ЭЛЕМЕНТЫ ОРНАМЕНТА.		
	Проколы, наколы, гребенка, «копытки», сетка, линии, насечки	Ряды параллельных линий, «гребенка», наколы, прямоугольные вдавления, елочные композиции, оттиски лопатки, текстиля, размочаленной палочки, «копытка»	Насечки, параллельные линии, скобки, шнур, «гребенка», елочные композиции, расчесы гребенкой, «гусеничка»

М. М. Чернявский отмечал, что на среднем лысогорском этапе неманская культура находилась под влиянием КВС, а с начала II тыс. до н. э. ее доминирование прекращается вследствие прихода носителей культур шнуровой керамики (Черняўскі, 1979. С. 78). Поскольку ВНК имела много общего в хозяйстве и материальной культуре с неолитическими памятниками Ки-

евского и Житомирского Полесья, ВПК и отнесена к ДДО, то выше упомянутые периодизационные и хронологические схемы Д. Я. Телегина, В. Ф. Исаенко, Е. Н. Титовой взяты нами за отправные точки для выработки временных рамок ВНК. Уверенность в этом дают и стратиграфические наблюдения на памятниках бассейна Стыри (Осывка, Конык, Новосилки, Оболонь), где энеолитические материалы (КВС, городоцкого этапа КШК) находились на границе почвы и подпочвы, а неолитические — в подпочве, ближе к материке.

Периодизацию памятников ВНК делаем на основании типологического анализа керамики, сопоставляя ее с материалами соседних культур — КЧК, ВПК, НК.

Ранний период. В зоне распространения ВНК сосуды имели форму конусовидного горшка с прямыми стенками и острым дном. Орнаментация состоит из отпечатков гребенки (Розничи), сетчатой штриховки, рядов подокруглых углублений (Шепель), параллельных линий (Тросное). Стенки коричневого цвета, тонкие (4—8 мм). Как примесь добавлялась органика, редко — шамот (рис. 1; табл. 2).

Таблица 2.

Общая характеристика керамики ВНК

№	Пункт	Розничи	Шепель	Сенчицы	Новосилки	Оболонь	Мидек	Славуга	Тросное	Воля Кухотская	Балаховичи 1	Балаховичи 2	%
1.	Толщина	3–6	5–7	9–12	5–7	6–7	5–8	5–7	4–8	6–9	4–5	6–8	
2.	Цвет коричневый	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	100
3.	Форма конусообразная профилированная	∪	∪	∪	S	S	S	∪	∪	∪	∪	S	64
4.	Дно острое	+	+	+	+			+			+		54
5.	Дно круглое					+	+					+	27
6.	Поверхность ровная	+		+	+		+	+	+	+	+	+	82
7.	Поверхность неровная		+		+	+							27
8.	Примесь растительная	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	100
9.	Примесь шамота		+			+	+					+	27
10.	Примесь дресвы												
11.	Орнамент гребенчатый	+			+	+	+				+	+	54
12.	Орнамент линейчатый			+	+	+			+			+	45
13.	Орнамент сетчатый		+	+	+	+	+		+				54
14.	Орнамент из насечек			+		+	+			+			37
15.	Орнамент из копытков		+	+	+	+	+	+		+			64
16.	Орнамент из ямок					+							9
17.	Орнамент из вмятин				+								9
Периоды		ранний				средний							

В **средний период** ВНК увеличивается ассортимент керамики: появляются профилированные биконусовидные сосуды с выделенной шейкой, развернутым венчиком, уменьшается примесь травы за счет песка и древесины. Кроме элементов декора предыдущего периода, часто употребляются ряды насечек, редко — оттиски наклонного четырехугольного штампа, «копытка» (поселения Оболонь, Новосилки, Конык в среднем и верхнем течении Стыри, Грузятин на р. Стоход и др.).

Памятников **позднего периода** ВНК мало: Витковичи на р. Случь, Щитинская Воля, Личижевичи, Миравели на Припяти, Осова в междуречье Стыри и Горыни, другие. В формах сосудов, декоре изменений мало. Плоскодонных изделий нет. Растительный компонент в тесте керамики почти отсутствует, зато больше дресвы. Во все периоды, как сказано, сосуды коричневого цвета — на изломе черепок почти всегда одноцветный.

В позднем периоде, возможно с приходом населения культуры шаровидных амфор, культуры шнуровой керпамики, количество памятников ВНК уменьшается. Хронологические рамки волынской неолитической культуры можно предложить такие: ранний период — 4500—3300 гг. до н. э.; средний период — 3300—2500 гг. до н. э.; поздний период — 2500—2000 гг. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Залізник Л. Л.* Культурно-історичні зв'язки Полісся і проблема його неолітизації // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Збеневич В. Г.* Ранний этап трипольской культуры на территории Украины. Киев, 1989.
- Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976.
- Исаенко В. Ф.* Хронология неолита Южной Белоруссии // КСИА. № 153. 1978.
- Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья: мифы, проблемы, реалии // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Охріменко Г. В.* Неоліт Волині. Ч. II. Луцьк, 1993.
- Охріменко Г. В.* Неоліт Волині. Ч. I. Луцьк, 1994.
- Пашкевич Т. А., Охрименко Г. В.* Развитие воспроизводящего хозяйства у населения Припятского Полесья (середина 5-го — конец 3 тыс. до н. э.) // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Калечыц А. Г.* Мезаліт і неаліт Заходняга Полесья: праблема ідэнтыфікацыі культур і іх узаемасувязі // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Свешников И. К.* Стжижавская культура // Археология Прикарпатья, Волины и Закарпатья. Киев, 1990.
- Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Киев, 1968.
- Телегин Д. Я., Титова Е. Н.* Поселения днепро-донецкой этнокультурной общности эпохи неолита. Киев, 1998.
- Титова Е. Н.* Неолит среднего Поднепровья. Культурно-хронологическая характеристика / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1985.
- Тимофеев В. И.* К проблеме западных связей неолита лесной зоны // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznan, Minsk, Brzesc, 2000.
- Kempisty A.* Kultury paraneolityczne // Pradzieje ziem Polskich. T. 1. Cz. I. Warszawa, Łódź, 1989.
- Kempisty E., Wieckowska H.* Osadnictwo z epoki kamienia i wczesnej epoki brązu na stanowisku w Sosni, woj. Łomżyńskie. Wrocław, 1983.
- Чарняўскі М. М.* Неаліт Заходняй Беларусі — асаблівасці эвалюцыі // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.

THE ELEMENTS OF SUB-NEOLITHIC CULTURES IN THE FUNNEL BEAKER CULTURE IN NORTH-EASTERN POLAND. THE CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ASPECT

Introduction

The Funnel Beaker culture (further TRB) is one of the best recognized Neolithic phenomena of the North-eastern part of the Central European Lowland. The first researcher to study this culture in Polish Lowland was Konrad Jądzewski. His monograph of TRB was a turning point in the recognition of this phenomenon (Jądzewski, 1936). The connections between TRB and North-eastern cultures, clearly visible at that time, especially in Prussia, were also noticed early (Äyräpää, 1930; Jądzewski, 1932).

The studies conducted after the World War II, especially in the last 25 years brought more detailed spatial and chronological division of TRB and quite exact chronological framing of various stylistic features of the TRB pottery. The intensive archaeological research led in Kujavia and Chełmno Land is of a special importance for the problems considered in this paper. The definitions of the chronological frames are supported by a large series of radiocarbon datings which were partly published (Czerniak, Domańska, Koško, Prinke, 1991; Kukawka, 1997) but some of them have not been reflected in the literature yet. Investigation of the elements which are not familiar to the local traditions in TRB enabled the application of the chronological frames worked out for some other regions of TRB oecumene as well as for other Neolithic cultural phenomena. This let us classify sets of artefacts chronologically, using the typological-comparative method. Thanks to this it became possible to date the sub-Neolithic elements which are found in TRB with relative accuracy.

I. THE GENERAL CHARACTERISTIC OF THE SUB-NEOLITHIC ELEMENTS FOUND IN TRB ASSEMBLAGES IN NORTHEASTERN POLAND

Pottery ornamentation

The comb-shaped ornamentation (strands made with a comb-like tool) is doubtlessly an unfamiliar element in TRB. Such pottery ornamentation was first indicated as a distinct element by Konrad Jądzewski (1936). A. Koško acknowledged the comb-like ornaments as one of the cultural components of Mątwy Group of TRB (Koško, 1981). According to this researcher the developmental centre of this group was situated in Kujavia (fig. 1). The discussed ornamentation patterns are also found in materials of Chełmno group of TRB (Kukawka, 1991; cf. fig. 1). They take a form of straight or sinuous lines placed on the vessels in many different ways. They usually are visible on the large parts of vessels' facets.

The most characteristic group of ornaments are the zonal or plane ones; found on the several parts of the vessels. They are combinations of various elements such as diversiform, impressed, arched or oblong pits (the latter ones are sometimes segmented — pseudo comb-shaped) incised, long lines or less often comb-like impresses and round pits made sporadically with a tubular tool (so called bird feather). The ornaments made with homogenous elements are arranged into a repeated pattern of vertical, horizontal or, rarely oblique strands. Sometimes their pattern is irregular or chaotic. When the ornament consists of two types of elements it is usually arranged into a pattern of horizontal strands, each containing one type of elements, appearing in turns vertically. More complex patterns as i. e. chequered pattern occur less often. All discussed ornaments are characteristic almost exclusively for Chełmno group of TRB (Kukawka, 1987; 1991a; 1991b; 1997; Kukawka, Wawrzykowska, 1987; 1990; Gurtowski, 1987; Marciniak, 1987; Wawrzykowska, 1994).

Another specific feature is quite frequent ornamentation of the rims of vessels. It is found both in Mątwy group and in Chełmno group of TRB. In some cases such ornaments can be genetically connected with TRB, though their frequent coexistence with the ornaments discussed above as well as with specific forms and technologies of production can suggest their Subneolithic genesis.

It is worth noticing that the impresses of a comb-like tool replace those made with a flat tool in pad ornaments of TRB amphorae in early stages of its development. Genetic coherence of such elements with «comb-like» pottery has already been suggested by K. Jądzewski (1932).

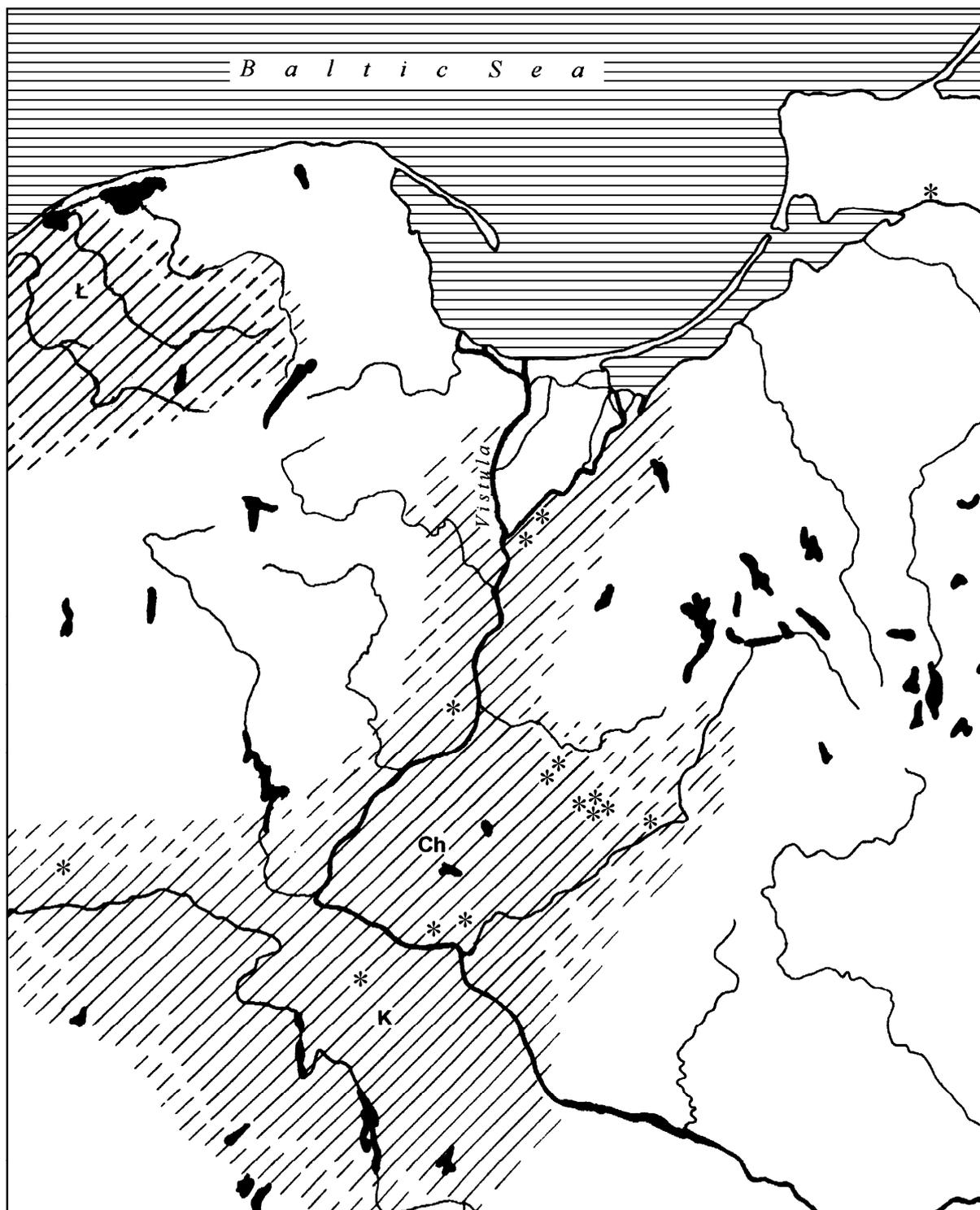

Fig. 1. The range of the dense settlement in North-eastern part of TRB oecumene:
 K — Kuiavia (the centre of the development of Małwy group); Ch — The Chełmno Land (the centre of the development of Chełmno group); L — Łupawa group; * — the sites with the materials of Toruń Mokre type.

A selection of ornamented pottery from three sites of II phase of TRB of the Chełmno Land is presented in fig. 2—4.

Of course some other types of ornamentation corresponding with sub-Neolithic cultures are also found. They are relatively seldom, however, so I am not discussing them here (cf. the quoted literature on TRB from the Chełmno Land).

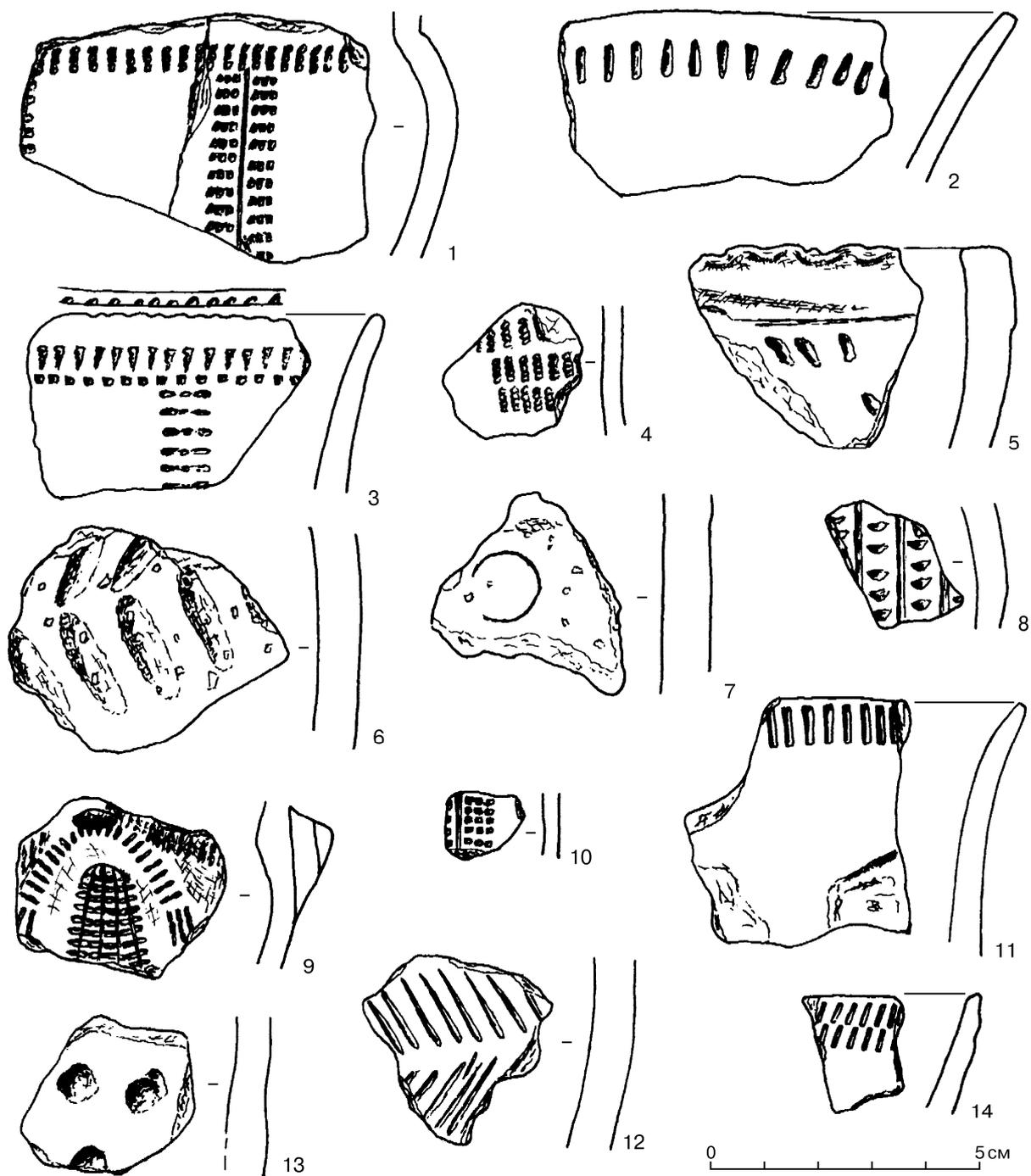

Fig. 2: Lembarg, Jablonowo Pomorskie district (The Chełmno Land), site 94 (1—8) and 95 (9—14).
 The selection of ornamented pottery (1, 3, 4, 8, 9, 10 — the ornaments typical for Toruń Mokre materials;
 5—7, 12, 13 — ornamentation of sub-Neolithic features).

Morphology of pottery

Almost all of the mentioned ornaments, which in my opinion are genetically sub-Neolithic, are found on specific forms of vessels. Such vessels are almost always simple — they consist of one or two elements. Traditional terminology classifies them as deep bowls, vase or sack-like vessels. In such vessels handles are never found. Another interesting feature is the absence of traditionally sub-Neolithic ornaments on three-elements vessels such as funnel beakers, bowls with separated neck, amphorae and collared flasks, which are typical forms of TRB pottery. Such ornaments are also absent in case of one or two elements vessels with handles or knobs (cf. Koško 1981; 1988; Kukawka, 1991; 1991b).

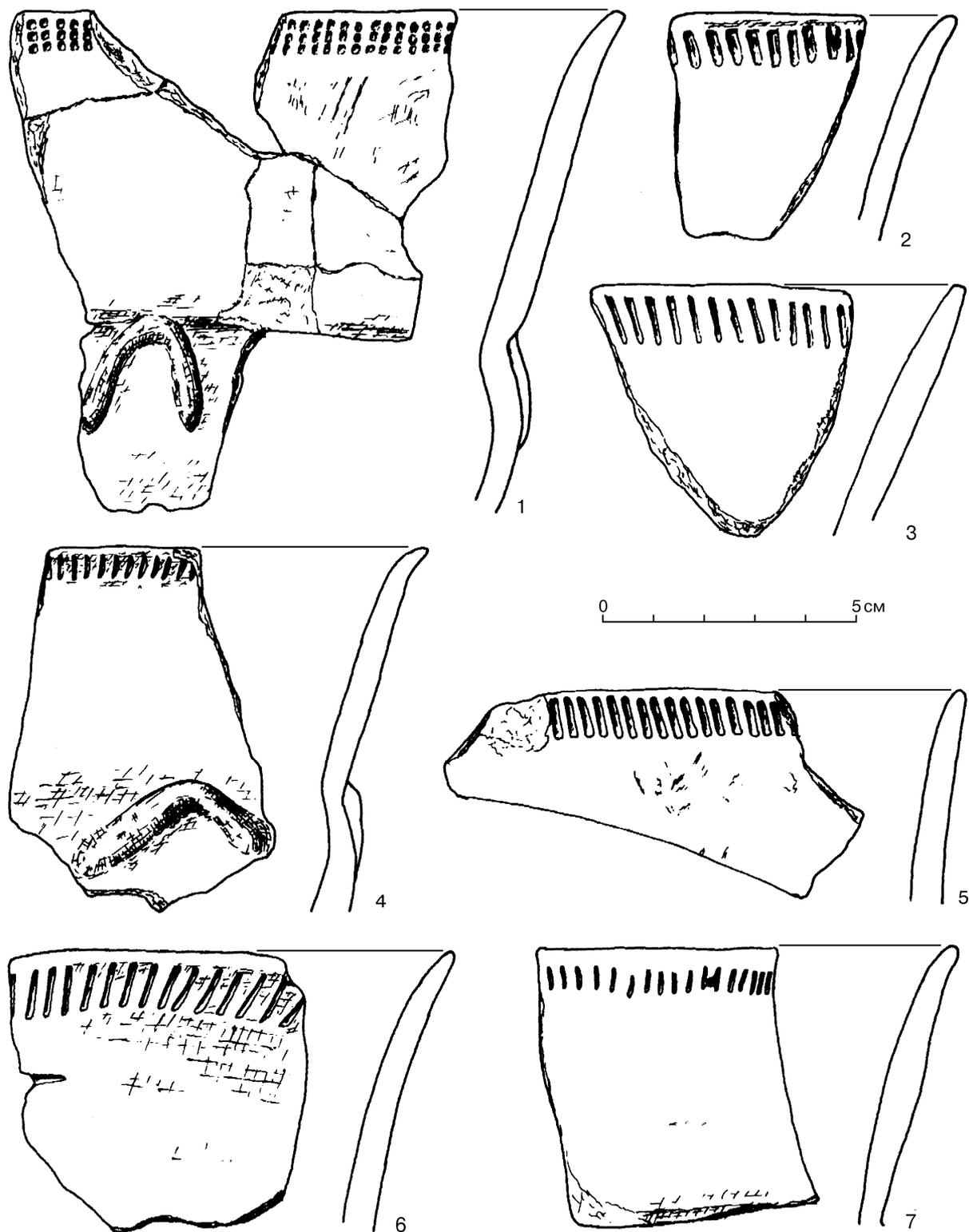

Fig.3: Węlcz Wielki, district Grudziadz (The Chełmno Land), site 10B.
The selection of ornamented pottery of TRB features.

There is one more specific feature of the simple vessels discussed above. Their edges are cut askew towards the inside of the vessel, and often also thickened. They are found in Mątwy group as well as in Chełmno group, although in the latter one the more complex edges are also present.

It is necessary to mention that two fragments of sharp bottoms were found in sites of TRB in the Chełmno Land.

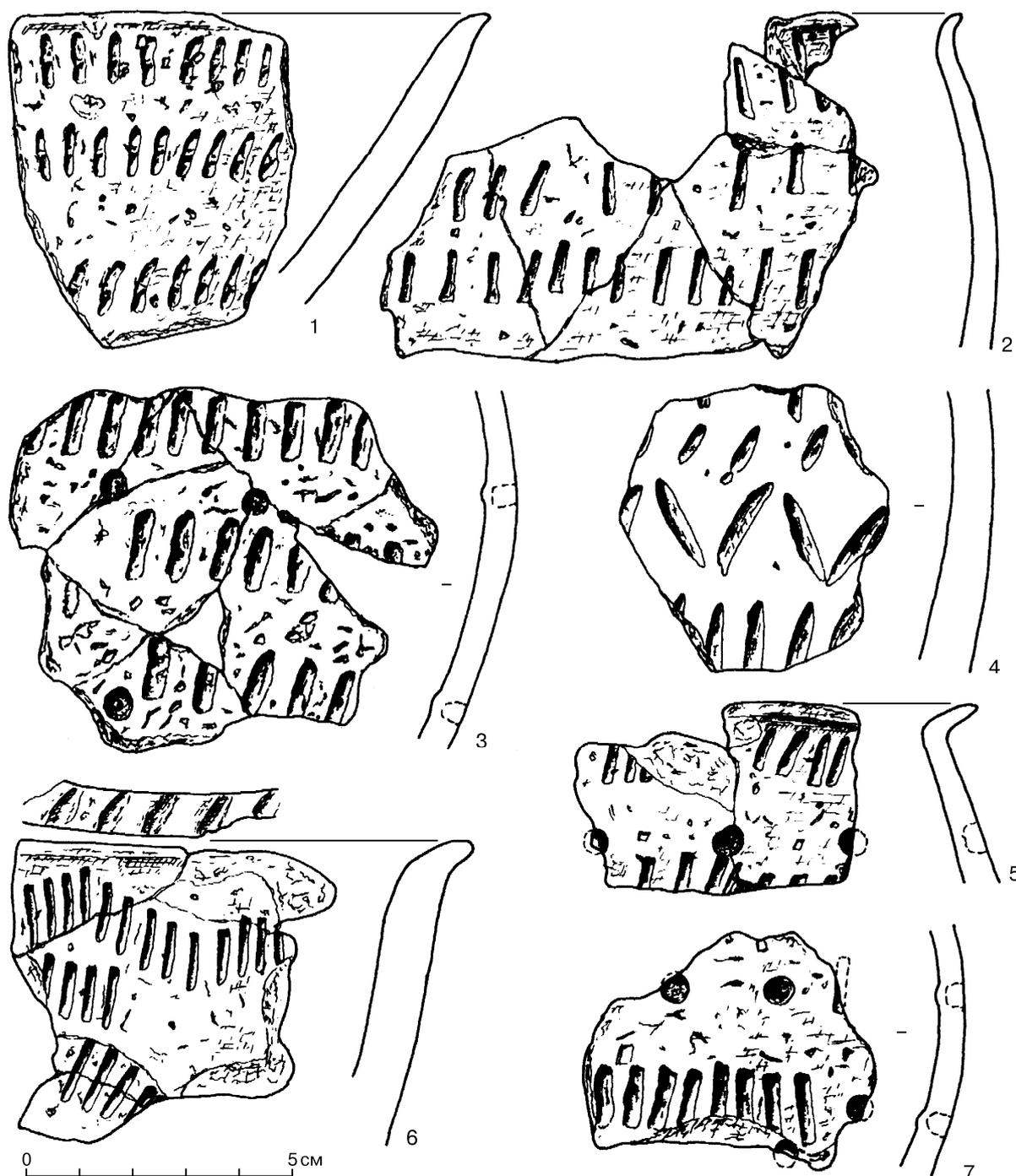

Fig 4: Welcz Wielki, district Grudziądz (The Chełmno Land), site 10B.
The selection of ornamented pottery of sub-Neolithic features.

Technology of pottery production

Among the indisputably unfamiliar to TRB traditions elements of pottery technology the most important are ground shells which were used as a tempering material of the clay substance (Koško, 1981; Kukawka, 1991) Their presence is strongly correlated with discussed ornamentation and morphology of pottery in Mątwy group as well as in Chełmno group of TRB. The admixture of ground shells, which correlates strongly with other sub-Neolithic features, is sometimes present in clay substance of typically TRB vessels. At the same time, the admixture of smashed pottery, typical for TRB, is found in clay substance of vessels displaying ornaments and formal features corresponding with the sub-Neolithic.

The mineral admixture is certainly unfamiliar for TRB. It may have come from local tradition i. e. Globular Amphorae Culture, but there are some reasons (chronological and stylistic) to connect some cases of presence of this admixture with sub-Neolithic cultures (Kukawka, 1991).

Another non-plastic element of clay substance is the admixture of ground bones. However, it is so rare that it was not possible to find any correlation of this element with stylistic features of the vessels in which it is found. I have already suggested the correlation of appearance of this admixture with North-eastern sub-Neolithic (Kukawka, 1991) but taking into account the new chronological assignments I would not insist that this is necessarily true.

When we discuss the technology of pottery production in Chełmno group of TRB we need to mention the tendency towards making vessels of relatively thin facets in comparison to materials from Kuiavia. It is likely that it is an effect of stronger influence of the elements of sub-Neolithic cultures on pottery production (Kukawka, 1991).

Range of appearance

Appearance of the sub-Neolithic elements in TRB pottery varies from site to site. First of all it depends on chronology. In the sites of early phases of TRB in the Chełmno Land their appearance is scarce. In latter phases they are found more often. Among the sets of ornamented pottery the North-eastern features constitute 60 % or even more of the whole. The «shell technology» is found equally often.

The range of appearance of the sub-Neolithic elements depends on many other factors. Among them I should name the chronologically and spatially various local relations within the microregion, formed in the points of contact of TRB groups with sub-Neolithic societies or other Neolithic ones.

Non pottery sources of sub-Neolithic origin

The only non pottery category of sources of the sub-Neolithic origin which is found in TRB materials are the laurel-shaped flint arrowheads. The range of their occurrence is wider than the range of the discussed pottery elements. Łupawa group of TRB from Polish Central Pomerania (Jankowska, 1980; Małecka-Kukawka, Kukawka, 1984; cf. fig. 1) can be an illustration of this statement. Although these artefacts are not found very frequently, their significance for understanding the connections between TRB and sub-Neolithic cultures can not be underestimated. The large amount of them is made of specific local Pomeranian flint material, or sporadically of imported raw materials from Southern Poland (Małecka-Kukawka, Kukawka, 1984; Prinke, Rachmajda, 1988). This means that the laurel-shaped flint arrowheads were produced mostly by local groups. Besides, according to traceological analyses of TRB flint artefacts from the Chełmno Land, such arrowheads are the only known form of arming of arrows (an information from J. Małecka-Kukawka).

II. THE ISSUE OF HOMOGENEITY

In the face of the facts presented above one may ask about the cultural and chronological coherence of the sets of pottery which bear features of TRB as well as sub-Neolithic ones. I am going to limit the considerations to the Chełmno Land (cf. Kukawka, 1990). In the post war period almost 60 sites of TRB were researched. The pure materials (without sub-Neolithic elements) were found only in few sites which were connected with the phase I of TRB in the Chełmno Land. For the rest of the sites the following general notices can be made:

1. There are sub-Neolithic elements in every site.
2. The pottery with shell admixture (sub-Neolithic one) always coexists with the pottery with smashed pottery admixture (typical for TRB).
3. The pottery with sub-Neolithic ornaments always coexists with pottery with TRB ornaments.
4. So far, in the Chełmno Land any «pure» site, consisted exclusively of the pottery of sub-Neolithic features described above, has not been found.
5. The technological transitiveness, presented above indicates homogeneity (pottery of TRB stylistic features with admixture of ground shells and pottery stylistically sub-Neolithic with typical for TRB admixture of smashed pottery).
6. Sets of pottery including both the features of TRB and sub Neolithic were found in tens of pits.

Considering those remarks it should be stressed that there are no reasons to isolate the TRB materials from those of sub-Neolithic features and treat them within particular sites as the remnants of isolated cultural and chronological facts.

III. WHY TRB?

Taking into account the «mass» character of the sub-Neolithic elements in some of the sites one may question legitimacy of connecting the materials from them with TRB and not with any sub-Neolithic culture. There are many arguments and among them the following two are, in my opinion, most important:

1. One can not deny that TRB constituted the cultural base in the process of formation of Chełmno group of TRB. The sub-Neolithic elements are relatively rare in early stages and their amount increases with time. Such quantitative rise does not have to be necessarily a result of intensification of the contacts with sub-Neolithic cultures. It was also an effect of spreading of some patterns which were adapted earlier.

2. Another argument is provided by observations of the level of cultural «purity» of TRB and sub-Neolithic elements. In each of the sites the TRB pottery is typical and has its exact counterparts in other parts of Lowlands ecumene of this culture. Additionally, its variability corresponds with the rhythm of changes in other regions (Kuiavia, Great Poland), sub-Neolithic features, especially morphology and ornamentation, are quite different. They display a process of transformation on the basis of TRB. Among the forms of vessels there are some of flat bottoms and in ornamentation the adoption of selected sub-Neolithic patterns, expressed in a specific way, is observed. These remarks refer equally to the materials of Mątwy group of TRB.

IV. THE ORIGIN OF SUB-NEOLITHIC FEATURES

The analogies to particular fragments of pottery with sub-Neolithic features can be found in various archaeological cultures of Eastern Europe if those fragments are analysed individually. Aleksander Koško, for instance, derives the origin of comb-like ornamentation, typical for Mątwy group and ground shell admixture in ceramic mass either from Tripolie culture (Koško, 1981) or, in connection with simple forms of vessels (without shell admixture) from vaguely defined cultural phenomena formed in the border of the forest and steppe, under the influence of Tripolie (Koško, 1988). However, it is not possible to link the elements of Chełmno group which are unfamiliar to TRB with such genetic centre (Kukawka, 1991; 1991b). The opinion of A. Koško, referred above illustrates the problem well. The comb-like ornamentation can be simply derived from the way of finishing the surface of the vessel by so called combing with a comb-like tool. Such practices were very frequent in various sub-Neolithic cultures in Eastern Europe, and in many cases they can be treated as a form of ornamentation. Searching for territorial or cultural genetic centre of such ornamentation, without acknowledging the whole context of elements unfamiliar to TRB, does not make sense. Similar remarks refer to shell admixture as the non-plastic component of clay substance, and to almost every element of technology and stylistic discussed above. In this case the opinions of A. Koško, should not be ignored altogether, especially because they constitute a part of a wider theoretical stance which explains the processes of eneolitization of TRB. However, the whole of this theory is not acceptable, because it would mean to assume that the identical, foreign technologies of pottery production, forms of vessels of unfamiliar ornamentation or shapes, come from, in case of the two neighbouring groups — Mątwy and Chełmno, from two different centres.

It is possible to point out one basic territorial and cultural centre of origin of the unfamiliar elements in TRB when those elements are treated as a complex. It is the sphere of Narva Culture (NaC) in a wide sense, isolated in the countries in Eastern coast of the Baltic Sea (Lithuania, Latvia, Estonia, Northern Byelorussia, districts of Kaliningrad, Leningrad and Pskow in Russia). It should be explained first what the Narva Culture means. The recognition of this cultural phenomenon is still very unsatisfying. Therefore numerous disputes regarding the isolations of the local groups can be found in literature (Гирининкас, 1982; Girininkas, 1985; Rimantiene, 1984; Тимофеев, 1980). There is also a tendency towards isolating the types of materials which are supposed to represent local stages of development (j. e. materials as Osa, Piestina, Sarnate, Šventoi, Narva, Zedmar) or they are being regarded as separate from NaC (materials such as Zedmar culture, Piestina, Usviaty culture, post-Narva Culture). I am not competent enough to arrange the theories discussed above into a coherent whole so I

will treat all the mentioned phenomena, varying chronologically and spatially as NaC. Such understanding is probably similar to the one presented by A. Girininkas (1994). I am aware that this stance is going to be regarded as controversial by some researchers.

In such understanding of cultural sphere it is possible to find the prototypes of all elements listed in the part I. However it is worth to remind that the North-eastern patterns were adopted selectively in TRB environment. Moreover, the adapted elements usually became widespread in transformed form. This makes defining of the initial phenomena of sub-Neolithic features visible in TRB even more difficult. Their genesis could have been varied. There are visible elements of Zedmar or Šventoi type in the materials from Chełmno group of TRB. Some individual elements can be connected straight with the Comb Pottery Culture (CPC). But when the sub-Neolithic features are treated as a complex, the most analogies are found in so called materials of post-Narva (Гурина, 1996. С. 151—155) corresponding with the materials of Piestinia type and alike (Загорскис, 1967; Лозе, 1988) from Eastern Latvia and Estonia. These materials represent the type of syncretical culture, including the traditional elements of «pure» Narva culture as well as those of CPC. The oldest sub-Neolithic elements from the Chełmno Land can be associated to them. There is also a possibility that the appearance of the «multi-teeth» comb impresses in ornamentation of bellies in so called Torun Mokre materials (= Wiórek-Jezuicka Struga stylistic) is connected with the influence of «pure» CPC (Prinke, 1988; Kukawka, 1997; Małecka-Kukawka, Wawrzykowska, 1999). Such possibility was already suggested by Konrad Jażdżewski (1932). The genesis of laurel arrowheads (Małecka-Kukawka, Kukawka, 1984) fits perfectly in such hypothesis.

Incidentally, it should be noticed that in sub-Neolithic sets the elements connected with TRB are visible (i.e. the fragments of vessels from sites of Zedmar A and Zwidze: Gaerte, 1927. Fig. 140; Loze, 1988. Fig. LVIII, 1—3; cf. remarks on the connections between Northern sub-Neolithic and TRB: Äyräpää, 1930; Timofeev, 1990; Girininkas, 1994).

The territorial and cultural identification of sub-Neolithic elements in TRB is faced with an important obstacle, namely the poor research. This refers to TRB materials and even more to sub-Neolithic phenomena in the areas situated north of the Chełmno Land (in approximate time of 3400/3300—2400/2300 conv. BC).

The Chełmno Land is undoubtedly the furthest North-eastern centre of TRB development. The further settlement was dispersed and, according to current knowledge, was situated only within a radius of 100 kilometres from the centre. However, Eastern Latvia is about 500 kilometres distant from the Chełmno Land. In this case there are two possibilities:

1. The people who produced the pottery similar to Piestinia type penetrated the remote Southern areas close to TRB oecumene already in last ages of the IV millennium conv. BC.

2. The set of all sub-Neolithic phenomena existing between TRB oecumene and the area in which the materials similar to Piestinia type were found has not been recognised yet. Generally we do not know much about phenomena which existed between the zones of TRB and Zedmar type sites (there are only few known sites of the latter type). Our knowledge of the discussed period of prehistory in the vast areas situated between the North Chełmno Land and Lithuania borders has not changed much since the time before World War II. The latter achievements of the researchers of sub-Neolithic cultures (from Russia, Lithuania, Latvia, Estonia and Byelorussia) make it necessary to reconsider the cultural and chronological identification. At the same time neither the information from old German literature nor the scarce sources allow such reconsideration. They only confirm the cultural variety. I am far from referring to the materials which existence is only of a potential character but in this case it is likely that the future research will enable the identification of the sub-Neolithic elements visible in TRB in the areas much closer to the TRB oecumene and also more univocal culturally.

V. THE CHARACTER OF CULTURAL RELATIONS

Taking into consideration the fact that the issue of relationships between TRB people and sub-Neolithic groups goes beyond the main problematic of this paper, I am going to present it here very briefly. The contacts and mutual impact were quite surely very varied, but it seems that matrimonial exchange (exchange of women) was the base of them. There is also the possibility that some particular sub-Neolithic microgroups were assimilated by TRB cultural environment. Such phenomena, above all, formed the stable and varied intercultural relations (Kukawka, Małecka-Kukawka, 1991; Kukawka, 1991; 1997).

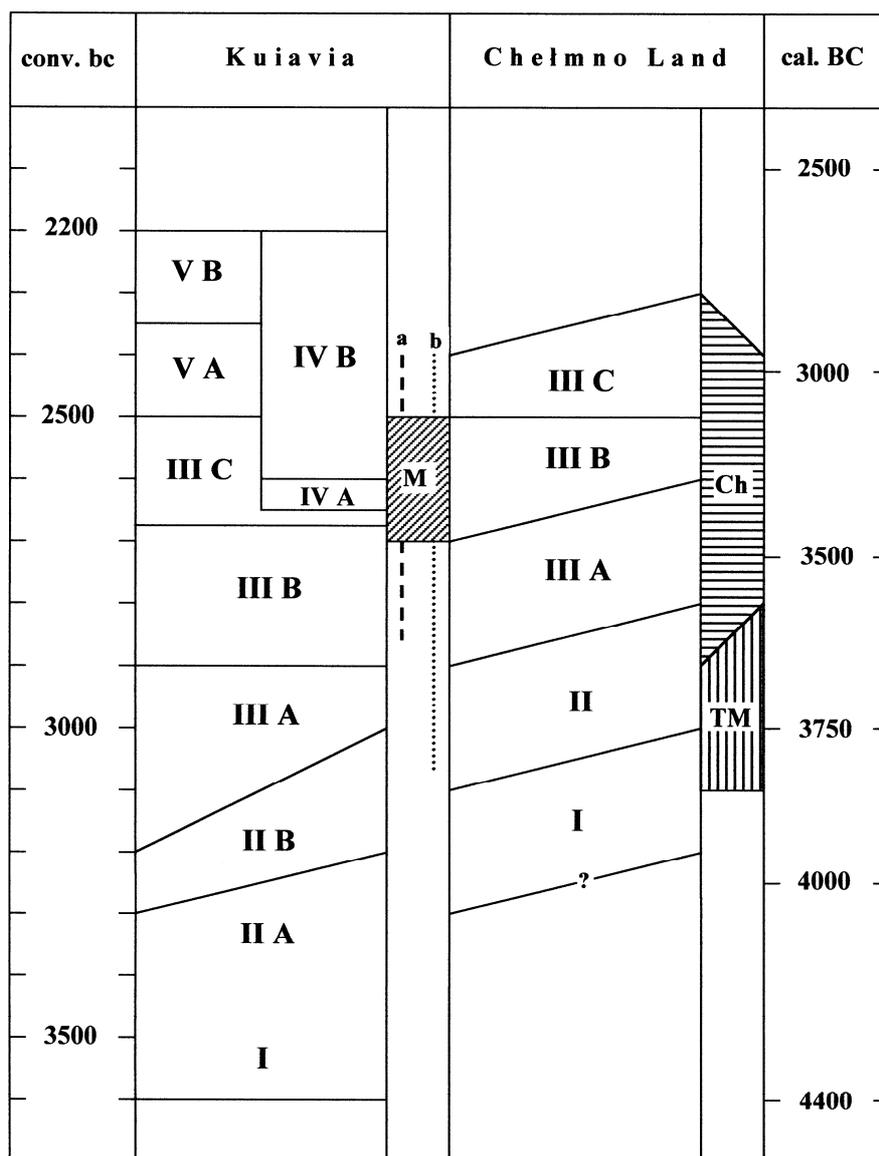

Fig. 5: The schema of chronological division of TRB in Kuiavia (according to Koško, 1981 with appendix: Czerniak, Domanska, Koško, Prinke, 1991; Czerniak, Koško, 1993; Czerniak, 1994) and The Chełmno Land (according to Kukawka, 1997) including the influence of sub-Neolithic cultures: M — Mątwy group; TM — materials of Torun Mokre type; Ch — Chełmno group; a — the appearance of comb-like ornaments in Kuiavia; b — the appearance of laurel arrowheads in Kuiavia.

VI. THE CHRONOLOGY OF THE NAC ELEMENTS IN THE PERSPECTIVE OF TRB

The influence of NaC was the main reason for the distinctiveness of TRB sources in the North-eastern oecumene. It made it possible to isolate Chełmno group (in phase III of TRB in the Chełmno Land: Kukawka, 1991; 1997) and Mątwy group to some extent (in phase IIIB—C in chronology applied to Kuiavia: Koško, 1981). Chełmno group in absolute chronology can be dated in the period of 2900/2800 — 2400/2300 years conv. BC, and Mątwy group in 2700/2500 conv. BC (Koško, 1988). However, the oldest NaC elements visible in TRB materials are much earlier than this. In the areas situated on the left riverside of Vistula some several flint laurel arrowheads were found in Kuiavia sites of phase IIB and IIA (Prinke, Rachmajda, 1989). There were also several fragments of pottery with shell admixture (one of them ornamented) found in Great Poland, connected with the Kuiavia phase IIB (Stempin, 1995). The Kuiavia phase IIB can be situated in the period from 3300 to 3000 conv. BC and the phase IIIA in 3200—2900 conv. BC (Czerniak, Koško, 1993).

The North-eastern elements are found much more often in the areas situated on the right side of Vistula, namely in the Chełmno Land and north of it. Beside the several flint arrowheads there is also the pottery of the features which are technologically and stylistically close to the materials of post-Narva type (Piestinia). They are present in the entire Chełmno phase II dated in 3100—2900/2800 conv. BC though they may be older. The chronological framing of the early influence of NaC in Chełmno Land are supported not only by the results of the typological-comparative research made for materials from Polish Lowlands but also by ten radiocarbon marks made for six separate sets of pottery (cf. Kukawka, 1997. Fig. 20).

To sum up, it can be assumed that the beginnings of the influence of the North-eastern sub-Neolithic cultures on TRB can not be later than 3100 conv. BC and at least for the Chełmno Land this influence is present in all the time of this cultures existence — till approximately 2400/2300 conv. BC.

The schema of chronology of TRB in Kuiavia and the Chełmno Land including the influence of sub-Neolithic cultures is presented in fig. 5.

VII. CONCLUSIONS

The presented cultural and chronological observations give the knowledge about processes which took place within NaC. They lead to three basic conclusions:

1. The expansion of CPC people into NaC oecumene took place much earlier than it was suggested by some researchers (cf. i. e. Girininkas, 1994; Loze, 1988; Rimantiene, 1984; Dolukhanov, Timofeev, 1993). It had to be at least little earlier than the coming to presence of the elements similar to Piestinia type within TRB. I think it was possible in time before 3300/3200 conv. BC — at the beginnings of the existence of style II of CPC in Finland (Долуханов, Лиива, Микляев, 1987). Such suggestion is supported by the series of dates from CPC graves from Zvejnieki in Latvia (Zagorska, 1994).

2. Some kind of syncretical culture connecting NaC and CPC traditions (similar to Piestinia type materials) must have developed about 3100 conv. BC (not later). Assuming that TRB groups contacted with fully developed syncretical culture it is possible to suggest that it came to the existence even earlier. The first conclusion supports this thesis.

3. It is possible that the mentioned syncretical group from the very beginning inhabited much more vast areas than the range of NaC and post-Narva materials (which is suggested now).

LIST OF REFERENCES

- Гирининкас А. А. Различия нарвской керамики развитого неолита в Восточной и Западной Литве // Древности Белоруссии и Литвы. Минск. 1982.
- Гурина Н. Н. Восточная Прибалтика // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Долуханов П. М., Лиива А. А., Микляев А. М. Проблемы абсолютной хронологии культур V—II тысячелетий до н. э. в бассейне Балтийского моря // КСИА. Вып. 153. 1978.
- Загорский Ф. А. Ранний и развитый неолит в Восточной части Латвии / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.
- Лозе И. А. Поселения каменного века Лубанской низины: Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
- Тимофеев В. И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980
- Äyräpää, A. Die relative Chronologie der steinzeitlichen Keramik in Finland // Acta Archaeologica. No. 1 (2). København, 1930.
- Czerniak L., Domańska L., Koško A., Prinke D. The Funnel Beaker Culture in Kujavia // Jankowska D. (ed.). Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Hypothesen. Teil II. Poznań, 1991.
- Czerniak L., Koško A. Z badań nad genezą rozwoju i systematyką kultury pucharów lejkowatych na Kujawach. Poznań, 1993.
- Dolukhanov P. M., Timofeev V. I. Est de l'Europe: la zone des forêts // Atlas du Neolithique européen. L'Europe orientale. 1993.
- Gaerte W. Die steinzeitliche Keramik Ostpreussens. Königsberg, 1927.
- Girininkas A. Narvos kultūros raida // Lietuvos Archeologija. No. 4. 1985.
- Girininkas A. Baltų kultūros ištakos. Vilnius. 1994.
- Gurtowski P. Cmentarzysko ludności kultury pucharów lejkowatych w miejscowości Małe Czyste, gm. Stolno, stan. 20 // Wiślański T. (ed.). Neolit i początki epoki brązu na ziemi chełmińskiej. Toruń, 1987.

- Jankowska D.* Kultura pucharów lejkowatych na Pomorzu Środkowym. Grupa Łupawska. Poznań, 1980
- Jazdzewski K.* Zusammenfassender Überblick über die Trichterbecherkultur // *Prahistorische Zeitschrift*. No. 22. 1932.
- Jazdzewski K.* Kultura pucharów lejkowatych w Polsce zachodniej i środkowej. Poznań, 1936.
- Koško A.* Udział południowo-wschodnioeuropejskich wzorców kulturowych w rozwoju niżowych społeczeństw kultury pucharów lejkowatych. Grupa mątewska. Poznań, 1981.
- Koško A.* Osady kultury pucharów lejkowatych w Inowrocławiu-Mątwach, woj Bydgoszcz, stanowisko I. Inowrocław, 1988.
- Kukawka S.* Elementy północno-wschodnie w rozwoju społeczeństw kultury pucharów lejkowatych na ziemi chełmińskiej // *Wiślański T.* (ed.). Neolit i początki epoki brązu na ziemi chełmińskiej. Toruń, 1987.
- Kukawka S.* Udział komponentu północno-wschodniego w wytwórczości ceramicznej kultury pucharów lejkowatych na ziemi chełmińskiej. (Na marginesie pracy A. Koško, Osady kultury pucharów lejkowatych w Inowrocławiu-Mątwach, woj Bydgoszcz, stanowisko I. Inowrocław, 1988.) // *Archeologia Polski*. No. 35 (1). 1990.
- Kukawka S.* Kultura pucharów lejkowatych na ziemi chełmińskiej w świetle źródeł ceramicznych. Toruń, 1991.
- Kukawka S.* Na rubieży środkowoeuropejskiego świata wczesnorolniczego. Społeczności ziemi chełmińskiej w IV tysiącleciu p. n. e. Toruń, 1997.
- Kukawka S.* Znane nieznanne. Kilka uwag o klasyfikacji kulturowo-chronologicznej materiałów neolitycznych z ziem pruskich // *Hoffmann M. J., Sobieraj J.* (eds.). *Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne*. Olsztyn, 1999.
- Kukawka S., Matecka-Kukawka J.* Neolit-subneolit. Z problematyki kontaktu interkulturowego w świetle badań chełmińskiej grupy kultury pucharów lejkowatych // *Przewoźna-Armon K.* (ed.). *Interpretacje archeologiczne a etnologiczne koncepcje kultury*. Toruń, 1991.
- Kukawka S., Wawrzykowska B.* Kultura pucharów lejkowatych na ziemi chełmińskiej // *Wiślański T.* (ed.). *Neolit i początki epoki brązu na ziemi chełmińskiej*. Toruń, 1987.
- Kukawka S., Wawrzykowska B.* Maie Czyste, gmina Stolno, województwo toruńskie, stanowisko 20, grób 88 // *Jankowska D.* (ed.). *Z badań nad chronologią absolutną stanowisk neolitycznych z ziemi chełmińskiej*. Toruń, 1990.
- Matecka-Kukawka J., Kukawka S.* Krzemienne groty strzał kultury pucharów lejkowatych na Pomorzu // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Archeologia*. T. VIII. 1984.
- Matecka-Kukawka J., Wawrzykowska B.* Materiały neolityczne z Białej Góry w woj. Elbląskim, w zbiorach Muzeum Okręgowego w Toruniu // *Hoffmann M. J., Sobieraj J.* (eds.). *Archeologia ziem pruskich. Nieznane zbiory i materiały archiwalne*. Olsztyn, 1999.
- Marciniak M.* Osada kultury pucharów lejkowatych w Brodnicy-Szabdzie Cegielni, stan. 2 // *T. Wiślański* (ed.), *Neolit i początki epoki brązu na ziemi chełmińskiej*. Toruń, 1987.
- Prinke A., Rachmajda.* Recepcja surowców małopolsko-wołyńskich w krzemieniarstwie faz I—III A kultury pucharów lejkowatych na Kujawach // *Cofta-Broniewska A.* (ed.). *Kontakty pradziejowych społeczeństw Kujaw z innymi ludami Europy*. Inowrocław, 1988.
- Prinke D.* Środkowoneolityczne załączki procesów synkretyzacji kultury pucharów lejkowatych na Kujawach // *Cofta-Broniewska A.* (ed.). *Kontakty pradziejowych społeczeństw Kujaw z innymi ludami Europy*. Inowrocław, 1988.
- Rimantiene R. K.* *Akmens amzius Lietuvoje*. Vilnius, 1984.
- Stempin A.* Osada ludności kultury pucharów lejkowatych na stanowisku Kiełczewo 45, gm. Kościan, woj. leszczyńskie — analiza źródeł nieruchomych i materiału ceramicznego // *Wielkopolskie Sprawozdania Archeologiczne*. T. III, 1995.
- Timofeev V. I.* On the Links of the East Baltic Neolithic and the Funnel Beaker Culture // *Jankowska D.* (ed.). *Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Hypothesen. Teil I*. Poznań, 1990.
- Wawrzykowska B.* Z badań nad kulturą pucharów lejkowatych w południowo-zachodniej części ziemi chełmińskiej // *Czerniak L.* (ed.). *Neolit i początki epoki brązu na ziemi chełmińskiej*. Grudziądz, 1994.
- Zagorska I.* New datings of the Zvejnieki burial ground // Paper presented on the conference «Recent Research on the Stone and Early Bronze Ages in the South-eastern Subbalticum». Supraśl 6—8 september 1994. 1994.

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА БЕЛАРУСИ

Определение хронологии неолита Беларуси, особенно абсолютной, представляет значительные трудности, обусловленные залеганием культурных слоёв в песчаных отложениях близко к поверхности, что вело к нарушению стратиграфии и, как правило, не сохраняло органики. Правда, на террасных и дюнных поселениях примеси раннефеодальных материалов залегают в современной почве. В ней, а также в подпочве, чаще всего встречаются находки эпохи бронзы. У материка, с проникновением в его верхнюю часть, больше концентрируется мезолитический кремний. Неолитические же артефакты, обычно составляющие большинство материала на разновременных объектах, стратифицированию поддаются, как правило, с трудом. И лишь на единичных квадратах раскопа, особенно в очажных местах, заметно, что внизу культурного слоя залегают больше раннеолитической керамики. По этой причине главный метод определения хронологии неолита в бассейнах Днепра, Припяти и Немана — поиск аналогий на более-менее датированных памятниках соседних территорий.

Иначе обстоит дело с торфяниковыми стоянками Северной Беларуси. На этих памятниках отсутствуют условия для существенного плоскостного и вертикального перемещения археологического материала в слое. Сохранились прослойки песка, сапропеля или суглинков, что значительно облегчает стратиграфические наблюдения. К тому же наличие органики позволяет датирование по радиоуглероду, которое может быть подтверждено палеогеографическими наблюдениями.

Попытки определить хронологию неолита в целом и его периодов, а также датировать отдельные культуры и даже памятники в Беларуси предпринимались постоянно (Очерки..., 1970. С. 97—100; Исаенко, 1976. С. 109—115; Чарняўскі, 1979. С. 75—79; Калечиц, 1987. С. 117—124; Археалогія Беларусі, 1997. С. 125, 144, 153, 154, 205, 206, 219). Это делалось преимущественно на основании топографических и стратиграфических наблюдений и сравнительного анализа. Появление радиоуглеродных дат (в данной публикации они не калиброваны) дает возможность более конкретно говорить о хронологии белорусского неолита (рис. 1; 2).

Пока что наиболее раннюю дату показал материал стоянки нарвской культуры Асавец-4. Памятник расположен у д. Асавец Бешенковичского р-на. на склоне гравийного всхолмления у северного края Кривинского торфяника (Чарняўскі, 1997. С. 192—194). Благодаря известняковым включениям в культурный слой на стоянке кроме кремневых и керамических находок сохранились изделия из рога и кости.

Находки из кремня в Асавце-4 немногочисленны, что прежде всего обусловлено бедностью его запасов на севере Беларуси. В то же время они выявляют местные позднеолитические черты, связанные с кундской традицией. Коллекция костяных и роговых изделий состоит из целых и фрагментированных проколов, кинжалов и долот из стенок трубчатых костей, теловидных орудий из рога, обломков наконечников стрел и гарпунов.

Керамика на памятнике составляет практически единый культурно-хронологический комплекс. Черепки принадлежали остродонным горшкам с примесью в стенках волокнистой растительности и толченых раковин. Их поверхности, особенно внутренние, расчесаны зубчатым шпателем. Сосуды формировались из глиняных лент преимущественно способом торцового прилепа. Лишь небольшое количество венчиков имеет пояс глубоких круглых ямок. Около 75 % черепков не орнаментированы. Орнаменты концентрируются вверху сосудов. Это в основном пояса довольно разнообразных наколов, гребенчатых оттисков, насечек, ямчатых вдавлений.

Кость из надматерикового слоя в раскопе Асавца-4 показала дату 5860 ± 50 л. т. н. (Кі-6213). Это пока что самая древняя абсолютная дата для белорусского неолита. Однако начало заметного по палинологии присутствия человека в районе Кривинского торфяника (по скважине южнее на 0,3 км соседней стоянки Асавец-2) отмечается в отложениях середины атлантического периода, со времени 6500 л. т. н. (Симакова, Павлова, 1999. С. 100). Это значит, что поселение Асавец-4 могло возникнуть на несколько столетий ранее.

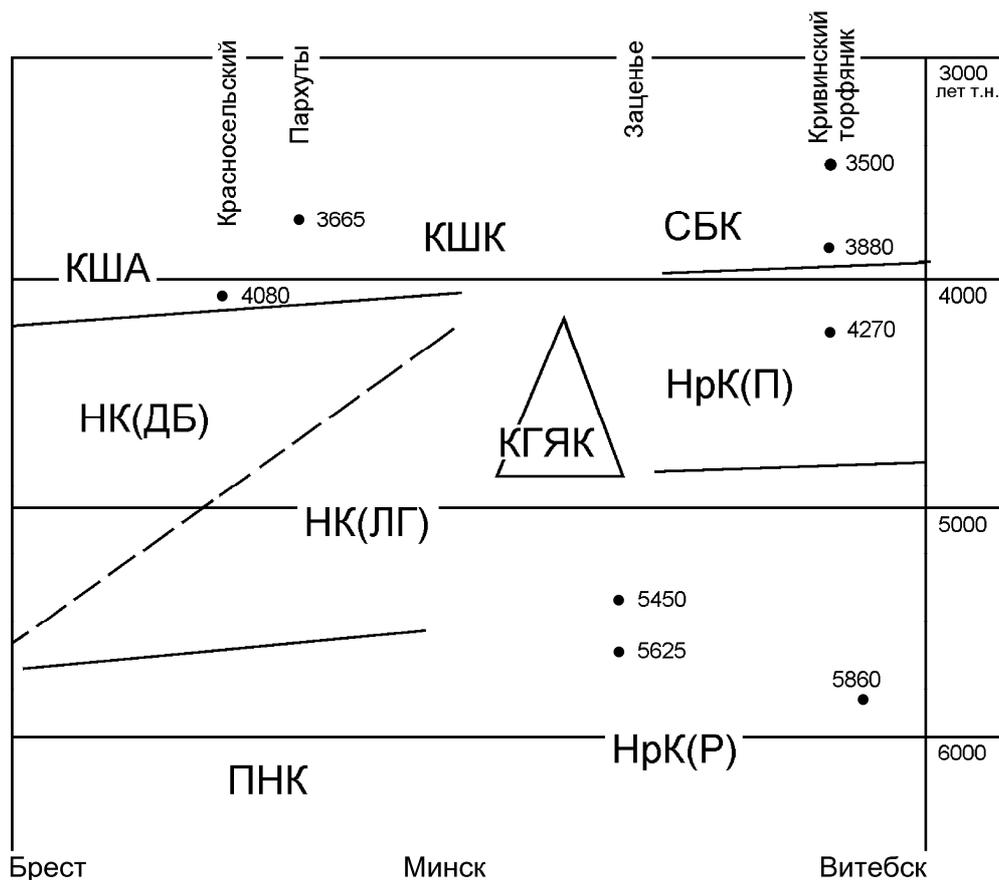

Рис. 1. Культуры неолита — раннего бронзового века в полосе Брест — Минск — Витебск: ПНК — припятско-неманская культура; НК (ЛГ) — неманская культура (лысогорский этап); НК (ДБ) — неманская культура (доброборский этап); НрК (Р) — нарвская культура (ранняя); НрК (П) — нарвская культура (поздняя); КГЯК — культура гребенчато-ямочной керамики; КША — культура шаровидных амфор; КШК — культура шнуровой керамики; СБК — северобелорусская культура. Отмечены памятники, датированные по ¹⁴С.

Для хронологии раннего неолита Беларуси важное значение имеют и материалы торфяниковой стоянки Заценье, расположенной у д. Заценье Логойского р-на на бегу р. Цны в правобережье верхнего течения Березины Днепровской (Чарняўскі, 1996). Здесь получены материалы бронзового века (преимущественно сверху культурного слоя), позднего неолита (малочисленные, сверху и в средней части слоя) и раннего неолита (горизонт над материком).

Все ранние кремневые наконечники стрел из Заценья листовидные на пластинках. Имеются также трапеции, ланцеты, пластинчатые вкладыши. Кремневые изделия в большинстве близки материалам местного позднего мезолита (Кусевщина, кундские памятники) и раннего неолита (Асавец-4, Сосенка-3) Белорусского Поозерья. Большинство костяных и роговых изделий из Заценья не имеет близких аналогий среди средне- и поздненеолитических материалов Северной Беларуси. Это мотыги со сверлением, рубящие орудия из нерасчлененных вдоль фрагментов рогов, орудия из трубчатых костей со скосом в 45°, игловидные и биконические наконечники.

Ранненеолитическая керамика представлена фрагментами широкооткрытых остродонных горшков. В стенках толченые раковины и следы волокнистых растительных примесей. Внутренние поверхности, а местами и внешние, имеют следы расчесов. Способ формирования стенок — косой и торцовый прилеп. Несколько более половины венчиков имеет пояс глубоких ямок. Около половины орнаментов состоит из оттисков гребня. Известны также насечки и различные ямчатые и накольчатые углубления. Орнаментальные элементы образуют преимущественно горизонтальные пояса.

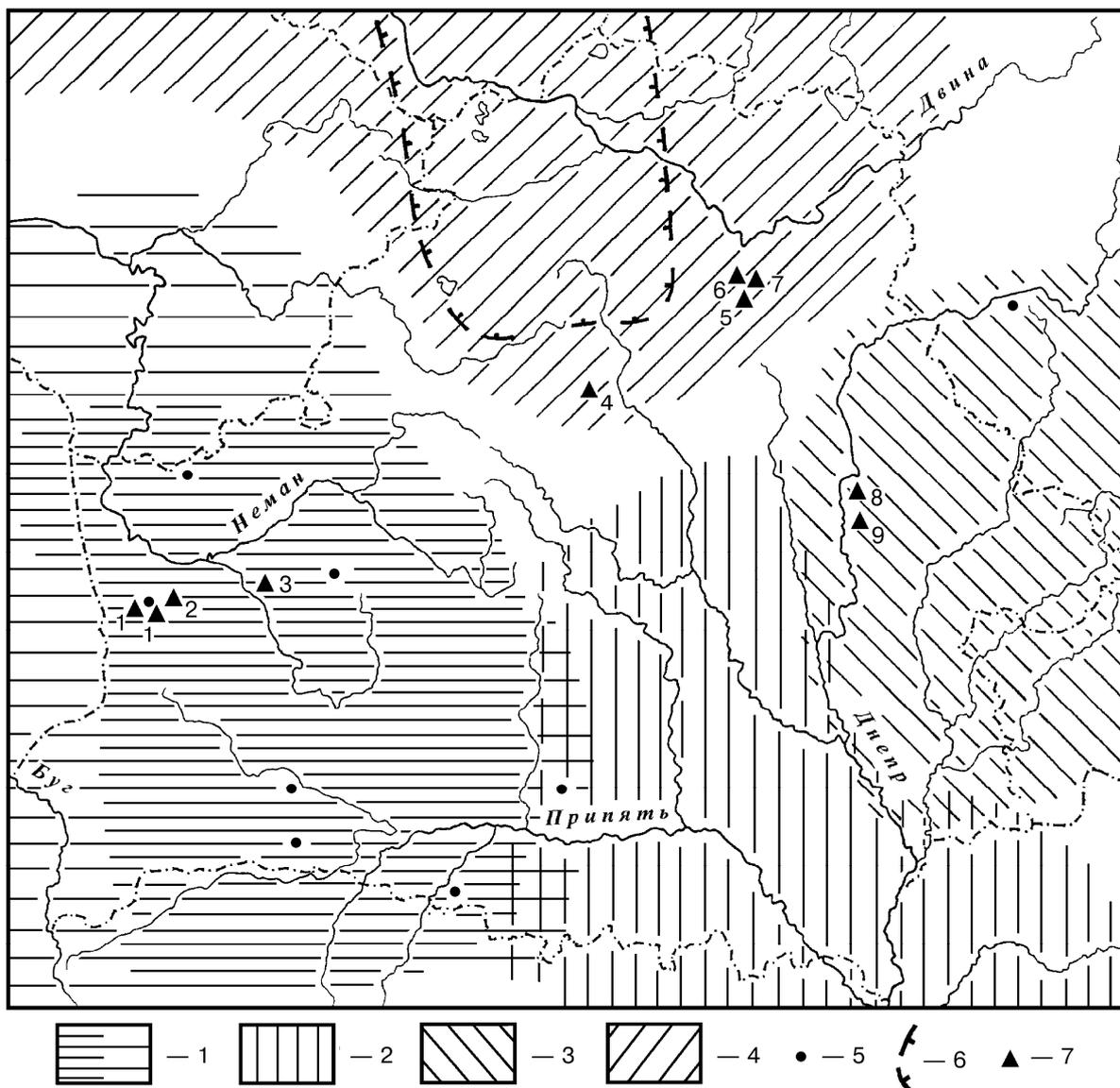

Рис. 2. Неолитические культуры Беларуси:

- 1 — припятско-неманская и неманская; 2 — днепро-донецкая; 3 — верхнеднепровская;
 4 — нарвская; 5 — шаровидных амфор; 6 — гребенчато-ямочной керамики;
 7 — памятники с радиоуглеродными датами (1 — Красносельский; 2 — Карповцы; 3 — Пархуты;
 4 — Заценье; 5 — Кривина-1; 6 — Асавец-2; 7 — Асавец-4; 8 — Прорва; 9 — Ходосовичи).

Ранненеолитические материалы в Заценье залежали в мелкозернистом песке (глубина 1,8-1,9—2 м) над материком. Палинологический анализ показал (Долуханов и др., 1976), что этот песок откладывался во время максимального распространения широколиственных лесных пород (23—25 % от пылицы всех древесных растений) при общем преобладании в палинологических спектрах пылицы сосны. Такой состав растительности характерен для атлантического периода Поозерья (Махнач, 1971. С. 138, 140; Еловичева, 1993. С. 49, 50). Этот же пласт с ранней керамикой перекрыт тонкодетритовым сапропелем, который отложился в условиях влажного и теплого климата в слабoproточном водоеме (Долуханов и др., 1976. С. 819).

И наконец, из этого же предматерикового пласта получены две даты: по кости 5625 ± 40 л. т. н. (Кi-6214) и торфу 5450 ± 75 л. т. н. (Ле-960). Как видим, разница между ними, с учетом допусков, небольшая, и это позволяет считать, что ранненеолитический пласт здесь формировался довольно короткое время около середины 4-го тысячелетия до н. э.

Керамика из Асавца-4 и нижнего слоя Заценья имеет ближайшие аналогии среди раннеолитических материалов нарвской культуры Восточной Прибалтики (Янитс, 1959. С. 122—127; Гурина, 1967. С. 31—39; Загорскис, 1967. С. 12, 13). С нарвской керамикой, особенно из стоянок Нарва, Акали, Кяапа в Эстонии, типа Оса в Латвии, наши материалы сближает пористость стенок, примеси толченых раковин, расчески на поверхности, большинство элементов орнамента, сверленные отверстия и, наконец, формы сосудов. Имеются и отличия, обусловленные расположением наших памятников, и особенно Заценья, на южной периферии нарвского культурного ареала. Сюда проникали заметные влияния соседних неманско-днепровских неолитических культур.

Кремневый и костяной инвентарь Асавца-4 и Заценья также близок ранненарвским находкам Восточной Прибалтики (Янитс, 1959. Рис. 31; Гурина, 1967. Рис. 24, 83; Лозе, 1988. Табл. II, IV, XII, XIII).

Таким образом, на Белорусском Поозерье уже известны раннеолитические материалы, связанные с нарвской культурой, которые относятся к первой половине 4-го тысячелетия до н. э. Однако наши ранние датировки значительно моложе, чем полученные из стоянок Верхнего Поволжья, Латвии, южной Псковщины. Поозерье находилось в таких же географических условиях, как и отмеченные регионы, поэтому даты из Кривины-4 и Заценья нельзя считать самыми ранними для Северной Беларуси. Здесь необходимо искать материалы, которые относились бы к 5-му тысячелетию до н. э.

Раннеолитическая керамика дубичайского типа Западной Беларуси (в бассейне Немана), характерная для припятско-неманской культуры (дубичайский этап неманской культуры), близка по технологии и орнаментации материалам из предматерикового слоя Заценья. Из этого можно сделать заключение, что она одновременна последним, а в Западном Полесье является более древней. В. Ф. Исаенко и Е. Г. Калечиц говорят о появлении керамики на Верхней Припяти в 5-м тысячелетии до н. э. (Исаенко, 1976. С. 113; Калечиц, 2000. С. 15). Начало неолитизации этого региона Д. Гаскевич относит к еще более раннему времени (Гаскевич, 2000. С. 16). Весьма приблизительно мы можем говорить о начале сложения второго (лысогорского) этапа западнобелорусского неолита, обусловленного влияниями культуры воронковидных кубков. Это могло происходить уже в 4-м тысячелетии до н. э.

Средний неолит Северной Беларуси характерен проникновением на запад Поозерья из Прибалтики групп носителей культуры типичной гребенчато-ямочной керамики (Чарняўскі, 1997. С. 206—210). Пришельцы, очевидно, были не очень многочисленными и не стали доминирующим элементом в крае, однако их культура оказала заметное влияние на местное нарвское население. В результате формируется поздненарвская культура, представленная памятниками и материалами типа нижнего слоя Кривины. Керамика этого времени, сохраняя пористость и раковинные примеси, остродонную форму горшков, насечки, наколы и оттиски гребня в орнаментах, получает гладкостенность, внутренний срез утолщенного венчика, оттиски широкозубого штампа. Появляется и гибридная керамика (стоянки на оз. Нарач). Поздненарвская керамика встречена на целом ряде поселений Поозерья, в том числе на стоянках Кривинского торфяника Кривина-1, 2, Асавец-2, 5. Здесь она залегает в основании культурного слоя. В Асавце-2 вместе с ней встречаются единичные фрагменты более ранней керамики, типичной для Асавца-4. Уголь из основания культурного слоя Кривины-1 показал возраст 4270 ± 40 л. т. н. (GrN-5125). Обнаруженная здесь же керамика уже типична для поздненарвской культуры. Поэтому появление в Поозерье пришельцев из Прибалтики и начало их воздействия на местную культуру следует относить к более раннему времени, возможно, к первой половине 3-го тысячелетия до н. э.

Поздненарвская культура на Вилии и в Подвинье существовала до начала 2-го тысячелетия до н. э., когда ее сменила культура северобелорусская (Чарняўскі, 1997а. С. 311—330). Последняя сформировалась на местной основе с заметным участием позднеолитических мигрантов с Верхнего Поднепровья и групп носителей культуры шнуровой керамики. Возможно влияние и культуры шаровидных амфор. Северобелорусская культура, особенно на ранних этапах своего развития, являет собой переходное явление от неолита к бронзовому веку. В ней сочетаются остродонная и плоскодонная керамика, плотные гребенчатые и накольчатые орнаменты с нарезными линиями и шнуровыми оттисками, иногда образующими сложные композиции, костяная и роговая индустрии с единичными медными и бронзовыми изделиями, разви-

тые охота, рыболовство и собирательство с земледелием и животноводством, реалистичная антропо- и зоопластика мира неолитических охотников с абстрактной знаковой символикой земледельцев. По этой причине затруднительно однозначное отнесение культуры к одной из эпох. Скорее всего ее первоначальный этап (первая четверть 2-го тысячелетия до н. э.) можно отнести в позднему неолиту, а последующие к бронзовому веку. А. М. Микляев в своей последней работе считает древности северобелорусской культуры в целом неолитическими (1995).

Наиболее ранняя дата материалов северобелорусской культуры из стоянки Кривина-1 — 3880 ± 60 л. т. н. (Ле-757).

На западе и юге Беларуси в поздненеолитическое время появились носители культуры шаровидных амфор. Наиболее выразительно их древности представлены на могильниках у пос. Красносельский Волковысского и д. Малые Едковичи Берестовицкого р-нов (Charniauskі, 1996). Отдельные местонахождения встречены также на востоке и юге страны. Кость из захоронения шаровидников у пос. Красносельский показала время 4080 ± 140 л. т. н. (Gd-9249). Могильник культуры шаровидных амфор из-под Смоленска относится к 4000 ± 30 л. т. н. (Gd-10082) (Kadrow, Szmit, 1996. P. 104) На Поднепровьи и Понеманьи имеются одновременные, а также более ранние и поздние датировки объектов культуры шнуровой керамики: 4150 ± 80 л. т. н. (Ле-5020), 4060 ± 45 л. т. н. (Ki-5140), 4010 ± 40 л. т. н. (Ki-6206), 3960 ± 40 л. т. н. (Ki-6207), 3890 ± 50 л. т. н. (Ki-6205), 3830 ± 40 л. т. н. (Ki-6208), 3570 ± 40 л. т. н. (Ki-5613), 3490 ± 45 л. т. н. (Ki-5612) — из памятника Прорва-1 у Рогачева Гомельской обл.; 3870 ± 55 л. т. н. (Ki-6590) — Прорва-2, там же; 3855 ± 40 л. т. н. (Ki-6592) — Ходосовичи, Рогачевский р-н (Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999. P. 154, 155), 3665 ± 40 л. т. н. (Ki-6212) (Lakiza, 1999. P. 263). Из этого можно предположить, что носители культуры шаровидных амфор на нашей территории могли появиться одновременно со шнуровиками.

Особый интерес представляют даты из поздненеолитического поселения днепро-донецкой культуры Прорва-2: 1995—1920 гг. до н. э. (Язэпенка, 2000). Они подтверждают высказываемые ранее предположения, о длительном сохранении поздненеолитической традиции культур гребенчато-накольчатой керамики и о сосуществовании её носителей со шнуровиками.

Начало бронзового века белорусские археологи традиционно, и довольно условно, связывают с носителями культур шнуровой керамики, которые появились на нашей территории на рубеже 3/2-го тысячелетий до н. э.

Важное место в неолитическом хозяйстве Западной Беларуси занимали Красносельские шахты (Гурина, 1976; Чарняўскі, Кудрашоў, Ліпніцкая, 1996). Для кремневых выработок в окрестностях пос. Красносельский в левобережье Роси имеется достаточно большая серия дат — 5300 ± 300 л. т. н. (Ле-637), 5050 ± 25 л. т. н. (ГИН-164), 4310 ± 45 л. т. н. (ГИН-148), 3590 ± 150 л. т. н. (Ле-799), 3510 ± 110 л. т. н. (Ле-915), 3370 ± 50 л. т. н. (Ле-680), 3190 ± 60 л. т. н. (Ле-636) (Гурина, 1976. С. 127). Для выработок у д. Карповцы в правобережье Роси — 3490 ± 70 л. т. н. (Ле-914), 3350 ± 80 л. т. н. (Ле-913) (Гурина, 1976. С. 127). Первые две даты наиболее древние и выпадают из серии в пределах $3590—3190$ л. т. н. Они, если только не ошибочны, позволяют относить начало кремнедобычи на Красносельских шахтах к среднему неолиту. Первыми шахтёрами могли быть носители неманской культуры, воспринявшие секреты добычи кремня из меловых выработок у племен культуры воронковидных кубков. Однако более вероятно, что ими была какая то группа населения культуры шаровидных амфор. Присутствие «шаровидников» на Среднем Поросье в конце 3-го тысячелетия до н. э. явно ощутимо в археологическом материале, о чём сказано выше.

В последнее время в белорусской археологии удревняется и начало неолитического производящего хозяйства. Так, следы антропогенного воздействия на среду, связанного с обработкой почвы, на юго-западе Беларуси относятся ко времени 7000 л. т. н. (Калечыц, 2000. С. 9). Палеоботанические признаки животноводства в этом регионе более поздние, они появляются в отложениях завершающей фазы АТ-3 (Калечыц, 2000. С. 9). В то же время процесс укоренения производящих форм хозяйства на севере Беларуси заметно отставал. Пастбищные и пашенные растения в отложениях Кривинского торфяника фиксируются, начиная приблизительно с 5000 лет назад (Симакова, Павлова, 1999. С. 100).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Археалогія Беларусі*. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997.
- Гаскевіч Д.* Рэгіянальныя асаблівасці у неалітызацыі Прыпяцкага Полісся // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Гурина Н. Н.* Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. № 144. 1967.
- Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты на территории СССР. Л., 1976.
- Долуханов П. М., Левковская Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. Л., Чернявский М. М.* Палеогеография и абсолютная хронология стоянки Заценье // Доклады АН Белорусской ССР. Т. 20. № 9. 1976.
- Еловичева Я. К.* Палинология позднеледниковья и голоцена Белоруссии. Мінск, 1993.
- Загорскис Ф.* Ранний и развитый неолит в восточной части Латвии / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Рига, 1967.
- Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Мінск, 1976.
- Калечиц Е. Г.* Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Мінск, 1987.
- Калечиц А. Г.* Мезаліт і неаліт Заходняга Палесся: праблема ідэнтыфікацыі культур і іх узаемазвязі // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Калечиц А. Г.* Пераход да вытворчай гаспадаркі на тэрыторыі Беларусі (шляхі і час) // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
- Махнач Н. А.* Этапы развития растительности в Белоруссии в антропогене. Мінск, 1971.
- Микляев А. М.* Каменный — железный век в Междуречье Западной Двины и Ловати // ПАВ. № 9. 1995.
- Очерки по археологии Белоруссии*. Ч. I. Мінск., 1970.
- Поликарпович К. М.* Торфяниковые стоянки Кривина и Осовец в БССР // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 6—7. 1940.
- Симакова Г. И., Павлова И. Д.* Особенности палеогеографии Кривинского торфяного массива в позднеледниковье и голоцене // Доклады НАН Беларусі. Т. 43. № 5. 1999.
- Чарняўскі М. М.* Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.
- Чарняўскі М. М.* Торфяніковая стаянка Заценне // З глыбі вякоў. Наш край. Мінск, 1996.
- Чарняўскі М. М.* Культура тыповай грабеньчата-ямкавай керамікі // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997.
- Чарняўскі М. М.* Паўночнабеларуская культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997а.
- Язэпенка І. М.* Днепра-данецкая культура ў басейне Верхняга Дняпра // Міжнародны сімпозіум: Ад неалітызацыі да пачатку эпохі бронзы. Культурныя змены ў міжрэччы Одры і Дняпра паміж VI і II тыс. да н. э. Abstracts book. Poznań, Minsk, Brzesc, 2000.
- Янитс Л.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.
- Charniauski M.* Materials of Globular Amphora Culture in Bielarus // Eastern exodus of the Globular Amphora people: 2950—2350 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 4. Poznań, 1996.
- Kadrow S., Szmít M.* Absolute Chronology of the Eastern Group of Globular Amphora Culture // Eastern exodus of the Globular Amphora people: 2950—2350 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 4. Poznań, 1996.
- Kryvaltsevich M., Kovalukh N.* Radiokarbon Dating of the Middle Dnieper Culture from Bielarus // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3130—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7. Poznań, 1999.
- Lakiza V.* Radiokarbon Dating of the Corded Ware Culture from the Niemen River Basin. A grave from Parkhuty, Site 1, the Grodna Region // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3130—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7. Poznań, 1999.

ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТА ЗАПАДНОЙ ЛИТВЫ

В Западной Литве можно говорить о радиоуглеродных датировках трех культур: нарвской, культуры шаровидных амфор и жуцевской (приморской). Даты калиброваны по программе University Washington Quaternary Isotope Lab., Radiocarbon Calibration Program REV 4.3, базирующейся на работе Stuiver M., Reimer P. J. 1993. Radiocarbon. No. 35. P. 215—230, с учетом позднее сделанных дополнений.

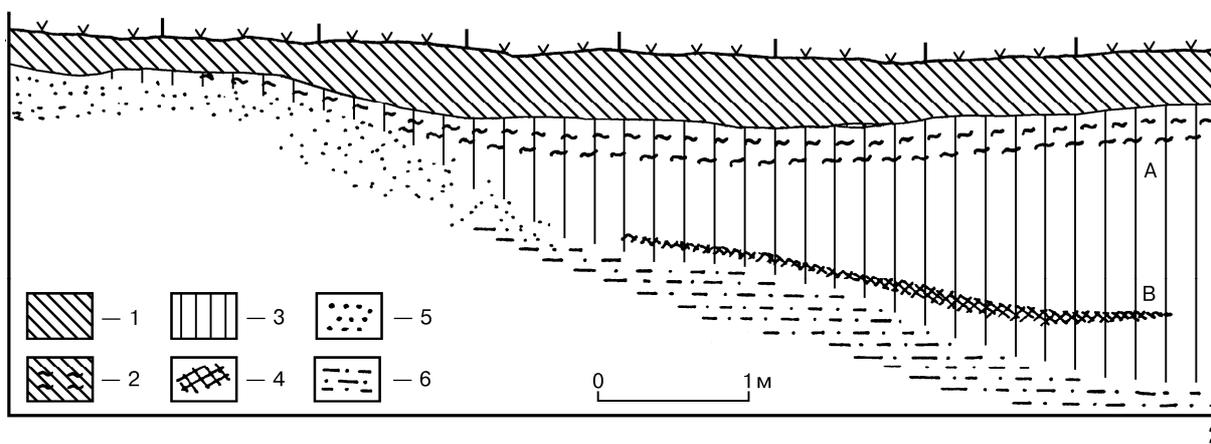
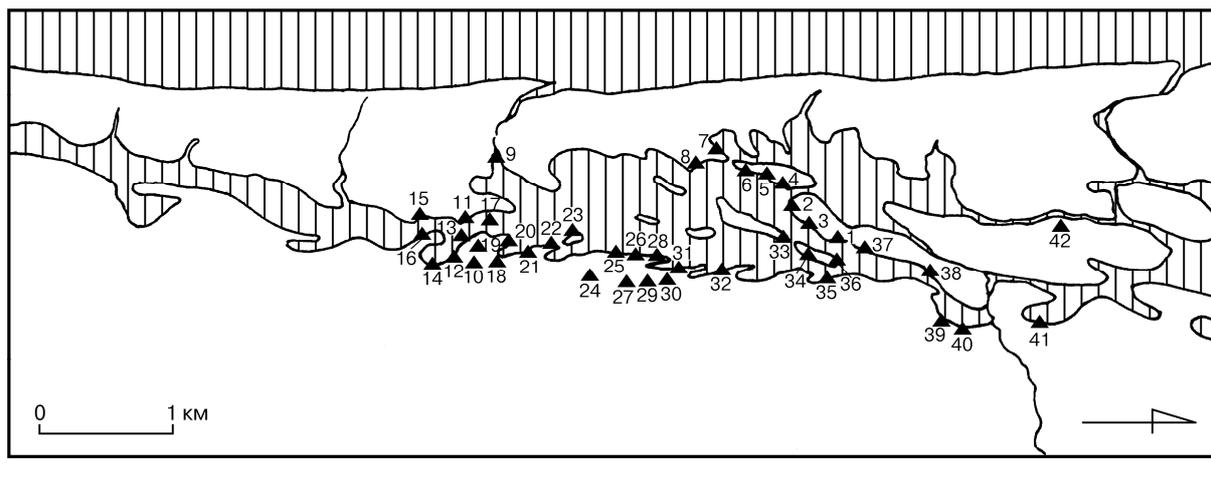

Рис. 1. Реконструкция лагуны Швянтойи (Р. Кунскас) (1) и разрез местонахождения 2/4 (2):
1 — торф; 2 — ископаемый дерн; 3 — сапрпель; 4 — слой рыбьих костей; 5 — песок белый; 6 — песок серый.

Большинство дат неолита в Литве получены в основном из приморской зоны Западной Литвы из поселений Швянтойи. Эта область важна потому, что в неолите на берегу моря образовались лагуны (рис. 1, 1), у берегов которых создались благоприятные условия для проживания охотников и рыболовов. Эти лагуны под конец неолита заросли и в слоях сапрпеля хорошо сохранились нетронутые органические вещества, которые дали возможность получить даты по ^{14}C и по пыльцевым анализам. Но, с другой стороны, на берегу моря нельзя получить самые ранние даты неолита, так как юго-восточный берег, так же как и южный и юго-западный, вследствие

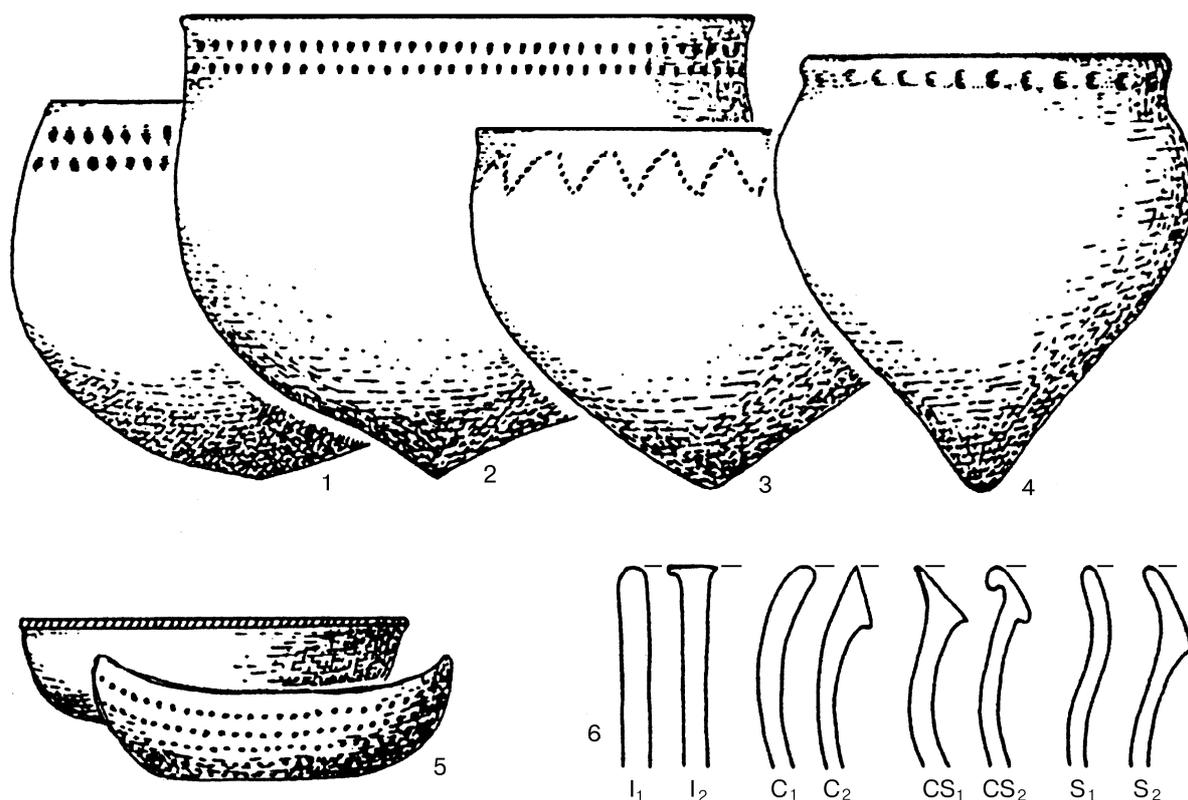

Рис. 2. Основные типы горшков и мисок нарвской культуры и разрезы венчиков.

последнедикумового понижения поверхности земли в позднем мезолите и раннем неолите, оказались под водой и занесенными песком. Песок особенно наступал на восточное и южное побережье моря, причем отступал от юго-западного побережья. Потому в Дании можно исследовать раннеолитические поселения, находящиеся под водой, в то время как в Литве, так же как и в Латвии, самые ранние поселения найдены лишь в отдалении от берега моря.

В основном в Западной Литве имеются памятники, которые датируются IV и III тыс. до н. э., хотя ясно, что начало керамического неолита в Литве следует искать в V тыс. до н. э. Самая ранняя неолитическая культура — нарвская (рис. 2). В Литве имеются пока лишь две даты ранней нарвской культуры, которые указывают на середину пятого тысячелетия (по калиброванным датам) до н. э., происходящие из Дактаришке 5B: (Vs-808) 5530 ± 110 BP (4459 (4354) 4253 calBC); и в Восточной Литве — из Жямайтишке 3: (Bln-2554) 5510 ± 60 BP (4442 (4345) 4262 calBC).

Эти даты обозначают начало нарвской культуры в Литве и указывают на то, что не следует искать истоки нарвской культуры на севере, хотя там получены самые ранние даты. У самого берега моря, по исследованиям в Швянтойи, сохранился материал лишь начала IV тыс. до н. э., т. е. второй половины и конца раннего неолита, на что указывают и пыльцевые данные — конец атлантического периода. Серия дат раннего и среднего неолита получена в местонахождении Швянтойи 2/4B. Так как даты довольно сильно различаются, следует объяснить залегание культурного слоя. Был исследован длинный отрезок прибрежной части лагуны (рис. 1, 2) (около 200 м). Постоянного поселения на берегу не было, лишь сезонные стоянки рыболовов, от которых почти ничего не остается, но все они оставили свои следы в культурном слое на дне лагуны. Хотя все находки нижнего слоя (B) лежали почти на одном уровне, но их даты различны. Это конец раннего и начало среднего неолита. Они обозначают каждое новое посещение этой местности. Кроме керамики в лагуне обнаружено множество рыболовных предметов: сети, челны, весла и культовые предметы — идол, модели лодок.

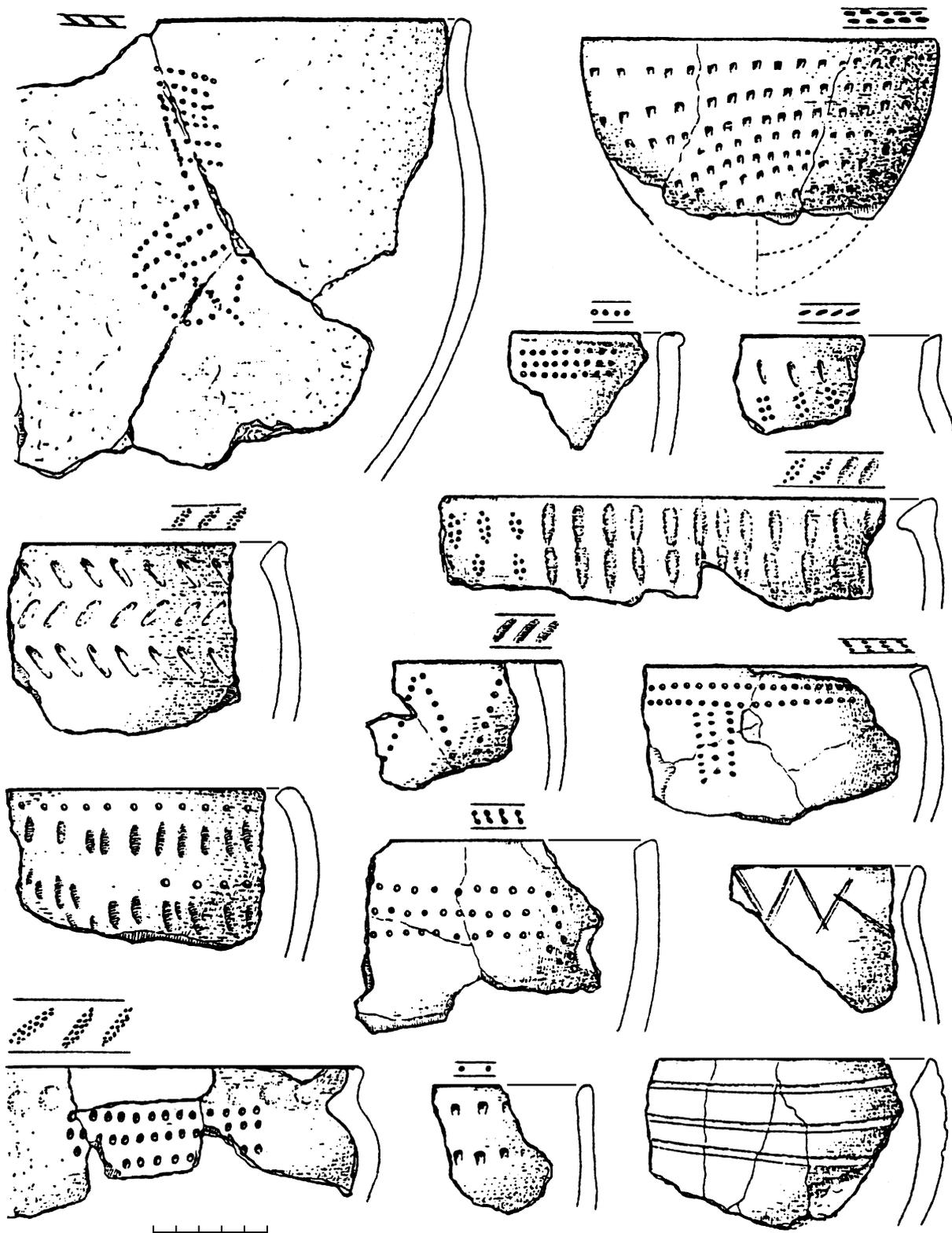

Рис. 3. Фрагменты сосудов нарвской культуры. Швянтойи 2/4В.

Как показывает датировка Швянтойи 2/4В, рыбаки посещали эту местность все четвертое тысячелетие. Даты: (Vs-811) 5110 ± 110 BP (4036 (3956) 3779 calBC) (дерево); (Vs-633) 4910 ± 110 BP (3794 () 3543 calBC) (дерево); (Tua-2076) 4875 ± 65 BP (3706 (3652) 3638 calBC) (рыбьи кости); (Tua-2075) 4530 ± 65 BP (3362 () 3098 calBC) (кость собаки); (Ta-2637) 4480 ± 80 BP (3352 () 3020 calBC) (сапропель нижний); (LJ-2523) 4730 ± 100 BP (3641 () 3370 calBC) (деревянный идол); (Vs-23) 4400 ± 100 BP (3328 (3021) 2901 calBC) (дерево); (Vs-812) 4390 ± 90 BP (3263 () 2901 calBC) (дерево); (Vs-956) 4300 ± 180 BP (3263 (2902) calBC) (уголь); (Bln-4385) 4360 ± 50 BP (3078 (2921) 2905 calBC) (дерево); (Vs-968) 4230 ± 90 BP (2912 (2880) 2679 calBC) (дерево).

Причем выделились и несколько групп керамики — с чисто органической примесью, нерегламентированной орнаментикой, I- и С-видными венчиками — раннего неолита, и вторая группа керамики — с минеральной примесью, более регламентированной орнаментикой и более развитыми венчиками горшков (рис. 3). Так как лагуна многократно посещалась разными людьми, между этими двумя грубо выделенными группами имеется много промежуточных.

Такое же явление можно отметить и в Дактаришке 5В, где кроме упомянутой ранненеолитической даты, получена и среднеолитическая: (Vs-809) 4360 ± 90 BP (3096 (2921) 2887 calBC).

Раннеолитическое население не имело, как кажется, прямых связей с соседями, но, видимо, через посредников иногда получало отдельные предметы в начале среднего неолита: некоторые сланцевые изделия, семена конопли.

Такие же даты начала среднего неолита — начала IV тыс. до н. э. — получены в северной части той же лагуны, в Швянтойи 1В: (LJ-2528) 4640 ± 60 BP (3515 () 3357 calBC) (дерево); (IGAI-12) 4470 ± 40 BP (3332 () 3032 calBC) (дерево); (Ta-247) 4400 ± 90 BP (3311 (3021) 2906 calBC) (дерево); и Швянтойи 3: (Vib-9) 4410 ± 70 BP (3263 () 2917 calBC) (дерево).

Все упомянутые поселения находились на западном берегу лагуны, поблизости от моря. Но в середине III тыс. до н. э. они были принуждены поселиться на более высоком и сухом восточном берегу. Второй четвертью III тыс. до н. э. датировано поселение Швянтойи 23: (Vib-1) 4190 ± 80 BP (2888 () 2623 calBC).

Вторая половина среднего неолита отличается тем, что население начало интенсивно общаться со своими соседями — носителями культур шаровидных амфор и гребенчато-ямочной керамики. В первой половине 3-его тысячелетия это были лишь торговые отношения, вследствие чего местные жители получали от носителей культуры шаровидных амфор сердцевидные наконечники стрел, новые формы украшений, первые культурные растения и домашних животных, а из ареала культуры гребенчато-ямочной керамики получали разные сланцевые предметы. Но совместно они не жили, так как керамика осталась чисто нарвской.

В начале III тыс. до н. э. отмечаем и поселения, где носители нарвской культуры жили совместно с пришельцами культуры шаровидных амфор. Это поселение Швянтойи 6 (рис. 4), даты которого: (Vs-500) 4070 ± 110 BP (2866 () 2468 calBC) (дерево); (Vs-499) 4160 ± 110 BP (2888 () 2504 calBC) (дерево).

Надо полагать, что носители культуры шаровидных амфор не только вели обмен предметами, но и женщинами, что можно проследить в Швянтойи 6. Женщины принесли свои орудия труда — ручные рала (палки-копалки) (рис. 6, 1), несколько красивых мисок (может быть с семенами), но нет таких обрядовых сосудов, как амфоры. Основной керамикой осталась поздняя нарвская, но рядом эти пришлые женщины начали лепить посуду гибридного типа — нарвского облика, но из теста свойственного культуре шаровидных амфор, или горшки, вернее миски, свойственные культуре шаровидных амфор, но украшенные нарвскими орнаментами. Это поселение является прекрасным образцом слияния культур.

В то же время, приблизительно в 500 м от упомянутого поселения, поверх слоя бывшего нарвского местонахождения 2/4В наслаивался новый культурный слой, который мы назвали 2/4А (рис. 5).

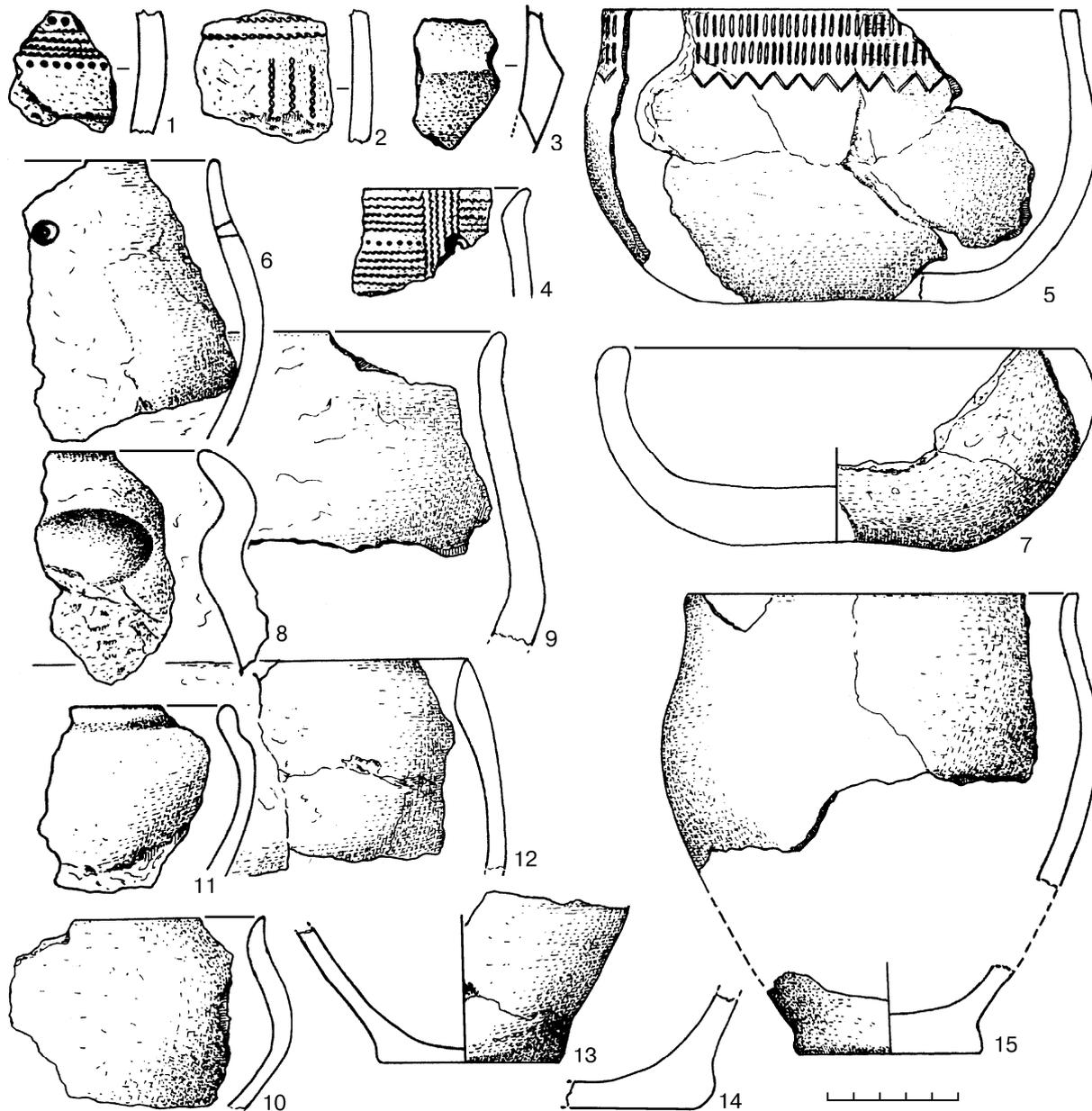

Рис. 4. Керамика культуры шаровидных амфор из поселения Швянтойи 6.

Это остатки жертвенного места жителей «чистой» культуры шаровидных амфор. Даты очень близки: (Vs-967) 4120 ± 100 BP (2880 () 2494 calBC) (дерево); (Vs-957) 4200 ± 100 BP (2902 (2876) 2602 calBC) (дерево); (T-11004) 4145 ± 80 BP (2880 () 2579 calBC) (дерево).

Находки отличаются от обнаруженных на поселении — это также земледельческие орудия, но «мужские»: часть воловьего рала, модель ярма (рис. 6, 2) и даже рог вола. Другая и керамика — это обрядовые сосуды: амфоры, вазы, мисы (рис. 5). Вероятно, это жертвоприношения мужчин, которые пришли из поселений, расположенных дальше от моря.

В Западной Литве хорошо представлена и третья культура, которая тесно связана с обеими упомянутыми выше — жуцевская (приморская). Ни одна культура не может просто перерасти из более древней, в образовании новой культуры должны обязательно участвовать несколько культур. Пример образования новой культуры представляет жуцевская. Она образовалась при слиянии нарвской, неманской, культуры шаровидных амфор и шнуровой керамики. Но не следует рассматривать ее как «смешанную».

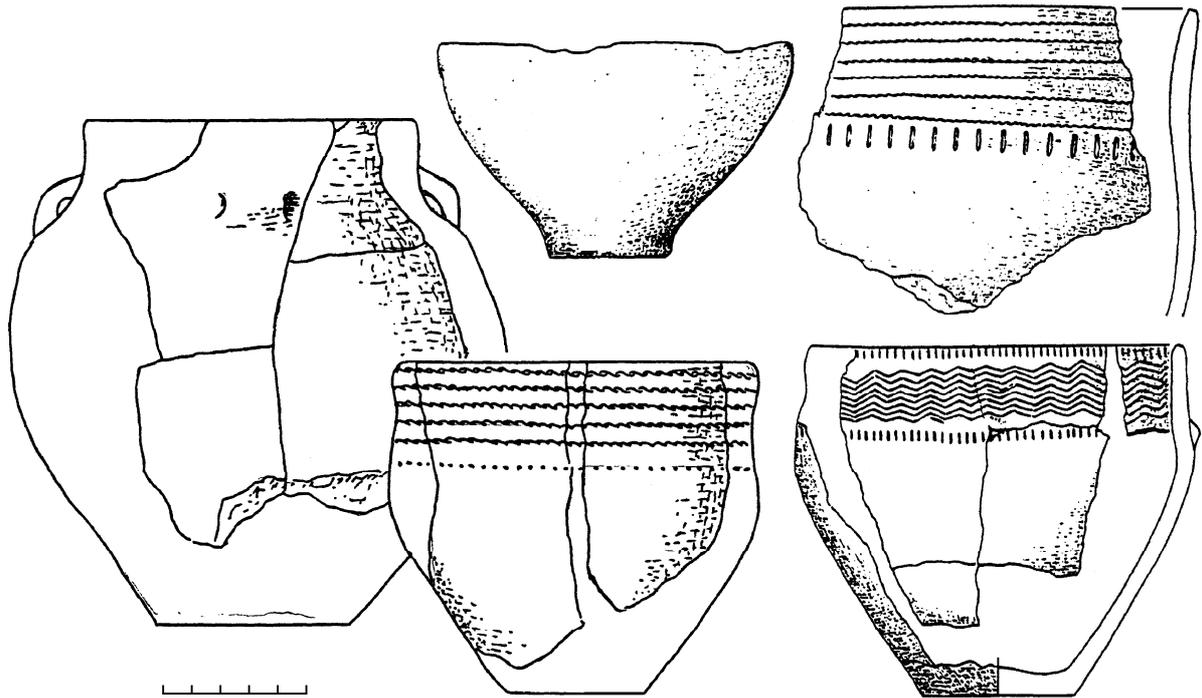

Рис. 5. Керамика культуры шаровидных амфор из поселения Швянтойи 4А.

В целом — это местная культура. Она образовалась, видимо, где-то между Литвой, современной территорией Северной Польши и Калининградской обл., в то же время, когда на этой территории жило население и нарвской, и неманской, и культуры шаровидных амфор. Что неудивительно, так как подобное явление отмечается и в этнографии. Одна культура не вытесняла другую, между ними были постоянные торговые и экзогамные отношения, на что указывают и даты ^{14}C .

Из поселений жуцевской культуры имеется довольно много дат ^{14}C . По датам и по типам керамики можно различить несколько этапов данной культуры. Самая ранняя дата из поселения в средней Жемайтии получена из Шарняле: (Vs-318) 4260 ± 90 BP (2919 (2884) 2704 calBC) (дерево); т. е. приблизительно начало III тыс. до н. э. Керамика этого поселения довольно простая — S-видные кубки, гладкие или украшенные веревкой, редкими наколами. Много костяных изделий. Отсутствуют амфоры и вазообразные формы горшков, как и нарезной орнамент «в елочку» на кубках. Этот этап представляет поселение (может быть, обрядовое место) Швянтойи 1А (рис. 7). Датировки этого поселения: (Vs-22) 4100 ± 60 BP (2876 () 2490 calBC) (дерево); (Ta-246) 4120 ± 80 BP (2876 () 2501 calBC) (дерево).

Классический этап жуцевской культуры представлен большим поселением Нида (рис. 8) на Куршской косе, даты которого охватывают период от начала до конца 3-его тыс. до н. э.: (Bln-2592) 4070 ± 70 BP (2834 () 2497 calBC) (уголь); (Vs-631) 4620 ± 110 BP (3618 (3368) 3122 calBC) (уголь); (Vs-632) 4460 ± 110 BP (3355 (3097) 2919 calBC) (уголь). Видимо, поселение было обитаемо длительное время. Поселение характеризуется множеством форм керамики и разнообразием орнаментики.

Тем же временем датируются памятники в центральной Жемайтии — гора Ширме: (Vs-319) 4070 ± 80 BP (2858 () 2473 calBC) (уголь); поселение Дактаришке 5А: (Vs-813) 4020 ± 100 BP (2834 () 2459 calBC) (дерево); и погребение в Спигинас.

Время существования неолитических культур заканчивается в конце III тыс. до н. э. Появляется новая культура бронзового века, в материалах которой чувствуется сильное влияние тшцинецкого округа и других общеевропейских культур. Это вело к упрощению культурного облика. Дата, связываемая с этим материалом, получена из Швянтойи 9: (Vib-8) 3860 ± 90 BP (2466 (2305) 2149 calBC) (дерево).

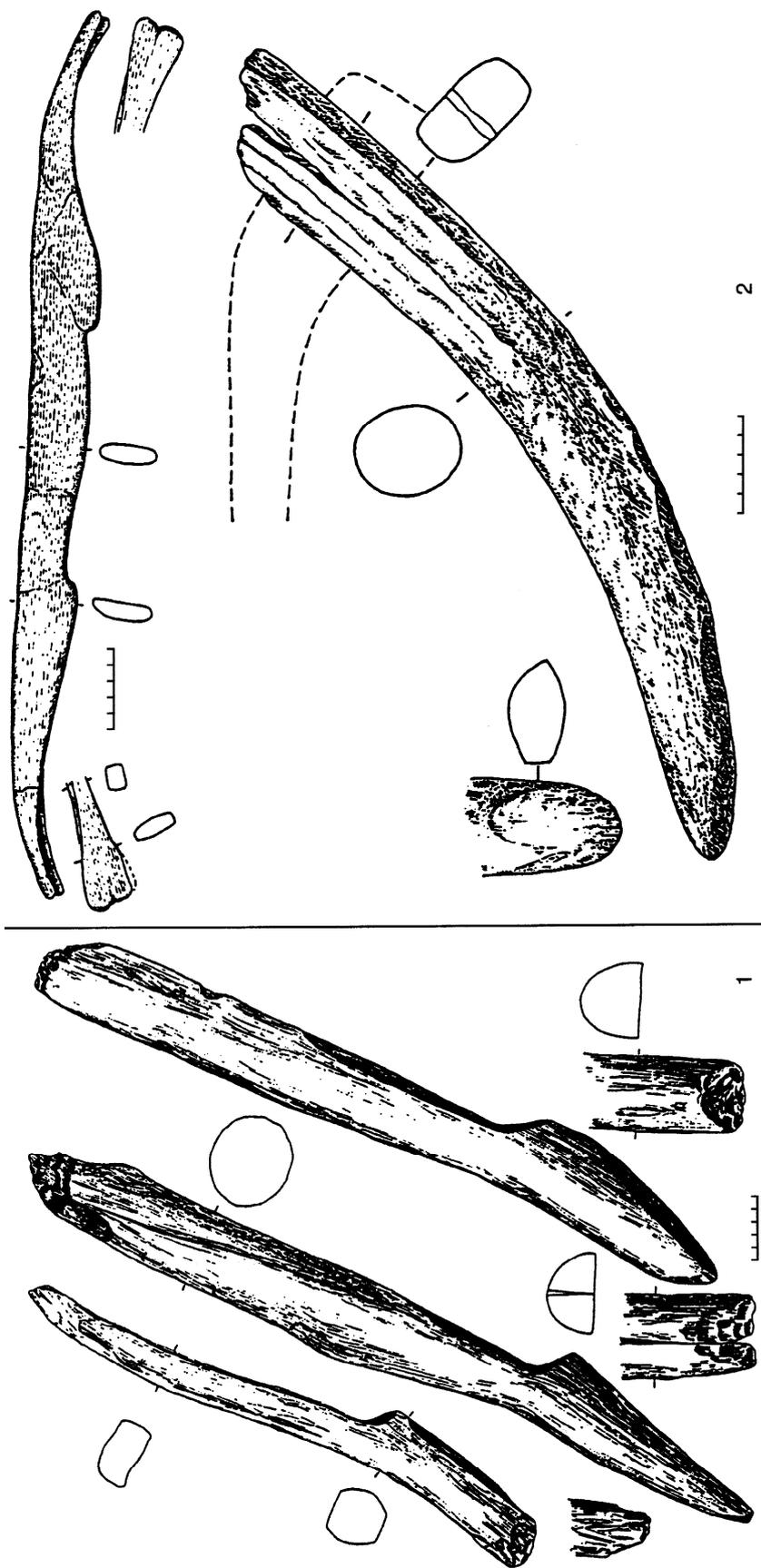

Рис. 6. Ручное рало из поселения Швянтойи 6 (1) и рало и модель ярма из поселения Швянтойи 4А (2).

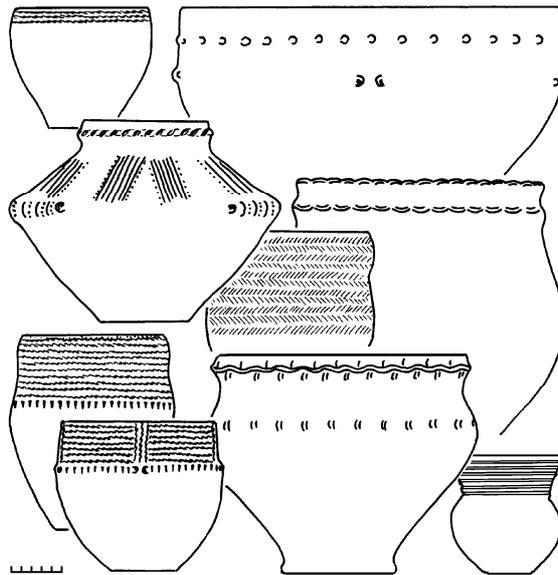

Рис. 7. Ранняя жуцевская (приморская) керамика из поселения Швянтойти 1А.

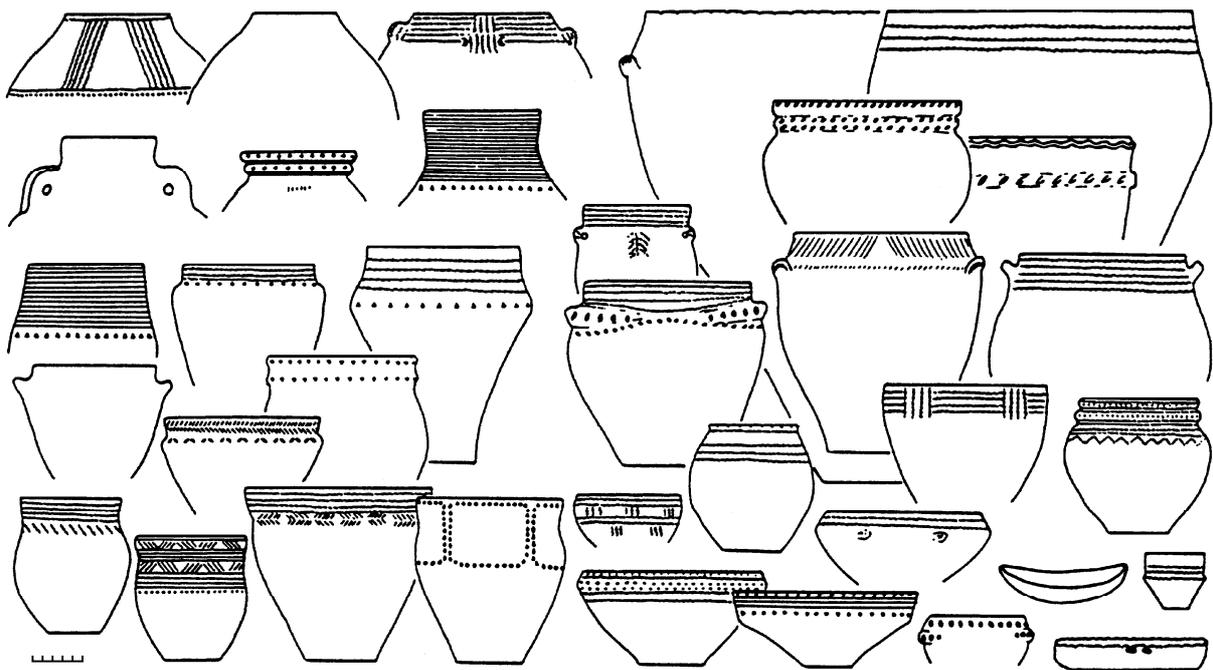

Рис. 8. Керамика из поселения Нида.

Это был закол для ловли рыбы, при котором лежали, видимо как жертвования, горшки с яйцевидным туловом, украшенные орнаментом в виде «колючей проволоки» и простыми шнуровыми оттисками.

В конце III тыс. до н. э. орнаментация горшков вообще исчезает, а вместо нее распространяется штриховка поверхности сосудов. Ранняя, слабо штрихованная керамика датирована в поселении Жямеи Канюкай (предместье г. Каунас): (Vs-324) 3540 ± 90 BP (2012 () 1742 calBC) (уголь).

RADIOCARBON CHRONOLOGY AND ENVIRONMENT OF THE STONE AGE MULTI-LAYER SETTLEMENT ZVIDZE IN THE LAKE LUBĀNS WETLAND (LATVIA)

Introduction

The Zvidze settlement is the key-site for study of the Mesolithic, the Mesolithic-Neolithic transition as well as Middle Neolithic culture subdivision in the territory of the Lake Lubāns wetland. Well-preserved cultural layers in the upper and lower part of the slope contain wooden constructions, providing rich material for radiocarbon dating.

The Zvidze settlement site (56° 40' N, 26° 52' E) is located in the western part of the Lake Lubāns wetland, north-west of the lake. It is situated on the edge of undulating till where it meets the bogged up depression of Lake Lubāns. The latter is filled with lake deposits and covered with grass peat and arboreal peat. In the region of the settlement site, lacustrine clay has covered the abraded parts of lake terraces and gradually thins out, being substituted by silts and sands. The clay is overlain by 1.3—1.5 m thick yellow and grey gyttja. Archaeological excavation has been conducted by the Lubāns Expedition of the Institute of History of Latvia under the direction of one of the authors in 1973—1975 and 1981—1984 (Loze, 1988; Loze, 1994). The geological and geomorphological situation has been studied by G. Eberhards (Эберхард, 1989), G. Levkovskaya (Левковская, 1987) and T. Jakubovska (1997).

Results

In the course of excavations at the settlement of Zvidze, four areas have been uncovered (447 m² in total) situated on the edge of the till (excavated units A and A₁), as well as on the upper part of the slope (unit C) and on the lower part of the slope (unit B) (Fig. 1).

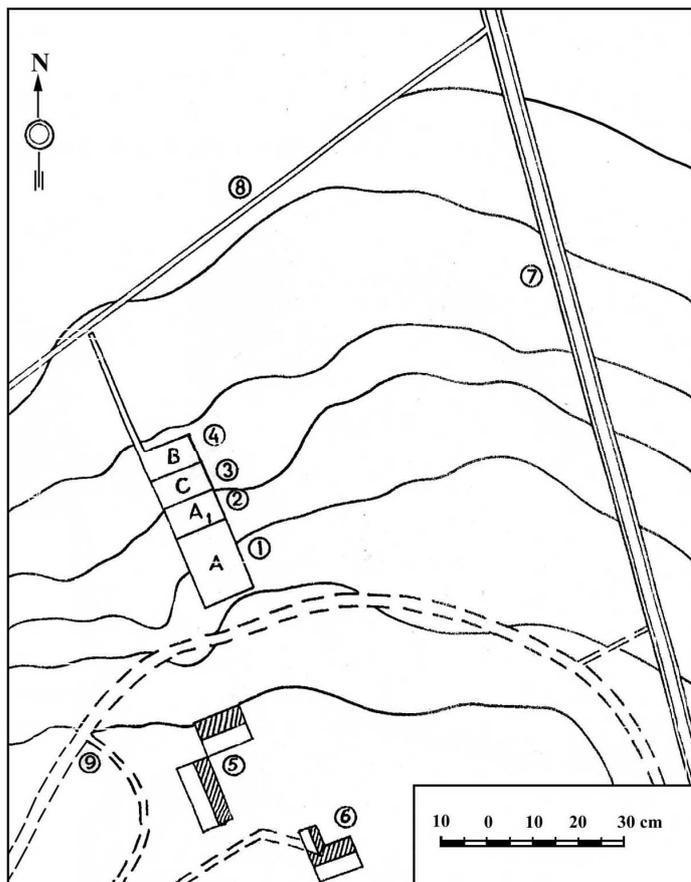

Fig. 1. Plan of the excavation.

Samples for radiocarbon dating — well preserved horizontally lying timbers of dwellings, wattle of a fishing structure, wooden pieces without any cut marks, as well as some charcoal and arboreal peat and gyttja — have been taken from the upper part of the slope (unit C) (Laboratory indices up to T-883 mentioned below relate to this excavated unit) and on the lower part of the slope (unit B) (the rest of the samples with laboratory indices TA-1792 to TA-2388 relate to this unit).

The Zvidze settlement, with well preserved fishing equipment from the Early Neolithic, as well as the remains of Middle Neolithic dwellings with numerous wooden implements and an amber workshop, has a complicated stratigraphy, and the number of distinguished culture layers in both parts of the slope adjacent to the moraine is not the same — excavation unit C consists of 17, and excavation unit B of 14 lithologically different layers (Loze, 1988; Loze, 1994). The

thickness of deposits of peat, sand, gyttja and gravel above the silt differs, and so the depths from the surface where dated samples were taken are included in the general context of the survey, without attempting to restore mechanically the general picture proceeding from data mentioned here.

In this paper, the archaeological samples are subdivided into the following groups: 1) Mesolithic and Neolithic samples from the upper and lower part of the slope (excavated units C and B, 31 samples) and 2) samples with pollen spectra (10 samples). Archaeological samples (20) were collected by archaeologists during the excavation seasons, taking the best situated horizontally lying wooden poles of the dwellings, wooden fragments without cut-marks, charcoal and a single sample of arboreous peat from the different cultural layers of the Mesolithic and Neolithic.

Table 1.

Radiocarbon dates of the multilayer sites Zvidze

No	Lab. index	Material for dating and its position in site	¹⁴ C age, BP	Calibrated age, calBC	
				1σ	2σ
Middle Mesolithic					
1.	TA-857	Charcoal, depth 1.6—1.7 m	7370 ± 90	6352—6054	6372—6010
2.	TA-1722	Gyttja, depth 1.50—1.55 m	7650 ± 100	6550—6370	6630—6220
Late Mesolithic					
3.	TA-856	Charcoal from the western profile, unit C, depth 0.9—1.0 m	6770 ± 60	5678—5584	5718—5525
4.	TA-861	Wooden piece, depth 1.3 m	6780 ± 60	5682—5590	5722—5527
5.	TA-851	Charcoal from the gyttja layer, depth 1.6—1.8 m	7020 ± 60	5946—5788	5692—5730
6.	TA-864	Pole horizontal lying, depth 1.55 m	7020 ± 60	5946—5788	5962—5730
7.	TA-863	Arboreous peat, depth 1.5 m	7110 ± 60	5994—5868	6044—5800
8.	TA-1611	Wattle from the gyttja layer, depth 1.16—1.26 m	7240 ± 100	6170—5980	6350—5850
9.	TA-1632	Wooden piece from the gyttja layer, depth 1.8—1.9 m	7060 ± 80	5968—5812	6012—5718
10.	TA-1612	Wooden piece from the gyttja and aleurite layers, depth 1.8—1.9 m	6610 ± 80	5576—5448	5624—5386
11.	TA-1607	Wooden pole horizontal laying from the gyttja layer, depth 1.78—1.80 m	6630 ± 80	5576—5448	5624—5386
Early Neolithic					
12.	TA-1609	Wooden pole horizontal laying, depth 1.4—1.5 m	6210 ± 80	5244—5062	5276—4942
13.	TA-1593	Charcoal, depth 1.25—1.35 m	6210 ± 80	5244—5062	5276—4942
14.	TA-1592	Wooden piece, depth 1.20—1.25 m	6170 ± 70	5216—5000	5250—4940
15.	TA-1608	Wooden piece, depth 1.35—1.40 m	6110 ± 80	5204—4928	5224—4840
16.	TA-883	Wooden piece, depth 1.12 m	6260 ± 60	5264—5082	5314—5058
17.	TA-852	Charcoal from the western profile, depth 0.75—0.85 m	6315 ± 60	5320—5148	5426—5076
18.	TA-862	Wooden pole, depth 1.4 m	6535 ± 60	5561—5344	5572—5330
19.	TA-1594	Wooden piece, depth 0.90 m	5440 ± 80		
20.	TA-1818	Wooden piece, depth 1.4—1.5 m	5770 ± 60	4700—4564	4770—4472
21.	TA-1819	Charcoal, depth 1.4—1.5 m	5870 ± 60	4826—4626	4904—4576
22.	Ri-359	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6050 ± 150	5200—4790	5270—4590
23.	Le-1724	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6080 ± 70	5068—4858	5212—4828
24.	Vs-521	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6180 ± 150	5260—4940	5430—4780
25.	Tln-812	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6195 ± 40	5214—5072	5242—5004
26.	MGU-1010	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6200 ± 240	5420—4840	5575—4560
27.	IGAN-614	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6360 ± 40	5326—5264	5426—5232
28.	MGU-1008	Arboreous peat, depth 1.4—1.5 m	6450 ± 250	5585—5080	5770—4820
Middle Neolithic					
29.	TA-675	Wooden pole, depth 0.53 m	4370 ± 80	3094—2890	3334—2780
30.	TA-674	Wooden pole, depth 0.60 m	4540 ± 60	3352—3106	3494—3036

Eleven archaeological samples mentioned here have been presented by members of a special group of the 6th Scientific-Practical Seminar connected with isotopic-geological investigations in the territory of the Baltic region and Belarus. Samples were taken at the settlement of Zvidze from the west section of excavation area B from Early Neolithic level 9 in the lower part of the slope. The results have been published by V. S. Veksler and J. M.-K. Punning (Векслер, Пуннинг, 1988). According to the published materials, the dates of the aeoreous peat samples coincide on level 46. All the rest of the results coincide on level 26, except for TA-1818 (wood fragment) and TA-1819 (charcoal). This non-coincidence is evidently the result of a difference in dates for these materials (Векслер, Пуннинг, 1988). The ^{14}C dates with intervals of calibrated age are presented in table 1.

Study of the paleoenvironment and samples with pollen spectra

Study of the paleoenvironment at the settlement of Zvidze was conducted using the radiocarbon dates and a complex of palynological and paleocarpological investigations during the 1970s and 80s. Three pollen diagrams have previously been analysed without the presentation of the special series of radiocarbon dates from the two different sections of excavation units (C and B) (Левковская, 1987; Jakubovska, 1997). The palynological examples of the fourth diagram were dated by a series of radiocarbon dates.

These samples with pollen-spectra were collected by archaeologists from the eastern section of excavation unit B in the lower part of the slope of the Zvidze settlement, using a field method developed by Estonian specialists for taking simultaneously samples for radiocarbon dating, botanical analysis and pollen analysis (tabl. 2). The pollen diagram has been presented by I. Jakubovska, palynological studies having been carried out by I. Jakubovska and V. Stelle (Лозе, 1988).

Table 2.

Radiocarbon dates of the pollen dated samples

No	Lab. index	Material for dating and its position	^{14}C age, BP	Calibrated age, calBC		Pollen zone
				1 σ	2 σ	
Middle Mesolithic						
1.	TA-1722	Gyttja, depth 1.50—1.55 m	7650 \pm 100	6560—6370	6630—6220	Bo2
Late Mesolithic						
2.	TA-1723	Gyttja, depth 1.45—1.47 m	7180 \pm 80	6114—5890	6174—5854	At1
3.	TA-1745	Gyttja with charcoal, depth 1.40—1.45 m	7480 \pm 80	6376—6216	6454—6070	At1
Early Neolithic						
4.	TA-1799	Gyttja & peat, depth 0.75—0.80 m	5510 \pm 70	4454—4260	4494—4166	At2
5.	TA-1798	Gyttja & peat, depth 1.00—1.05 m	6050 \pm 100	5070—4820	5220—4730	At2
6.	TA-1782	Grass peat, depth 1.15—1.20 m	5990 \pm 60	4934—4810	5046—4730	At2
7.	TA-1746	Grass peat, depth 1.30—1.35 m	6350 \pm 60	5372—5232	5432—5144	At2
Middle Neolithic						
8.	TA-2033	Sandy arboreous peat, depth 0.35—0.40 m	4580 \pm 80	3496—3104	3618—3034	Sb2
9.	TA-1802	Charcoal from the arboreous peat, depth 0.40—0.45 m	4430 \pm 50	3264—2924	3330—2916	Sb2
10.	TA-1801	Sandy peat, depth 0.50—0.55 m	4750 \pm 60	3632—3382	3644—3372	Sb1
11.	TA-1800	Gyttja peat, depth 0.70—0.75 m	5320 \pm 50	4428—4044	4318—3996	At2

The above-mentioned pollen analysis shows the following sequence of changing climatic periods and cultural layers: 1) transition from pollen zone Bo 2 to At 1 (transition from Middle Mesolithic to Late Mesolithic — 7180 \pm 100 BP (TA-1723); 2) boundary between the pollen zones At 1 and At 2 (boundary between Late Mesolithic and Early Neolithic) — 6350 \pm 60 BP (TA-1746); 3) the upper part of pollen zone At 1 (beginning of the Middle Neolithic) — 5320 \pm 50 BP (TA-1800), 4) the upper part of pollen zone Sb 1 (Middle Neolithic) — 4750 \pm 60 BP (TA-1801) and 5) the upper part of pollen zone Sb 2 (the end of the Middle Neolithic) — 4370 \pm 50 BP (TA-675) (Лозе, 1988).

Subsequently, four local pollen assemblage zones were determined (Jakubovska, 1997). Lu 1 *Betula* paz, Lu 2 *Pinus-Betula* paz, Lu 3a *Alnus-Picea-Quercetum mixtum* paz, Lu 3b *Alnus-Picea-Qm-Cerelia* paz and Lu 4 *Pinus-Picea-Alnus* paz. Within this division, the cultural layers of the Zvidze site correspond to zones Lu 2, Lu 3a and 3b. Lu 2 and the transition to Lu 3 is dated in a similar section also in Zvidze settlement by radiocarbon sample TA-1722 to 7650 ± 100 BP (Јлозе, 1988).

These pollen-zones were subdivided according to the accepted criteria in Scandinavia. We prefer to use the mentioned above criteria of subdividing the local pollen zones (Јлозе, 1988).

The first anthropogenic indicators (*Zygopholaceae*, *Primulaceae*, *Brassicaceae*, *Rununculaceae* and *Plantago*) appear in the lower part of pollen zone Lu 3a. The first charcoal maximum (in pollen zone Lu 3a) can possibly be connected with fireplaces with the remains of nuts of *Trapa natans* and *Corylus avelana*.

The lowest Cerealia maximum (*Hordeum*) shows the beginning of the introduction of agriculture during the Middle Neolithic (Lu 3b) (Jakubovska, 1997), no earlier than the first phase, to which sample TA-1801 relates, dated to 4750 ± 60 BP.

Paleocarpological studies of seeds from the Late Mesolithic (At 1) and Early Neolithic (At 2) layers of Zvidze settlement showed vegetation of wet swamps and marshy meadows (27 %) as well as aquatic vegetation (26 %) (Jakubovska, 1984). This indicates bogging over of shallow waters and the lakeshore. The lower, Late Mesolithic, layer is dominated by aquatic vegetation, with equal representation of wet meadow and aquatic vegetation in the higher, Early Neolithic, layers. Dominant in the lower, Late Mesolithic, layer is aquatic vegetation. In the Middle Neolithic layers, where Cerealia pollen appears, pollen of *Vicia* and *Spergula* is also present, reflecting an environment suitable for early cultivation at the Zvidze site.

Discussion

Archaeologically, at the Zvidze settlement five Stone Age occupation phases have been distinguished, connected with a definite sequence of cultural layers with complexes of specific artefacts. For the Neolithic, three different pottery wares have been found in different cultural layers. Here we present brief characteristics of the complex of artefacts and pottery for the occupation phases of definite cultures:

- 1) Middle Mesolithic fragmentarily preserved cultural layer (*baton de commandement*, spearhead of the Kunda type, etc.) — Kunda culture;
- 2) Late Mesolithic partly preserved cultural layer on the upper part of the slope (antler tools with asymmetrical ground working end, bone tools with a working end cut at an angle of 45° , spearheads with a unilateral or bilateral symmetrical notch, etc.) — Proto-Narva culture;
- 3) Early Neolithic well preserved cultural layers with remains of fishing equipment and weirs on the slope of the settlement (antler tools with asymmetrical ground working end, biconical and needle-shaped arrowheads, Narva Ware pottery) — Narva culture;
- 4) Middle Neolithic (1) well preserved cultural layers at the limit of the till with the remains of a dwelling place — rows of holes of the wall posts (flint, slate and bone artefacts, amber ornaments, Pit and Comb Ware pottery) — Comb and Pit Ware Culture;
- 5) Middle Neolithic (2) well preserved cultural layers with dwelling remains in the peat on the slope of the settlement (wood, flint, bone and antler artefacts, amber workshop, East Baltic pottery of the Zvidze-Piestina type) — East Baltic culture.

The archaeological time scale for different cultures and corresponding pollen zones is presented in table 3.

Conclusion

Radiocarbon dating of Stone Age settlement Zvidze is the first attempt to date archaeological and pollen-spectra samples from the same profile of excavation unit in Lake Lubāņs wetland during the 70—80-thies.

Determination of the time-scale of habitation of Zvidze settlement and reconstruction of the paleoenvironment conditions during the Stone Age were elaborated using 40 radiocarbon data, including 10 pollen-spectra samples of radiocarbon data from the culture layers.

Table 3.

Radiocarbon time intervals, archaeological cultures and pollen zones of the multilayer site Zvidze

No	Archaeological epoch	Archaeological culture	Stage and phases of the culture	Pollen zone	¹⁴ C age, BP
1.	Middle Mesolithic	Kunda culture	1	Bo 2	~ 7650
2.	Late Mesolithic	Proto-Narva culture	2	At 1	7480—6610
3.	Early Neolithic	Narva culture	3	At 2	6350—5320
	Early Neolithic	Narva culture	3a	At 2	6350—6200
	Early Neolithic	Narva culture	3b	At 2	6210—6110
	Early Neolithic	Narva culture	3c	At 2	5990—5320
4.	Middle Neolithic 1	Pit and comb pottery culture	4	At 2, Sb 1	5250—4750
5.	Middle Neolithic 2	East-Baltic culture	5	Sb 1, Sb 2	4690—4370

Methodological relative new field method, elaborated in 70-ties by radiocarbon specialists of institute of Zoology and Botanic of Estonian Academy of Sciences in Tartu, allowed to take at once samples of radiocarbon, botanical analyses and pollen-spectra analyses from the same profile of excavation unit at the Zvidze settlement.

The technique accuracy and plausibility of taking samples at field by archaeologists at Zvidze Stone Age settlement and the coincidence of radiocarbon dates were inspected by 10 laboratories of Estonia, Lithuania, Russia during the inter-laboratory control works in 1984.

Results show the following sequence of radiocarbon data of deposition of cultural layers as well as the changes of climatic periods at the Zvidze settlement:

- 1) transition from the Middle to the Late Mesolithic — 7180 BP;
- 2) border between Late Mesolithic and Early Neolithic — 6350 BP;
- 3) the beginning of the Middle Neolithic — 5320 BP;
- 4) the end of the first stage of the Middle Neolithic — 4750 BP;
- 5) the end of the Middle Neolithic — 4370 BP.

The first traces of human activities were fixed in pollen-spectra during the Late Mesolithic and Early Neolithic. The evidence if the most earliest agriculture at the settlement Zvidze, according to archaeological and pollen spectra radiocarbon data, was observed during the Middle Neolithic.

LIST OF REFERENCES

- Векслер В. С., Пуниг Я. М.* Результаты межлабораторного контроля радиоуглеродного датирования // Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии. Таллинн, 1988.
- Левковская Г. М.* Природа и человек в среднем голоцене Лубанской низины. Рига, 1987.
- Лозе И. А.* Поселения каменного века Лубанской низины. Мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988.
- Лозе И. А., Лиива А.* Радиоуглеродная датировка мезолита Восточной Прибалтики (по материалам поселений) // Известия АН Латвийской ССР. No. № 10 (519). 1990.
- Лозе И. А., Якубовская Т. В.* Флора памятников каменного века Лубанской низины // Известия АН Латвийской ССР. No. 5 (442). 1984.
- Эберхард Г. Я.* Новые данные по геоморфологии поселений каменного века Лубанской низины // Известия АН Латвийской ССР. № 2. 1989.
- Jakubovska T.* Early anthropogenic activities in Eastern Latvian Lowlands — new pollen analyses from Zvidze, Lake Lubana region // Suomen Muinaismuistoyhdistys. ISKOS. No. 11. Helsinki, 1997.
- Liiva A., Loze I.* Mesolithic and Neolithic habitation of the Eastern Baltic // Radiocarbon. No. 35 (3). 1993.
- Loze I.* The Early Neolithic in Latvia. The Narva culture // Acta Archaeologica. No. 63. København, 1994.

Chronology of Central-European Influences within the Western Part of the Forest Zone during the 3rd Millennium BC ¹

A spatial scope of our work covers the western part of the East-European Forest Zone, generally situated between Pripets, Dnieper, western Dvina (Daugava) and the Baltic Sea (fig. 1). A basis for our study is laid by traits of two Central-European cultures, namely the Globular Amphora culture (GAC) and the Corded Ware culture (CWC) recorded in the area in question. We focus mainly on chronological aspects, and for this reason we deal only with those materials for which one can find radiocarbon datings. All our datings are calendar dates calculated on the basis of the latest calibration curve (Weninger, Joris, 1998).

1. Description of traits connected with the Globular Amphora and Corded Ware cultures within the Forest Zone

1.A. Traits of the Globular Amphora culture

In the territory under consideration, features of the GAC have been identified within four different contexts (Szmyt, 1999; see also fig. 1). These are: (a) 'pure' GAC sites (graves and relics of camp-sites), (b) syncretic sites where a complex of GAC features have been recorded, (c) single traits in materials (particularly in ceramics) of autochthonous (local) cultures and (d) single (incidental) finds of flint axes and chisels of GAC type. We leave out here this last category because of its doubtful character.

a. Cemeteries and unidentified sites (perhaps camps) with 'pure' GAC materials, i.e. sites that can confidently be linked to the GAC population, appear across a wide area, reaching from the Neman river basin to the Dnieper. The extreme eastern limit of their range is the Upper Dnieper basin with the site in Turinshchina, (Шмидт, 1992; Shmidt, Szmyt, 1996) at the longitude of present-day Smolensk. As far as it can be judged by a relatively low number of sites, the groups of GAC people were here rather small. Nevertheless, they carried out there the full structure of traits formed in Central Europe, including developed agrarian technologies (relating both to the raising of animals and the cultivation of land). In this context, it is symptomatic, that even the north-easternmost GAC site in Turinshchina has supplied evidence of the use of both domestic animals (pigs, cattle) and crops (on the bottom of an amphora from feature I, impressions of cereals have been found — barley or wheat, maybe millet; see Shmidt, Szmyt 1996). Worth of special attention is an exceptionally high number of domestic animals buried in feature 3 in Krasnaselski (cattle, pigs, sheep/goats, a horse; in total 13 individuals; see Charniauski 1996). The absence of unequivocally GAC-related megalithic (cist) graves in the discussed area seems to be caused by the difficulty in finding suitable raw material. However, a similar function could have been fulfilled by cemeteries consisting of several 'stoneless' graves or others having small (substitutive?) stone elements.

In the GAC assemblages from the Forest Zone, simple ornaments dominate (above all stamp ornamentation; fig. 2A—B); nevertheless, many vessels are unornamented. A pattern of wavy cord impressions recorded in Krasnaselski (fig. 2A) indicates a western direction of contacts, with the central GAC group or — more precisely — with the Mazowsze-Podlasie sub-group (Nosek, 1967; Wiślański, 1970). Yet, materials from Turinshchina, with their extremely simplified ornamental structure (fig. 2C), can testify to genetic links with the Middle Neman settlement or with the Volhynia sub-group within the eastern GAC group (according to Szmyt 1999). One should also pay attention to materials from Gnieuchytse and Dymitrovka (Szmyt, 1999), albeit small in number, and grave assemblage from

¹ JC, MS: Our paper and the participation in the conference "Chronology of the Neolithic period in Eastern Europe" were possible thanks to financial support awarded by the Alexander von Humboldt — Stiftung (Germany) and the Committee for Scientific Research (Poland) — grant no. 1 H01H 019 17.

MS: The paper was written in 2001 during my stay at the Otto-Friedrich-Universität Bamberg (Germany) made possible by a generous stipend from the Alexander von Humboldt — Stiftung.

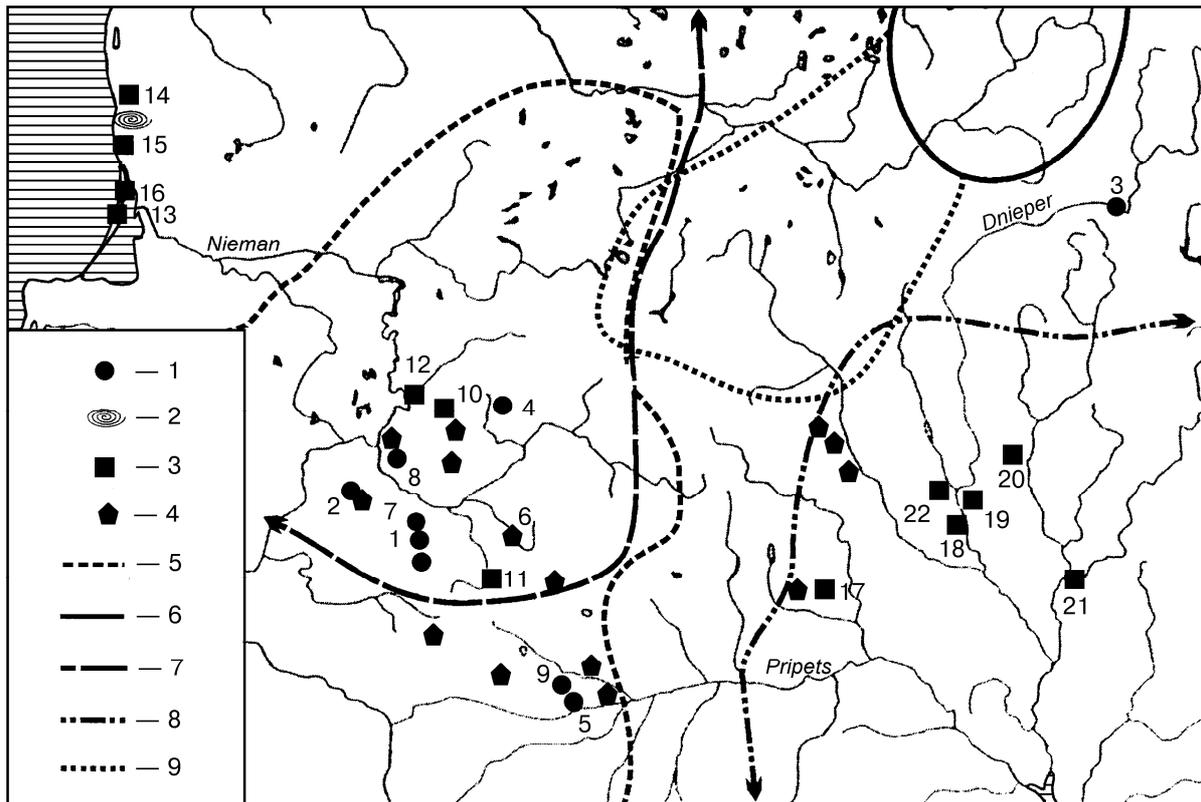

Fig. 1. Range of cultural units mentioned in the text.

Foll. Чарняўскі, 1997; Kalechyts, Kravaltsevich, 1997; Rimantiene, 1992a; Szmyt, 1999.

Key: 1 — sites of the Globular Amphora culture (graves: 1 — Krasnaselski 1, 2 — Mali Jodkavichi, 3 — Turinshchina; other sites: 4 — Dymitrovka, 5 — Gnieuchytsy, 6 — Krasnaselski 5, 7 — Lichytsy 2, 8 — Likhachy, 9 — Motel 11); 2 — syncretic sites in Šventoji 4 and 6 (Late Narva culture + Globular Amphora culture); 3 — selected sites of local cultures with elements of the Globular Amphora (Neman culture: 10 — Barzdio Miskas, 11 — Dobry Bor, 12 — Varena; Pamariu culture: 13 — Nida, 14 — Butinge, 15 — Palanga, 16 — Juodkrante; Middle Dnieper culture: 17 — Azyarnoeye, 18 — Mali Rogi, 19 — Prorva 1, 20 — Strumen, 21 — Syabrovichi, 22 — Luchin-Zavale); 4 — findings of flint axes/chisels similar to Globular Amphora culture items (foll. Szmyt, 1999); 5 — range of the Neman culture (foll. Rimantiene, 1984; Чарняўскі, Ісаенка, 1997; supplemented); 6 — range of the Usyaty culture (Микляев, 1992); 7 — range of the Pamariu culture (and its zone of influences; foll. Rimantiene, 1984); 8 — range of the Middle Dnieper culture (foll. Калечыц, Крывальцевич, 1997); 9 — range of the North Belarussian culture (foll. Чарняўскі, 1997).

Mali Jodkavichi (Charniauski, 1996; see also fig. 2B). Motifs have been recorded here (above all festoons, wavy impressions, triangles) which have full analogies within the central GAC group and not so near analogies in the eastern group too. With regard to the central group of the GAC (specifically to Kujawy), these patterns are typical of the so-called classical stage (classical horizon) of the GAC (i. e. phases IIb and IIIa), dated after 3200 BC. This general estimation is supported by a radiocarbon date for the GAC grave in Brańsk-Chojewo, which shows a possibility of penetration of the Forest Zone boundary already c. 2900 BC (Szmyt, 1999).

b. From the south-eastern area of the Baltic Coast (fig. 1) come finds which combine a complex of GAC traits and local cultural patterns (the latter dominate). GAC elements appear here in the context of the late Narva culture. Links to the GAC were most clearly identified e. g. at the sites in: Šventoji 4 and 6 (Rimantiene, 1996a; 1996b; 2002; Juodagalvis, Simpson, 2000; see also Brazaitis, 2002). The links are most evident (fig. 2D) in ceramics (including stamp ornamentation, festoons). The GAC tradition may also be represented by the ceramic technology. In addition, the presence of objects indicating the raising of domestic animals (shovel ploughs, the find of cattle horns) and the remains of cultivated plants (foxtail millet and emmer) can be also linked to the GAC.

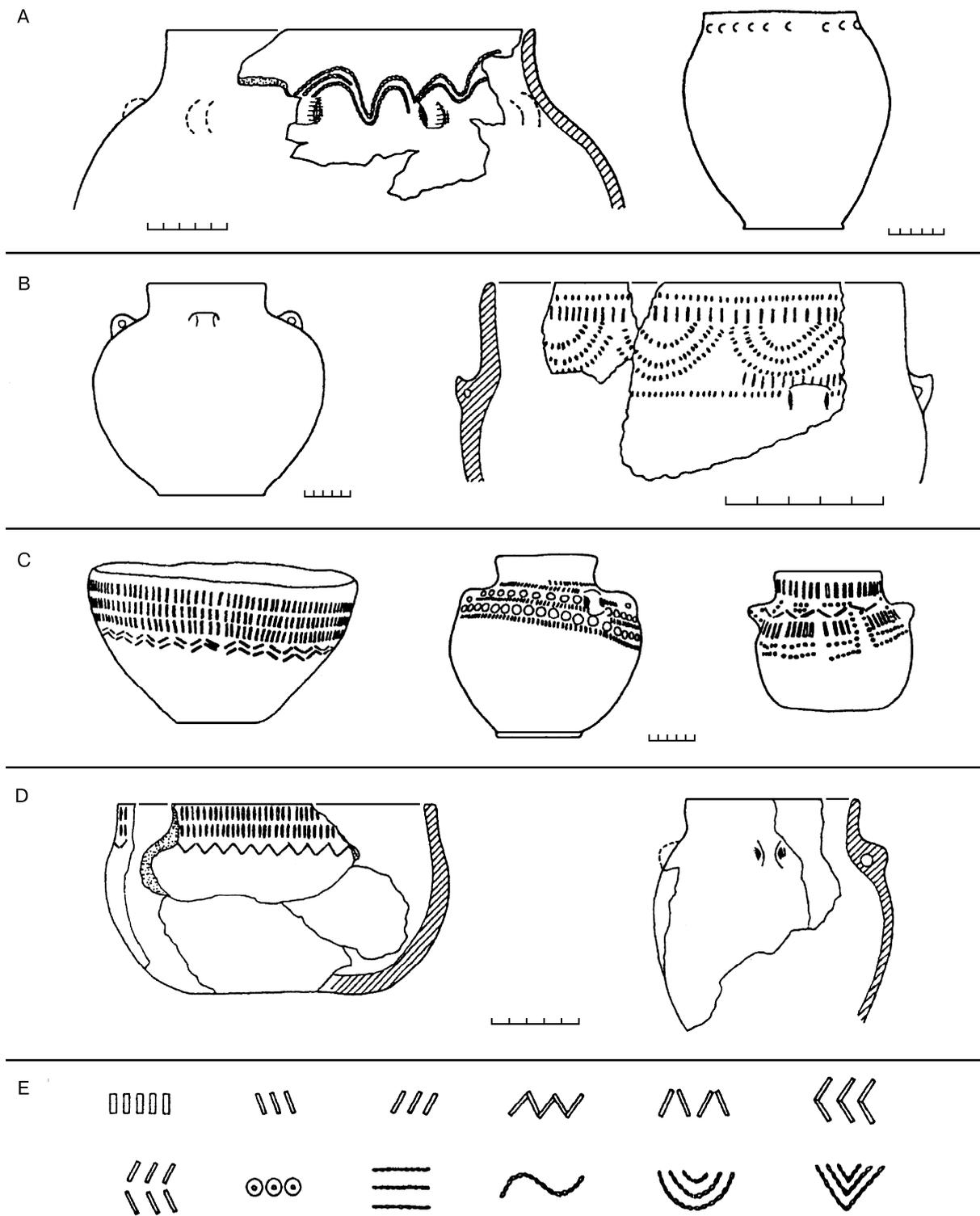

Fig. 2. Selected pottery of the Globular Amphora culture in the Forest Zone
 (A — Krasnaselski 1, B — Mali Yodkavichi, C — Turinshchina, D — Šventoji 4 and 6)
 and selected ornamental patterns of the Globular Amphora culture recorded in the Forest Zone cultures (E).
 Foll. Charniauski, 1996; Shmidt, Szmyt, 1996; Rimantienė, 1996a, 1996b, Szmyt, 1999.

From the perspective of the GAC taxonomy, the structure of traits in Šventoji does not have too great diagnostic value. One can note its genetic links with the territory of the northernmost variant of the central GAC group — the so-called Warmia-Mazury sub-group (Nosek, 1967; Wiślański, 1970).

For further discussion, the following three observations are crucial: first, the relics of the presence of GAC populations known from this zone are culturally syncretic, second, they were found only in the context of settlements (not cemeteries) and, thirdly, there are no GAC sepulchral features and only few incidental finds of flint axes and chisels typical of this culture. These observations may give rise to alternative hypotheses. The first hypothesis interprets the observations as an effect of the diffusion of cultural patterns, while another as the indication that the region under discussion was reached only by few groups of migrants. Here, taking into consideration the remoteness of the potential 'contact' zone of both cultures, we opt for the second hypothesis which — in our opinion — allows us to explain in a comprehensive manner the whole set of data. The data concern both pottery production (in particular the appearance of new, GAC-related, pottery forms and ornamentation, fig. 2D) and subsistence economy (the first symptoms of agrarian technologies) as well as amber working. In the last case we deal with the reception of 'Narva' goods, genetically speaking, by the GAC societies (for example V-perforated buttons; see Czebreszuk, Makarowicz, 1993) which undergo certain transformations (e. g. addition of solar ornamentation to discs, a change in the manner of making perforations in buttons). The beginnings of the reception, preceding the discussed settlement movements, go back to c. 2900 BC. It seems that it was the amber resources controlled by Narva culture populations that attracted the GAC people (Rimantiene, Česnys, 1990).

Sites of the Pamariu (Rzucewo, Bay-Coast) culture also provide a range of evidence of links with the GAC (Szmyt, 1999), particularly noticeable in ceramic artifacts: stamp ornamentation, 'bird feather' impressions and festoons (fig. 2E) made using a variety of techniques. Some vessels represent forms derived from GAC patterns: bowls and vases. Yet, it is patterns of the Corded Ware culture which dominate (see also part 1.B).

c. Certain single GAC features (fig. 2E) have been identified in the Forest Zone among several cultural units (Szmyt, 1999), namely Usvyaty, Neman and Middle Dnieper cultures (we leave out here the Fatianovo culture).

A. M. Miklaev (Микляев, 1992) defined the Usvyaty culture as a peculiar variant of the Funnel Beaker culture and the GAC. It would appear that he detected GAC-inspired traits above all in the final (third) phase of the Usvyaty culture (after c. 2900 BC; Микляев, 1992). These could be represented by certain forms of ceramic ornamentation, such as various types of stamp ornamentation (particularly zigzags), as well as rings ('bird feather'?) and cord impressions, and by flat-bottomed vessels that appear in this phase. This stage also sees the appearance of bones of domestic animals (sheep/goats, pigs and cattle; see Микляев, Долуханов, 1986). The lack of complete publications for the relevant sources renders the verification of the above evaluations problematic, and they should be treated as no more than preliminary hypotheses.

Connections with the GAC have been established for the late phase of the Neman culture. They represent one of the features that mark out the Dobry Bor phase in the Upper and Middle Neman basin (Charniauski, 1996). As far as GAC-style finds are concerned, there are only a few examples of stamp ornamentation. Less certain is the link with the GAC suggested by broken stone admixture. Mention should also be made of the appearance of flat-bottomed vessels.

Significantly clearer and less equivocal are the GAC artifacts in the Middle Dnieper culture (Szmyt, 1999). GAC features can be seen above all in ceramic production, both in the upper and middle stretches of the Dnieper basin, and are chiefly represented by stamp ornamentations and, much less frequently, by festoon motifs. It is possible to isolate both ornamentations precisely mirroring GAC patterns as well as a range of variations.

Unfortunately, for all the above-mentioned single GAC traits we do not have any chance for their taxonomic estimation.

1. B. Traits of the Corded Ware culture

To compile a list of taxonomic traits which show genetic links with Central-European units of the CWC is much more difficult (see e. g. latest regional summaries: Grinevičiūtė, 2000 and Girininkas, 2002). From the Central-European perspective CWC traits within the Forest Zone can be divided into several groups. They are parts of different archaeological cultures. First three groups have a clear taxonomic dimension, while last two are more controversial.

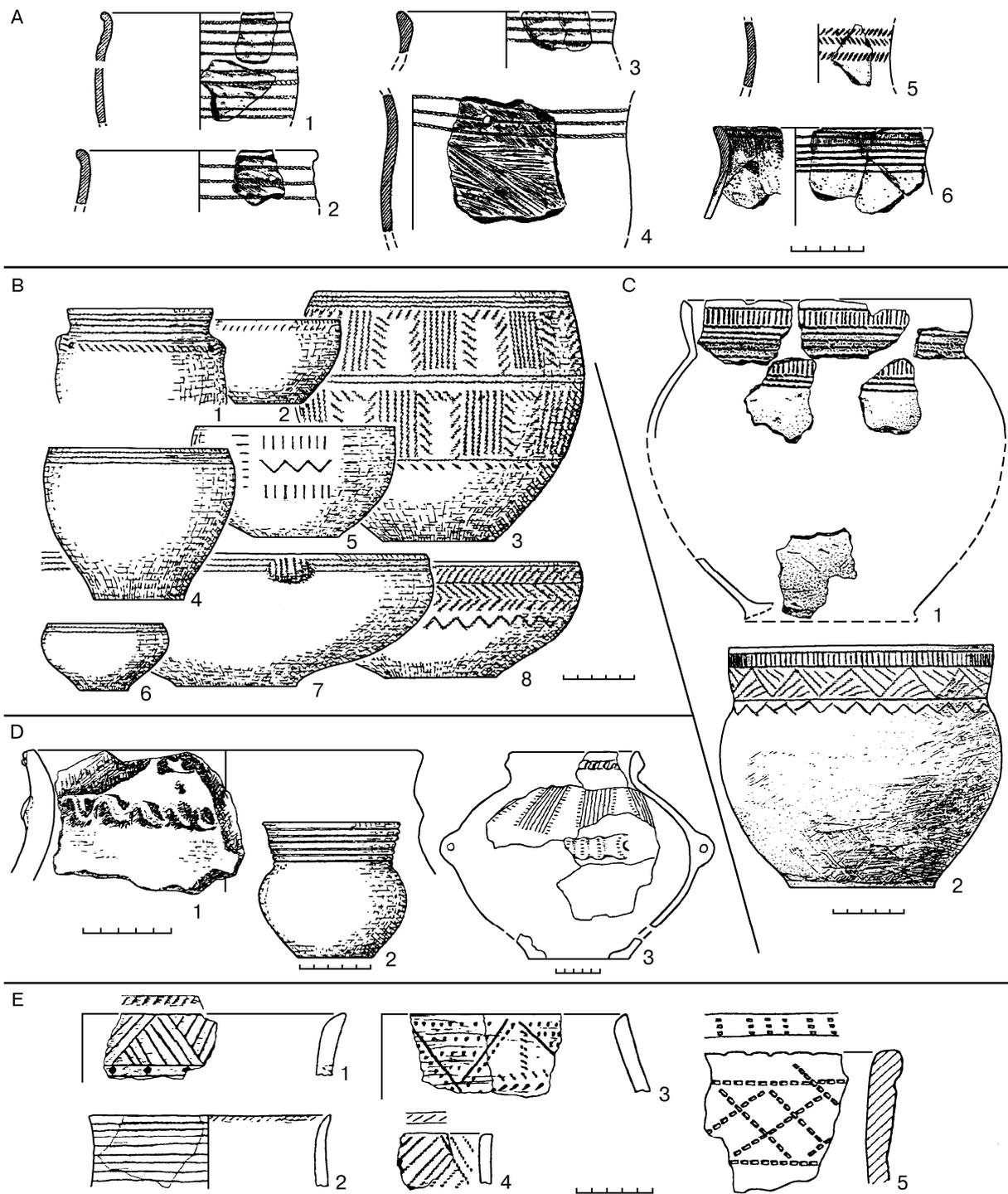

Fig. 3. Selected materials from the Forest Zone with the traits of the Corded Ware culture.

A. "Corded Ware culture": 1 — 6 Šarnelė (foll. Butrimas, 1996).

B. Pamariu culture: 1, 2, 5—8 — Nida; 3 — Juodkrante 3; 4 — Šventoji 1A (foll. Rimantienė, 1984).

C. Middle Dnieper culture: 1, 2 — Prorva (foll. Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999).

D. Traits of A-Horizon Corded Ware culture: 1 — Skema (foll. Kryvaltsevich, Kalechyt's, 2000);

2 — Šventoji 1A (foll. Rimantienė, 1984); 3 — Šventoji 1A (foll. Buchvaldek, 1986).

E. North Belarussian culture: 1—4 — Asavets 2 (foll. Чарняўскі, 1997); 5 — Asavets 2 (foll. Зайковскі, 1985).

a. The first group includes pottery ornamented with simple horizontal lines of cord impressions and with so-called herring ornamentation (fig. 3A). This type of pottery coexisted with ceramics typi-

cal for older local cultures, mainly Narva and Neman. The given group is recorded mainly in settlements in Lithuania, Latvia, Belarus and is called as simply as ‘Corded Ware culture’ (Лозе, 1979; Rimantiene, 1984; Butrimas, 1996).

b. The second group, which is also known from the settlements on the Baltic Coast, includes ceramics with rich complex cord ornamentation (e. g. “Gurtelband” ornamentation and triangles; fig. 3B). Another important feature here is patterns from older local cultures (Narva and Neman). This group is typical of the Pamariu (Rzucewo, Bay-Coast) culture (Лозе, 1979; Rimantiene, 1992a; 1992b).

c. The third group consists mainly of grave assemblages. From this context, we know pottery with rich and complex cord ornaments, which occur predominantly on the surface of very specific beakers (with low proportions, isolated bottom and slightly flanged and isolated neck; fig. 3C). They belong to the Middle Dnieper culture (Калечыц, Крывальцевич, 1997; Kryvaltsevich, 2004).

d. A more controversial set of traits is connected with so-called A-Horizon of the CWC. In Lithuania, Latvia and Belarus the following traits (fig. 3D) are recorded (Loze, 1996; 1997; Rimantiene, 1997; Kryvaltsevich, Kalechyts, 2000): beakers with row ornamentation, A-amphorae and big pots with a relief strip bearing undulating fingertip impressions (so-called Wellenleisten). It is important, however, that all these traits are dispersed and occur in the settlement context (or without any context). On the given settlement level, a scarce number of A-Horizon elements coexists with dominant traits of local cultures and — which is very important — with cord-ornamented pottery. One cannot find here any closed (compact) assemblages only with A-Horizon traits, so it is hard to speak about the existence of the A-Horizon in the narrow chronological sense of this term.

e. Next controversial traits are connected with the North-Belarussian culture (fig. 3E). A discussion still goes on whether this culture is part of the Corded Ware circle or not (Зайковский, 1985; Микляев, 1992; Чарняўскі, 1997). Nevertheless, certain (rather scarce) CWC traits can be found here. We know only such settlements of the culture from which comes pottery with very rich ornamentation. The majority of the ceramics have local roots. There is only a small number of links with the CWC. We mean here horizontal cord lines and sometimes zigzags and triangles.

Of key importance is the first of the above-mentioned groups: with simple cord ornamentation (multiple horizontal cord lines). This pattern is very often related only to the CWC. Nevertheless, from the Central-European perspective it is clear that these ornamentation patterns are recorded on the ceramics of the three great traditions, namely the Funnel Beaker culture, GAC and CWC. It is important that in both former cultures (Funnel Beaker and GAC) a cord ornamentation appeared during the second half of the 4th millennium BC (Koško 1981; Szmyt 1996), while in the CWC not before 2850—2800 BC (Czebreszuk, 1996; Machnik 1997). Therefore, the oldest CWC materials connected with the “A-Horizon” are “non-cord”. For this reason, not all materials with cord ornamentation can be related to the CWC. One should pay attention for example to the GAC whose different traces have been found within the Forest Zone (see part 1. A).

Summarizing, relatively well explored are groups b, c and e of the CWC traits presented above. However, one should stress any opportunity to link them to any Central-European centre of the CWC. The Pamariu (Rzucewo), Middle Dnieper and North Belarussian cultures seem to be separate regions within the Corded Ware oecumene.

2. Radiocarbon chronology of Globular Amphora and Corded Ware culture traits within the Forest Zone

For establishing an absolute chronology, a series of radiocarbon dates is used (table 1).

2. A. Globular Amphora culture

From the central belt of the Forest zone, we have two dated GAC features (Krasnaselski 1 and Turinshchina) and two mixed assemblages belonging to the Middle Dnieper culture but including GAC elements as well (Prorva 1, grave 1 and 10) (for all details see Szmyt, 1999). Four dates may be also taken which were procured from a sample (wood or charcoal) found in the settlements of the late Narva culture in Šventoji 4 and 6 (Rimantiene 1996a, 1996b). In total, we have ten ¹⁴C dates ² which

² В прилагаемом списке радиоуглеродных дат (табл. 1) датировки погребений 1 и 10 в Прорва 1 включены в перечень дат среднеднепровской культуры (примечание редакции).

should be divided into three spatial groups. The first refers to the Baltic Coast (Šventoji), the second to the Middle Neman drainage (Krasnaselski 1), while the third to the basins of the Upper and Middle Dnieper (Turinshchina, Prorva).

A joint calibration of all the mentioned datings marks out the interval of 2820—2450 BC. However, the differentiation of the cultural structures makes the spatial analysis of the given series more sensible. From this point of view, the time of GAC settlement (or the GAC presence) on the Neman and Dnieper is quite convergent: Krasnaselski — the 1 sigma interval of 2830—2450 BC (most probably c. 2580 BC), Turinshchina — 2670—2410 BC (most probably c. 2480), Prorva — 2750—2390 BC (most probably c. 2590—2550 BC). Dates from Šventoji analysed jointly set the interval of 2840—2520 BC. However, in our opinion, in this case the older limit can be aged because of the “old wood effect”, so a more reliable one should read “after 2840 BC”.

2. B. Corded Ware culture

A list of radiocarbon datings for the CWC is much longer. We can divide it into several groups (sub-series; see table 1, fig. 5). A serious problem is that many of the datings have been made from long-living samples (wood or charcoal).

For the south-eastern Baltic CWC, we have many radiocarbon datings (Szmyt, 1999), the oldest of which are close to the turn of the 4th millennium BC. However, the situation is not so simple because of a limited credibility of these dates. Usually, samples for ¹⁴C analyses contained long-living materials (wood, charcoals) taken from a settlement layer and not from a close (compact) feature. A good example is a settlement in Šarnele (Butrimas, 1996). Here, pottery is characterized by simple cord impressions, a small amount of "herring-bone ornamentation" and local (Narva) patterns. One radiocarbon dating has been made for this quite stable settlement (perhaps close to a palaffite). We do not have any information which event is dated here by the radiocarbon method: the beginning, end or perhaps the middle of the settlement. After calibration the dating interval covers the period from 3000—2700 BC. Only traits of pottery forms have a certain taxonomic value for the Central-European CWC periodization. We mean here slightly sinuous-profile pots and beakers. These forms can be dated very late in Central Europe — to the second half of the 3rd millennium BC (e. g. phase CWC4 in Kujawy; Czebreszuk, 1996). However, in the case of the Šarnele settlement a similar dating does not agree with the radiocarbon result. A solution is more ¹⁴C dates made from short-living materials.

The second set consists of datings for Pamariu (Rzucewo) culture. After calibration (fig. 5) they set the interval of c. 2800—2000 BC (Szmyt, 1999).

A new series of datings for the Middle Dnieper culture graves lies within the interval of c. 2600—1750/1700 BC (Klochko, 1999; Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999; Szmyt, 1999; see fig. 5). Nevertheless, one should note that against the background of the datings from the Middle Dnieper area discussed here, the chronology of Middle Dnieper culture traits on the Carpathians foreland is surprisingly early (Machnik, 1999). This is a very intriguing question for future studies.

Datings for the North-Belarussian (Микляев 1992; Чарняўскі 1997) culture lie within the period of 2200—1900 BC (fig. 5).

In this moment we intend to pay attention to the chronology of cultures with rich complex cord ornamentation (groups b, c and e — see part 1.B). A chronological sequence is clear: the oldest is the Pamariu (Rzucewo) culture, next comes the Middle Dnieper culture and the last is the North Belarussian culture. In Central Europe, similar patterns are recorded mainly from the second half of the 3rd millennium BC. From this point of view, the chronology of the ornamentation is close in the Forest Zone and the Baltic and in Central Europe.

3. Conclusions

At the end, we would like to stress a dissimilarity of mechanisms and reception forms of traits in the case of both analysed cultures (GAC and CWC) within the Forest Zone. However, a background for this dissimilarity is not chronology since dissemination of traits of both cultures took place, in principle, in the same time. Therefore, we propose to interpret a given dissimilarity as reflecting a real cultural difference between the presence of the GAC and the CWC in a given area.

The presence of the GAC in Eastern Europe (and in the Forest Zone) is an effect of the migration of people from the west, specifically from within the bounds of the central group. This is clearly

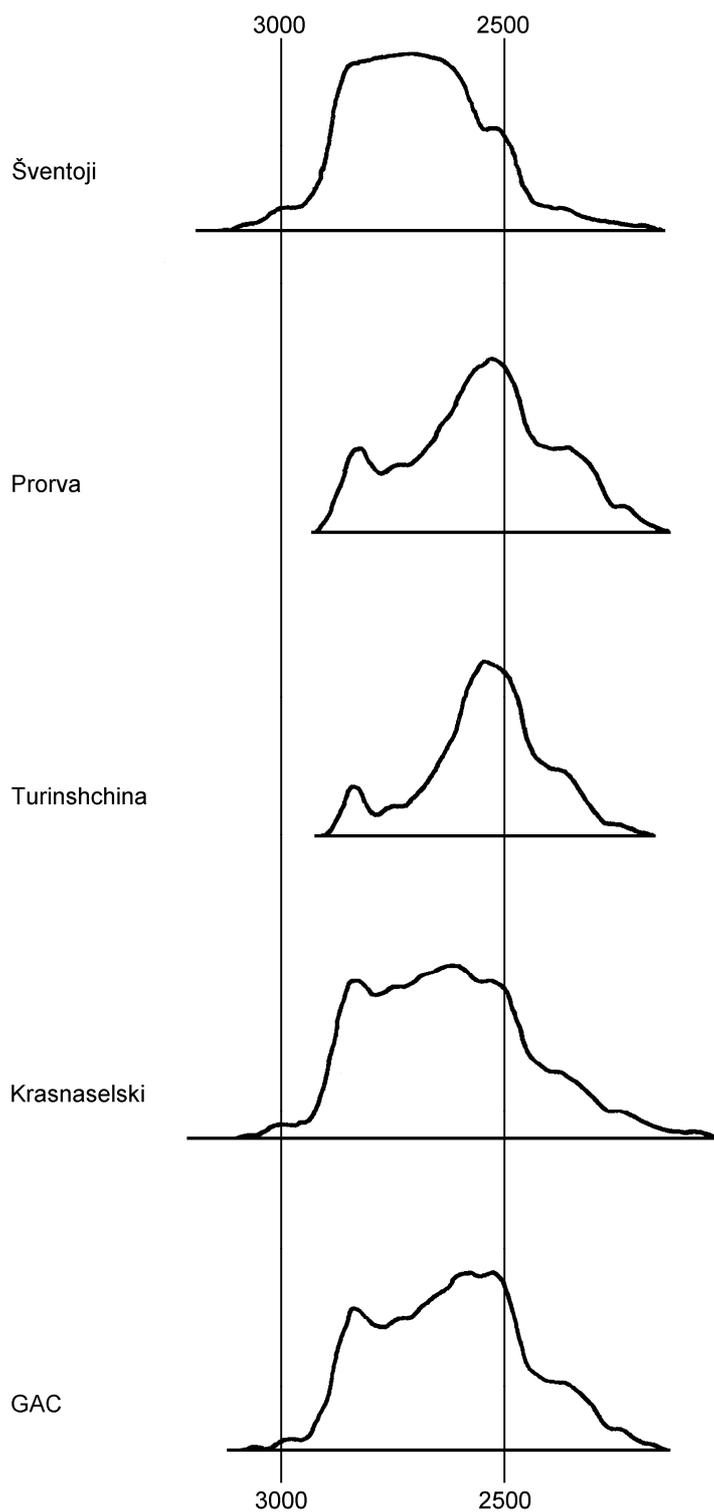

Fig. 4. Calibration of radiocarbon datings for Globular Amphora culture (different sites and all series).
Based on Weninger, Joris, 1998.

visible in the extraneousness of GAC population patterns of behaviour as compared to indigenous, eastern European cultural structures and, at the same time, in their resemblance to GAC traits identified in the Vistula drainage basin. A confirmation of this is supplied by chronological and typological findings which also show that what we deal with here is the effects of a cycle (series) of multidirectional movements of populations:

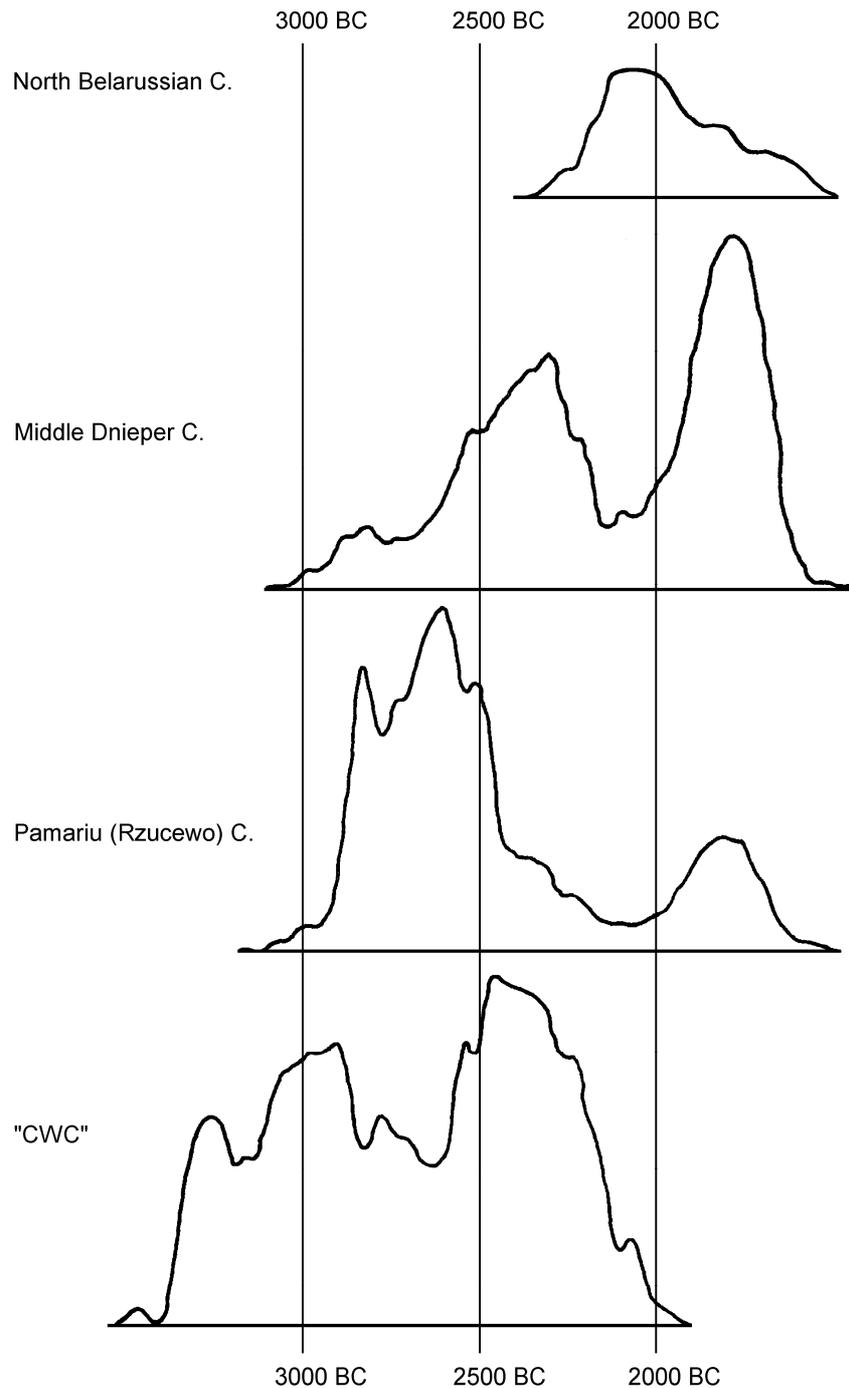

Fig. 5. Calibration of radiocarbon datings for different units of the Corded Ware circle.
Based on Weninger, Joris, 1998.

— from Warmia-Mazury sub-group (after 2850 BC) — to the south-eastern Baltic Coast;
 — from Podlasie-Mazovia sub-group (after 2900 BC) — to the Middle Neman basin;
 — from the Middle Neman basin and/or from Volhynia sub-group (after 2700 BC) — to the Upper Dnieper basin.

By contrast, relationships between the East-European and the Central-European CWC are more complex. Our review of data shows that there is no assemblage from the Forest Zone whose origins could be traced to any group of the CWC from Central Europe. One cannot find any traces for which the best explanation would be migrations of people from the west, with which we deal in the GAC.

An issue calling for further research is the taxonomic aspect and the chronology of the oldest traces of the CWC in the East-European Forest Zone. This would require a final solution of two basic problems, namely the origins of complexes with simple cord ornamentation (group a) and the chronology of local variants of the so-called Horizon A CWC (group d).

A very long presence of CWC traits within the Forest Zone is definitely confirmed by radiocarbon dating and concerns the 3rd and the beginnings of the 2nd millennium BC. We notice also an important chronological similarity: complex (rich) cord ornamentation in Central Europe and in the Forest Zone can be dated to the second half of the 3rd millennium BC. However, all the Forest-Zone units discussed here have a clear regional specificity within the Corded Ware oecumene.

To explain the above facts we must exclusively refer to the phenomenon of continuing in a permanent cultural contact. The populations inhabiting the basins of the Neman or Dvina rivers or the south-eastern coast of the Baltic in the early 3rd millennium BC must have begun to take on a new style of life whose material relics are known to us as the 'CWC'. These populations participated in a single network of cultural information circulation stretching from the Paris Basin in the west to the Volga basin in the east (Czebreszuk, 2000, here also more references on this subject).

Paradoxically, the type of cultural contacts held in the CWC proved more important for the prehistory of the Forest Zone than more spectacular migrations of the GAC people. It was the CWC tradition (or rather its different local variants) which became a basis for establishing stable cultural structures within the Forest Zone.

LIST OF REFERENCES

- Артеменко И. И. Среднеднепровская культура // Археология Украинской ССР. Т. 1. Київ, 1985.
- Зайковский Э. М. Неолит и бронзовый век Белорусского Подвинья (рукопись). Вильнюс, 1985.
- Калечыц А. Г., Крывальцевич М. М. Сярэднедняпроўска культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997.
- Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- Микляев А. М. Каменный — железный век в междуречье Западной Двины и Ловати // Автореферат дисс... д-ра. ист. наук. СПб, 1992.
- Микляев А. М., Долуханов П. М. Из истории развития хозяйства древнего населения на правобережье Западной Двины и в верховьях Ловати (X тыс. до н. э. — начало II тыс. до н. э.) // АСГЭ. Вып. 27. 1986.
- Чарняўскі М. М. Неаліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.
- Чарняўскі М. М. Паўночнабеларуская культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997.
- Чарняўскі М. М., Ісаенка В. Ф. Нёманская культура // Археалогія Беларусі. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск, 1997.
- Шмідт Е. А. Могильник культуры кулястих амфор поблизу Смоленська у верхів'ях Дніпра // Археологія. No. 2, Київ, 1992.
- Brazaitis D. Narvikos keramikos stiliai rytu Lietuvaje // Lietuvos Archeologija. N. 23. Vilnius, 2002.
- Buchvaldek M. Zur gemeineuropäischen Horizont der Schnurkeramik // Praehistorische Zeitschrift. No. 61. 1986.
- Butrimas A. Šarnelės neolito gyvenvietė // Lietuvos Archeologija. No. 14. 1996.
- Charniauski M. M. Materials of Globular Amphora Culture in Belarus // Eastern Exodus of the Globular Amphora People: 2950—2350 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 4. Poznań, 1996.
- Czebreszuk J. Społeczności Kujaw w początkach epoki brązu. Poznań, 1996.
- Czebreszuk J. Strefa południowo-zachodniobałtycka w III i początkach II tys. przed Chrystusem. Poznań, 2000.
- Czebreszuk J., Makarowicz P. The Problem of Amber Buttons with V-shaped Perforation in the Bell Beaker Culture // Actes du XIIe Congrès International des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques. Bratislava, 1993.
- Girininkas A. Migraciniai procesai rytų pabaltijyje vėlyvajame neolite. Virvelinės keramikos kultūra // Lietuvos Archeologija. No. 23. 2002.
- Grinevičiūtė G. Virvelinė keramika pietų Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. No. 19. 2000.
- Juodagalvis V., Simpson D. N. Šventoji revisited — the joint Lithuanian-Norwegian project // Lietuvos Archeologija. No. 19. 2000.
- Kadrow S., Szymt M. Absolute Chronology of the Eastern Group of Globular Amphora Culture // Eastern Exodus of the Globular Amphora People: 2950—2350 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 4. Poznań, 1996.

- Klochko V. I.* Radiocarbon Chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region. The Myronivka Barrows // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper in 3150—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7, Poznań, 1999.
- Koško A.* Udział południowo-wschodnioeuropejskich wzorców kulturowych w rozwoju niżowych społeczeństw kultury pucharów lejkowatych. Poznań, 1981.
- Kryvaltsevich M.* To the question of a place the Middle-Dnieper culture in the system of Circum-Baltic cultures // Bronze Age Cultures in the Baltic Areas: 2300—500 BC. Poznań, 2004. (In print).
- Kryvaltsevich M., Kalechys A.* Some “A-Horizon” Components of the Early Corded Ware Culture in Western Belarus // Lietuvos Archeologija. No. 19. 2000.
- Kryvaltsevich M., Kovalyukh N. N.* Radiocarbon Dating of the Middle Dnieper Culture from Belarus // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper in 3150—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7. Poznań, 1999.
- Lakiza V. L.* Radiocarbon Dating of the Corded Ware Culture from the Niemen River Basin. A Grave from Parkhuty, Site 1, Grodno Region // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper in 3150—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7. Poznań, 1999.
- Loze I.* Zur Chronologie der Schnurkeramik in Lettland // C. Strahm (ed.). Die Chronologie der regionalen Gruppen. Zusammenfassungen. Freiburg, 1991.
- Loze I.* Corded Pottery culture in Latvia // M. Buchvaldek, C. Strahm (eds.). Die kontinentaleuropäischen Gruppen der Kultur mit Schnurkeramik. Praehistorica T. XIX. Praha, 1992.
- Loze I.* Some Remarks about Northern Indo-Europeans in the Process of Forming of the Balts // K. Jones-Bley, M. E. Huld (eds.). The Indo-Europeanization of Northern Europe. Washington, 1996.
- Loze I.* The Early Corded Ware culture in the territory of Latvia // P. Siemen (ed.). Early Corded Ware Culture. The A-Horizon — fiction or fact?. Arkaeologiske Rapporter. No. 2. Esbjerg, 1997.
- Loze I.* The Einu late Neolithic settlement (Lubana Lake Wetland) // Gistarichna-arkhealogichny zbornik No. 14. 1999.
- Loze I., Liiva A.* Die Radiokarbonaten der Schnurkeramik in Lettland // C. Strahm (ed.). Die Chronologie der regionalen Gruppen. Zusammenfassungen. No. 66. Freiburg, 1991.
- Machnik J.* Krag kultur ceramiki sznurowej // W. Hensel, T. Wiślański (eds.). Prahistoria ziem polskich. II. Neolit. Wrocław, 1979.
- Machnik J.* Zwei Entwicklungswege der Schnurkeramik in den Flussgebieten der oberen Weichsel, Bug und Dnestr // P. Siemen (ed.). Early Corded Ware Culture. The A-Horizon — fiction or fact? Arkaeologiske Rapporter. No. 2. Esbjerg, 1997.
- Machnik J.* Radiocarbon Chronology of the Corded Ware Culture on Grzęda Sokalska. A Middle-Dnieper Traits Perspective // The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper in 3150—1850 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 7. Poznań, 1999.
- Nosek S.* Kultura amfor kulistych w Polsce. Wrocław, 1967.
- Rimantienė R.* Akmens Amžius Lietuvoje. Vilnius, 1984.
- Rimantienė R.* The Neolithic of the Eastern Baltic // Journal of World Prehistory. No. 6 (1). 1992a.
- Rimantienė R.* Die Haffküstenkultur in Litauen // M. Buchvaldek, C. Strahm (eds.). Die kontinentaleuropäischen Gruppen der Kultur mit Schnurkeramik. Praehistorica. T. XIX. Praha, 1992b.
- Rimantienė R.* Šventosios 4-oji radimvietė // Lietuvos Archeologija. No. 14. 1996a.
- Rimantienė R.* Šventosios 6-oji gyvenvietė // Lietuvos Archeologija. No. 14. 1996b.
- Rimantienė R.* Der A-Horizont — Elemente in der Haffküstenkultur in Litauen // P. Siemen (ed.) Early Corded Ware Culture. The A-Horizon — fiction or fact? Arkaeologiske Rapporter. No. 2. Esbjerg, 1997.
- Rimantienė R.* Rutulinių amforų kultūra vakarų Lietuvoje // Lietuvos Archeologija. No. 23. 2002.
- Rimantienė R., A. Butrimas.* Die Chronologie der Haffküstenkultur (HKK) in Litauen // C. Strahm (ed.) Die Chronologie der regionalen Gruppen. Zusammenfassungen. Freiburg, 1991.
- Rimantienė R., Česnys G.* The late Globular Amphora Culture and its Creators in the East Baltic Area from Archaeological and Anthropological Points of View // The Journal of Indo-European Studies. No. 18 (3—4). 1990.
- Shmidt E. A., Szmyt M.* Ritual Complex of the Globular Amphora Culture on the Upper Dnieper Basin (Russia) // Eastern Exodus of the Globular Amphora People: 2950—2350 BC. Baltic-Pontic Studies. Vol. 4. Poznań, 1996.
- Szmyt M.* Społeczności kultury amfor kulistych na Kujawach. Poznań, 1996.
- Szmyt M.* Between West and East. People of the Globular Amphora Culture in Eastern Europe: 2950—2350 BC // Baltic-Pontic Studies. Vol. 8. Poznań, 1999.
- Weninger B., Joris O.* Glacial Radiocarbon Age Conversion. Köln, 1998.
- Wiślański T.* The Globular Amphora Culture // T. Wiślański (ed.). The Neolithic in Poland. Wrocław, 1970.
- Zaitseva G., Miklyaev A., Mazurkevich A., Korotkevich B.* The Chronology of the Occupation of the Region between the Dvina and the Lovat Rivers // Światowit. No. 39. 1994.

Table 1.

List of radiocarbon dates used in the paper¹

No.	Locality	Site	Feature no.	Type of feature	Sample	Category	Lab. no.	BP	BC — 1 sigma	References	Uwagi
Globular Amphora culture											
1.	Krasnaseiski	1	3	ritual	AB	IA	Gd-9249	4080 ± 140	2830—2450	Kadrow, Szmyt, 1996; Charniauski, 1996	
2.	Turinshchina		III	grave?	AB	IA	Gd-10082	4000 ± 80	2670—2410	Kadrow, Szmyt, 1996; Shmidt, Szmyt, 1996	
Late Narva culture + Globular Amphora culture											
3.	Šventoji	4		settl.	?	?	Vs-957	4200 ± 100	2890—2630	Rimantienė, 1996a	
4.	Šventoji	6		settl.	?	?	Vs-499	4170 ± 110	2870—2590	Rimantienė, 1996b	Foll. Rimantienė 1992b — 4160 ± 110 BP
5.	Šventoji	4		settl.	?	?	Vs-967	4120 ± 110	2840—2540	Rimantienė, 1996a	
6.	Šventoji	6		settl.	?	?	Vs-500	4070 ± 110	2810—2480	Rimantienė, 1996b	
Corded Ware culture — South-Eastern Baltic area											
7.	Abora	I	layer 6	settl.	CH	IIB?	TA-2144	4490 ± 80	3320—3050	Loze, Liiva, 1991; Loze, 1991	
8.	Ica			settl.	W	IIB?	TA-2248	4420 ± 80	3270—2970	Loze, Liiva, 1991; Loze, 1991	
9.	Ica			settl.	W	IIB?	TA-2247	4390 ± 80	3250—2950	Loze, Liiva, 1991; Loze, 1991	
10.	Šarnele			settl.	CH/W	IIB?	Vs-318	4260 ± 90	3000—2700	Butrimas, 1996	Foll. Rimantienė 1992b — a transitional phase to Pamariu culture
11.	Ica			settl.	W	IIB?	TA-2249	4260 ± 70	2960—2720	Loze, Liiva, 1991; Loze, 1991	
12.	Abora	I	layer 4	settl.	W	IIB?	TA-2145	4250 ± 100	3010—2670	Loze, Liiva, 1991; Loze, 1991	
13.	Ica		layer 7	settl.	W	IIB?	TA-2143	4120 ± 90	2830—2670	Loze, Liiva, 1991; Loze, 1991; 1992	
14.	Eini			settl.	W	IIB	Le-751	4000 ± 60	2610—2450	Loze, 1992; 1999	

¹ Comment: 1. Category of sample foll. Czebreszuk, Szmyt, 1998. 2. Calibration of all the datings are based on Weninger & Joris, 1998. 3. Abbreviations: (type of feature) K = kurgan, settl. = settlement; (sample) AB = animal bones, B = bones, G = grain, HB = human bones, N = nagar (organic deposit on the surface of the pot), P = peat.

No.	Locality	Site	Feature no.	Type of feature	Sample	Category	Lab. no.	BP	BC — 1 sigma	References	Uwagi
15.	Parkhutny		14	grave	CH *	IIA	Ki-6212	3965 ± 40	2550—2410	Lakiza, 1999	Charcoals in a clay (relics of an organic temper).
16.	Abora	I		settl.	P	IIC	Le-671	3870 ± 70	2440—2230	Loze, Liiva, 1991	
17.	Abora	I		settl.	P	IIC	Le-749	3860 ± 100	2460—2180	Loze, Liiva, 1991	
18.	Abora	I		settl.	W	IIC	TA-394	3770 ± 60	2300—2090	Loze, Liiva, 1991	
Middle Dnieper culture											
19.	Belynets	K 5	5	grave	?	?	Le-?	4300 ± 50	3000—2880	Artemenko, 1985	
20.	Prorva	1	1	grave	CH	IIA	Le-5020	4150 ± 80	2840—2610	Kadrow, Szmyt, 1996	Elements of GAC
21.	Prorva	1	1	grave	CH	IIA	Ki-5140	4060 ± 45	2740—2520	Kadrow, Szmyt, 1996	Elements of GAC
22.	Prorva	1	10	grave	B	IA	Ki-6206	4010 ± 40	2580—2480	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	Elements of GAC
23.	Prorva	1	18	grave	CH	IIA	Ki-6207	3960 ± 40	2550—2400	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
24.	Prorva	1	10	grave	N	IA	Ki-6205	3890 ± 50	2440—2290	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	Elements of GAC
25.	Prorva	2	1	grave	CH	IIA	Ki-6590	3870 ± 55	2430—2250	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
26.	Khodosovichi	3	2	grave	HB	IA	Ki-6592	3855 ± 40	2420—2250	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
27.	Prorva	1	20	grave	CH	IIA	Ki-6208	3830 ± 40	2380—2220	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
28.	Mironovka	K 8	6	grave	HB	IA	Ki-5824	3690 ± 45	2150—2010	Klochko, 1999	
29.	Azyarnoye	1		vessel	N	IA	Ki-6209	3580 ± 50	2010—1850	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
30.	Prorva	1	2	grave	CH	IIA	Ki-5613	3570 ± 40	1980—1840	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
31.	Azyarnoye	1		vessel	N	IA	Ki-6210	3520 ± 40	1900—1780	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
32.	Strelitsa		53	grave	HB	IA	Ki-6588	3515 ± 60	1920—1760	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
33.	Strelitsa		43	grave	AB*	IA	Ki-6586	3500 ± 60	1900—1750	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
34.	Prorva	1	2	grave	CH	IIA	Ki-5612	3490 ± 45	1870—1750	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
35.	Strelitsa		53	grave	AB*	IA	Ki-6587	3460 ± 70	1870—1690	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
36.	Strelitsa		56	grave	AB*	IA	Ki-6589	3440 ± 55	1850—1680	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
37.	Strelitsa		14	grave	HB	IA	Ki-6585	3425 ± 45	1830—1680	Kryvaltsevich, Kovalyukh, 1999	
Pamariu (Rzucewo) culture											
38.	Šarnele			settl.	CH	IIB	Vs-318	4260 ± 90	3000—2700	Rimantienė, Butrimas, 1991	Elements of Corded Ware culture (Butrimas, 1996)
39.	Šventoji	IA		settl.	?	?	TA-246	4120 ± 80	2830—2580	Rimantienė, Butrimas, 1991	

No.	Locality	Site	Feature no.	Type of feature	Sample	Cate-gory	Lab. no.	BP	BC — 1 sigma	References	Uwagi
40.	Šventoji	1A		settl.	?	?	Vs-22	4100 ± 100	2920—2530	Rimantienė, Butrimas, 1991	
41.	Spigimas	2		grave	?	?	GIM-5570	4080 ± 120	2820—2480	Rimantienė, Butrimas, 1991	
42.	Širne			settl.	?	?	Vs-319	4070 ± 80	2800—2520	Rimantienė, Butrimas, 1991	
43.	Nida		59	fireplace	?	?	Bln-2592	4070 ± 50	2790—2430	Rimantienė, Butrimas, 1991	
44.	Daktariške	5A		?	?	?	Vs-813	4020 ± 100	2750—2410	Rimantienė, Butrimas, 1991	
45.	Šventoji	9		settl.	W?	IIB?	Vib-8	3860 ± 90	2450—2190	Rimantienė, Butrimas, 1991	In Rimantienė, 1992b— Vib-1
North Belarussian culture											
46.	Naumovo			settl.	?	?	Le-816	3700 ± 70	2200—1990	Miklaev, 1992; Zaitseva, Miklyaev, Mazurkevich, Korotkevich, 1994	
47.	Naumovo			settl.	?	?	Le-1004	3690 ± 70	2190—1980	Miklaev, 1992; Zaitseva, Miklyaev, Mazurkevich, Korotkevich, 1994	
48.	Naumovo			settl.	?	?	TA-634	3650 ± 70	2130—1930	Miklaev, 1992; Zaitseva, Miklyaev, Mazurkevich, Korotkevich, 1994	
49.	Naumovo			settl.	?	?	TA-756	3620 ± 80	2110—1880	Miklaev, 1992; Zaitseva, Miklyaev, Mazurkevich, Korotkevich, 1994	
50.	Asavets	2		settl.	?	?	Le-753	3500 ± 50	1890—1760	Charniauski, 1997	
51.	Asavets	2		settl.	?	?	?	3350 ± 60	1710—1550	Charniauski, 1997	

CHRONOLOGY OF THE MIDDLE NEOLITHIC FUNNEL BEAKER CULTURE IN KUYAVIA IN POLAND IN THE LIGHT OF THE LATEST RESEARCH

Introduction

The term “middle Neolithic” is understood as a period when communities of the classic phase of Late Band Pottery Culture (Brześć Kujawski group) coexisted with the Funnel Beaker Culture (Czeraniak, 1994; Rzepecki, 2001). The period on the basis of radiocarbon dates is placed between 4400 and 3700/3650 cal BC.

Recently two taxonomy — chronology schemes were valid for the middle Neolithic FBC (FBC-MN). The first of them, which was formulated by T. Wiślański, consisted of two phases: Sarnowo and Pikutkowo (Wiślański, 1979; Jankowska, Wiślański, 1991. 57f.). A. Koško presented another proposal in 1981 (1981. P. 48). He suggested distinguishing three phases: I (Sarnowo phase), II (early Wiórek phase) and IIIA (older Wiórek subphase).

New possibilities of studies on taxonomy and chronology of the early FBC are results of intense excavations within last ten years (Rzepecki, 2001).

Taxonomy

The pottery from sites: Łącko 6A, Pakość commune (Domańska, 1995), Sarnowo 1A, Lubraniec commune (Wiklak, 1983), Przybranówek 43 (houses 1—5), Aleksandrów Kujawski commune (Czeraniak, Koško, 1993; Domańska, 1995; Rzepecki, 1997; Domańska, Rzepecki, 2001), Podgaj 7A, Aleksandrów Kujawski commune (Czeraniak, Koško, 1993), Poczalkowo 38, Aleksandrów Kujawski commune (Rzepecki, 2001), Wilkostowo 23/24, zone A, Aleksandrów Kujawski commune (Rzepecki, 2001), Sierakowo 8, Jeziora Wielkie commune (Koško, Prinke, 1977), Jezuicka Struga 17, Rojewo commune (Prinke, 1988), Narkowo 9, Dobrze commune (Rzepecki, 2001), Łojewo 35, Inowrocław commune (Szmyt, 1992) and Strzelce-Krzyżanna 56, Mogilno commune (Czeraniak, Rzepecki, 2003) constitutes the basis of taxonomical analyses. 7073 pottery fragments were obtained and they include 2038 decorative motifs, 3152 rims, 893 bottoms, 370 handles and 459 fragments of passage between the neck and the belly.

Ornamentation, macromorphology, micromorphology and technology analyses were conducted among the pottery assemblages under consideration. Results of special importance were achieved in case of ornamentation and morphology analyses. We are going to focus on them.

Ornamentation

Analyses of ornamentation proceeded in following stages: classification of decorative motifs, indicative characteristics of ornamentation, correspondence analysis (Euclid's distance), and agglomeration by means of dendrograph.

As a result, five basic groups of the middle Neolithic FBC were distinguished: FBC-MN1, FBC-MN2, FBC-MN3, FBC-MN4, FBC-MN5. Some of them are divided into subgroups.

The distinguished groups are described below.

FBC-MN1. This group includes materials from Sarnowo 1A, grave 2 in Łącko and from Strzelce-Krzyżanna 56. As inventories of this taxon show inner diversity, it is necessary to distinguish two phases: FBC-MN1a and FBC-MN1b.

Generally, the ornamentation of FBC-MN1a (fig. 1) is characteristic for small share of ornamentation placed out of the rim. Most of motifs are made with use of stamp technique (98—100 %), there is lack of engraved motifs. The occurrence of stamped points on the inner side of plates is symptomatic of FBC-MN1 (2—3 %). In Sarnowo 1A notches of the rims constitute 5,63 % of motifs. In decoration of the under-rim external zone stamped points of different sizes prevail (ca. 47—62 %) over impressed/engraved pillars (ca. 28—30 %). Ladder ornaments (ca. 4 %) and fingerprint motifs (ca. 0—8 %) are rare.

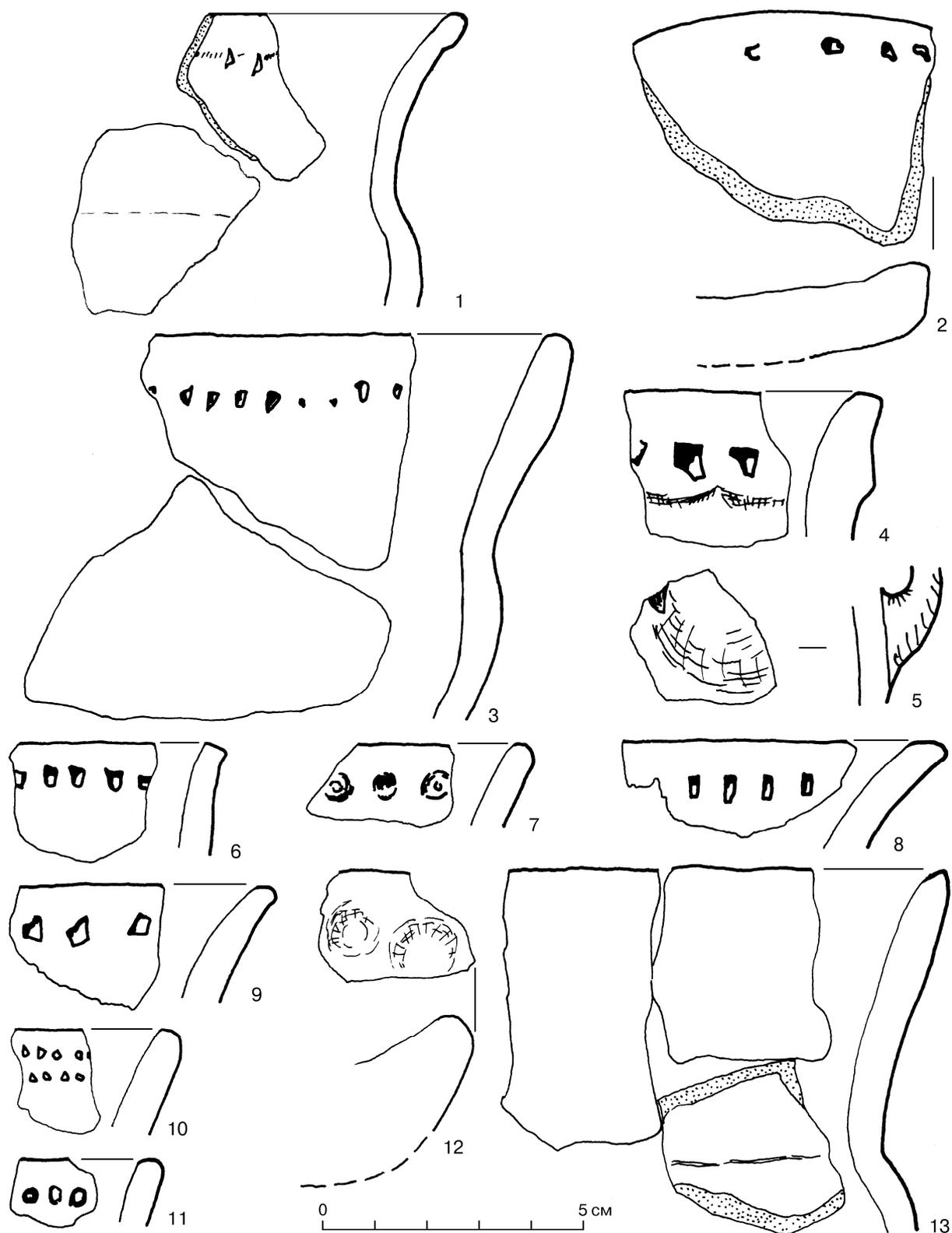

Fig. 1. FBC-MN1a. Łącko 6A, Pakość commune (after: Domańska, 1995; Rzepecki, 2001).

Exceptionally plates are decorated with horizontal plastic bands (ca. 1 %). Among the excavated assemblages ornamentation of bellies occurs occasionally (ca. 1,5 %). There appear impressed points of different sizes. There are no handles.

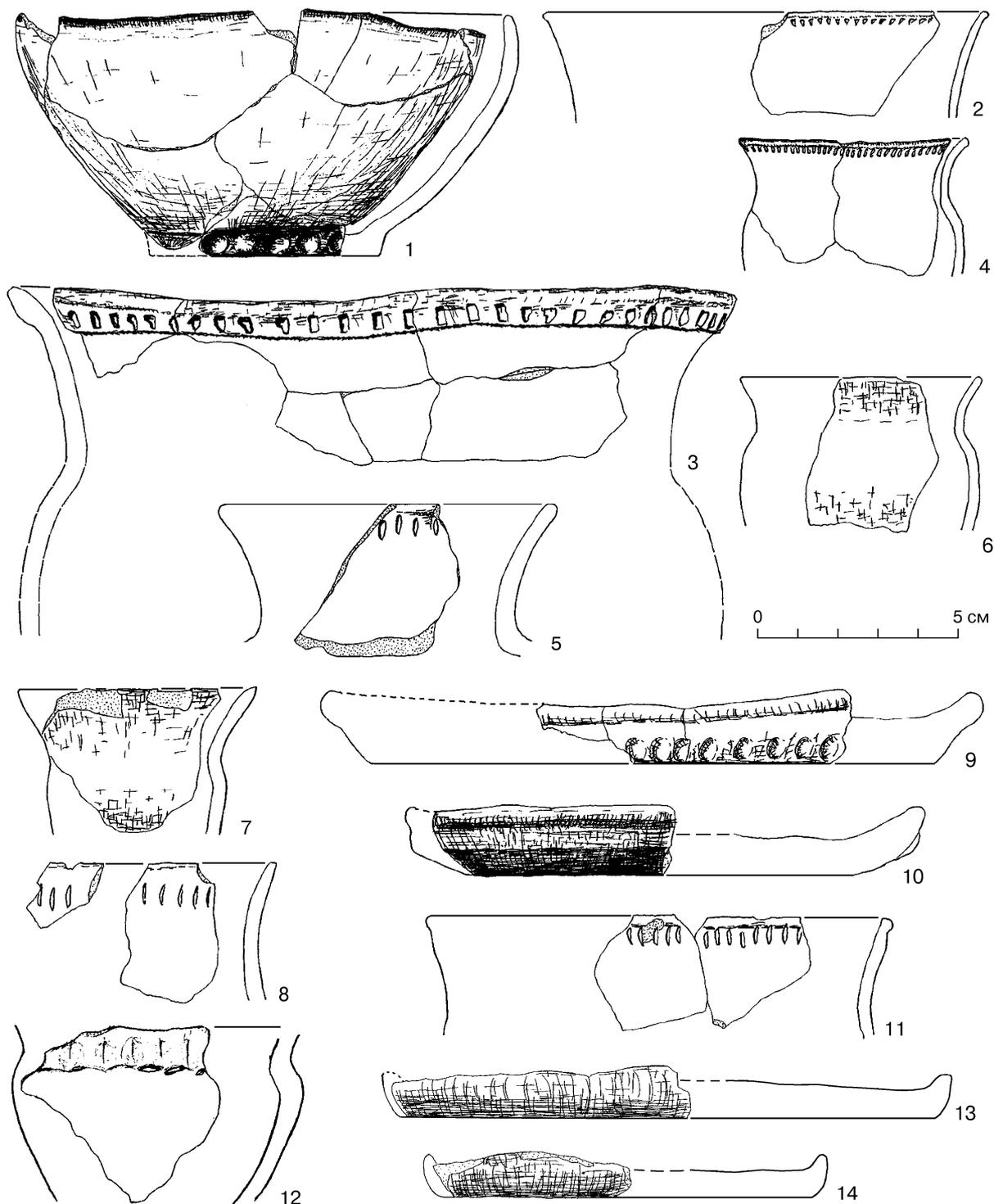

Fig. 2. FBC-MN1b. Strzelce-Krzyżanna, Mogilno commune (after: Czerniak, Rzepecki, 2001).

FBC-MN1b (fig. 2) is represented by one assemblage — Strzelce-Krzyżanna 56. The continuation of FBC-MN1a is visible. Among others, lack of ornamentation of plates on their internal side is a difference. The share of motifs on belly zone increases (ca. 8 %). Handle zone ornamentation incidentally occurs (ca. 1 %). Differences are also seen in the growth of use of plastic technique (1,15 %) and appearance of engraved motifs (5,75 %). Little decrease in stamped points share is noticeable (42,7 %) in favour of stamped/incised pillars (40,4 %). As to belly decoration, vertical engraved lines appear (1,12 %).

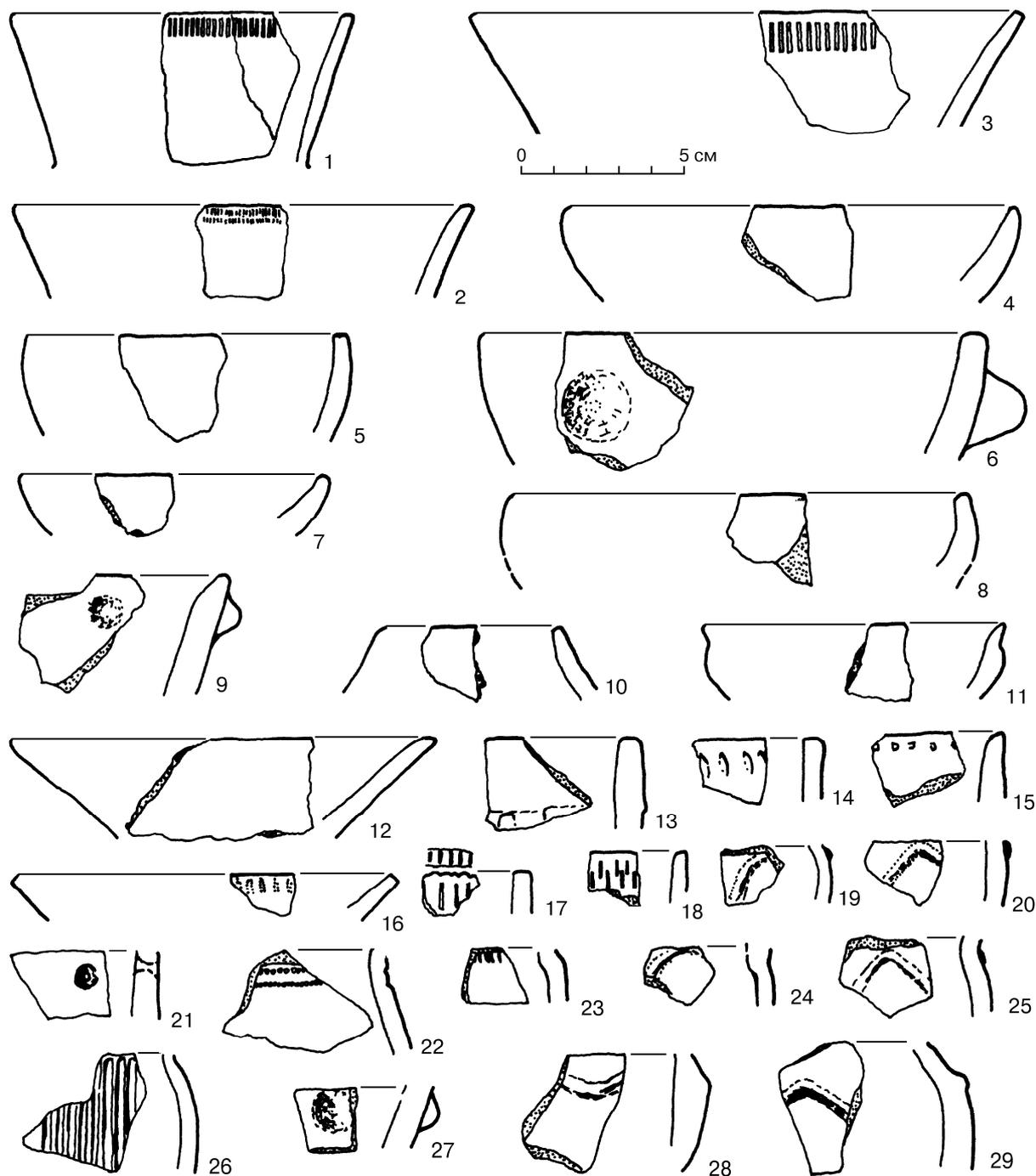

Fig. 3. FBC-MN2a. Sierakowo 8, Jeziora Wielkie commune (nach: Koško, Prinke, 1977).

Very important is the occurrence of fingerprint ornament underlined by zigzag made with a nail (1,12 %), horizontal engraved lines underlining passage between the neck and the belly (4,49 %), stamped points (1,12 %). One example of handle zone ornamentation in form of short plastic band has also been registered (1,12 %).

The collection from Strzelce-Krzyżanna 56, despite the continuation of FBC-MN1a ornamentation canon, is characterised by appearance of new elements. This lets us consider FBC-MN1b as a younger section of FBC-MN1.

The FBC-MN1 development proceeded along the line: Łącko 6, grave 2 → Sarnowo 1A → Strzelce-Krzyżanna 56.

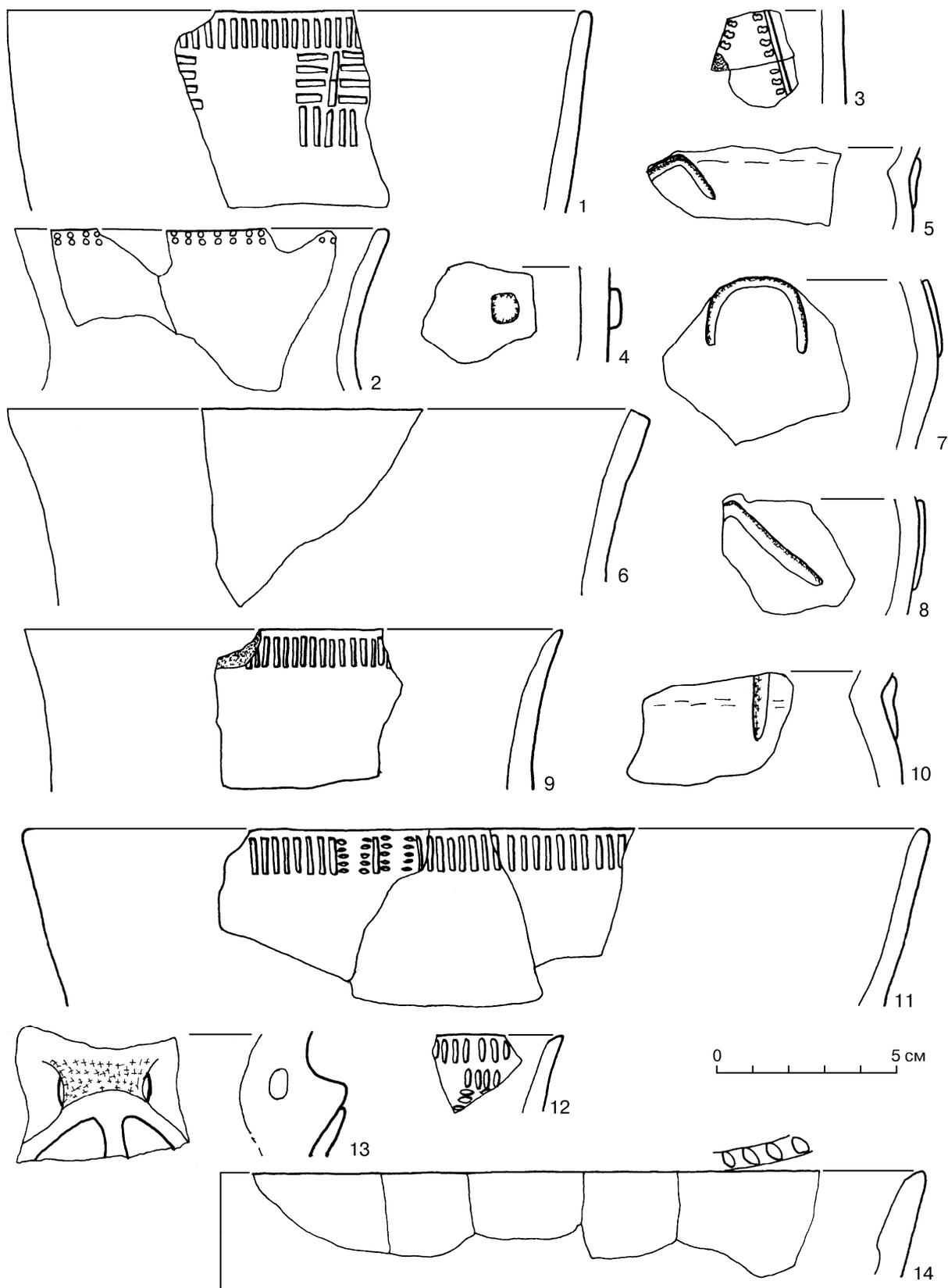

Fig. 4. FBC-MN2b. Poczałkowo 38, Aleksandrów Kujawski commune (after: Rzepecki, 2001).

FBC-MN2. FBC-MN2 is represented by three assemblages: Sierakowo 8, Poczalkowo 38, Łojewo 35. As they show differentiation, we suggest distinction of two units: FBC-MN2a (Sierakowo 8) and FBC-MN2b (Poczalkowo 38, Łojewo 35).

FBC-MN2a (fig. 3) is characterised by the occurrence of the rim zone ornamentation (0,53 %) and predominance of under-rim external ornamentation (88 %) over ornamentation of the belly zone (11,5 %). There is no the handle zone ornamentation. Despite the dominance of impression/incised technique (89,8 %) plastic ornamentation clearly occurs (9,09 %). The ornamentation made in incised/grooving technique is very rare (1,34 %).

Rims are decorated with notches (0,53 %). On the external side of the rims ornamentation of impressed pillars prevails (81,3 %). Motifs of impressed points (1,87 %), holes (0,27 %) and segmented pillars (0,53 %) are these of less importance. Relatively strong positions have ornaments in the form of doubled row of impressed pillars (2,14 %) as well as plastic points (1,34 %). Especially distinctive for the belly zone is plastic lines ornamentation (7,75 %). Motifs built on incised lines: horizontal incised lines (0,53 %) and ladder motifs (0,53 %) are less important. Rung ladders appear sporadically (0,8 %). In the belly zone rows of impressed pillars have also been registered (1,6 %).

FBC-MN2b (fig. 4) is formed by assemblages from Łojewo 35 and Poczalkowo 38. The pottery shows the continuation of the FBC-MN2a ornamentation. The differences are in the growth in the belly zone ornamentation share (ca. 31—37 %), decrease in share of external under-rim ornamentation (ca. 62—66 %) and appearance of the handle ornamentation (0—0,94 %). Ornamentation of above-rim zone only occurred in Poczalkowo 38 (1,89 %). In comparison with FBC-MN2a within the unit described the share of plastic ornamentation (ca. 18 %) and engraved ornamentation (ca. 53—8 %) increases. On the other hand, the share of impressed motifs decreases (ca. 77—82 %).

In relation to FBC-MN2a clear changes in the external under-rim zone appear. The impressed points share decreases (0—0,94 %) as well as that of impressed pillars (ca. 56—60 %). The occurrence of such motifs as rows of impressed pillars underlined by a segment made of pillars (ca. 1—3 %) is of special importance. There is no plastic points ornamentation. In belly ornamentation more often occur such ornamentations as: vertical incised lines (Łojewo 35 — 2,86 %) and engraved lines combined with impressed points (Poczalkowo 38 — 3,7 %). Very important is also the appearance of vertical engraved lines combined with comb impressions in Poczalkowo 38 (0,94 %). Next new element is the ornamentation of horizontal engraved lines which underline the passage between the neck and the belly (Poczalkowo 38 — 3,77 %). Impressed ladders appear more frequent than in FBC-MN2a (ca. 3—6 %), they may have been made also with the use of a comb (Poczalkowo 38 — 0,94 %). Very important is the growth of plastic ornamentation (lines) share (ca. 15—17 %) as well as the appearance of plastic points (Poczalkowo 38 — 2,83 %). In Poczalkowo 38 ornament of plastic line that decorates the handle occurs (0,94 %). In case of FBC-MN2b the distinction between the assemblages from Łojewo 35 and Poczalkowo 38 can be seen. The distinction may be caused by both specific functional character (Łojewo 35 — campsite) and by sparse Łojewo 35 assemblage (Szmyt 1992).

The development of FBC-MN2 most probably proceeded as follows: Sierakowo 8 → Łojewo 35 → Poczalkowo 38.

FBC-MN3. FBC-MN3 includes the following assemblages: Przybranówek 43 house 1, Przybranówek 43 house 2, Przybranówek 43 house 3, Przybranówek 43 house 4, Przybranówek 43 house 5, Narkowo 9 and Podgaj 7A. Differences between their ornamentation are very limited. Nevertheless, we suggest the distinction: FBC-MN3a (fig. 5) and FBC-MN3b (fig. 6). Przybranówek 43 house 5 belongs to FBC-MN3b, and the rest of the sites belong to FBC-MN3a.

Because of slight differences between FBC-MN3a and FBC-MN3b the description applies to both. In FBC-MN3 there is no internal lip side ornamentation as well as notching. The shares of ornamentation placed on the external lip side range from 66,7 % to 82,8 %, belly ornamentation from 14,9 % to ca. 26 %. Handle ornamentation appears relatively frequently (to ca. 7 %).

As for ornamental techniques, stamped/engraved decoration prevails (80—95 %). Plastic decoration is relatively frequent (0—7 %). High share is of motifs made by the use of engraved/grooving technique (ca. 9—23 %).

More often the motif of impressed pillars occurs under the rims (ca. 50—76 %). Motifs of rows of impressed points (ca. 1—13 %) and rows of impressed comb (ca. 5—10 %) are less frequent. Especially

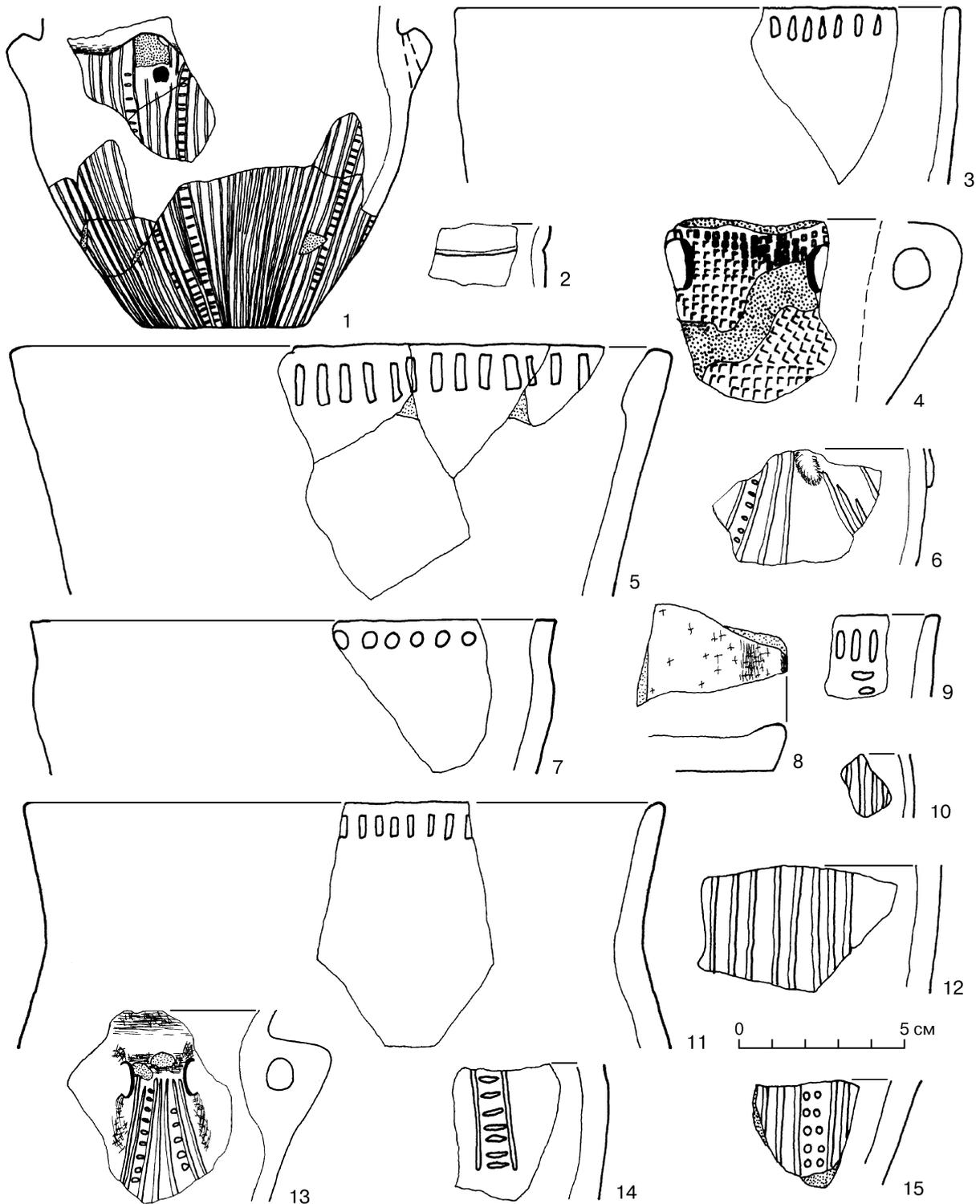

Fig. 5. FBC-MN3a. 1 — Narkowo 9, Dobre commune (after: Rzepecki 2001);
 2—4, 6—9, 11—15 — Przybranówek 43, Aleksandrów Kujawski, house 4 (after: Rzepecki, 1997; 2001);
 5, 10 — Przybranówek 43, Aleksandrów Kujawski, house 3 (after: Rzepecki, 2001).

characteristic of the FBC ornamentation are belly motifs: vertical engraved lines (ca. 2—10 %), vertical engraved lines combined with impressed points (ca. 1—7 %). Engraved lines combined with comb impressions are not so frequent (0—1 %). Engraved lines with comb impressions also appear; they underline the passage between the neck and the belly (ca. 0—5 %), impressed ladder (ca. 1 %),

impressed points (ca. 0—4 %). Plastic bands occur with different frequency (ca. 0—4 %). Among the ornamentation of the handles not only plastic decoration (ca. 0—2 %) but also engraved lines (ca. 0—2 %) as well as engraved lines combined with impressed points (ca. 1 %) have been registered. Relatively more frequent are impressed points of different sizes (ca. 1 %).

The distinguishing of FBC-MN3 was caused by the necessity of stressing that in the house number 1 in Przybranówek 43 the motif of impressed pillars underlined by impressed zigzag appeared (0,29 %).

FBC-MN3 evolved on the line: Przybranówek 43, house 1→ Przybranówek 43, houses 2—3→ Narkowo 9, Przybranówek 43 house 4, Podgaj 7A→ Przybranówek 43, house 5.

FBC-MN4. This group is represented by the Jezuicka Struga 17 site (fig. 7). Predominance of belly ornamentation is significant (55,2 %). Rim notching (4, 17 %), ornamentation of the external side of the rim (34,4 %) and handle ornamentation (6,25 %) are of less importance. Ornaments made with use of impression/engraving technique (85,4 %) are predominant. The share of engraved/grooving technique is incredibly high (46,9 %). Plastic ornamentation appears not very often (5,21 %).

The Jezuicka Struga 17 site is represented by rim notching (4,17 %). On the external rim side impressed pillars are most frequent (15,6 %) but they do not constitute the most important position in the general ornamentation structure. Also rows of comb impression are frequent (8,33 %) and point impressions (4,17 %). Decoration which is especially distinctive for FBC-MN4 appears on the bellies: motifs combining vertical engraved lined and comb impression (26 %) as well as vertical engraved lines (7,29 %) and engraved lines combined with impressed points (2,08 %), ladders (4,17 %). Rarely appear impressed points (1,04 %), plastic points (3,13 %), impressed pillars (4,17 %) and plastic lines (2,08 %). Motif of vertical engraved lines combined with comb impression (3,13 %) is especially characteristic of the handle decoration. Ornamentation of engraved lines combined with impressed points (1,04 %) , ladders (1,04 %) , impressed/stabbed points arranged in carpet system (1,04 %) is more rare.

FBC-MN5. This group only includes the site of Wilkostowo 23/24, zone A (fig. 8). the ornamentation was most often placed on the external side of the rim (68 %), rarely on the belly one (14,4 %). High share of rim (10,3 %) and handle (7,22 %) decoration is noticeable. These were made with the use of impression technique (92,83), rarely engraved/grooving (7,22 %) and plastic (6,19 %).

Notching of the rims is relatively frequent (10,3 %). The decoration of impressed pillars underlined by zigzag (16,5 %) is especially distinctive for FBC-MN5. Also fingerprint impressions appear (15,5 %), impressed points (2,06 %), impressed pillars (18,6 %). Definitely rarely double rows of pillars were registered (3,16 %), as well as impressed zigzag (4,12 %), double row of finger impressions (2,06 %).

As for belly zone decoration, its variety is striking. Notching of flasks` collars is worth emphasizing (1,03 %) and relatively high share of decoration of plastic bands (3,09 %). Plastic lines occur on the handles (2,06 %), engraved lines combined with comb impression (1,03 %), vertical ladders (1,03 %), impressed pillars (2,06 %), rung ladders (1,03 %).

Morphology

The pottery under discussion is characteristic for its considerable fragmentation. Yet in 474 cases a type of a vessel was defined. Following types were registered in the assemblages under consideration: funnel beaker, amphora, collared flask, pot, vase, jug, vessel with base, plate.

For FBC-MN1 especially characteristic is the dominating position of funnel beakers and collared flasks. There also appear plates but they constitute a form in decline. Lack of collared flasks is noticeable.

The most popular forms of FBC-MN2a are funnel beakers and bowls. Also flasks appear. Plates are an apparently declining form. The rest of forms (amphorae, pots, vases, jugs, vessels with base) seem not to be of special importance. FBC-MN2b is characterized by funnel beakers dominance. A fundamental difference in comparison with FBC-MN2a is lack of plates.

As for FBC-MN3a funnel beakers and flasks dominate. Here also plates appear but not as frequent as in FBC-MN1 (they don't occur in all the assemblages either). Almost complete domination of funnel beakers and lack of plates are characteristic of FBC-MN3b.

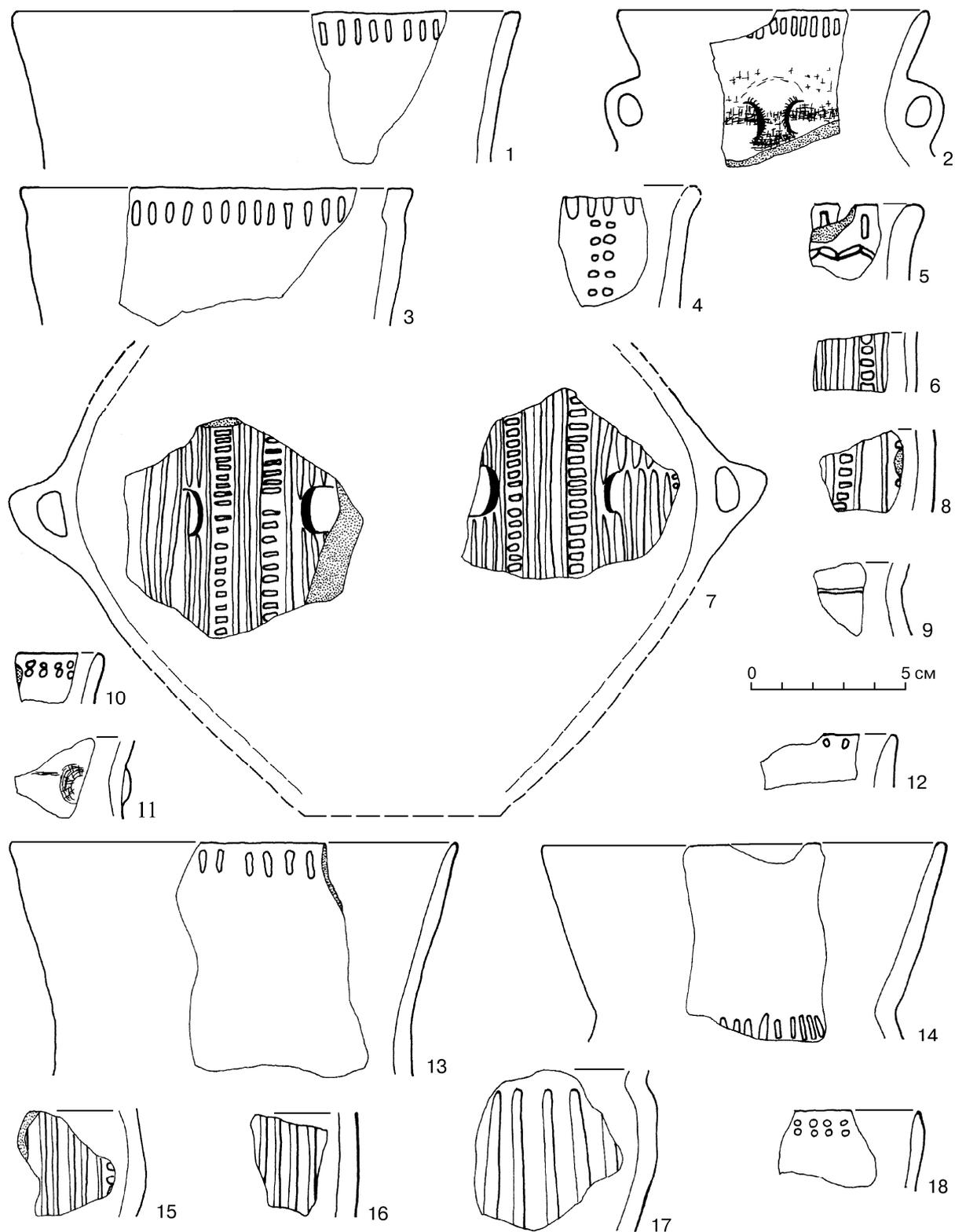

Fig. 6. FBC-MN3b. Przybranówek 43, Aleksandrów Kujawski, house 5 (after: Rzepecki, 2001).

FBC-MN4—5 have very similar structure. Funnel beakers, amphorae and flasks constitute the definite majority of the identified forms. There is complete lack of plates.

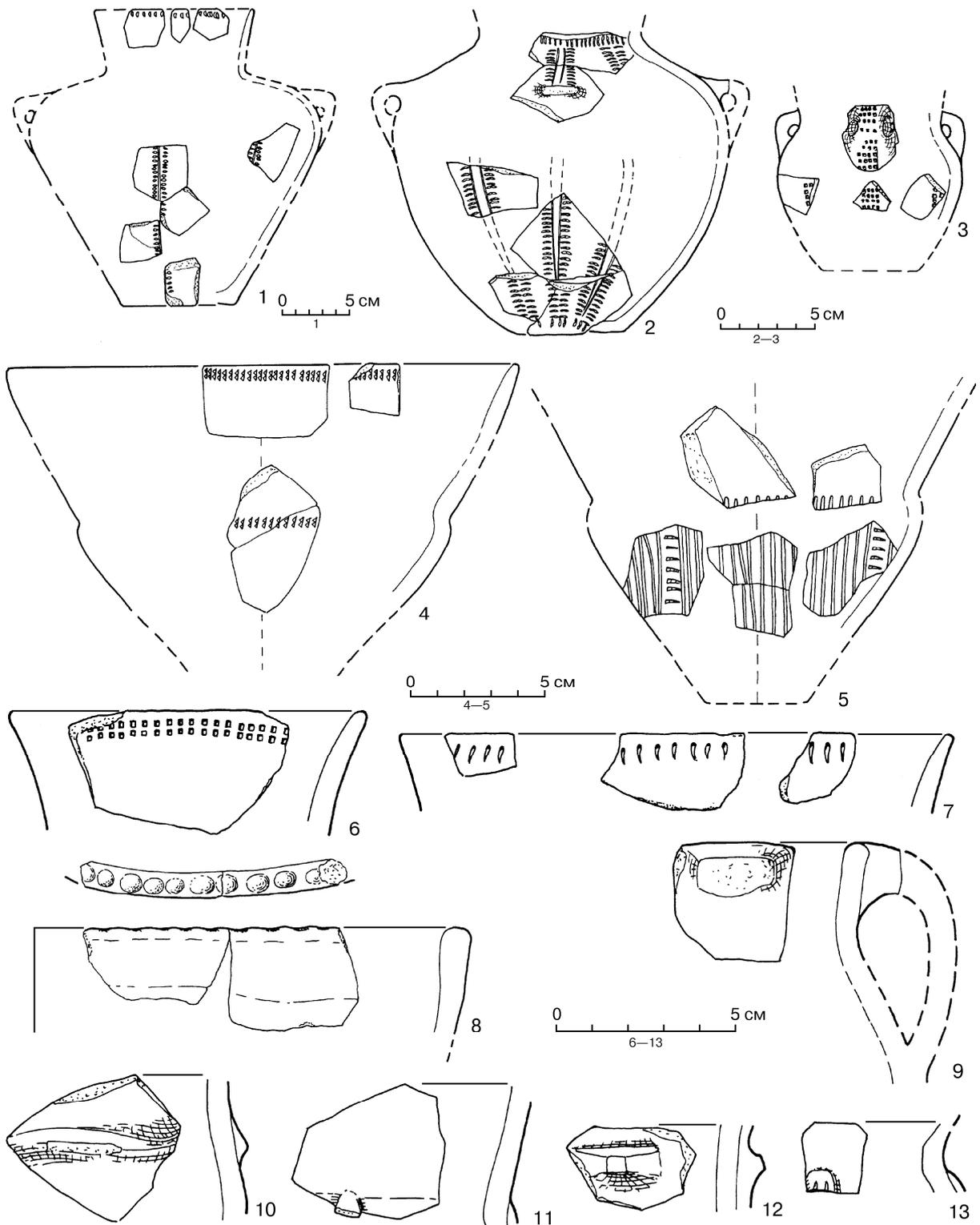

Fig. 7. FBC-MN4. Jezuicka Struga 17, Rojewo commune (after: Prinke, 1988).

Chronology

Analyses of chronology were conducted in several aspects. First of all, relative and radiocarbon chronology of the early FBC in Kuyavia has been recognized. To some extent information on stratigraphy of earth long barrows was helpful.

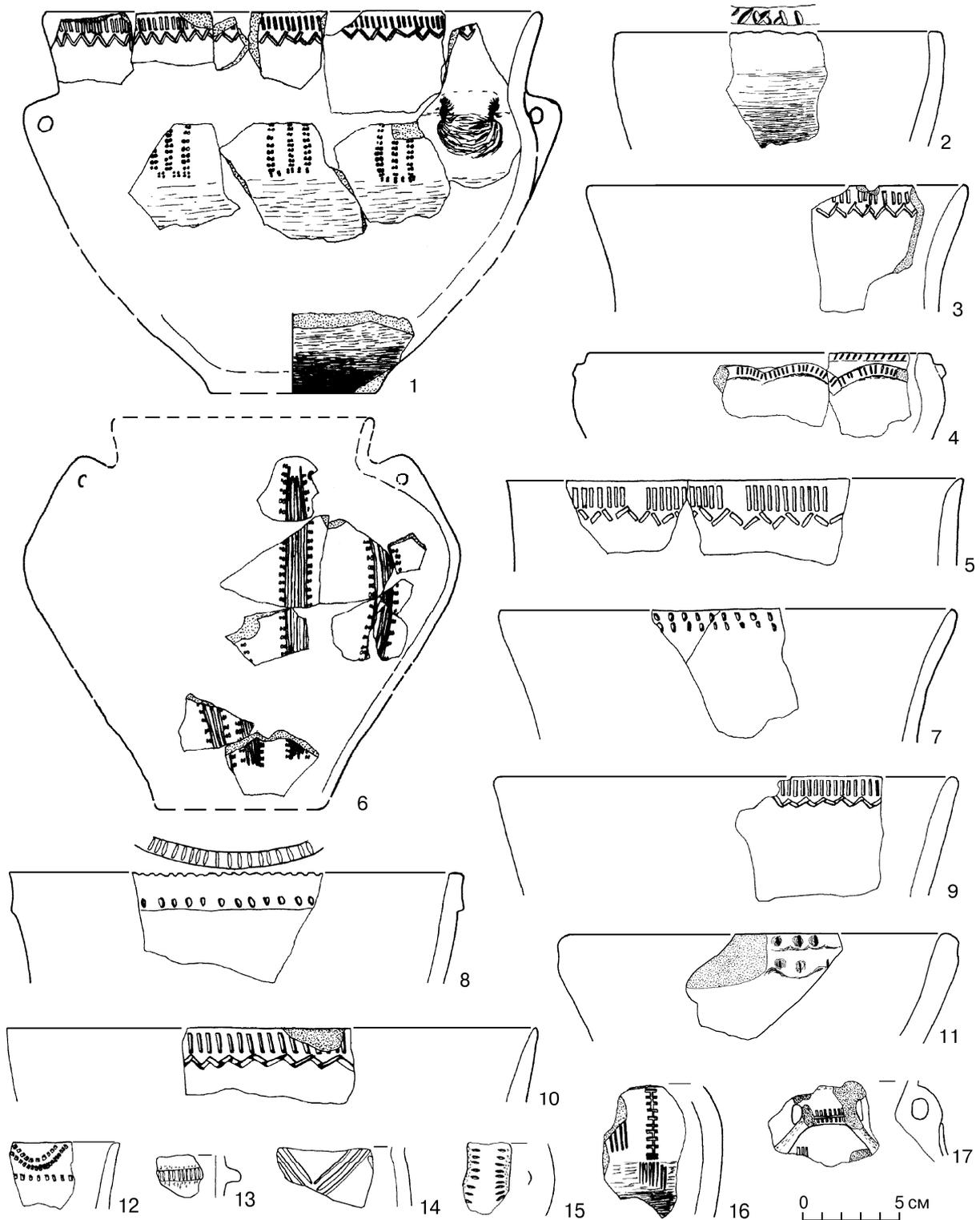

Fig. 8. FBC-MN5. Wilkostowo 23/24, Aleksandrów Kujawski, zone A (after: Rzepecki, 2001).

On the strength of pottery analyses and stratigraphical information the distinguished groups of the early FBC can be attributed to the three horizons: I — FBC-MN1; II — FBC-MN2a, 3a; III — FBC-MN2b, 3b, 4—5.

The question of radiocarbon dating of the distinguished groups of the early FBC meets many problems. They come from a small amount of radiocarbon dates and unclear contexts of some dating. The dates hitherto obtained are presented in the table 1.

To sum up the available information, the following version of periodization of the middle Neolithic Kuyavian FBC was formulated:

FBC-MN1a: 4400—3800/3700 BC, FBC-MN1b: 4200—3800/3700 BC;

FBC-MN2a: 4200—4000 BC, FBC-MN2b: 4000—3800 BC;

FBC-MN3a: 4200—4000 BC, FBC-MN3b: 4000—3800 BC;

FBC-MN4: 4000—3700/3650 BC;

FBC-MN5: 4000—3700/3650 BC (Rzepecki, 2001).

Table 1.

Radiocarbon dates for the middle Neolithic Kuyavian FBC ¹

Site	Group	Lab. Nr.	BP	BC OxCal 3.5	Sum BC OxCal 3.5	
Łącko 6A	1a	Gd-6019	5570 ± 110	4540—4320 (64,9 %) 4280—4250 (3,3 %)	4500—4330 (68,2 %)	
Sarnowo 1, barrow 8/1	1a	GrN-5033	5570 ± 60	4460—4350 (68,2 %)		
Strzelce-Krzyżanna 56/A6	1b	Ki-6179	5020 ± 60	3940—3860 (31,1 %) 3810—3710 (37,1 %)	3910—3880 (6,5 %) 3800—3660 (61,7 %)	
Strzelce-Krzyżanna 56/A6	1b	Utc-8559	4980 ± 50	3900—3880 (5,0 %) 3800—3690 (60,5 %) 3680—3660 (2,7 %)		
Strzelce-Krzyżanna 56/A6	1b	Ki-6180	4950 ± 50	3780—3660 (68,2 %)		
Łojewo 35/9	2b	Gd-6265	5080 ± 90	3970—3770 (68,2 %)	3970—3770 (68,2 %)	
Lembarg 94/1	4	Ki-5886	5050 ± 35	3940—3840 (54,1 %) 3820—3790 (14,1 %)	3920—3870 (11,1 %) 3810—3650 (56,9 %)	
Lembarg 95/34	4	Ki-5889	5020 ± 40	3940—3860 (34,4 %) 3810—3750 (26,6 %) 3740—3710 (7,2 %)		
Lembarg 94/2	4	Ki-5888	5080 ± 40	3950—3910 (19,4 %) 3880—3800 (48,8 %)		
Lembarg 94/1	4	Ki-5887	4940 ± 50	3770—3650 (68,2 %)		
Lembarg 94/2	4	Ki-5890	4930 ± 50	3760—3650 (68,2 %)		
Lembarg 94/1	4	Ki-5891	4900 ± 50	3760—3740 (3,4 %) 3720—3640 (64,8 %)		
Wietrychowice 1, barrow II	5	Lod-60	5170 ± 185	4230—4180 (5,3 %) 4170—3770 (62,9 %)		3960—3790 (68,2 %)
Wilkostowo 23/24, ob.134	5	Ki-9210	5100 ± 90	3980—3780 (68,2 %)		
Rożniaty 2/F1	5	Ki-6506	5080 ± 40	3950—3910 (19,4 %) 3880—3800 (48,8 %)		
Łącko 6A	5	GifA-95488	5010 ± 70	3940—3860 (28,0 %) 3810—3700 (40,2 %)		

The presented version should be treated as a starting point to further discussion and, what is more important, efforts heading for broadening the base of radiocarbon dating. They would allow verifying the proposals above.

LIST OF REFERENCES

Czerniak L. Wczesny i środkowy okres neolitu na Kujawach. 5400—3650 p. n. e. Poznań, 1994.

Czerniak L., Domańska L., Koško A., Prinke D. The Funnel Beaker Culture in Kujavia // Jankowska D. (ed.). Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Hypothesen, Teil II. Poznań, 1991.

Czerniak L., Koško A. Z badań nad genezą rozwoju i systematyką kultury pucharów lejkowatych na Kujawach. Poznań, 1993.

¹ Sources: (Gabałówna 1970, 77; Grygiel 1986, 264; Czerniak, Domańska, Prinke, Koško 1991, 71; Czerniak 1994, 36; Kukawka 1997, 58f.; Koško 2000, 27; Czerniak, Rzepecki 2003).

- Czerniak L., Rzepecki S.* Osady kultury pucharów lejkowatych w Strzelcach-Krzyżannie 56, gmina Mogilno // Czerniak L. (ed.). Osadnictwo kultur środkowoneolitycznych. Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż trasy gazociągu tranzytowego. Tom III. Kujawy. Część 3. 2003.
- Domańska L.* Geneza krzemieniarstwa kultury pucharów lejkowatych na Kujawach. Łódź, 1995.
- Domańska L., Rzepecki S.* Osiedla kultury pucharów lejkowatych ze stanowiska Przybranówek 43, gmina Aleksandrów Kujawski w świetle badań przeprowadzonych w latach 1994—1997 // Łódzkie Sprawozdania Archeologiczne. T. VII. 2001.
- Gabałówna L.* Wyniki analizy C-14 węgla drzewnych z cmentarzyska kultury pucharów lejkowatych na stanowisku 1 w sarnowie z grobowca 8 i niektóre problemy z nim związane (informacja wstępna) // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi (seria archeologiczna). No. 17. 1970.
- Grygiel R.* The household cluster as a fundamental social unit of the Lengyel Culture in the Polish Lowlands // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi (seria archeologiczna). No. 31. 1986.
- Jankowska D., Wiślański T.* Trichterbecherkultur im polnischen Tiefland-Hauptsächliche Forschungsprobleme // Jankowska D. (ed.) Die Trichterbecherkultur. Neue Forschungen und Hypothesen, Teil II. Poznań, 1991.
- Koško A.* Udział południowo-wschodnioeuropejskich wzorców kulturowych w rozwoju niżowych społeczeństw kultury pucharów lejkowatych. Grupa mątewska. Poznań, 1981.
- Koško A.* Osadnictwo społeczności kultury pucharów lejkowatych (grupy: wschodnia i radziejowska) // Koško A. (ed.). Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż trasy gazociągu tranzytowego. Tom III. Kujawy. Część 4. Osadnictwo kultur późnoneolitycznych oraz interstadium epok neolitu i brązu: 3900—1400/1300 przed Chr. Poznań, 2000.
- Koško A., Prinke A.* Sierakowo, woj. Bydgoszcz, stan. 8- osada z fazy II (wczesnowioreckiej) kultury pucharów lejkowatych // Fontes Archaeologici Posnaniensis. No. 26. 1977.
- Kukawka S.* Na rubieży środkowoeuropejskiego świata wczesnorolniczego. Społeczności Ziemi Chełmińskiej w IV tysiącleciu p. n. e. Toruń, 1997.
- Prinke D.* Środkowoneolityczne załężki procesów synkretyzacji kultury pucharów lejkowatych na Kujawach // Cofta-Broniewska A. (ed.). Kontakty pradziejowych społeczeństw Kujaw z innymi ludami Europy. Poznań, 1988.
- Rzepecki S.* Wstępne wyniki badań przeprowadzonych w roku 1996 na stanowisku kultury pucharów lejkowatych Przybranówek 43 // Łódzkie Sprawozdania Archeologiczne. T. II. 1997.
- Rzepecki S.* Czynniki wewnętrzne i zewnętrzne w rozwoju środkowoneolitycznych społeczeństw kultury pucharów lejkowatych na Kujawach. Łódź (typescript), 2001.
- Szmyt M.* Łojewo, gm. Inowrocław, woj. bydgoskie, stan. 35, osiedle z fazy wczesnowioreckiej kultury pucharów lejkowatych. (Z badań nad genezą i systematyką kultury pucharów lejkowatych na Kujawach) // Sprawozdania Archeologiczne. No. 44. 1992.
- Wiklak H.* Wyniki badań archeologicznych w osadzie i na cmentarzysku kultury pucharów lejkowatych na stanowisku 1A w Sarnowie, woj. Włocławskie // Prace i Materiały Muzeum Archeologicznego i Etnograficznego w Łodzi (seria archeologiczna). No. 30. 1983.
- Wiślański T.* Kształtowanie się miejscowych kultur rolniczo-hodowlanych. Plemiona kultury pucharów lejkowatych // Prahistoria ziem polskich. T. II. 1979.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

Являясь крупной водной артерией Восточной Европы, река Дон своими истоками вплотную соприкасается с лесными массивами Окского бассейна, а далее, протекая в южном направлении, пересекает зоны лесостепи и степи, открывая пути в районы Приазовья, Предкавказья и Кавказа, а к юго-востоку — в полупустынные пространства Прикаспия. Такое географическое положение позволяет предполагать, что по Дону с давних времен осуществлялись контакты, связывавшие традиции форпостов древних земледельческо-скотоводческих очагов и традиции северного этнокультурного ареала с исконным охотничье-рыболовческим укладом хозяйствования.

Лесостепная область бассейна Дона включает территории по верхнему и среднему течению реки, занимая площадь свыше 120 000 км².

Особая роль каждой из географических зон в формировании укладов экономики древних обществ предопределила локализацию специфических признаков материальной и духовной культуры этнических группировок. Археологические памятники именно таких пограничных природно-географических районов в большей степени, чем где-либо, содержат информацию для решения вопросов синхронизации древних материальных комплексов, а в конечном счете — для создания единой хронологической шкалы древней истории Восточной Европы.

Исследованиями в донской лесостепи выявлена не только далеко не всегда последовательная смена во времени культур в рамках одной археологической эпохи, но и хронологическое совмещение самих эпох. Фиксируемые периоды параллельного развития археологических культур, принадлежащих разным эпохам, требуют своего объяснения. Предваряя рассмотрение конкретных примеров, отмечу, что в основе объяснения такого рода явления, на мой взгляд, лежит прежде всего географический фактор, в свою очередь сформировавший затем устойчивую специфику протекавших исторических процессов в донской, а шире — в восточноевропейской лесостепи. Это — легкость освоения лесостепных пространств (равнинный рельеф, развитая речная система, максимальная климатическая адаптивность) и большая, намного превосходящая сопредельные природно-географические зоны, экологическая (а следовательно, и демографическая) емкость лесостепи, где на длительное время сохранялась рентабельность параллельного существования самых разных хозяйственных укладов, как присваивающих, так и производящих, не исключавших, а дополнявших друг друга.

Современные палеогеографы и палеопочвоведы, за редким исключением (Хотинский, 1978), принимают положение о существовании лесостепи как особой природно-ландшафтной зоны. Ее северная граница в пределах Днепровско-Волжского междуречья проводится по линии: район Киева — верховья Дона — районы Нижнего Новгорода и Казани (Берг, 1955), а южная граница (для Русской равнины, по Ф. Н. Милькову): по южной окраине Донецкого кряжа и к Волге, южнее Саратова и Самары (Мильков, 1977. С. 120). Если опустить разночтения, связанные с определением начальных этапов формирования лесостепного ландшафта и степени его стабильности, то можно констатировать факт существования лесостепи в среднем голоцене, в атлантическом и суббореальном климатических периодах (по Блитту-Сернандеру), датированных временем от 7700 до 2500 лет от наших дней. В этих хронологических рамках полностью размещается неолитическая эпоха.

Думается, что предлагаемое ниже освещение археологических данных донской лесостепи в полной мере способно подтвердить ее особый географический статус, как и ее историческую специфику. Почти столетняя история изучения донского неолита, начало которому положено выдающимся отечественным археологом С. Н. Замятниным — его обобщением первых случайных находок (Замятнин, рукопись) и раскопанным им в конце 20-х годов первым памятником (поселение у ст. Отрожка под Воронежем), отмечена наибольшей результативностью в 50—80-е годы благодаря усилиям экспедиций ЛОИА АН СССР на Верхнем Дону (руководитель — В. П. Леве-

нок) и Воронежского ГПИ на Среднем Дону (руководитель — А. Т. Синюк), что нашло достаточно полное отражение в специальной литературе. Исследования ведутся и в наши дни, хотя и менее интенсивно, но в целом их результаты подтверждают установленную ранее мозаичность этнокультурного содержания донского неолита, а археологическая карта включает уже около двухсот местонахождений, из числа которых раскопкам подвергнуты такие стоянки как Долговская, Подзоровские 1 и 2, Рыбное Озеро 1 и 2, Савицкая, Курино, Шапкино, Монастырщина 2 (на Верхнем Дону, раскопки М. Е. Фосс, В. П. Левенка, Б. А. Фоломеева, А. Н. Бессуднова, А. А. Хрекова); стоянки Университетские 1 и 3, Шиловская, Копанищенские 1 и 2, Дроница, Черкасская, Монастырская 1, Щучье и др. (на Среднем Дону, раскопки А. Т. Синюка, А. Д. Пряхина, С. Н. Гапочки). Но отметим при этом принадлежность практически всех известных памятников сезонным промысловым стойбищам¹.

Как правило, местонахождения приурочены к береговым урезам или же к пойменным дюнным всхолмлениям, и значительно реже они занимают окраины первых надпойменных террас. В условиях систематических паводковых затоплений устройство стационарных долговременных поселков здесь исключалось, принимая во внимание отсутствие в лесостепной зоне традиций свайного домостроительства. Зато такие места, приуроченные к воде, благоприятствовали лову рыбы, охоте на водоплавающую дичь и на диких животных у мест водопоя. При этом древние промысловики, последовательно сменяясь и подчас имея разное этническое происхождение, использовали становища на протяжении всего времени, пока здесь сохранялась природная рентабельность получения традиционного продукта промысла. Отсюда и другая особенность донских стоянок: абсолютное их большинство имеет многослойный характер. Такого рода функциональная оценка полностью согласуется с содержанием происходящих из слоев стоянок материалов, главным показателем чего служит малое число следов каменного производства, как и самих каменных орудий в целом, на фоне абсолютного преобладания поликультурного керамического материала. Соответственно отсутствуют и следы капитально оборудованных жилых и хозяйственных построек. Но именно такой тип памятников раскрывает динамику взаимодействия культур и их хронологического следования. В этом аспекте решающее значение приобретают данные стратиграфии ряда исследованных стоянок. Но прежде кратко коснемся проблемы культурной принадлежности неолитических комплексов лесостепного Дона.

Еще С. Н. Замятнин уловил двойственную подоснову донского неолита. Позднее сходную точку зрения высказал и А. А. Формозов, отметив связь накольчатой керамики Дона с традициями восточного (кельтеминарского) неолитического ареала. Последовавшие затем изыскания В. П. Левенка окончательно закрепили представление о существовании в донской лесостепи культурных образований северного (лесного) облика с ямочно-гребенчатой керамикой, и юго-западного происхождения, с накольчатой керамикой. Первое из них получило название рязанско-долговской культуры, а второе им было отождествлено с днепро-донецкой культурой и рассматривалось в качестве ее варианта (Левенко, 1971; 1973)². Кроме того, В. П. Левенком была выделена и еще одна неолитическая культура — рыбоозерская, расценивавшаяся им как результат переоформления местного варианта днепро-донецкой культуры в условиях взаимодействия с традициями лесного неолитического ареала.

Дальнейшие исследования, основанные на новой сумме источников, позволили скорректировать этнокультурную ситуацию, имевшую место в неолите Дона. Прежде всего нами было предпринято обоснование выделения своеобразной среднедонской неолитической культуры, характеризующейся цилиндрическими и коническими остродонными сосудами с многовариантным исполнением накольчатой орнаментации, сопровождаемыми специфическим набором изделий кремнево-кварцевой микролитовидной пластинчатой индустрии с единичными включениями классических типов резцов и геометрических орудий (трапеций, сегментов) (Синюк,

¹ Пока известен всего один небольшой неолитический могильник на площади многослойной стоянки Копанище 2 (Синюк, 1986. С. 122—123) и одиночное захоронение на Лобовской стоянке (Синюк, 1975. С. 150—152).

² Данная точка зрения затем была поддержана и В. П. Третьяковым (1982).

1978). К кругу памятников этой культуры принадлежат и те, которые ранее включались в днепро-донецкую культуру. Отличительные признаки двух культур оказались достаточно весомыми, что нашло признание и со стороны ведущего исследователя днепро-донецких древностей Д. Я. Телегина (Телегін, 1981). Тогда же был поставлен вопрос о необходимости пересмотра позиции относительно происхождения рыбноозерской культуры, где традиции накольчатого неолита практически не прослеживаются, тогда как весь ее характер полностью соответствует облику лесных культур с зубчато-ямочной керамикой пережиточного неолита, т. е. появление в донской лесостепи памятников рыбноозерской культуры явилось следствием одной из миграций населения из примыкающей к Дону лесной зоны (Синюк, 1978; 1986).

Вместе с тем источники свидетельствуют о наличии многоплановых контактов как между носителями отмеченных неолитических культур, так и проникавшими на Дон новыми группами населения, культура которых отмечена признаками уже энеолитической эпохи, а как результат этих контактов удается фиксировать распространение смешанных вещевых комплексов, своеобразии которых наиболее проявляется в облике керамического материала. Так, следствием взаимодействия традиций среднедонской и рязанско-долговской неолитических культур стало появление сосудов с накольчато-ямочным орнаментом в различном сочетании этих элементов украшения и морфологических признаков. В ходе контактов носителей среднедонской неолитической и раннеэнеолитической нижнедонской культур возник своеобразный тип керамики, названный нами «черкасским», включивший воротничковое оформление венчика сосудов. Элементы заимствования морфологических и орнаментальных признаков энеолитических нижнедонской, среднестоговской и репинской культур отмечаются также в материалах рязанско-долговской и рыбноозерской культур, которые с появлением на Дону энеолитических комплексов нами рассматриваются как находившиеся уже на пережиточно неолитической стадии бытования.

В лесостепном левобережном Подонье достаточно четко вычленяется еще один весьма своеобразный культурный тип — дронихинский, который условно нами включен в среднедонскую культуру заключительного, пережиточно неолитического этапа бытования. Сосуды дронихинского типа, повторяя формы и включая обязательный ряд ямок под верхом, идентичные среднедонским сосудам, отмечены наличием органической примеси в глиняном тесте, несут в качестве господствующего прочерченный элемент орнамента. На них ярко выражены и другие поздние черты: профилировка венчика, плоскодонность, частая встречаемость выпуклин под верхом, появление «паркетного» орнамента — что увязывает их как с волосовскими древностями, так и с традициями степных культур эпохи бронзы.

Наконец, о прямых контактах носителей культур неолитического облика и культур энеолита — бронзы свидетельствуют памятники выделенной нами иванобугорской культуры (Синюк, 1984; Васильев, Синюк, 1985). Желобчатое оформление верха сосудов, плоскодонность, жемчужный, защитной и шнуровой элементы орнамента и другие признаки увязываются с гончарными традициями последних, тогда как орнаментация сосудов ямками в шахматном порядке, явное предпочтение ромбическим мотивам орнамента и целый ряд иных признаков позволяют говорить о сохранении традиций, выработанных еще в неолитической среде оксодеснинского региона, а затем привнесенных и в донскую лесостепь.

В основу изучения относительной хронологии культур неолита Дона, а также для разработки периодизации каждой из них, нами взяты стратиграфические показатели, выявленные при раскопках Черкасской, Копанице 1, Подзоровской 2, Долговской, Университетской 3, Монастырской и ряда других стоянок. Так, в системе пойменных наслоений Черкасской стоянки выявлены подпрямоугольные площадки из утрамбованной ракушки — остатки полов древних построек с навесами. Две из них приурочены к основанию наслоений, а третья перекрывала одну из нижних площадок, располагаясь выше на 0,25 м. На верхней площадке находились развалы воротничковых сосудов нижнедонской раннеэнеолитической культуры.

В целом из анализа стратиграфии Черкасской стоянки вытекают два важных обстоятельства. Во-первых, культура с накольчатой керамикой предшествует появлению материалов нижнедонской культуры мариупольской культурно-исторической области. Во-вторых, культура с накольчатой керамикой проявляет себя и позднее, параллельно с материалами энеолитического облика.

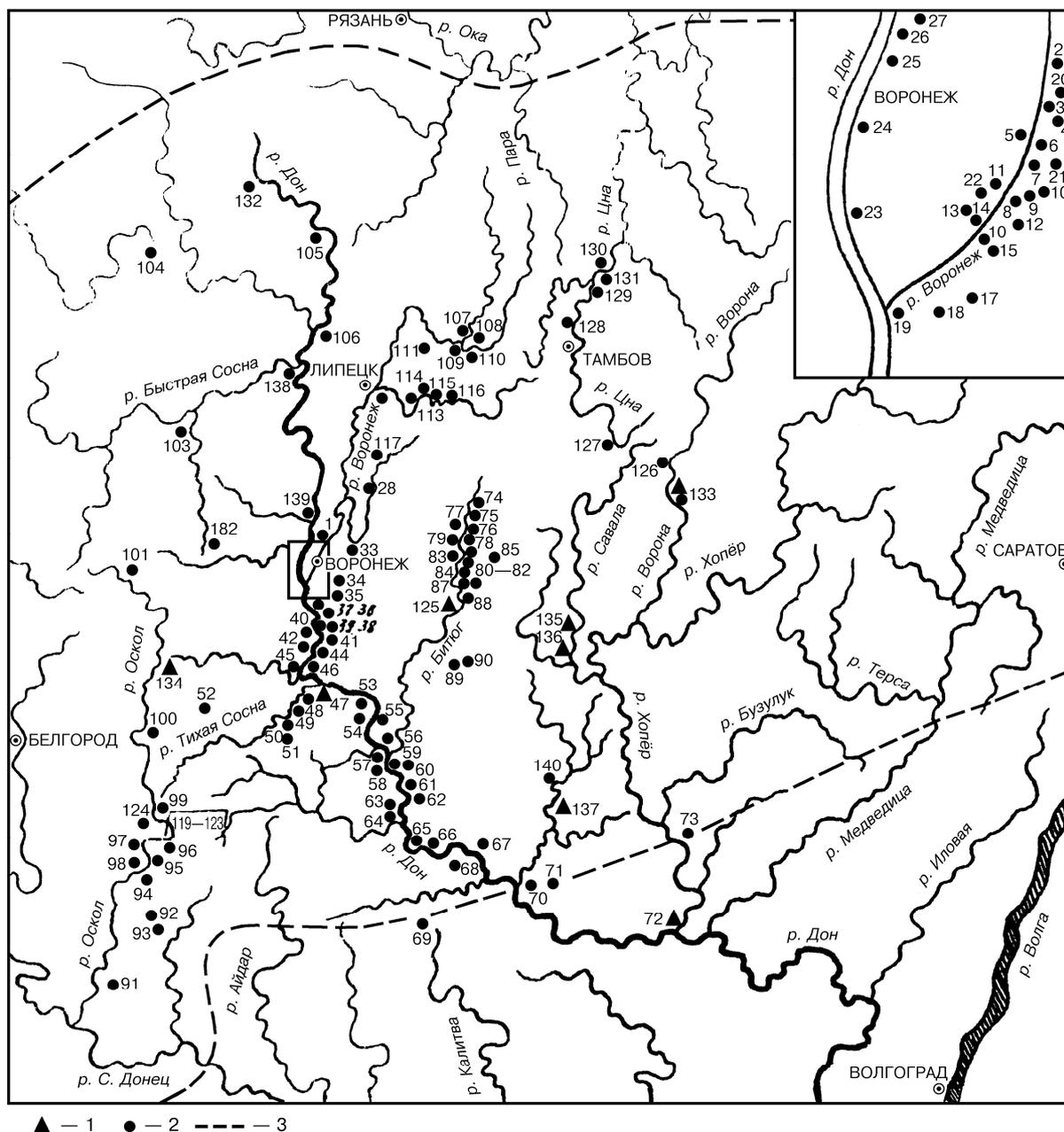

Рис. 1. Карта распространения позднемезолитических и неолитических стоянок в лесостепном Подонье (1 — поселения эпохи мезолита; 2 — поселения эпохи неолита; 3 — границы лесостепи по Ф. Н. Милькову): 1 — Чертовичская; 2 — Отрожка; 3 — Северовосточная 1; 4 — Северовосточная 2; 5 — Коммунарская; 6 — Чернавская; 7 — Яхтклуб; 8 — Университетская 3; 9 — Университетская 1; 10 — Университетская 2; 11 — Университетская 4; 12 — Кировская 2; 13 — Стрельбище 1; 14 — Стрельбище 2; 15 — Шиловская 1; 16 — Шиловская 2; 17 — Скотный Двор; 18 — Таврово; 19 — Устье р. Воронеж; 20—22 — случайные находки; 23 — Орловка; 24 — Устье р. Девичы; 25 — Подклетное; 26 — Подгорное; 27 — Подгорное 2; 28 — Углянец; 29—34 — Боровое; 35 — Забужское; 36 — Погоново Озеро; 37 — Левобережная Костенковская; 38 — Каменка; 39 — Нововоронежская; 40 — Сторожевое; 41 — Левобережное Сторожевое; 42 — Урыв-Селявное; 43 — Платава; 44 — Троицкое; 45 — Аверино; 46 — Устье р. Девичы; 47 — Устье р. Тихой Сосны; 48 — Дармодехинская; 49 — Дармодехинская 2; 50 — Копанище 1; 51 — Копанище 2; 52 — Шубное; 53 — Щучье; 54 — Щучье 2; 55 — Колодежное; 56 — Черкасская; 57 — Верхний Карабут; 58 — Белогорье; 59 — Перебой; 60 — Павловск; 61 — Русская Буйловка; 62 — Желдаково; 63 — Нижний Карабут; 64 — Кулаковка; 65 — Гороховка; 66 — Гороховка 2; 67 — Ольхи; 69 — Филоново; 69 — Титаревка; 70 — Толучеевка; 71 — Березняки; 72 — Подпешное Озеро; 73 — Ендовское; 74 — Боршево;

75 — Борщево 2; 76 — Малые Ясырки; 77 — Мосоловка; 78 — Мосоловка 2; 79 — Сухое Веретье; 80 — Бродовое; 81 — Попово Озеро; 82 — Гороховка; 83 — Анна; 84 — Новый Курлак; 85 — Черная; 86 — Кушелево; 87 — Кушелево 2; 88 — Дрониха; 89 — Новая Чигла; 90 — Новая Чигла 2; 91 — Пески; 92 — Герасимовка; 93 — Ярское; 94 — Уразово; 95 — Шелаевская 1; 96 — Шелаевская 2; 97 — Новое Изрожное; 98 — Колосково; 99 — Принцевка; 100 — Новый Оскол; 101 — Никольское-Правороть; 102 — Касторное; 103 — Лобовская; 104 — Ефремов; 105 — Долговская; 106 — Лебедянь; 107 — Грамушки; 108 — Устье; 109 — Старое Тарбеево; 110 — Старое Тарбеево 2; 111 — Стеньшино; 112 — Липецк; 113 — Рыбное Озеро 1; 114 — Рыбное Озеро 2; 115 — Ярлуковская Протока; 116 — Ярлуково; 117 — Савицкая; 118 — Кривоборье; 119 — Раздолье; 120 — Подмонастырка; 121 — Новосимоновка; 122 — Терехово; 123 — Масловка; 124 — Лавы; 125 — Монастырская 1; 126 — Уварово; 127 — Княжино; 128 — Тихий Угол; 129 — Кулеватово; 130 — Серповое; 131 — Елизавет-Михайловское; 132 — Куликово Поле; 133 — Шапкино; 134 — Аксеновка; 135 — Савала; 136 — Савала 2; 137 — Толучевка 2; 138 — Устье Быстрой Сосны 2; 139 — Новоживотинное; 140 — Ширяево.

Примеры статистико-поглубинного анализа других пойменных стоянок подтверждают приведенные данные, а также позволяет сделать ряд других важных выводов. Прежде всего, накольчатая керамика в своей основе предшествует керамике ямочно-гребенчатой (Копанище 1, Подзорovo 2). Далее, имеющиеся наблюдения не подтверждают точку зрения о прямом вырастании ямочно-гребенчатого орнамента из накольчатого. На примере стоянок Долговской, Копанище 1, Подзорovo 2, Монастырщины 2 ямчатая керамика со строчечным расположением вдавлений, с геометрическим стилем орнамента, с выпуклинами под верхом, с гофрировкой венчика, — то есть со всеми теми признаками, какие рассматриваются некоторыми исследователями в качестве переходных (Даниленко, 1969; Неприна, 1976), залегают выше керамики со сплошным зонным ямочным орнаментом, где ямки наносились глубоко, имеют правильную форму и располагаются в шахматном порядке. Такой керамике чужд «отступающий» прием нанесения орнамента, тогда как в материалах стоянок Долговской, Монастырщина 2 и др. в вышележащих слоях встречается и «отступающий» прием, и сочетание ямочного орнаментального элемента с накольчатым. Здесь достаточно четко усматривается и факт взаимодействия двух разнокультурных проявлений, а вместе с этим и длительное сохранение традиций культуры с накольчатой керамикой.

Весьма важные стратиграфические признаки отражены и в заполнении двух сооружений, выявленных на стоянке Университетской 3: в их основании, где сохранились остатки деревянных конструкций, залежала ямочно-гребенчатая керамика раннего облика, соответствующая материалам нижнего горизонта Долговской стоянки. Ямы же выходят на уровень границы нижнего и среднего слоев, где нижний слой в своей основе содержал накольчатую керамику раннего облика и микролитические кремнево-кварцитовые орудия. Важно то, что в заполнении ям-конструкций, на покрывающем торфянистое основание слое стерильного песка располагались линзы сильно гумусированной супеси, в одной из которых находился очаг. Края линз выклинивались в нижнем горизонте среднего слоя. Линзы представляли собой ни что иное, как остатки небольших шалашевидных сооружений, и судя по находкам в них фрагментов воротничковых сосудов, принадлежали нижнедонской раннеэнеолитической культуре. Тем самым устанавливается факт предшествования на памятнике ямочно-гребенчатой керамике материалам последней.

В целом, имеющиеся данные позволяют выстроить колонку относительной хронологии разнокультурных комплексов времени неолита — энеолита в лесостепном Подонье. Такая колонка, наряду с четкими признаками хронологического приоритета в появлении тех или иных культурных комплексов, предполагает совмещение их бытования, но не резкую их смену.

Мы уже упоминали примеры, свидетельствующие о длительном существовании на Дону культуры с накольчатой керамикой (по материалам Черкасской стоянки и др.). Достаточно ярко это положение подтверждается и раскопками стоянки Дрониха, но здесь обширная подпрямоугольная площадка из битой ракушки, сходная с большой постройкой Черкасской стоянки, залежала уже над толщиной слоя (в среднем 0,35 м от уровня материка) с накольчатой, ямчатой и гребенчатой керамикой. Вместе с тем на самой поверхности площадки собрано большое количество накольчатой керамики.

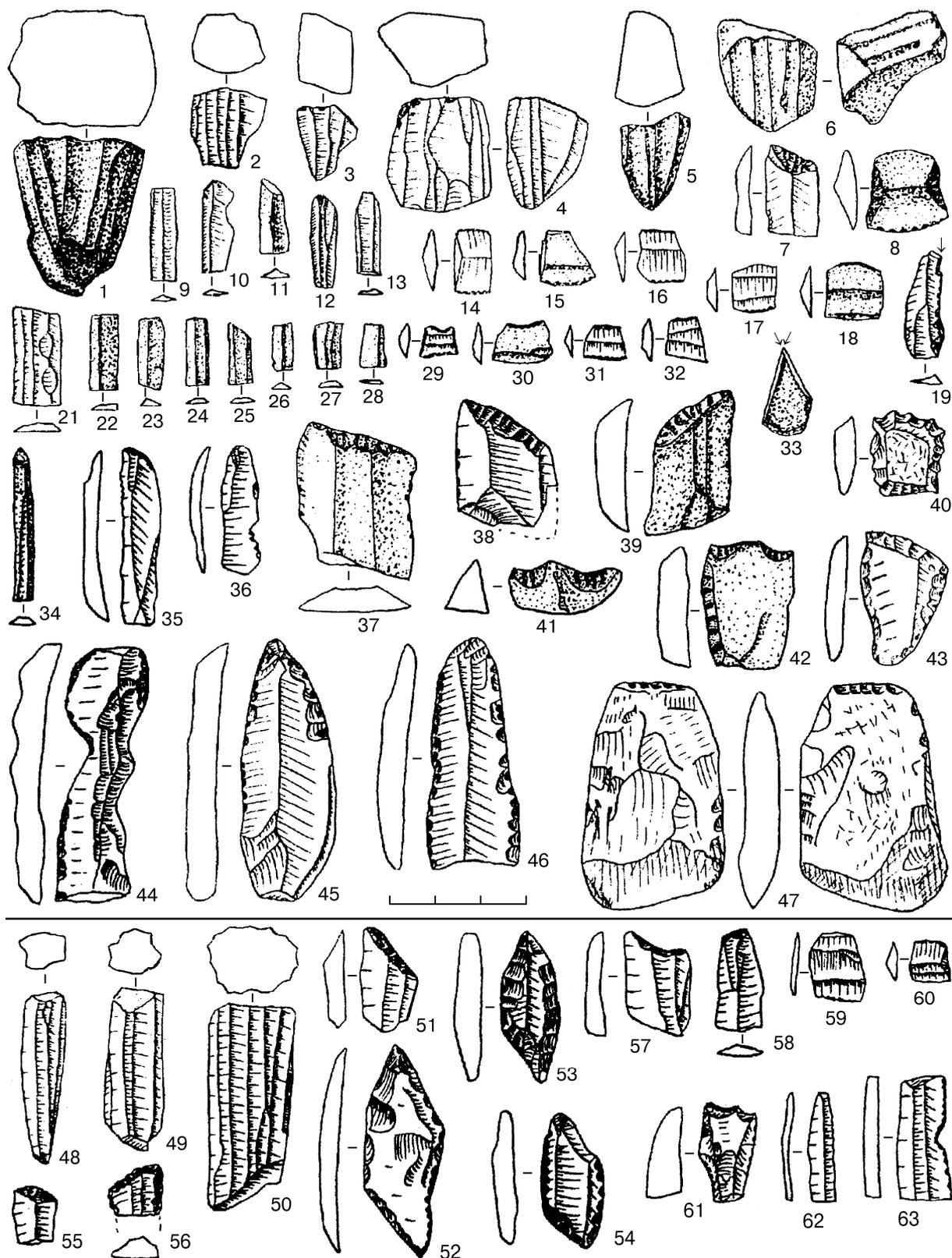

Рис. 2. Каменный инвентарь мезолитического облика со стоянок лесостепного Дона:
 1—47 — Монастырская 1; 48 — Верхний Карabut; 49—50 — Раздольное; 51—54 — Университетская 3;
 55—56 — Погоново Озеро; 57—60 — Аксеновка; 61—62 — Толучеевка; 63 — Устье р. Тихой Сосны.

Особо подчеркнем, что в статистико-поглубинном отношении ранняя накольчатая керамика всегда предшествует керамике с гребенчатым орнаментом. Так, гребенчатой керамики почти нет в нижней части слоя стоянок Черкасской и Университетской-3, а на стоянке Дрениха количество ее неуклонно растет снизу вверх (Синюк, 1986).

В общих чертах схема относительной хронологии культур и культурных типов неолита лесостепного Подонья (прежде всего начала их появления) нам представляется в следующем виде (в восходящем порядке):

Ранний неолит	среднедонская неолитическая культура с накольчатой керамикой
Развитый неолит	среднедонская культура; рязанско-долговская культура с ранней ямочно-гребенчатой керамикой
Пережиточный неолит (с появления материалов нижнедонской энеолитической культуры)	среднедонская культура; материалы черкасского типа; рыбно-озерская культура с поздней ямочно-гребенчатой и гребенчатой керамикой; материалы дренихинского типа

Данная схема базируется на статистико-стратиграфических показателях многослойных памятников. Для большего ее обоснования требуются и «чистые», однослойного содержания комплексы. Во многом эта проблема еще ждет своего времени, но началом к ее решению, как и к пониманию вопроса о позднем мезолите среднедонской территории, можно считать результаты проведенных нами раскопок стоянки Монастырской-1 (Синюк, 1985; 1986). Здесь удалось установить, что, во-первых, основное скопление каменных изделий и отходов их производства не совпало в плане с наибольшим скоплением керамики; во-вторых, насыщенность слоя культурными остатками весьма слабая, что наряду с другими наблюдениями не предполагает функционирования здесь мастерской, хотя (а это необычно для неолитических стоянок Подонья) каменные находки преобладают повсеместно над керамикой. По глубинам первые привязаны к нижнему (четвертому) слою стоянки, тогда как абсолютное большинство керамики выявлено в верхнем (третьем) слое. По всем признакам керамика абсолютно однородна, т. е. принадлежит единовременному культурному комплексу. Керамика характеризуется исключительно накольчатым орнаментом с широкой вариацией типов наколов. Форма сосудов — прямостенные цилиндрические и реже — конические, остродонные; изготовлялись из плотной глины, внешние поверхности хорошо сглажены, а внутренние несут следы мелкой штриховки.

Кварцитовые и кремневые изделия стоянки типологически идентичны. Отсюда, в принципе, вполне приемлемо определение представленной здесь каменной индустрии как кремнево-кварцитовой. Другой признак каменного инвентаря — подавляющее преобладание орудий на пластинах, а сама пластинчатая техника несет явно микролитовидный характер. Следует отметить отсутствие принципиальной разницы между орудиями, найденными совместно с керамикой и той их частью, которая планиграфически выходила за пределы распространения керамики. Но, следовательно, мы тем самым фиксируем тождественность каменной индустрии докерамического и керамического периодов, в чем, скорее всего, и находится ключ к разрешению проблемы происхождения ранней неолитической культуры лесостепного Дона.

В этой связи необходимо отметить совершенно аналогичные памятники на реке Вороне, близ дер. Шапкино (раскопки А. А. Хрекова). Обособленное от керамики место занимали и отходы кремнево-кварцитового производства на одной из дюн по среднему течению реки Савалы; безкерамические комплексы выявлены по р. Толучеевка, близ с. Аксеновка на р. Оскол, а также у с. Верхний Карabut на Дону. Материалы названных пунктов характеризуются безраздельным господством микропластинчатой вкладышевой техники и обнаруживают поразительное сходство с Монастырским комплексом. При этом названные местонахождения размещены в пределах той же территории, где выявлены и основные неолитические памятники с накольчатой керамикой. В конечном счете даже не столь важно отнесение первых из них к позднему мезолиту или раннему неолиту. Существенно то, что они служат вполне реальным мостиком, соединяющим традиции донского накольчатого неолита с более древним периодом. И в этом плане важны поиски их сходства как с позднемезолитическими, так и с раннеолитическими комплексами культур сопредельных территорий.

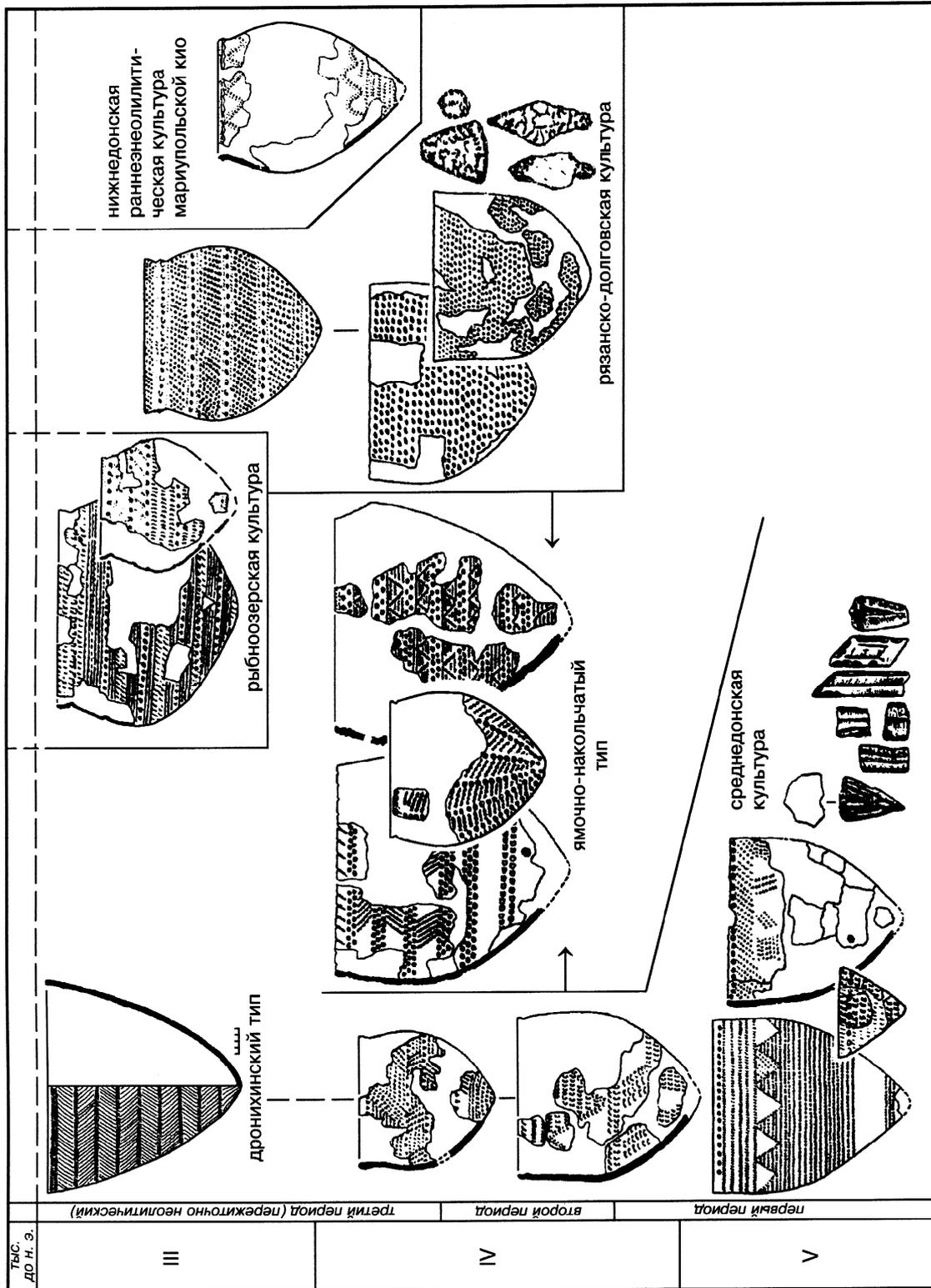

Рис. 3. Хронология и периодизация неолита лесостепного Дона.

Микролитические комплексы Подонья не находят безусловных прототипов ни в Азово-Черноморской позднемезолитической культурной области, ни в «прибалтийско-дono-волжской» области микро-макролитических культур. Близки донским некоторые признаки, отмеченные исследователями для позднего этапа мезолита Среднего Поволжья, но там продолжают сохраняться резцы как ведущие группы орудий (Косменко, 1972). В свое время облик микролитических стоянок Среднего Поволжья ввиду почти полного отсутствия геометрических орудий М. Г. Косменко связал с традициями, происходящими из области Приуралья, Средней Азии, Нижнего Поволжья и Подонья.

Данная линия сравнения нам представляется перспективной. Но и в этом направлении следует исключить области с традицией изготовления резцов и геометрических микролитов, а именно: Среднее Поволжье, Южный Урал (Матюшин, 1976), Северо-восточное Приазовье (Крижевская, 1972), район южных Ергеней (Праслов, 1971) и ряд районов Средней Азии, включая восточное побережье Каспия (Формозов, 1959; Окладников, 1956; Марков, 1966; Виноградов, 1968).

Но именно в юго-восточных пределах затем распространилась кельтеминарская культурно-историческая общность, где есть группы памятников, в микролитическом инвентаре которых отсутствуют и геометрические формы, и типичные резцы (Формозов, 1972; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1981). В частности, А. В. Виноградовым отмечалось, что в мезолитических памятниках восточных районов Средней Азии набор и, особенно, количество геометрических форм резко сокращается; геометрические микролиты найдены не на всех памятниках, а там, где они имеются, представлены единичными экземплярами (Виноградов, 1981. С. 57). Единичны геометрические формы и на Лявлякане, что сближает его материалы с мезолитом восточных, а не прикаспийских районов Средней Азии (Виноградов, 1981. С. 59). Кстати, для памятников этого района характерна исключительно пластинчатая индустрия, а в орудийном наборе господствуют скребки на пластинах, пластины с притупленным краем, пластины с боковыми выемками, сечения пластин, тогда как орудия с резцовыми сколами единичны (стоянки Лявлякан 24, 41, 54 и др.) (Виноградов, 1981. С. 216—217).

Эта линия сравнения подводит и к более близкому району — Северо-Восточному Прикаспию. Здесь, на примере стоянки Бекбеке-1 и ряда других памятников, можно фиксировать те же объединяющие признаки: решительное преобладание микроиндустрии, большое количество пластинок и сечений без обработки, но со следами использования; исключительно концевые скребки, единичные находки трапеций, сегментов и треугольников, отсутствие резцов и двусторонне обработанных изделий (Крижевская, 1972. С. 271—279). Несмотря на то, что с такими комплексами орудий встречалась и керамика, Л. Я. Крижевская совершенно справедливо усматривала в них сохранение мезолитического облика (1972. С. 275).

Определяя этнокультурный характер кремневой индустрии позднего мезолита — раннего неолита Северо-Восточного Прикаспия, как Н. Д. Праслов, так и Л. Я. Крижевская закономерно проследили его сходство с индустриями мезолита Средней Азии, и прежде всего — с материалами кельтеминарской культуры.

Об отсутствии принципиальных различий между мезолитом — неолитом Средней Азии, Северного и Северо-Восточного Прикаспия говорит и А. В. Виноградов (Виноградов, 1981. С. 164) и им же делается вывод об отсутствии местных генетических истоков в ряде культур конца мезолита — раннего неолита в северной равнинной части Средней Азии, что позволяет говорить еще об одной, более поздней (в пределах VII—VI тыс. до н. э.) волне расселения с юга (Виноградов, 1981. С. 161—162). Это чрезвычайно важное положение делает еще более убедительной проводимую нами линию сравнения, поскольку основные возражения вызывались бы отсутствием на среднедонских стоянках наконечников стрел с боковой выемкой и различиями в керамике, если бы речь шла о воздействии неолитической кельтеминарской культуры. А. В. Виноградов определяет начало неолитической эпохи Средней Азии, наряду с появлением керамики, распространением небольших симметричных трапеций, которые предшествовали периоду бытования наконечников кельтеминарского типа (Виноградов, Мамедов, 1975. С. 212). Видимо, волна расселения с юга, предшествовавшая сложению неолита, достигла и лесостепного Дона. Чрезвычайно важным моментом следует считать и находки на стоянке Мо-

настырской-1 «рогатой» трапеции и близкого ей морфологически трапециевидного сечения с выемкой по верхнему краю. Такие специфические изделия «дарьясайского» типа известны в пределах Северного Афганистана, в долине Дарьяса, в Приаралье, тогда как в целом они не характерны для Прикаспийских районов Средней Азии (Виноградов, 1981. С. 162—163). Неслучайность находки «рогатой» трапеции и правомерность проведенных сравнений со столь, казалось бы, удаленной от донского лесостепня территорией, подтверждается аналогичными находками и в лесостепном Заволжье (Выборнов, Пеннин, 1979; Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пеннин, 1980).

Изложенное выше дает основание считать, что ранние микролитические комплексы лесостепного Дона оставлены населением, проникшим сюда вследствие миграционной волны из среднеазиатских областей в самом конце мезолита.

Мы уже отмечали культурное единство всего каменного инвентаря стоянки Монастырской 1, а соответственно, и культурную связь с ним керамического материала. Трудно сказать, каков был промежуток времени между появлением подобных каменных комплексов и первой керамики. Но именно такого облика материалы определяют ранний рубеж неолита лесостепного Дона. Он синхронизируется с периодом становления кельтеминарской культуры, определяемым Г. Ф. Коробковой и В. М. Массоном концом VI—V тыс. до н. э. (Коробкова, Массон, 1978. С. 107); А. В. Виноградов датирует ранний, дарьясайский этап неолита Кызылкумов от конца VII до середины (или третьей четверти) V тыс. до н. э. (Виноградов, 1981. С. 132).

Выше уже были отмечены специфические черты местных раннеолитических сосудов. В комплексах ранних этапов и днепро-донецкой, и волго-камской культур таких сосудов нет. И сам накольчатый орнамент в днепро-донецкой культуре получил распространение только на ее втором (в известной степени пережиточно неолитическом) этапе.

В свое время Д. Я. Телегин высказал весьма плодотворную мысль о заимствовании накола из среды более восточного степного населения. При этом как область его обитания указывались Средний Дон и Нижняя Волга (Телегин, 1968. С. 17). К сожалению, ни Д. Я. Телегин, ни другие исследователи в дальнейшем не возвращались к разработкам в этом направлении. Более того, укоренившееся мнение об обратном влиянии, т. е. о зависимости среднедонской накольчатой керамики от поздней днепро-донецкой (в понимании Д. Я. Телегиным и В. П. Третьяковым характера памятников азово-днепровской культуры) ставило с ног на голову проблему происхождения и хронологии неолита Дона. Выше нами уже были отмечены примеры стратиграфического предшествования на Дону не только накольчатых, но и ранних ямочно-гребенчатых керамических комплексов материалам раннеэнеолитической нижнедонской культуры, в целом синхронной азово-днепровским древностям, причем объединяясь с ними в рамках мариупольской культурно-исторической области (Васильев, Синюк, 1985).

Поволжские накольчатые сосуды имеют с донскими ряд сходных черт, но они все же более сопоставимы не с ранними из них, а с более поздними. Отмечу также, что редко встречаемые на донских стоянках сосуды, находящие аналогии в материалах елшанского типа, по своему размещению в культурных слоях ни в одном случае не демонстрируют хронологического приоритета над раннеолитическими накольчатыми сосудами (стоянка Университетская 3 и др.).

Выделение верхневолжской раннеолитической культуры (Крайнов, Хотинский, 1977) внесло существенные коррективы в сложившиеся представления о начальных стадиях восточно-европейского лесного неолита. Наряду с отличительными чертами среднедонской и верхневолжской культуры, обращают на себя внимание признаки сходства в их керамике. Не случайно в поисках аналогий орнаментации исследователь верхневолжской культуры Д. А. Крайнов привлекал материалы памятников именно среднедонской неолитической культуры — Подзоровской, Ярлуковской Протоки, Савицкой стоянок (Крайнов, Хотинский, 1977. С. 64). Такого рода общие признаки обособляют эти культуры от всех других сопредельных культурных образований и одновременно предполагают их более глубокую этноисторическую связь. Думается, пришлые южные группы явились серьезным компонентом в этническом составе носителей верхневолжской культуры. В любом случае уже сейчас с полным основанием можно синхронизировать ранние периоды бытования этих двух культур. Нижнюю границу верхневолжской

культуры исследователи определили не позднее середины V (Крайнов, 1978; 1980. С. 38), а возможно, концом VI тыс. (Крайнов, Кольцов, 1983. С. 269).

Весьма важным сопоставительным источником следует считать и находки на донских стоянках фрагментов керамики буго-днестровского типа, по орнаментальным признакам более тяготеющих к развитым фазам культуры (соколецкой и печерской, по В. Н. Даниленко) (1969. С. 188, рис. 138, 139). Эти фазы датируются названным исследователем от конца VII до конца V тыс. до н. э. (Даниленко, 1969. С. 217).

Таким образом, учитывая соответствие в датировках всех сравниваемых материалов, время формирования среднедонской неолитической культуры может быть определено первой половиной V тыс. до н. э., что с необходимостью предполагает ее синхронизацию не со вторым, как считал Д. Я. Телегин (Телегин, 1981. С. 7), а с первым этапом днепро-донецкой культуры.

Начало второго этапа неолита Лесостепного Дона определяется появлением носителей культуры с ранней ямочно-гребенчатой керамикой. Если принять во внимание проявляемую в современных исследованиях тенденцию к удревнению блоков культур и отдельных культур, включая и те, которые рассматриваются нами в рамках мариупольской культурно-исторической области (азово-днепровская, нижнедонская и др.) и уводящую последних в V тыс. до н. э., то второй этап тоже, казалось бы, не должен выходить за пределы этого тысячелетия, причем до времени появления в лесостепи материалов нижнедонской раннеэнеолитической культуры. Однако это входит в известное противоречие с имеющимися датировками культур энеолита и ранней бронзы рассматриваемых территорий, поскольку нижнедонская культура здесь довольно быстро переоформляется в репинскую (Синюк, 1999), а последняя проявляет себя даже ко времени распространения катакомбных памятников, доживая до рубежа III—II тыс. до н. э. (Синюк, 1981). На мой взгляд, «растягивание» бытования репинской культуры более чем на два тысячелетия наталкивается на ряд проблем, включая аспекты палеодемографии (относительно малое число материалов в целом), динамики исторического развития, пределов протяженности сохранения этнокультурной целостности и т. п. Все это еще ждет своего объяснения. Пока же мы придерживаемся традиционных хронологических разработок для культур с ранней ямочно-гребенчатой керамикой, позволяющих датировать появление в Подонье рязанско-долговских комплексов в пределах первой половины IV тыс. до н. э. Завершение второго и начало третьего, пережиточно неолитического этапа может быть отнесено к середине — третьей четверти этого тысячелетия. Конечный же рубеж неолитической эпохи, на основании фиксируемых примеров хронологической стыковки традиций неолита, энеолита и бронзового века, может быть обозначен концом III — началом II тыс. до н. э.

В заключение еще раз подчеркну, что объяснение улавливаемому в лесостепном Подонье совмещению поликультурных и разностадиальных традиций кроется в природно-географической специфике данного региона, а в связи с этим есть основание полагать, что сходные исторические процессы должны проявлять себя по всей зоне восточноевропейской лесостепи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Берг Л. С. Природа СССР. М., 1955.

Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Научные труды КГПИ. Т. 235. 1980.

Васильев И. Б., Синюк А. Т. Энеолит Восточно-европейской лесостепи: (Вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев, 1985.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М., 1981.

Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М., 1968.

Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.

Выборнов А. А., Пенин Г. Г. Неолитические стоянки на реке Самаре // Древняя история Поволжья. Научные труды КГПИ. Т. 230. 1979.

Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969.

Замятнин С. Н. Донской неолит / Рукописный архив ИИМК РАН. Фонд 69. Папка XXXV.

Коробкова Г. Ф., Массон В. М. Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии // КСИА. Вып. 153. 1978.

- Косменко М. Г.* Основные этапы развития мезолитической культуры в Среднем Поволжье // СА. № 3. 1972.
- Крайнов Д. А.* Фатьяновская культура в этногенезе балтов // Из древнейшей истории балтских народов по данным археологии и антропологии. Рига, 1980.
- Крайнов Д. А.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья // КСИА. Вып. 153. 1978.
- Крайнов Д. А., Кольцов Л. В.* 25 лет (1959—1983) Верхневолжской экспедиции Института археологии Академии Наук СССР // СА. № 4. 1983.
- Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3. 1977.
- Крижевская Л. Я.* К вопросу о неолите Северо-восточного Прикаспия // МИА. № 185. 1972.
- Крижевская Л. Я.* Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев Курган II // КСИА. Вып. 161. 1972а.
- Левенок В. П.* Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР // МИА. Вып. 172. 1973.
- Левенок В. П.* Памятники днепро-донецкой культуры в лесостепной полосе РСФСР // КСИА. Вып. 126. 1971.
- Марков Г. Е.* Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии // СА. № 2. 1966.
- Матюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- Мильков Ф. Н.* Природные зоны СССР. М., 1977.
- Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.
- Окладников А. П.* Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении // ТЮТАКЭ. Т. 7. 1956.
- Праслов Н. Д.* Памятники каменного века южных Ергеней // КСИА. Вып. 126. 1971.
- Синюк А. Т.* Бассейн Верхнего и Среднего Дона в эпоху энеолита // Евразийская лесостепь в эпоху металла. Воронеж, 1999.
- Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Синюк А. Т.* Некоторые вопросы истории Среднего Дона в IV—II тыс. до н. э. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1975.
- Синюк А. Т.* Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978.
- Синюк А. Т.* Об энеолитических могильниках лесостепи (бассейн Среднего Дона) // СА. № 3. 1984.
- Синюк А. Т.* Репинская культура эпохи энеолита — бронзы в бассейне Дона // СА. № 4. 1981.
- Синюк А. Т.* Стоянка Монастырская I как источник для выделения мезолита и периодизации неолита на Среднем Дону // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985.
- Телегін Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегін Д. Я.* Про неолітичні пам'ятки Подоння і Степового Поволжжя // Археологія. Вып. 36. 1981.
- Третьяков В. П.* О неолите Верхнего Подонья // СА. № 4. 1982.
- Формозов А. А.* Микролитические памятники азиатской части СССР // СА. № 2. 1959.
- Формозов А. А.* О роли закаспийского и приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии // СА. № 1. 1972.
- Хотинский Н. А.* Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной европейской части СССР // КСИА. Вып. 153. 1978.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ГОНЧАРСТВЕ НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Выбор материалов культуры с ямочно-гребенчатой керамикой Верхнего Поволжья в качестве исследовательского «полигона» обусловлен рядом обстоятельств. Во-первых, эта керамика является наиболее массовой на неолитических памятниках лесной зоны Восточной Европы, а вся поверхность сосудов сплошь покрыта орнаментом, что дает широкие возможности для его разностороннего изучения. Во-вторых, данная керамика характеризуется значительной внутренней близостью по основным элементам орнамента, что указывает на глубокое культурное единство ее носителей. В-третьих, наряду со сходством в основных чертах, данная посуда характеризуется значительным разнообразием в деталях орнамента, которые могут отражать культурные и хронологические особенности этого населения. В-четвертых, керамические материалы культуры с ямочно-гребенчатой керамикой льяловского типа в Верхнем Поволжье относятся к числу наиболее интенсивно исследовавшихся на протяжении XX столетия.

Все это позволило считать ямочно-гребенчатую керамику этого района весьма перспективным объектом изучения именно в плане культурно-хронологического анализа древних орнаментальных традиций.

Территория Верхнего Поволжья в эпоху развитого неолита была занята носителями «льяловской» культуры, относившейся к обширному кругу культур с ямочно-гребенчатой керамикой лесной зоны Восточной Европы. Она была выделена в результате работ Б. С. Жукова (1925) и Б. Ф. Куфтина (1925). Из-за небольшого числа изученных памятников основное внимание исследователей в довоенный период было сосредоточено на выявлении хронологических особенностей в орнаменте ямочно-гребенчатой керамики.

Позднее М. В. Воеводский (1936) приходит к важному выводу, что ранняя ямочно-гребенчатая керамика имеет очень однообразный характер на территории почти всего Волго-Окского междуречья, а более поздняя имеет значительные отличия, которые «наиболее резко выражены в орнаменте».

После Великой Отечественной войны М. Е. Фосс и А. Я. Брюсовым были обобщены результаты довоенных исследований на территории лесной зоны и это позволило выделить по особенностям орнамента на посуде несколько родственных археологических культур, имевших керамику с ямочно-гребенчатой орнаментацией — белевскую, рязанскую, балахнинскую, карельскую, каргопольскую, беломорскую (Брюсов, 1952; Фосс, 1952). В центре внимания встал вопрос о характере связи между этими культурами, который также решался исключительно путем изучения орнамента на керамике. Наибольшее распространение получила точка зрения М. Е. Фосс (1947) о том, что льяловская культура была той основой, на которой в дальнейшем произошло развитие и оформление других культур с ямочно-гребенчатой керамикой в лесной зоне Восточной Европы.

Большое внимание изучению хронологических особенностей ямочно-гребенчатого орнамента в Верхнем Поволжье уделила в своих исследованиях В. М. Раушенбах (1953; 1970; 1973). Она выделила три этапа в истории культуры и наметила некоторые тенденции в развитии орнамента на посуде: а) постепенную утрату правильной формы ямок и их шахматного расположения, б) увеличение числа вариантов гребенчатого орнамента, в) утрату четкости рисунка орнамента.

В последнее время материалы культуры с ямочно-гребенчатой керамикой исследовались В. В. Сидоровым (1986), Ю. Б. Цетлиным (1991) и А. В. Энговатовой (Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997). В. В. Сидоров и Ю. Б. Цетлин выделяли в истории культуры на территории Верхнего Поволжья три этапа развития, а А. В. Энговатова — четыре этапа (по материалам поселения Воймежное I).

В настоящее время существуют две точки зрения на хронологические особенности орнамента ямочно-гребенчатой керамики.

В соответствии с первой, наиболее ранняя льяловская керамика была целиком покрыта ямочным орнаментом, позднее увеличилась доля гребенчатого орнамента и появился лунчатый, во времени увеличивалось число вариаций гребенчатого орнамента, а на позднем этапе ямочный орнамент уже не имел сплошных зон на поверхности сосуда, а образовывал геометрические узоры, которые перемежались участками свободными от орнамента.

Вторая точка зрения состоит в том, что на раннем этапе льяловская керамика Волго-Окского междуречья характеризовалась широким использованием гребенчатого орнамента, позднее доля его постепенно сокращалась, а доля ямочного, напротив, увеличивалась, доля лунчатого орнамента также возрастала во времени, а на позднем этапе распространилась керамика с так называемым редкоямочным орнаментом.

Причина широкого распространения гребенчатого орнамента на керамике раннего этапа льяловской культуры объясняется по-разному. В. В. Сидоров (1986) видит в этом результат прямой генетической связи льяловской и верхневолжской культур, у которой этот орнамент на позднем этапе был господствующим, а Ю. Б. Цетлин (1991) считает, что широкое распространение гребенчатого орнамента на ранней льяловской керамике связано с интенсивными культурными контактами между носителями этих двух глубоко неродственных по происхождению культур.

Данная статья обобщает результаты специального изучения орнаментальных традиций на ямочно-гребенчатой керамике Верхнего Поволжья. Основным источником послужили материалы многослойных неолитических поселений, которые раскапывались автором во время его работы в составе Верхневолжской экспедиции ИА РАН в 1977—1985 гг. В общей сложности были изучены обломки примерно от 3000 разных сосудов. Среди них выделяются фрагменты венчиков, днищ и придонных участков от 454 сосудов.

Неолитические памятники, материалы которых подверглись анализу, относятся к трем географическим районам Верхнего Поволжья: Восточному (Сахтышские стоянки в Ивановской обл.), Центральному (Ивановские, Берендеевские и Вашутинская стоянки в Ярославской обл.) и Западному (Языковская стоянка в Тверской — бывшей Калининской — области). Сравнительный анализ материалов разных районов сделал возможным изучение некоторых локальных особенностей орнаментальных традиций в гончарстве данного населения.

По всем этим памятникам была реконструирована культурная стратиграфия, т.е. выделены четкие «ранние» и «поздние» горизонты залегания керамических остатков культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, которые, соответственно, характеризуют разные этапы бытования на этих поселениях ее носителей. Такой подход позволил сделать предметом специального анализа некоторые хронологические особенности орнаментальных традиций в гончарстве населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

В структуре орнамента выделяются четыре иерархических уровня (*элементы, узоры, мотивы и композиции*). Кроме того, устойчивые сочетания мотивов орнамента могут образовывать еще один структурный компонент, названный *орнаментальным образом*.

Начнем с определения этих основных понятий. Исходным пунктом описания орнамента стилистики являются его элементы, т.е. отпечатки или динамические следы на поверхности сосуда, создававшиеся мастером за один трудовой акт. Такие элементы орнамента на поверхности сосуда могут быть организованы в «узоры» или «мотивы». Узор — это локализованное изображение, состоящее из одинаковых или разных элементов орнамента и выполненное за несколько трудовых актов. Узоры орнамента также могут быть организованы в «мотивы». Мотив — это определенный способ тиражирования (т.е. повторения) элементов или узоров на поверхности сосуда. Все мотивы в сочетании с зонами без орнамента образуют композицию орнамента на поверхности сосуда.

Под орнаментальным образом понимается устойчивое сочетание, состоящее из двух или трех соседних мотивов или мотива и зоны без орнамента. Именно орнаментальные образы служат наиболее важным компонентом, обеспечивающим «узнавание» посуды и различение одной посуды от другой.

Основные компоненты ямочно-гребенчатого орнамента

Начнем с характеристики основных компонентов орнаментальных традиций в гончарстве населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой Верхнего Поволжья. К ним относятся наиболее широко распространенные технико-технологические и стилистические особенности элементов, узоров, мотивов, образов и композиций орнамента.

Элементы. Особенно характерными элементами орнамента были ямочный (75 %), гребенчатый (46 %), лунчатый (10 %), гладкий (5 %) и зоны без орнамента (26 %). Наиболее широко использовался круглый в плане, глубокий *ямочный* орнамент с диаметром ямок около 5—6 мм (46 %), нанесенных перпендикулярно по отношению к поверхности сосуда (85 %). Применение *гребенчатого* орнамента зафиксировано в 46 % случаев. Он в основном представлен «мелкими» прямоугольными (70 %) отпечатками средней (11—20 мм) длины (60 %) и шириной 1—4 мм (84 %), нанесенными твердым инструментом (93 %). Внутренняя структура гребенчатого элемента орнамента представляла собой один ряд зубцов (99 %), число которых может колебаться от 4 до 15 (85 %), причем, эти зубцы ориентированы вдоль оси элемента (65 %). Гребенчатые отпечатки имеют на сосуде преимущественно наклонную вправо (48 %) и реже горизонтальную (31 %) ориентацию. *Лунчатый* элемент орнамента (зафиксирован в 10 % случаев), длиной от 8 до 14 мм (80 %), дуговидной формы (60 %), с гладким ложем (78 %), нанесенный под малым углом к поверхности сосуда, ориентированный вертикально (почти 100 %) и выпуклый в правую сторону относительно оси сосуда (81 %). *Гладкий* элемент орнамента (5 %) не был характерен для ямочно-гребенчатой керамики, а дублировал гребенчатый элемент.

Выявленные «базовые» особенности элементов орнамента на ямочно-гребенчатой керамике могут рассматриваться как специфические для населения льяловской культуры Верхнего Поволжья. Поиск районов их распространения в наиболее чистом виде может наметить территорию первоначального формирования населения этой культуры.

Узоры орнамента, как особый уровень иерархии орнаментов, были мало характерны для ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Поволжья (менее 10 %). Чаще других использовались узоры из одного-двух рядов наклонного вправо и одного ряда наклонного влево ямочного орнамента (около 80 %) и значительно реже — узоры из рядов наклонного влево гребенчатого орнамента (17 %).

Мотивы. Отличительной особенностью орнамента на данной посуде являются: 1) мотивы плотно расположенного ямочного элемента орнамента, организованные в один (43 %) или в три (37 %) ряда в шахматном порядке (86 %); 2) мотивы гребенчатого орнамента из наклонных вправо (48 %) или, реже — горизонтально расположенных элементов (31 %), организованных также в один ряд; 3) мотивы из 1 ряда вертикального лунчатого элемента орнамента (98 %); 4) мотивы из отпечатков гладкого штампа, близкие особенностям гребенчатых мотивов — наиболее характерным был мотив из одного ряда наклонных вправо гладких отпечатков (около 60 %).

Образы. Наиболее характерными для носителей этой культуры были устойчивые орнаментальные образы 1) из многорядного ямочного мотива и однорядного мотива из других орнаментальных элементов, среди которых наиболее широко были распространены *наклонный*, *горизонтальный* и *вертикальный гребенчатые* элементы, *лунчатый* элемент и горизонтальные зоны без орнамента, 2) из чередующихся однорядных (реже двухрядных) мотивов ямочного и одного из других элементов орнамента. Эти два разных подхода к построению орнаментальных образов отражают бытование у местного неолитического населения двух глубоко различных культурных традиций в декорировании ямочно-гребенчатой посуды.

Композиции. Возможности их изучения по неолитической керамике ограничены сильной измельченностью фрагментов. В общей сложности выделено 32 варианта композиций венчиков и 17 вариантов композиций стенок сосудов. Это указывает, что композиции венчиков ямочно-гребенчатых сосудов обладали исключительным разнообразием, которое могло отражать культурные традиции групп мастеров или даже отдельных производителей посуды. Наиболее массовыми для венчиков были композиции «без орнамента + ямочный мотив» (40 %) и «гребенчатый + ямочный мотивы» (21 %). При орнаментации стенок сосудов наиболее часто

создавались две ритмические композиции: «ямочный + гребенчатый + ямочный + гребенчатый» (66 %) и «ямочный + без орнамента + ямочный + без орнамента» (25 %).

Разные мотивы в композиции орнамента выполняли специфические функции: *основную* — только ямочный (52 %) и гребенчатый (13 %) мотивы; *ограничительную* — прежде всего, зоны без орнамента (42 %) и гребенчатый (27 %) мотив; *разделительную* — зона без орнамента (67 %), лунчатый (68 %), гребенчатый (43 %) и гладкий (50 %) мотивы.

Хорошо известно, что на ямочно-гребенчатой керамике вполне обычным явлением было сочетание на одном сосуде разных элементов, узоров, мотивов и образов орнамента. Такие факты говорят о бытовании «смешанных» (или сложных) орнаментальных традиций у носителей ямочно-гребенчатой керамики Верхнего Поволжья.

Сложность анализа смешанных традиций состоит в том, что не всегда бывает ясным, возникли ли они в результате действительных культурных контактов между разными носителями или они попали на поверхность данной посуды уже в смешанном состоянии с другой посуды или даже с других предметов материальной культуры.

Для правильной интерпретации причин их возникновения необходимо выяснять, имелись ли на исследуемой или близкой территории носители таких орнаментальных традиций, контакты с которыми могли бы привести к возникновению смешанных традиций декорирования глиняной посуды.

Элементы. Смешанность на этом уровне проявляется в сочетании на поверхности сосуда разных элементов орнамента. Наиболее распространены были следующие сочетания: ямочный + гребенчатый (34 %), ямочный + без орнамента (20 %) и ямочный + лунчатый (10 %). Судя по этим данным, в среде местного ямочно-гребенчатого населения имелось не менее трех разных культурных групп, из которых, по крайней мере, две наиболее массовых были смешанными, так как мотивы из этих элементов часто выполняли сходные функции на поверхности сосуда.

Мотивы. Здесь смешанность проявлялась в разном числе рядов ямочного мотива на сосуде, в сочетании на сосуде мотивов из ямочных, гребенчатых и гладких элементов орнамента, два последних из которых имели разную ориентацию. Наиболее широко на ямочно-гребенчатой керамике были распространены случаи сочетания 1) мотивов из 1 и 2 рядов ямок (42 %), из 1 и 3 рядов ямок (36 %); 2) гребенчатых мотивов из «наклонных вправо» и «горизонтальных» (34 %), «наклонных вправо» и «наклонных влево» (32 %) элементов; 3) мотивов из «наклонных вправо» и «наклонных влево» гладких элементов (70 %); 4) ямочного и гребенчатого наклонного (26 %), ямочного и гребенчатого горизонтального (17 %) мотивов.

Эти традиции также отражают различные процессы смешения, которые шли непосредственно между разными группами «ямочно-гребенчатого» населения.

Композиции. Из-за сильной фрагментированности неолитической керамики в этом разделе рассматриваются только два варианта смешанности: когда разные мотивы орнамента выполняют одну и ту же функцию (об этом уже шла речь выше) и когда разные мотивы «пересекаются» друг с другом на поверхности сосуда. В последнем случае по изученным материалам выделено 9 видов и 24 варианта смешанных композиций. Наиболее массовыми были три вида: 1) пересечение ямочного и наклонного вправо гребенчатого мотивов (51 %), 2) пересечение ямочного и гребенчатого вертикального мотивов (13 %) и 3) пересечение ямочного и гребенчатого горизонтального мотивов (11 %).

Смешанные традиции на уровне композиций орнамента, с одной стороны, характеризуются значительным разнообразием, что, вероятно, отражает разнообразные процессы смешения, имевшие место у населения культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, а с другой — повторяют наиболее распространенные смешанные традиции, выявленные на уровне элементов и мотивов орнамента.

Локальные особенности ямочно-гребенчатого орнамента

Сравнительный анализ несмешанных и смешанных орнаментальных традиций ямочно-гребенчатой керамики в Восточном, Центральном и Западном районах Верхнего Поволжья позволяет выявить некоторые их локальные особенности у населения этих районов.

Элементы. Установлено, что наряду с общими чертами, в разных районах детали элементов орнамента имели заметные особенности. Судя по изученным данным, Восточный и Западный районы были более близки между собой, чем каждый из них с Центральным районом, где было сильно влияние инокультурных носителей традиций частичного декорирования посуды. На уровне элементов орнаментальные традиции Восточного района были более однородными, чем в других районах, что указывает на возможность рассматривать именно эти территории как место их формирования.

Узоры орнамента на посуде, будучи в целом мало характерны для этого населения, наиболее широко использовались гончарами Центрального района (18 %). В другие районы Верхнего Поволжья они распространились уже отсюда, причем, ямочные узоры наибольшее распространение приобрели у гончаров Восточного, а гребенчатые узоры — у гончаров Западного района.

Мотивы. Ямочные мотивы были распространены почти одинаково во всех районах, но в Восточном преобладали мотивы с шахматным расположением ямок, а в других районах несколько шире использовалось парное их расположение. Помимо этого, в Восточном районе преимущественно использовались однорядные гребенчатые мотивы из горизонтальных элементов, смешанные ямочные мотивы в 1 и 3 ряда, смешанные гребенчатые мотивы из наклонных вправо и горизонтальных, а также наклонных вправо и вертикальных элементов, и пересекающиеся ямочные и наклонные вправо гребенчатые мотивы.

В Центральном районе больше были распространены однорядные гребенчатые мотивы из вертикальных элементов, смешанные гребенчатые мотивы из наклонных вправо и наклонных влево элементов и случаи пересечения ямочных мотивов с гребенчатыми из вертикальных или горизонтальных элементов.

В Западном районе преобладали гребенчатые в один ряд мотивы из наклонных влево отпечатков, смешанные мотивы в два и три ряда ямок, смешанные гребенчатые мотивы из наклонных вправо и влево элементов, а также три варианта пересечения мотивов (гребенчатые наклонные вправо и влево, ямочные и гребенчатые наклонные вправо, ямочные и гладкие наклонные вправо). Таким образом, наряду со значительным сходством, каждый из районов Верхнего Поволжья обладал на этом уровне вполне определенной культурной спецификой.

Образы. В Восточном районе преимущественно были распространены образы из: 1) ямочного и гребенчатого из горизонтальных элементов мотива и 2) ямочного и лунчатого мотивов. В Центральном районе наиболее широко использовался образ из ямочного мотива и зоны без орнамента, а в Западном районе — образы из: 1) ямочного и гребенчатого из наклонных вправо элементов мотива и 2) ямочного и гребенчатого из вертикальных элементов мотива. В целом орнаментальные образы на ямочно-гребенчатой керамике были значительно более сходны для разных районов Верхнего Поволжья, чем элементы, узоры и мотивы орнамента.

Композиции. При орнаментировании стенок сосудов во всех районах широко использовалась композиция ямочный + гребенчатый + ямочный мотивы. Кроме того, для Восточного района была характерна композиция ямочный + лунчатый + ямочный мотивы, для Центрального района — композиции ямочный + без орнамента + ямочный мотивы, а для Западного — гребенчатый + ямочный + гребенчатый мотивы. Композиции венчиков сосудов в Восточном районе начинались преимущественно с зоны без орнамента или гребенчатого мотива, в Центральном — с зоны без орнамента, а в Западном — с ямочного или гребенчатого мотивов.

В целом анализ локальных особенностей орнаментальных традиций в гончарстве ямочно-гребенчатого населения Верхнего Поволжья позволил установить, во-первых, значительную культурную близость всей этой территории, во-вторых, большую культурную однородность традиций Восточного района, в-третьих, близость между собой традиций Восточного и Западного районов и, в-четвертых, явную специфику традиций Центрального района, возникшую в результате контакта местного населения с носителями третьей системы представлений о внешнем облике глиняной посуды, обитавшими где-то за пределами рассматриваемой территории.

Хронологические особенности ямочно-гребенчатого орнамента

Данные о ранних и поздних горизонтах бытования культуры с ямочно-гребенчатой керамикой, полученные в результате реконструкции культурной стратиграфии многослойных памятников Верхнего Поволжья, позволили выявить некоторые хронологические особенности развития орнаментальных традиций в гончарстве населения разных районов.

Элементы. Ямочный элемент был распространен практически одинаково в разное время на всей рассматриваемой территории. Гребенчатый элемент орнамента в раннее время преимущественно использовался гончарами Восточного и Западного районов, причем, в первом его доля резко сокращалась во времени. В Восточном районе во все периоды культуры абсолютно преобладали прямоугольные гребенчатые штампы, в Центральном — прямоугольные и овальные штампы, а в Западном — овальные гребенчатые штампы широко распространились только на позднем этапе. Во всех районах с течением времени увеличивалась длина гребенчатых отпечатков. Лунчатый элемент в ранний период был распространен во всех районах одинаково, а в поздний — его доля сильно возросла только в Восточном районе. Со временем везде возрастала доля лунчатых элементов с гладким ложем, увеличивалась (особенно в Западном районе) доля отпечатков сегментовидной формы, сменявших дуговидные лунницы. Доля керамики с зонами без орнамента во времени нигде не менялась, а ее распространение было связано, главным образом, с Центральным районом.

Узоры орнамента преимущественно использовались гончарами Центрального района и уже отсюда распространялись в другие районы. В Восточном и Центральном районах в разное время преобладали наклонные вправо и наклонные влево ямочные узоры. В Западном районе эти же узоры использовались скромнее и преимущественно на раннем этапе. На позднем этапе в Восточном районе распространились ямочные узоры в виде треугольников. Гребенчатые узоры, напротив, широко использовались во все периоды только гончарами Западного района, а в других районах наклонные влево гребенчатые узоры известны были только в ранний период. Гребенчатые вертикальные узоры использовались только в Западном районе в позднее время.

Мотивы. Доля ямочного шахматного мотива почти не менялась во времени, только в Западном районе она несколько сократилась на позднем этапе. Во всех районах во времени возрастала плотность расположения ямочных элементов в мотиве. Также во всех районах были широко распространены наклонные вправо гребенчатые мотивы, доля которых в Восточном и Центральном районах заметно сокращалась во времени. Параллельно, в Восточном районе возрастала доля гребенчатого горизонтального мотива, а в Центральном — гребенчатого мотива из вертикальных элементов. В Западном районе доля этих двух мотивов, напротив, сокращалась с течением времени, но возрастала доля наклонного влево гребенчатого мотива. Лунчатый мотивы из нескольких рядов отпечатков преимущественно использовался в Восточном районе в ранний период.

Образы. В Восточном районе наиболее широко был распространен образ «ямочный + гребенчатый горизонтальный», доля которого оставалась постоянной. Наряду с этим, здесь во времени возрастала доля образа «ямочный + лунчатый» и сокращалась доля образа «ямочный + гребенчатый наклонный». У гончаров Центрального района господствующим был образ «ямочный + без орнамента» и во времени его доля несколько увеличивалась, на втором месте стоял образ «ямочный + гребенчатый наклонный», доля которого, напротив, сокращалась. Этот же образ широко использовался в Западном районе, но здесь его доля возрастала с течением времени.

Композиции. При декорировании стенок сосудов гончары всех районов Верхнего Поволжья широко использовали композицию «ямочный + гребенчатый + ямочный», но в Восточном и Западном районах доля ее во времени сокращалась, а в Центральном районе, напротив, возрастала. Кроме того, в Восточном районе была распространена композиция «ямочный + лунчатый + ямочный», доля которой увеличивалась во времени, в Центральном районе господствовала, не меняясь во времени, композиция «ямочный + без орнамента + ямочный», а в Западном районе доля этой композиции несколько возрастала на позднем этапе.

Восточный и Центральный районы были близки друг другу по особенностям композиций венчиков сосудов: в обоих районах широко использовалась и возрастала во времени композиция «без орнамента + ямочный». Помимо этого, в Восточном районе была распространена композиция «без орнамента + ямочный + гребенчатый», доля которой во времени резко сокращалась; только в этом районе главным образом в поздний период распространяется композиция «лунчатый + ямочный». В Западном районе широко использовались два других варианта композиции венчиков («гребенчатый + ямочный» и «гребенчатый + ямочный + гребенчатый»), доля которых резко увеличивалась с течением времени.

По изученным материалам можно сделать общий вывод о том, что, несмотря на отмеченные хронологические особенности орнаментальных традиций, они пока не дают объективных оснований для выделения более или менее четких хронологических этапов как для отдельных районов Верхнего Поволжья, так и для всей этой территории в целом.

В заключение остановлюсь на некоторых общих проявлениях этнокультурного процесса в Верхнем Поволжье в эпоху среднего неолита. Прежде всего, следует подчеркнуть, что население культуры с ямочно-гребенчатой керамикой в Верхнем Поволжье характеризовалось значительной культурной однородностью, основные культурные контакты и процессы смешения шли внутри этого населения, между отдельными его группами. Среди контактов с инокультурным населением наиболее значимыми были, во-первых, смешение с носителями верхневолжской культуры позднего этапа, что проявилось как в технологических, так и в орнаментальных традициях обеих культур, и, во-вторых, смешение «ямочно-гребенчатого» населения Центрального района с носителями традиций частичного декорирования глиняных сосудов, обитавших где-то за пределами территории Верхнего Поволжья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Воеводский М. В.* К изучению гончарной техники первобытно-коммунистического общества на территории лесной зоны европейской части РСФСР // Советская археология. М.; Л., 1936.
- Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы — Воймежное I.* Под ред. А. Э. Энговатовой. М., 1997.
- Жуков Б. С.* Неолитическая стоянка близ с. Льялово Московского уезда // Русский Антропологический журнал. Т. XIV. Вып. 1 (приложение). 1925.
- Куфтин Б. А.* Льяловская неолитическая культура на Клязьме в Московском уезде в ее отношении к Окскому неолиту Рязанской губернии и ранне-неолитическим культурам Северной Европы. Предварительный отчет о раскопках 1923 г. // Труды общества исследователей Рязанского края. Вып. V. Рязань, 1925.
- Раушенбах В. М.* Неолитические племена бассейнов Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973.
- Раушенбах В. М.* Неолитические стоянки Верхней Клязьмы, Археологический сборник // Труды Государственного исторического музея. Вып. XXII. М., 1953.
- Раушенбах В. М.* Племена льяловской культуры. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы // Труды Государственного исторического музея. Вып. 44. М., 1970.
- Сидоров В. В.* Льяловская культура в западной части Волго-Окского междуречья / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986.
- Фосс М. Е.* Древнейшая история севера европейской части СССР / МИА. № 29. М., 1952.
- Фосс М. Е.* Неолитические культуры севера европейской части СССР // СА. Вып. IX. 1947.
- Цетлин Ю. Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. Методические проблемы. М., 1991.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ ¹

Изучение памятников эпох неолита и энеолита в Волго-Уральском междуречье, включая районы Самарского Поволжья и Южного Приуралья, началось лишь в последние десятилетия. К началу 80-х годов в более северных областях, благодаря работам О. Н. Бадера, А. Х. Халикова, Р. С. Габяшева, Г. Н. Матюшина, уже достаточно сложившимися выглядели представления о волго-камской неолитической культуре и о более поздних для этих районов волосовогаринских древностях. Аналогично, достаточно изученной представлялась картина исследований в более западных от Волги районах, где работами В. Н. Даниленко, Д. Я. Телегина, Т. Д. Белановской, А. Т. Синюка, В. Я. Кияшко и многих других к этому времени был создан значительный фонд источников и вместе с тем — достаточно широкие и научно-значимые обобщения.

В Волго-Уральском междуречье (за исключением Северного Прикаспия — Мелентьев, 1976) к этому времени фактически ни одного крупного памятника по всей его территории не было известно, что приводило к довольно распространенным представлениям о слабой заселенности восточной части южнорусских степей в неолитическую и энеолитическую эпохи и о наличии там лишь разрозненных групп охотников и рыболовов в поймах рек, не знавших производящих форм экономики и не способных к освоению сколько-нибудь значительных степных участков, особенно в междуречье. Отчасти неисследованность территории Волго-Уральского междуречья обусловила гипотезу В. Н. Даниленко о кельтеминарском импульсе в формировании неолитических культур Северного Причерноморья на основании сходства остродонной керамики Поднепровья и пещеры Джебел в Восточном Прикаспии (Даниленко, 1969).

Те же причины побудили Н. Я. Мерперта отстаивать тезис о начале подлинного заселения степей Волго-Уралья населением древнеямной культуры. В то же время, исследователь прозорливо настаивал на том, что данная территория являлась исходной в формировании ямной общности (Мерперт, 1974).

Данный вывод нашел свое полное подтверждение в результате исследований могильника Съезжее, а затем других подобных ему памятников (Васильев, Матвеева, 1979). Это было одно из выдающихся научных открытий в археологии Волго-Уралья последних десятилетий, которое значительно продвинуло исследования проблем эпохи энеолита не только в данном регионе, но и во всей Евразии.

Важное значение приобрели раскопки стоянок у с. Елшанка на р. Самаре в Оренбургской обл. (Васильев, Пенин, 1977), Виловатовской стоянки (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980) и других памятников эпохи неолита на р. Самаре в Самарской обл. (Выборнов, Пенин, 1979). С 1977 году было открыто и на протяжении нескольких лет исследовалось многослойное поселение у с. Ивановка, а также ряд стоянок конца каменного века на р. Ток в Оренбургской обл. (Моргунова, 1979; 1980; 1984; 1995). В последнее десятилетие активные исследования неолитических памятников ведутся на р. Сок в пределах Самарской обл. (Мамонов, 1995, 1999; Кузьмина, Ластовский, 1995 и др.).

Для понимания места и значимости памятников Среднего Заволжья и Приуралья в системе неолитических культур Восточной Европы большую важность имеют материалы, полученные также в последние годы на территории Северного Прикаспия (Васильев, Выборнов, 1988; Козин, Комаров, 1989; Иванов, Васильев, 1995 и др.), а также качественные материалы из раскопок многослойных поселений Джангар в Калмыкии (Кольцов, 1988) и Варфоломеевка в Саратовской обл. (Юдин, 1988; 1998). В результате отмеченных открытий представилось воз-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 00-01-00 102а).

возможно рассматривать исторические процессы, происходившие в эпоху неолита по всей территории Волго-Уральского междуречья, как единое целое и в непрерывной зависимости друг от друга всех входивших в это пространство культурных образований. Кроме того, обозначилась и особая, достаточно активная роль степного и лесостепного населения Волго-Уралья в истории Восточной Европы.

Среди отмеченных памятников особо следует остановиться на Ивановском поселении, как наиболее полно представляющем все известные типологические группы неолитических материалов лесостепной части Волго-Уральского междуречья. Поселение расположено в центре отмеченной территории (Моргунова, 1980; 1995).

Первую группу представляют сосуды неорнаментированные или слабо орнаментированные (с прочерченным орнаментом). Ее часто называют керамикой «елшанского» типа по месту первой находки на II Елшанской стоянке (Васильев, Пенин, 1977). В последние годы, в результате плодотворных исследований на р. Сок, значительно дополнена характеристика данной группы. А. Е. Мамоновым справедливо отмечено, что практически все сосуды елшанского типа орнаментировались. По технике нанесения им выделены три разновидности орнамента: прочерченные линии, разреженные наколы, и ряды ямочных вдавлений округлой или неправильной формы с «жемчужиной» на внутренней или внешней стороне под венчиком (Мамонов, 1999. С. 24—25). С применением данных видов орнамента украшалось, как правило, до 50—80 % керамики (рис. 1), однако определенной системы и стандарта в нанесении узоров на данной группе материалов еще не наблюдается. По форме горловины сосуды подразделяются на прямостенные и профилированные. Днища острые, округлые или плоские, имеются единичные экземпляры «шиподонных». В целом, в сравнении с другими типами эта керамика отличается небольшими размерами, тонкостенностью, заглаженной поверхностью, светло-коричневой окраской глины. Интересны полученные недавно результаты технологического анализа, проведенные И. Н. Васильевой по методике А. А. Бобринского. Согласно ее исследованиям, керамика елшанского типа изготавливалась из глиноподобного сырья, взятого из илистых или сапропелевых отложений, сильно запесоченных и содержащих естественные примеси дробленой ракушки (Мамонов, 1999. С. 24).

В ходе раскопок 1977—1982 гг. на Ивановском поселении в результате стратиграфических наблюдений и статистических подсчетов впервые было сделано заключение о более ранней хронологической позиции материалов елшанского типа в неолите данной территории (Моргунова, 1980. С. 106—107). На Соке получены бесспорные факты, подтверждающие эти предположения. На стоянках Чекалино IV, Красный Городок и Нижняя Орлянка II выявлены чистые комплексы данных материалов, включающих также каменный инвентарь, и без примеси других неолитических групп керамики.

Каменный инвентарь, который сопровождает керамику елшанского типа, своеобразен. На самарских памятниках он отличается господством пластинчатой техники. Здесь нет закрытых елшанских комплексов, однако данные по мезолитическим и энеолитическим однослойным памятникам (Моргунова, 1995) позволяют предполагать, что в раннем неолите преобладала пластинчатая индустрия производства каменных орудий труда. На Ивановском поселении в неолитическом слое обнаружены многочисленные изделия из качественных сортов кремня серого цвета. Преобладают нуклеусы конусовидной, призматической и карандашевидной формы. Количество пластин от общей массы предметов составляет около 20 %, отщепов — 31 %, однако из пластин изготовлено 56 % орудий, из отщепов — 12 %, из сколов — 32 %. Из отщепов делались скребки округлых форм, среди которых имеются миниатюрные экземпляры с высокой спинкой. Пластины служили заготовками вкладышей, концевых скребков, резцов, острий и др. Имеется 11 геометрических микролитов, соотношение которых с елшанской группой материалов не бесспорно. На сокских памятниках отмечено иное качество и окраска каменного сырья, большой процент изделий из отщепов, значительное количество крупных размеров деревообрабатывающих инструментов, наконечников стрел и других изделий, в большей степени характерных для культур северной части лесостепной и лесной зон.

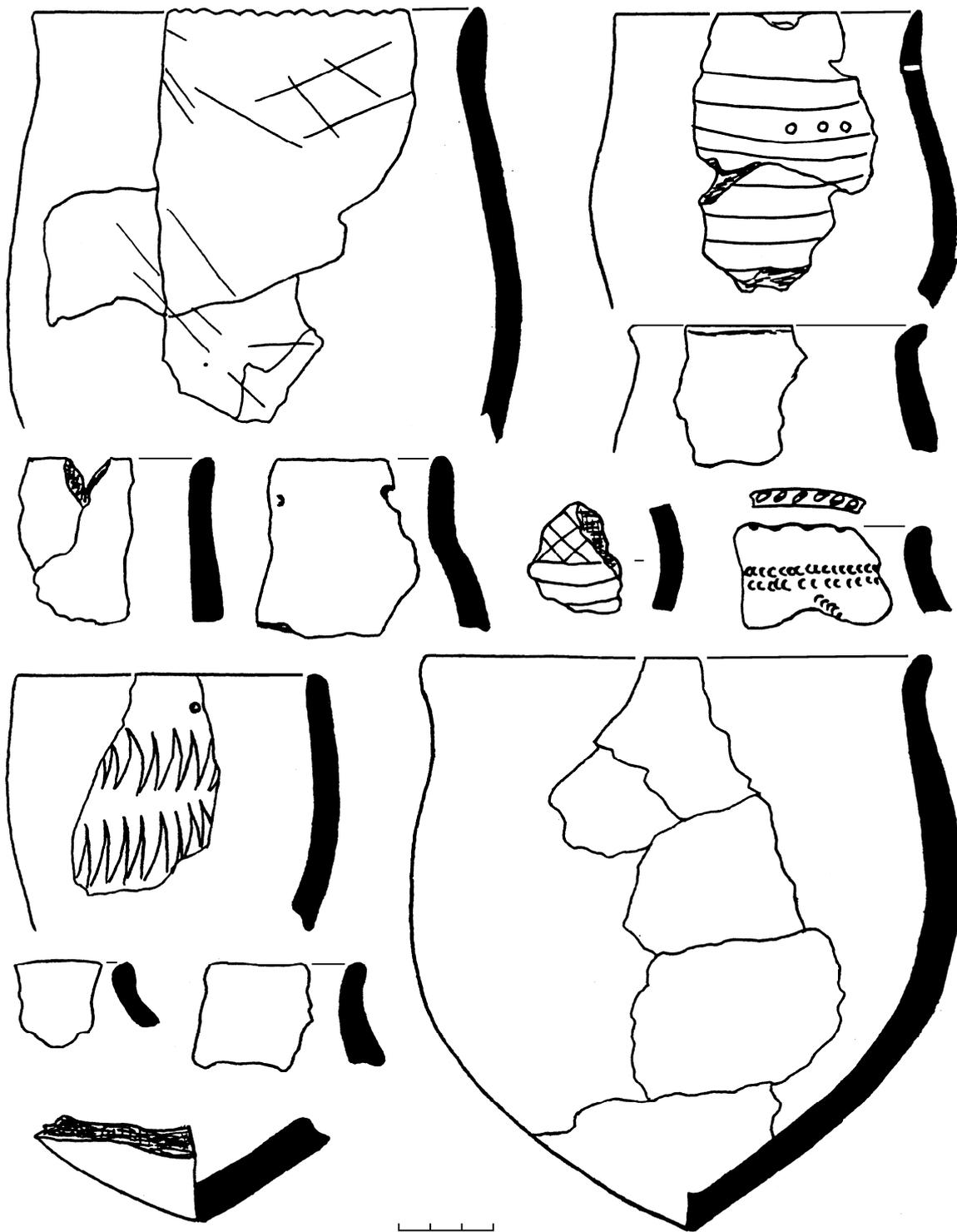

Рис. 1. Керамика 1 группы Ивановского поселения (елшанский тип).

Однако эти особенности в кремневой индустрии сокских и самарских памятников, видимо, вызваны некоторыми отличиями в природных условиях, заключавшихся в большей обле-сенности территории, прилегающей к бассейну Сока, что должно было отразиться и на харак-тере хозяйственной деятельности населения. В целом же, все остальные признаки елшанских материалов, в особенности керамических, как на Соке, так и на Самаре, свидетельствуют о их культурном единстве.

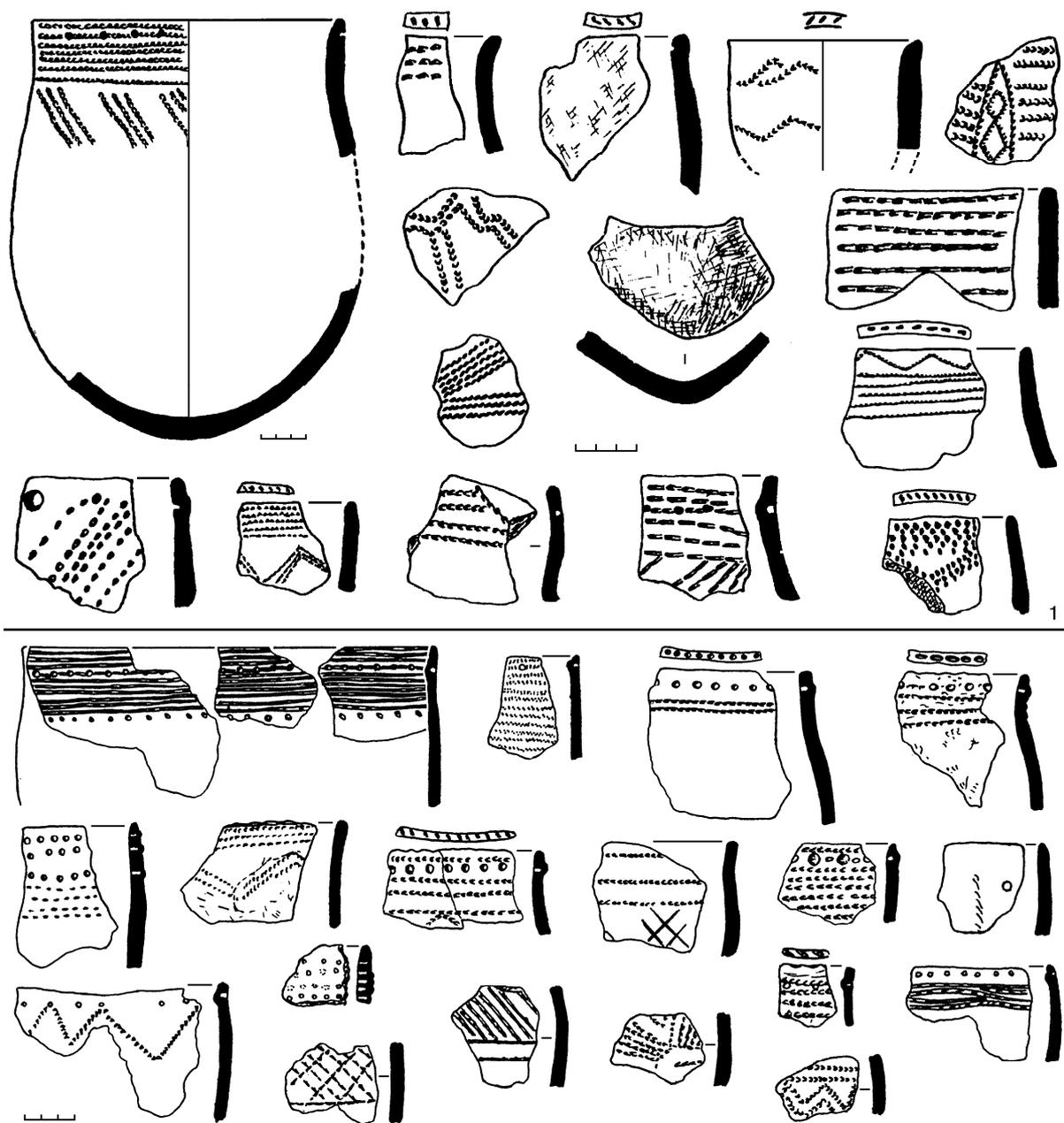

Рис. 2. Керамика 2 группы (накольчато-прочерченного типа):
 1 — Ивановское поселение; 2 — Виловатовское поселение.

Не вызывает сомнения наиболее ранняя позиция памятников елшанского типа в неолите Волго-Уралья (Моргунова, 1980; 1995; Васильев, Выборнов, 1988; Мамонов, 1999). Спорной выглядит проблема определения культурного статуса данных памятников. Высказано мнение о том, что они представляют самостоятельную культуру и относятся к раннему неолиту (Мамонов, 1999. С. 34). В свете имеющихся материалов, свидетельствующих о преемственности в развитии как каменной индустрии, так и керамических традиций от елшанских сосудов к более поздним типам, более предпочтительным представляется выделение «елшанского» этапа в развитии местной неолитической культуры (Моргунова, 1995. С. 47—59). Вызывает возражение и тезис А. Е. Мамонова о северо-западной культурно-хозяйственной ориентации елшанского населения. Особенности каменного инвентаря сокских памятников, как уже отмечалось, не могут рассматриваться как главный аргумент в решении данного вопроса.

О культурной ориентации населения юга лесостепи Волго-Уральского междуречья на более южные регионы свидетельствует весь комплекс имеющихся археологических материалов как елшанского типа, так других, более поздних, о которых еще будет сказано ниже. Керамика елшанского типа по большинству своих признаков сходна, но не идентична, с раннеолитической керамикой от Приаралья до Днепра. О близких и более отдаленных аналогиях для нее с конкретными южными культурами уже не раз говорилось (Васильев, Пенин, 1977; Моргунова, 1995). В данной статье хочется подчеркнуть лишь тот момент, что в каждой из рассматривавшихся для сравнения культур (дарьясайская, джебельская, Ракушечный Яр или сурско-днепровская) усматривалось лишь общее сходство в ведущих признаках керамики, что, на мой взгляд, является отражением стадияльной близости данных культур и общих тенденций их исторического развития. Представляется, что В. Н. Даниленко абсолютно правильно определял эту историческую тенденцию в неолитизации южных районов Восточной Европы в связи с началом распространения производящих форм хозяйства, заимствованного разными путями из переднеазиатского центра (Шнирельман, 1989. С. 178—179). Подтверждением определения южной ориентации культурных связей самаро-соцкого населения являются абсолютные даты, полученные А. Е. Мамоновым для елшанских памятников. Все восемь дат укладываются в рамки от середины VII до первой четверти VI тыс. до н. э. (Мамонов, 1999. С. 36) и соответствуют имеющимся датировкам южных неолитических культур, в то время как неолитизация в лесной зоне началась значительно позднее, не ранее конца VI тыс. до н. э. (Тимофеев, Зайцева, 1998. С. 337—348).

Вторую группу неолитических материалов в Самарском Поволжье и в Приуралье представляет керамика с накольчатый орнаментом (рис. 2). Пока неизвестно ни одного памятника с материалами только этой группы, но известны однослойные стоянки с керамикой елшанского типа (Максимовка II, Чекалино IV, Орлянка), а также слой с керамикой гребенчатого типа (Чекалино IV), что вероятно свидетельствует о промежуточной стадии развития накольчатой традиции в гончарстве между елшанской и гребенчатой. Однако не исключено, что зарождение накольчатой орнаментации посуды происходило постепенно, из прочерченной техники, что прослеживается на Ивановском поселении, где в сравнении с другими стоянками накольчатая керамика выглядит как наиболее архаичная. По технологии изготовления и по форме сосудов она мало отличается от первой группы. Орнамент наносился лишь по горловине сосудов и состоял из простых узоров в виде горизонтальных линий в сочетании с многорядными зигзагами, выполненными неглубоко вдавленной отступающей палочкой. Сходство с первой группой определяется и в орнаментации среза венчика, а также в нанесении под венчиком ряда ямок. Последние признаки сохраняются и в группе гребенчатой керамики.

Более разнообразной по видам орнаментальных композиций и по формам выглядит керамика (рис. 3, 5—11) Виловатовской стоянки (Васильев и др., 1980. С. 161—164). Здесь же отмечены и наиболее архаичные формы сосудов с гребенчатым орнаментом (рис. 3, 1—4).

Ареал раннего возникновения и распространения накольчатой техники орнаментации совпадает с территорией степной части Восточной Европы — от Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья до Нижнего и Среднего Дона. На всех этих территориях ей предшествует слабо орнаментированная разреженными наколами или прочерченными линиями посуда (Кугат IV, Каиршак I, Ту-Бузгу-Худук, Ракушечный Яр и др.). В дальнейшем культуры данного ареала характеризуются полным господством накольчатой техники орнаментации керамики вплоть до заключительных этапов неолита (Васильев, Выборнов, 1988. С. 8—18; Юдин, 1998; Синюк, 1986. С. 130—142 и др.). Поэтому вполне вероятно, что распространение накольчатой техники в северные районы лесостепи было связано с влиянием степных культур Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, как полагают исследователи (Васильев, Выборнов, 1988. С. 36).

Третью группу неолитических материалов юга лесостепи Волго-Уральского междуречья представляет керамика с гребенчатым орнаментом (рис. 4). Она своеобразна в сравнении с сосудами волго-камской культуры и отличается от них формовочным составом глины, формами, орнаментальными композициями. Эти отличительные признаки вероятно отражают как хронологический приоритет лесостепного неолита, так и культурную самобытность района южной части лесостепи.

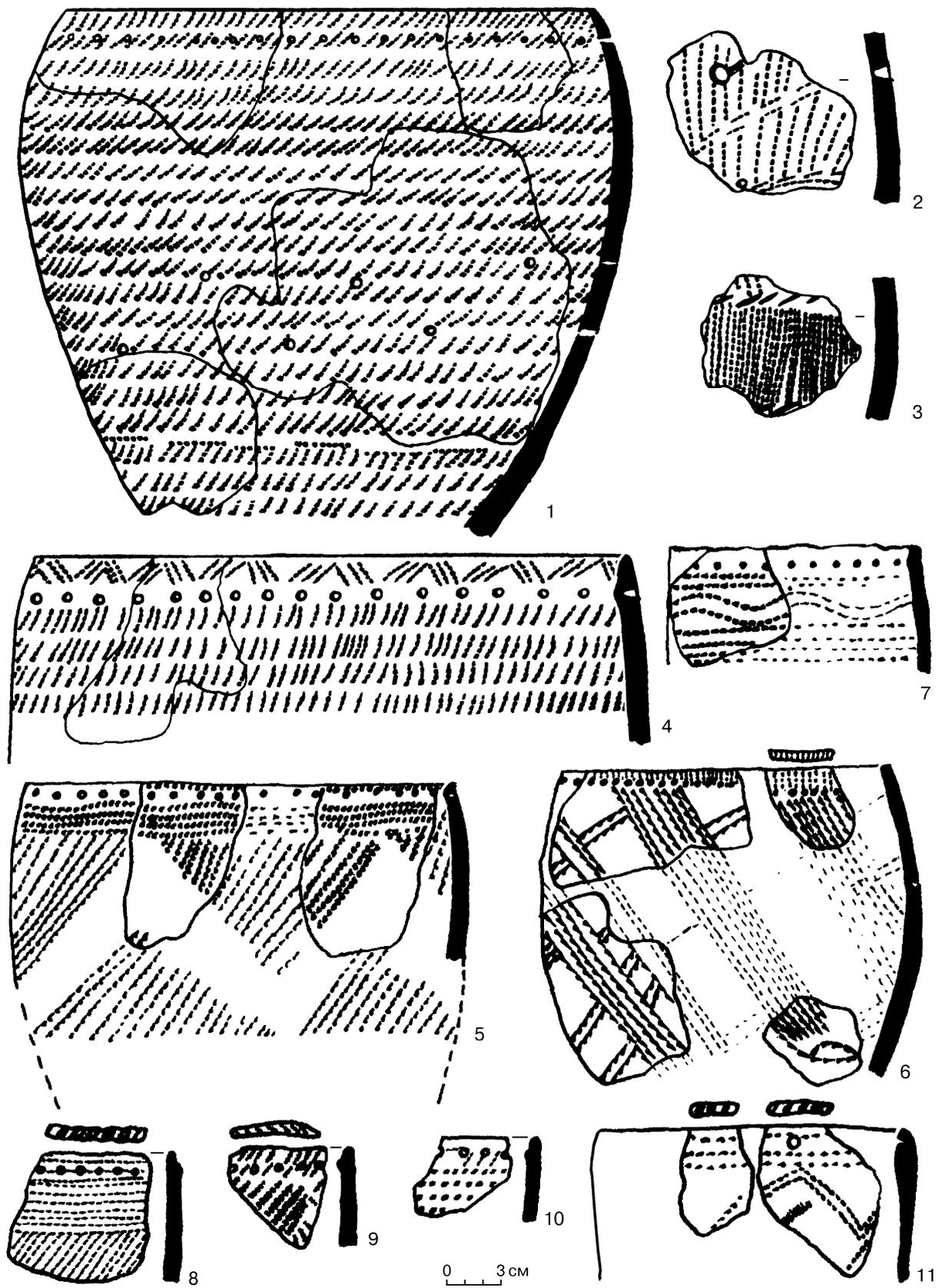

Рис. 3. Керамика Вилатовской стоянки:
 1—4 — с гребенчатым орнаментом; 5—11 — с накольчатым орнаментом.

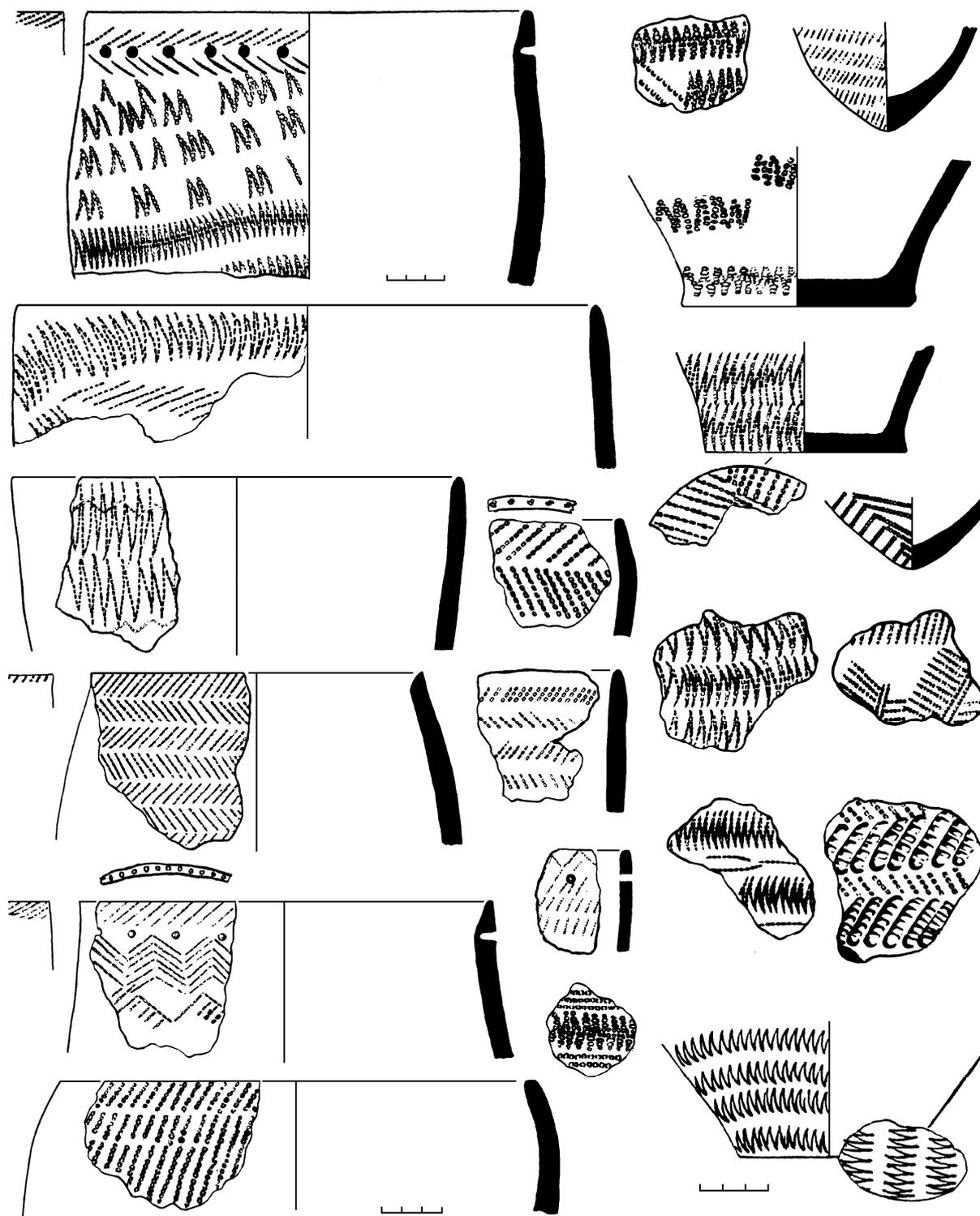

Рис. 4. Керамика 3 группы Ивановского поселения (с гребенчатым орнаментом).

Что касается проникновения памятников с накольчатой керамикой в Прикамье и на Среднюю Волгу, то исследователи синхронизируют их с левшинским этапом камского неолита (Мельничук, 1984), а также со временем бытования культуры ямочно-гребенчатой керамики (Никитин, 1985). При этом отмечается отсутствие типологической связи накольчатых и гребенчатых комплексов (Калинина, 1979), а также малочисленность стоянок с накольчатой керамикой.

кой в указанных районах. На этом основании делается вывод о проникновении носителей накольчатой техники с юга в период позднего этапа волго-камского неолита и о незначительной роли южного населения в дальнейших этногенетических процессах, происходивших в лесной зоне. Видимо, с этим заключением можно согласиться, но с одной оговоркой. Материалы с накольчатой керамикой степных и лесостепных районов Волго-Уралья существенно отличаются по всем своим показателям от тех, что обнаружены в Волго-Камье. Значителен и хронологический разрыв между ними, что затрудняет решение проблемы об исходной территории проникновения носителей накольчатой традиции орнаментации в лесную зону. Не выясненным остается и вопрос о месте первоначального распространения гребенчатого штампа. Возможно, это были районы лесостепей, откуда гребенчатая техника постепенно распространилась как в северном, так и в южном направлении. В эпоху энеолита гребенчатый штамп сменяет отступающий накол и в степных культурах Поволжья и Подонья.

Таким образом, материалы южной части лесостепи Волго-Уральского междуречья своеобразны в сравнении с окружающими культурными образованиями, что позволяет их объединить в самостоятельную культуру, которая ранее мною была названа «волго-уральской» (Моргунова, 1987). Ее территория охватывает бассейны рек Самара и Сок. С запада она ограничена Волгой, а с востока — Уралом. Материалы данной культуры обладают достаточно самобытными признаками. Они представлены тремя типологическими группами керамики, которые сближаются целым рядом общих признаков (прямостенные и профилированные формы сосудов с плоским, острым или круглым дном, ряды ямок под венчиком, орнамент на срезе венчика, использование примеси толченой раковины в глине и др.), что отражает общую культурную традицию на всех этапах неолита этой территории. Безосновательно включать в эту культуру памятники марийского и казанского Поволжья, а также Сурско-Мокшанского междуречья (Васильев, Выборнов, 1988. С. 33—36). В отмеченных районах, расположенных в северной части лесостепи и тяготеющих к лесной зоне, как уже отмечалось, появление памятников с накольчатой керамикой является результатом миграционных процессов, а материалы с гребенчатой керамикой типичны для волго-камской культуры. Поэтому и вызывает возражение термин «средневожжская» культура для обозначения весьма своеобразных памятников сарматского Поволжья и западного Оренбуржья.

В развитии волго-уральской культуры намечается три этапа. Ранний представлен памятниками с керамикой елшанского типа (Ивановка, Елшанка II, Красный Городок, Нижняя Орлянка). На этом этапе под влиянием более южных культур возникает гончарство, первоначально представленное неорнаментированной или с прочерченным орнаментом керамикой. Затем, аналогично как и по всей степной зоне Восточной Европы, здесь распространяется техника отступающего накола. Материалы развитого этапа выделены типологически и пока не представлены самостоятельными памятниками. Они характеризуются дальнейшим развитием накольчатой техники наряду с появлением новой гребенчатой техники орнаментации посуды. Третий — поздний этап фиксируется преобладанием гребенчатой техники орнаментации на керамике, унаследовавшей целый ряд признаков от материалов предшествующих этапов (Ивановка, Чекалино IV). По всей сумме материалов достаточно четко прослеживается преемственность основных культуuroобразующих признаков на всех этапах развития волго-уральской культуры. В то же время, как и все культуры лесостепи, волго-уральская культура — это сложное образование, развивавшееся в результате активных взаимоотношений как с лесным, так и со степным населением. Однако уже в раннем неолите, также как и во все последующие эпохи население данной территории было включено ареал развития южных культур.

Проблема определения хронологии волго-уральской культуры осложняется малочисленностью радиоуглеродных дат. Они получены лишь для раннего этапа, датировка которого определяется с конца VII тыс. до н. э. (Мамонов, 1999. С. 36). Эти даты согласуются с выводами по результатам синхронизации материалов елшанского типа с неолитическими культурами южных областей от Средней Азии до Поднепровья. Абсолютные даты для развитого и позднего этапов волго-уральской культуры пока неизвестны, но финальная фаза неолита на юге лесостепи в Волго-Уралье может быть определена при помощи датировок энеолитической эпохи.

Волго-уральская культура, как уже отмечалось, по всем составляющим ее элементам тяготеет к кругу неолитических культур южной зоны Восточной Европы и, прежде всего, — Волго-Уральского междуречья. На территории последнего в настоящее время помимо волго-уральской культуры, занимающей наиболее северную позицию на юге лесостепи, выделено еще два культурных образования эпохи неолита.

В Северном Прикаспии И. Б. Васильевым и другими археологами Самарской экспедиции была открыта каиршакско-тентексорская культура (Васильев, Выборнов, 1988; Козин, Комаров, 1989; Иванов, Васильев, 1995). Ими выделено всего 6 этапов развития этого района от мезолита до энеолита включительно. Все этапы генетически связаны между собой. Два последних этапа отождествляются с прикаспийской культурой эпохи энеолита. Для неолитической каиршакско-тентексорской культуры характерна исключительно накольчатая техника орнаментации керамики, с примесью толченой раковины в глине, развивавшаяся от круглодонных форм к плоскодонным (рис. 5). В энеолите под влиянием лесостепной традиции распространяется гребенчатый штамп в орнаментации посуды. Кремневый инвентарь на всем протяжении культуры отличается пластинчатой, микролитической техникой со значительной долей геометрических микролитов. По типологии прослеживается его значительная близость с более западными культурами, особенно с кавказскими. Для всех этапов культуры характерно присваивающее хозяйство. На энеолитических памятниках отмечено появление скотоводства.

В степной части Поволжья А. И. Юдиным по результатам раскопок многослойного и хорошо стратифицированного поселения Варфоломеевка выделено три этапа, также генетически связанных, относящихся к одной неолитической культуре, названной им Орловской (Юдин, 1998). Здесь прослеживаются те же закономерности в развитии керамики с характерной накольчатой техникой орнаментации и каменного инвентаря на базе пластинчатой техники, что и в Северном Прикаспии, но с целым рядом своих типичных особенностей (рис. 6). Признаки скотоводства отмечены на развитом этапе неолита.

Выделение трех культурных образований в неолите Волго-Уральского междуречья в соответствии с тремя имеющимися здесь природно-климатическими зонами подтверждается как археологическими материалами, так и данными исследований смежных наук, особенно активно проводившихся в последние годы.

Во-первых, представляют значительный интерес результаты палинологических исследований Е. А. Спиридоновой и Ю. А. Лаврушина, проведенные во всех трех районах и опирающиеся на радиоуглеродные датировки (Лаврушин, Спиридонова, Сулержицкий, 1998; Лаврушин, Спиридонова, 1995). С ними во многом совпадают данные почвоведческих работ в Северном Прикаспии, на Нижней и Средней Волге, а также в Оренбургской области (Иванов, Васильев, 1995; Рысков, Демкин, 1997).

Согласно их исследованиям, период от начала неолита до начала эпохи ранней бронзы в основном совпадает с атлантической эпохой и характеризуется в целом, как время более влажное и теплое по сравнению с современным. Причем наибольшей увлажненностью отличалась энеолитическая эпоха, когда на месте пустыни в Северном Прикаспии распространилась степь, а южная лесостепь сместилась к югу на подзону. Время же в начале и в конце атлантика реконструируется ими как наиболее аридное, когда даже в северной части волго-уральского междуречья существовали степные условия.

Хотя эти исследования и находятся в начальной стадии, тем не менее, они позволяют полагать, что колебания климата в те или иные периоды голоцена оказывали существенное влияние на исторические процессы. Так, общая аридизация климата в начале АТ совпадает с наступлением новой неолитической эпохи в Волго-Уральском междуречье, что выразилось в распространении гончарства и поиске новых форм хозяйствования.

По мнению почвоведов И. В. Иванова, периодичность климатических изменений в АТ сопровождалась сдвигом ландшафтных условий примерно на подзону, что подтверждается в основном и археологическими наблюдениями о динамике взаимодействия и культурных связей населения южных и северных районов Волго-Уралья.

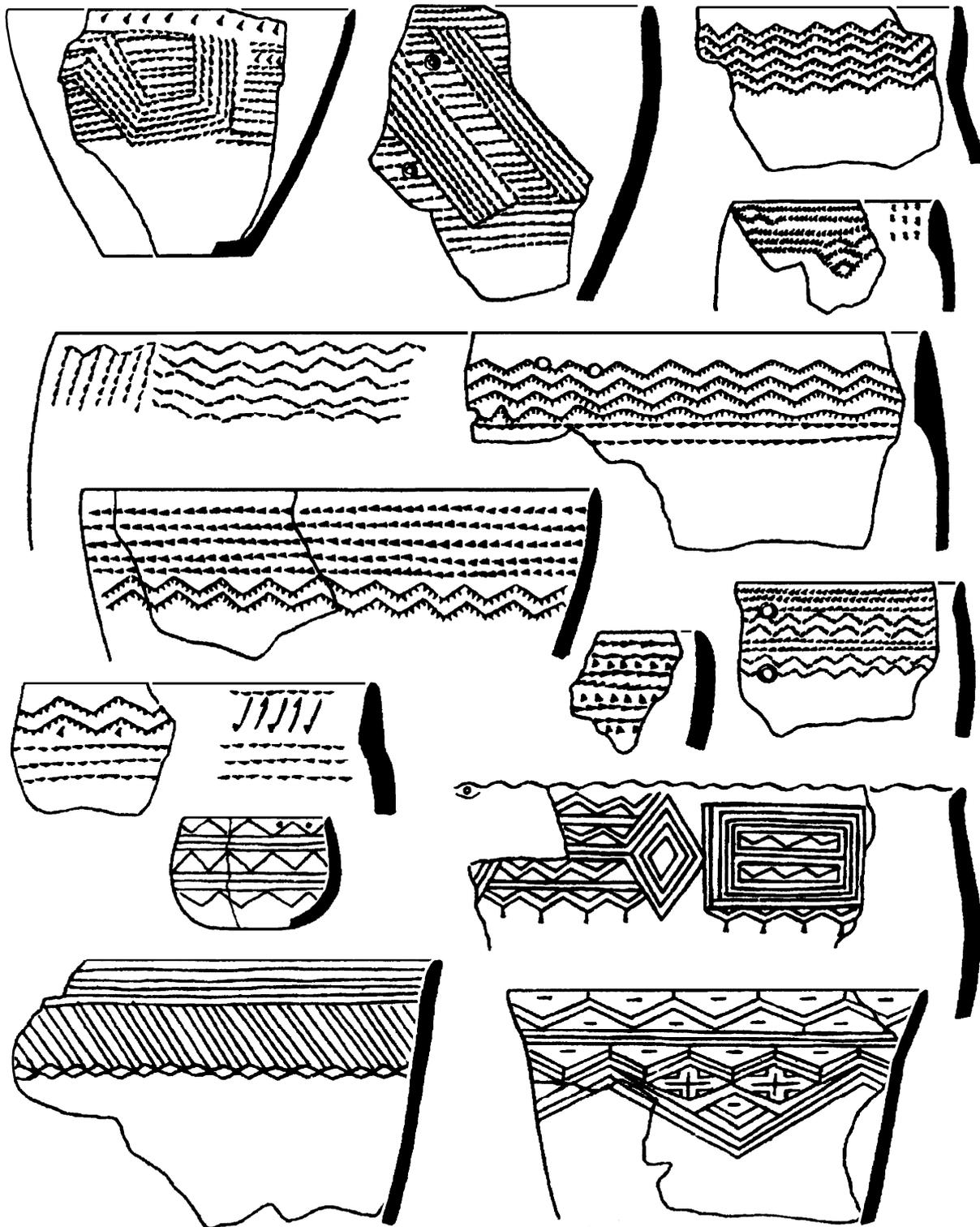

Рис. 6. Керамика поселения Варфоломеевка в степном Поволжье.

Так, в начале эпохи неолита, в связи с наступлением более аридных условий, видимо, происходил отток населения в северном направлении и усиление его роли и влияния в районах Среднего Поволжья и Южного Приуралья, которое выразилось, в частности, в распространении накольчатой техники орнаментации керамики и появлении там геометрических микролитов.

В конце неолита — в начале энеолита наблюдается обратное движение и усиливаются лесостепные влияния на степную культуру, что проявилось в формировании прикаспийской энеолитической культуры на территории Нижнего Поволжья с характерным для нее использованием гребенчатого штампа в орнаментации посуды.

Следующий этап обратного движения степного населения на север наблюдается в конце энеолита и в начале эпохи ранней бронзы в лице формирующихся древнеямных групп. Однако в этом случае причиной данного процесса вероятно явилась не только очередная аридизация климата, но и такие экономические факторы как переход к подвижному скотоводству и стремление к приуральским месторождениям медной руды.

В целом, в Волго-Уральском междуречье на протяжении периодов неолита и энеолита сохраняются три самостоятельных культурных линии развития соответственно трех экологическим нишам. Их культурная самобытность определялась, видимо, как природным окружением, так и, судя по данным палеозоологических определений, некоторой спецификой хозяйственной деятельности.

Определения остеологических остатков показали, что население всех трех неолитических культур занималось преимущественно охотой. Но объектами охоты в каждом случае служили разные животные. На юге лесостепи (Ивановка) — лось, бобр, дикая лошадь, а также медведь (Петренко, 1995. С. 205—220). В степном Поволжье (Варфоломеевка) — дикая лошадь, кулан, корсак, бурый медведь (Юдин, 1988. С. 164). На территории Северного Прикаспия — сайгак, кулан, реже — лошадь (Кузьмина, 1988. С. 173—183).

Кроме того, остеологические исследования последних лет позволили сделать вывод о начале распространения производящего хозяйства в Волго-Уралье в неолитическую эпоху. При этом темпы и сроки его внедрения в разных экологических зонах также различны. Более ранний переход к скотоводству, видимо, на среднем этапе, произошел на юге лесостепи (Ивановка, Виловатое) и в степной зоне (Варфоломеевка). В Северном Прикаспии кости домашних животных обнаружены лишь в энеолитических слоях. В материалах всех энеолитических культур Волго-Уралья наблюдаются уже достаточно прочные позиции скотоводства в хозяйстве (Васильев, 1981. С. 66—71; Моргунова, 1995. С. 81—92).

С самого начала процесс распространения скотоводства в Поволжье и в Приуралье характеризуется определенным набором домашних животных, среди которых на первом месте находился мелкий рогатый скот, на втором — крупный рогатый скот. Есть основания полагать, что уже в неолите в Волго-Уралье начался процесс domestikации лошади, завершившейся в энеолите (Моргунова, Мещеряков, 1996. С. 46—52).

Таким образом, в настоящее время в результате отмеченных открытий в Волго-Уральском междуречье исторические процессы, происходившие в неолите и энеолите по всей зоне южнорусских степей от Южного Урала до Днепра представляется необходимым рассматривать как единое целое в непрерывной зависимости друг от друга всех входящих в это пространство культурных образований. Близкие закономерности и интеграционные процессы в развитии степного и ориентированного на степь лесостепного населения формировались от общности экологических условий и вытекавшей отсюда общности скотоводческого хозяйства, а затем от общей зависимости от одних металлургических центров. Начиная с эпохи неолита, в истории юга Восточной Европы населению степного и лесостепного Волго-Уралья была предназначена своя, достаточно активная роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И. Хвалынский могильник. Саратов, 1990.
Васильев И. Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья: (Степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С., Моргунова Н. Л., Пенин Г. Г. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее // СА. № 4. 1979.

- Васильев И. Б., Пенин Г. Г.* Елшанские стоянки на р. Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.
- Выборнов А. А., Пенин Г. Г.* Неолитические стоянки на р. Самаре // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев, 1969.
- Иванов И. В.* Эволюция почв степной зоны в голоцене. М., 1992.
- Иванов И. В., Васильев И. Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.
- Калинина И. В.* Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья // АСГЭ. Вып. 20. 1979.
- Козин Е. В., Комаров А. М.* Памятники ранненеолитического времени в южной части Волго-Уральских песков // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев, 1989.
- Кольцов П. М.* Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Кузьмина И. Е.* Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Кузьмина О. В., Ластовский А. А.* Стоянка Красный городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А.* Результаты палеогеоморфологических исследований на стоянках неолита — бронзы в бассейне р. Самары // Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Сулержицкий Л. Д.* Геолого-палеологические события севера аридной зоны в последние 10 тысяч лет // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.
- Мамонов А. Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино VI // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Мамонов А. Е.* О культурном статусе елшанских комплексов // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Мелентьев А. Н.* К вопросу о времени и генезисе раннего неолита Северного Прикаспия (памятники сероглазовского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
- Мельничук А. Ф., Пономарева Л. В.* Неолитическая стоянка Чашкинское Озеро VI // Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск, 1984.
- Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мецержаков Д. В., Моргунова Н. Л.* К проблеме происхождения коневодства на Южном Урале // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара, 1996.
- Моргунова Н. Л.* Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
- Моргунова Н. Л.* Ивановская стоянка эпохи неолита — энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Моргунова Н. Л.* Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепей Приуралья // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987.
- Моргунова Н. Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова Н. Л.* Турганикская стоянка и некоторые проблемы изучения самарской культуры // Эпоха меди Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
- Никитин В. В.* Накольчатая керамика на севере Средней Волги // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985.
- Петренко А. Г.* Результаты определения археозоологических материалов из раскопок Ивановской стоянки // Моргунова Н. Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Рысков Я. Г., Демкин В. А.* Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене. Пушино, 1997.
- Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996.
- Шницерльман В. А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Юдин А. Н.* Варфоломеевская неолитическая стоянка // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.
- Юдин А. Н.* Орловская культура и истоки формирования степного энеолита Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара, 1998.

ХРОНОЛОГИЯ СУРСКО-МОКШАНСКОГО НЕОЛИТА

Для выявления относительной хронологии археологических культур одними из основных данных являются стратиграфические наблюдения. К сожалению, все исследованные в бассейнах Суры и Мокши неолитические памятники расположены на останцах и мысовидных выступках надпойменной террасы с песчаным культурным слоем, который легко подвержен разрушению и обычно не образует стерильных прослоек. Кроме того, большинство из неолитических стоянок существовало достаточно непродолжительное время, за которое не мог образоваться культурный слой значительной величины. Нередко находки самых различных эпох вмещает слой, мощность которого не превышает 40—50 см. Поэтому стратиграфических данных имеется очень мало и все они базируются на статистических подсчетах максимумов залегания керамики разных типов. Стратиграфия залегания находок по стоянке Имерка 1-А свидетельствуют о более позднем возрасте ямочно-гребенчатой керамики (далее ЯГК) относительно гребенчато-накольчатой (далее ГНК). Большинство ГНК здесь было собрано в заполнении третьего штыка и при зачистке материка (57 %), в то время как максимум ЯГК приходился на второй штык (70 %) (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 31).

На поселении Широмазово 3 котлованом жилища с ЯГК был разрушен культурный слой с ГНК, что также должно свидетельствовать о более раннем возрасте последней керамики.

Данные обратного порядка имеются на стоянке Имерка 3. При зачистке берега здесь было установлено, что максимум залегания ГНК приходился на второй штык (43 %), а максимум ЯГК — на четвертый штык (71 %). Преобладала ЯГК в двух нижних штыках и основного раскопа (34 %, против 24 % — ГНК), хотя максимум и той и другой керамики здесь приходился на шестой штык.

Подобное распределение находок в слое исследователи поселения объясняют обратной стратиграфией. По их мнению, края берега при разливах реки периодически разрушались, что могло нарушить первоначальную картину залегания различных типов керамики (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 33). На наш взгляд, обвалы берега могли иметь место, что и отразилось в поштыковом распределении находок собранных при зачистке. О перемешанности слоя на поселении свидетельствует довольно равномерная рассредоточенность по различным штыкам фрагментов гребенчато-накольчатой и волосовской керамики.

Однако, максимумы залегания фрагментов керамики представленных на поселении культур выявляются достаточно четко: 6-ой штык — 37 % ГНК и 33 % ямочно-гребенчатой, 2-ой штык — 27 % волосовской, 1-ый штык — 74 % чирковской. Причем, факту обратной стратиграфии противоречит полное отсутствие фрагментов волосовской и чирковской керамики в двух нижних штыках.

Подобные случаи залегания ГНК верхневолжской культуры выше ямочно-гребенчатой отмечены Ю. Б. Цетлиным на одном из контрольных участках стоянки Берендеево 2-а, на трех участках стоянки Сахтыш 1 и на одном участке стоянки Сахтыш 2 (Цетлин, 1991. С. 67—68, 78).

О возможном сосуществовании ГНК и ЯГК свидетельствует находка в жилище с ГНК стоянки Имерка 7, без следов видимых перекопов, развала сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом. По мнению авторов раскопок, данный сосуд отличается архаизмом и по своему облику сближается с раннельяловскими образцами (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 34). Но если рассматривать данный сосуд с точки зрения периодизации льяловской культуры В. В. Сидорова — А. В. Энговатовой (1996), то его нельзя отнести к ранним формам, так как на нем присутствуют многорядовые ямочные вдавления. ЯГК была обнаружена и в другом жилище с ГНК поселения Имерка 7 (Ставицкий, 1996. С. 110). Однако, в песчаном культурном слое следы перекопов отчетливо фиксируются только при контрастном заполнении ям, чаще всего на материковом уровне. В остальных случаях, нередко фрагменты керамики от одного сосуда залегают на различных глубинах, хотя контуры ям не прослеживаются.

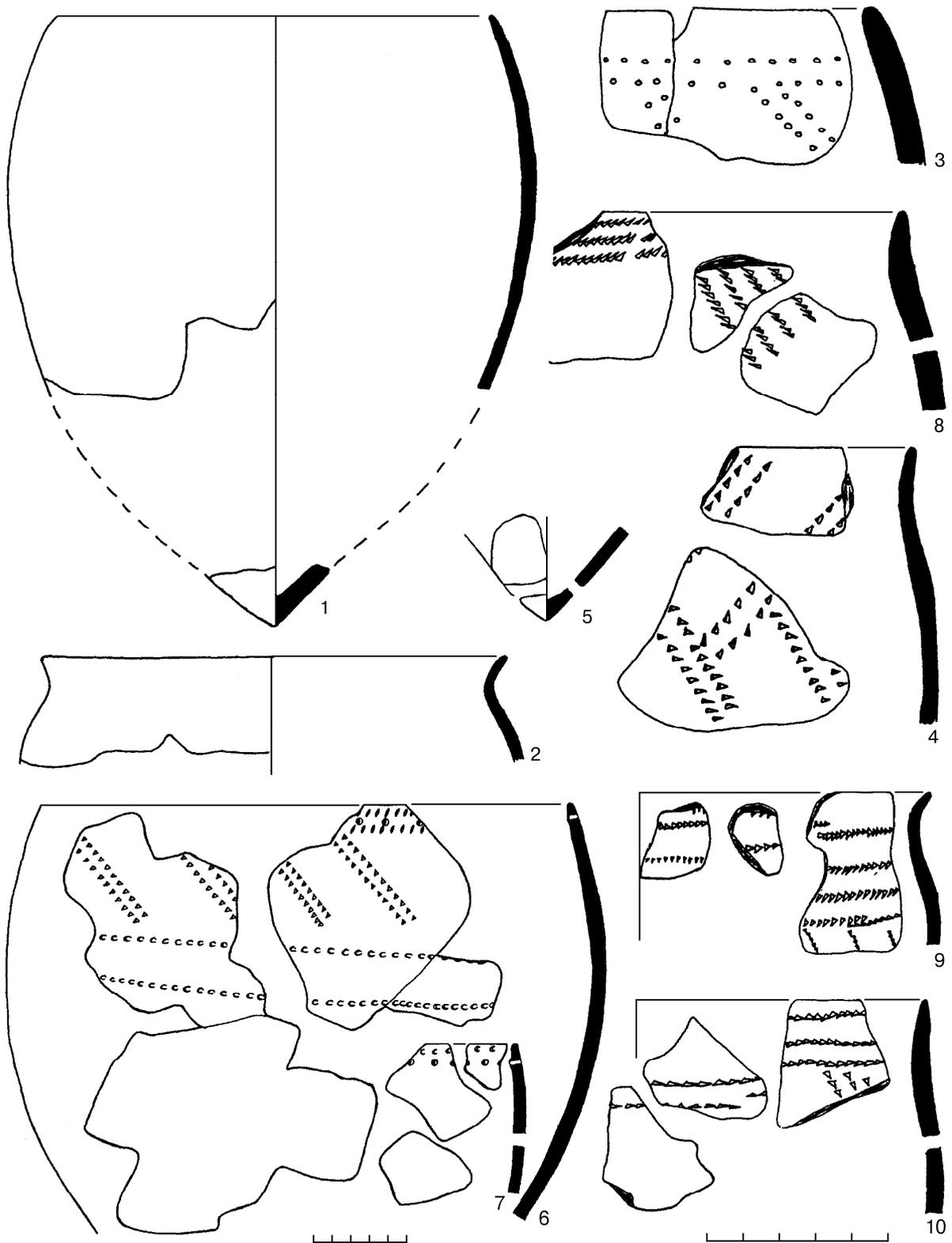

Рис. 1. Слабо орнаментированная керамика типа Имерки 7:
 1—4 — Имерка 7; 5—7 — Ковыляй 1; 8—10 — Потодеево.

Таким образом, стратиграфических данных для однозначного ответа о большей древности какой-то из групп керамики, на наш взгляд, недостаточно.

На основе сопоставления керамических комплексов Сурско-Мокшанского междуречья с посудой сопредельных регионов, наиболее ранней представляется нам слабоорнаментированная керамика поселения Имерка 7, находящая определенные аналогии в керамике елшанского типа. На стоянке Имерка 7 было вскрыто жилищное сооружение с керамикой, которая либо не имела орнамента, либо была орнаментирована только в верхней части сосуда горизонтальными и наклонными рядами наколов и точечных вдавлений. Часть фрагментов имела тонкие стенки (0,5—0,7 см), но встречались и толстостенные сосуды (до 1 см). Сосуды имели S-овидные или загнутые внутрь венчики и днища конической формы (рис. 1, 1—4) (Ставицкий, 1996). Керамика близкая имерской была получена автором при раскопках поселения Ковыляй 1 (рис. 1, 5—7) (Ставицкий, 1999), а также в результате подъемных сборов на стоянке Вадовские Селища (на р. Вад), на стоянке Озименки (на р. Мокше). Аналогичная керамика в верховьях р. Ворона была собрана автором на стоянке Можаровка и получена при раскопках стоянки Шапкино б А. А. Хрековым (Хреков, Юдин, в печати). Близкая по ряду параметров керамика уверенно вычленяется из смешанного комплекса накольчатой керамики стоянки Потодеево (рис. 1, 8—10) (верховья р. Мокши), раскопанной В. П. Третьяковым (1982).

Ближайшие аналогии керамика Имерки 7 находит в посуде елшанского типа. Сходство наблюдается по таким признакам как: S-овидная форма венчиков, конические днища, слабая орнаментированность стенок, простота узоров, орнаментация рядами разреженных наколов, тщательная заглаженность поверхности сосудов, наличие просверленных после обжига отверстий. Имеются и отличия. На имерской керамике отсутствуют ряды жемчужных поясков, нет прочерченного орнамента, в глиняное тесто добавляются иные примеси, немного общего в орнаментальных композициях.

Согласно палинологическим наблюдениям и по ряду радиуглеродных дат существование елшанской культуры относится к бореальному периоду и датируется второй половиной VII — рубежом VII—VI тыс. до н. э. (Мамонов, 1995. С. 23).

Однако, по мнению ряда исследователей, елшанская керамика хронологически неоднородна и переживание елшанских традиций могло иметь место достаточно продолжительное время (Барынкин, Козин, 1991. С. 100). К тому же, примокшанская керамика имеет ряд существенных отличий от классической елшанской посуды. Наиболее ранняя елшанская керамика отмечена исследователями на стоянках Красный Городок (Кузьмина, Ластовский, 1995) и Нижняя Орлянка (Колев, Ластовский, Мамонов, 1995. С. 65). Эта керамика характеризуется накольчато-прочерченным орнаментом, крайней простотой композиций. В Примокшанье прочерченного орнамента не зафиксировано. Кроме того, некоторые примокшанские композиции (фигуры из спаренных рядов наколов), а также использование оттисков зубчатого штампа на керамике Ковыляйской стоянки находят аналогии на посуде Ильинской стоянки, которая относится к числу позднейших елшанских стоянок (Мамонов, 1988).

На наш взгляд, появление в лесном Примокшанье древностей типа Имерки 7, связанных своими истоками с лесостепной зоной, вероятно, могло иметь место в наиболее сухой интервал атлантического периода, пик которого приходится на время 7200 л. т. н. Видимо, их носители пришли вслед за продвижением на север остепненных ландшафтов, что косвенно подтверждается низким расположением стоянок: Имерка 7, Вадовские Селища, Потодеево, Шапкино б. Верхняя граница существования ранних памятников, вероятно, совпадает со временем формирования среднедонской культуры. Об этом, например, свидетельствует залегание керамики типа Имерка 7 ниже слоев со среднедонской посудой на стоянке Шапкино б (Хреков, Юдин, в печати).

На Верхней Суре начало неолитической эпохи связано с накольчатой керамикой, которая подразделяется на две хронологические группы. К наиболее ранней посуде этого региона, видимо, относятся керамические коллекции со стоянок Подлесное 7, 8 и часть керамики Пензенских стоянок (Ставицкий, 1992; 1997). Отличительными признаками этой керамики являются: ее сравнительная тонкостенность; простота орнаментальных мотивов; наличие органической примеси у части фрагментов; уплощенные и конические днища; преобладание орнамента из строчечных наколов треугольной формы и овальных наколов, нанесенных узкой лопаточкой; отсутствие выделенной бордюрной зоны; наличие неорнаментированных фрагментов;

Рис. 2. Накольчатая керамика средневожской культуры:
 1—8 — Подлесное 7; 9—15 — Пензенские стоянки; 16—22 — Подлесное 5.

отсутствие орнамента на внутренних стенках венчика и отсутствие венчиков усложненной формы; приемы нанесения коротких оттисков зубчатого штампа в технике отступающей лопатки; наличие прочерченного орнамента (рис. 2, 1—8).

Большинство из перечисленных признаков характерны для ранних накольчатых комплексов Среднего Поволжья. В частности, ряд существенных параллелей прослеживается с керамикой стоянок: Тетюшская 6, Лебяжье 1 и с ранней керамикой Виловатовской и Ивановской стоянок, типологически выделенной И. Б. Васильевым и А. А. Выборновым (Васильев, Выборнов, 1988. С. 27). Общими чертами являются: тонкостенность, использование примесей песка и шамота, а иногда и растительных остатков; прямостенные и закрытые формы сосудов; наличие неорнаментированных фрагментов; отсутствие усложненных венчиков и венчиков орнаментированных изнутри; уплощенные днища; орнаментация треугольными и овальными строчечными наколами, насечками прочерками; простота и малочисленность композиций; ямочные пояски под венчиком (Васильев, Выборнов, 1988. С. 27; Халиков, 1969. С. 52).

Немало общего имеется и в каменном инвентаре стоянки Подлесное 7 с инвентарем нижнекамских памятников с накольчатой керамикой, который также является пластинчато-отщеповым. Однако, на усть-камских памятниках значительно чаще встречаются рубящие орудия, более представительны наконечники стрел. Кроме того, такой высокий уровень орудий на ножевидных пластинах, как на поселении Подлесное 7 (73 %) для усть-камских памятников нехарактерен. Средний процент орудий изготовленных на пластинах составляет здесь 37,4 % (Габяшев, 1978. С. 5). Однако, если учитывать удельный вес ножевидных пластин среди всех каменных предметов, то получаются достаточно близкие показатели: Подлесное 7 — 22 %, усть-камские поселения — 18,15 % (Габяшев, 1988. С. 35).

Имеются и отличия. Для накольчатой керамики Посурья характерно более плотное заполнение орнаментального поля. Здесь встречаются наколы скобковидной и трапециевидной формы, конические днища. Нетрудно заметить, что данные признаки являются «визитной карточкой» керамики среднедонской культуры. Однако, все эти признаки на ранней присурьской керамике не находят широкого распространения.

Ранний возраст стоянки Подлесное 7 косвенно подтверждается и ее низким расположением над уровнем поймы р. Суры. Стоянка занимает пониженную часть песчаного останца высотой 2 м, при высоте основной площади останца в 5 м. Столь низкое расположение характерно и для ряда других раннеолитических памятников: Имерка 7, Потодево, а также для позднемезолитической стоянки Зарека 1. Не исключено, что это свидетельствует о их существовании в эпоху пониженного увлажнения. По мнению Е. А. Спиридоновой и А. С. Алешинской, в период с 6800 по 6100 л. н. гидрологический режим на реках Волго-Окского междуречья характеризовался относительной стабильностью, с небольшими весенними паводками (Спиридонова, Алешинская, 1999. С. 26).

Наличие на стоянке Подлесное 7 ряда фрагментов керамики сопоставимых с ранней керамикой среднедонской культуры (прямостенные венчики, ряды ямок под венчиком, конические днища и фрагменты, украшенные треугольными и скобковидными наколами), пластинчатость инвентаря позволяет синхронизировать данные материалы с ранним этапом среднедонской культуры, который, по мнению А. Т. Синюка, датируется первой половиной V тыс. до н. э. (1986. С. 141—142).

Более развитый облик на территории Верхнего Посурья имеет накольчатая керамика с поселений Подлесное 5, Екатериновка и большая часть накольчатой керамики Пензенских стоянок (Ставицкий, Колганов, 1995). Данную керамику отличает большая толщина стенок; в изготовлении сосудов использовался метод косой стыковки глиняных лент; наряду с прямостенными присутствуют отогнутые вовнутрь венчики, часть которых орнаментирована изнутри; днища округлые, уплощенные и плосковогнутые; в орнаментации доминируют широкие овальные наколы, глубоко нанесенные на поверхность сосуда в технике отступающей лопаточки; более глубоко и четко наносились на поверхность и оттиски зубчатого штампа. Нередко оттиски штампа сочетаются с наколами. Наряду с простыми используются более сложные мотивы орнамента: горизонтальный зигзаг, заштрихованные зоны различной формы, плетенка, перекрещивающиеся ряды наколов, шагающая гребенка и т. д. Об усложнении орнаментальных построений свидетельствует появление под венчиками большинства сосудов выделенной

бордюрной зоны. Значительно меньше становится неорнаментированной керамики. Чаще под венчиками располагаются ряды ямочных вдавлений, иногда двойные (рис. 2: 9—22).

О более позднем возрасте данной керамики косвенно свидетельствует и факт отсутствия в смешанной коллекции каменного инвентаря поселения Подлесное 5 архаичных типов орудий: наконечников стрел на пластинах, концевых скребков на пластинах и скребков со скошенным лезвием, а также резцов. Все эти типы орудий присутствуют на более ранней стоянке Подлесное 7 (Ставицкий, 1997).

Керамика данной группы сопоставима с частью накольчатой керамики Виловатовской и Ивановской стоянок, типологически выделенной А. А. Выборновым и И. Б. Васильевым в особую группу, для которой характерны толстостенные сосуды прямостенной и профилированной формы, украшенные рядами глубоких вдавлений овальной или подчетырёхугольной формы (Васильев, Выборнов, 1988. С. 27). Присурская керамика, украшенная оттисками гребенчатого штампа, находит аналогии в гребенчатой керамике Виловатовской, Ивановской и Лебяжской стоянок, для которой также характерна толстостенность, плоские днища, ряды ямок под венчиком (иногда двойные), в ряде случаев орнаментированы внутренние стенки венчиков, композиции состоят из горизонтальных рядов короткого зубчатого штампа, шагающей гребенки и т. д. (Васильев, Выборнов, 1988. С. 28).

Причем, по мнению И. Б. Васильева и А. А. Выборнова, гребенчатая традиция появляется на втором этапе развития средневожских древностей, какое-то время сосуществует с накольчатой, а затем становится доминирующей (Васильев, Выборнов, 1988. С. 36). Таким образом, по линии синхронизации присурских материалов со средневожскими, время их бытования определяется началом второго этапа развития средневожской культуры, на котором еще накольчатые традиции играют ведущую роль в орнаментации керамики. Ко времени сложения синкретических гребенчато-накольчатых комплексов средневожской культуры относили материалы Пензенских стоянок И. Б. Васильев и А. А. Выборнов (1988. С. 31). Однако, нельзя игнорировать и существенные отличия, которые имеются между средневожскими материалами и керамикой Верхнего Посурья. На всем протяжении своего развития накольчатая керамика Среднего Поволжья характеризуется определенной разреженностью орнаментальных построений, которая, по мнению А. В. Вискалина (1998. С. 218—219), имеет тенденцию к увеличению. На Верхней Суре происходит обратное. Керамика Подлесного 5 и Пензенских стоянок имеет более насыщенную орнаментацию в сравнении с ранней керамикой Подлесного 7 и 8. Наряду с плоскими, достаточно широко распространены округлые днища, что также не характерно для Средней Волги. К тому же, заметно и некоторое увеличение использования элементов орнамента, характерных для среднедонской культуры: треугольных наколов, выполненных широкой угловой лопаточкой, наколов трапецевидной и скобковидной формы, весьма характерны для Среднего Дона и двойные ряды ямок под венчиком, методика косой стыковки глиняных лент. Влиянием среднедонской культуры на присурскую керамику можно объяснить и значительную насыщенность орнаментальных композиций. На позднем этапе развития среднедонской культуры получают распространение и котловидные сосуды с округлым днищем. По линии синхронизации со среднедонской керамикой время бытования присурской керамики данной группы следует относить к позднему периоду существования среднедонской культуры.

Следует также отметить, что поздняя накольчатая керамика Верхнего Посурья на поселении Подлесное 5 залегает совместно с раннеэнеолитической керамикой нижнедонской культуры. Причем, в облике накольчатой керамики Пензенских поселений присутствуют некоторые нижнедонские черты типа усложненных венчиков с воротничковым наплывом и мотивов в виде оттисков короткого зубчатого штампа, обведенных прочерченными линиями. На Софьинском поселении, в верховьях р. Хопер, также наблюдается совместное залегание накольчатой и нижнедонской керамики, причем, часть последней украшена наколами в технике отступающей лопаточки. Эти факты свидетельствуют в пользу синхронизации поздней накольчатой керамики Верхнего Посурья со временем становления воротничковых раннеэнеолитических культур, которые по последним данным датируются концом V — началом IV тыс. до н. э. (Выборнов, 1997. С. 7).

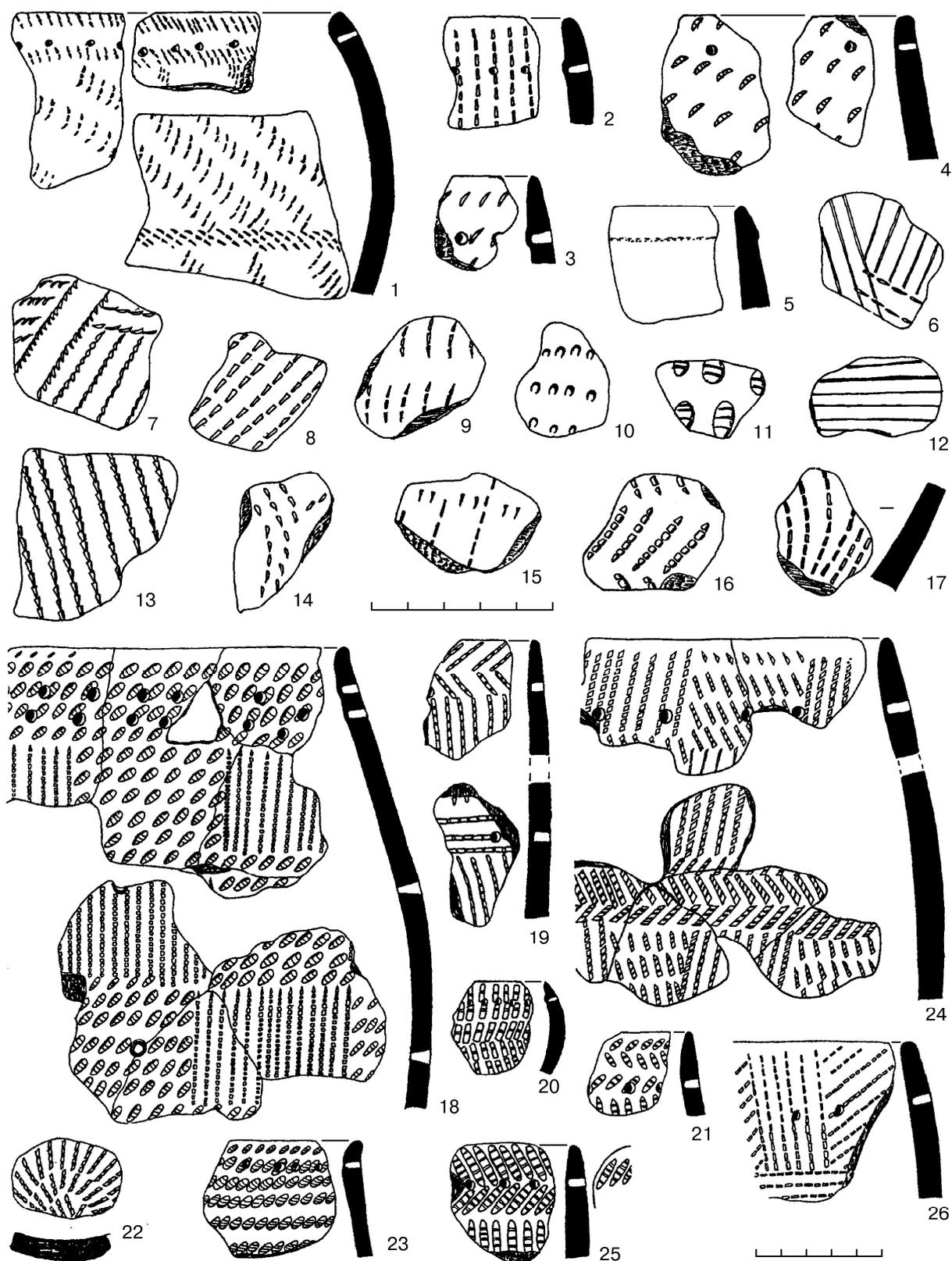

Рис. 3. Гребенчато-накольчатая керамика: 1—17 — Машкино 1, 18—26 — Подлесное 4.

О доживании до IV тыс. до н. э. накольчатой керамики на территории Сурско-Мокшанского междуречья косвенно свидетельствуют следы контактов населения с накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой, которые проявляются в посуде поселения Озименки. На ямочно-гребенчатой керамике этого поселения встречаются наколы, выполненные в технике отступающей лопаточки (Фосс, 1959. Рис. 3, 13). Один из подобных фрагментов найден и на поселении Имерка 4 (Третьяков, Выборнов, 1988. Рис. 25, 9).

В сравнении с накольчатой керамикой ГНК Сурско-Мокшанского междуречья выглядит менее дифференцированной, что создает дополнительные трудности в построении ее периодизации. Внутренняя периодизация этой керамики ранее была предложена А. А. Выборновым и В. П. Третьяковым, согласно которой наиболее ранней признавалась гребенчатая керамика стоянки Подлесное 3, на следующем этапе происходило сложение ГНК имерских стоянок и наиболее поздней в данном хронологическом ряду признавалась гребенчатая керамика поселения Подлесное 4 (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 30—36).

Ограниченное количество материалов со стоянки Подлесное 3 (110 фрагментов), их подъемное происхождение заставляет быть осторожными в выводах. Кроме гребенчатой керамики, на стоянке обнаружено два фрагмента, украшенные овальными строчечными наколами. Возможно, накольчатой посуды на стоянке было больше, поскольку здесь имеются неорнаментированные фрагменты, связанные, как правило, с накольчатой керамикой. Ни в верхневолжской, ни в камской культурах гребенчатый орнамент не сочетается с неорнаментированной керамикой, нет свободных участков и на фрагментах с гребенчатыми узорами стоянки Подлесное 3.

Для раннеолитической керамики лесостепного Поволжья характерно доминирование короткого изогнутого штампа (Васильев, Выборнов, 1988. С. 29). Подобным штампом орнаментирована и ранняя верхневолжская керамика (Костылева, 1986. С. 145), а на стоянке Подлесное 3 преобладает орнаментация длинным зубчатым штампом. Данный факт можно было бы объяснить автохтонным происхождением гребенчатой орнаментации в Посурье или заимствованием этой традиции из Прикамья. Однако, Верхнее Посурье входило в зону распространения накольчатой керамики и «жизненного пространства» для автохтонного развития гребенчатой керамики здесь просто не было. Отсутствуют здесь и материалы, которые могли бы проиллюстрировать данный процесс. А связи с Прикамьем имели иную направленность — из Посурья в Прикамье (Выборнов, 1992. С. 36).

К тому же материалы стоянки Подлесное 3 весьма близки гребенчатой керамике имерских поселений. Индекс родственности между ними составляет от 70 до 90 % (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 17). Причем различия наблюдаются в тех элементах, которые единичны на Имерской стоянке, и могут объясняться малочисленностью керамической коллекции стоянки Подлесное 3. Следовательно, хронологического разрыва между этими памятниками нет, либо он минимален. Возможно, именно относительно развитым обликом керамики стоянки Подлесное 3 объясняется наличие здесь большего количества узоров, чем на ранней гребенчатой керамике Вятки, Камы, и Белой (Выборнов, 1992. С. 35).

Следовательно, материалы стоянки Подлесное 3 скорее синхронны ГНК имерских поселений, нежели предшествуют ей, и в лучшем случае, могут иллюстрировать только заключительный этап сложения гребенчатой керамики в Сурско-Мокшанском междуречье. Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности выделения раннего «чисто» гребенчатого этапа в развитии раннеолитической керамики Сурско-Мокшанского междуречья. Скорее всего, в начале раннего неолита данный регион входил в зону влияния носителей слабо орнаментированной керамики типа Имерки 7 и традиции украшения керамики гребенчатыми оттисками были привнесены сюда позже.

Поскольку гребенчато-накольчатая керамика Примокшанья ближайшие аналогии находит в керамике верхневолжской культуры, то имеет смысл рассмотреть ее периодизацию в фокусе синхронизации с развитием верхневолжской керамики. Посуда наиболее раннего этапа верхневолжской культуры, которую Ю. Б. Цетлин выделяет в самостоятельную волго-окскую культуру (Цетлин, 1996. С. 155—162), в Примокшанье не зафиксирована. На Верхней Суре с

полностью разрушенного поселения Грабово 4 была получена небольшая серия слабоорнаментированной керамики, украшенной отдельными наколами, нанесенными в тычковой технике, а также оттисками короткого и пунктирного зубчатого штампа (Ставицкий, 1997). По некоторым параметрам эта керамика может быть соотнесена с наиболее ранней верхневолжской керамикой, но весьма незначительный объем коллекции оставляет данный вопрос открытым.

Для второго этапа верхневолжской культуры характерна остродонная керамика с тычковым, строчечно-накольчатым (ложношнуровым), прочерченным и короткозубчатым орнаментом. В конце этапа появляется керамика с пунктирным орнаментом. Только на следующем этапе появляется керамика, украшенная длинным зубчатым штампом, которая постепенно занимает доминирующее положение (Костылева, 1987. С. 19—20).

Среди гребенчато-накольчатой керамики Примокшанья только на стоянках Машкино 1, Ковыляй 1, Имерка 8, а также в керамике жилища № 2 поселения Имерка 7, посуда, украшенная оттисками длинного зубчатого штампа, не занимает доминирующего положения. Однако на Имерке 7 второе жилище скорее всего существовало одновременно с первым, на керамике которого оттиски длинного зубчатого штампа преобладают. Сравнительно низкий процент длинного штампа на Имерке 7, видимо, объясняется наличием некоторой инокультурной примеси, для которой характерна керамика украшенная треугольными наколами и оттисками короткого зубчатого штампа.

На керамике поселения Ковыляй 1 полностью отсутствует прочерченный орнамент, которого нет и на всех примокшанских поселениях, где доминирует длинный гребенчатый штамп, что, видимо, не случайно. К тому же, несмотря на один из наибольших в Примокшанье процент сосудов, украшенных коротким зубчатым штампом, гребенчатая керамика из Ковыляй 1 имеет наименьший коэффициент сходства с керамикой верхневолжской культуры, так как отличается значительной простотой орнаментальных мотивов, выполненных коротким зубчатым штампом, что более характерно не для лесной (верхневолжской) традиции, а для лесостепной (днепродонецкой, средневолжской). Кроме того для керамики Ковыляй 1 характерны округлые днища, что также не типично для верхневолжской керамики, т. е. несмотря на относительно низкий процент длинного гребенчатого штампа на керамике этого поселения, ее синхронизация с керамикой второго этапа верхневолжской культуры, вряд ли правомерна.

Среди оставшихся коллекций керамики — Машкино 1 и Имерка 8, более архаичной выглядит машкинская керамика, значительная часть которой не имеет орнамента. На Машкинской стоянке выше удельный вес накольчатой и прочерченной керамики, что может свидетельствовать о переживании более древних керамических традиций (рис. 3, 1—17).

Впрочем, по отношению к имерским стоянкам подсчет процентного соотношения различных элементов орнамента, вряд ли может являться надежным хронологическим репером. В эпоху неолита в окрестностях Имерского озера существовала весьма благоприятная экологическая обстановка, что обуславливало неоднократное заселение одних и тех же стоянок. Следовательно, образование даже типологически однородных, на первый взгляд, комплексов могло происходить не одновременно, а в ходе неоднократных посещений, паузы между которыми могли быть достаточно долгими. Подобная синхронизация приобретает дополнительную вероятность с учетом того, что в смешанных верхневолжских комплексах, где присутствует керамика различных этапов, длиннозубчатая керамика доминирует, составляя от 42 % до 60 % всех фрагментов (Костылева, 1994. С. 56), в то время, как в Примокшанье ее процент составляет всего: 19,5 % — на Имерке 3, 11,7 % — во втором жилище и 28,3 % в первом жилище Имерки 7, 28,3 % — на Имерке 8, 35,6 % — на Имерке 1А и только на Широмазово 3 она достигает 76,2 %, а на Имерке 4 — 53 %. Причем, наиболее высокий процент длиннозубчатой керамики на поселении Имерка 4, видимо, не случаен. Только на Имерке 4 зафиксирована находка днища округлой формы и только здесь большинство венчиков, орнаментированных длиннозубчатым штампом, украшено поясами ямочных вдавлений в своей верхней части. Видимо, на стоянке Имерка 4 присутствует, одна из самых поздних в Примокшанье, керамика верхневолжского облика.

Таким образом, основная масса ГНК Примокшанья находит близкие аналогии в керамике третьего этапа верхневолжской культуры, который по последним разработкам А. В. Энговатовой следует датировать второй половиной V тыс до н. э. (по некалиброванным датам). ГНК Примокшанья по ряду параметров наиболее близка керамике второго этапа верхневолжской культуры, которая датируется серединой V тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 120).

В Посурье, в плане синхронизации с верхневолжской керамикой, наиболее поздний облик имеет керамика поселения Подлесное 4, где преобладает орнаментация из длинных оттисков зубчатого штампа, сосуды имеют округлые днища и пояски ямок под венчиком, большей сложностью отличаются орнаментальные мотивы (рис. 3, 18—26), которые сопоставимы с узорами на поздней керамике верхневолжских поселений Сахтыш 2 и 8 (Выборнов, 1988. Рис. 4; 7; 8). С поздним этапом верхневолжской культуры синхронизируется и керамика другой присурской стоянки Подлесное 3, где также доминируют длиннозубчатые оттиски (45,8 %), имеются округлые днища. Однако, по отношению к керамике Подлесного 4 керамика Подлесного 3 выглядит более ранней, причем значительно, что неоднократно отмечалось и другими исследователями (Третьяков, Выборнов, 1988). Впрочем, значительные отличия между керамикой данных памятников могут объясняться не только различной хронологией, но и различной культурной принадлежностью. Наиболее поздняя хронологическая позиция материалов поселения Подлесное 4 подтверждается и отщеповым характером индустрии этого памятника, в которой изделия на ножевидных пластинах представлены единичными экземплярами.

Несколько иная картина просматривается по линии синхронизации гребенчато-накольчатой керамики Сурско-Мокшанского междуречья с керамикой камской культуры. По мнению А. А. Выборнова, материалы имерских поселений предшествуют развитой керамике камской культуры. Причем, процесс появления керамических традиций в приустьевом Прикамье связывается с продвижением сюда отдельных групп населения из Примокшанья (Выборнов, 1992. С. 35—36). Следовательно, подразумевается синхронизация примокшанской и ранней камской керамики. Однако, материалы примокшанских стоянок и керамика памятников Кабы-Копры, Зиарат 1, Усть-Шижма далеко не тождественны. В Прикамье присутствует всего пять орнаментальных мотивов, а на Мокше — 11. Подобные различия объясняются А. А. Выборновым более интенсивным развитием орнаментации в районах более западных от Прикамья и более южных от таежной зоны (Выборнов, 1988. С. 66).

На наш взгляд, большую степень сходства примокшанская гребенчатая керамика имеет с развитой керамикой камской культуры, на хуторском этапе ее развития. Как уже отмечалось ранее, ближайшие аналогии керамика имерских стоянок и, особенно, керамика Подлесного 4 находит в посуде 2-ой Лебединской стоянки. При этом, простота статистически устойчивых узоров на имерских стоянках позволяет отнести их ко времени предшествующему существованию Лебединской стоянки и определить их хронологическую позицию в качестве промежуточной, между ранним и развитым этапом камской культуры.

Видимо, развитой керамике камской культуры, кроме керамики имерских поселений, предшествует и керамика и других памятников: Подлесное 3, Ковыляй 1, Широмаково 3, Машкино 1. Об этом может свидетельствовать отсутствие усложненных форм венчиков, с внутренним наплывом, который получает достаточно широкое распространение на развитой керамике камской культуры, а также появляется в некоторых поздних слоях верхневолжских памятников (Выборнов, 1992. С. 80). Керамика поселения Подлесное 4, в силу ее значительного сходства с керамикой Лебединской стоянки, полностью синхронизируется с керамикой развитого этапа камской культуры.

Достаточно сложен вопрос о хронологическом соотношении ГНК Примокшанья с накольчатой керамикой Верхнего Посурья. На примокшанских памятниках встречаются фрагменты керамики, украшенные наколами, определенные аналогии которым можно найти в ранней керамике стоянок Подлесное 7, 8. Это фрагменты украшенные строчечными наколами овальной и треугольной формы, нанесенные палочкой с тонким концом. Сходство наблюдается и в наличии неорнаментированных фрагментов, которые, обычно, связаны с накольчатой кера-

микой. А вот каких-либо специфических признаков, характерных для поздних комплексов Верхнего Посурья, в примокшанской керамике не отмечено.

Однако обратного влияния примокшанских орнаментальных традиций на накольчатую керамику Посурья не наблюдается. Вряд ли подобный факт можно объяснить отсутствием взаимоконтактов между населением данных территорий, так ГНК примокшанского облика имеется в Посурье на стоянке Подлесное 3. Видимо, присурские поселения с ранней накольчатой керамикой прекращают свое существование до появления здесь ГНК примокшанского облика.

Хронология ЯГК Сурско-Мокшанского междуречья, в настоящее время, может быть установлена только по результатам сопоставления с льяловской керамикой Волго-Окского междуречья, для которой имеется серия радиоуглеродных дат. По набору основных элементов орнамента, состоящему из оттисков зубчатого штампа, плюсневых вдавлений и веревочных оттисков, которые сочетаются с одиночными и двойными рядами ямочных вдавлений к посуде архаичного этапа льяловской культуры наиболее близка керамика поселения Машкино 3 (Ставицкий, 1998). Много общего между архаичной льяловской керамикой и посудой стоянок Клюквенное 4, Ковыляй 1. Главное же отличие заключается в том, что на керамике этих поселений вместо веревочных отпечатков используются прокатанные оттиски аммонитов. Причем, на поселении Клюквенное 4 также широко используются оттиски косозубого штампа, что уже характерно для следующего раннего этапа развития льяловской культуры. Близкие аналогии в архаичной льяловской керамике находит и большинство керамики поселения Имерка 3. Однако, на Имерке 3 слой с ЯГК, по-видимому, накапливался достаточно продолжительное время и поэтому часть имерской керамики заметно отличается от льяловской керамики архаичного периода.

Главным признаком, который сближает примокшанскую ЯГК с льяловской архаичной керамикой является широкое использование в орнаментации оттисков плюсневого штампа. Однако, нельзя исключать того, что в Примокшанье традиции орнаментации керамики плюсневыми отпечатками бытовали и в более позднее время. Например, в Восточной Мещере орнаментация оттисками плюсневого штампа доживает до позднего этапа развития льяловской культуры (Сидоров, Энговатова, 1996. С. 175). Ряд отличий в облике архаичной керамики и посуды данных стоянок не позволяет синхронизировать их с наиболее древними льяловскими памятниками. Венчики сосудов примокшанских памятников ближе к венчикам раннего и развитого этапов. Форма их более разнообразна. Нередко они украшены по срезу, а также изнутри, что для архаичного льялово не характерно. В орнаменте примокшанской керамики имеется ряд элементов (отпечатки аммонитов, полулунные вдавления), которые на льяловской посуде появляются на более поздних этапах. Видимо, на периферии льяловской ойкумены, некоторые из архаичных традиций могли переживать достаточно долго, переходя в разряд локальных особенностей.

Вероятно, массовое появление носителей ямочно-гребенчатой керамики в Примокшанье произошло на раннем этапе развития льяловской культуры, который датируется временем от первой четверти до середины IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 120). К этому времени, видимо, относятся материалы вышеназванных стоянок. Несколько более развитой облик имеет керамика стоянок: Имерка 1-А, Широмазово 3, Андреевка 3, на которой ниже удельный вес отпечатков плюсневого штампа, зато появляются многорядовые ямочные вдавления. Но и эта керамика, видимо не выходит за хронологические рамки раннего этапа. Не исключено, что в материале этих памятников имеется и более поздняя примесь. Типологически керамика раннего этапа может быть выделена также в материалах стоянок Имерка 8, Шаверки 2. Этому времени соответствует радиоуглеродная дата, полученная из основания культурного слоя поселения Имерка 3 — 5660 ± 100 л. т. н. (Ле-2313).

Дальнейшее развитие керамики шло по пути увеличения доли ямочных вдавлений и оттисков перевитой веревочки, усложнения орнаментальных композиций, уменьшения удельного веса оттисков плюсневого штампа. Так, на посуде стоянки Имерка 4 оттиски плюсневого штампа занимают всего 3 % орнаментальной площади, зато 25 % венчиков украшены оттисками веревочки. Причем, веревочные оттиски составляют и наиболее сложные узоры в виде сходящихся дугообразных поясков, горизонтального зигзага, вписанных друг в друга ромбов. Ромбические

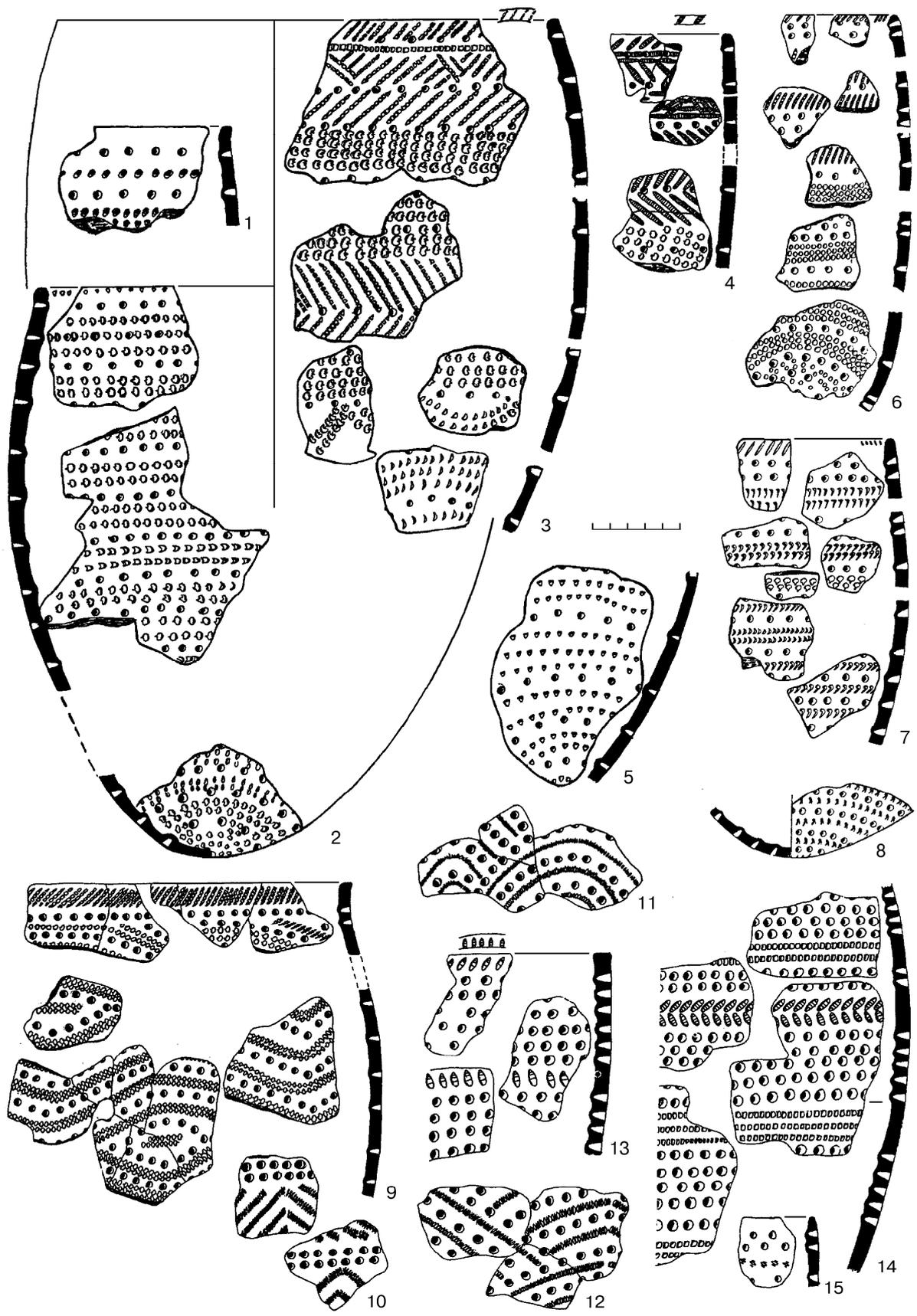

Рис. 4. Ямочно-гребенчатая керамика:
 1—5 — Машкино 3; 6—8 — Ковыляй 1; 9—12 — Имерка 4; 13—15 — Широмасово 3.

фигуры также образуют волнообразные ряды плюсневого штампа, скопления ямок, очерченные рядами полулунных вдавлений. Ромбическую форму имеют и ячейки косой решетки, образованные оттисками длинного штампа (рис. 4, 9—12).

К материалам Имерки 4 близка керамика Имерки 6, где также минимален процент плюсневого штампа, а веревочные оттиски занимают существенное место в орнаментации сосудов. Присутствуют здесь и сложные узоры: треугольники, состоящие из оттисков зубчатого штампа и ямочных вдавлений; ромбические фигуры, образованные зигзагообразными поясками фигурного штампа; косая решетка с вписанными в нее ямками. Подобную керамику можно синхронизировать со средним этапом льяловской культуры, который датируется временем от середины до последней четверти IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997. С. 120). В предварительном плане, второй половиной IV тыс. до н. э. были склонны датировать ямочно-гребенчатую керамику имерских стоянок А. А. Выборнов и В. П. Третьяков (Третьяков, Выборнов, 1988. С. 34—35). К этому этапу также относится основная масса керамики со стоянок: Имерка 7, 8, Шаверки 2, Машкино 1. Не исключено, что к этому этапу следует отнести и часть керамики Широмазово 3, которая украшена многорядовыми ямочными вдавлениями (рис. 4, 13—15).

Вероятно, к самому концу этого этапа относится керамика поселения Шаверки 5, в орнаментации которой, наряду с коническими ямками, используются ямки цилиндрической формы с плоским дном, удельный вес ямочного орнамента составляет 44 %, имеются фрагменты с участками неорнаментированного пространства, отсутствуют оттиски плюсневого штампа, зато появляются спаренные наколы и фрагменты, на которых отсутствуют ямочные вдавления. Большинство из перечисленных признаков характерны для поздней ЯГК Среднего Поволжья (Халиков, 1969. С. 111), но на шаверской керамике все эти признаки развиты сравнительно слабо. В орнаментации сосудов доля ямочного орнамента не столь высока, ямки с коническим дном все еще преобладают над плоскодонными вдавлениями, единичны оттиски веревочки. К тому же определенной архаичностью отличается кремневый инвентарь поселения, в котором весьма существенна доля орудий на ножевидных пластинах. Таким образом, наиболее поздних образцов ЯГК на Средней Мокше зафиксировано. В лучшем случае, она может быть сопоставлена только с началом позднего этапа развития ЯГК.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барынкин П. П., Козин Е. В. Некоторые результаты исследований 2 Большераковской стоянки // Древности восточноевропейской лесостепи. Самара, 1991.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1988.
- Вискалин А. В. Культурно-хронологические группы накольчатого неолита Среднего Поволжья и Прикамья // Историко-археологические изыскания. Вып. 3. Самара, 1999.
- Вискалин А. В., Выборнов А. А., Ставицкий В. В. Неолитическое поселение Широмазово 3 на Нижней Мокше // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара, 1999.
- Выборнов А. А. Гребенчатая неолитическая керамика лесного Волго-Камья // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Выборнов А. А. Неолит Прикамья. Самара, 1992.
- Выборнов А. А. Спорные вопросы в изучении неолита Нижнего Поволжья // Исторические исследования. Самара, 1997.
- Габяшев Р. С. Неолит Нижнего Прикамья / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.
- Габяшев Р. С. Каменный инвентарь неолитических памятников Нижнего Прикамья // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.
- Гришаков В. В., Ставицкий В. В. Многослойное поселение Машкино 1 на Средней Мокше // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
- Колев Ю. В., Ластовский А. А., Мамонов А. Е. Многослойное поселение эпохи неолита — позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Костылева Е. Л. Ранненеолитический верхневолжский комплекс стоянки Сахтыш VIII // СА. № 4. 1986.
- Костылева Е. Л. Хронология, периодизация и локальные варианты верхневолжской ранненеолитической культуры / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1987.

- Костылева Е. Л.* Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 1. 1994.
- Кузьмина О. В., Ластовский А. А.* Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Мамонов А. Е.* Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Мамонов А. Е.* Елшанский комплекс стоянки Чекалино 4 // Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара, 1995.
- Сидоров В. В., Энговатова А. В.* Протоволосовский этап или культура // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Синюк А. Т.* Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.
- Стиридонова Е. А., Алешинская А. С.* Периодизация неолита — энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА. № 1. 1999.
- Ставицкий В. В.* Пензенские поселения эпохи неолита и бронзы // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992.
- Ставицкий В. В.* Новые раскопки поселения Имерка VII // Историко-археологические изыскания. Вып. 1. Самара, 1996.
- Ставицкий В. В.* Поселения Верхнего Посурья с гребенчато-накольчатой керамикой // Историко-археологические изыскания. Вып. 2. Самара, 1997.
- Ставицкий В. В.* Машкино 3 — поселение эпохи неолита-энеолита в Примокшанье // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 1. Саранск, 1998.
- Ставицкий В. В.* Неолитическая стоянка Ковыляй 1 на Средней Мокше // Историко-археологические изыскания. Вып. 3. Самара, 1999.
- Ставицкий В. В., Колганов В. И.* Поселение Подлесное 5 на Верхней Суре // АО 1994 г. 1995.
- Третьяков В. П.* Ранненеолитические стоянки в междуречье Суры и Мокши // КСИА. Вып. 169. 1982.
- Третьяков В. П.* Неолит междуречья Суры и Мокши // Древности Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.
- Третьяков В. П., Выборнов А. А.* Неолит Сурско-Мокшанского междуречья. Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев, 1988.
- Фосс М. Е.* Поселение на дюне Озименки // КСИИМК. Вып. 75. 1959.
- Халиков А. Х.* Древнейшая история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья / МИА. № 172. 1973.
- Хреков А. А., Юдин А. И.* Многослойная стоянка Шапкино 6. В печати.
- Цетлин Ю. Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М., 1991.
- Цетлин Ю. Б.* Периодизация населения Верхнего Поволжья в эпоху раннего неолита // ТАС. Вып. 2. 1996.
- Энговатова А. В.* Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997.

КУЛЬТУРА НОСИТЕЛЕЙ ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ ПОСУДЫ СРЕДНЕЙ ВОЛГИ В СИСТЕМЕ ВОЛГО-ОКСКОГО НЕОЛИТА

Начиная с конца XIX века, несколько поколений отечественных археологов занимались изучением древностей носителей ямочно-гребенчатой (гребенчато-ямочной) посуды. Не останавливаясь подробно на истории изучения памятников данного культурного образования, укажем основные обобщающие работы, дающие представление о состоянии изученности различных аспектов культуры ямочно-гребенчатой керамики (Бадер, Воеводский, 1934; Брюсов, 1952; Гурина, 1961; 1996; Гурина, Крайнов, 1996; Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997; Крижевская, 1996; Неприна, 1976; Никитин, 1996; Панкрушев, 1964; Раушенбах, 1973; Сидоров, 1990; Третьяков, 1972; Формозов, 1959; Фосс, 1952; Халиков, 1960; 1969; Янитс, 1959).

Средневожским гребенчато-ямочным комплексам посвящены работы А. Х. Халикова (1969) и В. П. Третьякова (1972), В. В. Никитина (1996), в которых в разной степени дан анализ материальной культуры, определены этапы развития, связи с соседними неолитическими образованиями и дальнейшие судьбы носителей этой посуды. Исследованиями Марийской археологической экспедиции под руководством А. Х. Халикова в конце 50-х — середине 60-х годов были получены материалы с ямочно-гребенчатой (точнее гребенчато-ямочной) керамикой, объединенные им в балахнинскую культуру. Материалы 1956—1958 гг. вошли в монографию 1960 г., последующие исследования обобщены в монографии 1969 г. В. П. Третьяков рассмотрел, в основном, выделенный им средневожский вариант ямочно-гребенчатой посуды в системе подобных образований Восточной Европы. В. В. Никитин проанализировал и обобщил материалы Марийского Поволжья полученные в 1950—1980-е годы.

А. Х. Халиков определил границы распространения культуры: р. Клязьма на западе, Сурско-Мокшанское междуречье на юге, р. Казанка на востоке. Северные границы достигают Рыбинского водохранилища, среднего течения р. Ветлуги и верховий левых притоков Волги. Вятские памятники отражения на его карте не нашли. В. П. Третьяков, в отличие от А. Х. Халикова, рассматривает только средневожские стоянки, расположенные в левобережья Волги ниже устья Оки (14 стоянок, шесть из которых находятся в Нижегородской губ.). Из перечисленных им памятников только на трех были проведены широкомасштабные работы, давшие представительные коллекции (Удельный Шумец V, Русско-Луговская I и Обсерватория III), остальные исследованы небольшими траншеями и шурфами. Небольшая выборка материала, естественно, не позволила В. П. Третьякову выделить этапы развития культуры, отсюда и суммарный анализ ее как культуры, пришедшей и растворившейся в среде местного населения.

А. Х. Халиков в развитии культуры выделяет три этапа. К раннему этапу отнесены стоянки льяловской культуры Волго-Окского междуречья и Ярославского Поволжья, развитый этап характеризуется материалами Среднего Поволжья. Отмечаются изменения в топографии размещения поселков, которые из низких надлуговых террас переносятся на пойменные дюны. На позднем этапе посуда практически не отличается от посуды развитого периода, что и дало основание В. П. Третьякову рассматривать средневожские керамические комплексы без членения на этапы развития. В схеме В. В. Никитина отмечается достаточная близость керамических комплексов по основным типологическим признакам. В то же время, некоторые топографические и стратиграфические наблюдения в расположении поселений и залегании слоев, отдельные типологические и орнаментальные различия в посуде позволили наметить три этапа развития: ранний, развитый и поздний.

Ранний этап характеризуется низким расположением памятников. Они занимают, в основном, края надлуговых террас высотой от 1 до 3 м (Шеженер, Мариер, Удельный Шумец XIV, Волоконное, Сутыри I, IX, Дубовское Шб, XXII, Пир Гора, Отарское XVII, Мольбище V, Старомазиковские II, III и др.) или же небольшие пойменные дюны (Майданский Борок, Починок I, I, IV, VII, Дубовское VI, Ахмылово (нижний слой), Русско-Луговская I и др.). На этом этапе посуда характеризуется параболоидной (с разным углом наклона стенки) или полуяйце-

видной (открытой) формой сосудов, в формовочной массе содержащих крупную дресву с шамотом. Край горла соответствует толщине стенки, срез прямой или округлый, реже скошен вовнутрь. Орнамент на посуде довольно простой и состоит, в основном, из круглых конусовидных ямок и разного рода гребенчатых штампов. На большинстве сосудов композиции очень простые и состоят из зон одного-двух рядов ямок, между которыми горизонтальные линии штампов (от 1 до 7), пояса наклонных или вертикально поставленных оттисков. Из более сложных композиций встречаются горизонтальные зигзаг и елочка, нередко штампы наносятся поверх ямок. Встречаются узоры из намотанного на стержень шнура, иногда в сочетании с гребенкой. Редким элементом являются оттиски плоского, овального (узкого и широкого) штампа. Характерной особенностью посуды является ямка в центре днища с расходящимися лучами гребенчатых оттисков, горизонтальный зигзаг с ямкой в вершинах по краю горла или на тулове, косая решетка с ямкой в ячейке или перекрестии. Среди посуды встречаются грубо сформованные сосуды крупных размеров. Открытые сосуды с приостренным или овальным дном невысокие — высота обычно не превышает диаметра устья. У полуяйцевидных форм диаметр тулова несколько превышает диаметр горла.

Характеристика кремневой индустрии для данного этапа затруднительна т. к. представительных коллекций чистых комплексов нет. Можно лишь привести данные по Русско-Луговской I стоянке, исследованной А. Х. Халиковым. Коллекция кремневых орудий крайне незначительна (всего около 50 изделий). Обработка кремня свидетельствует о сосуществовании пластинчатой и отщеповой техник. На пластинах изготовлены ножи, концевые скребки. Довольно много деревообрабатывающих орудий (более 20 экз.), грузил от рыболовных сетей (10 экз.). Сверла на трехгранных отщепах. Среди рубящих выделяется кремневый шлифованный клиновидный топорик — орудие, характерное только для носителей гребенчато-ямочной посуды. Чистый комплекс кремневых орудий получен при исследовании Дубовской XXII стоянки (вскрыто 216 м²). Для орудий использовали отщепы и крупные пластины. Среди скребков 60 % выполнены на отщепах, остальные — на пластинах, формы в основном подквадратные, дисковидные, сегментовидные, удлинённые. Ножи выполнены на пластинах (половина) и на плоских отщепах. Проколки и сверла также сделаны на пластинах или отщепах. Жало срединное, в одном случае проколка имеет плечики. Резцы угловые, на пластинах и отщепах. Наконечники ивовидной и листовидных форм с обозначенным насадом, на пластинах, с односторонней ретушью по периметру. Один наконечник — с двухсторонней обработкой. Среди скребков два — архаичной мезолитической традиции (концевые на пластине с резцовым сколом на обушке). Из архаичных изделий можно указать скошенное острие на пластине с частичной подретушевкой острия и одной грани. Материалы полученные с Полянских, Удельно Шумецких, Сутырских стоянок не могут привлекаться в качестве определяющих, т. к. эти памятники кроме ямочно-гребенчатой посуды содержат и другие материалы (накольчатые, камские, волосовские).

Развитый этап представлен хорошо исследованными поселениями (Удельный Шумец V, Галанкина Гора II, Дубовские VШа, IX и XII, нижние слои Выжумского, Уржумкинского и Сутырского II). Поселки занимают дюнные всхолмления на краю надлуговых террас. Высота над поймой — 5—6 м. Количество жилищ на поселении от 4 до 20, застройка — двухрядная. Жилища с углубленным котлованом четырехугольной и овальной формы.

Продолжают бытовать параболоидные и полуяйцевидные формы посуды. Пропорции части посуды несколько изменяются. Сосуды приобретают более вытянутую форму. Появляются сосуды с выраженной шейкой и отогнутым краем горла, край венчика иногда имеет утолщение. На части посуды по краю горла широкий «воротничок», подчеркнутый орнаментальным поясом или же несколько утолщенный по отношению к стенке. Этот признак характерен лишь для данного этапа и отражает местную особенность или же импульс культур лесостепи.

В орнаментации сохраняются элементы раннего времени (горизонтальные зигзаги, косая решетка, елочка, ямка с лучами на дне сосуда и т. п.), большее применение получают шнуровые оттиски, распространяются оттиски аммонитов и плюсовых костей (редко), появляются зоны прочерченных линий. Часть сосудов украшается по срезу венчика.

В кремневой индустрии сосуществуют пластинчатая и отщеповая техники. В технологических отходах пластины составляют от 15 до 20 %. Нуклеусы призматические и клиновидные для снятия пластин, аморфные — для отщепов. Отщеп используется для производства орудий скоблережущего характера (скребки, ножи, скобели и т. п.), доля орудий на отщепах составляет 80—87 %. Пластины используются для проколов и острий, частично ножей. Среди наконечников встречаются с черешком и частичной обработкой ретушью пера или черешка (постсвидерские), иволистные, треугольно-черешковые, подромбические, листовидные. Рубящие орудия разнообразны (долота, тесла, стамески, топоры), выполнены в основном на доломите, реже, из гранитно-гнейсовых и кремневых пород. Как правило, все они тщательно отшлифованы с четко выраженными гранями. Часть рубящих орудий имеет желобок. Встречаются резцы на углу пластины и срединные на отщепах или колотых нуклеусах. На всех поселениях отмечается сырье, отбойники и ретушеры. В это время появляется каменная и глиняная скульптура.

Поздний этап характерен устройством поселений на высоких песчаных возвышенностях боровых террас (Починковское VIII, Отары V). Материала для полной характеристики этого этапа недостаточно. Раскопами исследовано только Отарское V поселение, остальные материалы собраны при раскопках более поздних памятников. Тем не менее, в этот период исчезает в качестве примеси формовочной массы дресва. Более широко применяются мелкотолченые органические добавки и песок. Сохраняется в рецепте и шамот. Формы сосудов сохраняются. Исчезает «воротничок» и «валик». Края венчиков плоские и часто имеют орнамент по срезу. Отмечаются изменения в орнаменте. Исчезает четкость в разделении зон. Рисунок становится разреженным, исчезают мелкозубые штампы. Появляется крупнозубый широкий штамп, наряду с белемнитной ямкой применяются овальные и квадратные с плоским дном. На некоторых сосудах отмечаются широкие зоны только ямочного или гребенчатого рисунка, отмечаются отдельные сосуды, украшенные исключительно ямками или гребенчатыми оттисками, применяются прочерченные линии. На части посуды появляются элементы орнамента, получившие развитие в волосовское время (широкие заштрихованные зоны, некоторые композиции типа разреженной елочки и т. п.). Четкие геометризованные композиции (зигзаги, решетки) выглядят расплывчато, углы не стыкуются, ямки горизонтально не выражены. Появляются сосуды со сложным рисунком, благодаря применению разнообразных приемов и штампов на одном сосуде. Отмечается и слабая традиция накольчатой техники в виде широких оттисков лопаточки в отступающе-проташенной технике.

Для кремневых орудий характерно применение широких пластин и отщепов. В целом, для кремневого комплекса носителей гребенчато-ямочной посуды на всем протяжении существования культуры характерна тщательная обработка орудий по всей поверхности. Как «чисто балахнинские» устанавливаются кремневые или доломитовые клиновидные топоры, долота с прямым брюшком и незначительно овальной спинкой и желобком, тесла с линзовидным сечением, миниатюрные стамески, повторяющие формы долот. Эти изделия тщательно отшлифованы, с выраженными гранями. Выделяются клиновидные ножи «кинжалы», появляются антропоморфная и зооморфная скульптура. Среди скребков отмечаются изделия с высокой отретушированной спинкой, среди наконечников — листовидные, иволистные и вытянуто-ромбические. Известны среди средневожских материалов ножи с «пуговкой», ромбические подвески из сланца. Датировка гребенчато-ямочных комплексов Средней Волги базируется на материалах сопредельных территорий. Наиболее приемлема, из всех существующих в литературе хронологических построений, схема А. Х. Халикова, который датировал культуру в целом (средневожские памятники) серединой — второй половиной III тыс. до н. э., хотя веских аргументов в пользу такой датировки у него в то время не было, о чем говорил и сам А. Х. Халиков.

В моей работе (Никитин, 1996) финал существования гребенчато-ямочных комплексов определен временем не позднее ранневожских древностей, а появление культуры в Среднем Поволжье приурочено к комплексам носителей накольчатых традиций в пределах рубежа IV—III тыс. до н. э.

Современное состояние источников дает возможность конкретизировать датировку средневожских древностей с традицией гребенчато-ямочного орнамента.

Появление носителей гребенчато-ямочной посуды на Средней Волге связывается с продвижением на восток, по Волжской гидросистеме, племен льяловской культуры на их раннем этапе, вероятно, одновременно с носителями накольчатой традиции, продвигавшимися в том же направлении. Учитывая их сосуществование в Волго-Окском междуречье на определенном этапе, можно предположить и одинаковые причины миграционного процесса, связанные, прежде всего, с климатическими изменениями, вероятно, с понижением уровня воды в водоемах. Эти наблюдения согласуются и с данными, полученными для раннельяловского слоя поселения Воймежное 1, имеющего абсолютную дату 5720 ± 120 л. т. н. Культурные остатки слоя формировались в условиях увеличения процессов заболачивания, связанных с изменением гидрологического режима этой территории (Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. С. 48).

Отмеченные выше льяловские архаичные гончарные традиции в средневолжской посуде просуществовали несколько дольше, чем на их основной территории.

Судя по работам В. М. Шаландиной по реконструкции растительности, в марийской низине, во время существования позднемезолитических комплексов, растительный покров соответствовал ландшафту территории распространения верхневолжской и льяловской культур в середине атлантического периода. Так, в Волго-Окском бассейне и марийской низменности в это время преобладают сосновые леса с примесью березы и широколиственных пород, травянистые представлены осоками, злаками, полынями, разнотравьем. Среди споровых преобладают папоротники и зеленые мхи (Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. С. 48—49; Шаландина, 1989. С. 174—182; Шаландина, Шакирова, 1995. С. 172—176). Ландшафт, на котором формируются раннеолитические слои с накольчатой посудой, представлен господством травянистых типов растительности (64 %) при наличии древесных пород (сосна, дуб, вяз, лещина, береза, ольха — 32,7 %). Травянистые представлены злаковыми, маревыми, разнотравьем. Близкий тип растительности наблюдается в спектрах позднемезолитических памятников.

Культурные слои поселений с накольчатой посудой существуют в условиях распространения мелких формаций: широколиственные — 28,2 %, сосна — 57 %, споровые (орляк, плаун) — спутники соснового леса, среди травянистых преобладает пыльца разнотравья и злаковых.

Для данных стоянок становится характерным в древесных преобладание сосны (77,8 %), наличие березы — 3 %, лиственных — 19,2 %, что свидетельствует о теплом и сухом климате, способствовавшем распространению на песчаных почвах сосны.

Развитая гидросистема поймы Волги с понижением уровня воды создала благоприятные условия для заселения именно поименных дюн или надпойменных террас, вокруг которых сохранились многочисленные старичные озера, затоны, лиманы небольшими протоками связанные с основной водной системой. Эти освобожденные пространства с богатыми биоресурсами и начали осваивать племена тех территорий, где смена уровня водного режима резко повлияла на состояние растительного и животного мира (южные районы леса, граница лесостепи и леса, водоразделы, автономные озерные системы и т. п.).

Учитывая надежную абсолютную хронологию верхневолжской и льяловской культур (признав непосредственное пребывание их в Среднем Поволжье), раннеолитические комплексы (неолит на низких надпойменных террасах) можно датировать началом и первой четвертью IV тыс. до н. э.

Развитый этап. Посуда данного периода сохраняет некоторые льяловские черты, но в целом отличается от льяловской, сближаясь по основным признакам с балахнинской. Кроме того, на этом этапе появляются характерные «воротнички». Генезис «воротничка» не совсем ясен, поскольку определить место зарождения воротничковой керамики не представляется возможным. Наиболее вероятные импульсы появления «воротничка» на гребенчато-ямочной посуде могли появиться с районов лесостепи, где они широко известны в материалах Ивановской, Турганской и др. стоянок. В то же время, лесные элементы орнамента появляются и на лесостепной территории (намотанный на стержень шнур, крупные овальнозубые и аммонитные оттиски, крупнозубые и ячеистые штампы). Воротничковая группа посуды (ивановского и токского типа) связывается с воротничковой керамикой могильника у с. Съезжее и синхронизиру-

ется с памятниками хвалынской культуры (Моргунова, 1995. С. 60—72). Воротничковая традиция появляется и в неолите Прикамья (Сауз П, Русский Азибей, на Южном Урале — Муллино и др.) (Выборнов, 1992).

Хронологически они не выходят за пределы середины IV тыс. до н. э. и вполне согласуются с абсолютной датировкой раннего этапа льяловской культуры. На этом этапе происходят прямые контакты лесного и лесостепного населения. Время бытования этапа может определяться в пределах третьей четверти IV тыс. до н. э.

Видимо в конце раннего — начале развитого периодов появляются «синкретические» сосуды баночных или же вытянуто-полуяйцевидных форм, орнаментированные в ямочно-накольчатой технике. Принцип построения композиций остается прежним — зоны наколов, ограничены поясками глубокой конусовидной ямки. Взаимовлияние двух культурных традиций вероятно было непродолжительным и не привело к образованию слоев посуды с ямочно-накольчатым орнаментом, но сам процесс свидетельствует о сосуществовании (в определенный период) населения с посудой накольчатого и гребенчато-ямочного типа. Это могло происходить в самом начале появления носителей гребенчато-ямочной посуды на Средней Волге. Ранние накольчатые комплексы здесь датированы по углю из очага Отарского VI поселения 6700 ± 40 л. т. н. (Ле-5998), значение калибровочных интервалов: 5595—5528 BC, 5628—5488 BC, т. е. середина VI тыс. до н. э.

Поздний этап культуры по основным своим показателям несколько отличается от собственно балахнинской и имеет мало общих элементов с позднельяловской культурой (в основном, отдельные орнаментальные сюжеты). На этом этапе полностью исчезает «воротничковая» традиция, усиливаются камские элементы в форме (закрытые полуяйцевидные, внутреннее утолщение венчика), но основная масса посуды сохраняет свой балахнинский облик, а по ряду признаков — и сходство с позднельяловской (одновременное появление разных ямок с плоским дном, сплошной ямочный орнамент, широкие прочерченные линии), отражающее какие-то общие процессы. По аналогиям с позднельяловскими, этап датируется последней четвертью — концом IV тыс. до н. э. Возможно отдельные группы балахнинского населения продолжают свое существование и в более позднее время, в первой четверти III тыс. до н. э., сосуществуя на данной территории с формирующейся здесь новой культурой волосовской общности. Наряду с материалами синкретического балахнинско-камского облика (протоволосово), в одинаковых топографических и стратиграфических условиях встречаются и сосуды с чисто балахнинскими чертами, но уже с уловимыми элементами формирующихся культур с пористой структурой посуды, знаменующей завершение эры неолита в лесной полосе Восточной Европы (верхние слои Дубовского IX, в протоволосовских жилищах Дубовского VIII).

Предволосовское время (или конец камского неолита) приходится на начало III тыс. до н. э., когда начинает формироваться культура новоильинского типа, близкая волосовским материалам Средней Волги.

Таким образом, в начале III тыс. до н. э. в лесной полосе Восточной Европы происходят процессы, которые привели, в дальнейшем, к развитию новых культурных образований (общности культур пористой посуды), знаменующих собой завершение эры камня, и, в частности, неолита в Прибалтике, Карелии, Центральных областях, Поволжье, Прикамье. На территориях, близких к зоне лесостепи и степи, эти процессы завершались значительно раньше. Несмотря на инновации, происшедшие в неолитических культурах, к концу IV тыс. до н. э. хозяйственный уклад остается все же неолитическим еще на протяжении около полутысячи лет. Лишь с появлением признаков металлообработки (ближе к середине III тыс. до н. э.) на территории лесного неолита вполне применим термин «энеолит», но это прослежено пока лишь в слоях развитого этапа волосовской культуры.

Своеобразие гребенчато-ямочных керамических комплексов на Средней Волге, их общность с балахнинскими материалами Волго-Окского междуречья, несмотря на некоторые параллели с льяловскими древностями, позволяют включать их в среду распространения собственно балахнинской культуры, выделенной в свое время А. Я. Брюсовым (1952).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О. Н., Воеводский М. В.* Стоянки балахнинской низины // ИГАИМК. Вып. 106. 1934.
- Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Выборнов А. А.* Неолит Прикамья. Учебное пособие. Самара, 1992.
- Гурина Н. Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР. МИА. № 87. 1961.
- Гурина Н. Н.* Культура гребенчато-ямочной керамики (прибалтийская) // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Гурина Н. Н., Крайнов Д. А.* Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. Археология. М., 1996.
- Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы — Воймежное I.* Под ред. А. Э. Энговатовой. М., 1997.
- Крижевская Л. Я.* Балахнинская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Моргунова Н. Л.* Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.
- Никитин В. В.* Каменный век Марийского края // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. IV. Йошкар-Ола, 1996.
- Панкрушев Г. А.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.; Л., 1964.
- Раушенбах В. М.* Неолитические племена бассейна Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Этнокультурные общности лесной лесостепной зоны Европейской части СССР. МИА. № 172. 1973.
- Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1990.
- Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе Европейской части СССР. Л., 1972.
- Формозов А. А.* Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
- Фосс М. С.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952.
- Халиков А. Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Труды Марийской археологической экспедиции. Т. I. Йошкар-Ола, 1960.
- Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- Шаландина В. Т.* Палинологическая характеристика археологических памятников Марийского Заволжья // Археологические работы 1980—1986 годов в зоне Чебоксарского водохранилища. Археология и этнография Марийского края. Вып. 16. Йошкар-Ола, 1989.
- Шаландина В. Т., Шакирова Д. Р.* Растительный покров Марийского Заволжья в неолите — раннем железном веке // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Археология и этнография Марийского края. Вып. 24. Йошкар-Ола, 1995.
- Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ЧЕЛНОКОВ

На многих неолитических памятниках Евразии находят каменные изделия субовальной формы с поперечным желобком на спинке. Свое название в украинской научной литературе они получили благодаря А. В. Добровольскому за сходство с ткацкими челноками (укр. «човниками»). В России подобные изделия имеют название «утюжков» или «выпрямилоч». Территорию их распространения можно очертить степной и лесостепной зонами от Днепра до Байкала. На сегодняшний день можно выделить следующие «очаги» их распространения: Ближний Восток, Нижнее Поднепровье (Днепровское Надпорожье), Подонье, Южный Урал и Зауралье. Находки челноков чаще всего единичны. Наличие во многих культурах степи и лесостепи Евразии подобных изделий свидетельствует о единой культурной или специфической хозяйственной традиции, пока еще достаточно не изученной.

С группой этих изделий связан целый ряд научных диспутов. В частности, неизвестным является их использование, распространение, часто не совсем ясна их культурная принадлежность. Этой проблематике посвящены работы А. П. Окладникова (1966), Д. Я. Телегина (1980; Телегин, 1968), В. Н. Даниленко (1969). Названные дискуссии не затихают и в настоящее время. Хотя некоторые челноки были найдены еще в начале XX века, основное количество этих предметов было найдено во время работы Днепростроевской экспедиции (1929—1933 гг.) в районе Днепровских порогов (Запорожская и Днепропетровская обл.). К сожалению, после строительства ДнепроГЭСа, большая часть данной территории была затоплена, а поэтому последующие находки происходили из незначительных по размерам незатопленных районов Днепровского Надпорожья или из иных областей. Несмотря на то, что подавляющая часть материалов Днепростроевской экспедиции не была опубликована (а во время войны значительная часть этих материалов была утрачена), новые данные по неолиту Надпорожья привели к росту информации по проблемам неолита, в том числе, и по проблеме челноков. В частности, в своей неопубликованной монографии «Неолит Днепровского Надпорожья» А. В. Добровольский рассматривал проблему использования челноков, сравнивая их с аналогичными предметами из Южного Урала и Древнего Востока. Впоследствии Д. Я. Телегин (1980; Телегин, 1968) и В. Н. Даниленко (1969) в работах по неолиту Украины рассматривали челноки в контексте находок Евразии. Д. Я. Телегин предложил классификацию челноков, разделив их на псевдочелноки, овальные и фигурные челноки (1980. С 20). Также было рассмотрено распространение челноков с Ближнего Востока и Малой Азии на более северные территории. Вышли работы, в которых дискутируется применение челноков (Гавриленко, 1994; Wechler, 1997; Панченко, 1999). Также рассматривается классификация этих изделий (Гавриленко, 2000).

По нашему мнению, проблема распространения челноков тесно связана с проблемой их применения. Раскрытию проблемы мешает рассмотрение челноков как единой группы изделий, без учета географических и временных различий. Сопоставление возраста и форм челноков и подобных им изделий, происходящих из разных регионов, выделение общих черт и региональной специфики позволит лучше рассмотреть проблематику этих предметов.

Как можно заметить (табл. 1), исследования ^{14}C проведены только на нескольких памятниках, что не может быть абсолютным показателем для общих тенденций в различных регионах. Поэтому далее будут использоваться приблизительные датировки памятников, где были найдены челноки, полученные типологическим методом.

Наиболее ранние подобные изделия найдены на Ближнем Востоке (Баста, Джармо, Карим Шахир, Шанидар) (Wechler, 1997). Упомянутые изделия датируются XI—VII тыс. до н. э. В то же время, возникает вопрос, подходят ли названные предметы под общее определение «челноки». Они представляют собой достаточно грубо сделанные каменные плитки. Единственной сближающей их с челноками чертой является наличие поперечного желоба посреди верхней части (рис. 1, 1, 2). Аналоги им встречаются в неолите Украины. По классификации Д. Я. Телегина подобные предметы являются «псевдочелноками» (1980. С. 20). Также как их

характерную черту следует отметить отсутствие орнамента. В литературе они фигурируют как «полировальники древков стрел». Грубые формы, отсутствие орнамента и материал (твердые породы) делают гипотезу подобного применения достаточно возможной.

Таблица 1¹.

Возраст поселений, где были найдены челноки, определенный по данным ¹⁴C

Памятник	Лабораторный индекс	¹⁴ C дата ВР	Календарные интервалы, Cal BC	Ссылки
Кебара В	?	11150 ± 400	10660—11520	Breunig, 1987. С. 74.
Зави-Чемп-Шанидар	W-681	10800 ± 300	10400—11080	Breunig, 1987. С. 50.
Шанидар В	W-667	10600 ± 300	10030—10890	Breunig, 1987. С. 50.
Суберде	I-1867	8520 ± 140	7379—7700	Breunig, 1987. С. 58.
Суберде	P-1391	8249 ± 91	7090—7360	Breunig, 1987. С. 58.
Суберде	P-1388	8176 ± 79	7940—7250	Breunig, 1987. С. 58.
Суберде	P-1387	8276 ± 300	6790—7520	Breunig, 1987. С. 58.
Суберде	P-1386	7995 ± 76	6730—6980	Breunig, 1987. С. 58.
Суберде	P-1385	7907 ± 88	6580—6890	Breunig, 1987. С. 58.
Суберде	P-1389	7584 ± 85	6290—6460	Breunig, 1987. С. 58.
Джармо			8 тыс.	Breunig, 1987. С. 52.
Имирис-Гора	ТВ-19	6490 ± 120	5290—5490	Chataigner, 1989. С. 93.
Имирис-Гора	ТВ-27	6300 ± 120	5120—5400	Chataigner, 1989. С. 93.
Игрень 8	Vln-1798	8550 ± 80	7470—7610	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Ki-956	9290 ± 110	8120—8390	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Vln-1797/II	8940 ± 65	7940—8020	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Ki-368	8860 ± 470	7270—8390	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Ki-950	8650 ± 100	7530—7790	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Vln-1797/I	8575 ± 70	7500—7630	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Ki-805	8080 ± 210	6700—7270	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Ki-850	7300 ± 130	5980—6220	Телегин, 1989. С. 115.
Игрень 8	Ki-806	6930 ± 130	5640—5880	Телегин, 1989. С. 115.
Ракушечный Яр/6	Vln-704	6070 ± 100	4810—5090	Крижевская, 1992. С. 119.
Ракушечный Яр/5	Ki-955	5890 ± 105	4620—4890	Телегин, Соботович, Ковалюх, 1981. С. 79—80.
Джебел 4 ²	Ле-1	6030 ± 240	4690—5220	Redlich, 1982. С. 20.
Липовая Курья	Ле-633	3590 ± 90	1760—2010	Крижевская, 1968. С. 125.

На Украине челноки появляются в мезолите. Как раз с этих пор появляются челноки вытянуто-овальной формы (Каменная Могила, ДВС, Игрень V), в том числе и со сложным орнаментом (ДВС, Студенок). В неолите Украины челноки связываются с сурско-днепровской культурой и культурами днепро-донецкой этнокультурной общности (Даниленко, 1969. С. 186). Единичный челнок был найден на поселении буго-днестровской культуры (Ново-Розановка) (Товкайло, 1998. С. 8). Приведенные датировки разных слоев поселения Игрень не отражают весь хронологический спектр бытования челноков. В целом на Украине челноки были распространены в VIII—IV тыс. до н. э. Основной регион их распространения — бассейн Днепровских порогов (современные Запорожская и Днепропетровская обл.). Сравнительно широкая культурная принадлежность челноков не позволяет точно указать на их происхождение. Можно привести только некоторые факты. В связи с почти полным отсутствием челноков в материалах буго-днестровской культуры и в неолите Балкан, их распространение происходило не через Балканский полуостров — основной путь неолитизации территории Украины, а через иные

¹ Таблица взята из статьи К.-П. Вехлера (Wechler, 1997).

² По имеющимся архивным данным лаборатории ИИМК РАН, дата пещеры Джебел может быть связана с третьим культурным слоем (см. Тимофеев, 1996. С. 332) [Прим. ред.].

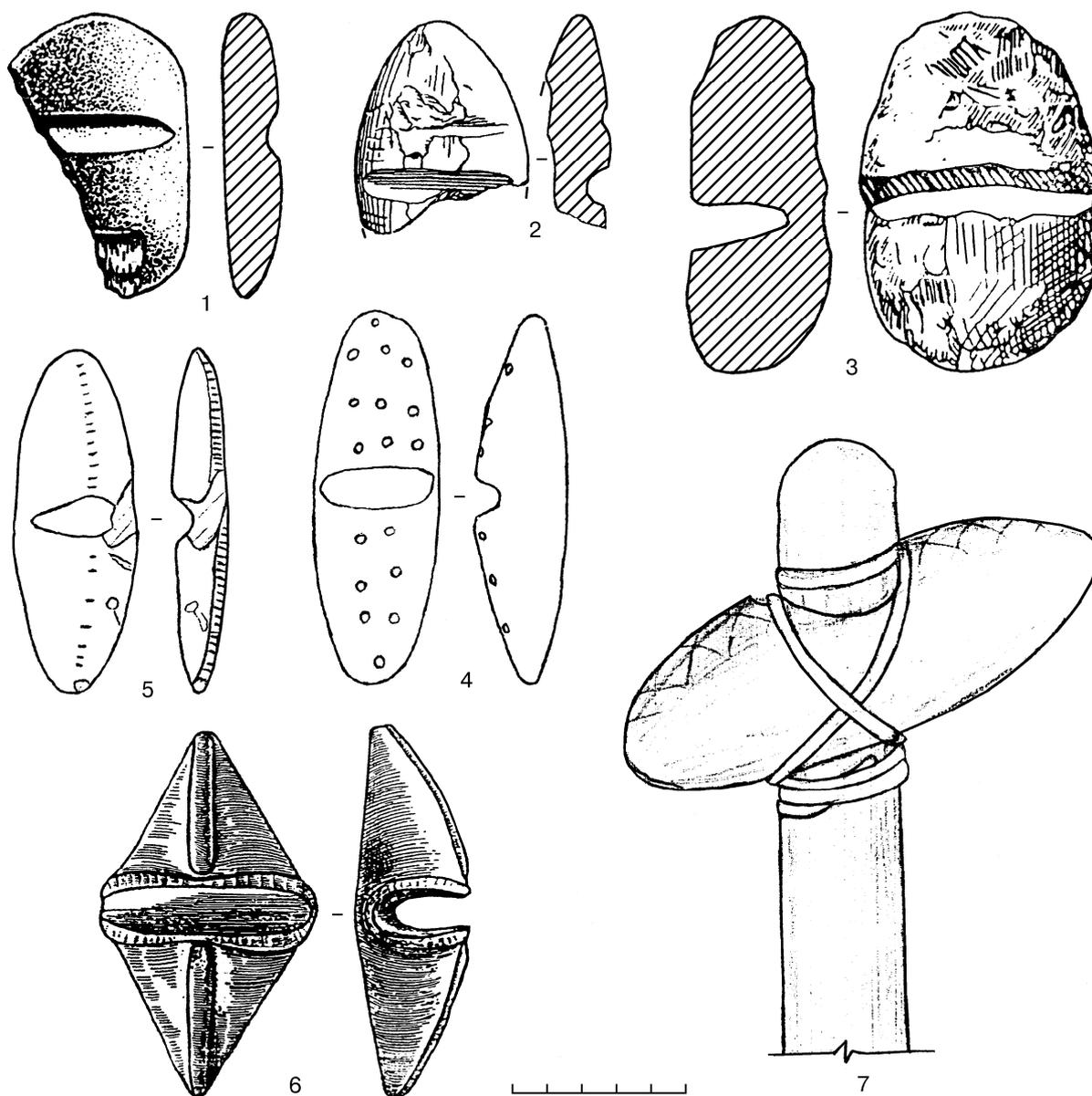

Рис. 1. Челноки: 1 — Джармо; 2 — Карим Шахир; 3 — Имирис-Гора;
4, 5 — Днепропетровская обл.; 6 — Чебаркуль II; 7 — авторская реконструкция.

территории. По нашему мнению, его можно связывать с генезисом сурско-днепровской культуры, которая имеет яркие ближневосточные черты, однако её происхождение еще остается белым пятном в изучении неолита Восточной Европы.

Для определения пути распространения челноков с Ближнего Востока на территорию Украины бесполезным будет привлечение датированных поселений Имирис-Гора (Закавказье) и Ракушечный Яр (Подонье). Челноки этих регионов по численности, сложности орнамента и формы уступают нижнеднепровским (рис. 1, 3). В тоже время, не исключена возможность распространения традиции изготовления челноков через Кавказ и Приазовье на Северное Причерноморье. В этом случае становится понятной западная граница распространения челноков по Днепру и их относительно раннее появление. К сожалению, недостаточная исследованность древних миграций не позволяет нам сделать окончательные выводы.

Большинство челноков изготовлено из так называемого стеатита (или талькового сланца) — мягкого камня светло-серого или серебристо-белого цвета, что легко поддается обработке. Другие материалы — песчаник, гранит. Попытка каталогизировать эти изделия, предпринятая автором (Телегин, Панченко, 2001) позволила сделать следующие выводы. Значительный про-

цент овалных челноков орнаментирован. Преобладающий орнамент — ряды коротких насечек. Реже нижняя сторона орнаментирована длинными продольными нарезками. Некоторые орнаментированы лентами из косых крестов, вышлифованными округлыми углублениями или орнаментом из косых сеток. Реже встречается орнамент в виде «зигзагов» и «лестницы» (рис. 1, 4, 5). Интересны фигурные челноки, которые представлены изделиями с продольным валиком на спинке и челноками подтреугольных очертаний. Необходимо указать на просверленные отверстия в некоторых челноках. Таким образом, с украинским неолитом можно связать появление традиции изготовления художественно оформленных челноков, имеющих сложный орнамент. Поэтому, по нашему мнению, проблему использования челноков следует рассматривать отдельно для материалов неолита Европы, отличных от «псевдочелноков» Древнего Востока.

Большинство исследователей предполагают утилитарно-практическое использование челноков: в качестве полировальников для древков стрел, разновесок для копьеметалок, маховичков для лучковых сверл, приспособлений для изготовления веревок. Менее распространена гипотеза, рассматривающая челноки как изделия искусства.

Наиболее широко распространена гипотеза о применении челноков в качестве полировальников для древков стрел. Ее автор, Г. Ф. Коробкова, сделав трасологический анализ 8-ми челноков из стоянки Усть-Нарым (Казахстан), обращает внимание на заполированность желобов всех челноков, что, по ее мнению, указывает на использование подобных изделий в качестве абразивов (Коробкова, 1969). Подобной мысли придерживается и Клаус-Питер Вехлер (Wechler, 1997). Действительно, на всех челноках присутствует один (значительно реже — два) сильно заполированный желоб. Как правило, он имеет приблизительно одинаковую ширину на различных предметах. Существенными недостатками этой гипотезы (по нашему мнению) является плохая пригодность талькового сланца для подобных операций, а также небольшая длина их желобов. Указанные характеристики делают челноки малополезными для подобного использования. Более того, наличие фигурных и сложно-орнаментированных челноков, включение желоба в орнаментационное поле указывает на значительно более сложную их функцию. Что же касается заполированности желобов, то она могла произойти еще во время их изготовления (что подтверждено экспериментально) и не обязательно указывает на использование челноков в качестве полировальников.

Также распространена гипотеза А. П. Окладникова об использовании челноков в качестве разновесок для копьеметалки. Эта гипотеза базируется на сходстве челноков и грузиков атлатлей (копьеметалок) североамериканских индейцев прерий (Окладников, 1966). Наличие грузиков на копьеметалке не влияет на дальность и скорость полета копья, но существенно влияет на его меткость (Ненсесов, 1989). В связи с распространением копьеметалок лишь в степной и лесостепной зонах, эта гипотеза объясняет географические особенности размещения челноков. Действительно, использование копьеметалки наиболее оправдано в степной и лесостепной зонах. Однако работа автора с материалом позволяет утверждать, что значительный процент челноков из-за своих размеров или смещения к одному краю желоба не подходят для подобного использования. Также автором было отмечено, что при подобном использовании заполированной была бы и основа челноков (благодаря трению об деревянный атлатль), но подобной заполированности нами не обнаружено. Вдобавок, нам неизвестны иные находки, которые свидетельствуют об использовании копьеметалок в Европе после палеолита (Розуа, 1996. С. 6).

Гипотеза Д. Я. Телегина об использовании челноков в качестве маховичков для лучковых сверл, также базируется на этнографических параллелях (1980. С. 21), но она не объясняет распространения челноков лишь в степной и лесостепной зонах. На сегодняшний день Д. Я. Телегин отошел от этой гипотезы.

Оригинальной можно назвать гипотезу О. Т. Дубинина об использовании челноков в качестве приспособлений для скручивания веревок (Гавриленко, 1994. С. 39—41). Согласно этой гипотезе, концы пряжи, сложенной вдвое, собираются вместе и закрепляются; противоположный конец, образующий на конце петлю, удерживается желобком. Натянутая пряжа скручивается путем вращения челноков в ту или иную сторону. Эта гипотеза объясняет наличие на отдельных изделиях нескольких желобов и отверстий на концах, но базируется исключительно на фантазии исследователя, не имеет археологических и этнографических подкреплений и не

принимается иными исследователями. В сущности, для подобного использования подходит любой деревянный стержень.

В связи с мягкостью материала и наличием орнамента на челноках представляется более вероятным не хозяйственное, а культовое назначение этих предметов. Представляется весьма вероятным использование челноков в качестве насадок на жезлы, которые желобком крепились к жезлу и прочно фиксировались веревкой (рис. 1, 7).

Как было отмечено выше, значительный процент челноков с территории Украины орнаментирован. Именно с украинским неолитом можно связать появление традиции изготовления художественно оформленных челноков, имеющих сложный орнамент. Поскольку в искусстве неолита была распространена стилизация, то подобные изделия можно считать произведениями искусства. У рыболовческого населения неолита была распространена каменная скульптура с ихтио-антропоморфными чертами. В культурах неолита Украины, в хозяйстве которых рыболовство также играло ведущую роль, подобные находки отсутствуют, но исследователи предполагают их существование (Павленко, Харченко, 1997. С. 113). На сходство челноков с ихтиоморфной скульптурой указывает их вытянуто-овальная форма, валикоподобный выступ, имитирующий рыбий плавник, и углубленный орнамент (косая сетка, косые кресты и зигзаг), который возможно мог обозначать чешую или волны (Панченко, 1999. С. 81).

По нашему мнению, в связи с изменением материала и формы, может изменяться и назначение челноков. Данные изделия, появившись на Ближнем Востоке в качестве полировальных, с течением времени изменяют свое назначение с бытового на культовое. Появление культовой «нагрузки» подтверждает орнамент и сложение «канонической» субовальной формы.

Проблематичным является вопрос о последующем распространении челноков. Анализируя подобные челнокам изделия с территории Евразии, В. Н. Даниленко считал, что распространение челноков происходило с Ближнего Востока на более северные территории, от Казахстана и Южного Урала к бассейну Днепра (Даниленко, 1969. С. 10). В свою очередь В. И. Матющенко указывал на «обратное распространение» челноков — с запада на восток до Алтая (1988. С. 46). Однако, эта концепция ранее не была достаточно аргументирована. Приведенные данные радиоуглеродных анализов свидетельствуют о большем возрасте челноков бассейна Днепра по сравнению с южно-уральскими, что делает названную гипотезу достаточно вероятной.

При столь значительной географической и хронологической разнице следует ожидать некоторого изменения форм, орнамента утюжков по сравнению с челноками. Распространяясь северо-восточнее, челноки частично изменяют свою форму: из вытянуто-овальных становятся подромбовидными (Крижевская, 1968. С. 70), также увеличивается процент «нетипичных» фигурных экземпляров (рис. 1, б). Это может указывать на постепенный отход от «канона» изображения, что, по нашему мнению, может свидетельствовать о кризисе рыболовного культа. На указанной территории находки челноков относятся к слоям неолита — бронзы.

Следовательно, можно рассматривать челноки как изделия, которые, распространяясь с Ближнего Востока на территорию Украины, меняют свое применение с бытового на культовое. Приобретая больше завершённую форму, они становятся выразителем религиозного мировоззрения рыболовческого населения различных неолитических культур. Распространяясь далее на северо-восток, они дают нетипичный пример «обратного распространения» культурных традиций с запада на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавриленко І. М.* До питання про призначення кам'яних човників // Полтавський археологічний збірник. Вип. 2. 1994.
- Гавриленко І. М.* До питання класифікації кам'яних човників // Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. № 4. 2000.
- Даниленко В. Н.* Неолит України. Київ, 1969.
- Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии / МИА. № 158. Л., 1969.
- Крижевская Л. Я.* Неолит Южного Урала. Л., 1968.
- Крижевская Л. Я.* Начало неолита в степях северного Причерноморья. СПб, 1992.

- Матющенко В. И.* Западная Сибирь и Саяно-Алтайское нагорье в эпоху неолита и бронзы // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. Новосибирск, 1988.
- Ненесов Я. Н.* Атлатль — традиционное оружие индейцев Юго-Запада США и Северной Мексики // СА. № 4. 1989.
- Окладников А. П.* К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III—II тысячелетии до н. э.: «Утюжки» и «човники» — атлатль? // СЭ. № 1. 1966.
- Павленко Ю. В., Харченко О. М.* Релігійно-міфологічний світ та образотворче мистецтво неолітичної доби // Наукові записки. Т. 2 (Культура). Київ, 1997.
- Панченко Ю. В.* Орнаментовані та фігурні «човники» у зібранні НМІУ // Національний музей історії України: його фундатори та колекції. Київ, 1999.
- Розуа Ж.-Ж.* Копье-металка и лук доисторических охотников. Техника и сравнительная демография // РА. № 2. 1996.
- Телегин Д. Я.* О так называемых «челноках» или «утюжках» и их распространение в Европе и Азии // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980.
- Телегин Д. Я.* Мезолит юго-запада СССР // Мезолит СССР. М., 1989.
- Телегин Д. Я., Соболевич Е. В., Ковалюх Н. Н.* Об абсолютном возрасте памятников археологии Украины и некоторых смежных территорий по данным радиоуглеродных анализов // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981.
- Телегин Д. Я.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968.
- Телегин Д. Я., Панченко Ю. В.* Човники дніпро-донецького межріччя // Vita Antiqua. № 3/4. Київ, 2001.
- Тимофеев В. И.* Проблемы абсолютной хронологии // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Товкайло М. Т.* Неоліт степового Побужжя / Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 1998.
- Breunig P.* ¹⁴C-Chronologie des vorderasiatischen, sudost- und mitteleuropäischen Neolithikums. Fundamenta A13. Köln, 1987.
- Chataigner Ch.* Neolithisation du Caucase // Neolithisations. B.A.R.. Intern. Ser. 516. Oxford, 1989.
- Redlich A.* Studien zum Neolithikum Mittelasiens // Antiquitas. No. 3/25. 1982.
- Wechler K.-P.* Poliroval'niki und das Neolithikum der Steppe und Waldsteppe Osteuropas // Bertrage zur prähistorischen archeologie zwischen Nord und Sudosteuroopa. Espelkamp, 1997.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СЕВЕРНЫХ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ ЕВРАЗИИ И МАТЕРИАЛЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. В. Лобанова (Петрозаводск)

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ С ЯМОЧНО-ГРЕБЕНЧАТОЙ КЕРАМИКОЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

Целью настоящей работы является освещение современного состояния вопросов хронологии и периодизации карельской культуры ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита.

Памятники этой культуры на территории Карелии относятся к числу наиболее полно изученных в лесной зоне Европейской России, благодаря длительной и серьезной работе нескольких поколений археологов. Их исследование началось с конца 20-х годов и связано с известными именами А. Я. Брюсова, Б. Ф. Землякова, Н. Н. Гуриной, Г. А. Панкрушева, Ю. А. Савватеева. Последние 15 лет раскопки активно велись И. Ф. Витенковой и автором. Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой очень многочисленны и количество их превышает семьсот (Поселения древней Карелии, 1988. С. 50, 69). Более всего данных получено для бассейна Онежского озера, где проводились многолетние комплексные работы с привлечением специалистов в области палеогеографии, геологии и геоморфологии. Приладожье, северо-западная Карелия и районы вдоль границы с Финляндией по-прежнему остаются слабо обследованными археологами.

Древние тектонические процессы и сводовые поднятия, особенно повлиявшие на формирование крупных водоемов, обусловили размещение поселений. На северном побережье Онежского озера, в Заонежье они удалены от современного берега и занимают намывные песчаные террасы высотой от 6 до 13 м над ним. Эти памятники относятся к числу наиболее сохранившихся. Именно в этом районе необходимо было бы сосредоточить сейчас археологические исследования, поскольку тут имеются наиболее благоприятные возможности для уточнения вопросов хронологии и периодизации. Здесь впервые была выявлена хронологическая закономерность в высотном расположении поселений (Земляков, 1935. С. 11—22; Гурина, 1951. С. 77—142), которых всего насчитывается около 50 — в районе пос. Пиндуши, Повенец и полуострова Оровский, или Оровнаволок (Лобанова, 1986. С. 50—66). Наиболее интересны Войнаволок V, IX, Пиндуши I—III, III-a, Оровнаволок IV, VII, VII-a.

Последние 10 лет раскопки поселений с ямочно-гребенчатой керамикой проводились в юго-восточной Карелии на рр. Водла и Черная и на северо-восточном берегу Онежского озера — на полуострове Оровнаволок (Лобанова, 1992; 1995; 1999). Получены новые интересные археологические материалы и данные, которые позволяют уточнить датировку и особенности финального этапа культуры ямочно-гребенчатой керамики в Карелии. Задачи выяснения хронологии и периодизации в комплексе исследовательских проблем по-прежнему наиболее сложны и актуальны. Существует целый ряд препятствий для определения четких временных рамок культуры ямочно-гребенчатой керамики в Карелии: неравномерность изученности территории и самих памятников, малое число стратифицированных памятников или поселений с чистыми комплексами, все еще небольшое число радиоуглеродных определений, недостаточная разработанность естественно-научных и археологических методов.

В 1991 г. сектором археологии ИЯЛИ КНЦ РАН был подготовлен и издан специальный сборник статей, посвященный данной тематике «Хронология и периодизация археологических памятников Карелии». В книге помещен список дат по ^{14}C . Для неолитических комплексов с ямочно-гребенчатой керамикой их число на тот момент составляло 24 (получены из 11 памятников). Сейчас их стало на шесть больше, всего 30 дат из 14 памятников. Это Оровнаволок VII — 5260 ± 70 BP (ТА-2266); Кладовец IX — 5310 ± 80 BP (ТА-2288); Оровнаволок XVI — 4870 ± 50 BP, 4840 ± 50 BP, 4970 ± 50 BP, 5080 ± 120 BP (Beta-117962, 117963, 117964, 117958) (рис. 1).

В целом хронологические рамки неолита с ямочно-гребенчатой керамикой не изменились. Согласно археологическим, радиоуглеродным и спорово-пыльцевым датировкам, это вторая половина атлантического времени — рубеж атлантикума — суббореала (конец V — первая — вторая четверть III тыс. до н. э.). Палеогеографические данные, полученные для этого времени в Карелии, фиксируют неоднократное чередование теплых периодов времени и регрессии водоемов с более прохладными и влажными (Девятова, 1988. С. 7—18). Вторая половина атлантического времени была очень благоприятной по природно-климатическим условиям.

Можно наметить два этапа в развитии культуры — ранний с двумя фазами (конец V — последняя четверть IV тыс. до н. э.) и поздний (конец IV — начало или, возможно, первая половина III тыс. до н. э.). В основе такого разделения лежат изменения в культуре, главным образом в керамике, а также в характере каменного инвентаря. Ранее нами выделялись три этапа — ранний, развитой и поздний (Лобанова, 1991. С. 85—103; 1996). Однако различия в культуре раннего и развитого этапов не столь существенны и заметны, как между ними и поздним (или финальным). С учетом этого лучше различать в раннем этапе культуры ямочно-гребенчатой керамики две фазы ее развития.

Фаза I раннего этапа представлена пока памятниками южной Карелии. Ближайшие аналогии им находятся в Белозерье (Вологодская обл., памятники типа Васькин Бор I—II) (Козырева, 1973. С. 75—82; Ошибкина, 1978). Среди более или менее хорошо изученных насчитывается примерно 10 памятников с относительно чистыми комплексами, в том числе — Черная Речка I, II, II-а, III, могильник Кладовец и др. в том же районе. Для трех памятников получены даты по ^{14}C , которые укладываются в целом примерно в 600—700 лет.

Стоянки находятся на высоте от 1 до 1,5 м над современным урезом воды, что свидетельствует о регрессивной стадии Онежского озера. Культурный слой некоторых из них (Бесов Нос III-а, Черная Речка VII) залегает под дюнными отложениями толщиной до 5—6 м раннесуббореального времени. Население, видимо, не строило жилищ-полуземлянок, предпочитая легкие наземные постройки типа чумов. К сожалению, достоверных данных о них не получено. Керамика первой фазы раннего этапа, на наш взгляд, очень интересна. Мы можем дать довольно полную характеристику ее технико-типологических признаков, поскольку изучено и реконструировано большое число сосудов — около 200. Наиболее типичные признаки керамики следующие: тонкостенность (по сравнению со сперрингс и посудой позднего этапа), умеренная примесь песка или, реже, дресвы в тесте сосудов, полуяйцевидная форма с округлым или округло-коническим дном. Сосуды в большинстве украшены правильными и аккуратными горизонтально-зональными узорами из ямок и оттисков торца какого-то инструмента (рис. 2, 1, 5). Прежде предполагалось, что это оттиски торца палочки. Однако, учитывая четкость отпечатков и их повторяемость на разных памятниках, можно допустить, что оттиски выполнены какими-то косточками. Наряду с упомянутым широко распространены орнаменты из одних ямок, в меньшей степени встречаются узоры из ямок и оттисков гребенчатого штампа или из ямок и гладких прочерченных линий (рис. 2, 2, 3). В ранней керамике везде преобладает ямочный элемент. Иногда ямки образуют простейшие геометрические мотивы — розетки, фестоны и др., которые исследователи считают одним из ярких признаков ранней каргопольской керамики.

В этой посуде совершенно отсутствуют какие-либо элементы орнамента, характерные для сперрингс. Отлична и технология изготовления сосудов.

Каменный инвентарь содержит типы орудий, восходящих к эпохе позднего мезолита — кремневые изделия из ножевидных пластин, сланцевые топоры и тесла с овальным или округлым поперечным сечением и др. (рис. 3). Изделия из ножевидных пластин в числе всех орудий

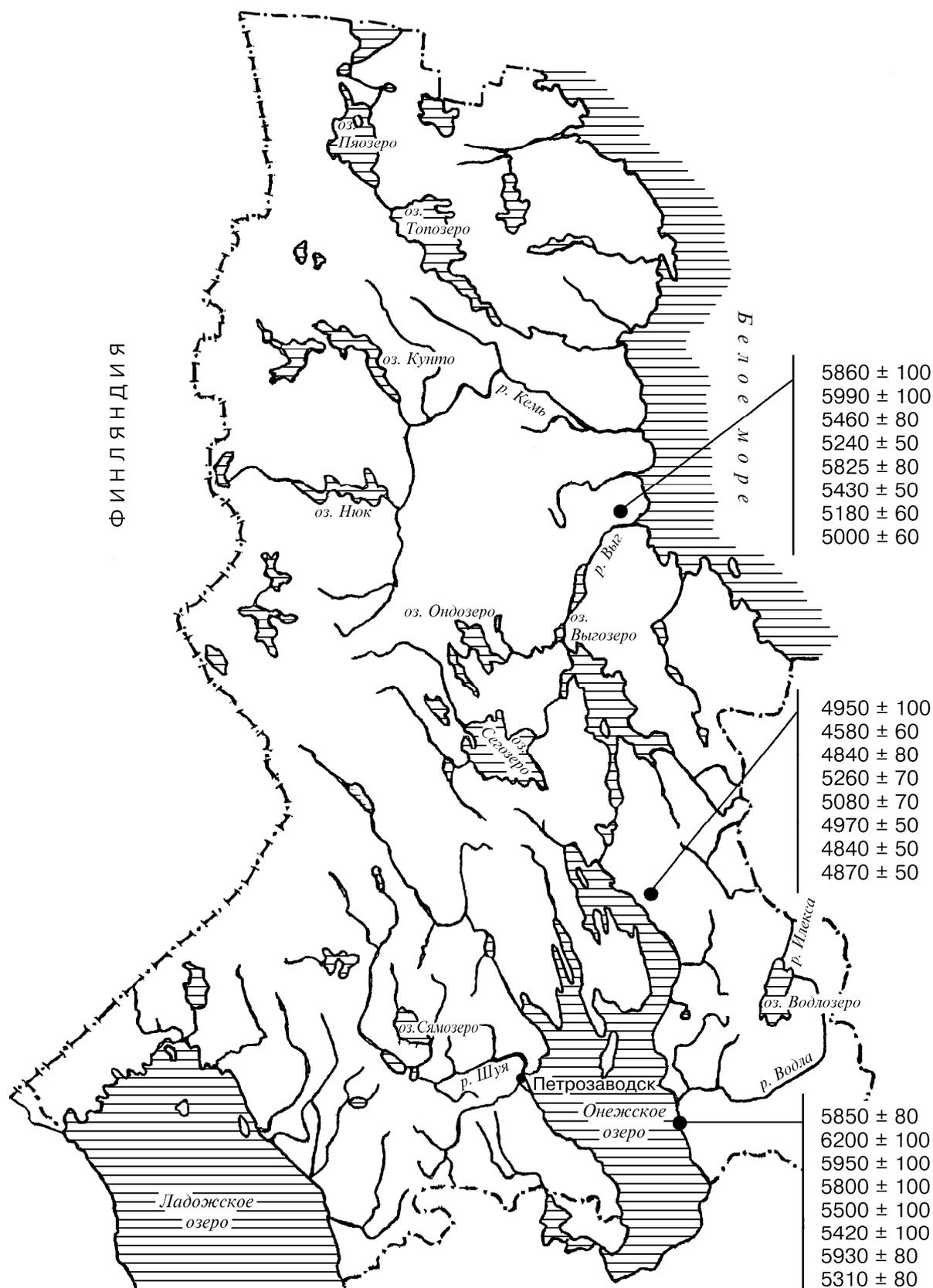

Рис. 1. Карта Карелии.

из кремня на хорошо раскопанных поселениях составляют в среднем 20—25 %. Ранняя ямочно-гребенчатая керамика имеется и на многих других поселениях юго-восточной Карелии, раскопанных не столь полно, как упомянутые выше.

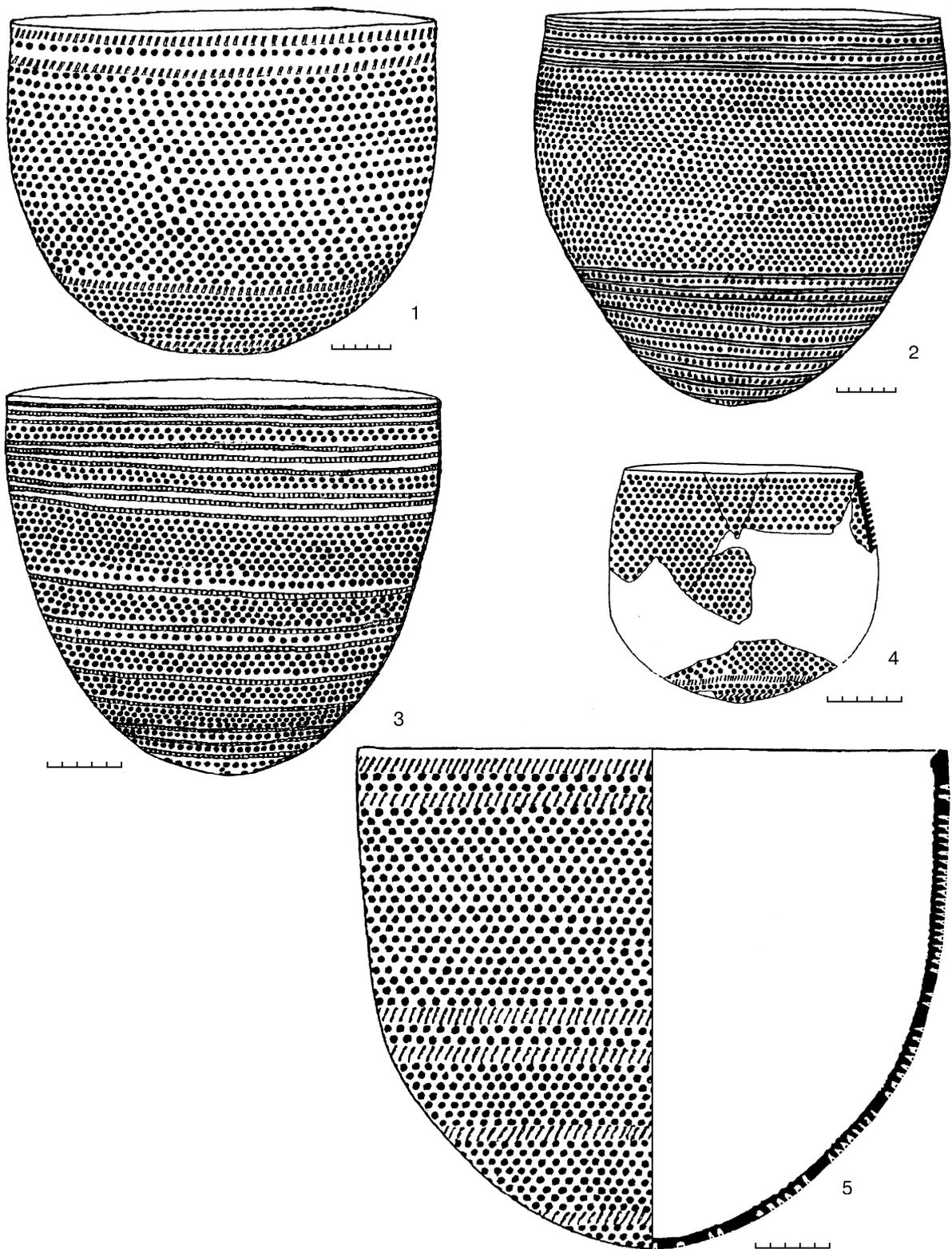

Рис. 2. Раннеолитические сосуды (фаза 1):
 1, 3 — Черная Речка II; 2 — Черная Речка I; 4 — Черная Речка II-а; 5 — Подпорожное I.

Для ранних памятников юго-восточной Карелии получено семь радиоуглеродных датировок, четыре из них — с поселения Черная Речка I. Один образец угля залегал в хозяйственной яме довольно глубоко под поставленным вверх дном сосудом. Две даты происходят со стоянки Черная Речка II-а и еще одна — из кострища могильной линзы на Кладовце.

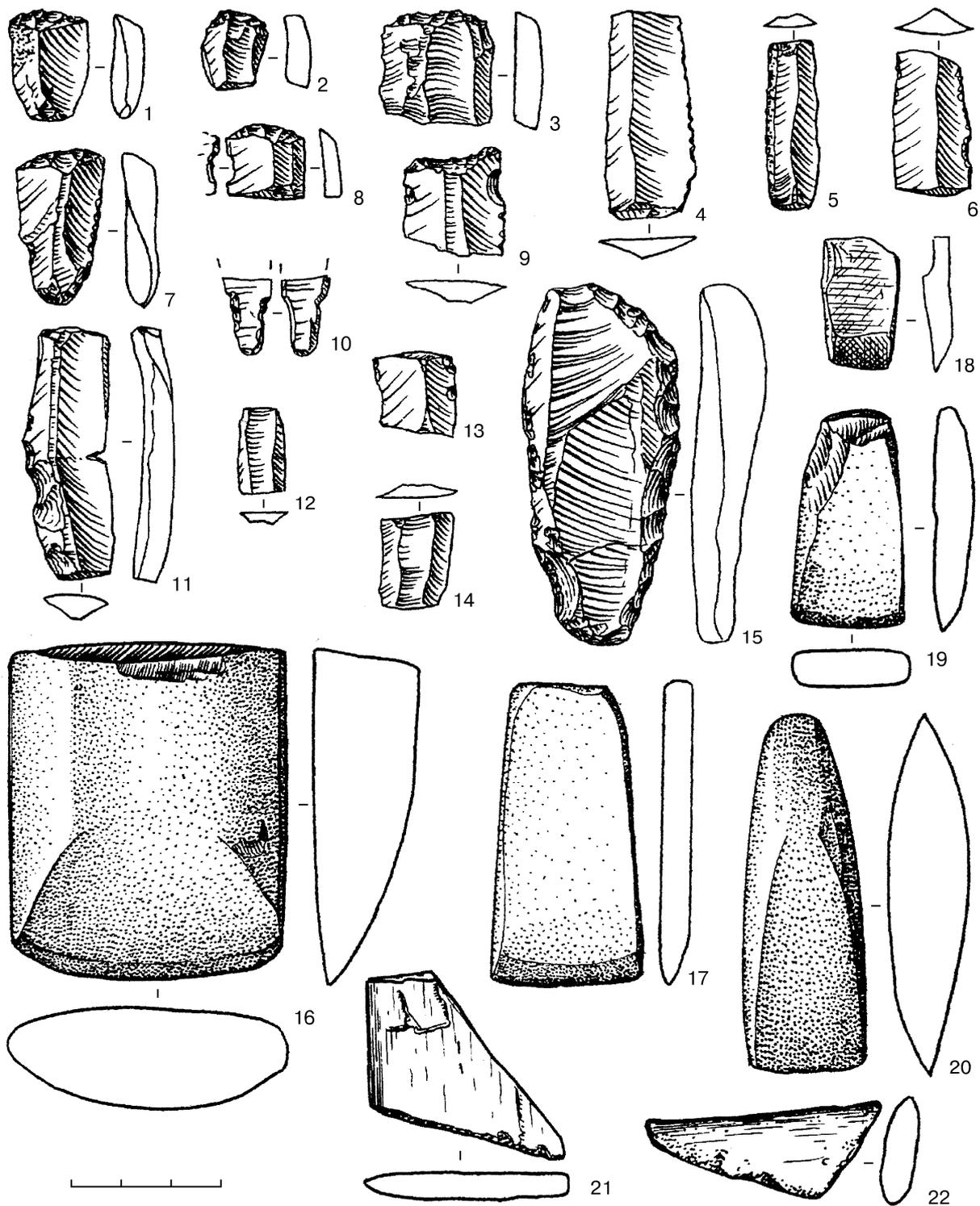

Рис. 3. Черная Речка II. Каменный инвентарь раннего этапа неолита (фаза 1):
1—15 — кремь; 16—22 — сланец.

В 1997 г. в сборнике «Археология Севера» помещена любопытная статья В. В. Сидорова «Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья» (1997. С. 96—109). В ней делается попытка доказать значительно более поздний возраст керамики типа Черной Речки I, при этом автор допускает ряд существенных неточностей или даже ошибок. Думается, что многие недоразумения и непонимание происходят от того, что археологи, не работающие на Севере, довольно слабо знакомы с карельскими материалами, а имеющиеся книги и статьи дают

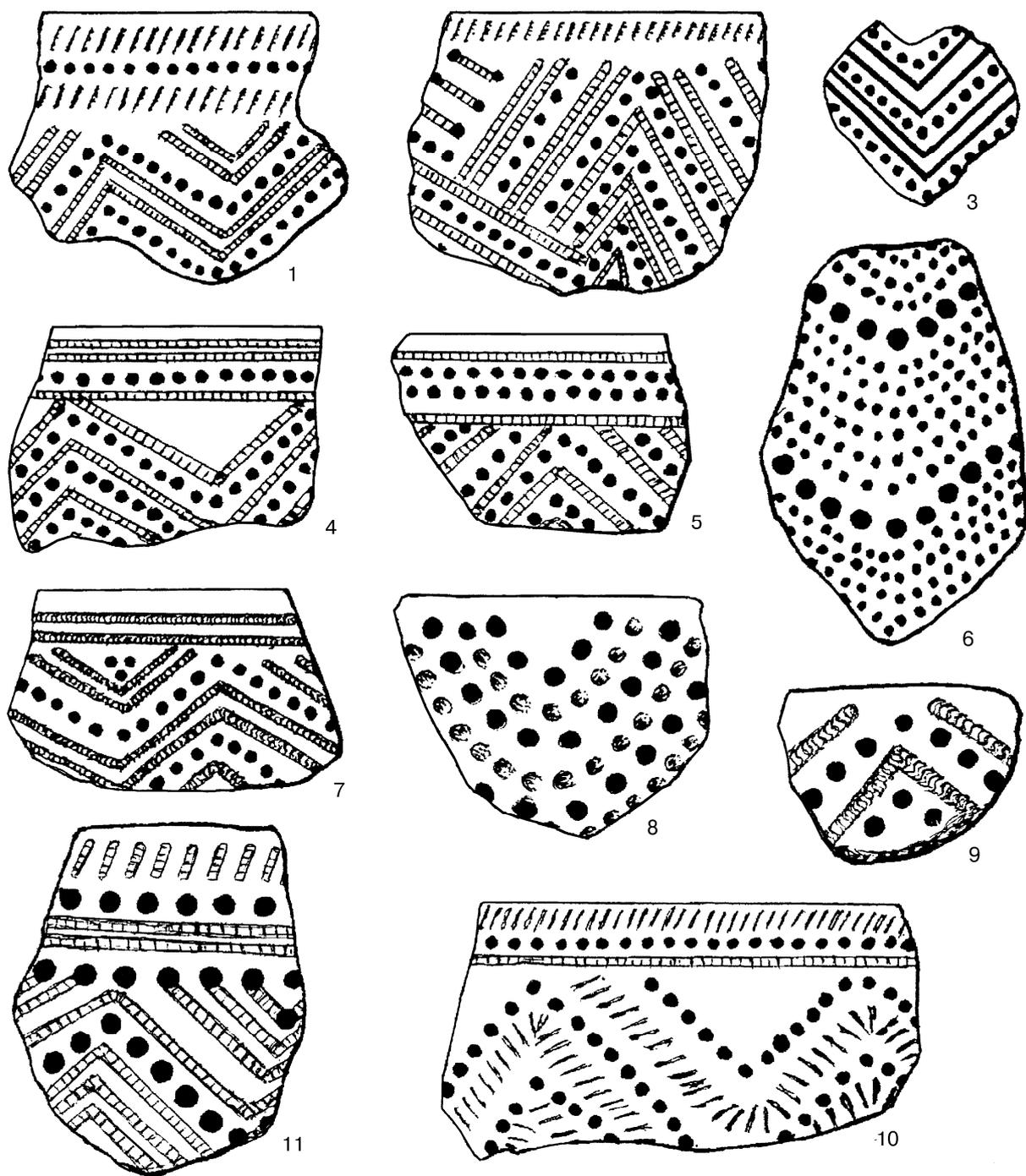

Рис. 4. Керамика раннего неолита (фаза 2): 1 — Пегрема V, Святилище; 2 — Пегрема V; 3 — Черная Речка II; 4 — Вигайнаволок I; 5 — Золотец I; 6 — русло р. Выг, Лахта III; 7 — Кудома XI; 8 — Курмойла I; 9 — Кудома X; 10 — Бесовы следки I; 11 — Ерпин Пудас I.

исследователям не слишком много данных для понимания ряда серьезных проблем. Возможно, одной из причин является то, что до сих пор подавляющее большинство материалов по неолиту с ямочно-гребенчатой керамикой Карелии не опубликовано. Наверное, появление такого рода работы сняло бы многие противоречия, возникающие между исследователями из центральной и северной России.

По мнению В. В. Сидорова, недоказуема связь приведенных выше дат с конкретными комплексами. На поселении Черная Речка I (да и на многих других на правом берегу р. Черной) присутствуют небольшие комплексы с асбестовой керамикой позднеэнеолитического времени,

относящиеся к суббореальному времени — даты 3240 ± 100 ВР (Черная Речка I), 3430 ± 80 ВР (Черная Речка II), 3930 ± 80 ВР (ТА-1787, Черная Речка XII). Они чаще всего четко выделяются планиграфически по глубине залегания. Кроме того, в верхнем уровне культурного слоя поселения Черная Речка II-а найдено небольшое количество поздненеолитической керамики с очень толстыми стенками и редким узором из ямок, с которой полученные даты никак не связываются.

Таким образом, на чернореченских памятниках, по археологическим материалам и датам, выделяются пока только два разновременных комплекса — раннего неолита и позднего энеолита, промежуток между которыми составляет не менее 1000 лет. Отметим еще то, что уголь отбирался очень тщательно, например, один из образцов с Черной Речки I находился в глубокой хозяйственной яме внутри поставленного вверх дном большого сосуда.

В. В. Сидоров замечает также, что керамика Черной Речки I ближе всего по своему облику позднеьяловским комплексам, датируемым рубежом IV—III тыс. до н. э. (1997. С. 103—105). По каким же признакам? Да потому, что она тонкостенна и с расчесами на внутренней поверхности. Однако, мы просто по-разному понимаем тонкостенность. Эта керамика не такая тонкостенная, как позднеьяловская, в среднем — 0,8 см. Никаких расчесов внутри сосудов не наблюдается, это характерно для поздненеолитической посуды Карелии. Белемнитная ямка (которую В. В. Сидоров везде видит) нигде не зафиксирована — ни в ранней керамике, ни в поздней. Исследователь также пишет, что в ранней карельской керамике часто используется штамп из перевитого шнура. И это не так. Ничего подобного не встретилось на стоянке Черная Речка I, где выделено только по реконструированным сосудам и хорошо сохранившимся обломкам венчиков 700 сосудов. В ранней керамике нами фиксируются в качестве элементов декора только ямки, торцовые оттиски, в меньшей степени, гребенчатые и прочерченные, т. е. лишь четыре элемента.

Похоже, процессы развития керамики (и культуры в целом) происходили по-разному в различных районах лесной зоны, и наша задача как можно лучше разобраться с этими процессами на изучаемой нами территории.

Вторая фаза раннего этапа неолита ямочно-гребенчатой керамики начинается примерно с середины IV тыс. до н. э. Памятники этого времени чрезвычайно многочисленны и встречаются практически повсеместно. К сожалению, в их числе немного хорошо раскопанных и твердо датированных. Население жило почти в такой же природно-климатической среде, лишь для конца второй фазы (последняя четверть IV тыс. до н. э.) отмечено некоторое увлажнение климата и трансгрессия водоемов. Не случайно, видимо, в это время появляются полуземляночные жилища (Вигайнаволок I, Пегрема V).

Керамические комплексы второй фазы представлены наиболее ярко на памятниках в низовье р. Выг и северо-восточном побережье Онежского озера. Наиболее любопытны материалы местонахождения в русле р. Выг, под скалой с петроглифами Бесовы Следки. Помимо всего прочего, они дают нам и какой-то ключ к датировке самих наскальных рисунков. Вещи, найденные в траншее на глубине 1 м и более, были сброшены или смыты со скалы и лежали в слое ила непо потревоженными (Савватеев, 1977. С. 40—47). Подавляющее их число — это ямочно-гребенчатая керамика. Она не имеет следов окатанности, на сосудах сохранился пищевой нагар. Совершенно такая же посуда представлена в святилище — естественном углублении в скале, примыкавшем к петроглифам Бесовы Следки с противоположной стороны, а также на всех расположенных по соседству памятниках — Бесовы Следки I, II, III, Остров Шойрукшин, Ерпин Пудас I (Савватеев, 1977. С. 23—38, 49—78).

По образцам древесины из русла р. Выг получены четыре радиоуглеродные даты, три из которых укладываются во вторую половину — конец IV тыс. до н. э. — 5430 ± 50 ВР (ГИН-129), 5180 ± 60 ВР (ТА-522), 5000 ± 60 ВР (ТА-431). Последнее определение можно увязывать с эпохой позднего энеолита. В русле р. Выг найдено некоторое количество обломков сосудов с примесью асбеста и сопутствующего им каменного инвентаря.

Для Ерпин Пудаса I также имеется несколько дат по ^{14}C : 6510 ± 120 ВР, 5990 ± 100 ВР, 5860 ± 100 ВР, 5825 ± 80 ВР, 5460 ± 80 ВР, 5240 ± 50 ВР (ТА-344, 799, 472, 413, 800, 795). В эпоху неолита здесь существовало большое долговременное поселение. Основную массу керамики составляет ямочно-гребенчатая второй фазы развития — выделено более 100 отдельных сосудов. Полученные неолитические датировки показывают возраст от середины V тыс. до н. э.

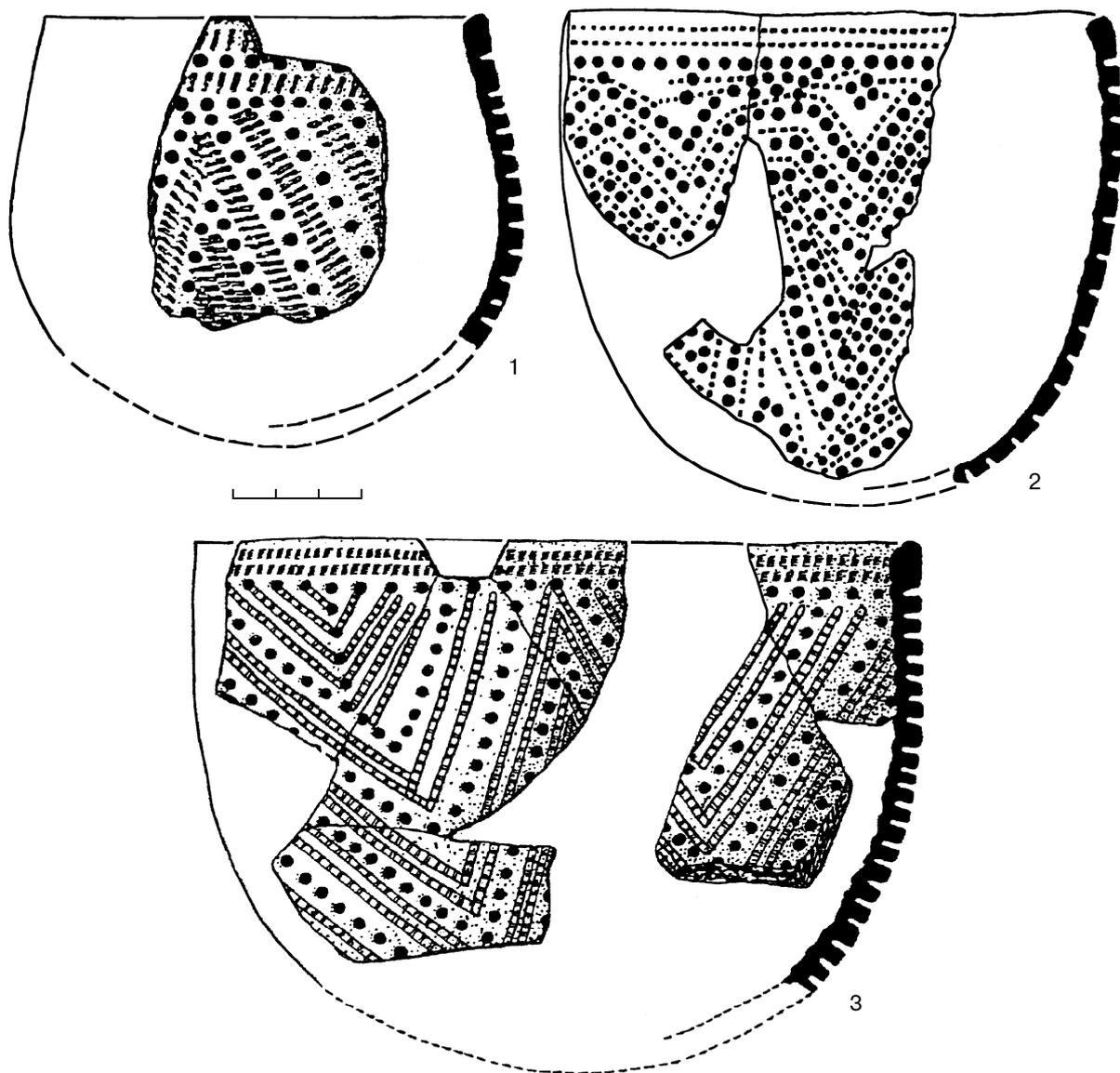

Рис. 5. Реконструированные сосуды с многорядным линейным зигзагом:
1 — Ерпин Пудас I; 2 — Оровнаволок VII; 3 — Оровнаволок IV.

до начала последней четверти IV тыс. до н. э. Самая ранняя дата не связана с культурным слоем и фиксирует, по всей вероятности, след лесного пожара. Три других определения (первая четверть IV тыс. до н. э.), на наш взгляд, относятся к керамике сперрингс. Такие же даты имеются для стоянки с относительно чистым комплексом сперрингс Оровнаволок V, которая раскапывалась нами в 1989—90 гг. (Лобанова, 1990). Остальные два определения, безусловно, соотносятся с интересующей нас посудой, которая датируется третьей — началом четвертой четверти IV тыс. до н. э.

Хорошо согласуются даты памятников низовья р. Выг с материалами и датировками и ряда других памятников с ямочно-гребенчатой керамикой второй фазы развития раннего этапа неолита. На северном побережье Онежского озера и в Заонежье известно огромное число поселений с аналогичной керамикой — свыше 30, широко распространены они в бассейне оз. Сямозеро, представлены и в юго-восточной Карелии — в бассейне Водлозера.

С точки зрения вопросов хронологии и периодизации интересны такие памятники, как Оровнаволок VII, IV, Пегрема V, Палайгуба VII, Кладовец IX, Усть-Водла III. Все они содержат сходную керамику и каменный инвентарь, к сожалению, как правило, крайне малочисленный. Радиоуглеродные даты есть только для Оровнаволока VII и Кладовца IX — 5260 ± 70 BP (ТА-2267) и 5310 ± 80 BP (ТА-2288) (Лобанова, 1996. С. 81—104).

Таким образом, всего для второй фазы раннего этапа неолита с ямочно-гребенчатой керамикой в Карелии получено восемь дат из памятников южной и северо-восточной Карелии. Исходя из них, вторую фазу мы относим к третьей — четвертой четверти IV тыс. до н. э. На большинстве стоянок керамика этого времени имеет следы окатанности, особенно на Кладовце IX и Усть-Водле III — свидетельство повышения уровня воды в Онежском озере, возможно, на незначительный период времени.

Сосуды сохраняют прежние формы и толщину стенок, однако в тесто нередко вводится какая-то органическая примесь. Для их украшения уже используются 8 декоративных элементов: к уже рассмотренным выше добавились оттиски веревочки, отступающие и прочерченные штампы, а также в редких случаях отпечатки рыбьих позвонков, характерные для керамики сперрингс. В юго-восточной части Карелии, а изредка и в других районах в комплексах с такой ямочно-гребенчатой керамикой присутствуют оригинальные каргопольские сосуды — почти неорнаментированные, с проколами под венчиками и насечками по краям их торцов (Лобанова, 1997. С. 85—95). В орнаментации керамики второй фазы (рис. 4) заметно возросла роль разнообразных гребенчатых штампов, специально изготовленных из сланца и вероятно из других материалов. Примерно 10—15 % сосудов имеет характерный орнамент — так называемый многорядный линейный зигзаг из ямок и гребенчатых линий (иногда вместо них употреблялись отступающие веревочные или торцовые оттиски), покрывающий все тулово (рис. 5). Эти горшки очень похожи друг на друга не только оригинальным и весьма сложным орнаментом, но и размерами, способом украшения среза венчика и т. д. Если очертить границы ареала керамики с такими узорами, то получится почти вся Карелия, исключая самый север, северо-запад, всю западную и юго-западную часть республики. К востоку и к югу она найдена в Вологодской, Архангельской и Ленинградской областях — в наиболее близких к Карелии районах и в небольших количествах.

Описанный орнамент отражает, по нашему мнению, существование определенных, очень устойчивых традиций родственного населения на столь широкой территории Севера России.

По нашему мнению, именно в эту фазу карельская ямочно-гребенчатая керамика приобретает сходство с льяловской по ряду признаков, особенно в орнаментации. Совпадают и их хронологические рамки (Древние охотники и рыболовы Подмосковья ..., 1997. С. 58—59).

Многие из изученных памятников недолговременные, с маломощным культурным слоем и немногочисленным каменным инвентарем, поэтому составить ясное представление о характере орудий и динамике их изменения крайне трудно. Одно можно отметить точно — это почти полное исчезновение изделий из ножевидных пластинок и появление тщательно отретушированных крупных скребков и ножей из кремневых отщепов (Усть-Водла III, Оровнаволок IV и др.) (рис. 6).

Поздний этап культуры ямочно-гребенчатой керамики отражают многочисленные материалы памятников бассейна Онежского озера и низовьев р. Выг, связанный с появлением и широким распространением гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамики (Витенкова, 1991. С. 104—125; 1996. С. 105—124). Данный этап связан с рубежом IV—III тысячелетия — первой половиной III тыс. до н. э., судя по серии радиоуглеродных дат (Витенкова, 1991. С. 120).

В 1995 г. международная экспедиция «Онежский проект» (в ней участвовали археологи из Карелии, Норвегии, Швеции и Финляндии) исследовала жилищную впадину на поселении Оровнаволок XVI, относящуюся к поздненеолитической культуре с ромбо-ямочной и гребенчато-ямочной керамикой. ¹⁴C анализ образцов угля и самих фрагментов сосудов дал следующие результаты: 4870 ± 50 BP (Beta-17962), 4840 ± 50 BP (Beta-117963), 4970 ± 50 BP (Beta-117964), 5080 ± 70 BP (Beta-117965). Новые даты согласуются с ранее имевшимися сведениями.

По данным памятников восточного побережья Онежского озера (Кладовец II-а, Черная Речка III, II-а, X, Усть-Водла III) это была более сухая стадия, чем для фазы 2 раннего неолита. Памятники занимают довольно низкие участки — те же, что и в первой половине IV тыс. до н. э. Часто ромбо-ямочная керамика несет на себе явные следы окатанности — в еще большей степени, чем ранняя посуда второй фазы. Наши исследования подтверждают выводы Э. И. Девятовой о раннесуббореальной трансгрессии, начало которой она относит ко времени 4,7—4,6 тыс. л. н. (1988. С. 14—15).

Керамика эпохи позднего неолита резко отличается от всей предшествующей (рис. 7, 8): крупные толстостенные горшки из грубого, плохо промешанного теста с обильной примесью

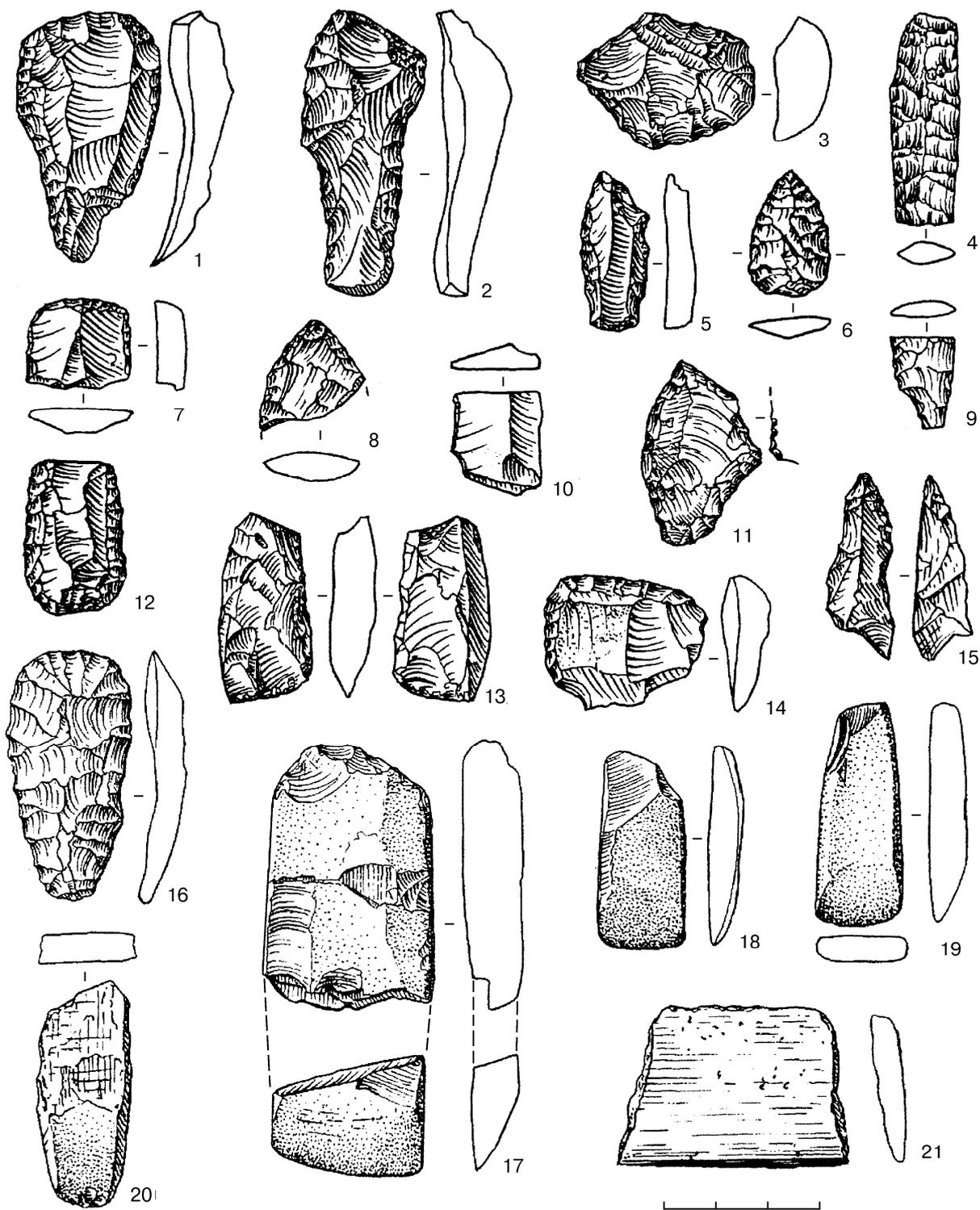

Рис. 6. Усть-Водла III. Каменный инвентарь раннего неолита (фаза 2): 1—16 кремний; 17—21 — сланец.

дресвы или несортированного песка. Форма горшков более разнообразна, имеются приостренные днища. Отличаются исключительным богатством и разнообразием элементов орнамента и мотивов. Характерны расчесы на внутренней поверхности сосудов, часть их содержит органическую примесь (15—20 %). Венчики обычно утолщены, скошены внутрь и орнаментированы по срезам оттисками гребенчатого штампа. Изредка по срезам идут пальцевые вдавления. Торцевых элементов узора уже нет совсем. Ямки имеют цилиндрическую форму, гребенчатые штампы длинные и широкие. Геометрические узоры нанесены на 20—50 % сосудов.

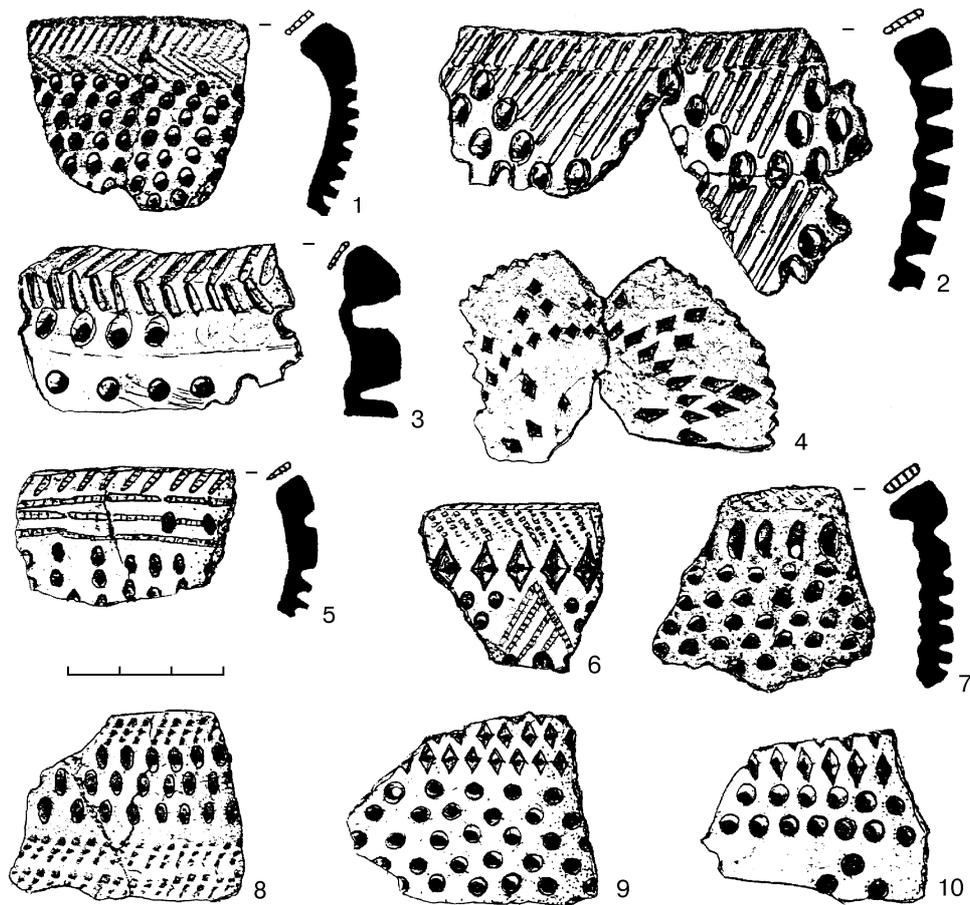

Рис. 7. Черная Речка III. Фрагменты ромбо-ямочной керамики.

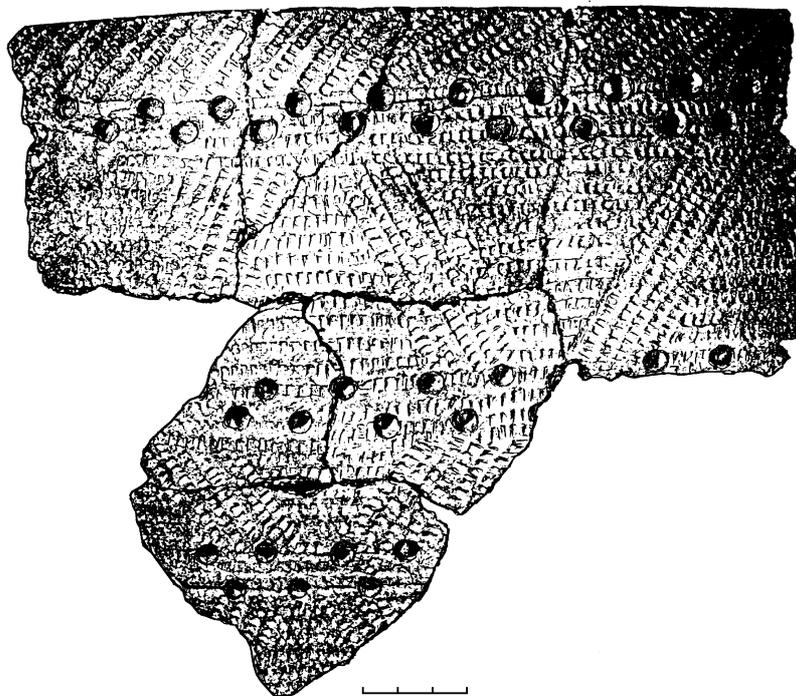

Рис. 8. Кладовец IV. Гребенчато-ямочный сосуд.

Каменный инвентарь поздненеолитического времени довольно малочислен. Для него характерны традиционные приемы обработки сланца, только отщеповая техника для кремневых изделий, чаще используется кварц (Витенкова, 1996. С. 115—117, рис. 19—21).

Памятники позднего неолита, вероятно, еще шире, чем предшествующие, распространены по территории Карелии. На них проводились обширные раскопки, изучены десятки жилищ (Витенкова, 1991; 1996), особенно на северо-восточном берегу Онежского озера в районе залива Черная Губа. Здесь поселения с поздненеолитической керамикой (Черная Губа III, IV, IX) располагаются ниже над уровнем водоема, чем памятники с посудой раннего этапа второй фазы. Гребенчато-ямочная и ромбоямочная разновидности керамики на них сосуществуют, что характерно вообще для всех поздненеолитических комплексов Карелии. При этом первая концентрируется на северном и западном берегах Онего, в бассейне Сямозера, к востоку значительно ее количество только на поселении Семеново II. Очень мало гребенчато-ямочной керамики в бассейне Белого моря. И. Ф. Витенковой сделано наблюдение о том, что на более ранних памятниках количество сосудов с ромбо-ямочной орнаментацией меньше, чем на более поздних. Однако в восточной и юго-восточной Карелии такое не наблюдается. Вероятно, в этой части Карелии уже на рубеже IV—III тыс. до н. э. появляются памятники с ранней ромбо-ямочной посудой. В этих комплексах также представлена гребенчато-ямочная, но в очень небольшом количестве. Имеется несколько поселений, где в орнаменте сочетаются крупные ромбические и обычные круглые ямки — такие же, как и на керамике раннего этапа (Кладовец II-а, Черная Речка III, X, Вигаинаволок I и др.) (рис. 7, 6, 9, 10).

Несмотря на некоторое увеличение за последнее десятилетие корпуса источников и появление новых абсолютных датировок для второй фазы и позднего этапа неолита, многие вопросы остаются нерешенными или слабо разработанными: территория распространения самых ранних поселений, характер и длительность взаимоотношений с другой неолитической культурой — сперрингс, возникшей в целом все же раньше, контакты и взаимосвязи с льяловской культурой Волго-Окского бассейна, периодизация позднего этапа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Витенкова И. Ф.* Хронология поселений с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Витенкова И. Ф.* Культура гребенчато-ямочной керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Гурина Н. Н.* Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера // МИА. № 20. 1951.
- Девятова Э. И.* Палеогеография и освоение человеком Карелии // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, 1988.
- Древние охотники и рыболовы Подмосковья. По материалам многослойного поселения эпохи камня и бронзы — Воймежное I.* Под ред. А. Э. Энгватовой. М., 1997.
- Земляков Б. Ф.* Работы на строительстве ББК // ИГАИМК. Вып. 109. 1935.
- Козырева Р. В.* Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лача // МИА. № 172. 1973.
- Лобанова Н. В.* Неолитические стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой на северном побережье Онежского озера // Новые данные об археологических памятниках Карелии. Петрозаводск, 1986.
- Лобанова Н. В.* Отчет о полевых работах в 1990 г. / Архив ИА РАН, Р-1. 1990.
- Лобанова Н. В.* Культурно-территориальное членение и периодизация неолитических памятников с ямочно-гребенчатой орнаментацией керамики // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Лобанова Н. В.* Отчет о полевых работах в 1992 г. / Архив ИА РАН, Р-1. 1992.
- Лобанова Н. В.* Отчет о полевых работах в 1995 г. / Архив ИА РАН, Р-1. 1995.
- Лобанова Н. В.* Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Лобанова Н. В.* Каргопольская керамика на поселениях Карелии // Археология Севера. Петрозаводск, 1997.
- Лобанова Н. В.* Отчет о полевых работах в 1999 г. / Архив ИА РАН, Р-1. 1999.
- Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Поселения древней Карелии.* Петрозаводск, 1988.
- Савватеев Ю. А.* Залавруга. Ч. 2. Л., 1977.
- Сидоров В. В.* Взгляд на мезолит и неолит Карелии из Волго-Окского междуречья // Археология Севера. Петрозаводск, 1997.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЙ ВЁКСА И ВЁКСА III БАСЕЙНА ВЕРХНЕЙ СУХОНЫ И ИХ ХРОНОЛОГИЯ

Традиционно бассейн Сухоны (восточные районы Вологодской обл) с его континентальным климатом относят к территории Севера Восточной Европы. К системе реки Сухоны относятся 493 реки длиной 10 км и более. Длина этой речной артерии равна 558 км. Она собирает свои воды с огромной площади более 50 300 км² и, соединяясь с р. Юг, образует Малую Северную Двину. Общая площадь бассейна 52 400 км². Водоразделом между реками бассейна Сухоны и бассейна Северной Двины служит хорошо выраженная Сухоно-Вагская возвышенность, а между бассейнами Сухоны и Волги — небольшие, слабо выраженные полого-волнистые междуречные возвышенности (Филенко, 1966. С. 106).

По гидрографическим особенностям Сухону от истока до устья можно разделить на три участка. Первый — Верхняя Сухона — от истока до р. Двиницы, протяжением около 130 км; второй — Средняя Сухона — от р. Двиницы до г. Тотьмы, длиной 170 км и третий — Нижняя Сухона — от г. Тотьмы до устья, протяжением примерно 273 км (Филенко, 1966. С. 107). Верхняя Сухона имеет также название Рабаньгская Сухона. На начальном участке долина р. Сухоны около 1,5 км, представляет собой невысокую ровную террасу несколько повышенную на правом берегу. В нижней части долина Рабаньгской Сухоны соединяется с долинами рек Вологды и Лежи, образуя низкую равнину от 13 до 25 км в ширину. Вдоль реки прослеживаются невысокие (до 1 м) и относительно неширокие прирусловые валы шириной 30—60 м (Филенко, 1966. С. 107). Валы постепенно переходят в пониженную, заболоченную центральную и далее притеррасную часть поймы. Кое-где равнина покрыта мелким лесом с преобладанием кустарников. Берега Рабаньгской Сухоны низки и болотисты, река делает много крутых поворотов. Здесь Сухона течет по наносам огромного древнего озера. Его остатки, а также старицы видны по обоим берегам в виде многочисленных зарастающих озер. Они связаны между собою и с Сухонной небольшими протоками — пучкасами (Сердитов, 1957. С. 149).

Такой характер река сохраняет до устья Двиницы. Ниже этого места берега реки начинают повышаться, ширина реки увеличивается до 150—300 м, на берегах появляются селения, густые хвойные леса. Берега и дно реки, в основном, сложены глинами и суглинками. В нижней части Верхней Сухоны имеются каменистые гряды. Ширина реки — местами до 400 м. На своем протяжении Верхняя Сухона принимает в себя более 20 притоков, из которых самым большим является р. Вологда. Наиболее крупные правые притоки — Сухона-Пучкас, Лежа. Из левосторонних — Бохтюга, Воткома, Пельшма, Двиница. Единственная судоходная из них — р. Вологда. Она берет начало в болотах близ р. Сизьмы. Река Вологда очень извилиста, длина ее около 150 км (Петрашень, 1911. С. 30). Наибольшие притоки: правый — р. Тошня, левый — р. Вёкса.

Присухонская низина имеет площадь около 5 000 км² (Ляпкина, 1985. С. 3). Считается, что вся территория Верхней Сухоны была занята приледниковым Сухонским озером. Время существования озера приходится на конец палеолита, мезолит. Озеро имело сток в р. Шексну, где сейчас проложен Северо-Двинский канал, и, далее, в р. Волгу. С течением времени образовался прорыв в долину нижнего течения, которое, как полагают, произошло у с. Нюксеница только в самом конце суббореала (Квасов, 1975. С. 73—75). Однако, уточнить время спуска озера можно, главным образом, по археологическим данным.

Физико-географическая характеристика района необходима, так как характер территории во многом определяет интерес к ее исследованию. Несмотря на то, что район Присухонской низины издавна привлекал внимание представителей различных отраслей науки, он долгое время оставался вне внимания археологов. Первые сведения о памятниках археологии в бассейне Верхней Сухоны относятся к 1920 г., когда преподавателями Вологодского института Н. В. Ильинским и Греном была обнаружена неолитическая стоянка при истоке р. Сухоны (Гуслистов, 1978. С. 17).

В 1926 г. Вологодский музей приглашает М. Е. Арсакову для профессионального обследования этого района. Она провела разведки на южном и юго-восточном берегу Кубенского озера, в низовьях р. Большой Пучкас и в районе д. Шера на р. Сухоне (Арсакова, 1928. С. 288). В результате работ выявлены и зафиксированы две стоянки и четыре местонахождения периодов мезолита — раннего железного века. Дальнейшие разведки в долине Большого Пучкаса и р. Кубена не дали положительных результатов. Это привело к тому, что внимание исследователей к району ослабло.

В 30-е годы фонды Вологодского музея пополняются археологическим материалом, поступившим от семьи реставраторов Федышиных из окрестностей г. Вологды. В коллекции содержится разновременный материал, начиная с эпохи неолита (Гуслистов, 1978. С. 17). В 1932 г. М. Е. Фосс предпринимает разведку по р. Сухоне (Гуслистов, 1978. С. 19). Очевидно, результаты работ были малы, так как более подробных сведений не имеется. Это дало основание А. Я. Брюсову в 1938 г. сделать вывод «что слабый интерес к изучению древних памятников области можно объяснить относительно малым удельным весом в истории народов СССР» (Спирина, 1996. С. 258). Его выбор изучения территории Восточного Прионежья, где краеведами открыты стоянки эпохи камня, объясним.

С 1968 г. на территории области работает экспедиция под руководством С. В. Ошибкиной (Гуслистов, 1978. С. 21). На Верхней Сухоне работы проводятся в месте слияния рек Большого Пучкаса и Сухоны, где фиксируются шесть новых памятников периода камня — средневековья. До 1976 г. в бассейне Сухоны работали только Северная экспедиция, исследуя памятники эпохи камня — раннего металла и Вологодская экспедиция под руководством А. В. Никитина, изучающая средневековые городища на востоке области. В монографиях С. В. Ошибкиной даются все, имеющиеся на то время, сведения о памятниках эпохи камня — металла бассейна Сухоны (Ошибкина, 1978. С. 65—67). К территории Верхней Сухоны относится стоянка с ямочно-гребенчатой керамикой, открытая в 1974 г. на р. Комеле, а по находкам костей мамонта в глинистой почве, на глубине 3 м, автор делает заключение, что коренные берега реки сформированы в глубокой древности и здесь могут быть найдены очень ранние памятники. Восточнее Вологды стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой известны по р. Сухоне до устья р. Двинницы.

В последние десятилетия планомерные исследования на территории бассейна Кубенского озера, Верхней (Рабангской), Средней Сухоны проводят археологи Вологды. По современным данным здесь известно более 250 памятников археологии. Из них 115 датируются неолитической эпохой (на 68 представлены только неолитические материалы), в основном, по находкам ямочно-гребенчатой керамики. Несмотря на такое внушительное количество открытых памятников, работы ограничены сбором подъемного материала, так как культурные слои часто разрушены. Неолитические стоянки Верхней Сухоны занимают площадки, высота которых над уровнем воды даже в межень незначительна, что, в свою очередь, затрудняет их исследование и сказывается на сохранности культурного слоя. Только на 17 памятниках проведена разведочная шурфовка, на пяти — велись раскопки неолитических слоев. Несмотря на небольшие объемы раскопок на ряде памятников, полученный материал дает возможность проследить культурно-хронологические процессы, происходящие на этих территориях в конце каменного века.

Археологическим центром района является комплекс многослойных поселений Вёкса (рис. 1). Памятники расположены на левом берегу р. Вологды, выше (Вёкса) и ниже (Вёкса III) ее притока речки Вёксы, в 4 км от впадения реки Вологды в реку Сухону. Поселение Вёкса IV — на правом берегу р. Вологды, напротив устья р. Вёксы, где культурные слои не сохранились. Есть мнение, что материал, собранный на правом берегу, происходит с памятников противоположного берега, где появился в результате углубления русла реки землечерпалками. В целом, поселения дополняют друг друга. Здесь фиксируется практически вся культурно-хронологическая шкала древностей бассейна Сухоны, Кубенского озера. Поселение Вёкса является одним из наиболее изученных памятников региона. Вологодская археологическая экспедиция проводит исследования на памятнике двадцать лет. В 1981—1993 гг. экспедицией руководил И. Ф. Никитинский, с 1993 г. до настоящего времени — автор статьи. Поселение Вёкса исследовали также В. С. Патрушев, С. Ю. Васильев.

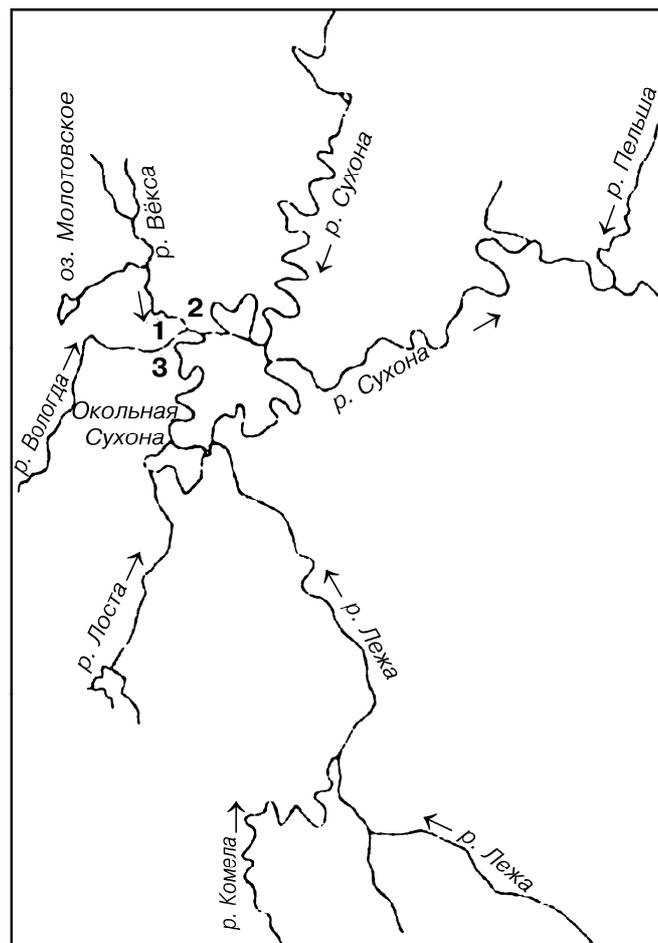
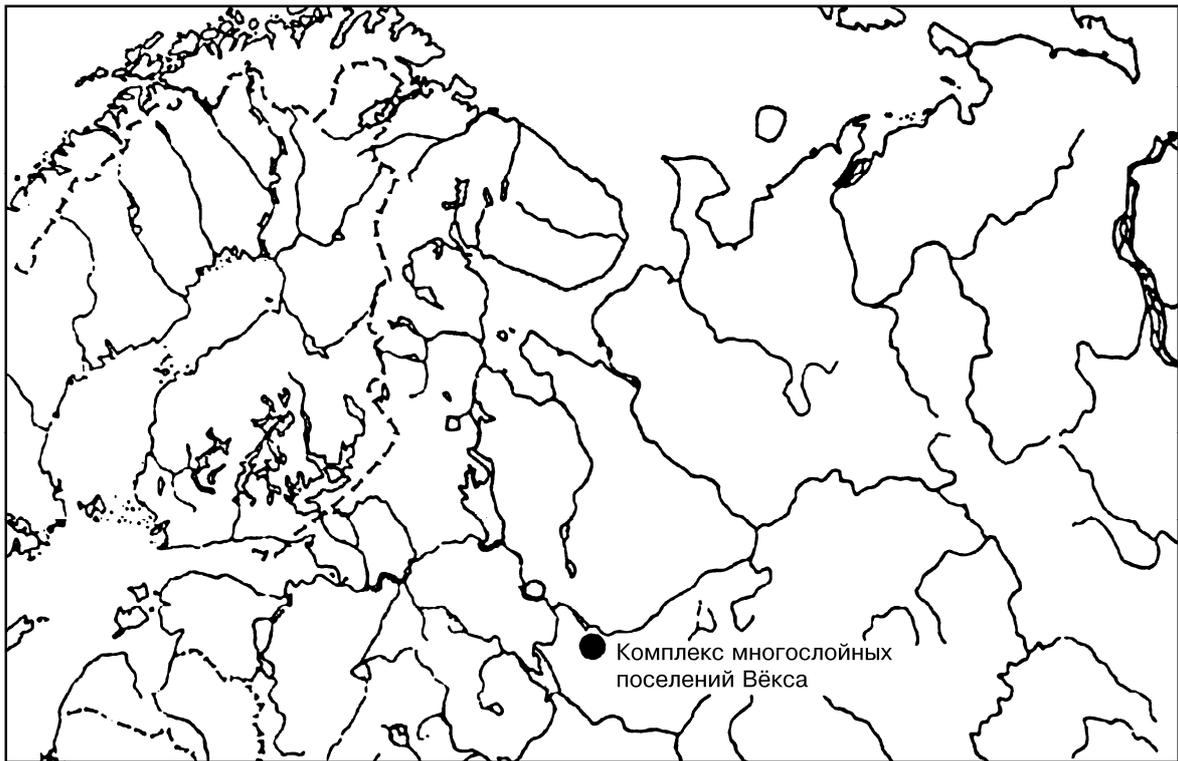

Рис. 1. Месторасположение комплекса многослойных поселений Вёкса:
1 — Вёкса; 2 — Вёкса III; 3 — Вёкса IV.

Протяженность поселений по береговой линии — около двух километров, от двадцати до пятидесяти метров вглубь берега на разных участках. Культурные слои с балластом достигают мощности до 1,7 м. Общая мощность культурных напластований, с прослойками, в среднем до 2 м, на Вёксе III — до 3 м. Материк представлен красной и серо-бурой глиной. Культурные слои поселений формируются ближе к береговому валу. Стерильные прослойки свидетельствуют о затоплении поселения, которое ныне происходит редко, на непродолжительный период в большие паводки. В большинстве случаев прослойки позволяют четко стратифицировать культурные слои.

В настоящее время на поселении Вёкса выявлено четырнадцать хронологически и культурно отличных комплексов, получивших название «Вёкса» с буквенным обозначением (Недомолкина, 2000б. С. 277—283). Из них три неолитических, на 4-м и 9-м участках поселения. Они разделены планиграфически и стратиграфически, то есть представляют собой достаточно чистые комплексы. Это комплексы Вёкса-Л, М, Н. Общая площадь поселения составляет 2200 м².

На поселение Вёкса III, где вскрыто 136 м², также выделено три различных неолитических культурных слоя (Недомолкина, 2000в. С. 3). В данном случае, стратиграфически отделен только слой раннего неолита, а культурные слои развитого и позднего неолита не разделены на горизонты (рис. 2).

Большое значение имеют два выявленных раннеолитических комплекса с раннегребенчатой керамикой — Вёкса-Н и материал из нижнего культурного слоя поселения Вёкса III (рис. 3, 1—11).

В нижнем культурном слое поселения Вёкса III (слой 9) зафиксирована огражденная площадка, в центре которой находилась столбовая конструкция. В древности здесь было небольшое естественное возвышение. Вокруг конструкции, в основном к юго-востоку от нее, выявлены круглые угольные пятна диаметром до 60 см, за исключением одного, размером 40 x 160 см. В них прослежены линзы кальцинированной кости, тлена кости и эмали зубов, ярко-оранжевой прокаленной глины, мелкие включения охры. С западной стороны от площадки, возможно, находилась более поздняя постройка, так как четкая планировка первой в этой части была нарушена. К востоку от площадки выявлена конструкция, окруженная ровиком. В настоящее время исследована часть ее. Достаточных доказательств считать конструкцию с ровиком жилищем нет. Многочисленные линзы угля в различных частях раскопа и большое количество обломков орудий в слое дают возможность предположить, что это была неоднократно посещаемая, временная стоянка охотников-рыболовов или место ритуальной площадки. В слое присутствуют частые вкрапления охры и прокаленной глины. То, что данный участок поселения посещался в раннем неолите неоднократно, подтверждает полученный материал.

Каменные предметы. Нуклеусы не имеют четко выраженных форм. Они небольшие, сильно сработанные, имеются экземпляры с двумя рабочими площадками. Кремень светлого-серого, желтого, красно-коричневого цвета. При обработке использовались отщеповая и пластинчатая техники. Целые пластины составляют около 5 % от всего инвентаря. Пластины широкие, неправильной формы. Орудия, выполненные на крупных пластинчатых отщепах, выполняли функции ножей, перфораторов. Очень разнообразна форма скребков. Большая их часть выполнена на ребристых пластинчатых отщепах с одной широкой гранью. Скребки концевые с крутой ретушью по слабовыпуклому рабочему краю, четырехугольной, подтреугольной формы, с двумя рабочими краями, со скошенным краем. Есть миниатюрные скребки, размерами менее одного сантиметра. Орудия с вогнутым скребущим краем не имеют четкой формы. В коллекции имеется один наконечник стрелы, выполненный на пластине. Найдены трапеции, которые, без сомнения, использовались как наконечники стрел. Имеются крупные орудия — нож, скребла, тесловидные орудия с двусторонней ретушью. Сланцевые предметы представлены сверленной подвеской, гребенчатым штампом, двусторонне обработанным теслом.

Серия *костяных предметов*, найденная в слое, довольно представительна и разнообразна. Это различные типы наконечников стрел, рыболовных крючков, подвески, проколка, обломки кинжалов, полированной кости. Найден фрагмент глиняной поделки-«птички» (?).

Керамика. Тесто сосудов коричневого, желтого, черного цвета. Имеются фрагменты, у которых элементы орнамента подкрашены охрой. В тесте примесь мелкой дресвы, иногда — органики. Полная форма сосудов не реконструируется. Судя по фрагментам, сосуды были прикрытой формы, остродонные, в двух случаях с плоским донцем, небольших размеров. Венчики прямые, округлые, есть со скосом внутрь. На некоторых, по краю, нанесен орнамент. Под венчиком почти всегда идет ряд ямок, часто сквозных или глубоких, так, что они оставляют негативы с внутренней стороны сосуда. Толщина стенок — 4—5 мм, реже — 8—9 мм. Орнамент на керамике разнообразен. Преобладает гребенчатый орнамент, где оттиск гребенки неширокий, четкий, расположенный наклонно и вертикально, в виде «машинной строчки». На пяти фрагментах есть оттиск «шагающей гребенки». Зубцы в оттисках мелкие, средние, в четырех случаях крупные (до 3 мм). Горизонтальные зоны гребенки разделены рядами ямчатых треугольных вдавлений, иногда нанесенных в отступающей манере. Встречается вертикальное членение зон. Есть фрагменты сосудов, украшенные сложными орнаментальными мотивами. Представлено несколько фрагментов гладкостенной керамики, орнаментированной горизонтальными поясами мелкой, разреженной, неконической ямки. Этой керамики мало, но ее присутствие в сочетании с предметами из кости, а также даты, полученные для низа культурного слоя: 6950 ± 150 ВР (Ле-5866), 6730 ± 160 ВР (Ле-5864), 6650 ± 200 ВР (Ле-5869), позволяют в ранненеолитическом комплексе выделить его ранний этап, основываясь и на данных, полученных на соседних территориях. Имеется и очень ранняя дата — 11300 ± 150 ВР (Ле-5867). Возможно, на Верхней Сухоне перспективны поиски более ранних памятников.

На соседних территориях Верхней Волги, в бассейне Вычегды для начального этапа неолита характерны комплексы с накольчатой и неорнаментированной керамикой. Отмечено, что в хорошо стратифицированных условиях на поселениях данная керамика встречается крайне редко (Костылева, Зарецкая, 2000. С. 33). Насколько генетически родственны комплексы накольчатой и раннегребенчатой керамики еще предстоит выяснить. Для позднего этапа раннегребенчатой керамики поселения Вёкса III получены даты: 6500 ± 170 ВР (ГИН-10181), 6400 ± 130 ВР (Ле-5870), 6200 ± 170 ВР (Ле-5856), 6220 ± 150 ВР (Ле-5868). Отдельные черты керамики из нижнего слоя находят параллели на различных памятниках раннего неолита лесной зоны Европейского Севера и, более всего, в разных вариантах верхневолжской керамики, ее третьем этапе (Энговатова, 1998. С. 241—242). В то же время, в сочетании с каменным инвентарем комплекс поселения Вёкса-III (нижний слой) находит ближайшие аналогии в материалах первого комплекса поселения Эньты I на средней Вычегде (Логинова, 1978. С. 1—14).

Вёкса-Н (рис. 3, 12—32). Нижний слой на 4 участке поселения Вёкса сильно перемят. Отмечены остатки конструкций, не имеющих четких форм. В коллекции содержится 100 фрагментов керамики, судя по венчикам — от шести сосудов. Выделено восемь элементов орнамента и до 50 их сочетаний. Преобладают фрагменты с оттисками прямого или наклонного, длинного, до 6 см, гребенчатого штампа с четкими отпечатками зубчиков, а также с орнаментом в виде «машинной строчки». Есть единичные неорнаментированные фрагменты. Для орнаментальных композиций характерно деление горизонтальных зон: коротким, овальным или прямым гребенчатым штампом; поясом из глубоких конических ямок и ямок, нанесенных под углом к полю сосуда; треугольных вдавлений, выполненных в отступающей манере. Под срезом венчика всегда встречается пояс из ямок, с негативами с внутренней стороны. Края венчиков утончены, отогнуты наружу, есть также венчики с прямым и косым срезом, который иногда орнаментирован. На некоторых фрагментах есть следы нагара. Дно сосудов орнаментировалось веерным, радиальным узором. Тесто хорошо отмучено, с примесью дресвы, органики (?), иногда — охры, слюды, пирита. Керамика коричневого цвета с ровным обжигом. Несмотря на это, сохранность керамики в слое плохая, при взятии она слоится. Толщина стенок — 0,6—0,8 см и до 1,2 см в днищах. В целом сосуды небольшие, имеют прикрытую форму, диаметр горла — до 18 см, с округлым дном.

Каменный инвентарь этого комплекса невыразителен. Он состоит из наконечника стрелы листовидной формы на ребристой пластине, треугольной трапеции, концевых скребков на пластинах, а также на отщепках с зауженным рабочим краем, скобелей на пластинах, сечений, резцов. Правильных ножевидных пластин в коллекции нет. Орудия из кремня светлого, черного цвета. В слое найдено сланцевое тесло прямоугольной формы и сечения.

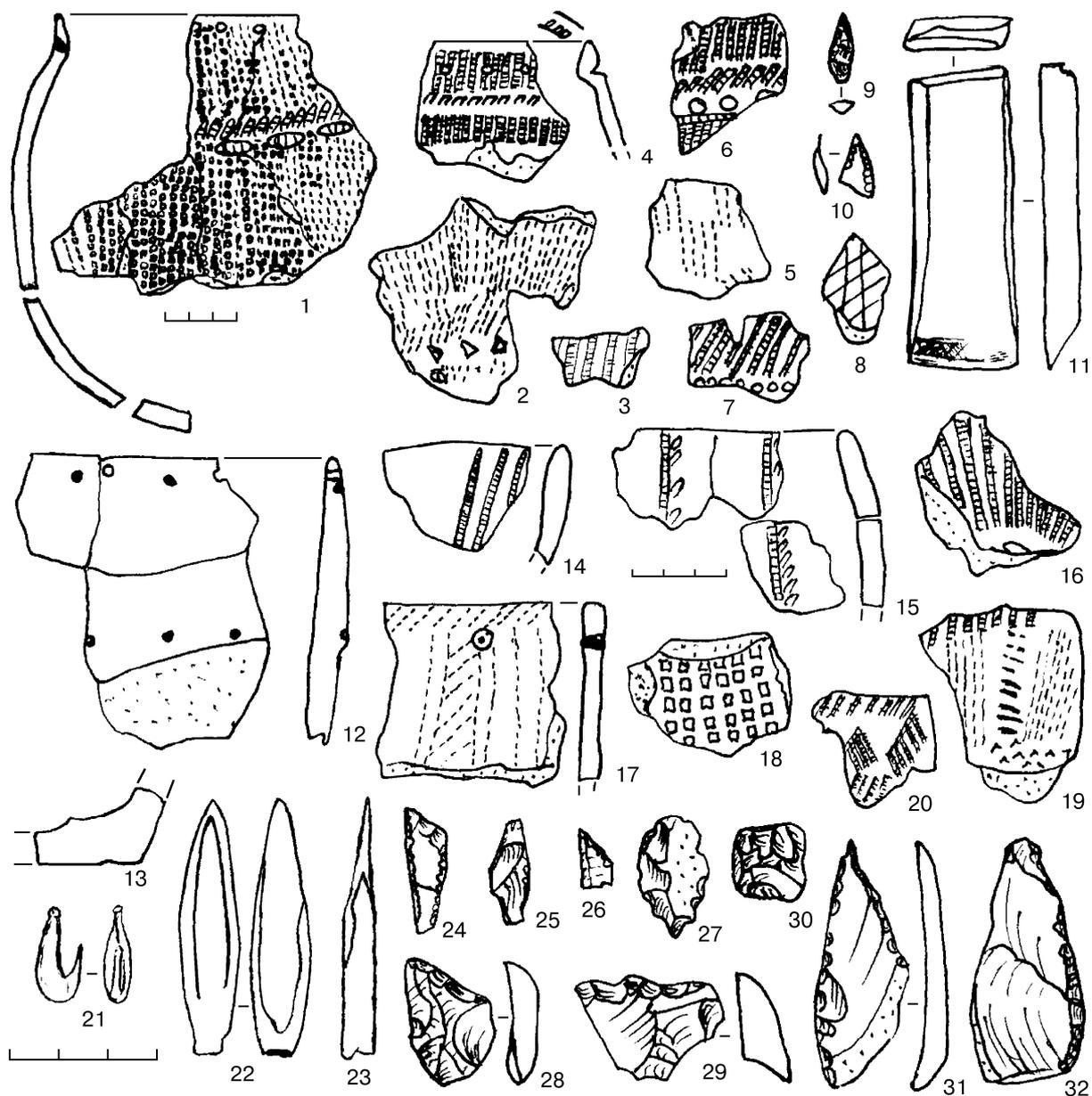

Рис. 3. Раннегребенчатые комплексы: 1—11 — Вёкса; 12—32 — Вёкса III.

Керамика может быть отнесена к комплексам с раннеолитической гребенчатой керамикой (ее позднего этапа). Наличие в орнаменте длинного гребенчатого штампа, штампа в виде «машинной строчки», небольшого количества ямок подтверждает это. Керамика второго вёксинского комплекса находит общие черты с верхневолжской керамикой на третьем этапе ее развития, в ранних неолитических комплексах Европейского Северо-Востока энтьийского типа и ранней волго-камской керамике Среднего Поволжья. Влияние юго-востока отмечалось исследователями и в более поздних материалах, представленных на Вёксе (Васильев, 1996. С. 102). Несмотря на это сходство, керамика своеобразна и принадлежит, скорее всего, местной неолитической культуре. Орнамент на сосудах менее разнообразен, чем в предшествующем комплексе, в составе теста основной примесью является дрсва.

Период развитого неолита представлен комплексами с ямочно-гребенчатой керамикой, которые выявлены в слое 7 поселения Вёкса III и на 9-м участке поселения Вёкса. В культурном слое на 9-м участке поселения Вёкса, на площади 1196 м² исследован неолитический комплекс, получивший название **Вёкса-М** (рис. 4, 1—23) (Недомолкина, 2003а. С. 186—202).

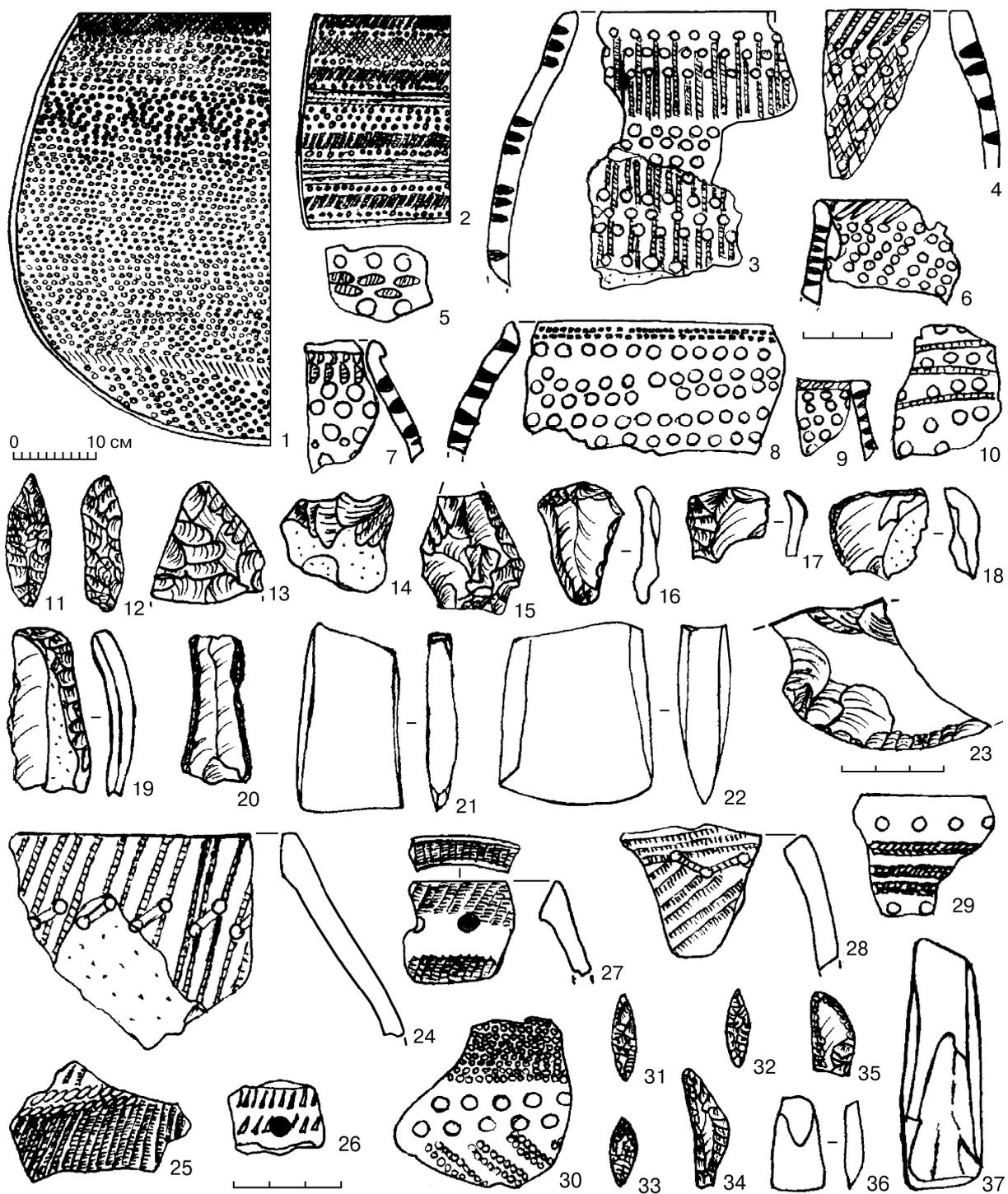

Рис. 4. Ямочно-гребенчатые комплексы: 1—23 — Вёкса; 24—37 — Вёкса III.

Раскопами выявлены наземные постройки разных типов. Прямоугольная, не столбовая (2 x 4,5 м), с небольшим тамбуром. Внутри постройки выявлено круглое кострище и прямоугольная яма, заглубленная в материк до 30 см. Большие столбовые постройки, возможно двухкамерные, с вытянутыми кострищами (1 x 3 м) с редкими мелкими очажными камнями, с ямами глубиной до 50 см, расположенными внутри построек и примыкающими к их стенам. Диаметр столбовых ямок до 20 см. Судя по нарушениям материка, площадки для жилищ, перед постройкой, были спланированы. На береговой части памятника зафиксированы остатки кольев (диаметром до 10 см), вбитых под углом и расположенных кругом, возможно, от легких на-

земных временных конструкций типа чума. К сожалению, из-за ряда причин, раскопами исследованы только части построек. Наличие разных конструкций можно объяснить временными различиями, а также их назначением. Раскопами 1984 и 1985 гг. на поселении выявлены остатки столбовой конструкции (Никитинский, 1985; 1986). По мнению И. Ф. Никитинского, столбы связаны с конструкцией жилищ. Общая длина столбовых построек вдоль берега — около 17 м. С напольной стороны был прослежен невысокий «вал» с полосой органики, который оконтуривал постройки. Внутри столбовой конструкции выявлены прямоугольные ямы шириной 1—1,5 м и длиной до 3—3,5 м. Не отрицая того, что столбовые ямки могут принадлежать конструкции самих жилищ, можно предположить существование какой-то системы ограждений с напольной стороны. В 100 м к юго-западу выявлена вторая жилищная площадка. В раскопе 1994 г. постройка ориентирована вглубь берега с выходом в сторону реки, в отличие от ранее выявленных построек, направленных вдоль берега. Она как бы ограничивает центральную часть поселения с западной стороны, так как дальше, в слое светло-коричневой глины, встречаются редкие отщепы и мелкие фрагменты керамики. Сам слой светло-коричневой глины выклинивается к середине 10 участка поселения. К южной стороне постройки примыкает углубление в материке (ров?), внутри которого выявлены следы колея диаметром 8—10 см. Возможно, этот ров также связан с системой ограждений.

Коллекции подъемного материала и из раскопов содержат большое количество каменных орудий, керамики. Предметы из органики в данной части памятника не сохраняются. Вся керамика относится к типу ямочно-гребенчатой. По предварительному подсчету, в раскопах найдено свыше 5000 фрагментов. Распределение керамики в раскопе по условным горизонтам, со взятием высотных отметок, проведено автором в 1994 г. Стратиграфия участка и результат, полученный при обработке керамического материала, его сопоставление с материалами других памятников соседних регионов, дают возможность выделить в данном неолитическом комплексе этапы его развития. К сожалению, эти данные не удастся подкрепить датами по ^{14}C , поэтому мы можем говорить только о типологическом сопоставлении материала. Фиксируемые различия позволяют выделить на поселении Вёкса материалы архаичного — раннего и развитого этапа льяловской культуры. Найдены развалы сосудов для приготовления пищи (диаметр горла — около 18—32 см) со следами нагара и крупные сосуды для хранения запасов (диаметр — 40—60 см). Есть венчики от небольших открытых мисок. Сосуды изготовлены способом налепа. Ленты шириной от 3 до 7 см крепились «внахлест». Сосуды закрытой яйцевидной формы с округлым, коническим дном. Толщина стенок — 0,4—1,2 см. Днища слегка утолщены по отношению к стенкам сосуда. Венчики разных форм со слегка округленными краями, прямым срезом, иногда имеют орнаментированный скос внутрь. У ряда венчиков край верхней ленты загнут чаще внутрь, у небольшого количества фрагментов — наружу. Обжиг сосудов неравномерный, в изломе наблюдается разноцветность. Большинство фрагментов красного цвета. Орнаментированы сосуды полностью, орнамент зональный. В орнаментации ранней керамики преобладают фрагменты с гребенчатым орнаментом, ямки служат разделителями зон. На позднем этапе преобладают фрагменты, украшенные правильными, круглыми, белемнитными ямками. Диаметр ямок — 0,3—0,8 см (преобладает диаметр 0,5 мм), расстояние между ними — 0,5—0,7 см. Глубина ямок соответствует толщине стенки. На многих фрагментах ямки замыты. Ямки, чаще всего, наносились в шахматном порядке. Незаполненные орнаментом поля, а также ряды отпечатков гребенчатых штампов, в том числе, пояса горизонтального штампа (до пяти линий) выступают в качестве разделителей ямочных зон. Верхний край сосуда орнаментирован рядами короткого гребенчатого, поставленного прямо или под углом к полю сосуда, штампа. Штампы разнообразны: присутствуют оттиски прямо и наклонно поставленного овального узкого и средней величины гребенчатого штампа, а также короткие овальные («личиночные») отпечатки широкой гребенки. Встречаются веревочные отпечатки, полулунный орнамент и нанесенный, видимо, щепкой. На береговом склоне были найдены сосуды, которые использовали для хранения пищи. Полные формы сосудов позволяют представить достаточно сложное сочетание орнаментальных композиций на сосудах раннего периода. Орнамент одного из сосудов дает около 15 вариантов орнаментальных мотивов. У сосудов развитого периода разнообразие орнамента присуще зонам венчиков, в орнаменте основного поля сосудов преобладают ямки.

По результатам технико-технологического изучения керамики данного комплекса, проведенного Ю. Б. Цетлиным, для изготовления использовалась среднежелезистая глина средней пластичности во влажном состоянии. Сырье в качестве естественных примесей содержало песок, преимущественно крупный и во всех случаях - включения бурого железняка. Искусственные примеси — дресва в концентрации от 1 : 3 до 1 : 6 в сочетании с влажным пометом птиц в небольшой концентрации.

Своеобразие керамики этого комплекса заключается в большом количестве дресвы в тесте сосудов. На раннем этапе примеси более разнообразны. Отсутствие лощения сосудов, большая примесь дресвы придают поверхности шероховатость. Преобладает прикрытая форма сосудов. Диаметр сосудов, в большинстве случаев, несколько меньше, чем высота. В орнаментации керамики полностью отсутствует «плюсневый» штамп.

Учитывая стратиграфию участка и то, что поселения и стоянки памятника тяготеют по расположению к устью р. Вёксы, можно считать неолитический комплекс данного участка достаточно чистым, но подразделить каменный инвентарь по этапам внутри комплекса трудно.

Сырьем для *каменных орудий* служил кремь желтого, красного, светло-серого цвета, сланец. Коллекция содержит наконечники стрел, в основном листовидной формы, с двусторонней ретушью по всей поверхности. Есть наконечник стрелы, выполненный на пластине с частичной ретушью с бьюшка и полной со стороны спинки, с односторонне ретушированным черешком. Преобладают концевые подчетыреугольной формы скребки, представлены и дискообразные. Коллекция содержит сечения, резцы, скобели на пластинах и крупных пластинчатых отщепках, ножи, крупные нуклеусы. Сланцевые орудия представлены обломками терочных плит, теслами, топорами, сверленными подвесками, а также сланцевым вкладышем, отбойниками, гребенчатыми штампами.

Комплекс орудий и керамики 9 участка поселения Вёкса во многом близок материалам поселений Борань, Языково 1, оз. Варос, находит аналогии в льяловской культуре (восточный вариант) в ее архаично-раннем и среднем этапах (Гурина, Крайнов, 1996. С. 173).

Слой 7 — культурный слой **поселения Вёкса III**, где выявлен второй ямочно-гребенчатый комплекс (гребенчато-ямочный) (рис. 4, 24—37). Слой отделен от раннеолитического, материал из которого был рассмотрен выше, стерильной прослойкой светло-коричневой глины. Слой сильно гумусирован, с большим количеством кальцинированных костей, тлена трубчатых костей (очевидно, крупных животных), отщепов и мелких фрагментов керамики, угля. В слое выявлена столбовая конструкция свайного (болотного) типа, которая располагалась на сыром болотистом месте, и подгнивающие столбы часто заменялись новыми, о чем свидетельствует большое количество столбовых ямок. В раскопе 2000 г. на площади 80 м² зафиксировано 444 ямки диаметром до 10 см. Возможно, это была платформа, на которой находились постройки. Она была ориентирована вдоль берега, по направлению северо-запад — юго-восток и имела прямоугольную форму, (прослеженные размеры — 3 x 12 м). В слое зафиксированы очаг с небольшими разбросанными камнями, тлен щепы, оставшейся в результате строительной деятельности. Судя по конструкции, к платформе вел настил.

Керамический комплекс данного поселения представлен фрагментами от сосудов яйцевидной формы с округлыми, немного уплощенными донцами, средней величины. Есть венчики от небольших чашеобразных сосудов диаметром до 16 см. Края венчиков закруглены, срезаны прямо или скошены внутрь, с небольшим карнизиком с внутренней стороны, часто орнаментированным. Толщина стенок варьирует от 0,5 до 0,8 см. Тесто с примесью дресвы, пирита, в единичных случаях — шамота. В орнаментации керамики преобладают длинные и короткие гребенчатые штампы. Оттиски штампа располагаются наклонно, вертикально, небольшое количество — горизонтально. Большинство фрагментов украшено горизонтальными чередующимися гребенчатыми зонами, где одинарные ряды ямки исполняют роль разделителей. Иногда ямки сквозные. На некоторых фрагментах ряды ямок совмещены с гребенчатым штампом, иногда образуя зигзаг. Ямочный орнамент играет второстепенную роль. Присутствуют оттиски, выполненные естественными орнаментирами. Своеобразным является оттиск сложного штампа, оставляющий вдавленные горизонтальные линии шириной до 0,5 см, получивший на-

звание «резинка». Подобный орнамент имитирует ряды широкого короткого (3—4 зубчика) гребенчатого штампа. Вследствие нанесения оттиска с нажимом, между поясами гребенки и «резинки» образуется валик. Если гребенчатый штамп ставился под углом и оттиски его располагались близко друг к другу, прием нажима на один конец штампа давал своеобразный орнамент в виде зигзага по краю гребенчатого пояса. Подобная керамика выделена на стоянке Ивановское VII и определена как «керамика северных типов» (Жилин, Костылева, Уткин, Энговатова, 2002. С. 44).

Керамику сопровождает большой комплекс *каменного инвентаря*, из кремня различного качества, с преобладанием местного сухонского серого, нередко с участками желвачной корки. Представлено большое количество мелких невыразительных нуклеусов и нуклевидных сколов. В качестве заготовок орудий применялись преимущественно отщепы, а также неправильные пластины и ребристые сколы. Большинство пластин без дополнительной обработки. Полученная коллекция содержит резцы, вкладыши, орудия на ножевидных пластинах, проколки, острия. Некоторые группы орудий (скребки, ножи) представлены сериями. Большинство скребков концевые, подчетыреугольной формы, имеются скребки с двойным рабочим краем. На одном ретушь нанесена со стороны брюшка. Ножи характерной треугольной, сегментовидной формы. Самую интересную категорию орудий представляют листовидные и ромбические наконечники стрел с двусторонней обработкой. Они отличаются небольшими размерами (1,5—3 см). Имеется наконечник стрелы из клыка животного, с желобком, а также комбинированное орудие, выполняющее функции скребка, ножа, проколки. В слое найдено уникальное украшение — браслет из алевролита (Недомолкина, 2003б. С. 50). Сланцевые орудия немногочисленны, представлены маленьким двулезвийным желобчатым теслом — стамеской, желобчатым теслами, долотом, обломками лезвий рубящих орудий и двумя сланцевыми стержнями, очевидно исполняющими роль штампа. Несмотря на то, что инвентарь данного комплекса своеобразен, нужно отметить его сходство с материалом нижележащего культурного слоя. В частности, сходны форма нуклеусов, орудия на крупных пластинах, пластинчатых отщепах, некоторые формы скребков, орудия со крошенным лезвием. Аналогии материалу находятся на стоянках Европейского Северо-Востока типа Энты I (второй комплекс) (Логинова, 1978. С. 14—19). Ранее подобные стоянки в регионе не были известны. Для комплекса получены даты — 5650 ± 150 BP (ГИН — 10182), 5700 ± 700 BP (Je-5857).

Поздние комплексы представлены ямочной керамикой. На четвертом участке поселения Вёкса это слой **Вёкса-Л** (рис. 5, 1—13), отделенный намывной прослойкой светло-коричневой глины от ранненеолитического. Слой с ямочной керамикой сильно нарушен конструкциями вышележащего слоя энеолита с пористой керамикой. Каменный материал этой части поселения сильно перемешан. Только *керамические комплексы* можно уверенно разделить типологически.

Представлены полные и частичные развалы сосудов. Выделено восемь элементов орнамента и их сочетания в двадцати четырех вариантах. Орнамент нанесен очень четко. Основное поле сосудов орнаментировано рядами сдвоенных и строенных ямок правильной конической формы, разделенных неорнаментированными полями. Только венчикам сосудов присуще разнообразие орнамента (насечки, оттиски короткого гребенчатого штампа). Венчики прямые, с закругленными или скошенными внутрь краями, с наплывом и без него. 1/3 венчиков орнаментирована по срезу. Горшки невысокие, диаметр горла (от 25 до 30 см) превышает высоту горшка или равен ей. Край прямой, есть сосуды с широко открытым горлом. Донца сосудов округлые, приостренные. Сосуды тонкостенны. Отмечена заглаженность внешней поверхности. Тесто хорошо отмучено, с примесью мелкой дресвы, в единичных случаях — шамота, красного, коричневого цвета, хорошего обжига. По результатам технико-технологического анализа, проведенного Ю. Б. Цетлиным, для изготовления использовалась слабообожженная глина высокой пластичности во влажном состоянии. Сырье в качестве естественных примесей содержало редкие частицы мелкого песка и отдельные включения бурого железняка. Искусственные примеси — дресва в концентрации от 1 : 4 до 1 : 6 и менее в сочетании с влажным органическим материалом (предположительно, помет птиц) в небольшой концентрации, а также крупный шамот в концентрации 1 : 4.

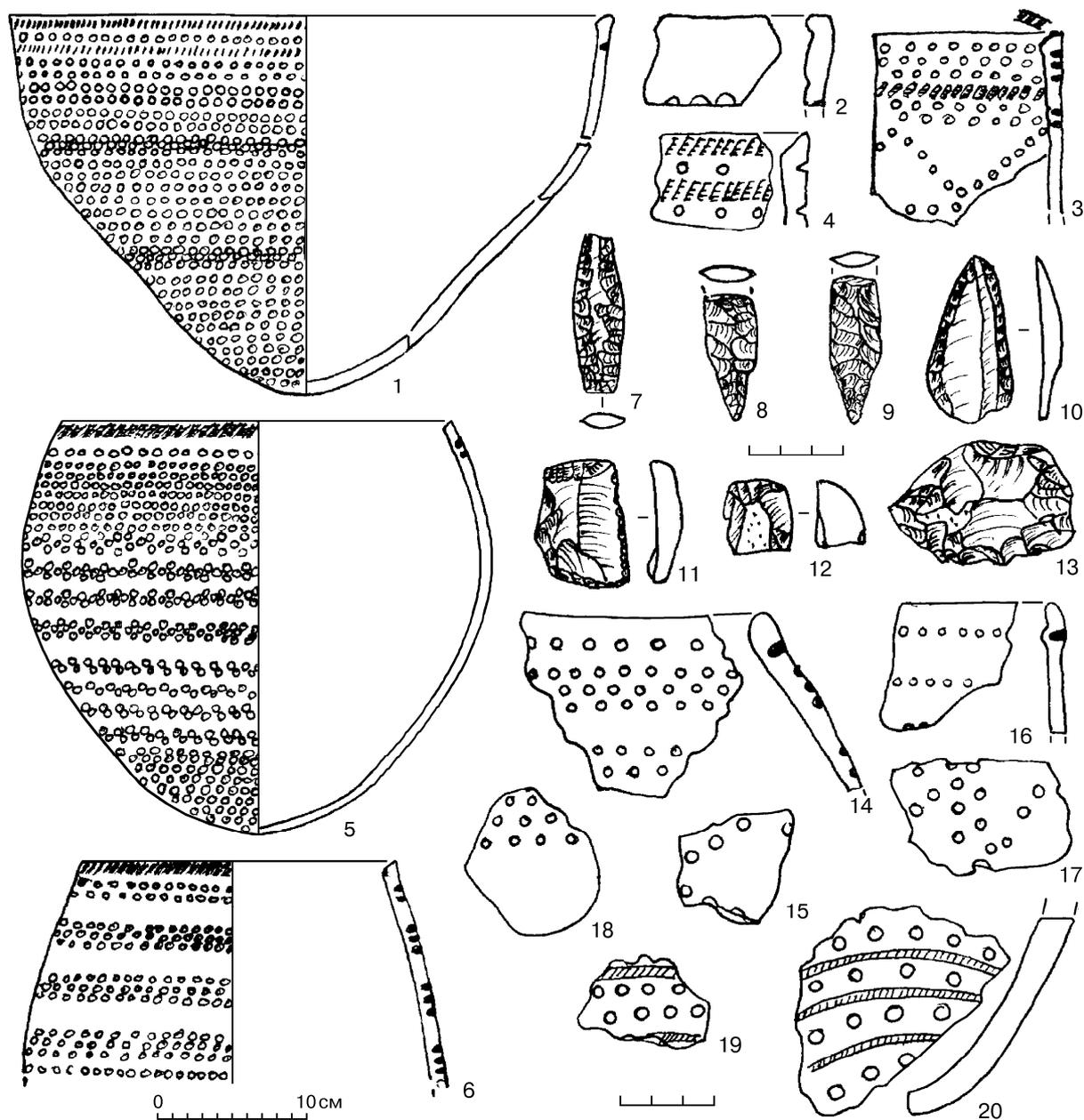

Рис. 5. Ямочные комплексы: 1—13 — Вёкса; 14—20 — Вёкса III.

К комплексу можно отнести находки листовидных наконечников стрел, усеченных и с насадом. Скрепки разных форм: концевые на отщепах, с двумя рабочими лезвиями, с высокой спинкой. Скобели на крупных отщепах, нуклеидные ножи, предметы искусства — глиняная подвеска с ямочным орнаментом, сланцевые кольца.

Ближайшие аналогии находятся в материалах со стоянок западной части Вологодской области — Андозеро 5, Сухое, которые относятся к среднему этапу развития каргопольской культуры и датируются второй половиной IV — началом III тыс. до н. э. (Ошибкина, 1996. С. 222—226). По технико-типологическим признакам керамика близка, также, к керамике ранних ямочно-гребенчатых комплексов в Карелии, в частности, Черная Речка I, где подобная керамика относится к первому этапу и датируется первой половиной — серединой IV тыс. до н. э. (Лобанова, 1996. С. 89—104). Очевидно, наш комплекс следует отнести к среднему этапу развития культуры и датировать его серединой IV тыс. до н. э.

Второй комплекс ямочной керамики, очень близкий предыдущему, происходит из поселения **Вёкса III** (рис. 5, 14—20). Слой небольшой мощности, представлен темно-коричневой глиной, визуально трудно отличимой от темной гумусированной глины, содержащей гребенчато-ямочный комплекс. В слое зафиксированы следы размытых столбовых конструкций, не имеющие четких границ, круглые хозяйственные ямы диаметром до 60 см.

Коллекция содержит *керамику* из теста красного, коричневого цвета с примесью дресвы и песка. Сосуды были яйцевидной формы, с округлым дном. Венчики прямые, край скошен внутрь или срезан прямо и иногда орнаментирован гребенчатым штампом. Толщина стенок варьирует от 0,3 до 0,7 см. Основной орнамент — ямки различного диаметра, расположенные в шахматном порядке, есть фрагменты, где ямки разделены полосами, выполненными гребенчатым штампом. Судя по фрагментам донца, сосуды были полностью орнаментированы. Найдены три горшка, которые были вкопаны на береговом склоне и использовались для хранения. Они орнаментированы только по верхней трети.

Каменный инвентарь этого комплекса невыразителен, представлен отщепами из светло-серого сухонского, желтого кремня, единичными орудиями. Возможно, вошедший в раскоп участок являлся периферийным для данного поселения. Представленный материал характерен для памятников развитого этапа каргопольской культуры и находит ближайшие аналогии на стоянках западной части Вологодской области, таких как Андозеро II, Против Гостиного берега (Ошибкина, 1978). Датируется второй половиной IV — возможно, началом III тыс. до н. э. Радиоуглеродная дата этого комплекса 5220 ± 320 BP (ГИН-10180).

Наиболее ранние памятники, известные в бассейне Верхней Сухоны, относятся к эпохе мезолита (Васильев, Суворов, 1994). Все мезолитические стоянки, выявленные в ходе проведения работ, расположены на пологих склонах бортовых террас рек. Незначительный и маловыразительный инвентарь, собранный на мезолитических памятниках, позволяют датировать стоянки лишь в широких пределах 8—5 тыс. до н. э. Климатические условия в начале Атлантического периода на европейском секторе Арктики и умеренных широтах, потепление, уменьшение количества осадков привели к регрессии Ладожского и других озер и водоемов на северо-западе в эпоху голоценового оптимума. Поэтому неолитические стоянки оказались расположенными на низких берегах. В настоящее время, в период высокого стояния воды берега бывают затоплены. Это, конечно, сказывается на состоянии культурного слоя, например, в долине Кубенского озера неолитические стоянки оказались преимущественно разрушенными. Культурные слои большинства памятников сохранились частично и продолжают разрушаться. По нашим наблюдениям, за 10 лет на реке Вологде были смыты слои 30 % памятников.

Уникальны в этом отношении сохранившиеся культурные слои на поселениях Вёкса и Вёкса III. На памятниках исследовано шесть культурных слоев эпохи неолита, из которых происходят два ранне-неолитических комплекса с раннегребенчатой керамикой, два комплекса периода развитого неолита и два поздне-неолитических. Появление ранних неолитических комплексов в бассейне Верхней Сухоны, подтверждает и повторяет известную схему развития неолита в целом на территории лесной части Восточной Европы. Полученные даты углубляют время заселения этих территорий в V тыс. до н. э. Ранне-неолитические керамические комплексы бассейна Сухоны близки, в развитии орнаментальных композиций, большой общности раннегребенчатых культур и, в частности, верхневолжской, но в сочетании с каменным инвентарем материалы сопоставимы с ранними северо-восточными комплексами. Возможно, материалы Вёксы — Эньты дают основание говорить о северо-восточном варианте ранне-неолитических культур. Основа, на которой они формируются, видится в материалах позднемезолитических стоянок, в которых присутствуют геометрические микролиты. В настоящее время на территории области известно три подобных стоянки. Впрочем, этот вопрос далек от решения. Можно предположить, что раннекерамические комплексы отражают влияния не только верхневолжской культуры, чем и объясняется большое разнообразие орнаментальных мотивов на ранней керамике поселения Вёкса III. То, что освободившаяся от ледникового озера площадь заселяется племенами с разных территорий, подтверждает льяловский комплекс, по аналогии предварительно датируемый концом V — началом IV тыс. до н. э., относящийся к архаичному-раннему — среднему этапам развития культуры. Сопоставляя керамику раннего этапа льялов-

ского комплекса с вёксинскими раннеолитическими комплексами, в настоящее время мы не усматриваем их близкой связи.

Появлению последующих комплексов на поселениях предшествовало затопление, что подтверждает мощная намывная прослойка светло-коричневой глины.

В ходе работ в бассейне Верхней Сухоны выявлены новые комплексы с ямочно-гребенчатой или гребенчато-ямочной керамикой. Очевидно, население, оставившее их, не связано с южным регионом носителей керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Нам видится его общность с северо-восточными неолитическими комплексами. Как уже отмечалось, чаще всего удается зафиксировать меридиональные продвижения племен. Возможно, данный случай указывает и на широтное или параллельное расселение. Комплекс Вёкса III относится к развиту периоду неолита. Мы предполагаем его генетическую связь с предыдущим ранним комплексом.

Неолитические каргопольские комплексы по условиям залегания, по радиоуглеродной дате, имеющейся для одного из них, являются самыми поздними и подтверждают появление этой группы населения на Верхней Сухоне на среднем этапе развития культуры, до распространения в орнаментации овальной ямки и ромбического штампа.

В ходе работ выявлено два неолитических могильника. Один из них связан с каргопольским комплексом 4 участка поселения Вёкса — Вёкса-Л. Всего вскрыто 11 погребений, 9 погребений находились в охристых ямах. В двух из них были захоронены по шесть черепов без костяков (Недомолкина, Никитинский, 1996. С. 88—94). Два погребения — без подсыпки охры. Возможно, могильник разновременный. Со слоем гребенчато-ямочной керамики поселения Вёкса III связано одно коллективное погребение с необычным обрядом захоронения, в яме диаметром 60 см. В погребении захоронен мужчина до 45 лет, вероятно, женщина до 20 лет и третья особь, представленная лишь частью нижней челюсти (определение В. И. Хартановича). Костяки были, скорее всего, расчленены, хотя явных признаков этого на костях не отмечено. Наличие в слое раннего неолита поселения Вёкса III тлена кости в круглых угольных пятнах и охры дают основания предполагать, что это ритуальная площадка.

Дальнейшие раскопки позволят проверить и уточнить данные по периоду неолита Верхней Сухоны. Стратиграфия и планиграфия комплексов Вёкса и Вёкса III помогут в решении проблем генезиса, взаимоотношения культур и на смежных территориях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

- Арсакова М. Е.* Археологические разведки в Вологодском уезде // Север. № 7—8. 1928.
- Васильев С. Ю.* Стратиграфия поселения Вёкса // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
- Васильев С. Ю., Суворов А. В.* Археологическое обследование низины Кубенского озера. Вологда, 1994 / Отчет в Архиве Гос. дирекции по охране памятников истории и культуры Вологодской области за 1998 г.
- Гурина Н. Н., Крайнов Д. А.* Льяловская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Гуслистов Н. В.* Развитие археологических исследований на территории Вологодской области // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вып. IV. Вологда, 1978.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002.
- Квасов Д. Д.* Позднечетвертичная история крупных озер и внутренних морей Восточной Европы. Л., 1975.
- Костылева Е. Л., Зарецкая Н. Е.* Новые данные по начальному этапу неолита Волго-Окского междуречья // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуриной. СПб, 2000.
- Лобанова Н. В.* Культура ямочно-гребенчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Логина Э. С.* Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978.
- Ляпкина А. А.* Природа и природные ресурсы Присухонской низины Вологодской области. Вологда, 1985.
- Недомолкина Н. Г.* Вёкса — предшественница Вологды // Вологда 3. Историко-краеведческий альманах. Вологда, 2000а.
- Недомолкина Н. Г.* Многослойное поселение Вёкса // ТАС. Вып. 4. Т. 1. 2000б.

- Недомолкина Н. Г.* Поселение Вёкса III (Устье-Вологодское III) // Criterion. Традиции в контексте русской культуры. Череповец. 2000в.
- Недомолкина Н. Г.* К проблеме существования льяловских комплексов в бассейне Верхней Сухоны // Археология: история и перспективы. Ярославль, 2003а.
- Недомолкина Н. Г.* Работы Вологодского государственного музея-заповедника. // Археологические открытия 2002 г. М., 2003б.
- Недомолкина Н. Г., Никитинский И. Ф.* Могильник поселения Вёкса // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
- Никитинский И. Ф.* Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции 1984 г. / Архив Вологодского Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вологда, 1985.
- Никитинский И. Ф.* Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции 1985 г. / Архив Вологодского Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Вологда, 1986.
- Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Ошибкина С. В.* Неолит Беломорья и Крайнего Северо-Востока // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Петрашень И. А.* Река Сухона. СПб, 1911.
- Сердитов С. Н.* Внутренние воды // Природа Вологодской области. Вологда, 1957.
- Спирина Д. В.* Археологическое изучение Вологодской области в XIX — первой половине XX века // Древности Русского Севера. Вып. 1. Вологда, 1996.
- Филенко Р. А.* Воды Вологодской области. Л., 1966.
- Энговатова А. В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // ТАС. Вып. 3. 1998.

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ БАССЕЙНА РЕКИ КУБЕНЫ

В эпоху неолита, территория к востоку от Онежского озера (Восточное Прионежье), была заселена племенами каргопольской культуры, обитавшими в так называемом Озерном крае (озера Лача, Воже, Кубенское и Белое) (рис. 1). Восточнее Озерного края располагаются обширные плоские и полого-холмистые равнины, сложенные моренными суглинками или песчаными и супесчаными озерно-ледниковыми отложениями. Здесь, к северу от Сухонской низины, находится регион с густо развитой сетью рек и балок, хорошо разработанными речными долинами, проточными, остаточными озерами, но при этом практически отсутствуют стоянки эпохи неолита. Трудно предположить, чтобы такие крупные реки как Вага, Кулой, Кокшеньга не были заселены в неолитическую эпоху, но, тем не менее, от Озерного края вплоть до Северной Двины, неолитические стоянки пока обнаружены лишь на реке Кубене, которую можно считать окраинной (или пограничной) территорией Восточного Прионежья.

Кубена, одна из наиболее крупных и многоводных рек Вологодской области, вытекает из Верхне-Кубенского озера, расположенного на Онего-Кубенском водоразделе (Архангельская обл.) и впадает в Кубенское озеро (Вологодская обл.). Длина реки — 365 км, площадь водосбора — 11000 км². Притоки Кубены многочисленны, многие берут начало из мелких и средних реликтовых озер, сохранившихся в углублениях дна, существовавшего здесь когда-то обширного ледникового водоема. Ландшафт бассейна р. Кубены представляет собой полого-волнистые и низменные равнины, местами сильно заболоченные, так как эта территория находилась в зоне последнего валдайского оледенения. Берега р. Кубены и ее притоков, чаще всего, хорошо задернованы, имеют много песчаных перекатов, островов, крупных камней. Скопления валунов образуют «переборы»; встречаются каменные гряды, образованные в результате размыва моренных гряд, что затрудняет судоходство и способствует сохранению берегов (Филенко, 1966. С. 113—114).

Археологическое изучение бассейна р. Кубены началось сравнительно недавно. В 1988—89 гг. А. В. Кудряшовым было выявлено несколько разновременных памятников, как на самой р. Кубене, так и на ее притоках (в том числе, один из наиболее интересных памятников этого региона — многослойное поселение Боровиково) (рис. 1). С середины 90-х годов разведочные работы и раскопки в бассейне р. Кубены ведет автор.

В настоящее время в бассейне р. Кубены открыто восемь стоянок и местонахождений, связанных с неолитическим временем. Большинство древних стоянок имеют небольшую площадь, подъемный материал представлен отдельными фрагментами ямочно-гребенчатой керамики и немногочисленным каменным инвентарем. На двух памятниках (многослойные поселения Боровиково и Машковские Горы) ведутся раскопочные работы. При раскопках поселения Машковские Горы (вскрытая площадь — 35 м²), на глубине 1,5—1,6 м выявлен неолитический слой с комплексом кремневых изделий (небольшие нуклеусы с негативами неправильных пластинчатых снятий, разнообразные скребки, обломок бифасиального орудия, пластины, отщепы) и немногочисленными обломками керамики. Обнаружен развал довольно крупного сосуда (диаметром не менее 34 см), орнаментированный ровными коническими ямками, расположенными в шахматном порядке. Гребенчатая орнаментация прослеживается только в верхней части сосуда: два ряда гребенчатых оттисков, поставленных довольно беспорядочно (под разными наклонами — вправо, влево или прямо); иногда оттиски накладываются друг на друга, сдвигаются, а поверх гребенчатых оттисков сделан ряд ямочных вдавлений (рис. 4, 7). Большая часть керамики и кремневый инвентарь неолитического слоя поселения Машковские Горы, в целом, соотносятся с материалами каргопольских стоянок. По всей видимости, с каргопольской культурой, можно также связать кубенские стоянки Ючка-II, Усть-Сить I, Усть-Вондожь, где были обнаружены подобные материалы. Наиболее интересный и своеобразный неолитический комплекс находок получен при раскопках многослойного, стратифицированного поселения Боровиково (рис. 1).

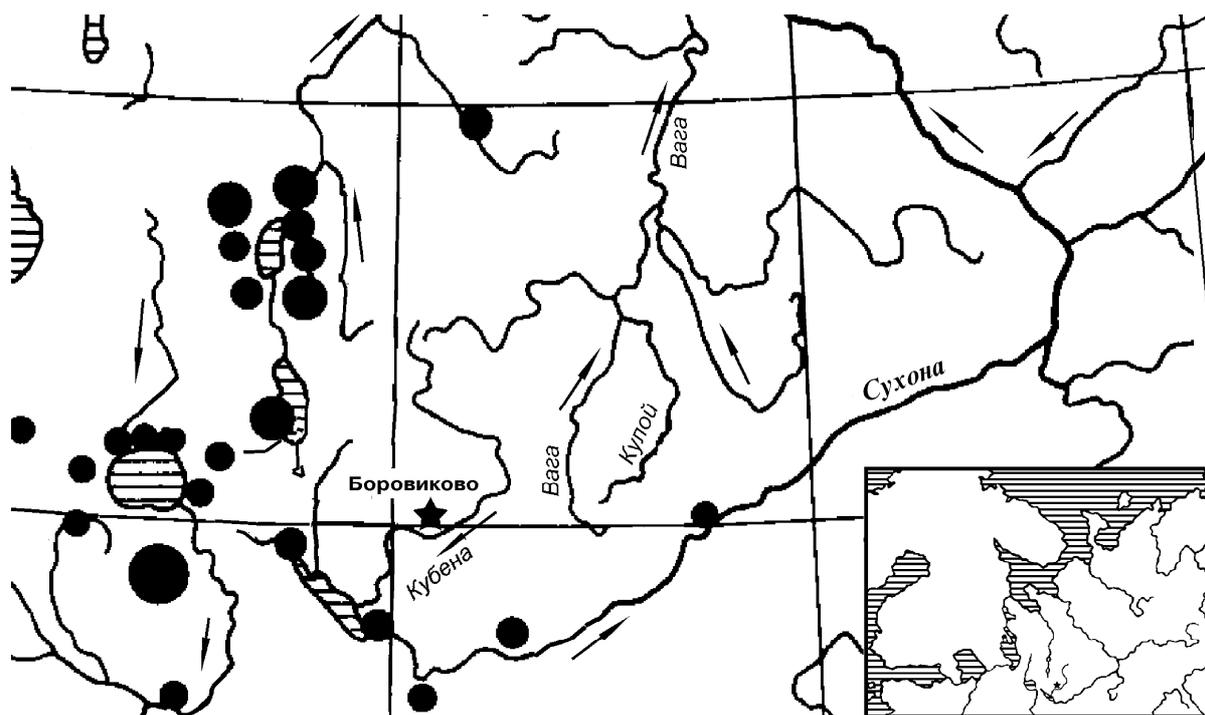

Рис. 1. Стоянки каргопольской культуры Восточного Прионежья. Расположение стоянки Боровиково (по С. В. Ошибкиной, 1996, с дополнением).

Поселение располагается на правом берегу р. Кубены, в 200 м к северу от одноименной деревни, напротив устья небольшой речки Чивицы и занимает прибрежный участок высокой (4 м) поймы на протяжении 340 м вдоль реки (рис. 2). Примерная площадь поселения более 10000 м². Восточная часть памятника заметно пострадала в результате прокладки дороги по его территории и установки понтонного моста через р. Кубену. Верхняя часть культурных напластований повреждена или вообще уничтожена.

Раскопки поселения Боровиково начались в 1998 г. К настоящему времени исследованная площадь составила 366 м². Стратиграфия памятника в совокупности с археологическим материалом свидетельствует о неоднократном его заселении от мезолита до раннего средневековья (рис. 2). Верхние супесчаные отложения, наиболее поврежденные в результате антропогенного воздействия, связаны с периодами раннего металла — раннего средневековья. Культурные напластования, вмещающие неолитическую керамику (мощностью 0,3—0,4 м), залегают на глубине 0,6—0,8 м (ближе к лесу — 0,3—0,4 м), под стерильной прослойкой желтого суглинка и подстилаются коричневым, сильно опесчаненным суглинком, связанным с эпохой мезолита (рис. 2, 2). На различных участках поселения состав отложений различен, но, благодаря специфическому материалу, они легко синхронизируются. Неолитический слой стратиграфически выделяется довольно четко: в южной, прибрежной части поселения он представлен темно-коричневым суглинком, а в северной — темно-желтым песком с углистыми включениями.

Вся неолитическая керамика — более 200 экз. (фрагменты меньше 4 см² не учитывались) — залегает в этом слое поселения. В западной части поселения, в нижней части неолитического слоя, обнаружен довольно крупный фрагмент керамики культуры сперрингс, орнаментированный диагональными полосами с помощью фигурного штампа (естественный орнаментир?) (рис. 4, 1). Аналогичная керамика выявлена на поселении Тудозеро V (Вытегорский р-н Вологодской обл.) (Иванищев, Иванищева, 2000. С. 28—30). За исключением этого единственного фрагмента, остальная керамика орнаментирована белесыми ямками в сочетании с оттисками гребенчатого или гладкого штампов. Несколько десятков крупных фрагментов от 24 сосудов, а также шесть развалов, позволили частично реконструировать древнюю посуду. Типологически выделяются две группы керамики.

В юго-восточной части поселения, где встречено максимальное количество находок, обнаружена ямочно-гребенчатая керамика, близкая каргопольской. Фрагменты орнаментированы

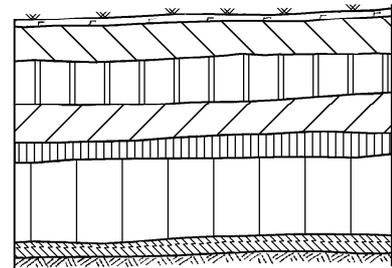
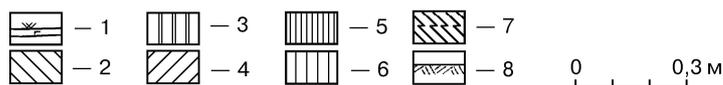
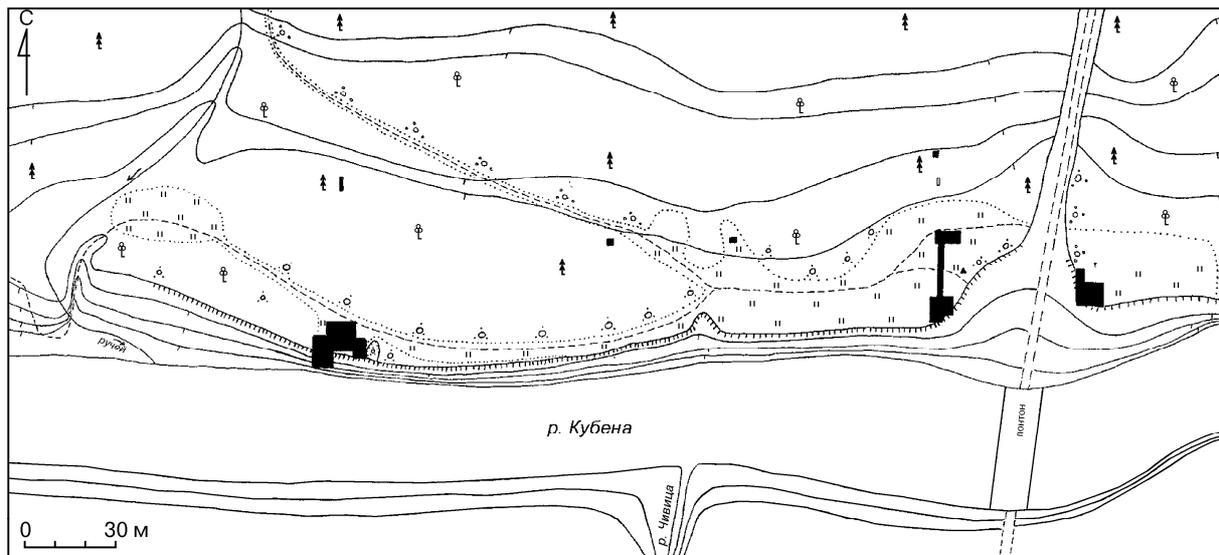

Рис. 2. Многослойное поселение Боровиково, топографический план, стратиграфия:
 1 — дерн; 2 — серая мешаная супесь; 3 — желтая супесь (первый желтый слой); 4 — темно-серая супесь (первый темный слой); 5 — желтый суглинок (второй желтый слой); 6 — темно-коричневый суглинок (второй темный слой); 7 — коричневый суглинок; 8 — материк.

рядами конических ямок, расположенных в шахматном порядке, горизонтальными гребенчатыми поясками, а также, прямыми и наклонными рядами гребенчатого и гладкого штампов (рис. 3, 1—3). Интересной особенностью одного из сосудов является использование в качестве дополнительного орнамента верхней челюсти зайца, с помощью которой нанесены оттиски под венчиком и по срезу сосуда (рис. 3, 3)¹.

С поздненеолитическим периодом существования поселения связаны следы наземного, слегка (на 0,15—0,20 м) заглубленного жилища подпрямоугольной формы (пока раскопан только его северо-западный угол размерами 4 x 3,5 м). Внутри жилища прослеживаются остатки открытых очагов и хозяйственных ям, заполненных кальцинированными косточками, отходами каменного производства, обломками орудий и немногочисленными фрагментами керамики (рис. 3, 4, 5, 6). Керамика довольно плохой сохранности, орнаментирована разреженными ямками и вертикальными рядами оттисков слабо пропечатанного широкого гребенчатого штампа, иногда образующего своеобразный «цветочный» узор (рис. 3, 4, 5). Радиоуглеродное датирование по углю из очага — 4800 ± 50 л. н. (Ле-5982), что соответствует с среднему этапу развития каргопольской культуры (Ошибкина, 1996. С. 226).

Вторую группу керамики можно отнести к гребенчато-ямочной, поскольку в орнаментации явно доминирует гребенчатый штамп, а ряды ямок играют роль разделителя. Своеобразен сосуд, орнаментированный чередующимися рядами разреженных ямок и наклонными отпечатками гребенчатого прямого и волнообразного штампов (рис. 4, 9). Выразительной особенностью других сосудов являются горизонтальные ряды наклонных, плотно сомкнутых оттисков короткого гребенчатого штампа в два — три яруса (рис. 4, 7, 10, 11, 14). На отдельных обломках прослеживаются парные оттиски наклонной гребенки, соединяющие соседние ряды ямок (рис. 4, 6),

¹ Определение орнамента дано И. В. Калининой.

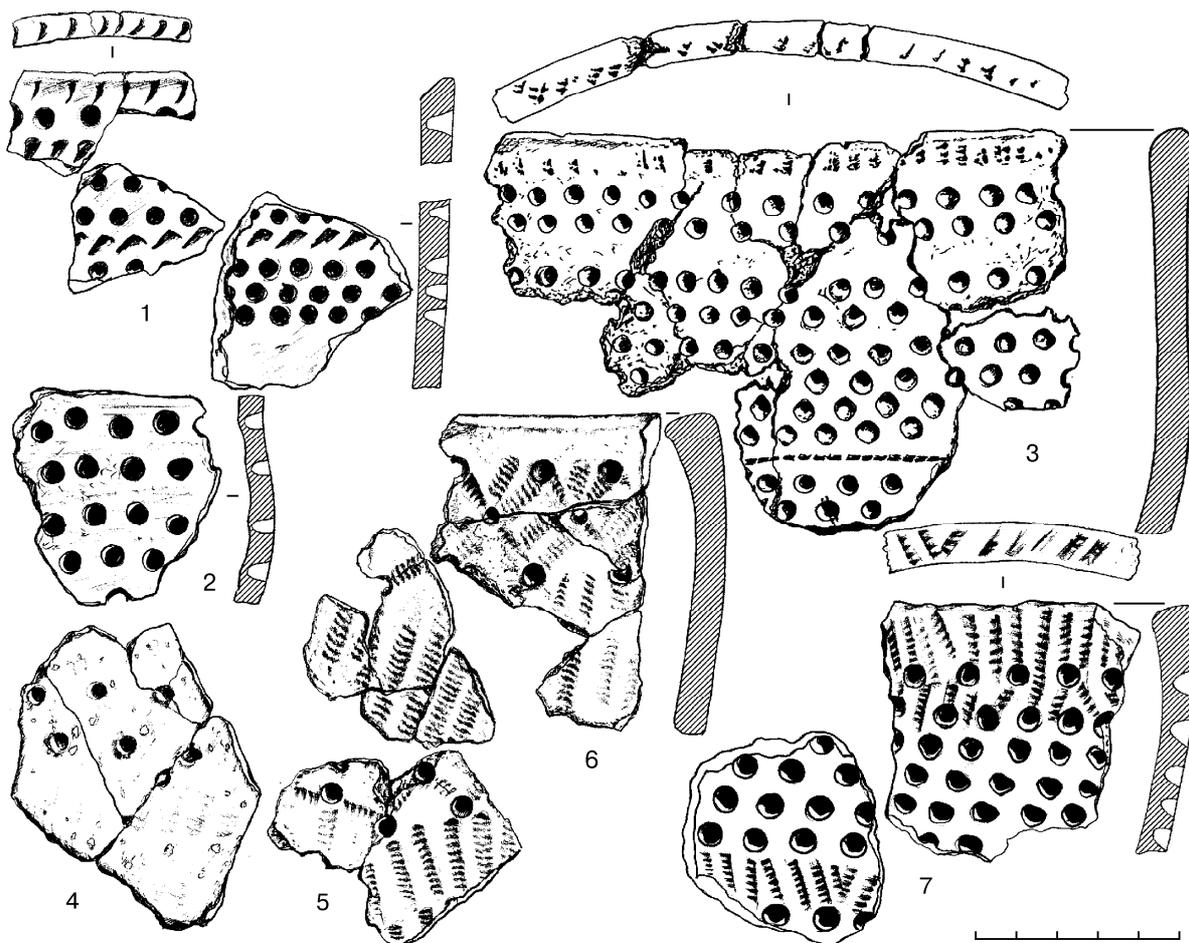

Рис. 3. Ямочно-гребенчатая керамика:
1—6 — Боровиково (4—6 — материал из жилища); 7 — Машковские Горы.

наклонные полосы отступающего гребенчатого и гладкого штампов (рис. 4, 2—5); на тулово части сосудов нанесен гребенчатый зигзаг с ямками на углах (рис. 4, 11, 14). На ряде фрагментов вместо гребенки наблюдаются отски веревочки, намотанной на стержень (рис. 4, 16). Выделяется небольшая мисочка, орнаментированная тонким, слегка изогнутым гребенчатым штампом (рис. 4, 15).

В целом, обнаруживается значительное сходство в форме и технологии изготовления данной группы посуды. Все сосуды средних размеров, круглодонные, сферической или слегка прикрытой формы; толщина стенок варьируется от 0,6 до 0,9 см. Сосуды вылеплены из плохо промешанной глины с примесью несортированной дресвы, а иногда очень крупной каменной крошки в тесте. Венчики, в основном, утолщенные, плавно скругленные, реже скошены внутрь, срез всегда орнаментирован; при оформлении венчиков последнюю ленту теста загибали внутрь и уплотняли тем же гребенчатым штампом, который использовался при орнаментации. В итоге венчик получался утолщенный, с небольшим карнизиком на внутренней стороне. Бордюрная зона декорирована вертикальными рядами отсков короткого гребенчатого штампа. Орнамент покрывает всю наружную поверхность сосудов горизонтальными зонами из разреженных рядов глубоких округлых ямок и отсков гребенчатого, гладкого, реже веревочного штампов; иногда гребенчатые отски слегка удлиненные (7—9 зубцов), но чаще совсем короткие. Все гребенчатые отски на керамике отчетливы и нередко вдавлены так глубоко, что между соседними рядами образуются выпуклые ребра.

Отметим, что сходные орнаментальные мотивы выполнялись как гребенчатыми, так и не гребенчатыми отсками, которые, замещая друг друга, никогда не сочетаются. Данная керамика близка архаичной и раннелязловской керамике Верхнего Поволжья (стоянки Варос, Языково-1, Воймежное-1, Ивановское VII и др.) (Сидоров, 1992. С. 12—15; Энговатова, 1997а. С. 56—58).

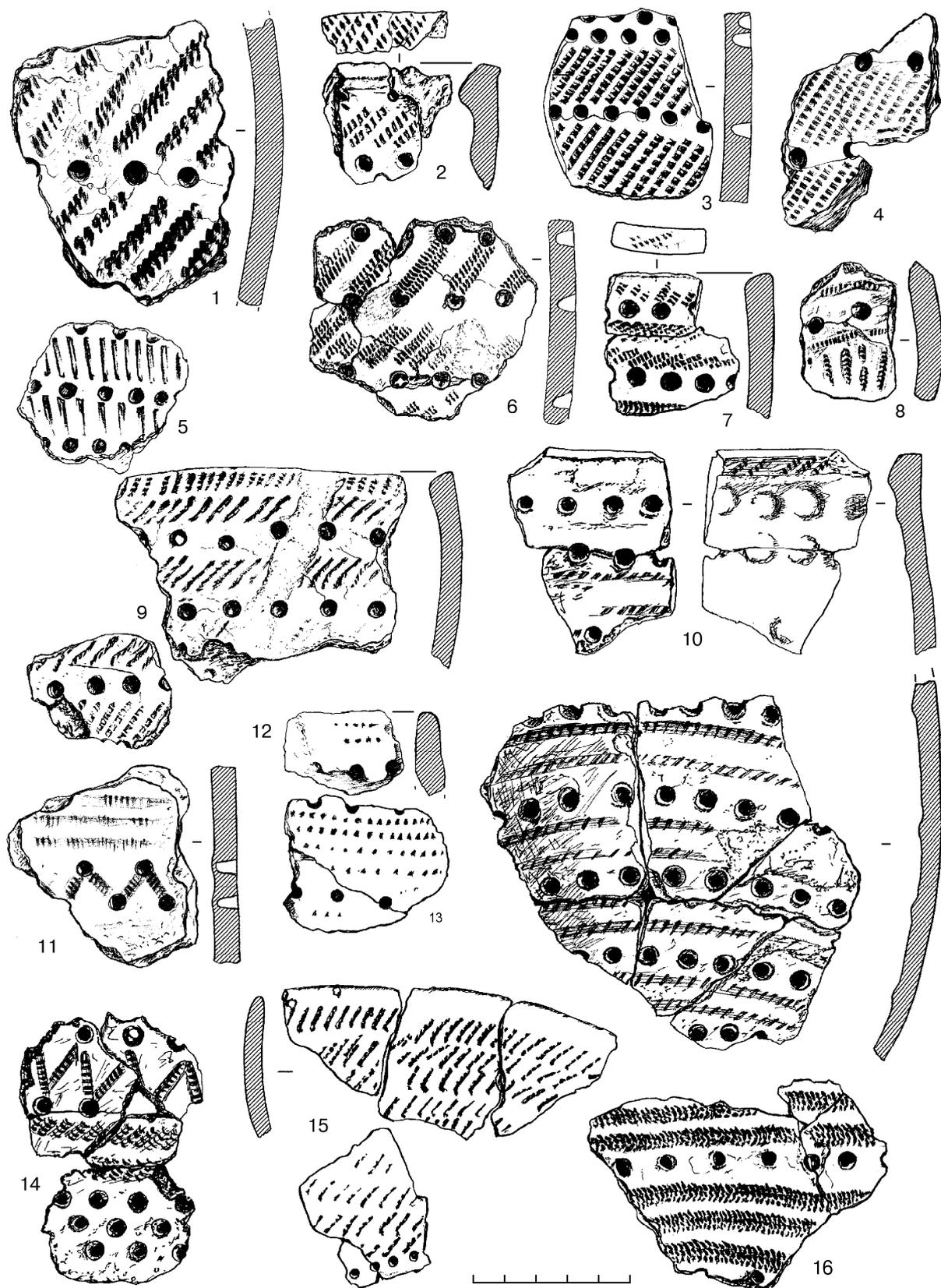

Рис. 4. Керамика сперрингс и гребенчато-ямочная: 3 — Машковские Горы; остальные — Боровиково.

К сожалению, немногочисленная керамика обеих групп залегает в слое практически совместно (хотя стоит отметить, что каргопольская керамика тяготеет к верхней части культурного

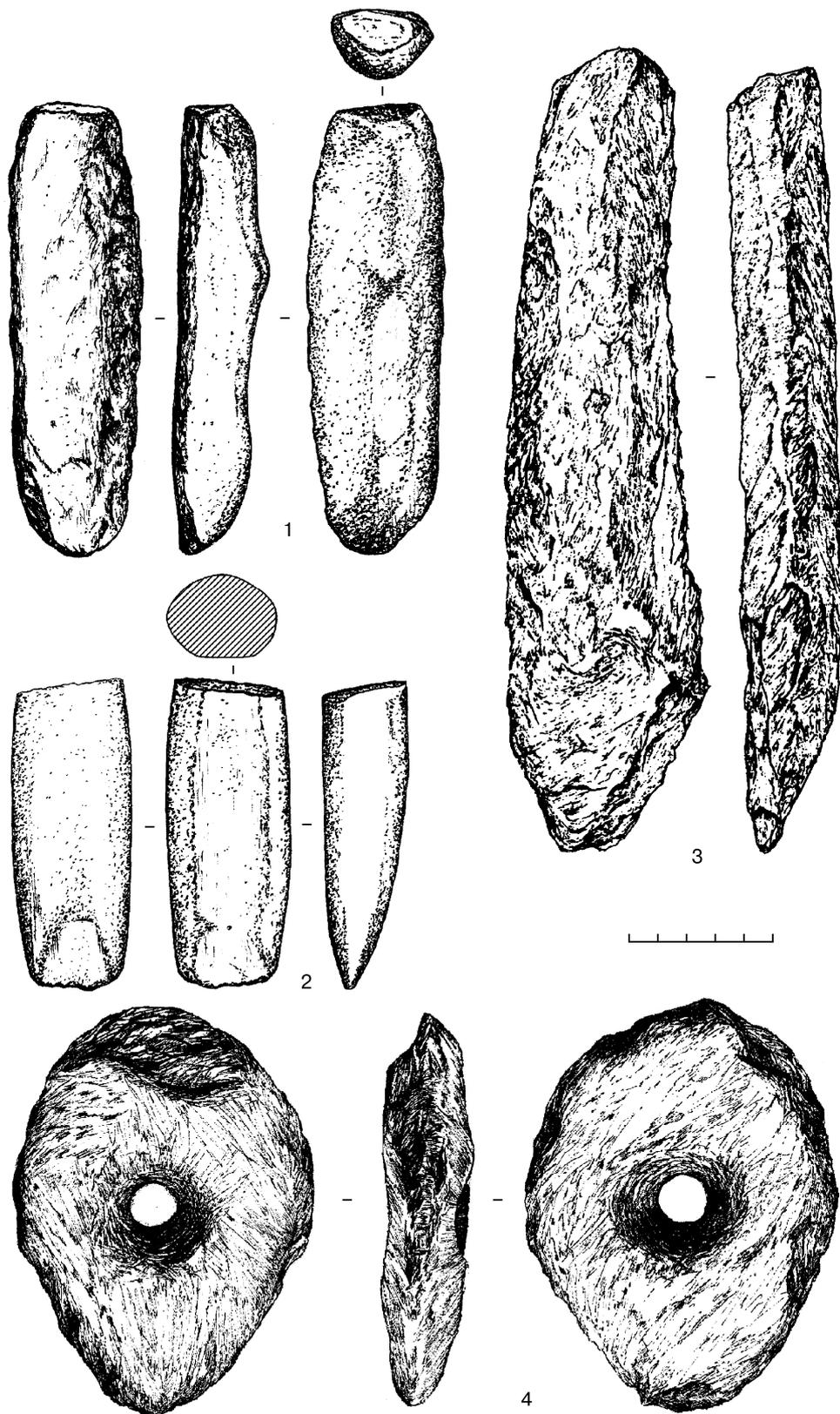

Рис. 5. Сланцевые рубящие орудия поселения Боровиково.

слоя), поэтому описание обнаруженного в неолитическом слое каменного инвентаря дается обобщенно, поскольку убедительно соотнести различные типы орудий с конкретной керамикой не всегда представляется возможным.

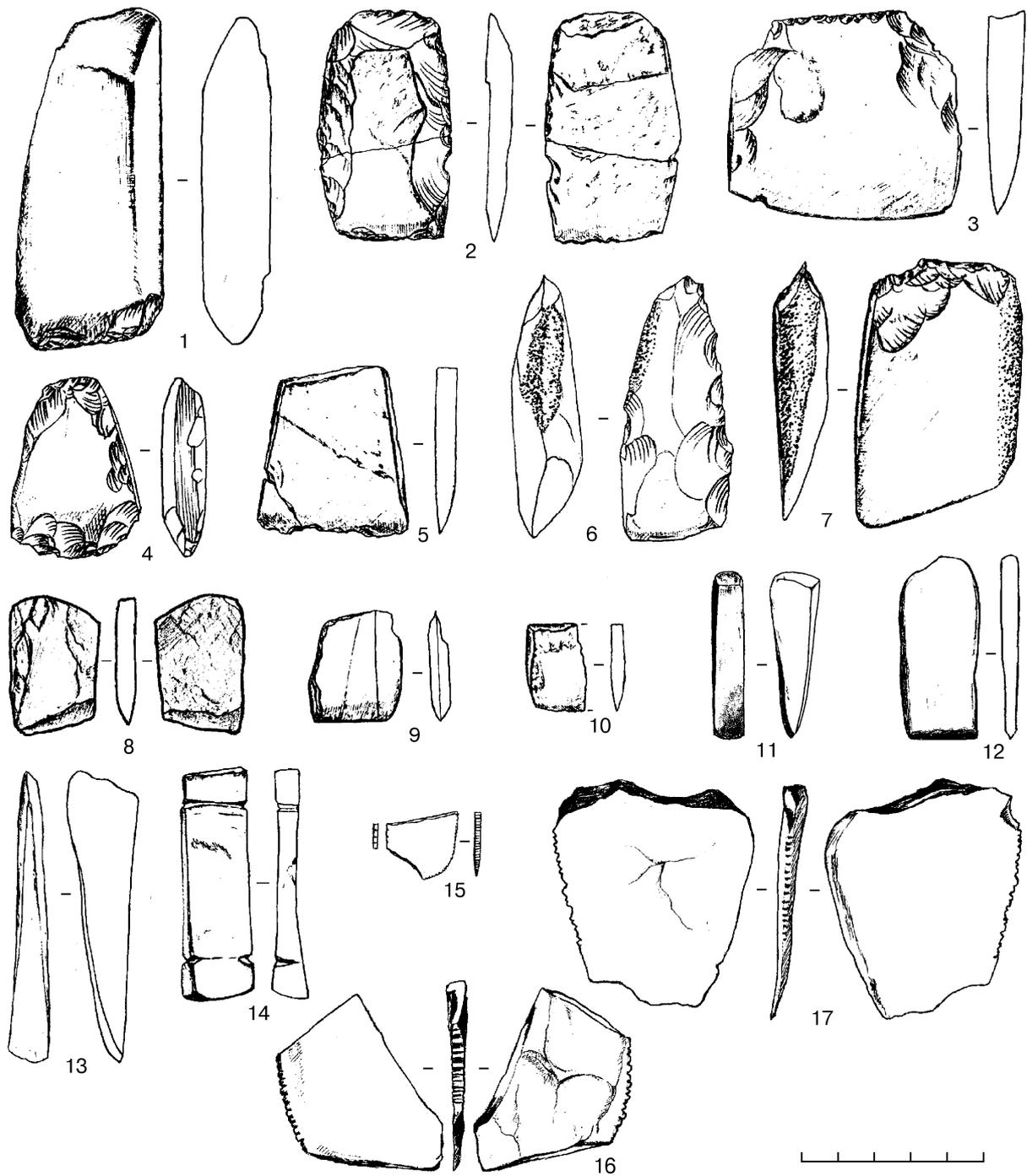

Рис. 6. Сланцевые орудия поселения Боровиково: 1—3 — топоры; 4—7 — тесла; 8—10 — долотовидные орудия; 11—13 — стамески; 14 — грузило; 15—17 — штампы.

В ходе раскопок найдено значительное количество сланцевых орудий — 73 экз. (включая обломки). Рубящие орудия представлены топорами, теслами, стамесками и долотовидными орудиями, среди которых выделяются крупные изделия, обработанные в технике пикетажа. Среди топоров выделяется массивное (длина — 26 см, ширина — 6 см) орудие, изготовленное с минимальной подправкой куска сланца: длинные стороны обработаны пикетажем и слегка подшлифованы, обух прямой, рабочий конец сильно заужен, на нем прослеживаются следы от ударов, образовавших небольшое желобчатое углубление (рис. 5, 3) Подобные, даже еще более крупные, топоры встречаются на ранних каргопольских стоянках на р. Модлоне (Ошибкина, 1978. С. 78). Интересны находки двух валикообразных топоров с овальным сечением и слегка

зауженным рабочим лезвием. Поверхность одного топора обработана в технике пикетажа, одна из сторон и рабочий конец орудия подшлифованы (рис. 5, 2), поверхность второго топора зашлифована полностью. Валиковые топоры, по мнению многих исследователей, имеют большую древность. Их находят на стоянках мезолитической культуры суомусъярви; они регулярно встречаются на ранних стоянках каргопольской культуры (Ошибкина, 1978. С. 76—77). Довольно необычен топор, обработанный в технике оббивки и пикетажа — одна сторона у него уплощена, на другой — два бугорка; на неподшлифованном лезвии видны следы забитости (рис. 5, 1). Найдены прямоугольные в плане и сечении топоры (рис. 6, 1—3), один из которых, относится к типу двулезвийных (рис. 6, 2). Второе лезвие, хотя и заточено, но не имеет следов употребления. Единственное сверленное орудие — мотыга ромбической формы с биконическим сверлением, была несколько лет назад обнаружена на берегу местным жителем (рис. 5, 4). Подобные орудия встречаются на льяловских стоянках (Сидоров, 1992. С. 26). Остальные сланцевые орудия имеют небольшие размеры, изготовлены из плоских сланцевых плиток, обработаны с помощью шлифовки по всей поверхности или только по лезвию. Несколько топориков прямоугольных и подквадратных очертаний, оббиты по краям, лезвие подшлифовано на 2 см (рис. 6, 3), аналогично обработаны тесла с зауженным обухом и заметными следами сработанности (рис. 6, 4—6). У двух тесел (одно — из крупного отщепа, другое — из естественной сланцевой плитки со следами распила по одному краю) подработана пикетажем одна из сторон, а обух оббит сколами (рис. 6, 7). Выразительной серией (6 экз.) представлены мелкие тесловидные орудия (в среднем — 3,5 x 2,5 x 0,5). Их края, а иногда одна из сторон, подшлифованы, причем на всех изделиях лезвие заточено наискосок (рис. 6, 8, 9, 10). Обнаружено несколько стамесок (рис. 6, 11, 12, 13) и небольших шлифовальных плиток. К редким изделиям из сланца относятся скребок, скобель, грузило со следами надпилов на обоих концах (рис. 6, 14), три гребенчатых штампа (рис. 6, 15—17). Таким образом, для производства сланцевых орудий на Боровиково использовались все известные приемы работы со сланцем: пиление, пикетаж, оббивка, шлифование.

Помимо сланцевых изделий в неолитическом слое обнаружен многочисленный кремневый инвентарь, в том числе пластинчатый. Нуклеусы, в основном, одноплощадочные, иногда торцовые или аморфных очертаний, но чаще всего подконусовидные с замкнутым или почти замкнутым скалыванием (рис. 7, 1—3, 23). Орудийный набор с типологической точки зрения весьма разнообразен:

— наконечники с двусторонней обработкой, чаще всего листовидной формы, изредка с прямым основанием или намеченным черешком (рис. 7, 4—9);

— острия-проколки, изготовленные из отщепов и ретушированные с одной или с двух сторон (рис. 7, 10, 11);

— скобели на крупных отщепах, нуклевидных сколах или кремневых плитках; некоторые могли служить строгальными ножами, другие имеют скобящий или скребущий рабочий край, есть изделия ложкарного типа;

— разнообразные скребки (самая многочисленная категория орудий), изготовленные, в основном, на отщепах. Представлены скребки округлые, ретушированные на три четверти периметра (рис. 7, 15), угловые, боковые, двойные (рис. 7, 21), скребки с полностью ретушированной спинкой (рис. 7, 17), концевые скребки, как на отщепах, так и на пластинчатых заготовках (рис. 7, 12, 13). Особенно крупную серию составляют скребки, имеющие вид трапеции с рабочим краем по широкой стороне, причем многие имеют дополнительную ретушь по одному или обоим боковым краям (рис. 7, 14). Довольно многочисленны прямоугольные скребки среднего размера, тщательно ретушированные с трех сторон (рис. 7, 22). Обнаружены скребки (5 экз.), переоформленные из обломков бифасиальных орудий (рис. 7, 18, 19), и серия из семи изделий, спинка которых полностью ретуширована, а на брюшке имеется подтеска (рис. 7, 20). Некоторые из этих скребков являются комбинированными орудиями (резчики, долотовидные орудия). Они сделаны из высококачественного красно-коричневого кремня, который для изготовления других орудий не использовался.

Вместе с неолитической керамикой залегает довольно представительный комплекс изделий на пластинах и пластинчатых заготовках. Найдены нуклеусы с негативами от пластин, иногда довольно узких, но чаще от отщепов и неправильных коротких пластин (рис. 7, 23). Встре-

чаются мелкие наконечники на пластинчатых заготовках, ретушированные по контуру с одной или двух сторон (рис. 7, 25—29), найден косолезвийный наконечник — высокая трапеция с круторетушированными краями (рис. 7, 24). Интересны наконечники с полностью ретушированной спинкой, в то время как на брюшке плоская ретушь оформляет лишь жальце и/или основание: обоюдоострый наконечник на крупной, слегка изогнутой пластине (рис. 7, 34) и небольшой наконечник ромбической формы с вытянутым насадом (рис. 7, 35). Вместе с керамикой залегало несколько угловых резцов на пластинах, симметричных и скошенных острий (рис. 7, 30—32), ножевидных пластин (в том числе с правильной огранкой) (рис. 7, 37—41) и другие изделия на пластинчатых заготовках (рис. 7, 36, 42, 43—47).

Разумеется, учитывая близкое залегание мезолитического и неолитического комплексов, предположение о механическом смешении материалов вполне допустимо и, поэтому, деление каменного инвентаря (особенно пластинчатого) на хронологические группы в соответствии с уровнем залегания допускает некоторую долю условности. В то же время, нельзя не учитывать тот факт, что горизонт распространения керамики четко локализован по вертикали и в слое с мезолитическими находками не обнаружено ни одного фрагмента керамики и типичных для неолита каменных изделий. В ходе работы были составлены микропрофили залегания находок, показавшие, что между верхним (неолитическим) и нижним (мезолитическим) комплексами находок существует некоторый разрыв (стерильный горизонт). Мощность горизонта, не содержащего находок, составляет от 5 до 20 см на разных участках поселения.

Говорить о культурно-хронологической принадлежности неолитического горизонта можно пока лишь предварительно. Археологические материалы поселения Боровиково фиксируют неоднократное заселение берегов р. Кубены в неолитическую эпоху. Единственный фрагмент керамики сперрингс не дает возможности делать какие-либо выводы, хотя позволяет предполагать проникновение отдельных групп населения культуры сперрингс далеко на юг в период раннего неолита (конец V—IV тыс. до н. э.).

Вторичное, в рамках эпохи неолита, заселение р. Кубены (в том числе Боровиково), видимо, произошло в первой половине IV тыс. до н. э. носителями керамики, в декоре которой преобладает гребенчатая орнаментация (отдельные фрагменты подобной керамики найдены также на стоянках Усть-Верденьга и Машковские Горы, где они залегают в одном слое с ямочно-гребенчатой керамикой) (рис. 4, 3). На данный момент исследований определенные аналогии прослеживаются с материалами многослойного поселения Вёкса-3 (7 слой) на реке Вологде, откуда получена радиоуглеродная дата 5650 ± 150 л. т. н. (ГИИ-10182) (Недомолкина, 2000. С. 3—4). Подобная керамика нередко встречается на памятниках Волго-Окского междуречья, где ее относят к архаичному и/или раннеल्याловскому типам и датируют рубежом V—IV — первой четвертью IV тыс. до н. э. (Энговатова, 1997б. С. 117; Жилин, Костылева, Уткин, Энговатова, 2002. С. 81—82). Однако, волго-окская ранняя гребенчато-ямочная керамика не полностью тождественна керамике с поселения Боровиково, поскольку в формах и орнаментации последней не прослеживаются наиболее характерные для архаичного льялово детали (отогнутый наружу венчик, зигзагообразный фриз под венчиком, оттиски плюсневого штампа). Кроме того, необходимо учитывать находки пластинчатого инвентаря, которые в сочетании с продуктами расщепления, сколами подправки ударных площадок и нуклеусами говорят о сохранении развитой отжимной техники производства ножевидных пластин, вероятно, унаследованной от мезолитической эпохи. Мезолитические традиции прослеживаются и в изготовлении частично ретушированных наконечников, неполной зашлифовке сланцевых орудий (только по лезвию) и т. д. Все это позволяет предполагать, что сложение неолита в данном регионе происходило на основе местного мезолитического субстрата. Гребенчато-ямочная орнаментация была широко распространена на северных территориях, не случайно некоторые исследователи связывают возникновение архаичного типа льяловской керамики с появлением «северного компонента» на территории Волго-Окского междуречья и сопоставляют ее с ранней гребенчатой керамикой северо-западных стоянок Восточной Европы (Жилин, Костылева, Уткин, Энговатова, 2002. С. 74). Бассейн р. Кубены мог быть одной из тех территорий, откуда происходило расселение северного населения на более южные территории. До появления радиоуглеродных дат этот вопрос остается открытым.

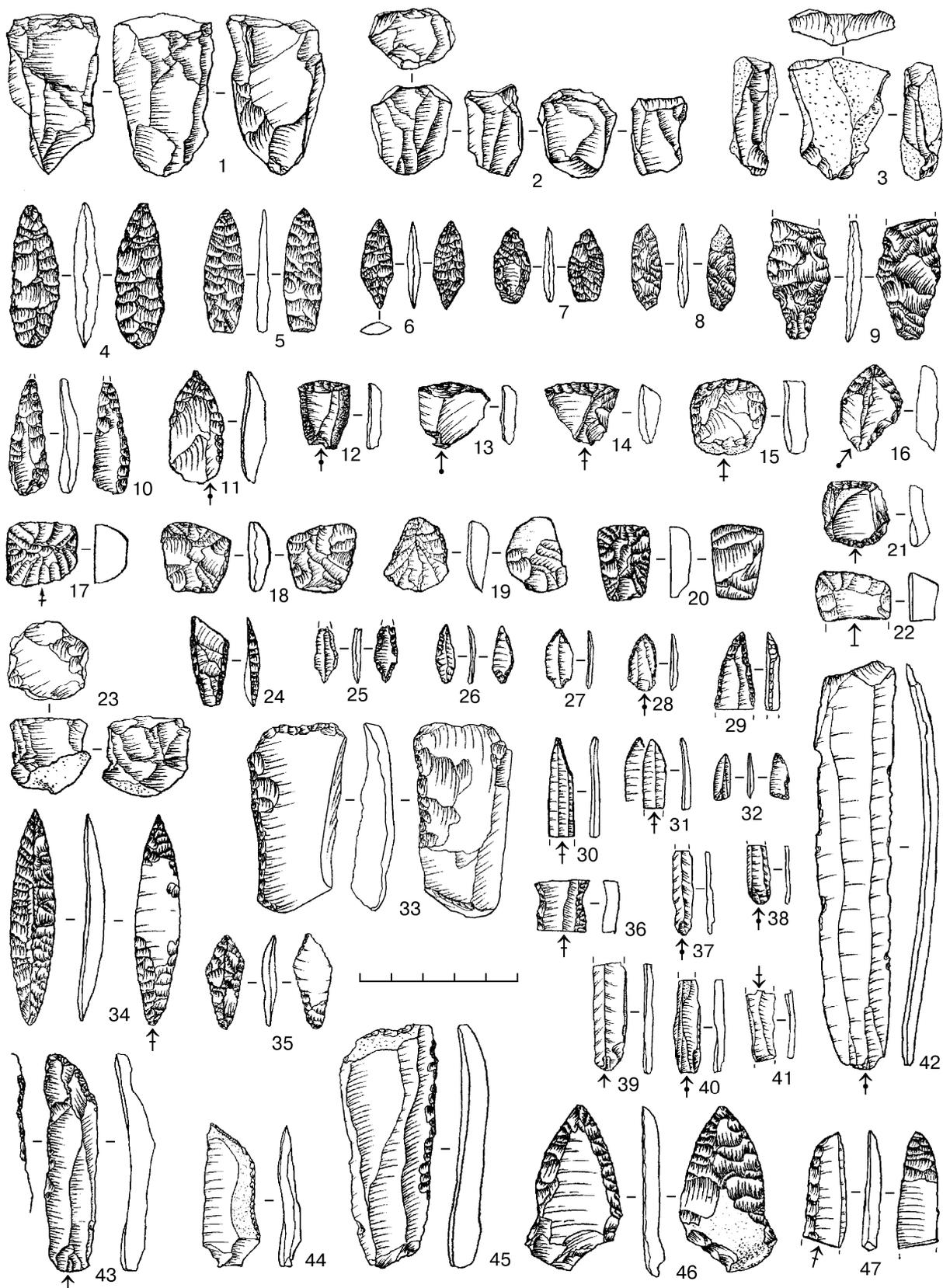

Рис. 7. Кремневый инвентарь поселения Боровиково. 1—3, 23 — нуклеусы; 4—9, 25—29, 34, 35 — наконечники стрел; 10, 11 — проколки; 12, 22 — скребки; 24 — трапеция; 30—32 — остря; 36—42 — пластины; 33, 43—47 — комбинированные орудия.

Последний этап заселения Кубены в неолитическую эпоху связан с каргопольскими племенами. Прослеживаемое сходство части каменного инвентаря и керамики поселения Боровиково с находками на стоянках Мыс Бревенный, Против Гостиного берега и других, указывает на существование здесь каргопольского поселения. В то же время, незначительное количество керамики и ее приуроченность к прибрежной (наиболее разрушенной) части памятника свидетельствует о том, что большая часть стоянки, связанная с каргопольским населением, либо уничтожена, либо, что вероятнее, она было небольших размеров. До сих пор бассейн реки Кубены не входил в ареал распространения каргопольской культуры, но сейчас очевидно, что в конце IV—III тыс. до н. э. здесь проживали племена, родственные каргопольцам.

В свое время С. В. Ошибкина отмечала, что вопрос о включении в основной ареал сложения культур ямочно-гребенчатой керамики Восточного Прионежья остается открытым, поскольку известная здесь мезолитическая культура веретье не дает основания для решения проблемы и удалена хронологически, памятники позднего мезолита и раннего неолита еще предстоит открыть (Ошибкина, 1999. С. 67). Возможно, дальнейшее исследование поселения Боровиково и других кубенских стоянок подтвердят их ранне-неолитический (в рамках ямочно-гребенчатой общности) характер. Но уже сейчас можно говорить о появлении нового культурно-хронологического пласта неолитических древностей в бассейне р. Кубены и сложных путях формирования местных неолитических культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванищев А. М., Иванищева М. В.* Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Хронология неолита Восточной Европы: ТД междунар. конф., посвященной памяти д. и. н. Н. Н. Гуринной. СПб, 2000.
- Жилин М. Г., Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В.* Мезолитические и неолитические культуры Верхнего Поволжья. М., 2002.
- Недомолкина Н. Г.* Поселение Векса-III (Устье Вологодское) // Criterion. Традиции в контексте русской культуры. Череповец, 2000.
- Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- Ошибкина С. В.* Север Восточной Европы // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Ошибкина С. В.* Неолит лесной зоны и севера Восточной Европы // ПАВ. Вып. 9. 1999.
- Сидоров В. В.* Многослойные стоянки Верхнего Поволжья Варос и Языково // Многослойные стоянки Верхнего Поволжья. М., 1992.
- Филенко Р. А.* Воды Вологодской области. Л., 1966.
- Энговатова А. В.* Керамические комплексы льяловской культуры // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997а.
- Энговатова А. В.* Хронология поселения Воймежное I и вопросы периодизации неолита Русской равнины // Древние охотники и рыболовы Подмосковья. М., 1997б.

ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ХРОНОЛОГИЯ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА р. ВЯТКИ

В настоящее время в бассейне р. Вятки известно более 300 памятников эпохи камня. Среди них раскопано около 30 неолитических стоянок и поселений (Гусенцова, 1993). Наиболее полно изучена территория левобережных притоков реки, в ее среднем и нижнем течении. В последние годы обнаружены и исследуются памятники на ее правом берегу. Памятники концентрируются небольшими группами, в устьях мелких речек или проток, впадающих в более крупные притоки р. Вятки. Большинство из них находится на невысоких песчаных дюнах в поймах рек, изредка на мысах первой и второй надпойменной террас, а также в пойме. Исследования памятников проводились большими площадями (200—700 м²). Это позволило установить планиграфию неолитических комплексов, выявить жилища и хозяйственные объекты. Культурный слой эпохи неолита содержит, как правило, несколько групп керамики, украшенных гребенчатым, гребенчато-ямочным, накольчато-прочерченным орнаментом. Несколько из них содержат посуду только с гребенчатым и гребенчато-ямочным (Мысы, Ботыли III, Новомултанское, Криушинская) либо накольчато-прочерченным (Кыйлуд II, IV, Коктыш II, Кошкинская) орнаментом.

Материалы вятских памятников относятся к кругу неолитических культур Волго-Камья. Основной проблемой указанного региона является отсутствие хорошо стратифицированных комплексов и серий радиоуглеродных дат, что вызывает дискуссию по поводу возраста памятников с гребенчатой и накольчато-прочерченной посудой и их генезиса. До настоящего времени периодизация волго-камского неолита была основана на типологии керамики, каменного инвентаря и сопоставлений с данными соседних территорий. Несколько радиоуглеродных дат, полученных для памятников мезолита и неолита бассейна р. Вятки, а также Северного Приуралья, Среднего Поволжья, позволяют уточнить их хронологию.

Памятники предшествующей, мезолитической, эпохи в бассейне р. Вятки представлены ранними комплексами с трапециями, близкими усть-камской культуре (Архангельская III, Тархан II), многочисленными материалами развитого и позднего этапов, для которых известны даты Баринка II — 8265 ± 130 л. н. (Je-1288), Моторки II — 7340 ± 80 л. н. (Je-2846), Баринка I — 7435 ± 170 л. н. (Je-1264) (Гусенцова, 1993). Новая дата получена для сооружения мезолитического времени Кошкинской стоянки — 8350 ± 100 л. н. (7525—7205 BC, 7880—7085 BC) (Je-6629). Они устанавливают нижние границы существования ранне-неолитических памятников, которые совпадают с датами сопредельных территории, в частности, Верхней Волги.

Культурные и временные различия эпохи неолита р. Вятки наиболее отчетливо прослеживаются в технологии изготовления и орнаментации посуды.

Комплексы с гребенчатой керамикой

Керамика с гребенчатым орнаментом традиционно считается одним из главных культурных признаков камского неолита. Большинство известных памятников с этой керамикой исследователи относят к развитому и позднему неолиту (Боровое озеро I, Хуторская и Левшинская стоянки).

Материалы памятников с гребенчатой керамикой бассейна р. Вятки представлены ранней и поздней группой. Наиболее ранний комплекс получен на поселении Тархан I, где найдено несколько развалов сосудов (Гусенцова, 1988. С. 9—17). Глиняное тесто содержит шамот, песок, дресву. Сосуды имеют преимущественно прямую, реже, прикрытую, форму с прямым, округлым или скошенным венчиком, дно округлое или слегка приостренное. Они украшены длинным (до 5 см) и узким штампом, плотно нанесенным по всей поверхности посуды. Для разделения орнаментальных зон иногда применялся овальный короткий штамп. На одном из сосудов орнамент нанесен тонкой шагающей гребенкой. На двух сосудах имеются сквозные ямки под обрезом венчика, как на посуде с накольчатым орнаментом, в небольшом количестве найденной на памятнике (рис. 1, I). Кремневый инвентарь изготовлен, преимущественно, на пластинах,

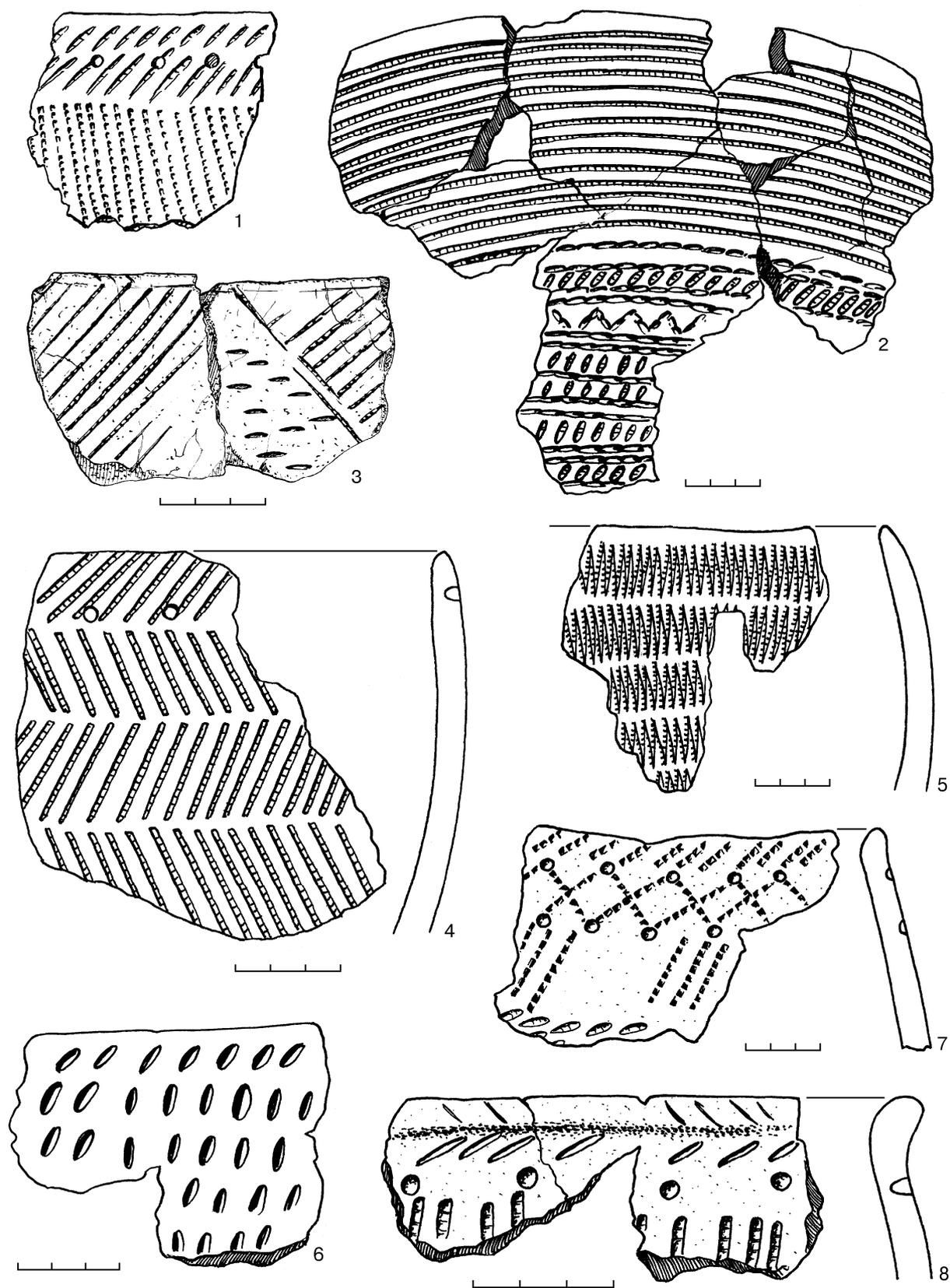

Рис. 1. Керамика с гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом бассейна р. Вятки:
 1 — Тархан I; 2, 4, 6 — Кыйлуд Ш; 3, 5 — Чумойтло I; 7 — Новомултанское; 8 — Ботвли IV.

орудия из которых составляют 71 % от общего их числа. Вместе с тем, имеются наконечники стрел листовидной формы, ножи с двухсторонней обработкой ретушью. Близкая описанной керамика найдена на поселении Кыйлуд III, однако, там присутствуют сосуды, украшенные более сложными орнаментальными композициями (рис. 1, 2). Глиняное тесто содержит крупнотолченый шамот, органику. Часть посуды носит следы лощения и окраски охрой. Подавляющее большинство сосудов имеет прикрытое устье, венчики приостренные, слегка скошенные внутрь, прямые или округлые, без характерных наплывов на внутренней стороне. Орнаментальное поле сосудов часто не имеет разделительных зон. На ряде сосудов, под венчиком, нанесены парные ямки (рис. 1, 4). Несколько сосудов украшено только неглубокими овальными ямчатыми вдавлениями (рис. 1, 6). Количественно преобладают орудия на отщепках, но наиболее выразительные вещи изготовлены на пластинах, среди которых несколько наконечников стрел, обработанных ретушью на пере и основании.

Керамика других памятников (Чумойтло I, Кочуровское I и IV) отличается от вышеописанной появлением небольшого количества сосудов с наплывом на венчике, разнообразием орнаментальных композиций, отдельных сосудов, украшенных плотными рядами шагающей гребенкой (рис. 1, 3, 5). В каменном инвентаре возрастает число орудий, изготовленных на отщепках и плитках кремня, включая наконечники стрел и копий.

В целом, посуда вятских поселений более близка материалам памятников с гребенчатой керамикой Нижней Камы и Среднего Поволжья, чем «классическим» камским. Для хронологии вятских памятников с гребенчатой керамикой важное значение имеет серия дат полученных на соседней территории — р. Вычегде, для стоянки Пезмог IV с керамикой камского (хуторского) типа — 6820 ± 70 л. н. (ГИН-11915), 6730 ± 50 л. н. (ГИН-12322), 6760 ± 50 л. н. (ГИН-12324) (Карманов, 2004. С. 16). Эти данные позволяют значительно удревнить памятники, традиционно относящиеся к развитому (хуторскому) этапу камской культуры и отнести их раннему неолиту.

В этой связи нуждается в уточнении периодизация и культурная принадлежность комплексов с гребенчатой керамикой некоторых волго-камских стоянок (Кабы-Копры, Щербеть II, Зиарат, Усть-Шижма I), материалы которых ранее были выделены в отдельный хронологический пласт, более древний, нежели камский (хуторской) (Наговицын, 1988. С. 71—73). Исходя из публикаций, представляется, что гребенчатая керамика Кабы-Копринской стоянки из бассейна р. Свияги заметно отличается от посуды стоянки Зиарат на р. Белой (Васильев, Выборнов, 1988. Рис. 3). Последняя, наряду с керамикой Усть-Шижма I на р. Вятке (раскопки Л. А. Наговицына), по-видимому, ближе к камской. Керамика стоянки Кабы-Копры более сходна с посудой ранненеолитических стоянок лесостепного Поволжья (Васильев, Выборнов, 1988. Рис. 3). На Усть-Шижме I, по данным Л. А. Наговицына, гребенчатая посуда залегает в слое несколько ниже, чем накольчатая керамика (типа Щербеть II). Вероятно, что носители обеих групп керамики жили в близком хронологическом диапазоне (Наговицын, 1988. С. 71).

В бассейне р. Вятки, гребенчатая керамика отличная от хуторской, имеется на Кочуровском I поселении (рис. 2, 1, 2, 4). Она была отнесена к керамике украшенной по типу «насечки» (Гусенцова, 1993. Рис. 52—53). По технологии изготовления и системе орнаментации она аналогична накольчатой и составляет с ней единый комплекс. На внутренней поверхности венчиков нескольких сосудов, украшенных наколами, прослеживается наплыв, характерный для камской посуды. По-видимому, материалы Кочуровского I поселения отражают процесс взаимодействия носителей различных групп керамики. Для Кочуровского I поселения получена дата 5410 ± 60 л. н. (Je-1345), которая может служить основанием для датирования комплекса эпохой развитого неолита.

К позднему неолиту бассейна р. Вятки относятся памятники (Новомултанское, Ботыли III, Мысы, Моторки II), коллекции которых, наряду с камской, содержат керамику с гребенчато-ямочным орнаментом. Наряду с закрытыми формами сосудов, имеется посуда с профилированным горлом, характерным наплывом на венчике, иногда валиком на внешней стороне венчика (рис. 2, 7—8). В технике орнаментации получают распространение отпечатки коротких штампов. Часть посуды украшена чередующимися зонами из гребенчатых отпечатков или глубоких конических ямок, нанесенных также на округлые днища сосудов. Орнаментация этой группы керамики имеет некоторое сходство с гребенчато-ямочной посудой II-й и III-й Старо-Мазиковских стоянок на р. Илеть, что отражает, по-видимому, контакты носителей различных групп керамики.

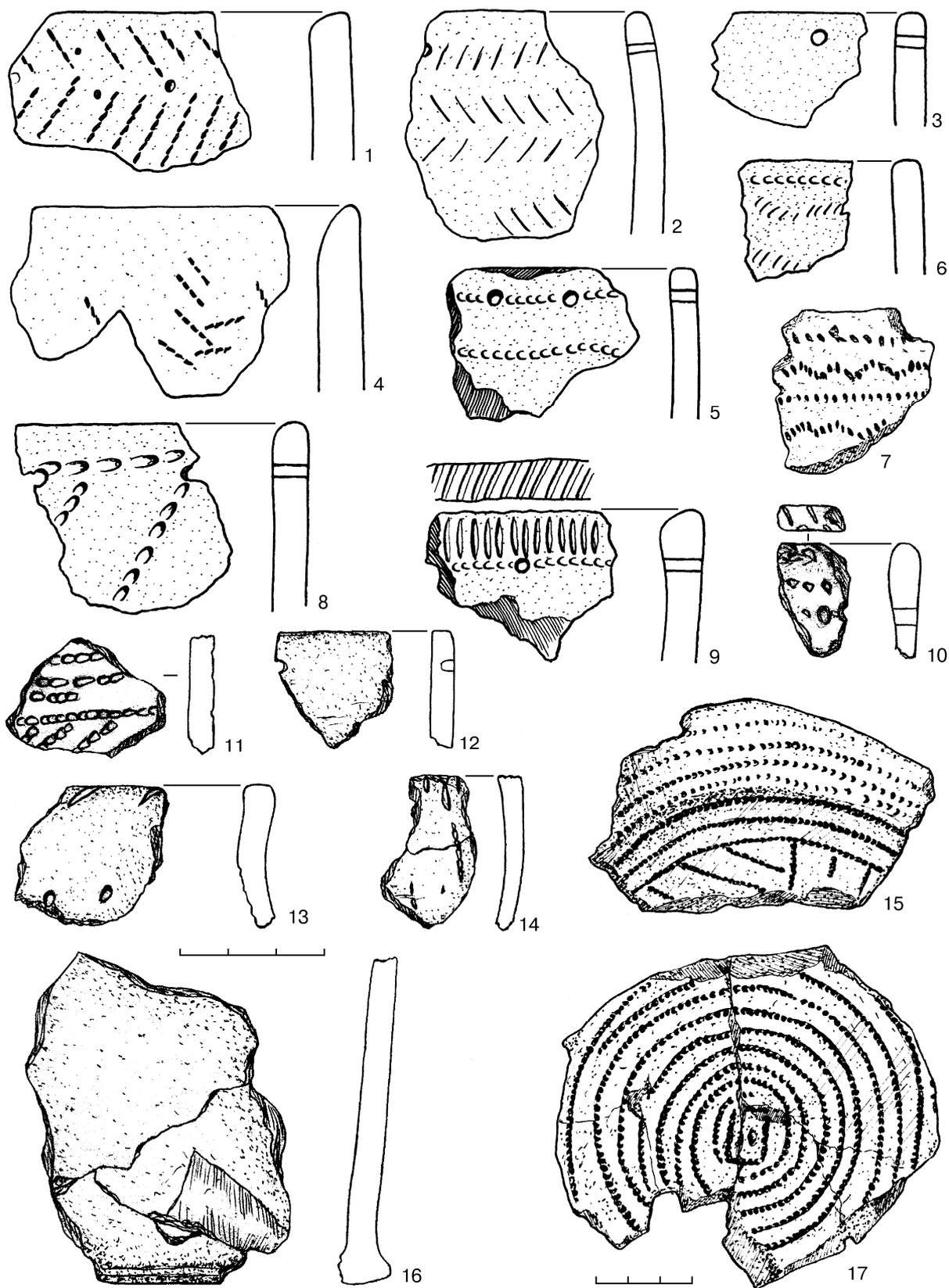

Рис. 2. Керамика с гребенчатым и накольчатым орнаментом бассейна р. Вятки:
 1, 2, 4 — Кочуровское I; 3, 5, 6, 8, 9 — Чумойтло I; 7, 15, 17 — Моторки II; 10—16 — Кошкинская.

Комплексы с накольчато-прочерченной керамикой

В Волго-Камье прослеживается несколько культурно-территориальных и хронологически неоднородных групп накольчатой керамики (Вискалин, 2000). В бассейне р. Вятки известны две группы керамики. Первая представлена посудой Кошкинской стоянки на правом берегу Вятки, где отсутствует гребенчатая неолитическая керамика (рис. 2, 10—14, 16). Посуда сильно фрагментирована, изготовлена из пойменной глины с примесью шамота и органики. Она тонкостенная, толщиной 0,5—0,7 см, обжиг слабый. Внешняя поверхность заглажена и подлощена. Сохранились фрагменты прямых или слабо профилированных шеек и небольшие плоские днища с выраженной закраиной. Посуда орнаментирована крайне слабо. Орнаментальное поле состоит из рядов треугольных наколов, тонких проколов — ямок, насечек в верхней части сосудов и отдельных наколов на днищах. Кремневый инвентарь характеризуется пластинчато-отщеповой индустрией, наличием серии наконечников стрел, среди которых на пластинах «постсвидерского» типа, имеются геометрические микролиты. Для Кошкинской стоянки получены даты 7500 ± 580 ВР (Je-5548), интервалы калиброванного возраста 7600—5270 BC; 6160 ± 100 ВР (Je-5549), калиброванный возраст 5210—5160 лет до н. э. Керамика подобного типа присутствует на Тархане I, Кыйлуде II—IV, Чумайтло I, Коктыш II (рис. 2, 3, 5—6). Другая группа накольчатой керамики отличается от первой более плотной структурой глиняного теста, содержащего шамот, песок и соответственно лучшей сохранностью. Форма сосудов баночная, преимущественно, с прямыми стенками, плоским или плосковогнутым дном. Венчик плоский, приостренный, округлый, иногда орнаментированный насечками (рис. 2, 9). Узор нанесен в верхней и нижней части сосудов, включая дно (рис. 2, 7—8, 15—17). Орнамент выполнен треугольными, наколами, ногтевидными или прямыми насечками, редко прочерченными линиями. Наиболее выразительные комплексы этой керамики собраны на поселении Моторки II, Кочуровское I и IV. В каменном инвентаре этих памятников отмечено увеличение числа орудий на отщепах и, особенно, плитках, кремня. Керамика второй группы наиболее близка к средневожской (Никитин, 2000). В свою очередь, средневожские памятники с накольчатой керамикой отнесены В. В. Никитиным к кругу верхневожских и датированы в пределах V — середины IV тыс. до н. э. Очевидно, в близком хронологическом диапазоне существовали памятники с накольчатой керамикой бассейна р. Вятки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусенцова Т. М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.
- Гусенцова Т. М. Новые поселения эпохи камня в бассейне р. Валы // Приуралье в древности и в средние века. Ижевск, 1988.
- Карманов В. Н. Неолит Европейского Северо-Востока / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Наговицын Л. А. Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Неолитические культуры лесостепного Поволжья и их взаимодействие с населением лесного Волго-Камья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.
- Вискалин А. В. К вопросу о культурной принадлежности памятников с накольчатой керамикой Волго-Камья: проблемы и перспективы (по данным керамики) // ТАС. Вып. 4. Т. 1. 2000.
- Никитин В. В. Культура носителей с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья // ТАС. Вып. 5. 2002.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА

Начиная с 1958 г. и по настоящее время, на территории Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ: Республика Коми и восточная часть Архангельской обл.) (рис. 1) работами Г. М. Булова (1967; 1974), Л. Л. Косинской (1988; 1997) и Э. С. Логиновой (1978; 1985) в бассейне р. Вычегды, В. Е. Лузгиным на Ижме и в бассейне р. Печоры (1972) и И. В. Верещагиной на р. Северной Двине (1977) исследовано на том или ином уровне около 50 памятников эпохи неолита. Был выделен ряд культурных образований, в основном, по керамическим комплексам, часть которых была увязана с определенной каменной индустрией.

Так, к неолиту были отнесены памятники с тычковой керамикой и мезолитоидным обликом каменной индустрии с наконечниками оленеостровского типа (черноборская культура или черноборская группа памятников); с тычково-гребенчатой керамикой и своеобразным кремневым инвентарем, содержащим геометрические орудия в форме трапеций (эньейский культурный тип); памятники с керамикой, орнаментированной длинным и тонкозубым гребенчатым штампом, не увязанной пока с определенным каменным инвентарем (каргопольский культурный тип); памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (составляющая притиманской АК или средневычегодский локальный вариант); памятники с гребенчатой керамикой (составляющая часть притиманской культуры, притиманский локальный вариант или камский культурный тип) и памятники с гибридной гребенчато-ямочной керамикой (вычегодско-вятская культура, синдорский локальный вариант). Различие современных концепций неолита региона (рис. 2) заключается в основном в разных точках зрения на время складывания того или иного культурного образования, продолжительность его существования, соотношение культур во времени, что выдвигает проблемы хронологии и тесно связанной с ними культурной проблематики на первый план в изучении эпохи. В то время как определились основные закономерности расположения неолитических памятников на «боровых» песчаных террасах, были установлены и возможные пути выявления времени их существования.

Естественно, что, в условиях белесо-подзолистых почв, не могло идти речи о применении методов точных наук, уже успешно применявшихся к тому времени (радиоуглеродный анализ или палинологические методы). Затруднены в этих условиях и стратиграфические наблюдения, которые ограничены приведением количественных характеристик распространения того или иного типа керамики или орудий на различных глубинах, и выявлением т. н. обратной стратиграфии. Поэтому приоритет полностью был отдан разработке относительной хронологии, основанной на «принципе синхронизации сходных явлений» (поиск и сопоставление аналогий). Причем, для сравнения материалов отбирался максимально возможный набор признаков (морфология, орнаментика и технология изготовления глиняной посуды, морфология каменных орудий, характеристика жилищных сооружений и т. д.). Практически сразу были выделены поздненеолитические комплексы, сопоставимые с камской культурой гребенчатой керамики и с памятниками ямочно-гребенчатой культурной общности (представленной в регионе льяловской и балахнинской культурами), а также памятники, происхождение которых связано с взаимодействием вышеперечисленных культурных образований. Определен и их статус: первые два как культурные типы и последняя как самостоятельная, автохтонная культура (Булов, 1967. С. 167—168). Естественно, что на них была «перенесена» существовавшая на то время хронология культур, выделенных на основной территории их размещения.

В дальнейшем получение новых материалов и привлечение новых аналогий влекло за собой пересмотр прежних схем. Так, например, в связи с открытием ряда неолитических памятников на Северной Двине (Явроньга I, Пинежское озеро) в период с 1966—1969 гг. Г. М. Буловым была пересмотрена прежняя точка зрения на место памятников с тычковой и гребенчатой керамикой. Ранее он отнес первые к поздней бронзе (вторая половина II тыс. до н. э.), сопоставив с посудой днепровских памятников (балка Сухенька, Бабино III), а вторые — к первому хроно-

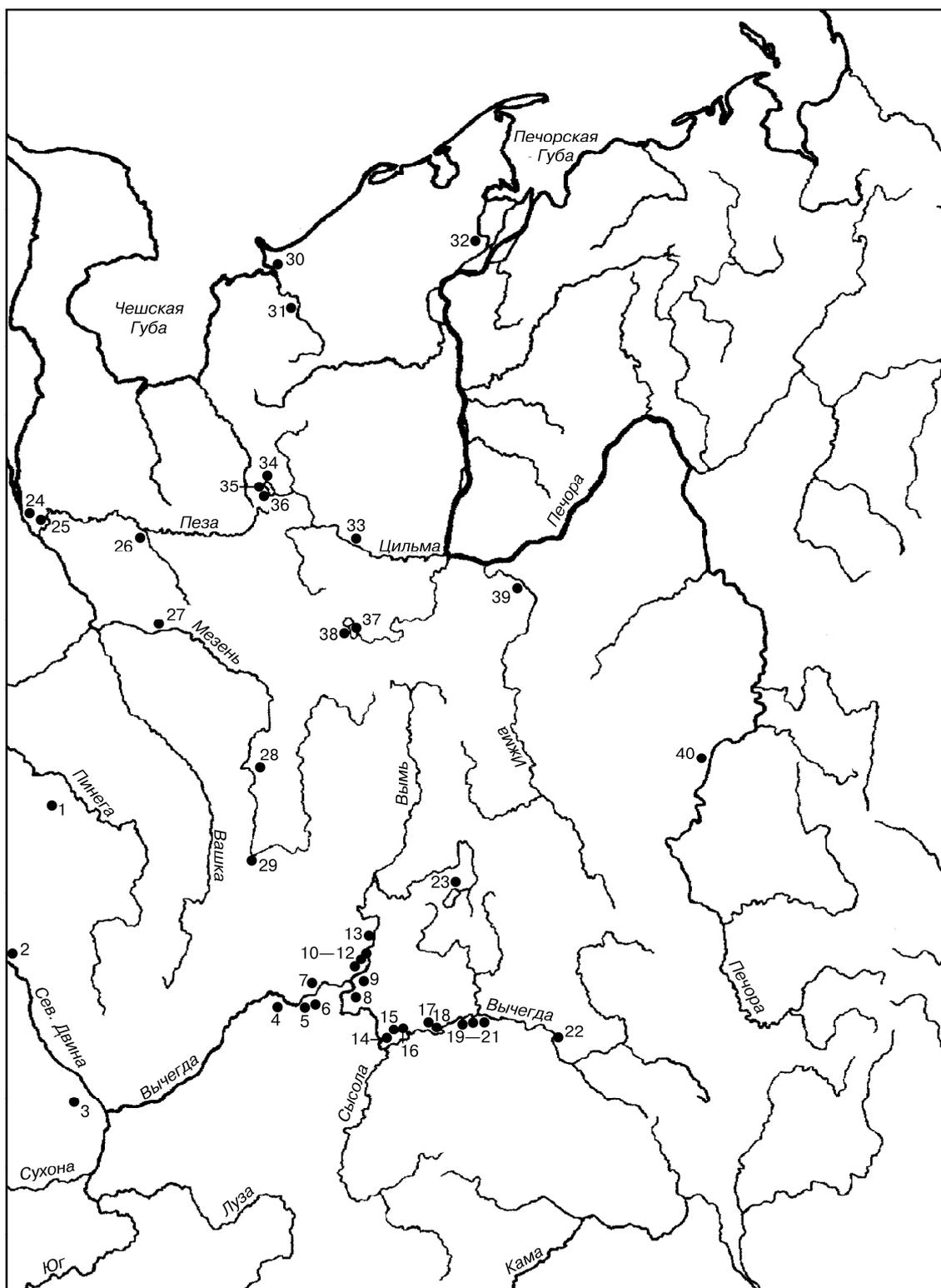

Рис. 1. Неолитические памятники Европейского Северо-Востока:

- 1 — Ярега I; 2 — Прилуцкая; 3 — Вонгода; 4 — Черная Вадыя; 5 — Ревью I; 6 — Кочмас А, Б; 7 — Арабач; 8 — Юромка; 9 — Ерозино II; 10 — Ляльский бор, уч. 1; 11 — Ниремка I, п. 6; 12 — Ниремка III; 13 — Половники II; 14 — Эньты I, III, IV, VI; 15 — Озельская; 16 — Чудгудорьяг; 17 — Пезмогты; 18 — Пезмог 4; 19 — Угдым I; 20 — Вад I; 21 — Важкаяг; 22 — Усть-Кулом I; 23 — Вис I—III; 24 — Тимощелье VI; 25 — Усть-Пеза I; 26 — Цема II; 27 — Конещелье; 28 — Кыстырью; 29 — Усогорск II, III; 30 — Индига I; 31 — Поповка; 32 — Печорская; 33 — Нонбург 10; 34 — Алексахина; 35 — Ружникова; 36 — Кыско; 37 — Пижма I; 38 — Пижма II; 39 — Черноборская III; 40 — Дутово I.

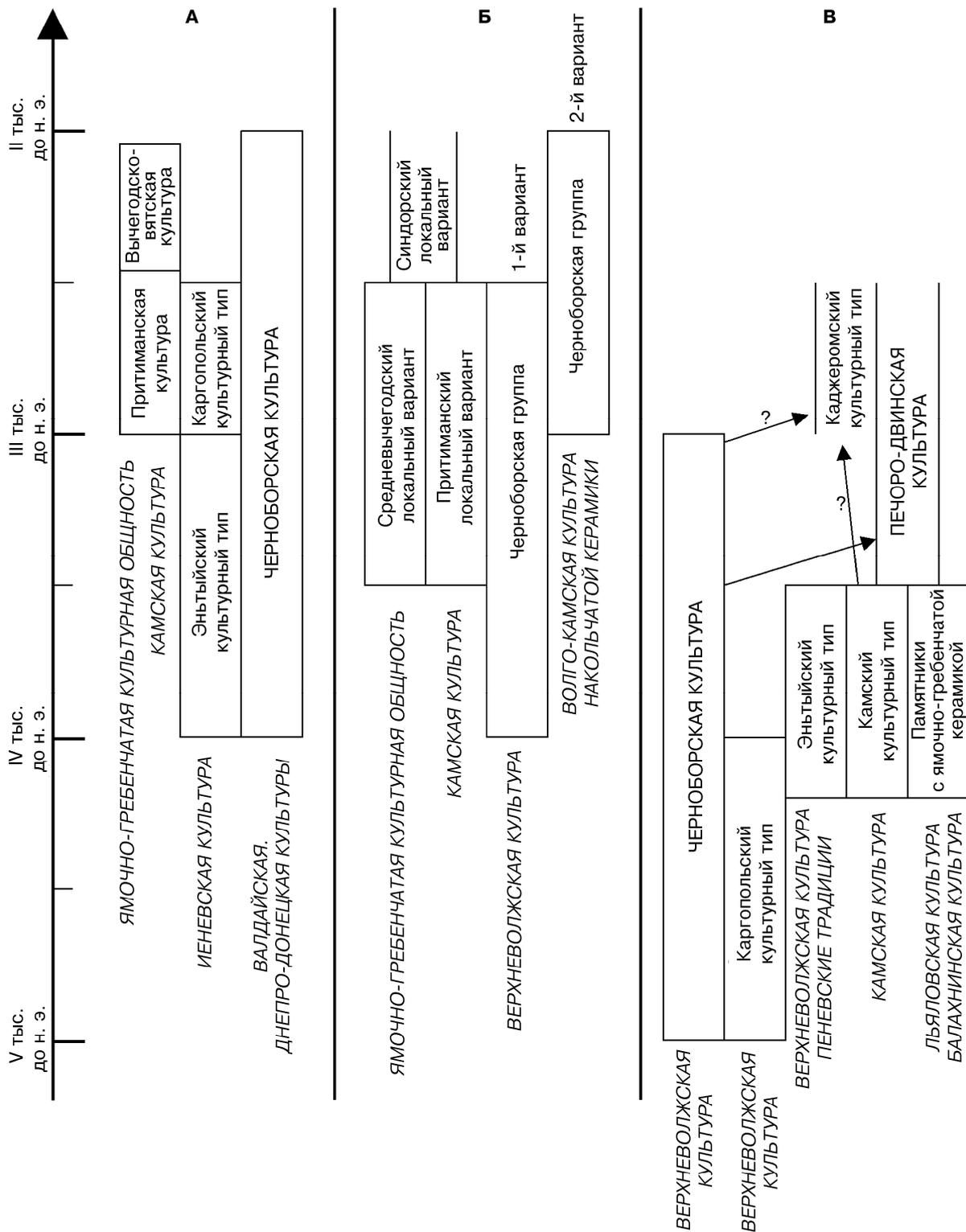

Рис. 2. Современные концепции неолита Европейского Северо-Востока (ЕСВ), представленные: А — Е. М. Буровым (1986); Б — И. В. Верещагиной (1989); В — Л. Л. Косинской (1997). Курсивом выделены культурные образования, которые, по мнению исследователей, участвуют в генезисе культур ЕСВ.

логическому этапу раннего бронзового века в Привычегодье (Буров, 1967. С. 101, 114). Согласно новой точке зрения, тычковый тип посуды Привычегодья и Северного Приуралья в целом синхронен нарвской и днепро-донецкой археологическим культурам, и, следовательно, его дата 298

лежит в пределах 4500—2500 гг. до н. э. Каргопольский тип (гребенчатая керамика), по мнению исследователя, имеет сходство с III этапом раннего неолита Волго-Камья и I—III периодами днепро-донецкой АК и по аналогии с ними может быть датирован второй половиной IV тыс. до н. э. Таким образом, оба типа отнесены исследователем к раннему неолиту (Буров, 1974. С. 89—90).

Затем, в связи с открытием и дальнейшим исследованием верхневолжской и валдайской (памятники типа Котчище) культур, а также ряда памятников на территории Европейского Северо-Востока (Прилуцкая, Эньты I, Черная Вадья, Дутово I) хронология неолита рассматриваемого региона в очередной раз была несколько скорректирована (Верещагина, 1977; Логинова, 1978; Косинская, 1995; 1997; Волокитин, Карманов, Косинская и др., 1999).

Таким образом, существующие в настоящее время разработки по относительной хронологии (а применительно к региону — хронологии в целом) неолитических памятников региона, неизбежно основываются на представлении о «хронологиях» культур более южных регионов лесной зоны и зависят от них. Кроме того, в изучении вышеупомянутых культур (камская гребенчатой керамики, волго-камская накольчатой керамики, верхневолжская, валдайская и др.) также существуют различные точки зрения на содержание культур и их хронологическую принадлежность. Поэтому, имея представление, например, о верхневолжской культуре лишь по публикациям, трудно судить о правомерности привлечения тех или иных аналогий, и, соответственно, перенесения ее хронологии на памятники ЕСВ. Тем более, что, несмотря на кажущуюся очевидность и простоту принципа синхронизации сходных явлений, за рамками остаются проблемы установления механизма и скорости сложения культурных образований региона или миграций. Этим и объясняется усилившееся в последние годы внимание исследователей к решению именно этих проблем (Косинская, 1997; Волокитин, Карманов, 1999).

Другое направление в установлении хронологии неолитических памятников ЕСВ связано также с именем Г. М. Булова и открытием им Висских торфяников, давших уникальные материалы и возможности для датирования естественнонаучными методами. Тогда же была получена и первая абсолютная дата для неолитического слоя Висского 1 торфяника, где в оливково-сером сапропеле залегала ямочно-гребенчатая керамика, отнесенная к концу АТ-3 — SB-1 (Буров, 1967. С. 29). К сожалению, целенаправленный поиск памятников подобного типа в дальнейшем прекратился, и господствовало первое направление. Лишь исследования последнего десятилетия доказали возможность обнаружения в регионе памятников каменного века, культурные слои которых приурочены к озерно-болотным и пойменным отложениям. Это открытие Л. Л. Косинской на Нижней Вычегде поселения Черная Вадья и стоянки-мастерской с ямочно-гребенчатой керамикой Половники II на Выми (Волокитин, Косинская, 1989), а А. В. Волокитиным на Средней Вычегде местонахождения камского культурного типа Пезмог IV (Волокитин, Карманов, Марченко и др., 1998. С. 36) и мезолитических стоянок Парч 1, 2, 3 на Верхней Вычегде (Волокитин, 1989). Что касается неолитических памятников, то радиоуглеродный анализ для них не проводился, а палинологические исследования проведены лишь на местонахождении Пезмог IV, где сосуд камского культурного типа залегал в оторфованной глине, в нижней части четырехметровой толщи отложений, формирование которых, согласно спорово-пыльцевому и диатомовому анализам, происходило в АТ-3 (Волокитин, Карманов, Марченко и др., 1998. С. 36).

Радиоуглеродный анализ для датирования неолитических памятников был предпринят лишь для стоянки Прилуцкая, по которой совсем недавно получено две даты: 6680 ± 70 л. н. (Je-4813) и 6350 ± 60 л. н. (Je-4814) (Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 52). Они, хотя и являются подтверждением ранне-неолитического возраста памятников с тычковой керамикой на территории ЕСВ, тем не менее, требуют своего дополнительного подтверждения, равно как и полученные палинологическими методами даты для неолитического слоя Висского 1 торфяника и местонахождения Пезмог IV.

Определению хронологических рамок рассматриваемой эпохи могли бы способствовать успехи в изучении хронологии памятников финально-мезолитических и энеолитических памятников. Но и в этом случае ситуация сходная. Имеющиеся же радиоуглеродные даты для позд-

немезолитической стоянки Топыд-Нюр VII — 6450 ± 60 BP (Je-2790) и энеолитической стоянки Чойновты I — 5320 ± 60 BP (Je-1729), 5210 ± 60 BP (Je-2168), вызывают ряд возражений у исследователей (Косинская, 1995. С. 39; Волокитин, 1997. С. 116). В современное представление о хронологии каменного века лесной зоны укладываются лишь позднемезолитические даты Висского I торфяника (последняя четверть VI тыс. до н. э.) (Буров, Романова, Семенцов, 1972. С. 76—79) и даты, полученные для комплексов с энеолитической чужьяельской керамикой — вторая четверть III и начало II тыс. до н. э. (Косинская, 1995. С. 39).

Исследования последних лет демонстрируют возможность накопления необходимого материала для построения независимой хронологии неолита рассматриваемого региона. В первую очередь, это касается изучения памятников, культурные слои которых приурочены к озерно-болотным и пойменным отложениям. Но, поскольку, для археологии региона целенаправленные усилия в этой сфере предпринимаются впервые и, поскольку, отсутствует необходимая база (наличие специалистов, финансовых возможностей и пр.), то существенные результаты могут быть получены лишь по прошествии ряда лет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967.
- Буров Г. М. Археологические культуры Севера Европейской части СССР (Северодвинский край). Ульяновск, 1974.
- Буров Г. М. Крайний Северо-Восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла / Автореф. дисс. ... док-ра. ист. наук. Новосибирск, 1986.
- Буров Г. М., Романова Е. Н., Семенцов А. Д. Хронология деревянных сооружений и вещей, найденных в Северодвинском бассейне // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М., 1972.
- Верещагина И. В. Ранний неолит на Северной Двине // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 6. Сыктывкар, 1977.
- Верещагина И. В. Мезолит и неолит крайнего Европейского Северо-Востока / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 1989.
- Волокитин А. В. Исследование мезолитических памятников в Коми АССР // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.
- Волокитин А. В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н. Каменный век бассейна Вычегды: культурные процессы // Вестник Сыктывкарского ГУ. Сер. 8. Вып. 3. Сыктывкар, 1999.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н., Косинская Л. Л., Сажин И. В. Дутово I — памятник раннего неолита на средней Печоре // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16. Сыктывкар, 1999.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н., Марченко Т. И., Дурагина Д. А. Пезмог IV — новый памятник гребенчатого неолита на Вычегде // Северное Приуралье в эпоху камня и металла. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 15. Сыктывкар, 1998.
- Волокитин А. В., Косинская Л. Л. О методах датирования некоторых памятников каменного века в бассейне Вычегды // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии: ТД региональной научн. конф. Новосибирск, 1989.
- Косинская Л. Л. Неолит // Археология Республики Коми. М., 1997.
- Косинская Л. Л. Проблемы хронологии неолита Урала // Узловые проблемы современного финно-угроведения: Материалы I-й Всерос. научн. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995.
- Логинова Э. С. Поселение Эньты I // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 7. Сыктывкар, 1978.
- Лузгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М. 1972.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. Некоторые аспекты радиоуглеродной хронологии неолитических культур лесной зоны Европейской России // Археология и радиоуглерод. Вып. 1. СПб, 1996.

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ЗАПАДНОСИБИРСКОГО НЕОЛИТА (к вопросу о роли радиоуглеродного датирования)

Обеспечение раскопанных памятников каменного века севера Западной Сибири (далее — СЗС) абсолютными датировками становится хорошим тоном. Это тем более актуально, что по мере развертывания полевых исследований и накопления данных выявляются все новые культуры и культурные типы памятников (далее — КТП), а картина их взаимосвязей все более усложняется (Чемякин, Карачаров, 1999; Ивасько, 2002; Косинская, 2002; 2003). Между тем, хронологическое упорядочение культурных образований этой обширной территории представляет определенные трудности. Перед исследователями неолита СЗС стоит ряд задач:

- определение хронологических рамок неолитических культур и КТП, верхней и нижней границ неолита;
- построение локальных и региональных хронологических схем, устанавливающих последовательность и относительную датировку культур с совпадающими (полностью или частично) ареалами;
- синхронизация таежных культур и КТП с несовпадающими ареалами;
- соотнесение во времени культур СЗС и смежных южно-лесных и лесостепных районов.

Успешное решение этих задач, на взгляд автора, невозможно без независимых абсолютных датировок. Использование сравнительно-типологического метода малоэффективно, особенно в условиях ограниченного объема данных, все еще характерного для СЗС. С его помощью можно установить лишь меру сходства/различия комплексов и наметить цепочки внутрикультурных и межкультурных связей, но их временное направление и темпы остаются не известными. Возможности стратиграфического метода на памятниках таежной зоны ограничены редкостью многослойных хорошо стратифицированных неолитических комплексов. Чаще всего разновременные неолитические находки залегают в заполнении жилищ-полуземлянок. Выборка по полу позволяет определить принадлежность постройки, но остальной материал не поддается стратиграфическому расчленению (Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 85, 89). Другой распространенный вариант — жилища с «чистыми» комплексами, зачастую разнокультурные, расположенные рядом на памятнике, но не дающие стратиграфических связей.

Палинологический анализ удается применять в редких случаях, т. к. в господствующих в регионе подзолистых почвах остатки органики, в том числе спор и пыльцы, как правило, не сохраняются. Поэтому основным методом абсолютного и даже относительного датирования разрозненных комплексов оказывается радиоуглеродный анализ образцов древесного угля из жилищ — самый доступный и распространенный.

Такая специфика памятников СЗС накладывает определенные ограничения при использовании и интерпретации результатов радиоуглеродного датирования. Полностью раскопанных поселений почти нет. Обычно на памятнике исследуется одна или несколько построек, к которым и относятся полученные даты, маркируя отдельные моменты существования культур. Обеспечить серийность образцов удастся за счет их отбора из остатков сгоревших деревянных конструкций жилищ — пола, стен, столбов, кровли, а также из очагов и хозяйственных ям внутри или рядом с ними. Перечисленные конструктивные элементы построек располагаются на различной глубине от современной поверхности и часто приурочены к разным генетическим горизонтам современной почвенной колонки (Косинская, 2002а. С. 84—85).

Разброс дат в сериях, полученных для отдельных жилищ, бывает порою очень значительным; часто они распределяются так, как если бы относились к естественным почвенным отложениям: чем глубже, тем древнее. Определить, какая из них фиксирует возраст данного археологического объекта, оказывается затруднительным. Казалось бы, следует отдать приоритет образцам из основания культурного слоя, т. е. с пола жилища или из врезанных в него ям. Однако такие даты зачастую оказываются неприемлемы, потому что противоречат археологической периодизации. В качестве примеров можно привести датировки жилищ сумпаньинской культуры в бассейне Конды — Сумпанья IV, VI (Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984. С. 38;

Крижевская, Гаджиева, 1991. С. 85), а также городища Амня I (амнинский КТ) в бассейне Казыма (Стефанов, Борзунов, Погодин, Корочкова, 1999. С. 44). Нижние даты, полученные по углю с пола котлованов жилищ, оказались мезолитического возраста. Таких случаев довольно много, и они требуют объяснения. Применение правила отброса крайних дат в серии положения не спасает. Сомневаться в полевой квалификации археологов, производивших отбор угля, также не приходится. Возможно, на состав образцов влияют какие-то еще не понятые и неучтенные естественные факторы. Например, неизвестно, как происходит дрейф углистых микровключений в песчаных грунтах, возможен ли их вынос грунтовыми водами вверх, какое влияние оказывает вышеупомянутая приуроченность деталей сгоревших конструкций жилищ к различным почвенным горизонтам, вмещающим археологический культурный слой и т. д. В связи с этим использование немногочисленных на сегодняшний день одиночных или даже серийных, но рассеянных дат для установления возраста отдельных жилищ и относительной хронологии объектов одного или нескольких поселений выглядит проблематичным. Но эти данные приемлемы для определения приблизительных хронологических рамок культурных образований и их соотношения во времени.

Памятники быстринского культурного типа (Сургутское Приобье) представлены поселениями с подквадратными или подпрямоугольными жилищами-полуземлянками с одним-двумя коридорообразными выходами и одним-двумя напольными очагами-кострищами. Сосуды полуяйцевидные, округлодонные, без наплыва на венчике и нередко с сосцевидным выступом на дне, с волнистым — прочерченным и отступающим орнаментом, реже — с отступающе-шагающе-гребенчатым. Каменный инвентарь — отщеповая кварцево-сланцевая индустрия (Косинская, 2001). Из пяти памятников, исследованных стационарно, абсолютными датами обеспечены пока два.

Поселение Быстрый Кульёган 66 — архитектурный ансамбль из двух полуземлянок (жилища 2, 2а), соединенных переходом и обнесенных прерывистым рвом. Последним прорезан котлован более раннего, также быстринского, жилища 2б. Шесть дат получены по углю из жилищ 2, 2а и рва (табл. 1). Отсутствие значительных скоплений угля в сооружениях вынудило автора формировать сборные образцы, объединяя уголь, взятый из разных мест в объектах и с разной глубины. Возможно, это сказалось на результатах: разброс дат значителен.

Поселение Черная 3. Артефакты быстринского типа содержит жилище 1, впущенное в котлован более раннего неолитического жилища 1а не установленной пока культурной принадлежности. Дату Ле-6688 из жилища 1 учитывать не следует: в центре жилищной впадины полы двух построек смыкались и были трудноразличимы. Видимо, в образец попал уголь из нижнего слоя, поэтому он дал столь древнюю дату, близкую датировке нижнего пола (жилище 1а).

В итоге разница дат двух быстринских поселений составляет 350—950 радиоуглеродных лет, что кажется чрезмерным при их высоком типологическом сходстве. Некоторые особенности орнаментации их керамики могут объясняться не только хронологическими, но и локальными различиями отдельных групп быстринского населения. Как бы то ни было, хронологическая позиция памятников быстринского КТ оказалась древнее ожидаемой, учитывая их калиброванные временные интервалы (Косинская, Чемякин, Зайцева, 2002. С. 141—142).

Памятники амнинского культурного типа (Нижнее Приобье). Радиоуглеродные определения получены для всех трех исследованных памятников (табл. 1).

Городище Амня I — долговременное укрепленное поселение со следами неоднократных перестроек. Жилища — небольшие прямоугольные землянки без углубленных выходов, с материковыми возвышениями-«столами» в центре. Керамика — плоскодонные и круглодонные непрофилированные сосуды с наплывом изнутри по венчику, с прочерченным и отступающе-накольчатый орнаментом в верхней части и на дне, часть сосудов декорирована печатной гребенкой. Отщеповый кварцево-сланцевый инвентарь сочетается с группой микропластинчатых кремневых изделий (Морозов, Стефанов, 1993).

Аналогичными чертами характеризуются поселения **Кирип-Вис-Юган 2** (Стефанов, Морозов, Погодин — в печати) и **Сартынья I** (Васильев, 1987), за исключением керамики с гребенчатым орнаментом. Последняя отсутствует и в жилище 9 городища Амня I, откуда получены радиоуглеродные определения (Стефанов, Борзунов, Погодин, Корочкова, 1999).

Таблица 1.

Радиоуглеродные даты западносибирского неолита

№	Культурный тип, эпоха	Памятник	Объект	Место отбора образца	Глубина от свр. погрхн. (от ср. 0)	Лабораторный индекс	^{14}C , ВР	Интервалы саНС, 95 % вероятности
1	Быстринский культурный тип, неолит	Поселение БК-66	жилище 2	Пол котлована (-190—195 см), стенки котлована, ямки в полу	72—125 см (-188—210)	Ле-5335	5930 ± 90	5200—4450
2		Поселение БК-66	жилище 2	Очаг, причажные ямы	85—105 см (-180—200)	Ле-5336	5910 ± 130	4900—4720
3		Поселение БК-66	жилище 2	Стенки котлована (10—15 см выше пола), столбовая ямка около очага	60—112 см (-180—240)	Ле-5337	5725 ± 70	4780—4460
4		Поселение БК-66	жилище 2	Пол котлована (-200—210 см), причажные ямы, ямки под нарами	80—110 см (-170—213)	Ле-5690	5560 ± 100	4750—4150
5		Поселение БК-66	ров, сев. часть	Заполнение	60—150 см (-160—260)	Ле-5689	5780 ± 130	4950—4350
6		Поселение БК-66	ров, южная часть	Заполнение	70—150 см (-195—280)	Ле-5680	6150 ± 210	5480—4600
7		Поселение Черная 3	жилище 1	Пол котлована (-210—230 см), стенки котлована	100—170 см (-210—240)	Ле-6688	7090 ± 50	6030—5810
8		Поселение Черная 3	жилище 1	Пол котлована; стенки котлована (10—20 см выше пола)	70—130 см (-180—200)	Ле-6689	6510 ± 40	5560—5360
9		Поселение Черная 3	жилище 1а	Пол котлована	120—150 см (-240—250)	Ле-6686	7220 ± 60	6620—5980
10		Поселение Черная 3	жилище 1а	Пол котлована; заполнение (15—20 см выше пола)	95—150 см (-215—240)	Ле-6687	7160 ± 50	6110—5890
11	Аминский культурный тип, неолит	Городище Амня I	жилище 9	Заполнение котлована (60 см выше пола)	140 см (-20)	Ле-4973	6900 ± 90	5950—5592
12		Городище Амня I	жилище 9	Перекрытые жилища (10—15 см выше пола)	150 см (-80)	Ле-4974а	8760 ± 280	8030—7530
13		Городище Амня I	жилище 9	Яма в полу	150 см (-90)	Ле-4974б	8630 ± 180	8030—7290
14		Поселение Кириповис-Юган 2	постройка 4	Заполнение котлована у пола	> 100 см	Ле-6582	6880 ± 50	5841—5663
15		Пос. Сартынья I				Ле-1830	6630 ± 80	5550±290
16		Пос. Сартынья I				Ле-1831	6440 ± 80	5410±2230

№	Культурный тип, эпоха	Памятник	Объект	Место отбора образца	Глубина от совр. поверхн. (от усл. 0)	Лабораторный индекс	¹⁴ C, ВР	Интервалы саВС, 95 % вероятности
17	Еттовский культурный тип, неолит	Поселение Ет-то I	жилище 2	Углистая прослойка, перекрывающая верх котлована (20—45 см выше пола)	45—65 см (-60—70)	Ле-4975а	5670 ± 80	4702—4354
18		Поселение Ет-то I	жилище 2	Настил на дне выхода	60—75 см (-40—45)	Ле-4975в	6230 ± 280	5610—4520
19		Поселение Ет-то I	жилище 2	Стенки котлована (50—70 см выше пола)	40—70 см (-35—50)	Ле-4975с	6110 ± 50	5330—4620
20		Поселение Ет-то I	жилище 4	Стенка котлована (30—35 см выше пола)	25—30 см (+20 — +15)	Ле-6594	6740 ± 65	5733—5489
21		Поселение Ет-то I	жилище 4	Стенка котлована (25—30 см выше пола)	30—35 см (+15 — +10)	Ле-6595	7200 ± 120	6373—5805
22		Поселение Ет-то I	жилище 4	Стенка котлована (65 см выше пола)	45 см (+6)	Ле-6596	6880 ± 80	5969—5633
23	Энеолит — бронза?	Поселение Ет-то I	постройка (?) 5а	Пол (?) — углистая прослойка над котлованом неолитического жилища 5 (35—45 см выше его пола)	45—50 см (-13—22)	Ле-6592	5840 ± 40	4783—4553

Авторы исследования Амни I и Сартыньи I, следуя принятым культурно-хронологическим схемам, датировали их соответственно последней третью IV — первой третью III тыс. до н. э. (Морозов, Стефанов, 1993. С. 168) и первой половиной — серединой III тыс. до н. э. (Васильев, 1987. С. 59). Опубликованные датировки поселения Сартынья I (Тимофеев, Зайцева, 1996. С. 343) Е. А. Васильев оставил без комментария, а с датами Амни I авторы раскопок не смогли согласиться (Стефанов, Борзунов, Погодин, Корочкова, 1999. С. 44). Между тем, если отсечь две «мезолитические» даты Амни I (Ле-4974а, б), остальные четыре определения с трех памятников вполне сопоставимы: их разброс составляет менее 500 радиоуглеродных лет. Представляется, что они достаточно надежно относят памятники амнинского КТ к начальной поре неолита, к несколько более раннему времени, чем быстринские.

В связи с этим вернемся к жилищу 1а поселения Черная 3. Его культурная атрибуция осложнена почти полным отсутствием керамики (два фрагмента стенок). Однако микропластинчатый кремневый инвентарь и накольчатый разреженный орнамент на одном из черепков перекликаются с характеристиками артефактов амнинского типа, указывая на возможное типологическое сходство с этим или другими, близкими ему культурными типами. Таким образом, определяется облик раннего, «добыстринского» неолита сургутского Приобья и его весьма глубокий возраст.

Памятники еттовского культурного типа (Сургутское и Нижнее Приобье, Надым-Пуровский водораздел). Эпонимное поселение Ет-то I расположено на водоразделе рек Надым и Пякупур. Характеризуется оригинальными двухкамерными полуземлянками (жиллища 2—5), остродонной керамикой с наплывом изнутри по венчику, с печатно-гребенчатым и шагающе-гребенчатым орнаментом, отщеповой кварцево-сланцевой индустрией (Косинская, 1998, 2003). Комплексы с похожей посудой известны в Сургутском Приобье, но радиоуглеродных датировок они не имеют (Чемякин, 2001).

На поселении Ет-то I два образца (Ле-4975а, Ле-6592) взяты не из жилищ, а из перекрывающих котлованы углистых прослоек, но даже без их учета получается очень значительный разброс — более 1000 радиоуглеродных лет. Тем не менее, одинаковая конструкция и ориентировка жилищ относительно сторон света, сходство керамики и каменного инвентаря не позволяют считать их абсолютно не связанными между собой. Памятник можно интерпретировать как сезонное поселение вблизи источников каменного сырья, неоднократно возобновлявшееся одной или несколькими однокультурными группами. Здесь в полной мере проявился эффект рассеивания дат, о котором говорилось выше.

Несколько проясняет ситуацию тот факт, что группа гребенчатой керамики городища Амня I является — *типологически и территориально* — ближайшей аналогией еттовской посуде. Логично предположить, что два памятника должны быть близки и хронологически, если гребенчатая керамика Амни I действительно является неотъемлемой составной частью двухкомпонентной посуды городища, что весьма убедительно показано авторами исследования (Морозов, Стефанов, 1993. С. 157—159).

Недавно появилось еще одно направление для сопоставлений, уводящее нас в Приуралье. Гребенчатая керамика еттовского КТ по многим признакам (форма сосудов и венчиков, стиль и техника орнаментации) напоминает посуду камской (хуторской) культуры Прикамья и некоторых культур Среднего Зауралья. Своеобразие камского гребенчатого неолита на фоне верхне- и средневожской традиции накольчатой и накольчато-гребенчатой плоскодонной, а также ямочно-гребенчатой (ляляловской, балахнинской) керамики неоднократно отмечалось (Никитин, 2002. С. 293, 295). Классическая концепция рассматривает культуры Прикамья и Зауралья как составные части Уральской этнокультурной общности неолита (Бадер, 1970; Чернецов, 1968). Придерживаясь этой же позиции, полагаю, что сходство гребенчатой традиции неолитических культур Урало-Западносибирской общности объясняется родственностью их мезолитической подосновы (Косинская, 2002. С. 218, 222). До сих пор эта концепция основывалась на типологии, но не была подтверждена хронологически. Появление первых радиоуглеродных дат для памятников камского типа — местонахождения Пезмог IV в бассейне Вычегды (Карманов, 2003. С. 50), — блестяще подтверждает их хронологическую близость с еттовскими древностями. Таким образом, цепочка типологических связей (памятники амнинского-еттовского-камского типов) в сочетании с близкими радиоуглеродными датами позволяет довольно надежно

синхронизировать эти культурные образования и разрешить дискуссионную проблему хронологической позиции амнинского КТ.

Рассмотренная нами цепочка связей имеет широтную ориентацию. Аналогичную цепочку можно выстроить и в меридиональном направлении. Генезис северных культурных типов с плоскодонной посудой исследователи так или иначе увязывают с боборыкинской культурой Среднего Зауралья. Боборыкинская проблема давно перешагнула рамки самой культуры, превратившейся в аморфное образование из-за типологической пестроты керамики, включаемой в ее состав. Не стихают и дебаты о возрасте памятников этой культуры. Этот вопрос принципиально важен, поскольку речь идет о миграции боборыкинских традиций в северном направлении. Абсолютные даты памятников амнинского КТ коррелируют с раннеатлантическим возрастом некоторых поселений Тюменского Приоболья, таких как Юртобор 3, Мергень 3 (Зах, 1999. С. 13). Таким образом, косвенно подтверждается раннее время формирования культурных типов с плоскодонной прочерченно-накольчатой керамикой как в таежных районах, так и на южной границе лесной зоны. Занимаемый ими хронологический горизонт сопоставим с периодом существования верхневолжской и близких ей культур в лесных районах Восточной Европы. На этом фоне боборыкинская культура перестает выглядеть уникальным образованием, представляя лишь один из вариантов целого пучка культурных инноваций, которые привели к широкому распространению плоскодонных керамических форм в лесных районах Евразии в раннем неолите.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер О. Н.* Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. МИА. № 166. М., 1970.
- Васильев Е. А.* Поздний неолит Нижнего Приобья (к вопросу о периодизации и культурной принадлежности памятников) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД (Суздаль, 1987). М., 1987.
- Зах В. А.* К проблеме сложения западносибирского неолита // Проблемы неолита — энеолита юга Западной Сибири. Материалы совещания. Кемерово, 1999.
- Ивасько Л. В.* Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Сборник научн. трудов. Екатеринбург, 2002.
- Карманов В. Н.* Памятники камского гребенчатого неолита на Европейском Северо-Востоке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы междунар. научн. конф. 6—10 октября 2003 г. Пермь, 2003.
- Ковалева В. Т., Устинова Е. А., Хлобыстин Л. П.* Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Вопросы археологии Урала. Вып. 17. Свердловск, 1984.
- Косинская Л. Л.* Поселение Ет-то I — первый неолитический памятник Надым-Пуровского водораздела // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научн. конф. Часть I. Екатеринбург, 1998.
- Косинская Л. Л.* Памятники быстринского культурного типа в Сургутском Приобье (эпоха неолита) // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сборник научн. трудов. Сургут, 2001.
- Косинская Л.* Неолит севера Западной Сибири: генезис и связи // ТАС. Вып. 5. 2002..
- Косинская Л. Л.* Особенности построения хроностратиграфии каменного века севера Западной Сибири // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы научн. семинара 18—19 ноября 2001 г. Тюмень, 2002а.
- Косинская Л. Л.* Керамика еттовского типа в неолите севера Западной Сибири // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9—11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003.
- Косинская Л. Л., Чемякин Ю. П., Зайцева Г. И.* Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002.
- Крижевская Л. Я., Гаджиева Е. А.* Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Морозов В. М., Стефанов В. И.* Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопросы археологии Урала. Вып. 21. Екатеринбург, 1993.
- Никитин В. В.* Культура носителей посуды с накольчатым орнаментом в лесной полосе Среднего Поволжья (к проблеме происхождения) // ТАС. Вып. 5. 2002.

- Стефанов В. И., Борзунов В. А., Погодин А. А., Корочкова О. Н.* Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание (21—24 апреля 1999 г.): ТД. Челябинск, 1999.
- Стефанов В. И., Морозов В. М., Погодин А. А.* Кирип-Вис-Юган 2 — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Прикамыя). В печати.
- Тимофеев В. И., Зайцева Г. И.* Список радиоуглеродных датировок неолита // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Чемякин Ю. П.* Ранние комплексы на городище Барсов Городок I/8 // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сборник научн. трудов. Сургут, 2001.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Научное издание. Екатеринбург, 1999.
- Чернецов В. Н.* К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

TRANSITION FROM THE NEOLITHIC TO THE BRONZE AGE.

Dating the beginning of the Bronze Age and the Early Metal Period in Finland

Introduction

The title of this presentation “Transition from the Neolithic to the Bronze Age” implies a view that the beginning of the Metal Age should be considered more as a slow process rather than a distinct short phenomenon which can be exactly dated. The basic difficulty is that different results can be obtained for the question depending on which material group is lifted above others in order to construct a chronology. Good candidates for dating the beginning of the Bronze Age are bronze axes, material related to bronze casting, ceramic types, straight-based arrowheads etc.

The Bronze Age should perhaps not be defined only as an existence of bronze implements. Slightly different views can be presented if the beginning of the new period is determined by comparing the structure, size and location of dwelling sites. The third well-based group of arguments characterising the new period could possibly be connected with the spread of cultivation in Finland.

When dating the beginning of the Bronze Age one should also clarify the terminology. It is also important to define the area of Finland when trying to define the new period. The term Bronze Age is traditionally used for the period in the coastal area of the Baltic Sea, whereas in the eastern and northern parts of Finland the term Early Metal Period is commonly used. The difference is that the Scandinavian Bronze Age culture with its implement types prevailed in the coastal area. In mainland Finland the amount of bronze was smaller and it has been assumed that therefore it played a smaller role in the culture than in the coastal area.

This presentation is based on using the appearance of Textile ceramics as a basic indicator of the Bronze Age/Early Metal Period in Finland. The distribution area of Textile ceramics covers a large part of the country and casting moulds and some axes have often been found together with the ceramics in dwelling sites. Often the dwelling sites with Textile ceramics differ clearly from the Neolithic sites in their characteristics and finally, many early experiments with cultivation can be connected with it.

This presentation relies on the most recent datings of Textile ceramics when trying to suggest one *terminus post quem* for the Early Metal Period in Finland but still, the main purpose here is not only to date ceramics itself but to use it as a starting point in discussing the question from a larger perspective. Thus the purpose is to approach the beginning of the Bronze Age/Early Metal Period from various viewpoints and to try to find the most important characteristics of this change.

Questions and restrictions

The use of metal began in Finland — as in its neighbouring areas — as early as during the Middle Neolithic Period when the first copper pieces and implements came into use. Despite this, stone implements were the basis of the economy for more than at least one millennium.

As Textile ceramics plays the central role in this presentation the transition period is approached particularly from the viewpoint of eastern and northern Finland. Although the Bronze Age culture in the coastal area is less discussed here, there is still reason to briefly elucidate it because the Bronze Age in Finland is mainly dated on the basis of Scandinavian bronze implements and their typological links. The following questions are discussed:

- 1) What are the indicators of the Bronze Age and the Early Metal Period in Finland?
- 2) When did this phenomenon or transition occur?
- 3) In what way has the chronology of the Bronze Age and the Early Metal Period been made in Finland?
- 4) Does this chronology correspond with the Russian chronologies presented for the spread of bronze metallurgy and Textile ceramics in the area?

Ceramic and other find types as indicators of transition

Finnish prehistory has traditionally been divided into smaller periods by using ceramics. Ceramics is an excellent material for approaching prehistory because it can be used not only to reflect very large geographical areas or long chronological phases, but it can also be used in characterising a small area or even an individual among other ceramists. Therefore, ceramic types and the changes that are possible to be observed in them when approaching the transition period from the Late Neolithic to the Early Metal Period are briefly discussed.

1. Ceramics

Asbestos ceramics characterises the Neolithic Period following the Combed Ware culture in eastern and northern Finland. The Neolithic Asbestos ceramics has been divided into the Kierikki and the Pöljä types (Meinander, 1954b; Siiriäinen, 1967). In addition to this the Final Neolithic Period can probably be separated into Jysmä ceramics (Carpelan, 1979) or even into some other types (Lavento, Hornytzkyj, 1996). But, the last-mentioned types are so rare that their separation into individual ceramic groups is not convincing on the basis of the contemporary material.

Already Julius Ailio (1909) separated Kiukainen ceramics chronologically between Corded Ware and Bronze Age ceramics from the Late Neolithic horizon. Contrary to Asbestos ceramics, Kiukainen ceramics spread only in the coastal zone of the Baltic Sea thus following the distribution area of Corded Ware (Meinander, 1954a). Although local components were prominent in the development of the Kiukainen culture, it still implies some new characteristics, which cannot be explained by referring to tradition. One interesting feature in Kiukainen ceramics is the large use of textile-impression — a new feature whose chronology implies no contradiction to the existence of possible cultural contacts between Estonian and Finnish Textile ceramics.

In the 1950's, when Aarne Äyräpää (1953) and C. F. Meinander (1954b) presented Textile ceramics as a ceramic type (comp. Pälsi, 1916), its distribution area was restricted to the mainland of southern Finland and the Karelian Isthmus. By the end of the 1990's the distribution area covered the whole of southern Finland upto the River Kemijoki (Lavento, 1999). Instead of the term Textile ceramics Meinander used the name Sarsa-Tomitsa ceramics in order to emphasise its distribution in two distinct separate areas although many features in the technology, form and decoration were very similar. This geographical distinction has proved to be an interesting starting point when discussing the origin of the type. It now seems possible to present the hypothesis that Textile ceramics came to Finland from two different areas. The Sarsa ceramics can be connected with influences from the Late Neolithic ceramic types in the Baltic countries.

Although both Äyräpää and Meinander were well aware of the possible western influence in the development of Textile ceramics in Finland, they both still considered those influences, which spread to Finland directly from Russia via the Karelian Isthmus more important. They sought parallels for Finnish Textile ceramics, not only in the Karelian Republic or the eastern and southern sides of Lake Ladoga, but further towards the east, in the Upper and Middle Volga areas (Meinander, 1954b. P. 192—195). Due to the existence of these parallels they came to the conclusion that the existence of Textile ceramics in Finland was to be explained first of all with strong influences from Russia.

Säräisniemi 2 ceramics was born from the studies conducted by Julius Ailio (1909) in 1900 in Säräisniemi, Nimijsjärvi, northern Finland. Since the 1960's Christian Carpelan (1965; 1999), who has studied Sär 2 ceramics in particular, separated four subtypes with their own chronology and distribution area in it: Luukonsaari and Sirnihta ceramics are separated on the basis of material found in the Lake Saimaa Water System, Anttila ceramics is a type with its distribution area in Kainuu in particular and Kjelmøy ceramics represents in its distribution the arctic type.

Two more ceramic types must be mentioned in this connection. Their distribution is very clearly in Lapland and northern Fennoscandia. Lovozero ceramics (Carpelan, 1999) and Imitated Textile ceramics (Carpelan, 1970; Jørgensen, Olsen, 1988; Arponen, 1992) are more or less synchronous with "proper" Textile ceramics. These types are often connected with Textile ceramics (Kosmenko, 1991) although their roots can more probably be connected with the Norwegian and the Swedish types (see also Forsberg, 1996:171). When Textile ceramics and Lovozero ceramics characterise the earliest

phase of the Early Metal Period in mainland Finland, the second period is, in turn, very strongly characterised by the Sär 2 types. Therefore it is natural to derive their origin from Textile ceramics.

In this connection, more interesting than discussing the Sär 2 types is the relation and transition period from Asbestos ceramics to Tomista type of Textile ceramics and from Kiukainen ceramics to Sarsa type of Textile ceramics. In neither of these cases is the relation clear and straightforward. Kiukainen ceramics implies even more textile-impression on its surface than Sarsa ceramics. Despite this, archaeologists in Finland are still not willing to explain the origin of Sarsa ceramics on the basis of Kiukainen ceramics. The form and ornamentation differ essentially in these types. When trying to explain these differences and similarities Christian Carpelan suggested that Sarsa ceramics did not develop from Kiukainen ceramics, but that the wave of influence in the form of Late Corded Ware reached the Finnish southern coast and divided into two geographical and cultural areas. The western one found its way to the coastal zone as Kiukainen ceramics and the northern one spread particularly into the area of Häme as “Middle-zone ceramics”. This Middle-zone ceramics was later responsible for the development of Sarsa ceramics in southern Finland and the Karelian Isthmus (Carpelan, 1979. P. 14—15). Essential to this explanation is the connection between Estonia and Finland through Late Neolithic Corded Ware. On the basis of contemporary finds it seems possible that in southern Finland there existed Early Textile ceramics which can be connected with the Estonian Late Corded Ware (Lavento 2000). In addition to the classical find places by the River Emäjogi (Jaamits, 1959) in Estonia, several sites involving Corded Ware with textile-impressions and early textile-impressed ceramics were recently found together in a Corded Ware context (Kriiska 2000). Sherds of Corded Ware which have textile-impression on their surface also exist in Finland (Lavento 2000). Despite these observations the connection between Corded Ware and Textile ceramics of the Sarsa type needs further investigation.

In eastern and northern Finland the situation is different. In these areas Asbestos ceramics of the Kierikki and Pöljä types dominates the whole culture until the appearance of Textile ceramics of the Tomista type. The connection between them is not without problems, either. Asbestos ceramics and Textile ceramics differ conspicuously from each other, which makes the derivation of the latter from the former unlikely. Although Asbestos ceramics and Textile ceramics occur together in several sites, there is still no direct evidence that these types were in use synchronously. A general impression of settlement type, size and location of dwelling sites and finally the type of dwelling structures and density of habitation refer to a short gap or even hiatus in habitation. On this basis it can be concluded that Textile ceramics seems to reflect a very different culture behind it than that which can be found behind Asbestos ceramics (Lavento 2001). It also strengthens the impression that a discontinuity in the local culture can be clearly observed.

2. Bronze celts and casting moulds

In the studies conducted by Äyräpää and Tallgren bronze celts played a particularly important role in distinguishing the Bronze Age/Early Metal Period from the Neolithic Period. This was the case — and still is — although the number of metal finds has remained extremely small. Only five Seima axes have been found in Finland so far (Fig. 1). It is worth noting that all of these were found as stray finds, without a context which could connect them straightforwardly with Textile ceramics or some other ceramic type. The Seima axes are spread all over Finland.

Still, the appearance of Textile ceramics in Finland has been connected chronologically with the spread of the Seima celts, so that these two material types together with casting moulds represent the first phase of the Early Metal Period in eastern and northern Finland. Thus the dating of the Seima axes is of particular importance. Both the Seima axes and Textile ceramics now have a relatively good chronology and can be used to fix the beginning of the period.

Maaninka celts, which were first found in Maaninka, northern Savo, represent the local variant of early eastern bronze axes (Fig. 2). Alfred Hackman (1910. P. 6—7) separated the Maaninka axe type and connected it chronologically with a later phase than the Seima axe. Five Maaninka axes are known in Finland. Their distribution much resembles that of the Seima axes (Fig. 1).

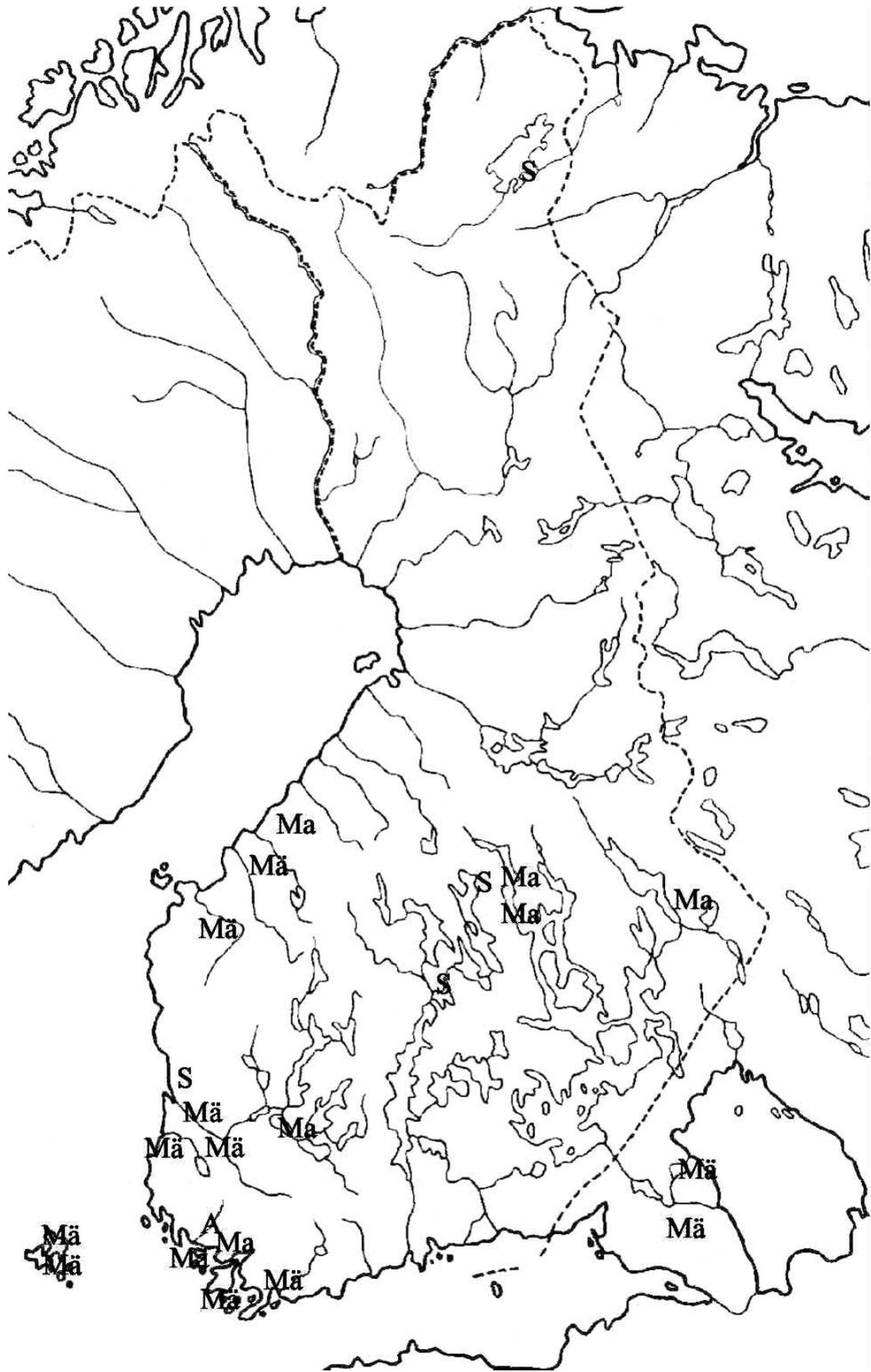

Fig. 1. Distribution of Seima, Maaninka, Ananino and Mälär celts in Finland:
 S — Seima, Ma — Maaninka, A — Ananino, Mä — Mälär.

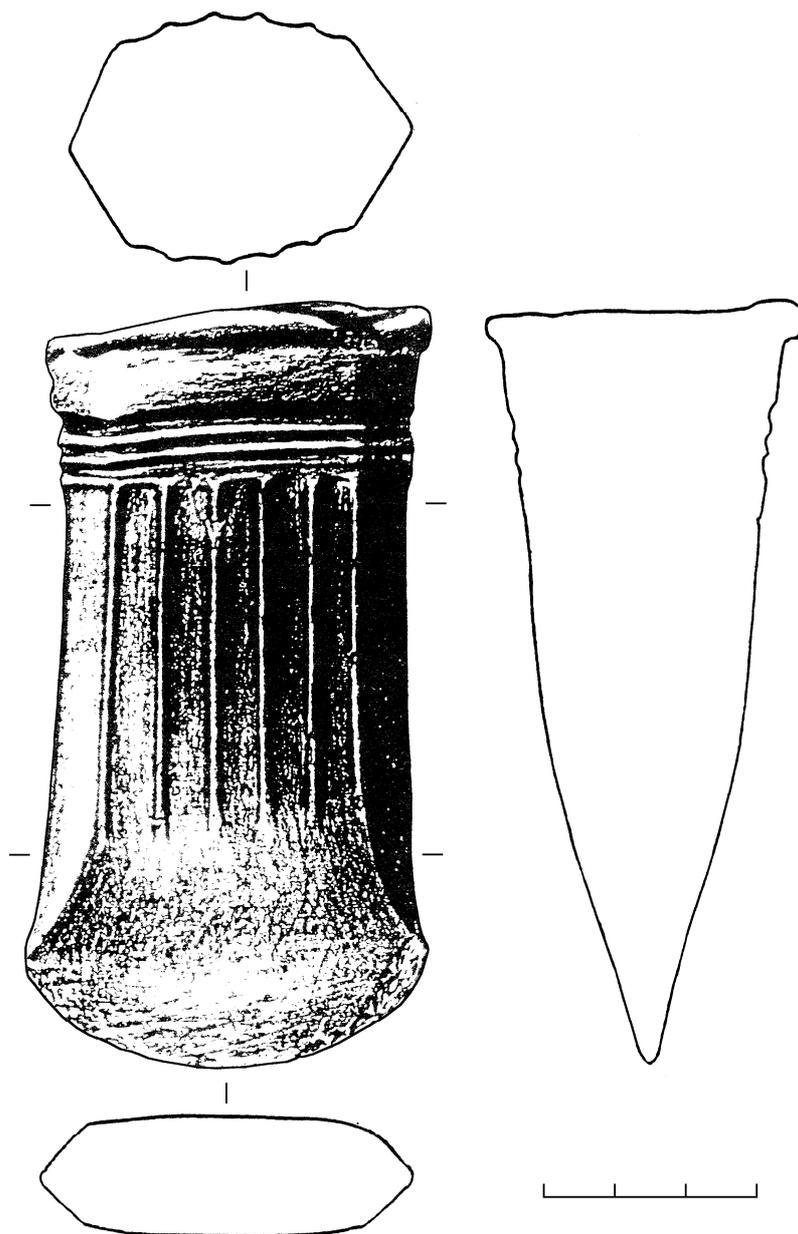

Fig. 2. The Maaninka axe from Halola in Maaninka (NM 5311).
Drawing Tuula Piili/National Board of Antiquities.

More Mälär celts than any other type have been found in Finland, but their distribution area is very strikingly on the southwestern coast of the Baltic Sea. Altogether 12 Mälär axes are known in Finland and the Karelian Isthmus (Fig. 1). All Mälär axes were found in the coastal zone of the Baltic Sea; only the finds from the Karelian Isthmus make an exception. Also the small number of Ananino celts is striking: only one celt has been found in Finland so far. The celt was found in the 1930's in Maaria, southwestern Finland (Tallgren, 1933. P. 18—19).

While the distribution map of the eastern bronze celts shows concentrations particularly in the coastal area, the situation is totally different when looking at the distribution of casting moulds. The main concentration of moulds is in Suomussalmi, in the Oulujoki River Basin (Huurre, 1982). As one natural explanation for the situation it can be suggested that it reflects the easy availability of the raw material, soapstone, which is typical first of all in Suomussalmi, around Lake Kiantajärvi. Whether or not one accepts this explanation, one can still speculate about the possibility that although axes were made in eastern Finland many of them were sold in the southern and south-western parts of the country.

3. Other find types

The appearance of straight-based arrowheads has usually also been connected with the beginning of the Early Metal Period although the period when the type was in use only superficially fits with the chronology of the above-mentioned indicators. Additionally, although the distribution area of the type includes the whole of Finland and even northern Fennoscandia, it is still more restricted than that representing the Seima or the Mälars axes or Textile ceramics. The appearance of straight-based arrowheads belongs first of all to the Early Metal Period but still they cannot be usually connected with the contexts of Textile ceramics or bronze axes. Thus it seems probable that they do not reflect the same phenomenon.

One should not forget either, that in addition to bronze implements, copper implements which are essentially earlier than the Seima celts were used in Finland. Copper implements and their fragments have been known in Finland since the 1960's (Taavitsainen, 1982) and recently their number has increased essentially. Small copper implements have been found in 13 sites (Fig. 3).

Perhaps the best known copper find in Finland is the chisel from Kukkosaaari in Suomussalmi, which Matti Huurre (1982:21) roughly dated to ca. 2000 BC. Otherwise, the find context of copper finds has usually been difficult to define. Still in some cases it was possible to connect copper implements or their fragments with Typical Combed Ware (Pesonen, 1998. P. 26—27). Most early copper finds in Finland can be connected with Typical Combed Ware, which makes it possible to speculate that in particular at that time populations were familiar with copper and perhaps also used it. During that time it seems to have been of more importance than during the Late Neolithic Period and therefore it represents a different tradition than that of the use of metal in the Early Metal Period populations. It is also conspicuous that notwithstanding the copper pieces in Ahvenanmaa, all early copper finds have come from the eastern and northern parts of Finland. Perhaps this can be explained by referring to commercial and kinship relations in the Lake Onega area.

Dating of the Bronze Age and the Early Metal Period in Finland

The typology and comparison of finds is the first archaeological dating method. Connected with historical data, typological links, which have been found in the Middle East and the Mediterranean area, have been used in constructing chronologies even in the northern parts of Europe. Although still a valid method, typology has much support from natural scientific dating methods, which have fixed the typology into an absolute order.

From the beginning of the 1900's in the area of the Baltic shield the shore displacement chronology has played a central role in constructing a chronology for the Stone Age and the Early Metal Period. The shore displacement chronology has been built not only for the shores of the Baltic Sea but also for all of the largest lakes in Finland. Although the shore displacement usually functions very well, it is still only a relative method without absolute dates. The Ancient Lake Saimaa Water System is important when dating the Stone Age but also the Early Metal Period in Finland and the Karelian Isthmus. The catastrophe that led to the formation of the River Vuoksi is nowadays dated to the beginning of the Neolithic Period when Early Asbestos ceramics and Typical Combed Ware were in use (Jussila, 1999). The absolute dating of the catastrophe was fixed by ¹⁴C and AMS-methods to ca. 4000 calBC.

An even more important phenomenon — from the viewpoint of the Early Metal Period — is another catastrophe, which took place ca. 3100 calBC (Lak *et al.*, 1978; Saarnisto, Grönlund, 1996). This catastrophe caused the formation of the River Neva. C. F. Meinander presented that the later period of the Bronze Age was characterised in southern Finland and the Karelian Isthmus by Kalmistonmäki ceramics, which was possible to be considered as an immediate follower of Textile ceramics. On the basis of the shore displacement data and geological studies on the dating of the transgression of Lake Ladoga, C. F. Meinander (Meinander, 1954b. P. 164, 188, 195), Siiriäinen and Saarnisto (1970:17) fixed the using period of the Kalmistonmäki type to the beginning of the Pre-Roman Iron Age, ca. 500 BC. Influenced by Nina Gurina's studies (1959; 1961) Meinander (1969. P. 43) updated his hypothesis by suggesting that the using period of Kalmistonmäki ceramics was between 300 BC and 300 AD.

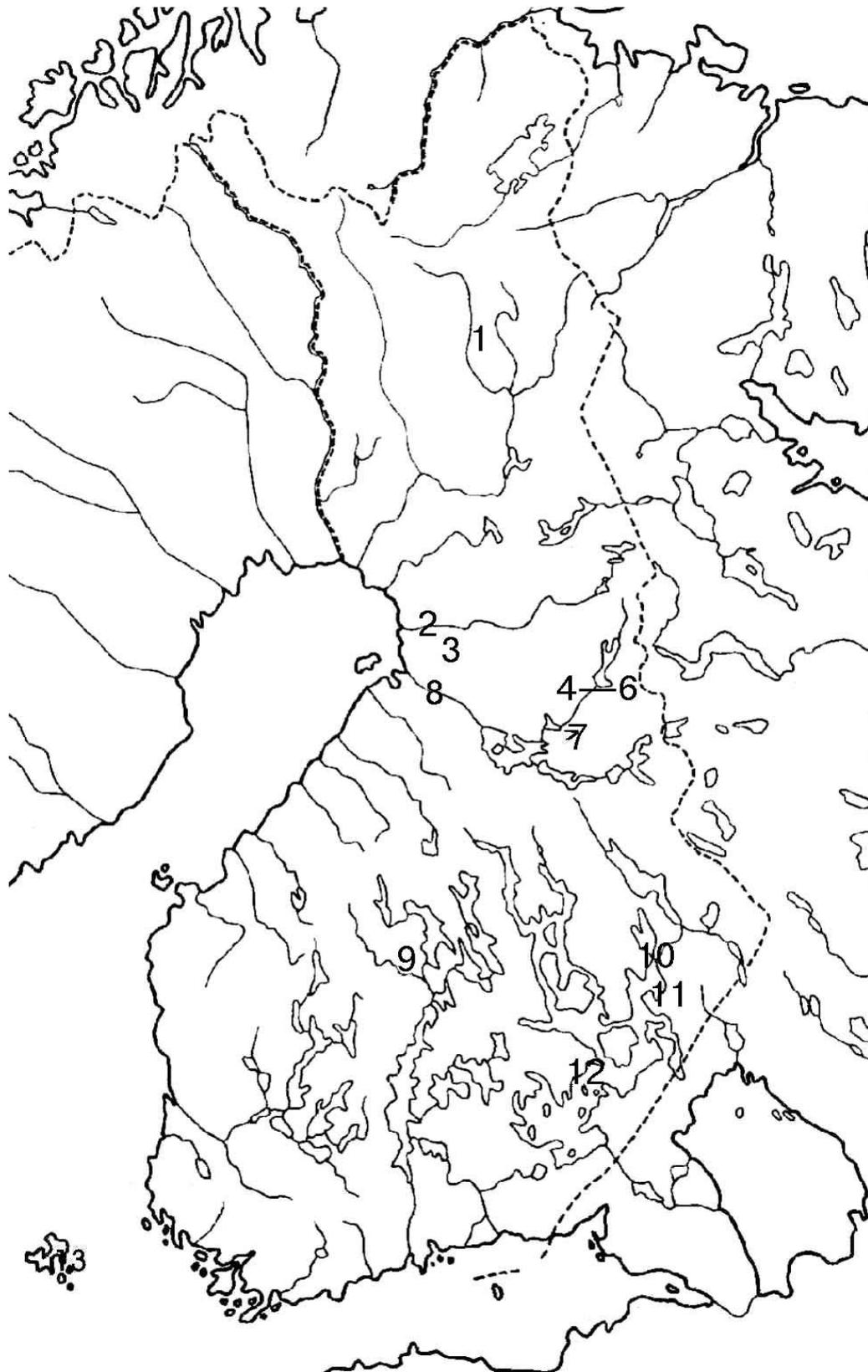

Fig. 3. Sites with copper implements, fragments or pieces:

- 1 — Sodankylä Poikamella; 2 — Yli-Ii Kierikki Purkajasuo Korvala; 3 — Yli-Ii Kierikkisuo Eteläharju;
- 4 — Suomussalmi Kukkosaari; 5 — Suomussalmi Kalmosärkkä; 6 — Suomussalmi Joenniemi;
- 7 — Hyrynsalmi Ahonranta; 8 — Muhos Halosentörmä; 9 — Saarijärvi Rusavierto; 10 — Polvijärvi Sola;
- 11 — Rääkkylä Vihi; 12 — Kerimäki Ankonpykäläkangas; 13 — Jomala Jettböle.

Meinander (1954b, P. 195) suggested that the Bronze Age and the use of Textile ceramics began in Finland ca. 1200 BC. In one article he (1982, P. 28) suggested the beginning of Sarsa ceramics to be ca. 1500 BC by virtue of the dates of the Seima axes. Later he ended up with a chronology in which the Bronze Age should be dated to between 1400—500 BC (Meinander, 1984).

After the mid 1990's AMS-dating has become the most important absolute dating method in prehistorical archaeology. This is because of the accuracy of the results concerning the own age of the dating material itself. The difficulties with context datings do not effect the results. Datings have been made from ceramics, fragments of macrofossils, sediments etc.

So far approximately 150 AMS-datings are available from Finnish ceramic material. Although only a small number of them have been published they still, together with calibration, have recently updated the chronology of the Finnish Stone Age and Early Metal Period.

AMS-chronology of Textile ceramics

The starting point for the updating of the absolute chronology of the Bronze Age and the Early Metal Period is AMS-datings of Textile ceramics. Nine AMS-samples are available. When calibrated the sum probability of Textile ceramics falls to between 1800—600 calBC, the main emphasis of the datings being between 1600—1000 calBC (Fig. 4). Some interesting observations can be made from this information. The datings available seem to concentrate on a relatively early using period of the type. This can reflect the real situation but it can also be caused by missing information at the younger end of the period. It has to be remembered that there exists evidence obtained through context datings of dwelling sites involving mainly Textile ceramics which shows that the type may have been in use even as late as the 1st century BC (Lavento, 2001. Forthcoming). Also some observations obtained through the shore displacement method support this hypothesis. One should still not forget the difficulties with context dates caused by the long using periods of sites; therefore the only reliable method for constructing an absolute chronology for ceramics is AMS-dating.

So far the chronology for Textile ceramics can be interpreted in such a way that the use of Textile ceramics in Finland began at the earliest during the 18th century calBC and it may have continued at least into the middle of the 1st millennium calBC. It is possible, however, that Textile ceramics remained in use until the beginning of our era. The period of the disappearance of Textile ceramics is still problematic, because it is evident that textile-impression was in use in some ceramics during the 1st millennium AD. Examples of this can be found particularly in Estonia (Laul, 1997) where Asva ceramics dates to the middle of the 1st millennium BC and where also the Early Iron Age is characterised by textile-impressed ware. In Russia textile-impression characterises Dyakovo ceramics, the use of which continued into the 1st millennium AD (Rosenfeldt, 1974).

Some new information is also available from the context dates concerning the beginning of the Early Metal Period in Finland. One interesting observation from the Early Metal Period dwelling sites in the Saimaa area refers to the situation that the conventional ¹⁴C chronology is “too young” in relation to the AMS-dates of ceramics. These kinds of observations were made, for instance, at the dwelling sites of Varaslampi in Joensuu and Kitulansuo d in Ristiina. These sites belong to the most important Textile ceramic dwelling sites in Finland. One possible explanation for this phenomenon is to refer to the existence of a small number of Luukonsaari ceramics in both sites. Although Luukonsaari ceramics is marginal in relation to Textile ceramics in these sites, its existence still shows that the sites were also in use later.

The chronology of bronze implement types has not changed much in recent years. The spreading of the Seima axes is one trace of the influence of the Seima-phenomenon in its periphery, in Finland and northern Fennoscandia. The earliest impulses of this short transcultural phenomenon have been dated to the 18th—17th centuries BC although its spread into a large area took place during the 16th and 15th centuries BC (Chernykh, Kuzminykh, 1989, P. 259—261). This chronology was presented before the introduction of calibration, which usually results in the dating being earlier.

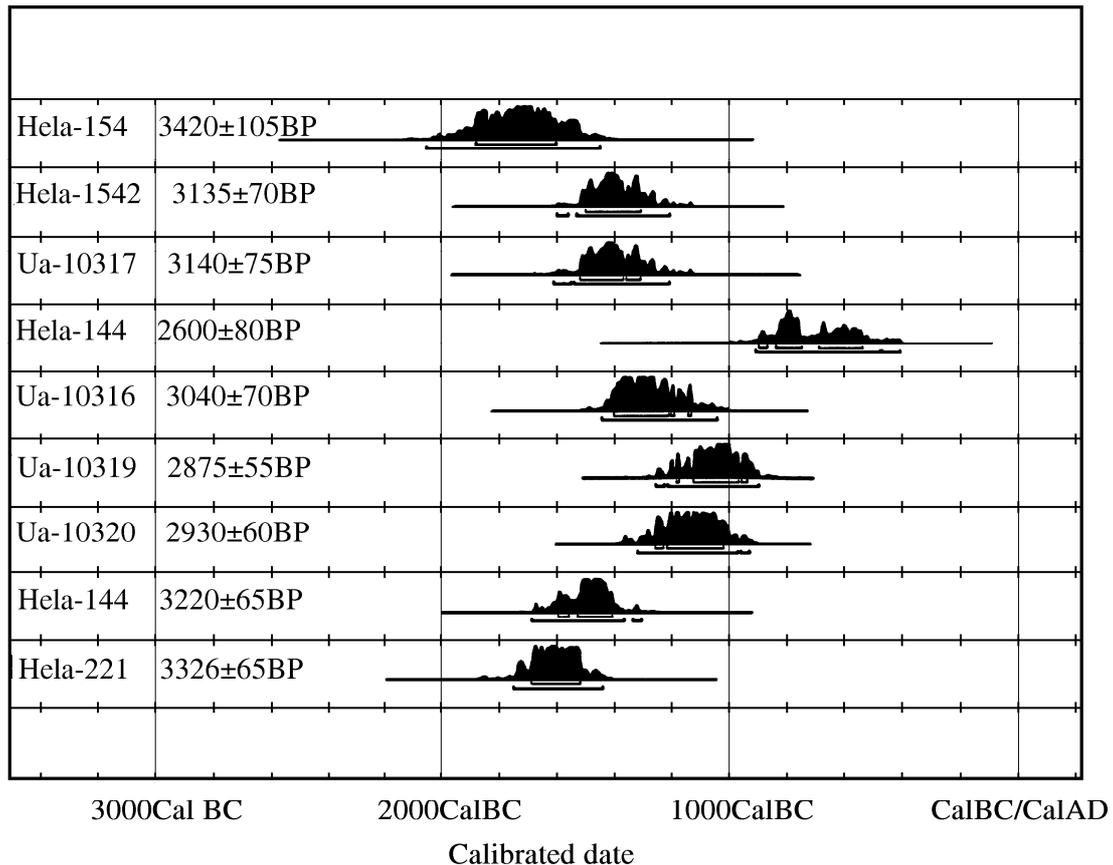

Fig. 4. Samples Hela-154, Hela-142 and Hela-144 have been dated by the project “Early in the North”, samples Ua-10316, Ua-10317, Ua-10319 and Ua-10320 by the project “Household and Settlement at Besov Nos on Lake Onega during the Mesolithic and Early Metal Age”, and the sample Hela-104 by the “Ancient Lake Saimaa Project”. The sample Hela-221 has been dated by the National Board of Antiquities (Nina Strandberg, pers. comm. 15.02.2000). I will thank all these projects and MA Nina Strandberg for the AMS-dates of Textile ceramics. Calibration has been made by the program OxCal 3.5, 2000.

Observation on chronology of agriculture and dwelling site types

In Finland it is also possible to suggest that the Bronze Age differs from the Stone Age due to the fact that agriculture was introduced during the 2nd millennium calBC. No exact dating can be given for this, because experiments with cultivation took place in different ways in different parts of the country. It is also essential that agriculture was adopted over a long period, in several phases. Despite the fact that experiments with cultivation were made very early in, for instance, eastern Finland, agriculture did not prove to be a successful means of living there until the Late Iron Age. Therefore, the adoption of agriculture cannot be considered to be a good indicator of the Early Metal Period in Finland. It represented a new means of livelihood but its economical meaning for the people was probably quite small.

In the coastal zone of the Baltic Sea agriculture occupied a more important position in the economy. The new burial tradition — cairns — is traditionally connected with the beginning of the Bronze Age. Although this view still roughly fits with the traditional model, some new studies have indicated that many cairns had already been built earlier than during the beginning of the Bronze Age. Therefore a strict border cannot be drawn between the Late Neolithic Period and the Bronze Age on the basis of this. Further, the manner of burying the dead in cairns did not reach inland and eastern Finland until the end of the Early Metal Period, during the using period of Luukonsaari ceramics. Textile ceramics has very seldom been found in cairns. This observation supports the hypothesis that it represents a cultural tradition the roots of which have nothing to do with the Scandinavian Bronze

Age, but that its influences came from the east either through the contemporary Karelian Republic, the St Petersburg area or Estonia.

One more important factor must be mentioned when discussing the characteristic features that separate the Neolithic from the Early Metal Period. In eastern Finland the characteristics of dwelling sites change radically. The dwelling sites involving Typical Combed Ware and Asbestos ceramics are sometimes relatively large base camps including several dwelling depressions. Only very few dwelling depressions from the Early Metal Period are known and it must be added that their dating is based only on shore displacement information. So far dwelling depressions with Textile ceramics have not been excavated in Finland.

The sites with Textile ceramics are essentially smaller than the sites during the Neolithic Period. They also give the impression of temporary settlement and a smaller number of individuals than during the earlier periods. Also their relative number is smaller than those dating to the Neolithic Period (Lavento, 1997). A natural interpretation of this data is that during the Final Neolithic and the beginning of the Early Metal Period the population decreased essentially. In the coastal area dwelling sites show a more sedentary type of settlement (Salo, 1981). The general problem has been that although the number of cairns in the coastal zone is large, the dwelling sites have proved to be difficult to find.

Connection of Finnish and Russian chronology for the beginning of the Early Metal Period

Valerij Patrushev has suggested that the use of Textile ceramics (or spun-speckled ceramics) began in the Middle and Upper Volga area at the end of the 2nd millennium BC and continued to the middle of the 1st millennium BC. The ceramics was used most intensively during the 8th—6th centuries BC (Patrushev, 1992. P. 52—55).

In the Karelian Republic the appearance of Textile ceramics is dated earlier. Both A. Zulnikov (1999:79) and Mark Kosmenko (1992:148) dated it to the middle of the 2nd millennium BC. Here one should also note that this chronology is based on an uncalibrated context dating of phenomena. Therefore, it is probable that they can be in accordance with the Finnish chronology for Textile ceramics after AMS-dates have been obtained from this material.

Interesting new information has recently been obtained concerning Early Textile ceramics in Russia. According to K. Voronin (1996; 1998) the earliest dating of Textile ceramics might be synchronous with the Fatyanovo-Balanovo and the Tsirkovo cultures during the first and the second quarters of the 2nd millennium BC (Voronin, 1998. P. 320). Voronin considers the 17th and the 16th centuries BC to be the possible *terminus post quem* for Textile ceramics in Russia. In the Mstinsk area Early Textile ceramics is connected with Pit-Combed Ware. In the Jaroslavl, Ivanovo and Kostroma regions it occurs together with Late Neolithic ceramics (Voronin, 1998. P. 320).

In general it can be said that although new AMS-dates of Finnish Textile ceramics are slightly earlier than the chronology for Textile ceramics and the Seima axes, it is still possible to match them by calibrating in accordance with each other.

Discussion

When thinking about the transition from the Eneolithic Period to the Early Metal Period, Nina Gurina paid attention to the observation that although in the Early Metal Period dwelling sites there still existed a large number of small flint implements such as scrapers, a distinct change in the tradition of making small stone implements occurred. In northwestern Russia it is also possible to find clean complexes without debris from the manufacturing process of implements. In addition, coarse implements such as stone axes and adzes are absent (Gurina, 1961. P. 84).

Some of these observations can also be made in the Finnish Early Metal Period dwelling sites. In many Textile ceramic sites the amount of flint is very small. This may indicate that the raw material was difficult to obtain both from western or eastern sources but it may indicate the importance of metal instead of stone implements as well. In northern Finland the dwelling sites with Textile ceramics still involve a considerable number of flint artifacts and flakes. This may be the result of the continuation of cultural relations with the populations around the eastern flint sources in the region of the Karelian Republic.

The definition of the Early Metal Period has traditionally been seen either through the spread of bronze implements or through ceramics. Both of these are good indicators of a new culture in Finland and their general dating is also in accordance with each other. On the basis of this we can say that the *terminus post quem* for the beginning of the Early Metal Period in Finland is approximately 1800 calBC according to the most recent AMS-datings. However, more evidence is needed for this dating. The dating of the Bronze Age to 1600 calBC is on a more solid basis, because datings from this period have been obtained from several areas in Finland. In addition to this, the chronology of the Seima axes supports this date.

The most recent AMS-datings have been made from the ceramic samples from eastern Finland. Therefore, the absolute chronology for the end of the Kiukainen culture and the beginning of the Bronze Age is not as well fixed. Still, some evidence is available. Unto Salo (1996:340) presented the calibrated chronology which places the beginning of the Bronze Age to 1500 calBC. In his most recent chronological table Christian Carpelan (1999:kuva 8) dates the appearance of Textile ceramics and Lovozero ceramics to ca. 1600 calBC. This means that the beginning of the Bronze Age dates clearly later than that of the eastern Early Metal Period.

One essential question relating to the beginning of the Early Metal Period and the Bronze Age is the continuity or discontinuity in tradition. The answer to this problem is all but clear. Still, some comments can be made concerning the problematics. The use of Asbestos ceramics seems to end, at the latest, synchronously with the emergence of Textile ceramics. On the basis of the data available today, one could even postulate a short hiatus between the end of Asbestos ceramics and the beginning of Textile ceramics. This makes it possible to present a hypothesis that Textile ceramics represents the products of a new population or new individuals arriving in the very sparsely populated areas in eastern and northern Finland.

The situation was slightly different in the coastal area of the Baltic Sea. The Bronze Age began with the arrival of small groups of people who came into contact with the Kiukainen population. Although small in number, these newcomers influenced the culture of the coastal area very much and caused the basis of the economy to turn from hunting and fishing to a greater emphasis on agriculture. Experiments with cultivation were made also in eastern Finland but they did not lead to changes in the economy in general. When bearing in mind that some other important features in living, such as differences in burial tradition, discerned much between the coastal area and mainland Finland, there are reasons to accept the division of the period into eastern and western cultures. This division does not exclude that the populations may have been in contact with each other. As an indicator of this the existence of an eastern type of bronze axe in southwestern Finland can be mentioned. Still, both the eastern and the western populations clearly had cultural relations further east and west, which makes it possible to make the distinction into the Scandinavian Bronze Age and the Eastern Early Metal Period in Finland.

LIST OF REFERENCES

- Воронин К. В.* К вопросу о происхождении культуры с сетчатой керамикой бронзового века // ТАС. Вып. 1. 1996.
- Воронин К. В.* Стоянка Стан 1 и ее место в круге памятников энеолита — бронзового века валдайской возвышенности и верхнего Поволжья // ТАС. Вып. 3. 1998.
- Гурина Н. Н.* Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР / МИА. № 87. 1961.
- Жульников А. М.* Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999.
- Косменко М. Г.* Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Петрозаводск, 1991.
- Косменко М. Г.* Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.
- Косменко М. Г.* Культура сетчатой керамики // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.
- Лак Г. Ц., Лукашов А. Д., Екман И. М.* История развития рельефа. Ладожское озеро. Петрозаводск, 1978.
- Мейландер К. Ф.* Финны — часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982.
- Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* Древняя металлургия северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

- Янитс Л. О.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.
- Ailio J.* Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland I—II. Helsingfors, 1909.
- Arponen A.* Imiterad textileramik från Enare // Finskt Museum 1991. 1992.
- Äyräpää A.* Kulturförhållandena i Finland före finnarnas invandring // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja LII. No. 1. 1953.
- Carpelan C.* Sär 2. Alustava katsaus erääseen rautakautiseen keramiikkaryhmään ja siihen liittyvään problemaatiikkaan. Lisensiaatintyö Suomen ja Pohjoismaiden arkeologiassa toukokuussa 1965 / Manuscript at the Institute for Cultural Research, Department of Archaeology, University of Helsinki. 1965.
- Carpelan C.* Ns. imitoitua tekstiilikeraamiikkaa Suomesta // Suomen Museo 1970. 1970.
- Carpelan C.* Om asbestkeramikens historia i Fennoskandien // Finskt Museum 1978. 1979.
- Carpelan C.* Käännekohtia Suomen esihistoriassa aikavälillä 5100—100 eKr. Pohjan poluilla. Suomalaisten juuret nykytutkimuksen mukaan (toim. Paul Fogelberg) // Bidrag till kannedom av Finlands natur och folk. No. 153, 1999.
- Carpelan C.* Essay on Archaeology and Languages in the Western end of the Uralic Zone // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum. PARS I. Orationes plenariae & Orationes publicae (eds. Anu Nurk, Triinu Palo, Tõnu Seilenthal). Tartu, 2000.
- Forsberg L.* Forskningslinjer inom tidig samisk förhistoria // Arkeologi i norr. No. 6/7. 1996.
- Gurina N. N.* Die archäologischen Forschungen in Ost-Karelien und im Leningrader Bezirk in den Jahren 1948—1957 // Finskt Museum 1958. 1959.
- Hackman A.* Förvärv till historiska Museet år 1909 // Finskt Museum 1910. 1910.
- Huurte M.* Suomussalmen varhaista metallikautta // Suomen Museo 1981. 1982.
- Jussila T.* Saimaan kalliomaalausten ajoitus rannansiirtymiskronologian perusteella // Saimaan ja Päijänteen kalliomaalausten sijainti ja syntyäika. Kalliomaalausraporteja 1/1999. 1999.
- Jørgensen R., Olsen B.* Asbestkeramik i Nord Norge // Finskt Museum 1987. 1987.
- Kriiska A.* Corded Ware Culture in North-Eastern Estonia // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits (Ed. V. Lang and A. Kriiska). Muinaisaja teadus. No. 8. 2000.
- Laul S.* Lõunaestlaste ja Volga Rahvaste Ühiskultuurist // Keel ja Kirjandus No 9/1997. 1997.
- Lavento M., Hornytzkj S.* Asbestos types and their distribution in the Neolithic, Early Metal Period and Iron Age Pottery in Finland and Eastern Karelia // Pithouses and Potmakers in Eastern Finland. Helsinki Papers in Archaeology. No. 9. 1996.
- Lavento M.* Geoarchaeological Observations on the Early Metal Period dwelling sites in the Ancient Lake Saimaa area // Slavjane i Finno-ugri. Arheologija, istorija, kultura. Sankt-Peterburg, 1997.
- Lavento M.* 2000. Some Viewpoints on Early Textile Ceramics in the Baltic Countries, Russia and Finland // V. Lang, A. Kriiska (eds.). De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits Muinaisaja teadus. No. 8. 2000.
- Lavento M.* Textile ceramics in Finland and Karelian Isthmus // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. 2001.
- Meinander C. F.* Die Kiukaiskultur // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. No. 53. 1954a.
- Meinander C. F.* Die Bronzezeit Finnlands // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. No. 54. 1954b.
- Meinander C. F.* Dåvits. En essä om förromersk järnålder // Finskt Museum 1969. 1969.
- Meinander C. F.* Volosovo and the Baltic // Iskos. No. 4. 1984.
- Patrushev V. S.* Textile-impressed pottery in Russia // Fennoscandia Archaeologica. T. IX. 1992.
- Pesonen P.* Vihi — kampakeraaminen asuinpaikka Rääkkylässä // Muinaistutkija 1998. No. 1. 1998.
- Pälsi S.* Tekstiilikeraamiikka // Suomen Museo 1916. 1916.
- Salo U.* Satakunnan pronssikausi. Satakunnan Maakuntaliitto r.y. // Satakunnan historia I, 2. 1981.
- Salo U.* Suomalais-Ugrilainen kielihistoria Suomen esihistorian näkökulmasta // K. Julku (ed.). Historia Fenno-Ugrica I: 2. Congressus Primus Historiae Fenno-Ugricae. Societas Historiae Fenno-Ugricae. Oulu, 1996.
- Siiräinen A.* Yli-Iin Kierikki. Asbestikeraaminen asuinpaikka Pohjois-Pohjanmaalla // Suomen Museo 1967. 1967.
- Saarnisto M., Grönlund E.* Shoreline displacement of Lake Ladoga — new data from Kilpolansaari // Hydrobiologia. No. 322. 1996.
- Taavitsainen J.-P.* A Copper Ring from Suovaara in Polvijärvi, Northern Karelia // Fennoscandia Archaeologica. T. I. 1982.
- Tallgren A. M.* Pronssikautinen kirves Maariasta // Suomen Museo 1933. 1933.

Список сокращений

АО	—	Археологические открытия. М.
АВ	—	Археологические вести. СПб.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭМГ	—	Археологические экспедиции Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ВГМГ	—	Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
ДПК	—	Друзья памятников культуры. Тбилиси.
ИГАИМК	—	Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.
КГПИ	—	Куйбышевский Государственный педагогический институт.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.; Л.
КСИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАГК	—	Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л.
МКДП	—	Международный конгресс до- и протоисториков.
МКАЭН	—	Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
ПАВ	—	Петербургский археологический вестник. СПб.
ПАИ	—	Полевые археологические исследования, Тбилиси
РА	—	Российская археология. М.
СА	—	Советская археология. М.
СПИПАИ	—	Сессия, посвящённая итогам полевых археологических исследований. Тбилиси.
ТАС	—	Тверской археологический сборник. Тверь.
ТД	—	Тезисы докладов.
ТЮТАКЭ	—	Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
РАСТ	—	Journal of the European Network of Scientific and Technical Cooperation for Cultural Heritage. Rixensart.
ТТАЕД	—	Türk Tarich Arkeologya ve Ethnografia Degrisi. Ankara.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «АкадемПринт».
г. Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 19.
Подписано в печать 30.12.2003 г.
Формат: 60X90 1/8. Бумага ксероксная.
Печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 40.
Тираж 300 экз.